

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 3 (23) 2019

Петербургский Исторический Журнал

исследования по российской
и всеобщей истории

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Редакционный совет:

д-р *Я. Валге* (университеты Тарту и Таллина)

д.и.н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *А. Х. Даудов* (директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета)

д.и.н. *О. П. Илюха* (директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)

д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа социальных наук, Париж)

д.и.н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

к.и.н. *В. Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

профессор *А. Рабинович* (Индианский университет)

д.и.н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)

д.и.н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)

д.и.н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор издательства «Нестор-История»)

к. филол. н. *Д. В. Кейер*

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

№ 3 (23) 2019

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д.и.н. А. И. Рупасов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Секретариат

Ответственный секретарь – *К. А. Тарасов*
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Дата подписания в печать: 00.00.2019

Перепечатка материалов
допускается только с письменного
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 1773

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77–64510
от 31.12.2015

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

Члены редколлегии:

Professor Alexander Martin
(University of Notre Dame)

Professor Simon Franklin (Department
of Slavonic Studies, Clare College)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. Б. Свердлов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН; Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена)

д.и.н., профессор *В. В. Носков* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Искюль* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *В. И. Шишкин* (Институт
истории Сибирского отделения РАН)

профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский
университет)

профессор *У. Г. Розенберг* (университет
Мичигана, Европейский университет
в Санкт-Петербурге)

д.и.н., профессор *Т. Г. Леонтьева*
(Тверской государственный университет)

профессор *Д. М. Шаховской*
(Universite de Rennes-1)

Содержание

История России

- *В. О. Яковлев*
К вопросу о степени изученности и методологии исследований корпуса русских географических чертежей XVI–XVII вв. 7
V.O. Yakovlev
On the issue of the measure of study & research methodology of the 16th–17th centuries
Russian geographical drawings corpus
- *Н. Р. Славнитский*
О развитии инженерного искусства в царствование Петра I:
ремонтные работы в крепостях после осадных операций
в ходе Северной войны 22
Nikolay Slavnitsky
On the development of engineering in the reign of Peter the Great: repair work
in the fortresses after the siege operations during the Northern War
- *Б. А. Алимджанов*
История Ташкентского отделения Волжско-Камского коммерческого банка 31
Bakhtiyor A. Alimdjano
History of the Tashkent branch of the Volga-Kama Commercial Bank
- *С. И. Подольский*
Павел Иванович Мустель: от сына егеря до Директора
Ленинградского Горного института 45
S. I. Podolskiy
Pavel Ivanovich Mustel: from the son of a huntsman to the Director
of the Leningrad Mining Institute

Всеобщая история

- *А. Е. Мусин*
Головажня и воз: к уточнению метрологии
в средневековой Восточной Европе 58
A. E. Musin
Golovazhnya and *voz*: on the metrology of medieval Eastern Europe
- *С. А. Исаев*
Американские корни Конституции США 71
Sergei A. Isaev
The American roots of the U.S. Constitution

- *Т. Г. Зазерская*
Ненадавшаяся война и международное признание Латвии
(декабрь 1920 — январь 1921 г.) (по французским и бельгийским
архивным документам)92
T. G. Zazerskaia
The war that never happened and the international recognition of Latvia
(December 1920 — January 1921)

Круглый стол «История блокады Ленинграда»

- *К. А. Болдовский*
Актуальные вопросы исследований управленческих кадров Ленинграда
периода обороны и блокады города 110
K. A. Boldovskiy
Relevant issues of research into the Leningrad senior executives during
the Siege and defense of the city
- *Е. Д. Твердюкова*
Советский делопроизводственный канон в автобиографиях
руководителей блокадного Ленинграда 117
Elena Tverdyukova
The Soviet office-practice canon in autobiographies of heads of besieged Leningrad
- *В. Л. Пянкевич*
«Симфония войны». Звуки и тишина блокадного Ленинграда
в восприятии горожан..... 130
V. L. Piankevich
“Symphony of War”. Sounds and silence of the besieged Leningrad
in the perception of the townspeople
- *Н. А. Ломагин*
Учет и контроль — основа социализма: размышления о внутренних
причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг. 155
N. A. Lomagin
Accounting and control as the basis of socialism: some thoughts about internal roots of hunger
in Leningrad in the autumn and winter of 1941–1942
- *А. И. Рупасов*
Ленинградский городской государственный арбитраж в годы блокады 183
Aleksandr I. Rupasov
Activity of the State Arbitration in Leningrad in the years of blockade
- *Alexis Peri*
Lessons of the Leningrad Blockade: Schoolchildren’s Diaries as Sites
of Learning, 1941–1943 192
Алексис Пери
Уроки Ленинградской блокады. Дневники школьников 1941–1943 гг.
как объект исследования
- *А. М. Рябков*
О количестве снарядов, выпущенных вражеской артиллерией
по Ленинграду в годы Великой Отечественной войны 211
A. M. Riabkov
About the number of shells, released by the enemy artillery
on Leningrad during the Great Patriotic War

- *А. Н. Чистиков*
Возобновление трамвайного движения в заблокированном Ленинграде:
партийно-советские решения и их реализация..... 224
A. N. Chistikov
Renewal of streetcar service in the blocked Leningrad:
The Party and the Soviet decisions and their realization

Древнерусский семинар

- *В. Г. Вовина, Е. С. Дилигул*
Древнерусский семинар осенью 2018 г..... 250
V. Vovina-Lebedeva, E.S. Diligul
Seminar on the history of Ancient Russia
- *Изольда Тирет*
Первые вкладчики Нило-Столобенской пустыни и развитие культа
преподобного Нила Столобенского..... 257
Isolde Thyrêt
The First Donors to the Nilo-Stolobenskaya Hermitage and the Development
of the Cult of Saint Nil Stolobenskiy

Сообщения

- *А. С. Бочкарев*
Дезертирство и сыск беглых солдат олонетских полков
«нового строя» в 1660-е гг. 277
A. Bochkarev
Desertion and search for fugitive soldiers of Olonets “new order regiments” in the 1660’s
- *М. М. Сафонов*
Кровь Пушкина и на семействе Вяземских? 289
M. M. Safonov
Is any blood of Pushkin on the Vyazemsky family?
- *Д. Ю. Алексеев*
А. П. Пален и его попытка создания антисоветского центра в Латвии
(лето 1920 г.) 316
Denis Alekseev
A. P. Pahlen and his attempt to create an anti-Soviet center in Latvia (summer 1920)
- *И. В. Олимпиева*
Особенности процесса обучения и воспитания
в Императорском Училище правоведения..... 338
I. V. Olympieva
The features of the process of training and education in the Imperial school of jurisprudence

Рецензии

- *В. А. Иванов*
Рецензия на книгу: Филиппов Э. М., Филиппов М. Э.
На страже государственной границы. История, подвиги:
В 2 т. СПб.: Пальмира, 2018 347
V. A. Ivanov
Review of the book: Filippov E. M., Filippov M. E. On guard of the state border.
History, exploits: In 2 vols. SPb.: Palmyra, 2018

Требования к публикации статей и материалов..... 358

В. О. Яковлев

К вопросу о степени изученности и методологии исследований корпуса русских географических чертежей XVI–XVII вв.

«Неуважение к народной старине и невежественное пренебрежение многими ее драгоценными памятниками, столь отличавшие XVIII век, были главнейшею причиною гибели и наших старинных чертежей»¹. Подобными словами в 1859 г. охарактеризовал положение дел в сфере изучения отечественного картографического наследия и причины низкой сохранности его главных произведений — географических чертежей — сотрудник Государственного архива при Министерстве иностранных дел В. И. Ламанский, который одним из первых начал их изучение и оценил их историческое значение. Действительно, на сегодняшний день нам известно, т.е. выявлено, описано и частью опубликовано, порядка 1300 русских географических чертежей, однако большая часть датируется второй половиной XVII в., и лишь один чертеж относится к XVI в.² Таким образом, за минувшие столетия были утрачены многие ценные картографические документы Московского государства, вероятно, исчислявшиеся тысячами, что заставляет современных исследователей довольствоваться лишь ограниченным корпусом документов.

Русский географический чертеж — уникальное историческое явление Московского государства и самобытное произведение его культуры. Отличаясь от произведений европейских картографов, например, отсутствием строгой математической основы, жесткой ориентации по сторонам света, единого масштаба, координатной сетки, отечественные чертежи тем не менее не были

«неполноценными» картографическими произведениями, поскольку их главным назначением была передача качественных (семантических) характеристик территорий (отображение населенных пунктов, растительности, сельскохозяйственных объектов, их принадлежности, указание новых и прежних топонимов и т.п.)³. Более того, по ряду параметров русские чертежи не имели аналогов в мировой картографической практике того времени, к примеру так называемые иконописные чертежи или возможность картографического отображения прогноза хозяйственной деятельности⁴. Поэтому под термином «русский географический чертеж» мы понимаем графическое изображение части земной поверхности, выполненное без строгой математической основы, однако с высокой качественной детализацией отображаемых объектов и территорий⁵. Рукописные географические чертежи являлись основным картографическим произведением Московского государства допечатной эпохи, т.е. до начала XVIII в. Другими видами картографических материалов являлись дорожники-итинерарии, налогово-фискальные и географические описания⁶.

Несмотря на то что чертежи имели сугубо утилитарное назначение, их тематика была различна и состояла из следующих групп: чертежи универсальные или учетного характера (например, чертежи отдельных частей государства или приграничных территорий), городские чертежи (чертежи городов, городских улиц, отдельных архитектурных сооружений), сельские чертежи, хозяйственные чертежи, чертежи фортификационных сооружений, чертежи путей сообщения, межевые чертежи, чертежи, составленные в качестве приложения к документам для судебных тяжб по земельным вопросам, гидрографические чертежи, архитектурные чертежи.

Известные современным исследователям чертежи хранятся в 19 архивах и библиотеках в России⁷, Украине⁸, Франции⁹, Швеции¹⁰ и США¹¹. Большая часть корпуса русских географических чертежей сосредоточена в фонде № 1209 (оп. 77) Российского государственного архива древних актов. Их познавательная ценность несомненна и высока, однако степень изученности нельзя назвать полной или даже достаточной. Еще в XIX в. археографами и историками был по достоинству оценен как информационный потенциал чертежей в качестве исторического источника, так и их художественная составляющая. Уже в то время, когда были выявлены и опубликованы лишь несколько десятков географических чертежей допетровского времени, стала очевидна необходимость их учета и сведения в единый сборник. Однако должно было пройти столетие, чтобы увидел свет сводный каталог русских географических чертежей, о котором мы будем говорить ниже.

Несмотря на то что изучение русских географических чертежей началось еще во второй половине XIX в., усилия исследователей были направлены главным образом на их выявление и описание. С точки зрения источниковедения корпус географических чертежей начал рассматриваться отечественными исследователями лишь с 1950-х гг., а исследования в данном направлении огра-

ничились преимущественно их классификацией и постановкой методологических вопросов.

В фокус внимания историков отечественное картографическое наследие попало еще в XVIII в., однако тогда интерес ограничился лишь публикацией текстового описания «Большого Чертежа», названного впоследствии «Книгой Большому Чертежу»¹². Вероятно, картографические материалы допетровской России для ученых эпохи Просвещения не представляли значительного интереса или же попросту были неизвестны, хотя еще В. Н. Татищев упоминает их в своих работах «яко вещь дивную»¹³. К примеру, в пространной статье Герхарда Миллера «Известие о российских ландкартах», опубликованной в ноябрьском и декабрьском выпусках сборника «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащая» за 1761 г., автор приводит подробнейшие описания множества различных карт своей эпохи, а при историческом экскурсе упоминает лишь европейские карты, изображающие территорию России, обойдя вниманием русские картографические произведения¹⁴. К изучению непосредственно самих географических чертежей исследователи приступили только в следующем столетии, однако, несмотря на это, их учет и опись начали производить еще в XVII в. Об этом свидетельствуют пять росписей содержания архивов Посольского, Разрядного и Тайного приказов. Согласно данным этих росписей, документохранилища трех упомянутых приказов содержали более 400 географических чертежей¹⁵. Описи также свидетельствуют и о развитии системы учета и описания чертежей, когда при составлении описи начали указывать сведения об авторстве чертежей, времени составления, их состоянии, размерах и т. п.

Описи царского архива 1575–1584 гг., организованные Императорской академией наук в 1820–1830-х гг. и вошедшие в «Акты Археографической Экспедиции», в свою очередь, свидетельствуют о наличии среди различных правительственных документов следующих чертежей: «чертеж Смоленской», «чертеж Себежской и Гуменской», «чертеж Лукам Великим, и Псковским пригородком, с Литовским городом с Полотцком», «чертежи и списки украинских городов»¹⁶.

Вероятно, интерес к русским географическим чертежам возник у отечественных историков в XIX в. в связи с началом исследования многочисленных описей, писцовых книг и иных документов допетровского времени, в которых они начали обнаруживать сведения и о картографических произведениях. Так, в 1826 г., едва ли не впервые в отечественной историографии, церковный историк и археограф митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов) публикует три чертежа 1638 г., связанные с Киево-Печерской лаврой (чертежи пещер и монастырских построек)¹⁷. В 1841 г. выходит в свет работа П. И. Иванова «Опыт исторического исследования о межевании земель в России»¹⁸, в которой автор связывает зарождение чертежных работ в Московском государстве с изданием в 1556 г. «Писцового наказа», содержащего, среди прочего, правила

исчисления плоскостей¹⁹. Кроме этого, в приложении к изданию Иванов публикует копию одного рукописного чертежа XVII в. — «Чертеж, снятый с спорных дач по делу стольника Милославского с крестьянами Печерского монастыря».

В 1860 г. в «Вестнике Императорского Русского географического общества» за 1859 г. выходит статья упоминавшегося В. И. Ламанского «Старинная русская картография», в которой автор пишет об упоминании географических чертежей XVII в. в описях дел Тайного приказа начала XVIII в., которые были перемещены в архив МИДа из Сенатского архива в 1835 г.²⁰ Ламанский приводит названия более чем 50 из них и задается вопросом о самых ранних русских чертежах. В 1861 г., в качестве приложения ко II тому «Записок Славяно-Русского отделения Археологического общества», В. И. Ламанский публикует «Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия», в котором продолжает знакомить читателя с картографическим наследием допетровской эпохи и публикует изображения 37 чертежей²¹.

В 1889 г. в «Описании документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции» публикуется статья А. А. Годзаво-Голомбиевского об описи чертежей XVII в. из Разрядного приказа²². В данной работе автор, помимо размышлений о древнейших чертежах, а также о способах составления чертежей и приведения краткой их классификации, приводит данные о 231 чертеже, созданном до 1668 г.

Помимо указанных публикаций во второй половине XIX в. различными исследователями публиковались отдельные чертежи XVII в. Например, в «Сборнике Археологического института» за 1880 г. были опубликованы два чертежа города Архангельска²³, а в 1898 г. церковный историк и археограф С. А. Белокуров публикует в первом выпуске «Древнерусской картографии» 43 чертежа Москвы XVII в.²⁴ При этом исследователь отмечает: «Когда и по какому случаю составлены все эти планы <...> указаний пока никаких не известно. <...> Среди документов <...>, сохранившихся до нашего времени, неизвестно пока ни одного дела, которое служило бы текстом к сим планам, содержало бы описание дворов, нанесенных на эти чертежи»²⁵. Заметим также, что «Древнерусская картография» (издание Комиссии печатания Государственных грамот и Договоров, состоящей при Московском главном архиве Министерства иностранных дел), стало первым и, к сожалению, последним в Российской империи изданием, посвященным отечественному картографическому наследию (ограничилось лишь первым выпуском).

Помимо выявления и публикаций ранее неизвестных чертежей, исследователями XIX в. были подняты и теоретические вопросы, связанные со старыми картографическими документами. В 1870 г. выходит в свет книга П. А. Муханова «Что желательно для русской истории», где автор, в частности, замечает: «Желательно бы иметь хорошо составленный подробный Историко-географический атлас России, в котором кроме карт, можно бы поместить старые планы и виды городов»²⁶. По мнению Муханова, собрание чертежей и иных картогра-

фических произведений может послужить «материалом для составления впоследствии полного систематического исторического атласа»²⁷.

К XIX в. относится также и примечательное открытие о наличии связи между чертежным делом и иконописным искусством. Так, в 1860 г. искусствовед В. В. Стасов обнаружил в часовне Владычного Креста под Псковом большую икону Сретения Пресвятой Богородицы, содержащую детальный план Пскова с надписями. Прорись картографического изображения была снята с иконы академиком И. И. Горностаевым и переведена на тонкую китайскую бумагу, после чего уже была перенесена литографическими чернилами на камень. Исследователей поразили высокий уровень выполнения иконописцем изображения архитектуры Пскова и его топографии, особенно на контрасте с низким качеством изображения фигур святых и людей, сделанных, как был убежден Стасов, рукой уже другого мастера, менее искусного. Данный план-схема Пскова был опубликован вместе с пояснительной статьей В. В. Стасова в 1861 г. в «Сборнике чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия»²⁸. Автор, среди прочего, был убежден в возможности и необходимости использовать подобный памятник иконописного и картографического искусства для реконструкции внешнего облика уже тогда утраченной псковской архитектуры XVI–XVII столетий.

Позже версия о связи иконописного искусства и чертежного дела подтвердилась следующими фактами. На оборотах некоторых икон конца XVII в., где указывались данные автора, среди имен «иконописцев», «мастеров» и «изографов» были обнаружены и «чертежики»²⁹. Кроме этого, были найдены упоминания о получении одним и тем же человеком платы за составление чертежей и за живописную работу³⁰.

Таким образом, к 1917 г. отечественными археографами и историками было выявлено и частью опубликовано несколько сотен чертежей XVII в., сделано открытие о преемственности иконописного искусства с чертежным делом, а также предложено использовать старые чертежи в качестве источника для составления новых исторических карт и реконструкции архитектурных объектов. Однако исследователи того времени не могли с уверенностью ответить на вопрос о генезисе картографического искусства на Руси, о месте чертежей в системе документооборота, о технике их составления и пр. Также ими были оставлены без внимания проблемы классификации чертежей, вопросы методологии их исследования, возможность привлечения специальных исторических дисциплин. Указанные темы были развиты уже советскими учеными.

Советские специалисты обратились к картографическому наследию допетровской России в 1940-х гг. В послевоенное десятилетие вышло сразу несколько работ, посвященных истории развития отечественной географической и картографической мысли, а также были опубликованы десятки чертежей³¹. До этого времени главным исследователем русской картографии оставался Л. С. Багров, который уже в эмиграции издал «Историю картографии»

и «Историю русской картографии», а также публиковал отдельные чертежи. К заслугам Багрова относится также и основание в Берлине в 1935 г. англоязычного ежегодного сборника по истории картографии *Imago Mundi*, который наряду с *Acta Cartographica* до сих пор остается наиболее авторитетным изданием в данной области.

Во второй половине 1950-х гг. выходят в свет сразу несколько работ сотрудников Московского государственного историко-архивного института О. М. Медушевской³² и Л. А. Гольденберга³³, посвященных рассмотрению отечественного картографического наследия в качестве особого вида исторического источника. В этих исследованиях были сформулированы основные задачи источниковедческого анализа картографических источников, а также приведена характеристика и классификация корпуса чертежей XVII–XVIII вв. При этом Медушевская признаёт, что «вопрос о значении картографических материалов XVII века как исторических источников изучен недостаточно»³⁴. В 1965 г. выходит совместная статья Гольденберга и Медушевской, в которой авторы затронули практические вопросы публикации картографических источников³⁵. Представляется, что благодаря трудам этих исследователей процесс изучения отечественного картографического наследия выходит за рамки только археографической сферы и переходит, в том числе, в область источниковедения, тем более что Гольденберг вводит в научный оборот новый термин — «картографическое источниковедение»³⁶. Однако в СССР так и не был создан фундаментальный труд по истории русских географических чертежей. В период 1940–1980-х гг. исследователи касались обсуждаемых картографических документов либо довольно поверхностно в русле истории становления и развития отечественной картографии, либо продолжали публиковать отдельные чертежи. Так, 1964 г. в «Трудах Московского государственного историко-архивного института» С. М. Каштанов впервые публикует старейший известный ныне географический чертеж — «Чертеж земель по реке Солонице»³⁷, датированный 1536–1537 гг., при развернутом источниковедческом анализе. Настоящий чертеж представляет собой документ, фиксирующий факт приобретения участка земли в Костромском уезде Троице-Сергиевым монастырем, и изображает пашню, дорогу, луг и отрезок реки. Однако Каштанов установил, что страница, на которой был создан чертеж, является оборотом страницы не подлинника купчей, а всего лишь «памятью» без атрибутики официального документа (оригинал купчей хранится в РГАДА). Кроме этого, исследователь был убежден в более позднем времени создания «памяти» по отношению к купчей, поскольку первая была оформлена уже после обмера земли и внесения в документ необходимых данных, т.е. примерно через год после оформления сделки³⁸.

Другим примером публикации отдельных чертежей могут служить статьи искусствоведа М. И. Мильчика, в которых картографические документы XVII в. рассматриваются в качестве источника по истории древнерусского зодчества³⁹, поскольку несут подробные изображения архитектурных объек-

тов со множеством деталей. Данное обстоятельство вызывало немало вопросов у исследователя, в частности: «Зачем было нужно с такой тщательностью рисовать сами постройки на посадке и в деревнях? <...> Так или иначе, но мы должны быть благодарны их составителям, которые запечатлели монастыри, планировку селений, и многие конструктивные особенности построек, их составляющих»⁴⁰.

К заслугам советских исследователей следует также отнести идею создания сводного корпуса древнерусской картографии, озаглавленного *Monumenta Cartographica Rossica*⁴¹ (по аналогии с *Portugalix Monumenta Cartographica*), оставшегося, впрочем, не воплощенным.

Напомним, что еще в 1957 г. О. М. Медушевская отмечала недостаточный уровень изученности картографических материалов XVII в. в качестве исторического источника, но уже в 1985 г. другой отечественный исследователь русской картографии, А. В. Постников, вынужден констатировать, что «изучение старых карт как исторических источников является относительно молодой наукой»⁴². Невзирая на это, исследованию отдельных русских географических чертежей на протяжении XIX–XX вв. посвятили свои публикации десятки исследователей, но лишь один ученый занимался их комплексным изучением. Крупнейшим исследователем, описавшим большую часть известных ныне чертежей, является доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова В. С. Кусов (1935–2009). Его крупнейший труд — «Московское государство XVI — начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей» (2007), над которым он работал более 20 лет и куда вошло описание 993 чертежей. В данное издание включен накопленный исследователем за предыдущие годы материал, а также свод большей части известных на момент составления труда русских географических чертежей в виде каталога. Описание чертежей в каталоге Кусова представляет собой краткие статьи с названием чертежа, указанием места хранения, размера и времени составления, а также условных обозначений, названий и топонимов. Во введении автор приводит исторический очерк развития русских географических чертежей. На сегодняшний день настоящее издание является основным и наиболее полным по истории предмета нашей статьи. К заслугам Кусова помимо составления сводного каталога относится также и открытие факта глобального картографического покрытия Московского государства в XVI–XVII вв. — географические чертежи были составлены на большую часть нашего государства, а также на многие страны Европы и Азии⁴³. Кроме этого, исследователь продолжил изучение вопроса об иконописных чертежах. Им было обнаружено как минимум 30 икон с картографическими изображениями древнерусских городов и монастырей. На подобных иконах сохранились картографические изображения со множеством деталей таких объектов, как: Троице-Сергиев монастырь, Соловецкий монастырь, Ферапонтов монастырь, Нилова Пустынь, Новгород, Псков, Торжок, Тихвин, Каргополь, Печоры. Поэтому исследователь склонен

относить к картографическим памятникам и данные иконописные произведения, датированные еще более ранним временем, чем «Чертеж земель по реке Солонице». Так, хранящаяся в соборе Василия Блаженного икона «Видение пономаря Тарасия», датированная первым десятилетием XVI в., несет подробнейшее изображение Великого Новгорода и Хутынского монастыря с подписями наиболее значимых объектов.

Следует упомянуть и об интересе зарубежных исследователей к русским географическим чертежам. В 2006 г. выходит в свет работа профессора Мичиганского университета Валери Кивельсон “Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth Century Russia”, опубликованная на русском языке в 2012 г.⁴⁴ В своем исследовании, осуществленном на стыке социальной и культурной истории, Кивельсон затрагивает вопросы роли пространства и пространственного воображения в допетровской России, а также проблему происхождения картографических работ в нашем государстве. Несмотря на то что в качестве научного консультанта данной работы выступал такой авторитетный ученый, как А. В. Постников, многие утверждения Кивельсон, по нашему мнению, носят неоднозначный и спорный характер, более того, некоторые из них лишены ссылок на источники. Исследователь пыталась понять «экспрессивную функцию»⁴⁵ московских карт, а также рассмотреть их в качестве инструмента восприятия «московитами» своей роли в мире в терминах пространства.

Оригинальный метод работы с русскими географическими чертежами в качестве исторического источника предложил в 2003 г. А. В. Топычканов⁴⁶. На основе палеографического анализа нескольких десятков чертежей по отождествлению подчерков и приемов графического оформления исследователю удалось установить авторство 42 картографических документов и атрибутировать их подьячему Приказа тайных дел Петру Кудрявцеву.

Наиболее актуальным проектом, посвященным русским географическим чертежам, остается совместный проект РГАДА и Лаборатории исторической геоинформатики Института всеобщей истории РАН, реализованный в последние годы⁴⁷. В рамках проекта была создана электронная геоинформационная система (веб-ГИС), в которую вошли данные о значительном количестве чертежей Московского государства (около тысячи)⁴⁸. В сущности, данная система представляет собой современную электронную карту России с наложенными на нее локализованными чертежами XVI–XVII вв.⁴⁹ Кроме этого, все приведенные в базе чертежи детально оцифрованы, а надписи на них расшифрованы. Текстовый блок описаний чертежей заимствован из каталога В. С. Кусова. Данная электронная база выложена в открытый доступ на официальном сайте РГАДА. Реализация подобного проекта открыла перспективы изучения уникальных картографических документов допетровской России многим исследователям, поскольку до этого прерогатива в данной сфере принадлежала скорее столичным археографам или историкам отечественной картографии. Отметим также, что настоящий проект развивается, и электронная база чертежей попол-

няется. В ходе работы над обсуждаемым электронным ресурсом его авторами были обнаружены ранее неизвестные чертежи (всего около ста единиц), которые были включены в веб-ГИС в самое последнее время⁵⁰.

Таким образом, известные на сегодняшний день русские географические чертежи в той или иной степени описаны и опубликованы, однако комплексно не изучены ни с точки зрения источниковедения, ни с точки зрения вспомогательных исторических дисциплин. Между тем, подобное обстоятельство представляет значительный научный «задел» для исследователей нашего времени, тем более, как свидетельствуют сами историки и исследовательская практика, в будущем вполне вероятно открытие ранее неизвестных и неучтенных русских географических чертежей, хранящихся в фондах различных архивов, музеев и библиотек.

¹ Цитата по: *Ламанский В. И.* Старинная русская картография // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. 27, отд. V. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1860. С. 18.

² *Кузов В. С.* Московское государство XVI — начала XVIII века: сводный каталог русских географических чертежей. М.: Русский мир, 2007. С. 4–5.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же.

⁵ *Кузов В. С.* Картографическое искусство Русского государства. М.: Недра, 1989. С. 3.

⁶ Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. Духовная культура / Под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 214.

⁷ Архив Академии наук (Санкт-Петербург), Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург), Государственный архив Владимирской области (Владимир), Государственный научно-исследовательский музей архитектуры (Москва), Государственный Эрмитаж, Кировский государственный областной историко-архитектурный и литературный музей (Киров), Московский областной краеведческий музей (Истра), Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник (Нижний Новгород), Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург), Российская государственная библиотека (Москва), Российский государственный военно-исторический архив (Москва), Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский Институт истории РАН.

⁸ Центральный государственный исторический архив Украины (Киев).

⁹ Архив Гидрографической службы Франции (Париж).

¹⁰ Королевский архив Швеции (Стокгольм).

¹¹ Библиотека Гарвардского университета (США).

¹² См.: *Новиков Н. И.* Древняя Российская гидрография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, озер, кладезей и какие на них города и урочища и на каком оные разстоянии. СПб.: Тип. Академии наук, 1773.

¹³ *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. С. 348.

¹⁴ См.: *Миллер Г. Ф.* Известие о ландкартах, касающихся до Российскаго государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россиею граничат // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Ноябрь. С. 387–448; Декабрь. С. 483–527.

- ¹⁵ Кусов В. С. Картографическое искусство... С. 7.
- ¹⁶ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Императорской Академии Наук. Т. I. (1294–1598). СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. С. 336–345.
- ¹⁷ См.: Евгений (Болховитинов), митрополит. Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. Киев: Типография Киевопечерской Лавры, 1826.
- ¹⁸ См.: Иванов П. И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М.: Тип. С. Селивановского, 1846.
- ¹⁹ Там же. С. 19.
- ²⁰ Ламанский В. И. Старинная русская картография... С. 11.
- ²¹ См.: Ламанский В. И. Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова, XVII столетия: Приложение ко II тому Записок Славяно-Русского Отделения Археологического Общества. СПб.: Типография Иосафата Огризко, 1861.
- ²² См.: Гоздаво-Голомбиевский А. А. Опись чертежей, хранящихся в Разряде во второй половине XVII века. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6, отд. II. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Товарищества Кушнерев и К., 1889. С. 3–35.
- ²³ См.: Два чертежа, относящиеся до г. Архангельска в XVII-м веке // Сборник археологического института / Под ред. Н. В. Калачова. 1880. Кн. 4. С. 118.
- ²⁴ См.: Белокуров С. А. Планы г. Москвы XVII века. Издание комиссии печатания Государственных Грамот и Договоров, состоящей при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. Вып. 1. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898.
- ²⁵ Там же. С. 68–69.
- ²⁶ Муханов П. А. Что желательно для русской истории. СПб.: Типография Эд. Праца, 1870. С. 33.
- ²⁷ Там же. С. 34.
- ²⁸ См.: Ламанский В. И. Сборник чертежей Москвы.
- ²⁹ Кусов В. С. О русских картографических изображениях XVI в. // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях: Докл. семинара, 22 мая 1978 г. / Отв. ред. Л. А. Гольденберг. М.: МФГО, 1980. С. 113.
- ³⁰ См.: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Т. 1–4. М.: Моск. археол. инст., 1910–1916.
- ³¹ Андреев А. И. Чертежи и карты России XVII века, найденные в послевоенные годы // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. (Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР, вып. 2). М.–Л., 1960. С. 80.
- ³² См.: Медушевская О. М. Картографические источники XVII–XVIII вв.: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР / Отв. ред. В. К. Яцунский. М.: Кафедра вспомогательных ист. дисциплин МГИАИ, 1957.
- ³³ См.: Гольденберг Л. А. 1) Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация (По фондам центр. гос. ист. архивов СССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленинград: Гостехиздат, 1958; 2) О принципах классификации картографических материалов в государственных архивах // Исторический архив. 1958. № 1.
- ³⁴ Цит. по: Медушевская О. М. Картографические источники XVII–XVIII вв. С. 15.
- ³⁵ См.: Гольденберг Л. А. Медушевская О. М. О методике издания картографических источников // Исторический архив. 1961. № 4.
- ³⁶ Гольденберг Л. А. Использование старых карт в географических и исторических исследованиях: Докл. семинара, 22 мая 1978 г. М.: МФГО, 1980. С. 6.
- ³⁷ Каиштанов С. М. Чертеж земельного участка XVI в. // Тр. МГИАИ. 1963. Т. 17. С. 429–436.
- ³⁸ Там же. С. 432.

- ³⁹ См.: Мильчик М. И. Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков: Статьи 1973–2017. СПб.: Коло, 2017.
- ⁴⁰ Цит. по: Мильчик М. И. Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков. С. 127.
- ⁴¹ Гольденберг Л. А. Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. С. 13.
- ⁴² Цит. по: Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт / Отв. ред. И. А. Федосеев. М.: Наука, 1985. С. 13.
- ⁴³ Кусов В. С. Картографическое искусство... С. 7.
- ⁴⁴ См.: Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Пер. с англ. Н. Мишаковой; научн. ред. перевода М. Кром. М.: НЛО, 2012.
- ⁴⁵ Там же. С. 23.
- ⁴⁶ См.: Топычканов А. В. К вопросу о методике установления авторства русских чертежей XVII в. (на примере чертежей из собрания Приказа тайных дел РГАДА) // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, новое и новейшее время: Сборник статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2003. С. 245–259.
- ⁴⁷ См.: Фролов А. А., Голубинский А. А., Кутаков С. С. Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI–XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015.
- ⁴⁸ См.: Фролов А. А., Голубинский А. А., Кутаков С. С. Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 75–84.
- ⁴⁹ Российский государственный архив древних актов [Электронный ресурс]. URL: <http://rgada.info/geos2/> (дата обращения: 01.06.2019).
- ⁵⁰ См.: Голубинский А. А., Фролов А. А. Новые чертежи XVII в., выявленные в фондах РГАДА // Российская история. 2019. № 2. С. 71–77.

References

Akty, sobrannyye v biblioteke i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskuyu Ekspeditsiyeyu Imperatorskoy Akademii Nauk. T. I. (1294–1598). St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii, 1836.

ANDREYEV A. I. Chertezhi i karty Rossii XVII veka, naydennyye v poslevoynnyye gody // Voprosy ekonomiki i klassovykh otnosheniy v Russkom gosudarstve XII–XVII vekov. Moscow–Leningrad, 1960. (Trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii AN SSSR, vyp. 2).

BELOKUROV S. A. Plany g. Moskvy XVII veka. Komissiya pechatnykh izdaniy Gosudarstvennykh Gramotov i Dogovorov, sostoyashchikh pri Moskovskom Glavnom Arkhive Ministerstva Inostrannykh Del. Vyp. 1. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya, 1898.

Dva chertezha, odnosyashchiyesya do g. Arkhangel'ska v XVII-m veke // Sbornik arkheologicheskogo instituta / Pod red. N. V. Kalachova. Kn. 4, 1880. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Komp., 1880.

EVGENIY (BOLKHOVITINOV), mitropolit. Opisanie Kiyevno-Pecherskoy lavry s prisovokupleniyem raznykh grammat i vypisok, ob' yasnyayushchikh onoye, takzhe planov lavry i obeikh peshcher. Kiev: Tipografiya Kievopetcherskoy Lavry, 1826.

FROLOV A. A., GOLUBINSKIY A. A., KUTAKOV S. S. Veb-GIS «Chertezhi Russkogo gosudarstva XVI–XVII vv.» // Istoricheskaya informatika, 2017, № 1.

FROLOV A. A., GOLUBINSKIY A. A., KUTAKOV S. S. Opyt kartografirovaniya korpusa geograficheskikh chertezhey Russkogo gosudarstva XVI–XVII vv. // Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya. Vypusk 4: Chetvertyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milov. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 26 oktyabrya — 1 noyabrya 2015 g. Moscow, 2015.

GOLDENBERG L. A. Ispol'zovaniye starykh kart v geograficheskikh i istoricheskikh issledovaniyakh: Dokl. seminar, 22 maya 1978 g. Moscow: MFGO, 1980.

GOLDENBERG L. A., MEDUSHEVEKAYA O. M. O metodike izdaniya kartograficheskikh istochnikov // Istoricheskiy arkhiv. 1961. N 4.

GOLDENBERG L. A. Russkiye kartograficheskiye materialy kak istoricheskiy istochnik i ikh klassifikatsiya (po fondam tsentr. Gos. Ist. Arkhivov SSSR): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Akad. nauk SSSR. In-t istorii. Leningrad: Gostoptekhizdat, 1958.

GOLDENBERG L. A. O printsipakh klassifikatsii kartograficheskikh materialov v gosudarstvennykh arkhivakh // Istoricheskiy arkhiv. 1958. N 1.

GOLUBINSKIY A. A., FROLOV A. A. Novyye chertezhi XVII v., vyiavlennyye v fonde RGADA // Rossiyskaya istoriya. 2019. N 2.

GOZDAVO-GOLOMBIYEVSKIY A. A. Opis' chertezhey, khranyashchikhsya v Razryade vo vtoroy polovine XVII veka. Opisiye dokumentov i bumag, khranyashchikhsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii. Kn. 6, otd. II. M.: Tipo-litografiya Vysochayshe utverzhennago Tovarishchestva Kushnerev i K., 1889.

IVANOV P. I. Opyt istoricheskago izsledovaniya o mezhevanii zemel' v Rossii. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo, 1846.

KASHTANOV S. M. Chertezh zemel'nogo uchastka XVI v. // Tr. MGIAI. 1963. T. 17.

KIVEL'SON V. Kartografii tsarstva: Zemlya i yeye znacheniya v Rossii XVII veka / Per. s angl. N. Mishakovoy; nauchn. red. perevoda M. Krom. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2012.

KUSOV V. S. Kartograficheskoye iskustvo Russkogo gosudarstva. Moscow: Nedra, 1989.

KUSOV V. S. Moskovskoye gosudarstvo XVI—nachala XVIII veka // Svodnyy katalog russkikh geograficheskikh chertezhey. Moscow: Russkiy mir, 2007.

KUSOV V. S. O russkikh kartograficheskikh izobrazheniyakh XVI v. // Ispol'zovaniye starykh kart v geograficheskikh i istoricheskikh issledovaniyakh: dokl. seminar, 22 maya 1978 g. / Ot. red. L. A. Gol'denberg. Moscow: MFGO, 1980.

LAMANSKIY V. I. Sbornik chertezhey Moskvy, yeye okrestnostey i gorodov Pskova, XVII vek: Prilozheniye ko II tomu Zapisok Slavyano-Russkogo Otdeleniya Arkheologicheskogo Obshchestva. St. Petersburg: Tipografiya Iosafata Ogrizko, 1861.

LAMANSKIY V. I. Starinnaya russkaya kartografiya // Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1859. Ch. 27, otd. V. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Komp., 1860.

MEDUSHEVSKAYA O. M. Kartograficheskiye istochniki XVII—XVIII vv.: Ucheb. posobiye po istochnikovedeniyu istorii SSSR / Ot. red. V. K. Yatsunskiy. Moscow: Kafedra vspomogatel'nykh ist. distsiplin MGIAI, 1957.

MIL'CHIK M. I. Drevnerusskaya ikonografiya monastyrey, khramov i gorodov XVI—XVIII vekov: Stat'i 1973—2017 gg. St. Petersburg: Kolo, 2017.

MILLER G. F. Izvestiye o landkartakh, kasayushchikhsya do Rossiyskago gosudarstva s pogranichnyimi zemlyami, takzhe i o morskikh kartakh tekh morey, koi s Rossiyeu granichat // Sochineniya i perevody, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchiye. 1761. Noyabr'; dekabr'.

MUKHANOV P. A. Chto zhelatel'no dlya russkoy istorii. St. Petersburg: Tipografiya Ed. Pratsa, 1870.

NOVIKOV N. I. Drevnyaya Rossiyskaya idrografiya, sodержashchaya opisiye Moskovskogo gosudarstva, rek, protokov, ozer, kladezey i kakiye na nikh gorody i urochishcha i na kakom onyye razstoyanii. St. Petersburg: Tip. Akademii nauk, 1773.

Ocherki russkoy kul'tury XVI veka. Ch. 2. Dukhovnaya kul'tura / Pod red. A. V. Artsikhovskogo. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977.

POSTNIKOV A. V. Razvitiye kartografii i voprosy ispol'zovaniya starykh kart / Red. I. A. Fedoseyev. Moscow: Nauka, 1985.

TATISHCHEV V. N. Istoriya Rossiyskaya. Moscow—Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962. T. 1.

TOPYCHKANOV A. V. K voprosu o metodike ustanovleniya avtorstva russkikh chertezhey XVII v. (na primere chertezhey iz sobraniya Prikaza taynykh del RGADA) // Rossiya i problemy yevropeyskoy istorii: Srednevekov'ye, novoye i noveysheyey vremya: Sbornik statey v chest' chl.-korr. RAN S. M. Kashtanova. Rostov: Gos. muzey-zapovednik "Rostovskiy Kreml'", 2003.

USPENSKIY A. I. Tsarskiye ikonopistsy i zhivopistsy XVII v. T. 1—4. Moscow: Mosk. arkheologich. Inst., 1910—1916.

Список литературы

- Сайт РГАДА. URL: <http://rgada.info/geos2/> (дата обращения 01.06.2019).
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Императорской Академии Наук. Т. I. (1294–1598). СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836.
- Андреев А. И. Чертежи и карты России XVII века, найденные в послевоенные годы // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.–Л., 1960. (Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР, вып. 2).
- Белокуров С. А. Планы г. Москвы XVII века. Издание комиссии печатания Государственных Грамот и Договоров, состоящей при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. Вып. 1. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898.
- Гоздаво-Голомбиевский А. А. Опись чертежей, хранящихся в Разряде во второй половине XVII века. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6, отд. II. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Товарищества Кушнерев и К., 1889.
- Гольденберг Л. А. Использование старых карт в географических и исторических исследованиях: Докл. семинара, 22 мая 1978 г. М.: МФГО, 1980.
- Гольденберг Л. А., Медушевская О. М. О методике издания картографических источников // Исторический архив. 1961. № 4.
- Гольденберг Л. А. Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация (По фондам центр. гос. ист. архивов СССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Л.: Гостоптехиздат, 1958.
- Гольденберг Л. А. О принципах классификации картографических материалов в государственных архивах // Исторический архив. 1958. № 1.
- Два чертежа, относящиеся до г. Архангельска в XVII-м веке // Сборник археологического института / Под ред. Н. В. Калачова. 1880. Кн. 4.
- Евгений (Болховитинов), митрополит. Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. Киев: Типография Киевопечерской Лавры, 1826.
- Иванов П. И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М.: Тип. С. Селивановского, 1846.
- Каштанов С. М. Чертеж земельного участка XVI в. // Тр. МГИАИ. 1963. Т. 17.
- Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Пер. с англ. Н. Мишаковой; научн. ред. перевода М. Кром. М.: НЛО, 2012.
- Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства. М.: Недра, 1989.
- Кусов В. С. Московское государство XVI — начала XVIII века: сводный каталог русских географических чертежей. М.: Русский мир, 2007.
- Кусов В. С. О русских картографических изображениях XVI в. // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях: докл. семинара, 22 мая 1978 г. / Отв. ред. Л. А. Гольденберг. М.: МФГО, 1980.
- Ламанский В. И. Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова, XVII столетия: Приложение ко II тому Записок Славяно-Русского Отделения Археологического Общества. СПб: Типография Иосафата Огризко, 1861.
- Ламанский В. И. Старинная русская картография // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. 27, отд. V. СПб: Типография В. Безобразова и Комп., 1860.
- Медушевская О. М. Картографические источники XVII–XVIII вв.: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР / Отв. ред. В. К. Яцунский. М.: Кафедра вспомогательных ист. дисциплин МГИАИ, 1957.
- Миллер Г. Ф. Известие о ландкартах, касающихся до Российскаго государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россиею граничат // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Ноябрь; декабрь.
- Мильчик М. И. Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков: Статьи 1973–2017. СПб: Коло, 2017.
- Муханов П. А. Что желательно для русской истории. СПб: Типография Эд. Праца, 1870.
- Новиков Н. И. Древняя Российская гидрография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, озер, кладезей и какие на них города и урочища и на каком оные разстоянии. СПб: Тип. Академии наук, 1773.

Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. Духовная культура / Под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ, 1977.

Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт / Отв. ред. И. А. Федосеев. М.: Наука, 1985.

Татищев В. Н. История Российская. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1.

Топычанов А. В. К вопросу о методике установления авторства русских чертежей XVII в. (на примере чертежей из собрания Приказа тайных дел РГАДА) // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, новое и новейшее время: Сборник статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2003.

Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Т. 1–4. М.: Моск. археологич. инст., 1910–1916.

Фролов А. А., Голубинский А. А., Кутаков С. С. Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» // Историческая информатика. 2017. № 1.

Фролов А. А., Голубинский А. А., Кутаков С. С. Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI–XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015.

Голубинский А. А., Фролов А. А. Новые чертежи XVII в., выявленные в фондах РГАДА // Российская история. 2019. № 2.

В. О. Яковлев. К вопросу о степени изученности и методологии исследований корпуса русских географических чертежей XVI–XVII вв.

До нашего времени сохранились порядка 1300 географических чертежей Московского государства XVI–XVII вв., которые являлись основным отечественным картографическим произведением той эпохи. Не имея жесткой математической основы в виде масштаба, координатной сетки и строгой ориентации по сторонам света, рукописные чертежи тем не менее имели широкий спектр возможностей передачи качественных (семантических) характеристик отображаемых территорий и объектов. По некоторым показателям русские географические чертежи не имели аналогов в картографической практике того времени. Чертежи составлялись на целые регионы Московского государства, на приграничные территории, на отдельные города, сельскую местность, отдельные архитектурные объекты. Значительную часть сохранившихся русских географических чертежей составляют чертежи, составленные для судебных тяжб по земельным вопросам. Несмотря на то что изучение отечественных географических чертежей началось еще в XIX в., степень их изученности нельзя назвать полной или исчерпывающей. Так, например, с точки зрения источниковедения корпус сохранившихся до нашего времени чертежей рассматривался лишь единичными исследователями. В статье приводится краткий очерк истории изучения чертежей Московского государства на протяжении XIX–XXI вв., а также описываются некоторые методики, применявшиеся при их исследованиях.

Ключевые слова: Московское государство XVI–XVII вв., русские географические чертежи, картография, источниковедение, археография.

V. O. Iakovlev. On the issue of the measure of study & research methodology of the 16th–17th centuries Russian geographical drawings corpus

From the 16th–17th centuries survived approximately 1300 geographical drawings of the Muscovy State, which were the main domestic cartographic production of that era. Without a rigid mathematical basis in the form of scale, grid and strict orientation to the cardinal points, the handwritten drawings, nevertheless, had a wide range of possibilities to transfer the qualitative (semantic) characteristics of territories and objects. According to some indicators, Russian geographical drawings had no analogues in the cartographic practice of that age. Drawings were drawn up for entire regions of Muscovy State, for border areas, for individual towns, rural areas, and individual architectural objects. A significant part of the survived Russian geographical drawings are drawings made for litigation on land issues. Despite the fact that the study of domestic geographical drawings began in the 19th c., their measure of study is not complete or exhaustive. For example, in the light of source criticism the corpus of drawings that have survived to our time was considered only

by individual researchers. The article provides a brief sketch of the history of the Muscovy State geographical drawings study during the 19th–21th centuries, as well as describes some of the techniques used in their research.

Key words: 16th–17th centuries Muscovy State, Russian geographical drawings, cartography, source criticism, archeography.

Яковлев, Василий Олегович — аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии.

Iakovlev, Vasilii Olegovich — PhD student in the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, PhD student in the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: vertu1815@yandex.ru

Н. Р. Славнитский

О развитии инженерного искусства в царствование Петра I: ремонтные работы в крепостях после осадных операций в ходе Северной войны

В ходе осадных операций, проводившихся российскими войсками в 1700–1710 гг., укрепления, естественно, наносили повреждения. И после того, как шведские гарнизоны сдавались и взятые крепости включали в систему обороны северо-западных рубежей России, их было необходимо приводить в порядок. В предлагаемой статье мы рассмотрим то, как это происходило. В первую очередь важно, что именно делали, т.е. как Петр I и его окружение оценивали укрепления, которые им достались. Сразу же отметим, что в некоторых случаях не ограничивались починкой, а сразу возводили дополнительные укрепления. Не менее интересно, с нашей точки зрения, и то, как были организованы ремонтные работы, поскольку это позволяет понять, как российская администрация организовывала управление на «новозавоеванных» территориях.

Первой крепостью, взятой российскими войсками, стал Нотебург (Орешек), захваченный осенью 1702 г. в результате 10-дневного обстрела и упорного штурма. В ходе этого артиллерийского обстрела основной огневой удар был направлен на юго-западную часть острова, где были пробиты три бреши. Кроме того, пожары уничтожили почти все деревянные постройки, находившиеся на крепостном дворе, покрытия башен и настенного хода. Поэтому первоочередной задачей стало исправление этих повреждений.

Известь для стен Шлиссельбургской крепости осенью 1702 г. готовили на реке Сясь, а в следующем году — также на реке Шелони. Кроме того, 25 ноября 1702 г. генерал-губернатор Ингерманландии А. Д. Меншиков распорядился, чтобы крестьяне и бобыли Софийского архиерейского дома, Валдайского, Иверского, Тихвинского Успенского и Александро-Свирского монастырей выжгли в удобных местах пятьдесят печей. Таким образом при ремонте укреплений Шлиссельбурга были задействованы люди, жившие на некотором отдалении от театра боевых действий и являвшиеся российскими подданными. Местное население, по известным нам данным, к этому не привлекали.

Кроме того, здесь сразу после взятия крепости приступили к возведению дополнительных укреплений. Дело в том, что Орешек — Шлиссельбург являлся крепостью башенного типа, построенной в начале XVI столетия, и к XVIII в. эти укрепления уже сильно устарели. И с учетом новой тактики ведения крепостной войны Петр I принял решение не только привести в порядок старые стены и башни, но и возвести перед ними дополнительные укрепления — бастионы, которые тогда делали земляными¹. Поэтому немедленно приступили к постройке бастионов — по тому же самому принципу, что использовали в 1700–1701 гг. в Новгороде и Пскове.

В 1703 г. российские войска захватили три крепости — Ниеншанц, Копорье и Ям. Но здесь необходимо отметить важный момент — во всех случаях шведские гарнизоны сдавались до того, как начинался обстрел крепостных стен из пушек. По стенам Ниеншанца был сделан залп из 12 мортир и 20 пушек², после чего 6 мортир «работали» всю ночь³. Огонь из этих орудий, безусловно, причинил вред постройкам внутри крепости, но сами укрепления остались неповрежденными. Однако использовать их российское командование не стало. Как известно, 14 мая 1703 г. состоялся «воинский совет», на котором было принято решение строить новое укрепление, «понеже оной мал, далеко от моря и место не гораздо крепкое от натуры»⁴. В тот же день Петр I, осматривая острова дельты Невы, остановил свой выбор на Заячьем острове. С этого момента участь укреплений Ниеншанца — Шлотбурга была решена. Отметим только, что снесены укрепления Ниеншанца были не сразу. Среди материалов Приказа Артиллерии сохранился документ, из которого следует, что летом 1703 г. в Шлотбурге насчитывалось 68 пушек, хотя снарядов к ним было мало: на 33 тяжелых пушки приходилось лишь 357 ядер, на 66-фунтовых — 898 ядер, а к 19 пушкам их вообще не было⁵. Тем не менее эта ведомость ясно свидетельствует, что в 1703 г. крепость еще не была разрушена.

Гарнизон Ямбурга сдался после короткой бомбардировки из мортир, поэтому башни и стены не пострадали, но здесь укрепления было решено усилить. И 15 мая, накануне закладки деревоземляной Санкт-Петербургской крепости, началось возведение дополнительных земляных укреплений в Ямах. Причем в «Военно-походном журнале Б. П. Шереметева» указывается, что еще при

выступлении к Ямам Н. Г. фон Верден получил инструкцию строить земляную крепость по чертежу, который Петр I вручил Аргамарову в Шлиссельбурге⁶.

Инструкцией царя, составленной им в Ямах 5 июня 1703 г., предписывалось в первую очередь «отделывать» больверки, а уже после этого приступать к возведению куртин. Строить укрепления должны были солдаты пехотных полков, а драгунам поручалось возить припасы из леса, построить казармы «в каменном городе у той стены, что к Луге», и установить там же батарею, а также сделать три пороховых погреба⁷. Земляная крепость состояла из трех бастионных фронтов, обращенных в поле и начертанных на сторонах неправильного четырехугольника; под куртинами этих фронтов находились деревянные казармы. Горжа по берегу реки Луги была сомкнута по прямому направлению валом, который доходил до старой каменной крепостцы, обращенной в цитадель⁸. В данном случае, как видим, и вовсе были задействованы солдаты и драгуны, т. е. население вообще не привлекали к работам.

Но дело двигалось не так быстро, как хотелось бы царю. 29 мая Б. П. Шереметев отмечал в письме к Петру I: «...работа в Ямах, сказывают, зело трудна: всё камень и делается медленно»⁹. Но всё же к концу лета укрепления были возведены. Что же касается Копорья, то эту крепость вообще не рассматривали в качестве одного из узлов обороны, в ней находился лишь очень небольшой гарнизон с несколькими пушками, и никаких ремонтных работ там не производили.

В следующем году российскими войсками были взяты укрепления Дерпта и Нарвы. При обстреле укреплений Дерпта выпущено 9540 ядер, а в город выпущено 2310 бомб¹⁰, и в результате этого в стенах крепости были сделаны три пролома (бреши): один в Русских воротах, другой в башне Пейсторн, третий между ними в куртине. Поэтому практически сразу после того, как шведский гарнизон покинул Дерпт, приступили к заделке проломов. 14 сентября К. А. Нарышкин сообщил А. Д. Меншикову, что «болворок начали с наполой стороны окладывать дерном, а от реки на прибавочном месте подрубают»¹¹. Однако время уже было позднее, да и работники разбегались, поэтому многого сделать не успели¹².

Нарва была повреждена значительно сильнее. Стрельба из пушек на сей раз велась целенаправленно: одна батарея была установлена против бастиона «Гонор», а другая — на ивангородской стороне против бастиона «Виктория». Одновременно работали и мортиры, причем они не умолкали и по ночам¹³. С 30 июля по 5 августа в город было брошено 2087 бомб, одна из которых попала в нарвский арсенал (в первую же ночь), 8 и 9 августа в город попало 1523 бомбы¹⁴. Всего же в ходе обстрела, продолжавшегося до 9 августа, было истрачено 12358 ядер (из них 24-фунтовых — 6098, 18-фунтовых — 5514, 12-фунтовых — 376, 3-фунтовых — 370, т. е. в основном были задействованы 24- и 18-фунтовые пушки) и 5714 бомб (9-пудовых — 648, 3-пудовых — 5051, пудовых — 15)¹⁵.

6 августа с бастиона «Гонор» обвалился фас, а с ним земляной бруствер, в результате чего весь ров оказался засыпан и доступ к бастиону оказался сво-

бодным. В то же время на бастионе «Виктория» были сделаны две брешы; затем в том направлении установлено несколько мортир, из которых стали метать бомбы на фланки бастиона, в результате чего они были разорены до основания, а из стоявших на них 70 пушек годной осталась лишь одна¹⁶.

Соответственно, восстановление нарвских укреплений относилось к числу неотложных задач. 14 сентября К. А. Нарышкин (он был назначен обер-комендантом и отвечал за восстановление и Нарвы, и Дерпта) сообщил А. Д. Меншикову, что эскарповую часть бастиона начали окладывать дерном, но время идет; а работников становится всё меньше и меньше, так как часть разбежалась, а другие заболели¹⁷. О дальнейшей работе нам пока не известно, но можно отметить сообщение П. М. Апраксина тому же А. Д. Меншикову о том, что в середине октября выпал снег и ударили морозы¹⁸. После этого, по-видимому, восстановительные работы были прекращены, а о том, что они продолжались в последующие годы, нам неизвестно.

Отметим, что в донесении упоминаются работники, однако, к сожалению, не указано, кто именно работал там. Исходя из того, что они разбегались, выскажем предположение, что они могли быть или из числа местного населения или же из псковской области (она тоже находилась в ведении К. А. Нарышкина). То есть убегали те, кто мог вернуться домой.

Были приняты меры по возведению дополнительных укреплений, в частности в тех местах, где в стене были пробиты брешы, укрепления были усилены рогатками¹⁹. А. Щукин 1 сентября 1704 г. сообщал А. Д. Меншикову, что «брешт разобран и к починке то место готово, также и где стена отвалилась... дерном ведут». Но к каменным работам в то время еще не приступили²⁰. П. М. Апраксин в то же время отвечал за приведение в порядок одного из рavelинов, но и там ограничились в то время лишь земляными работами²¹.

Что касается брешей, до они долгое время оставались не заделанными, в частности в апреле 1706 г. У. А. Сенявин доносил А. Д. Меншикову, что государь «изволил смотреть брешта и ворот и погребов, а брешт, которой ныне по приказу вашего сиятельства велено делать, изволил приказать обождать»²². Это означает, что в укреплениях Нарвы в то время еще оставались проломы, сделанные русской артиллерией в ходе ее осады.

Затем на несколько лет наступательные операции российским войскам пришлось прекратить, и возобновились они лишь после победы под Полтавой.

При обстреле укреплений Выборга с 1 по 6 июня 1710 г. «сделался великий брешь, что по сдаче города два батальона на нем строем стали»²³. Поэтому сразу после взятия крепости приступили к ее спешной починке. Уже 22 июня Петром I была составлена инструкция «что зделать в сей короткий час для укрепления города Выборга»²⁴, которой предписывалось починить «разоренный» бастион и сделать два новых земляных бастиона. Имя адресата в ней не указано, Т. А. Базарова предполагает, что «царский указ предназначался оставшемуся на время в завоеванной крепости Ф. М. Апраксину», а непосредственное

руководство ремонтными работами осуществлял Г. П. Чернышев, назначенный комендантом²⁵.

В июне–июле работные люди рубили тарасы в бастионах²⁶. Кроме того, к строительным работам привлекались и солдаты гарнизона. За лето 1710 г. ими был вынесен кирпич, осыпавшийся в результате стрельбы ядрами, все бастионы были «выкладены» дерном, а брешь заложена фашинами и землей²⁷. В конце октября работники-татары были отпущены из Выборга в Санкт-Петербург²⁸. Это, по-видимому, означало окончание ремонтных работ в 1710 г.

В документах упоминаются «работники татары». По-видимому, это были люди, которых пригнали (или переселили) из Казани на строительство Санкт-Петербурга. Вообще, скорее всего, при ремонте выборгских укреплений были задействованы строители будущей столицы Российской империи, благо Санкт-Петербург находился недалеко от Выборга, а вот местное население снова не стали привлекать к работам.

Укрепления Кексгольма в ходе бомбардировки, по-видимому, не пострадали, так как при обстреле главным образом были задействованы мортиры, и в известных нам источниках не отмечено серьезных восстановительных работ в этой крепости.

Параллельно с этим войска под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева осаждали Ригу. Для осады планировалось сосредоточить 162 орудия (в том числе пушек: 24-фунтовых — 80, 18-фунтовых — 40; мортир: 9-пудовых — 5, 3-пудовых — 35, гаубиц — 2)²⁹; но этот план не был выполнен. Снабжение осадного корпуса оказалось непростым делом, к тому же на территории Прибалтики весной 1710 г. разразилась эпидемия. Это затронуло и российские части, поэтому «формальную атаку» пришлось отложить и ограничиться блокадой. В конце концов гарнизон к сдаче принудили бомбардировкой из мортир. 31 мая были захвачены рижские форштадты, в них было установлено 14 мортир, из которых 14 июня был открыт огонь (правда, Я. В. Брюс писал, что собирается начать бомбардировку из 22 мортир 12 июня³⁰). В первые пять дней в Ригу было выпущено 1723 бомбы³¹, а всего с 14 по 26 июня было выпущено, по ведомости, составленной Я. В. Брюсом 26 июня, 3257 бомб³², и этого оказалось достаточно для успеха.

Укрепления Риги всё же были немного повреждены, и сразу после подписания договора о капитуляции принялись за их починку. Кроме того, на месте временного укрепления, сооруженного в ходе осады, было решено сделать регулярную крепость (по всей видимости, земляную), и 6 сентября А. И. Репнин доложил царю, что работа эта идет вовсю и к концу осени он планирует завершить ее. А вот с починкой укреплений возникла заминка. В том же письме генерал сообщил: для того чтобы заделать поврежденное место цитадели, камень и известь нашли в достаточном количестве, однако каменщиков в Риге не имелось — все вымерли в ходе эпидемии. В частях, подчинявшихся А. И. Репнину, нашлось только два каменщика, поэтому работу пришлось отложить до сле-

дующего сезона, а пока наскоро заделать повреждения деревом и землей. При этом он подчеркнул, что непосредственной опасности от этого нет даже в случае нападения неприятеля, так как «повреждено токмо с лица, а внутри камень и земля все в целости»³³.

Отметим, что здесь попытались привлечь к ремонтным работам мастеровых людей из местного населения (сделать это, правда, не удалось).

Укрепления Динамюнда, Пернова и Ревеля были взяты российскими войсками практически без сопротивления (и без обстрела артиллерией), поэтому там надобности в починках не имелось. Ревельские укрепления только в 1714 г. решили модернизировать. В январе 1714 г. инженер Люберас получил инструкцию царя, которой предписывалось:

«1. Цитадель делать против чертежа и на оную употребить 15 или 16 000 бревен и 600 сажен камню.

2. Достальной лес и камень употребить в прибавок гавану и сепораст каст вынеть и отнес к новой прибавке.

3. Цитадель делать прочно насыпая камень на низ (чрез клетку для того что камня не довольно), а гавань так делать как в прошлом году толко наверх камения класть»³⁴.

То есть речь шла о возведении новой укрепленной гавани и цитадели. Однако, когда в 1715 г. стали бить сваи, выяснилось, что это место не подходит из-за илистого дна. Поэтому для постройки цитадели было выбрано другое место, «напротив монастыря». Рядом с ней были сооружены артиллерийские батареи. В 1716 г. цитадель была вооружена 78 пушками, 2 гаубицами и 3 мортирами, а на батареях было установлено 15 пушек, 2 гаубицы и 1 мортира. Кроме того, 43 пушки предполагалось установить на моле³⁵. В следующем году генерал Й. Гинтер занимался в Ревеле сооружением батарей для гавани³⁶.

Однако само состояние ревельских укреплений оставляло желать лучшего. В частности, генерал-майор А. Де Кулонг, посланный осенью 1720 г. осматривать фортификационные укрепления Ревеля, пришел к выводу, что «цитадель и батарея совсем худы, понеже оные строены на ящиках и свай мало вбито, и камения из-под ящиков вывалились»³⁷, т. е. строительство новых укреплений оказалось неудачным проектом.

Подводя итоги, отметим, что практически все взятые российскими войсками укрепления не только сразу старались привести в порядок, но и модернизировать. Наиболее масштабные работы производились в 1702–1703 гг. в старых русских крепостях, укрепления которых к началу XVIII в. действительно устарели. Что же касается шведских крепостей, то там дополнительные работы были не столь значительными. Это объясняется тем, что и Рига, и Нарва, да и другие крепости были перестроены шведскими инженерами незадолго до Северной войны и отвечали всем основным требованиям фортификации того времени. Исключением стали лишь укрепления Ревеля, но там работы были связаны в большей степени с расширением функционала города.

И в заключение следует выделить еще один важный момент — при таких ремонтных работах практически не было задействовано местное население. Связано это было, на наш взгляд, и с тем, что территория Ингрии, Финляндии и Прибалтики в то время была заселена слабо, но также и с тем, что российское командование в тот момент не очень доверяло местным жителям и предпочитало использовать людей из внутренних губерний.

- ¹ Иогансен М. В., Кирпичников А. Н. «Петровский Шлиссельбург» (по новооткрытым материалам) // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. М., 1974. С. 29.
- ² Журнал Петра Великого. Ч. I. СПб., 1770. С. 63.
- ³ Журнал боевых действий российских войск, главным образом флота, в царствование Петра Великого. Житие и дела великого государя... // ОР РНБ. Ф. 359. Колобов Н. Я. Д. 655. Л. 35.
- ⁴ Журнал Петра Великого. С. 69.
- ⁵ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 99–102.
- ⁶ Военно-походный журнал с 3 июня 1701 по 12 сентября 1705 г. генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-Ученого архива Главного Штаба. Т. 1. СПб., 1871. Стб 127, 130.
- ⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПИБПВ). Т. 2. СПб., 1889. С. 176–177.
- ⁸ Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. С. 503.
- ⁹ ПИБПВ. Т. 2. С. 556.
- ¹⁰ Палли Х. Э. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны. 1701–1704. Таллин, 1966. С. 238.
- ¹¹ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПб ИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 146. Л. 1 об.
- ¹² Там же.
- ¹³ Юрнал взятия Нарвы // ПИБПВ. Т. 3. СПб., 1900. С. 173.
- ¹⁴ Палли Х. Э. Между двумя боями за Нарву. С. 256–259.
- ¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 134–137.
- ¹⁶ Юрнал взятия Нарвы. С. 174; Журнал Петра Великого. Ч. I. С. 94; Житие и дела великого государя. Л. 43.
- ¹⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 416. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Д. 456. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 137–138.
- ²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 407. Л. 1.
- ²¹ Там же. Д. 456. Л. 1; Д. 460. Л. 1.
- ²² Там же. Д. 1043. Л. 1.
- ²³ Реляция о взятии Выборга // ПИБПВ. Т. 10. М., 1956. С. 120.
- ²⁴ ПИБПВ. Т. 10. № 3835. С. 206.

- ²⁵ Базарова Т. А. «За кивиковою станицею лесами и болотами...» Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Шестнадцатой ежегодной научной конференции / Ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов. СПб., 2015. С. 13.
- ²⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3699. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Л. 1–2; Д. 3758. Л. 1–3.
- ²⁸ Там же. Д. 3916. Л. 1 об.
- ²⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48. Л. 375.
- ³⁰ Там же. Д. 47. Л. 376.
- ³¹ Там же. Д. 48. Л. 865.
- ³² Там же. Л. 862.
- ³³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3815. Л. 5.
- ³⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Д. 75. Л. 9.
- ³⁵ Квашин-Самарин Е. И. Историческая справка о Ревеле при Петре Великом // Морской сборник. 1909. № 9. Отдел неофициальный. С. 13–14.
- ³⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 165.
- ³⁷ Квашин-Самарин Е. И. Историческая справка о Ревеле... С. 19–20.

References

BAZAROVA T. A. "Za kivikovoyu staniceyu lesami i bolotami..." *Pervyj russkij komendant Vy'borga G. P. Cherny'shev i bor'ba s "kivikami"* ["For the kivikovo village of forests and swamps..."] The first Russian commandant Vyborg G. P. Chernyshev and the struggle with "kiviki". In Russ.] // Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: Materialy` SHestnadczatoj ezhegodnoj nauchnoj konferencii / Red. V. N. Bary'shnikov, P. A. Krotov. St Petersburg, 2015. S. 12–19.

IOGENSEN M. V., KIRPICHNIKOV A. N. "Petrovskij Shlissel'burg" (po novootkry'ty'm materialam) [Petrovsky Shlisselburg (on newly discovered materials). In Russ.] // Russkoe iskusstvo pervoj chetverti XVIII veka. Materialy` i issledovaniya. Moscow, 1974. S. 131–152.

KVASHNIN-SAMARIN E. I. *Istoricheskaya spravka o Revele pri Petre Velikom* [Historical reference on Revel under Peter the Great. In Russ.] // Morskoj sbornik. 1909. N9. Otdel neoficial'ny'. S. 1–45.

LASKOVSKIJ F. F. *Materialy` dlya istorii inzhenerenogo iskusstva v Rossii. Ch. II. Opyt issledovaniya inzhenerenogo iskusstva v czarstvovanie imperatora Petra Velikogo*. [Materials for the history of engineering in Russia. Part II. Experience in the study of engineering in the reign of Emperor Peter the Great. In Russ.]. St Petersburg, 1861.

PALLI X. E. *Mezhdv dvumya boyami za Narvu. Estoniya v pervy'e gody Severnoj vojny. 1701–1704*. [Between two battles for Narva. Estonia in the early years of the Northern War. 1701–1704. In Russ.]. Tallin, 1966.

Список литературы

Базарова Т. А. «За кивиковою станицею лесами и болотами...» Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Шестнадцатой ежегодной научной конференции / Ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов. СПб., 2015. С. 12–19.

Иогансен М. В., Кирпичников А. Н. «Петровский Шлиссельбург» (по новооткрытым материалам) // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. М., 1974. С. 131–152.

Квашин-Самарин Е. И. Историческая справка о Ревеле при Петре Великом // Морской сборник. 1909. № 9. Отдел неофициальный. С. 1–45.

Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861.

Палли Х. Э. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны. 1701–1704. Таллин, 1966.

Н. Р. Славнитский. О развитии инженерного искусства в царствование Петра I: ремонтные работы в крепостях после осадных операций в ходе Северной войны

Статья посвящена малоизученному сюжету Северной войны — приведению в порядок крепостей, взятых российскими войсками в ходе осадных операций. Анализ таких работ позволяет установить, как Петр I и его окружение оценивали укрепления. Важно и то, как были организованы ремонтные работы, поскольку это позволяет выяснить, как российская администрация организовывала управление на «новозавоеванных» территориях. Практически все взятые российскими войсками укрепления сразу старались не только привести в порядок, но и модернизировать. Наиболее масштабные работы производились в 1702–1703 гг. в старых русских крепостях, укрепления которых к началу XVIII в. действительно устарели. Что же касается шведских крепостей, то там дополнительные работы были не столь значительными, так как они были перестроены незадолго до войны. При ремонтных работах практически не было задействовано местное население. Связано это было, на наш взгляд, и с тем, что территория Ингрии, Финляндии и Прибалтики в то время была заселена слабо, но также и с тем, что российское командование в тот момент не очень доверяло местным жителям и предпочитало использовать людей из внутренних губерний.

Ключевые слова: Северная война, осадные операции, история фортификации, Шлиссельбург, Дерпт, Нарва, Выборг.

Nikolay Slavnitsky. On the development of engineering in the reign of Peter the Great: repair work in the fortresses after the siege operations during the Northern War

The article is devoted to the little-studied plot of the Northern War, the erection of fortresses taken by Russian troops during the siege operations. An analysis of such works allows us to figure how Peter I and his entourage assessed the fortifications. It is also important how were organized repair works, as it allows to find out how the Russian administration organized management in the “newly conquered” territories. Almost all the Russian fortresses taken by the troops not only immediately were tried to tidy up, but also to modernize. The most ambitious work was carried out in 1702–1703 in the old Russian fortresses, whose fortifications by the beginning of the 18th century had been really outdated. As for the Swedish fortresses, there additional works were not so significant, so they were rebuilt shortly before the war. During the repair work, the local population was practically not involved. It was connected, in our opinion, with the fact that the territory of Ingria, Finland and the Baltic states at the time was not widely populated, but also that the Russian command at that time did not trust the locals very much and preferred to use people from the internal areas (*gubernias*).

Key words: Northern War, siege operations, fortification history, Shlisselburg, Dorpat, Narva, Vyborg.

Славнитский, Николай Равильевич — к. и. н., Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
Slavnitsky, Nikolay Ravilevich — Ph.D.
E-mail: slavnitski@bk.ru

Б. А. Алимджанов

История Ташкентского отделения Волжско-Камского коммерческого банка

История банков и банковского дела в Туркестане и ханствах фактически не изучена, страдает фрагментарностью, описана лишь в свете концепции «монополистического капитализма». В основном исследована деятельность Государственного банка, Русско-Азиатского и Волжско-Камского банков¹. Я не согласен с характеристикой деятельности и функционирования банков, данной советскими и постсоветскими историками. Например, З. Д. Кастельская считала, что «российский капитализм для обеспечения эксплуатации местной экономики создал в Туркестане густую сеть банков»². Полагаю, что банки не эксплуатировали местную экономику, а наоборот, помогали купечеству увеличить экспорт региона. Один из крупных исследователей советского периода А. С. Садыков считал, что «деятельность финансового капитала не изменила в корне характера товарно-денежных и кредитных связей, существовавших в Хиве в прежнее время, а лишь создала известную иерархию в подчинении банковскому капиталу почти всех производителей (через посредников)»³. Архивные данные свидетельствуют, что никакую «иерархию» банковская система не создала ни в Хивинском ханстве, ни в Бухарском эмирате. Также я не согласен с тем, что «деятельность купцов-предпринимателей знаменовала появление в крае местной торгово-промышленной буржуазии, которая заняла достаточно сильные позиции в его экономике. Тесная связь и сильная финансовая зависимость от российского торгово-промышленного и особенно банковского капитала не позволяла ей стать монополистом в торгово-промышленной сфере»⁴. Данное определение

противоречит концепции империи, так как никто не мог стать монополистом в спекулятивной экономике. Также я частично не согласен с мнением Н. Б. Хотамова, который считает, что «российский финансовый капитал в своей колонии — Средней Азии совсем не заботился о положении местных банков, которые появились в регионе независимо от российских, а потому оставались слабыми и не оказывали большого влияния на экономическую жизнь Средней Азии»⁵. Я считаю, что именно банки способствовали спекуляции на местных рынках, что замедлило «модернизацию» экономики региона.

Экономический обзор Ташкента

Город Ташкент считался административным центром Туркестанского генерал-губернаторства, где проживало более 300 тыс. человек (1916 г.)⁶. «Промышленность здесь развита более чем слабо, а торговля рассчитана преимущественно на местное потребление»⁷, — писали ревизоры банка в 1916 г. Банковские эксперты надеялись, что постройка Семиреченской железной дороги «привлечет сюда миллионы пудов хлеба, орошение же Голодной степи даст всё новые площади для посева хлопка»⁸. Ревизоры считали, что эти два фактора станут катализатором экономического развития Ташкента и Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства. В районах Сырдарьинской области (Ташкент, Кауфманская, Чиназ, Аленкент, Келес, Пскент, Чимкент, Туркестан, Голодная степь) в 1915/16 г. было выращено 6300 тыс. пудов хлопка (на 50 % больше, нежели в сезон 1914/15 г.)⁹. Хлопок Ташкентского региона (80 %) скупали и продавали в Москву торговые фирмы, такие как Потеляховское, Вадыевское, Персидское товарищества, Торгопро, В. Алексеев, Ярославская, Тверская мануфактуры, бр. Шлосберг, администрация Ю. Давыдова¹⁰. Все эти фирмы вели свою деятельность независимо от банковского кредита, кроме фирмы Ю. Давыдова, которая сотрудничала с Азовско-Донским коммерческим банком. Из крупных чистачей, скупавших хлопок, выделялись бр. Виленкины, бр. Вадыевы, С. Р. Гилодо, бр. Яушевы и М. Д. Ягудаев¹¹. Все чистачи сотрудничали с банками, например, бр. Виленкины и бр. Вадыевы были тесно связаны с кокандскими филиалами коммерческих банков; С. Р. Гилодо и бр. Яушевы — с Азовско-Донским банком; М. Д. Ягудаев — с Кокандским отделением Русско-Азиатского и Русского для Внешней торговли банков¹². Из-за того, что ферганский хлопок стоил дороже, чем ташкентский, ферганские фирмы вывозили в Фергану хлопок из Ташкента и продавали его под видом ферганского хлопка¹³. Таким образом, коммерческие банки в Ташкенте фактически не участвовали в хлопковых операциях. Самым крупным монополистом в хлопковой спекуляции являлось Вадыевское товарищество. В 1916 г. это товарищество пыталось «захватить в свои руки чуть ли не все свободные заводы района»¹⁴. Также в Ташкентском регионе активно строили хлопкоочистительные заводы бр. Шлосберг.

В Ташкенте функционировали следующие банки: Азовско-Донской, Волжско-Камский, Государственный, Русско-Азиатский, Общество взаимного кредита. Основной клиентурой были местные торговцы с оборотом от 1 до 10 тыс. р. Все клиенты брали одновременно кредиты у всех банков. Из банков самые лучшие условия предлагал Волжско-Камский. «Волжско-Камский, — писали ревизоры, — как и в других местах, имеет возможность предлагать своим клиентам наивыгоднейшие условия»¹⁵. В Ташкентском филиале Русско-Азиатского банка ставки были самыми высокими (10–15 %). Таким образом, банки играли значительную роль в экономической жизни Ташкента, финансируя непосредственно среднюю и мелкую торговлю.

Активные операции банка

Ташкентское отделение начало свою работу 19 июля 1893 г. Управляющим отделением в 1893 г. был назначен потомственный почетный гражданин Иван Иванович Крюков (1893–1915 гг.)¹⁶. В 1915 г. директором стал потомственный почетный гражданин И. Г. Дубянский¹⁷. Ташкентский филиал вел свою деятельность за счет капиталов правления Волжско-Камского банка. Ежегодно Ташкентское отделение выплачивало за использованный капитал проценты (4–6 % годовых, табл. 1).

Таблица 1. Счет правления с Ташкентским отделением

Год	Кредит	Начислено процентов правлению	Средний годовой процент
1893	4157 тыс. р.	16782 р.	4
1894	4975888 р. 33 к.	60577 р. 27 к.	4
1895	4759 тыс. р.	33878 р.	4,3
1896	4490908 р. 22 к.	21861 р. 21 к.	5,25
1897	3934157 р. 39 к.	35663 р. 82 к.	Нет сведений
1901	217089 р. 37 к.	4919 р.	Нет сведений
1903	7118062 р. 82 к.	36436 р. 72 к.	Нет сведений
1905	7408226 р. 02 к.	69163 р. 49 к.	5,44
1906	10350231 р. 90 к.	112752 р.	6,36
1915	—	9964 р. 63 к.	4,75
1916	—	—	—

Рассчитано по: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1128. Л. 38 об., 60; Д. 1131. Л. 2 об. — 3, 35 об. — 36 об., 52; Д. 1133. Л. 2 об. — 3, 26 об., 31 об. — 32 об., 47; Д. 1139. Л. 4–5, 77–79, 119–120; Д. 1141. Л. 2 об. — 3; 38 об. — 40 об., 60; Д. 1145. Л. 2 об. — 3, 35 — 36 об., 41 — 43 об., 59 об.; Д. 1157. Л. 8 об., 36 об.

Первая мировая война позитивно повлияла на операции Ташкентского отделения: резко увеличились вклады и текущие счета, что позволило Ташкентскому филиалу не зависеть от капиталов правления Волжско-Камского банка (табл. 2).

**Таблица 2. Средний годовой долг
ташкентского отделения правлению**

Год	Долг
1902	494 144 р.
1903	767 тыс. р.
1904	849 500 р.
1905	1272 тыс. р.
1906	1774 тыс. р.
1915	333 343 р.
1916	—

Рассчитано по: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1141. Л. 2 об. — 3, 38 об. — 40 об., 60; Д. 1145. Л. 2 об. — 3, 35 — 36 об., 41 — 43 об., 59 об.; Д. 1146. Л. 3 об. — 4, 34 — 34 об., 40 — 42 об., 59 об.; Д. 1157. Л. 8 об., 36 об.; Д. 1159. Л. 4 об. — 5, 37 об.

С каждым годом обороты Ташкентского филиала показывали рост. Особенно они возросли после проведения железной дороги до Ташкента (1899 г.), восточной точки Ферганы (Андижан). В 1906 г. в эксплуатацию была сдана Ташкентско-Оренбургская железная дорога, которая увеличила товарооборот в несколько раз (табл. 3).

Таблица 3. Обороты отделения

Год	Общие обороты	Год	Общие обороты
1893	40 484 371 р. 46 к.	1905	82 170 194 р. 20 к.
1894	66 350 115 р. 84 к.	1906	110 754 811 р. 4 к.
1896	52 230 020 р. 70 к.	1907	186 154 365 р. 26 к.
1897	44 851 966 р. 64 к.	1908	223 102 250 р. 56 к.
1898	37 226 173 р. 78 к.	1909	230 318 382 р. 52 к.
1899	38 968 244 р. 74 к.	1910	254 825 тыс. р.
1900	60 821 тыс. р.	1911	285 793 283 р. 30 к.
1901	65 807 925 р. 56 к.	1913	323 436 255 р. 62 к.
1902	78 493 тыс. р.	1914	330 568 721 р. 80 к.
1903	77 635 051 р. 30 к.	1915	448 822 045 р. 64 к.
1904	77 462 168 р. 32 к.	1916	672 149 225 р. 92 к.

Рассчитано по: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1127. Л. 2; Д. 1128. Л. 1; Д. 1131. Л. 1; Д. 1133. Л. 1; Д. 1135. Л. 1; Д. 1137. Л. 1; Д. 1139. Л. 1, 118; Д. 1141. Л. 1, 59 об.; Д. 1143. Л. 1; Д. 1145. Л. 1; Д. 1146. Л. 1; Д. 1147. Л. 1; Д. 1148. Л. 1; Д. 1149. Л. 1; Д. 1150. Л. 40 об. — 41; Д. 1151. Л. 7 об. — 8; Д. 1154. Л. 5 об. — 6; Д. 1156. Л. 5 об. — 6; Д. 1157. Л. 5 об. — 6.

Одной из самых важных операций Ташкентского отделения считался учет векселей (табл. 4). Векселя учитывались с разрешения учетного комитета банка, где заседали уважаемые купцы и граждане Ташкента. Например, в 1916 г. членам учетного комитета Ташкентского филиала были: Абдумаликбаев Абдумавлян — ташкентский купец, Тезиков Семен Иванович — ташкентский купец, Поляков Павел Андреевич — оренбургский мещанин, Шасалихов Инагам — ташкентский житель¹⁸.

Таблица 4. Учет векселей

Год	Учено векселей (штук)	Сумма	Средняя сумма учтенного векселя
1893	333	504 916 р. 95 к.	1516 р. 24 к.
1894	504	574 276 р. 12 к.	1139 р. 44 к.
1895	Нет сведений	408 тыс. р.	Нет сведений
1896	254	267 037 р. 42 к.	Нет сведений
1897	227	230 313 р. 70 к.	1014 р. 60 к.
1898	276	281 445 р. 39 к.	1019 р.
1899	296	290 990 р. 97 к.	980 р.
1900	Нет сведений	330 тыс. р.	Нет сведений
1901	601	588 806 р. 75 к.	980 р.
1902	Нет сведений	1 009 500 р.	Нет сведений
1903	1687	1 291 150 р. 37 к.	765 р.
1904	1878	1 310 786 р. 25 к.	698 р.
1905	2682	1 983 335 р. 9 к.	740 р.
1906	3406	2 765 258 р. 23 к.	812 р.
1907	5335	4 266 916 р.	800 р.
1908	6172	4 816 380 р. 28 к.	780 р.
1909	5746	3 747 728 р. 62 к.	652 р.
1910	Нет сведений	3 825 400 р.	621 р.
1911	9725	6 428 492 р. 5 к.	661 р.
1912	10 053	6 630 491 р. 79 к.	659 р.
1913	8439	5 474 901 р. 94 к.	649 р.
1914	7040	4 824 817 р. 17 к.	685 р.
1915	4444	3 696 022 р. 70 к.	800 р.
1916	2456	5 653 526 р. 80 к.	1300 р.
1917	Нет сведений	1 158 250 р.	Нет сведений

Рассчитано по: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1127. Л. 8 об.; Д. 1128. Л. 1 об. — 2, 4 об., 59 об.; Д. 1131. Л. 1 об. — 2, 4 об., 51 об.; Д. 1133. Л. 1 об. — 2, 4 об.; Д. 1135. Л. 1 об. — 2, 4 об.; Д. 1137. Л. 1 об. — 2, 4 об.; Д. 1139. Л. 2–3, 8, 18, 118–119; Д. 1141. Л. 1 об. — 2, 4 об., 59 об. — 60; Д. 1143. Л. 1 об. — 2, 4 об., 10 об.; Д. 1145. Л. 1 об. — 2; 4 об. — 6 об., 9 об., 24 об.; Д. 1146. Л. 2 об. — 3, 5 об., 10 об.; Д. 1147. Л. 1 об. — 2, 4 об., 30 об.; Д. 1148. Л. 1 об. — 2, 4 об., 9 об.; Д. 1149. Л. 1 об. — 2, 4 об., 10 об., 88 об.; Д. 1150. Л. 40 об. — 41; Д. 1151. Л. 2–3; Д. 1154. Л. 1 об. — 2, 18 об., 48; Д. 1156. Л. 1 об. — 2, 19 об.; Д. 1157. Л. 1 об. — 2, 19; Д. 1159. Л. 1 об. — 2, 19; Д. 1552. Л. 34–40.

По учету векселей взималось банком: до 4 месяцев — 6,5–7 % от суммы, от 4 до 6 месяцев — 7,5 % и от 6 до 9 месяцев — 8 %¹⁹. Также учетный процент зависел от сезона: до 6 месяцев — с 1 мая по 1 ноября — 7,5–9,5 %, с 1 ноября по 1 января — 9–10 %; от 6 до 9 месяцев — с 1 января по 1 мая — 9,5–10 %, с 1 мая по 1 ноября — 8–10,5 %, с 1 ноября по 1 января — 10–11 %²⁰. В Ташкентском филиале в основном учитывались векселя от 3 до 6 месяцев, так как экономическая жизнь в Туркестане зависела от урожая хлопка, фруктов и пшеницы. В основном учитывались векселя до 1 тыс. р. и очень редко больше 4 тыс. р. Крупный учет могли себе позволить только крупные ташкентские фирмы (торговые дома бр. Давыдовых, Боруховых, Исахаровых, наследников Иванова и др.).

Кроме учета векселей Ташкентский филиал выдавал ссуды и кредиты (срочные и онкольные) под товары, векселя и ценные бумаги. Срочные ссуды не получили такого развития, как онкольные (табл. 5).

Таблица 5. Срочные ссуды

Год	Выдано под залог процентных бумаг, товара и векселя	Год	Выдано под залог процентных бумаг, товара и векселя
1893	41 900 р.	1906	163 425 р.
1894	73 712 р.	1907	135 995 р.
1895	70 500 р.	1908	93 390 р.
1896	98 012 р.	1909	113 870 р.
1897	88 655 р.	1910	115 625 р.
1898	78 595 р.	1911	239 874 р.
1899	108 010 р.	1912	273 547 р.
1900	169 тыс. р.	1913	170 372 р.
1901	159 995 р.	1914	176 935 р.
1902	224 800 р.	1915	238 573 р. 51 к.
1903	195 520 р.	1916	226 322 р. 38 к.
1904	157 945 р.	1917	117 060 р.
1905	212 305 р.		

Рассчитано по: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1128. Л. 1 об. — 2, 4 об., 59 об.; Д. 1131. Л. 1 об. — 2, 9 об. — 11 об., 51 об.; Д. 1133. Л. 1 об. — 2, 8 об.; Д. 1135. Л. 1 об. — 2, 9 об., 19 об.; Д. 1137. Л. 1 об. — 2; Д. 1139. Л. 2–3, 8, 18, 118–119; Д. 1141. Л. 1 об. — 2, 4 об., 10 об.; Д. 1145. Л. 1 об. — 2, 4 об. — 6 об., 9 об., 24 об.; Д. 1146. Л. 2 об. — 3, 5 об., 10 об.; Д. 1147. Л. 1 об. — 2; 4 об., 30 об.; Д. 1148. Л. 1 об. — 2; 4 об.; 9 об.; Д. 1149. Л. 1 об. — 2, 4 об., 10 об., 88 об.; Д. 1150. Л. 40 об. — 41; Д. 1151. Л. 3 об. — 4, 121–124; Д. 1152. Л. 2 об. — 3; Д. 1154. Л. 2 об. — 3; Д. 1156. Л. 2 об. — 3, 22 об.; Д. 1157. Л. 2 об. — 3, 21 об.; Д. 1159. Л. 2 об. — 3, 21 об.

Также выдавались срочные ссуды под залог ценных бумаг, например в 1896 г. было выдано 240 ссуд на сумму 98 012 р. Ссуды выдавались в основном до 600 р. (160 ссуд), от 6,55 до 8 % годовых²¹.

В Ташкентском отделении были развиты онкольные (до востребования) ссуды, которые выдавались под процентные бумаги, векселя и товары. Онкольными ссудами в основном пользовались крупные клиенты филиала. Онкольные ссуды под векселя выдавались крупным ташкентским и московским фирмам, торговавшим хлопком, мануфактурой. Например, в 1907 г. онкольные ссуды под векселя были выданы: Торговому дому бр. Яушевых — 758370 р. 31 к.; Торговому дому бр. Боруховых — 251560 р. 99 к.; Торговому дому Ю. Давыдова — 788614 р. 50 к.; Торговому дому бр. Вадьяевых — 183564 р. 3 к.; Торговому дому бр. Крафт — 1143106 р. 70 к.; Товариществу Ярославской большой мануфактуры — 1144846 р. 53 к.; Ю. З. Рубинову — 353657 р. 39 к. Всего онкольных ссуд было выдано на сумму 4623720 р. 45 к.²²

Подтоварные онкольные ссуды выдавались (в 1907 г.): Торговому дому бр. Крафт — 4759020 р. 78 к.; Торговому дому Ю. Давыдова — 597597 р. 44 к., Г. В. Дюршмидт — 277894 р. 45 к., Ю. Рубинову — 7773 р. 73 к. Всего — 5642286 р. 40 к.²³

В 1907 г. под ценные бумаги онкольные ссуды были выданы двадцати двум клиентам банка в сумме 1051319 р. 70 к. Крупными клиентами по этому кредиту были: Среднеазиатский коммерческий банк — 18533 р. 45 к.; Д. А. Филатов — 215179 р. 13 к.; Н. А. Пугасов — 317442 р. 11 к.; Азис Ходжин Ариф — 238775 р. 34 к.; наследники Тезикова — 39625 р. 80 к.; К. Шамсутдинов — 23173 р. 56 к.²⁴

Нужно отметить, что круг клиентов Ташкентского филиала по онкольным ссудам почти не менялся в течение 25 лет его существования.

Учет векселей, а также выдача срочных и онкольных ссуд составляли основу активных операций Ташкентского филиала. Они приносили филиалу основную часть дохода.

Пассивные операции

Пассивные операции Ташкентского филиала заключались в хранении крупных сумм фирм и торговых домов в текущих счетах, также он хранил вклады и осуществлял денежные переводы (табл. 6).

Таблица 6. Вклады и текущие счета

Год	Принято на текущие счета	Принято на срочные и до востребования счета
1893	3694 тыс. р.	33300 р.
1894	4768857 р.	62600 р.
1895	4198 тыс. р.	85700 р.
1896	3174763 р. 8 к.	58 тыс. р.
1897	2614210 р. 33 к.	67428 р.
1903	4081462 р. 39 к.	378244 р.
1905	4336630 р. 46 к.	277731 р.

Окончание табл. 6

Год	Принято на текущие счета	Принято на срочные и до востребования счета
1906	4878269 р. 12 к.	316694 р.
1912	21612644 р. 82 к.	495729 р.
1914	29356904 р. 78 к.	938101 р.
1916	73142641 р. 44 к.	556560 р.

Рассчитано по: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1128. Л. 2 об. — 3, 39 об., 60; Д. 1131. Л. 2 об. — 3, 35 об. — 36 об.; 52; Д. 1141. Л. 2 об. — 3, 38 об. — 40 об., 60; Д. 1146. Л. 3 об. — 4, 34 — 34 об., 40 — 42 об., 59 об.; Д. 1152. Л. 4 об. — 5, 37 об. — 39; Д. 1156. Л. 4 об. — 5, 37 об. — 38; Д. 1159. Л. 4 об. — 5, 37 об.

По вкладам (срочным и до востребования) банк платил от 2 до 4,5 % годовых. В 1905 г. было принято 18 срочных вкладов на сумму — 165 524 р. (4–4,25 % годовых) и 71 вклад до востребования на сумму 112 207 р. (2 % годовых)²⁵.

Ташкентский филиал переводил деньги как на свои отделения, так и на счета банков-корреспондентов (табл. 7).

Таблица 7. Денежные переводы

Год	Трансферты на корреспондентов правления		Переводы на собственные отделения	
	количество	сумма	количество	сумма
1896	Нет сведений	Нет сведений	422	2759281 р. 11 к.
1901	168	333842 р. 34 к.	1047	3776777 р. 92 к.
1903	231	311898 р. 69 к.	1256	3961303 р. 82 к.
1905	234	239121 р. 20 к.	1248	3533654 р. 67 к.
1906	347	816216 р. 36 к.	1611	4107185 р. 71 к.
1912	334	675739 р. 70 к.	3188	12533829 р. 48 к.
1914	Нет сведений	1840492 р. 91 к.	3602	16576773 р. 68 к.
1916	Нет сведений	5323199 р. 7 к.	3878	35198924 р. 45 к.

Рассчитано по: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1131. Л. 2 об. — 3, 35 об. — 36 об., 52; Д. 1139. Л. 4–5, 77–79, 119–120; Д. 1141. Л. 2 об. — 3, 38 об. — 40 об., 60; Д. 1145. Л. 2 об. — 3, 35 — 36 об., 41 — 43 об., 59 об.; Д. 1146. Л. 3 об. — 4, 34 — 34 об., 40 — 42 об., 59 об.; Д. 1152. Л. 4 об. — 5, 37 об. — 39; Д. 1156. Л. 4 об. — 5, 37 об. — 38; Д. 1159. Л. 4 об. — 5, 37 об.

В 1906 г. было совершено 1611 переводов на свои конторы на сумму 4 107 185 р. 71 к. В основном переводы совершались в Москву — 944 переводов на сумму 2 043 445 р. 40 к., и Санкт-Петербург — 290 на сумму 1 076 787 р. 4 к. Было получено от этой операции комиссии 2295 р. 10 к. (0,05 %). В 1906 г. были совершены переводы на корреспондентов правления — 347 на сумму 816 216 р. 36 к. и получено комиссии — 454 р. 95 к.²⁶

Ташкентский филиал имел специальный текущий счет в ташкентском отделении Госбанка для переучета векселей. Например, в 1912 г. было позаимствовано 782 тыс. р., в 1913 г. — 2269 тыс. р., а в 1914 г. — 453 тыс. р.²⁷

Ташкентский филиал Госбанка и для других отделений коммерческих банков играл роль регулятора и казначейства.

Расходы и прибыли отделения

Основные расходы Ташкентского филиала составляли траты на жалованье персоналу, ремонт помещения банка, телеграф и командировочные. В год на содержание филиала тратилось в среднем 50–55 тыс. р. Нужно отметить, что 45–55 % текущих расходов отделения составляло жалованье служащим банка. Только управляющий банка получал в год не менее 4500 р.²⁸

Нужно отметить, что, невзирая на огромные риски и расходы, Ташкентский филиал в основном приносил правлению Волжско-Камского банка прибыль (табл. 8).

Таблица 8. Доходы и прибыли банка

Год	Валовый доход	Валовая прибыль/убыток	Чистая прибыль/убыток
1893	22 239 р. 90 к.	+2700 р.	Нет сведений
1894	Нет сведений	+68 300 р.	Нет сведений
1895	Нет сведений	+43 300 р.	+9700 р.
1896	52 757 р. 68 к.	+22 109 р. 71 к.	+300 р.
1897	66 196 р. 49 к.	+40 502 р. 85 к.	+4900 р.
1898	59 675 р. 39 к.	+34 753 р. 61 к.	+900 р.
1899	33 523 р. 42 к.	+10 100 р.	+100 р.
1901	49 557 р. 10 к.	+18 082 р. 75 к.	+13 164 р.
1903	98 018 р. 48 к.	+63 650 р. 49 к.	+27 213 р.
1904	113 611 р. 49 к.	+69 723 р. 18 к.	+29 925 р.
1905	152 559 р. 8 к.	+107 576 р. 46 к.	+38 413 р.
1906	215 489 р. 43 к.	+167 741 р. 97 к.	+54 990 р.
1907	380 642 р. 85 к.	+312 114 р. 34 к.	+97 151 р.
1908	428 481 р. 41 к.	+332 900 р. 61 к.	+143 600 р.
1912	389 377 р. 88 к.	+234 175 р. 1 к.	+109 073 р. 27 к.
1913	360 459 р. 93 к.	+176 174 р. 82 к.	+103 310 р. 63 к.
1914	390 826 р. 76 к.	+199 237 р. 93 к.	+137 690 р. 97 к.
1916	279 533 р. 79 к.	–369 320 р. 98 к.	–89 787 р. 19 к.

Рассчитано по: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1127. Л. 113; Д. 1128. Л. 60 об.; Д. 1131. Л. 48 об. – 49, 52 об.; Д. 1133. Л. 43 об. – 44; Д. 1135. Л. 46 об. – 47, 50 об.; Д. 1137. Л. 51, 54 об.; Д. 1139. Л. 112–113, 120; Д. 1141. Л. 56 об. – 57, 60 об.; Д. 1143. Л. 61 об. – 62, 65 об.; Д. 1145. Л. 55 об. – 56; 59 об.; Д. 1146. Л. 55 об. – 56 об., 59 об.; Д. 1147. Л. 67 об. – 68, 71 об.; Д. 1148. Л. 46–47, 50 об.; Д. 1152. Л. 5 об. – 9, 39 об.; Д. 1154. Л. 5 об. – 6, 8 об., 36; Д. 1156. Л. 5 об. – 6, 8 об., 37; Д. 1159. Л. 5 об. – 9.

Убыток 1916 г. объясняется тем, что при валовом доходе 279 533 р. 79 к. расходы составили 369 320 р. 98 к. (высокие текущие расходы, опротестованные векселя и др.). Основным источником дохода отделения были операции с учетом и ссудами. В 1912 г. ташкентский филиал заработал 389 377 р. 88 к.: по учету векселей получено — 245 917 р. 32 к., по ссудам онкольным — 111 525 р. 8 к. и по срочным ссудам — 13 443 р. 46 к. и пр. Валовая прибыль филиала составила 234 175 р. 1 к.²⁹ После начисления процентов правлению за капитал — 125 101 р. 74 к., чистая прибыль отделения составила 109 073 р. 27 к.³⁰

Клиенты банка

Клиентами Ташкентского отделения Волжско-Камского банка были в основном крупные фирмы, экспортировавшие хлопок, производители вина и продавцы мануфактуры в лавках Ташкента. Невзирая на экономический кризис 1913 г., разоривший крупнейшие торговые фирмы Ташкента и Коканда (Торговые дома бр. Боруховых и Исахаровых, наследников Ю. Давыдова), Ташкентское отделение продолжало открывать кредит крупным фирмам. Например, в 1913 г. был открыт кредит Торговому дому бр. Крафт под векселя — 1,5 млн р., под хлопок-сырец — 1 млн р., под транспортные квитанции — до 2,2 млн р.; Р. В. Мейерхорту (торговал коконами и хлопком в Милане и Бремене) был открыт кредит в 200 тыс. р.; владельцу хлопкоочистительного завода в Ташкенте М. Р. Х. Тюменеву 150 тыс. р.³¹ В 1915 г. был открыт кредит фирме Ф. Шуберт, которая скупала неочищенный рис у населения. Фирме был выдан вексельный кредит до 100 тыс. р. и под неочищенный рис до 50 тыс. р.³²

Заключение

Ташкентское агентство Волжско-Камского банка за всё время своего существования (1893–1917 гг.) в основном финансировало хлопковые фирмы и пыталось увеличить свое влияние на экспорт сельскохозяйственного сырья из Ташкентского региона. К 1917 г. все активные операции филиала зависели от хлопковых фирм. В конце 1917 г. все филиалы Волжско-Камского банка были национализированы советской властью.

¹ См.: Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (Колониальный период). Ташкент, 1959. С. 272; Вексельман М. И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1987. С. 35, 40–50, 62–67, 69–74, 82–83, 85–90, 93, 114–116, 119–120;

- Гиндин И. Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997; История Узбекской ССР / Под ред. М. Г. Вахабова, В. Я. Непомнина, Т. Н. Кары-Ниязова. Т. 1. Кн. 2. Ташкент, 1956. С. 207–208; *Кастельская З. Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980. С. 64; *Китанина Т. М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова–Стахеева–Батолина. Л., 1969; *Махкамова Н. Р.* Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. — 30-е годы XX в.). Ташкент, 2009. С. 26; *Погорельский И. В.* Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX в. (1873–1917 гг.). Л., 1968. С. 92; *Потапова Н. Ю.* История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX — начало XX в.). Ташкент, 2011. С. 74–76, 91; *Садыков А. С.* Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент: Фан, 1972; *Юлдашев А. М.* 1) Проникновение русского монополистического капитала в экономике Туркестана (1900–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ташкент, 1961; 2) Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1970. С. 124–126, 208–217, 219–221; *Хотамов Н. Б.* Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе, 1990.
- ² *Кастельская З. Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980. С. 64.
 - ³ *Садыков А. С.* Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX в. / ТашГУ. Вып. 296. Ташкент, 1965. С. 153.
 - ⁴ *Махкамова Н. Р.* Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. — 30-е годы XX в.). Ташкент, 2009. С. 26.
 - ⁵ *Хотамов Н. Б.* Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе, 1990. С. 4.
 - ⁶ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 630. Оп. 1. Д. 555 (Отчет инспекторов банка Б. Лукодянова и Р. Тальма о ревизии деятельности Ташкентского отделения на 14 марта 1916 г.). Л. 1 — 6 об.
 - ⁷ Там же.
 - ⁸ Там же.
 - ⁹ Там же.
 - ¹⁰ Там же.
 - ¹¹ Там же.
 - ¹² Там же.
 - ¹³ Там же.
 - ¹⁴ Там же.
 - ¹⁵ Там же. Л. 6 об.
 - ¹⁶ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1154. Л. 1.
 - ¹⁷ Там же. Д. 1159. Л. 1.
 - ¹⁸ Там же. Д. 1160. Л. 7 об.
 - ¹⁹ Там же. Д. 1128. Л. 61 об.
 - ²⁰ Там же. Д. 1147. Л. 72 об.
 - ²¹ Там же. Д. 1131. Л. 1 об. — 2, 9 об. — 11 об., 51 об.
 - ²² Там же. Д. 1147. Л. 144 об.
 - ²³ Там же.
 - ²⁴ Там же. Л. 144.
 - ²⁵ Там же. Д. 1145. Л. 2 об. — 3, 35 — 36 об., 41 — 43 об., 59 об.
 - ²⁶ Там же. Д. 1146. Л. 3 об. — 4, 34 — 34 об., 40 — 42 об., 59 об.
 - ²⁷ Там же. Д. 1152. Л. 4 об. — 5, 37 об. — 39; Д. 1154. Л. 4 об. — 5, 38 об.; Д. 1156. Л. 4 об. — 5, 37 об. — 38.
 - ²⁸ Там же. Д. 1145. Л. 51 об.
 - ²⁹ Там же. Д. 1152. Л. 5 об. — 8.
 - ³⁰ Там же. Л. 8 об. — 9, 39 об.
 - ³¹ Там же. Д. 1584. Л. 49–53.
 - ³² Там же. Л. 94 об. — 95.

References

- AMINOV A. M. *Ekonomicheskoe razvitie Srednei Azii (Kolonial'nyi period)*. [Economic development of Central Asia (Colonial period) In Russ.] Tashkent: Gosizdat UzSSR Publ., 1959.
- BELJAEV S. G. *Francuzskij kapital i obrazovanie Russko-Aziatskogo banka* [French capital and the formation of the Russian-Asian Bank. In Russ.] // *Otechestvennaja istorija*. 1993. N 5. S. 165–173.
- BELJAEV S. G. *Russko-francuzskie bankovskie gruppy v period jekonomicheskogo podjema 1909–1914 gg.* [Russian-French banking groups during the economic recovery of 1909–1914. In Russ.] St Petersburg, 1995.
- BREZHNEVA S. N. *Bukharskii emirat perioda protektorata Rossii v trudakh uchenogo-vostokoveda D. N. Logofeta*. [Bukharian Emirate during the protectorate period in the works of orientalist D. N. Logofet. In Russ.] // *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 2009. Iss. 4. P. 12–17.
- GINDIN I. F. *Banki i ekonomicheskaja politika v Rossii (XIX — nachalo XX v.)*. *Izbrannoe. Oчерки istorii i tipologii russkikh bankov*. [Banks and economic policy in Russia (19th — early 20th century). In Russ.] Moscow: Nauka Publ., 1997.
- IULDASHEV A. M. *Agrarnye otnosheniia v Turkestane (konets XIX — nachalo XX v.)*. [Agrarian relations in Turkestan. In Russ.] Tashkent: Uzbekistan Publ., 1970.
- KASTEL'SKAIA Z. D. *Iz istorii Turkestanskogo kraia (1865–1917)*. [From the history of the Turkestan Territory (1865–1917). In Russ.] Moscow: Nauka Publ., 1980.
- KHOTAMOV N. B. *Rol' bankovskogo kapitala v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Srednei Azii (nachalo 90-kh gg. XIX v. — 1917 g.)*. [The role of bank capital in the socio-economic development of Central Asia (early 90's of the 19th century — 1917). In Russ.] Dushanbe: Donish Publ., 1990.
- KITANIN T. M. *Voenno-infliatsionnye kontserny v Rossii 1914–1917 gg. Kontsern Putilova–Stakheeva–Batolina*. [Military corporations in Russia 1914–1917. Corporation of Putilov's–Stakheev's–Batolin's. In Russ.] Leningrad: Nauka Publ., 1969.
- LAVRENT'EV V. A. *Kapitalizm v Turkestane*. [Kapitalism in Turkestan. In Russ.] Moscow: Komm. akad. Publ., 1930.
- MAKHKAMOVAN. R. *Sotsial'naia struktura obshchestva na territorii Uzbekistana: traditsii i transformatsii (konets XIX v. — 30-e gody XX v.)*. [Social structure of society on the territory of Uzbekistan: traditions and transformations (the end of the 19th century — 30s years of 20th century). In Russ.] Tashkent: Aloqachi Publ., 2009.
- POTAPOV N. I. *Istoriia predprinimatel'stva v Turkestane (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)*. [The history of entrepreneurship in Turkestan (second half of the 19th — beginning of the 20th century). In Russ.] Tashkent: UMED Publ., 2011.
- RODNOV M. I. *Ekonomicheskie svyazi Ufy v 1870-e gody (po materialam Volzhsko-Kamskogo banka)* [Economic ties of Ufa in the 1870s (based on the materials of the Volga-Kama Bank). In Russ.] // *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii*. 2017. N2. S. 17–23.
- SADYKOV A. S. *Ekonomicheskie svyazi Khivy s Rossiei vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Economic ties of Khiva with Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries. In Russ.] / TashGU. Iss. 296. Tashkent: Nauka UzSSR Publ., 1965.
- SALOMATINA S. A., FRENKEL' O. I. *Regional'noe razvitie rossiiskikh aktsionnykh kommercheskikh bankov vo vtoroi polovine XIX v.: statistika i geoinformatsionnye tekhnologii* [Regional development of Russian joint-stock commercial banks in the second half of the 19th century: statistics and geoinformation technologies. In Russ.] // *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal. Istoriia*. 2016. T. 7; N7 (51).
- VEKSEL'MAN M. I. *Rossiiskii monopolisticheskii i inostrannyi kapital v Srednei Azii (konets XIX — nachalo XX v.)*. [Russian monopoly and foreign capital in Central Asia (late 19th — early 20th centuries). In Russ.] Tashkent: Fan Publ., 1987.

Список литературы

- Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (Колониальный период). Ташкент: Госиздат УзССР, 1959.
- Беляев С. Г. Французский капитал и образование Русско-Азиатского банка // Отечественная история. 1993. № 5. С. 165–173.
- Беляев С. Г. Русско-французские банковские группы в период экономического подъема 1909–1914 гг. СПб., 1995.
- Брежнева С. Н. Бухарский эмират периода протектората России в трудах ученого-востоковеда Д. Н. Логофета // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 4. С. 12–17.

- Вексельман М. И.* Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент: Фан, 1987.
- Гиндин И. Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М.: Наука, 1997.
- Кастельская З. Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М.: Наука, 1980.
- Китанина Т. М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова–Стахеева–Батолина. Л.: Наука, 1969.
- Лаврентьев В. А.* Капитализм в Туркестане. М.: Коммун. акад., 1930.
- Махмамова Н. Р.* Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. — 30-е годы XX в.). Ташкент: Aloqachi, 2009.
- Потапова Н. Ю.* История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX — начало XX в.). Ташкент: УМЭД, 2011. 152 с.
- Роднов М. И.* Экономические связи Уфы в 1870-е годы (по материалам Волжско-Камского банка) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2017. № 2. С. 17–23.
- Садыков А. С.* Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX в. / ТашГУ. Вып. 296. Ташкент: Наука УзССР, 1965.
- Саломатина С. А., Френкель О. И.* Региональное развитие российских акционерных коммерческих банков во второй половине XIX в.: статистика и геоинформационные технологии // *Электронный научно-образовательный журнал. История.* 2016. Т. 7; № 7 (51).
- Юлдашев А. М.* Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX в.). Ташкент: Узбекистан, 1970. 256 с.
- Хотамов Н. Б.* Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе: Дониш, 1990.

Б. А. Алимджанов. История Ташкентского отделения Волжско-Камского коммерческого банка

В статье рассматриваются основы деятельности и функции Ташкентского филиала Волжско-Камского коммерческого банка. В советской историографии банки понимались как орудие «колониализма», как западного, так и российского. Автор, основываясь на архивных данных, доказывает, что финансовые институты Российской империи учитывали местную специфику и поощряли производство экспортно-ориентированной продукции. Автор в статье активно использует межбанковскую переписку, ежегодные отчеты директора филиала, а также материалы ревизии Ташкентского отделения. Впервые в историографии исследованы активные и пассивные операции банка, проанализированы расходы и прибыли банка. Автор, в отличие от советских и постсоветских исследователей, считает, что банки не стали «монополистами» в экономике Средней Азии. Волжско-Камский банк имел в среднеазиатском регионе разветвленную сеть филиалов (4 филиала). Он стремился взять в свои руки экспорт хлопка и фруктов, но в итоге не сумел стать монополистом в экономической жизни Туркестана. Основная причина этой неудачи, по мнению автора, кроется в приспособлении банков к реально существующим экономическим отношениям в Туркестанском генерал-губернаторстве и ханствах. Модернизация экономики Центральной Азии в понимании банков состояла в финансировании экспортных культур и посредничестве между метрополией и периферией. «Колониальная» периферия на первый взгляд казалась привлекательной сферой для инвестирования и получения сверхприбылей, но спекулятивный характер туркестанской экономики помешал нормальному развитию банков. В результате экономическая модернизация Центральной Азии замедлилась и открыла дорогу советскому эксперименту.

Ключевые слова: Ташкент, Волжско-Камский коммерческий банк, Туркестан, Российская империя, капитализм, модернизация, хлопок, вексель, торговые дома, фирма.

Bakhtiyor A. Alimdjnov. History of the Tashkent branch of the Volga-Kama Commercial Bank

The article deals with the basics of activity and functions of the Tashkent branch of the Volga-Kama Commercial Bank. In Soviet historiography, banks were understood as an instrument of “colonialism”, both Western and Russian. The author, based on archival data, proves that the financial institutions of the Russian Empire took into account local specifics and encouraged the production of export-oriented products. The author actively uses interbank correspondence, annual reports of the branch director, as well as audit materials

of the Tashkent branch. For the first time in historiography, active and passive operations of the bank were investigated, the expenses and profits of the bank were analyzed. The author, unlike Soviet and post-Soviet researchers, believes that banks have not become “monopolies” in the economy of Central Asia. The Volga-Kama Bank had an extensive branch network (4 branches) in the Central Asian region. The Volga-Kama bank tried to take the export of cotton and fruits into its own hands. But in the end, the bank failed to become a monopolist in the economic life of Turkestan. The main reason for the failure, according to the author, is the adaptation of the bank to real economic relations in the Turkestan governor general and khanates. The modernization of the Central Asian economy in the understanding of banks was to finance export crops and to mediate between the metropolis and the periphery. “Colonial” periphery at first glance seemed an attractive area for investing and receiving superprofits, but the speculative nature of the Turkestan economy prevented the normal development of banks. As a result, the economic modernization of Central Asia slowed and opened the way for the Soviet experiment.

Key words: Tashkent, Volga-Kama commercial bank, Turkestan, Russian empire, capitalism, modernization, cotton, promissory note, trading houses, firm.

Алимджанов, Бахтиёр Абдихакимович — к. и. н., независимый исследователь, Ташкент, Узбекистан.

Alimjanov, Bakhtiyor Abdikhakimovich — Ph.D., Independent Researcher (Tashkent, Uzbekistan).

E-mail: felix_1985@mail.ru.

С. И. Подольский

Павел Иванович Мустель: от сына егеря до директора Ленинградского Горного института

Павел Иванович Мустель родился 10 июля 1910 г. в деревне Антропшино Петербургской губернии. Дедушка Павла, Федор Яковлевич Мустель, бывший бомбардир Выборгской крепостной артиллерии, в 1889 г. служил старшим егерем великокняжеской охоты. Его два сына — старший Иван Федорович (1874–1920) и младший Александр Иванович (1885–1905) стали зверовщиками, т.е. служителями, обеспечивающими проведение охоты. С подросткового возраста они подкармливали диких животных в заповеднике. Работа егеря таила свои опасности: Александр простудился на охоте и умер в 1905 г. А Иван Федорович, отец Павла, сумел занять должность старшего егеря после того, как отец отошел от дел между 1901 и 1910 гг.¹

Если бы не революция 1917 г., то и Павел стал бы зверовщиком; но после октября 1917 г. штат Императорской охоты был сокращен². Отец Павла подпал под влияние большевиков и стал ненадолго следователем ЧК, но потом уволился и перешел в десятники сельскохозяйственной фермы в Слуцке (так в 1918–1944 гг. назывался Павловск) и работал в этой должности до самой смерти в 1920 г. Павел до 1922 г. учился в средней школе в Детском Селе. Но в 1923 г. его мать София Андреевна (1870–1938) переехала в Вырицу. Там Павел учился в школе с девятилетним сроком обучения, которую окончил в 1926 г. После школы Павел попытал счастья в Ленинграде эпохи НЭПа. Побыв некоторое время безработным, он брался за любую работу: целый год был

ломовым извозчиком у частного хозяина П. Е. Грачева, с 1928 г. работал грузчиком-угольщиком на товарном складе Варшавской железной дороги³.

Узнав об организации Угольного института (будущий Гипрошахт) в Ленинграде в апреле 1929 г., Павел пошел учиться на вечерние курсы коллекторов, связав себя с шахтерским делом. Там же вступил в ВЛКСМ и уже осенью 1929 г. был командирован Угольным институтом старшим коллектором в Прокопьевскую геологоразведочную партию на Кузбасс, где работал до 1931 г. С мая 1930 по сентябрь 1931 г. Павел был прорабом. Успешная работа в Прокопьевске обусловила посылку протагониста Угольным институтом на учебу в Ленинградский горный институт в сентябре 1931 г. Павел Иванович попал в обширный поток так называемых выдвиженцев начала 1930-х гг.⁴

Учился Мустель на горном факультете, каждое лето в 1932–1937 гг. выезжал как начальник отряда в Прокопьевскую партию. В 1935 г. по приказу наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе Мустель в составе группы будущих горных инженеров был переведен на специальность «разработка пластовых месторождений», обучение по которой он окончил с отличием в 1937 г.⁵ Государственные экзамены он сдал на «отлично», в том числе высшую математику, диалектический и исторический материализм, аэродинамику и английский язык. В дипломе стояла подпись председателя Государственной экзаменационной комиссии, знаменитого ученого, профессора Николая Ильича Трушкова (1876–1947)⁶. Павел Иванович рано проявил интерес к науке: «...еще будучи студентом, участвовал с 1936 г. в проведении научных работ кафедры рудничной вентиляции, работая научным сотрудником бригад по рудничной вентиляции»⁷.

После получения диплома с февраля 1937 по май 1938 г. Мустель работал инженером по технике безопасности треста «Карагандауголь», а в 1938 г. был послан в Ленинград учиться в аспирантуру Горного института⁸. Как писали коллеги Мустеля по кафедре рудничной вентиляции и техники безопасности, будущий проректор по научной работе ЛГИ, профессор Иннокентий Иннокентьевич Медведев (1929–1995) и доцент Владимир Семенович Вепров (1925–1980), «его первым воспитателем и научным руководителем стал Владимир Борисович Комаров»⁹. В 1936 г. доцент В. Б. Комаров (1890–1971) возглавил лабораторию рудничной вентиляции Горного института, где проводились исследования коэффициентов аэродинамического сопротивления шахтных выработок при различных видах крепления, что способствовало выяснению основных недостатков проветривания шахт и разработке мер по их устранению. В 1937 г. Владимир Борисович организовал в Горном институте кафедру рудничной вентиляции. Мустель стал одним из 30 успешно подготовленных к защите диссертации учеников Владимира Борисовича¹⁰.

Работая в лаборатории Комарова, Павел Иванович оказался одним из главных исполнителей экспериментов. Опыты происходили в большой аэродинамической трубе диаметром 1,2 метра, впервые в СССР исследовалось

«сопротивление шахтных армированных стволов с обтекателями и без них. В дальнейшем по заданию Министерства угольной промышленности СССР исследования были продолжены при тюбинговой крепи и с частичным применением расстрелов обтекаемой формы»¹¹. Поясним, что под расстрелами понимаются несущие балки, заделанные концами (двумя или одним) в стенки ствола шахты и предназначенные для крепления трубопроводов и лестниц¹². Как пишет профессор Геннадий Иванович Коршунов и его соавторы, «в результате исследований им (Мустелем. — С.П.) были получены расчетные формулы для проветривания выработок при их проходке, получившие широкое распространение в проектных организациях»¹³.

Вместе с научным руководителем — профессором Комаровым и А. А. Гескиным Мустель проводил эксперименты на Уральских медных рудниках. Материалы исследований Павел Иванович использовал для своей первой научной статьи «Коэффициенты трения воздуха типовых выработок Уральских медных рудников», опубликованной в августовском номере «Горного журнала» за 1939 г.¹⁴ В следующем, 1940 г. у Павла Ивановича и его супруги Анны Владимировны рождается дочь Татьяна¹⁵. И в том же 1940 г. инженер участвовал в реконструкции вентиляции апатитового рудника им. С. М. Кирова в Хибинах, обследовал вентиляцию Мончегорского рудника «Североникеля», ремонтировал вентиляцию рудника треста «ТкуарчалУголь» (Абхазская АССР). В 1941 г. Мустель участвовал в обследовании вентиляции шахт Донбасса¹⁶.

Протагонист начал заниматься гидромоделированием процессов проветривания подготовительных выработок после взрывных работ. Но помешало начало войны. В начале блокады, по воспоминаниям профессора Анатолия Васильевича Рысьева (1909–1986), тогда доцента, Павел Иванович был его заместителем, начальником отдела технического контроля цеха № 1 по производству взрывчатого вещества «АК» на территории Горного института¹⁷. Как пишут в одном из трудов по истории участия инженеров Горного института в войне, Мустель показал себя «талантливым организатором»¹⁸. В феврале 1942 г. он был эвакуирован из Ленинграда, некоторое время работал старшим инженером горного отдела «Карагандашахтпроекта», но затем был переведен в Черемхово, где располагался эвакуированный Горный институт. Уже в 1942 г. протагонист, будучи ассистентом, вел занятия по курсу «Горное дело и техника безопасности»¹⁹.

Под руководством профессора Комарова Павел Иванович завершил исследования на гидромоделях и защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Определение количества воздуха для проветривания глухих забоев после взрывания шурфов». Публичная защита диссертации проходила в Черемхово 25 июня 1943 г. Оппонентами были знаменитый академик А. П. Герман (1874–1953), заместитель директора Института по учебной части и доцент А. А. Гескин. Среди выступавших в дискуссии по диссертации был профессор Александр Назарович Кузнецов (1877–1946). Ученым секретарем диссертационного совета был доцент Д. А. Казаковский (1909–1973), впоследствии

директор института в 1953–1958 гг. Почти все члены Совета — 26 человек, проголосовали «за», только двое воздержались²⁰. Методика гидро моделирования Мустеля актуальна до сих пор: она используется для изучения процессов разбавления и вымывания газообразных продуктов взрыва в камерообразных (т.е. малодоступных) выработках. Предложенные диссертантом формулы подсчета количества воздуха стали общепринятыми²¹. В декабре 1943 г. Мустель получил должность доцента²². Находясь в Черемхово, Павел Иванович вместе со своим научным руководителем профессором Комаровым, а также профессором В. Д. Слесаревым по указанию Наркомата угольной промышленности СССР помогали тресту «Востоксибуголь». Они исследовали причины подземных пожаров и разработали методику по их устранению²³.

В декабре 1944 г. Павел Иванович был принят в кандидаты ВКП(б), членом партии он стал в 1946 г., а в 1947 г. ему было присвоено ученое звание доцента. Это сильно отразилось на его зарплате: если в 1944 г. он получал 1 тыс. р., то в 1947 г. он получал уже 2800 р. в месяц. В послевоенные годы Павел Иванович, работая доцентом кафедры рудничной вентиляции и охраны труда Ленинградского Горного института, продолжал исследования по определению коэффициентов сопротивления для новых видов крепи горных выработок и шахтных стволов²⁴.

В первые послевоенные годы Мустеля привлекали ответственным исполнителем для работ по обследованию вентиляции апатитовых рудников, сланцевых шахт, рудников Садонского рудоуправления (Северо-Осетинская АССР). Особенно сложно было участвовать в восстановлении комбината «Печенганикель»²⁵. После подписания советско-финского мирного договора в Тарту в 1920 г. Печенга (Петсамо) перешла к Финляндии²⁶. А в 1921 г. финский студент, геолог Хуго Тернгрвист обнаружил там никелевое месторождение. В 1934 г. в области Петсамо был построен поселок Колосйоки (нынешний Никель) и в том же году строительство никелевого комбината посетил фельдмаршал Финляндии Густав Маннергейм. В конце войны, отступая, немецкие и финские войска не только обрушили 150-метровую дымовую трубу на здание завода, перерубив его пополам, но и затопили шахты²⁷. Мустель участвовал в восстановлении вентиляции рудников металлургического комбината²⁸. В 1947–1948 гг. Мустель занимался совершенствованием вентиляции Соликамских рудников (Пермская область) и реконструкцией вентиляционных сооружений шахт Донбасса. В 1949 г. Павел Иванович обследовал состояние вентиляции шахт «Ленинградсланца» и занимался рационализацией схем вентиляции шахт «Эстонсланец», завершив эту работу в декабре 1949 г.²⁹ А в 1950 г. у Павла Ивановича рождается вторая дочь — Ирина³⁰.

Вероятно, в связи с избранием доцентом в сентябре 1948 г. директор ЛГИ Д. С. Емельянов и секретарь партийного комитета Института А. С. Голиков дали развернутую характеристику Мустелю. В ней перечислены различные качества Павла Ивановича, и мы в связи с этим приведем большую выдержку

ку из нее: «...политически хорошо развит, с большой добросовестностью относится к выполнению партийных и общественных поручений, являясь одним из наиболее активных общественных работников Горного факультета. Очень трудолюбив и исполнитель, требователен к себе и к подчиненным. Является вполне зрелым научным работником, обладает большими способностями к научной работе и относится к ней с любовью; талантливый экспериментатор... Преподавательская работа Павла Ивановича Мустеля характеризуется умением увлеченно и на высоком научном уровне излагать читаемые предметы, при тесной увязке теории с практикой. Поддерживает живую связь с производством, выезжая ежегодно на горные предприятия для выполнения научно-исследовательских работ...»³¹

В 1953–1955 гг. Павел Иванович снова был командирован на Донбасс, теперь он под началом своего научного руководителя — профессора Комарова проводил обширные исследования в шахтах Донецкого бассейна по установлению норм утечек воздуха через вентиляционные сооружения и выработанные пространства действующих лав. Работа выполнялась коллективом кафедры рудничной вентиляции и охраны недр по заданию Министерства угольной промышленности СССР. Мустелю помогали доценты Ш. Х. Килькеев и А. И. Колбин, ассистент В. С. Вепров, аспиранты И. И. Медведев и М. А. Патрушев. Результаты вошли в инструкции и руководства по расчету проветривания действующих и проектируемых угольных шахт³². Во время этих работ, 25 июня 1954 г., в Ленинградском Горном институте Павел Иванович защитил докторскую диссертацию на тему: «Опыт исследования, теория и расчет вентиляционного сопротивления круглых шахтных стволов». Завершая работы на Донбассе, Мустель в 1955 г. опубликовал статью «Опытное исследование закономерностей оседания угольной и другой минеральной пыли». Материал вышел в весьма актуальном сборнике 1955 г. «Борьба с силикозом», изданном АН СССР и направленном на лечение профессиональных болезней легких шахтеров³³.

Чуть подробнее остановимся на докторской диссертации Павла Ивановича. Ученый разработал микро моделирование вентиляционных процессов в тупиковых выработках. Для проведения экспериментов он использовал лабораторные стенды с водой в качестве имитатора воздушных потоков³⁴. Результаты докторской диссертации Мустель опубликовал в работах «Определение коэффициентов вентиляционного сопротивления круглых шахтных стволов» (Записки ЛГИ. 1959. Т. 38, вып. I) и «Структура воздушных потоков в вертикальных шахтных стволах» (Записки ЛГИ. 1968. Т. 55, вып. I). В 1957 г. протагонист впервые издал учебник «Вентиляция шахт»³⁵.

В 1956–1957 гг. Павел Иванович занимал должность декана горного факультета. К работе декана Мустель подошел неформально. Так, в ноябре–декабре 1957 г. он организовал серию общекурсовых вечеров для студентов с танцами и музыкой. Правда, музыку играли сами студенты, и в отчете об их игре Мустель написал, что «самодеятельность была все-таки несколько слабой». Особое

внимание Мустель уделил порядку в общежитиях. В докладе для партийного комитета Горного института в феврале 1958 г. он писал: «...в результате частых посещений помещений общежития преподавателями улучшилось санитарное состояние комнат, уменьшилось количество нарушений правил внутреннего распорядка»³⁶. На вопрос членов парткома Института об изучении настроений студентов Павел Иванович ответил, что эту работу «ведет повседневно»³⁷.

С начала 1950-х и до 1957 г. Павел Иванович был главным редактором многотиражной газеты Горного института «Горняцкая правда». На газету он смотрел как на инструмент воспитательной работы. Об этом можно судить из его выступления на заседании парткома в июне 1954 г.: «...газетой вскрывались недостатки в учебной, хозяйственной работе». Главред хотел, чтобы газета активнее использовалась студентами для самокритики: «...не всегда студенты критиковали своих товарищей». В то же время целый ряд работников он хотел похвалить в газете: «...считаю, что низовых работников хвалить надо, так как они помогают в учебном процессе». Павлу Ивановичу удалось наладить взаимодействие с многотиражными газетами, издаваемыми факультетами института, — «Металлург», «Нефтяник» и «Горняк»³⁸.

В то же время Павел Иванович поощрял занятия студентов литературной деятельностью и поэзией. Об этом мы читаем в содержательных воспоминаниях известного геолога и барда А. М. Городницкого: «В Горном выходила в то время многотиражка “Горняцкая правда”, вокруг редакции которой группировались люди, интересующиеся литературой или уже пишущие». Александр Моисеевич подчеркнул, что Павел Иванович оказал решающую поддержку при создании Литературного объединения Горного института: «Главный редактор этой газеты Павел Иванович Мустель, ставший позднее ректором Горного института, оказал нам немалую поддержку, и, наконец, профком и комитет комсомола приняли соответствующее решение. Первые занятия “объединения”, на которые собиралось вначале не более десяти человек, проходили в тесной комнатке редакции, но популярность ЛИТО стала быстро расти, и уже через месяц для каждого занятия нужна была аудитория»³⁹. Правда, летом–осенью 1957 г. ЛИТО будет подвергнуто разгрому из-за критики партийными органами изданного обществом стихотворного сборника, содержавшего стихи, не прошедшие цензуру⁴⁰.

Еще только в январе 1957 г. Мустель стал профессором, а уже в 1958 г. был выбран преемником Дмитрия Антоновича Казаковского на посту директора Ленинградского Горного института. Геолог И. В. Архангельский о Мустеле вспоминал как о человеке, имевшем «негромкий голос, мягкую интеллигентную манеру общения»⁴¹. В 1958–1960 гг. Павел Иванович принял участие в организации обучения по вечерней и заочной системе; впоследствии, уже при его преемнике Льве Николаевиче Келле (1912–1978), создавались многочисленные вечерние факультеты. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. в маркшейдерию и геодезию начали активно внедрять электронно-вычислительную технику.

Советская геодезическая служба использовала ее с 1958 г.⁴² Горный институт откликнулся на веяние времени — в 1962 г. был организован факультет радиоэлектроники, просуществовавший под таким названием 10 лет⁴³.

В конце своего руководства институтом, в 1962 г., Мустель инициировал ряд мероприятий, «направленных на улучшение охраны труда и техники безопасности». В центральной котельной были заменены три старых котла на новые, была проверена и отремонтирована электропроводка, особое внимание было обращено на заземление электричества. На первом этаже главного учебного корпуса были сделаны новые полы, в лабораториях улучшены условия работы со ртутью, проверена воздушная среда. По указанию директора была отлажена выдача спецодежды и защитных средств на вредных производствах в институте. Было строго проконтролировано получение льгот за участие во вредных работах. Итоги работ по технике безопасности подводил уже не Павел Иванович, а исполнявший обязанности директора Горного института доцент Юрий Михайлович Мисник (1929–1990)⁴⁴. Павел Иванович оставил должность директора по собственному желанию в связи с болезнью⁴⁵.

Несмотря на занимаемую должность директора института, протагонист не оставил педагогическую и научную деятельность. И. В. Архангельский писал, что в 1958–1959 гг., «будучи ректором, он читал на нашем потоке “Технику безопасности”». Читал интересно, мы узнали от него много жизненно важных сведений. Павел Иванович помог осознать огромную важность этой дисциплины... Очень много внимания уделял Мустель безопасному проведению подземных горных работ»⁴⁶. Впоследствии, помня уроки Павла Ивановича, Игорь Всеволодович не допустил ни одного несчастного случая во время опасного бурения скважин в прибрежных водах Баренцева моря⁴⁷.

По воспоминаниям Архангельского, Мустель показал себя педагогом, пытающимся неформально объяснить студентам суть процесса обучения: «В конце курса Мустель поведал нам одну важную вещь. Он сказал, что многие предметы, которые мы изучаем в институте, совсем не потребуются в практической работе. Но пусть нас это не расстраивает. Зато мы в институте научимся в короткий срок овладевать новыми знаниями. И поскольку жизнь постоянно меняется, а темпы технического развития становятся всё выше и выше, мы должны будем быстро приспосабливаться ко всему новому. И у нас это хорошо получится». В итоге автор записок подчеркнул правоту директора Института: «Я убедился, насколько он был прав»⁴⁸.

Павел Иванович был мудрым человеком, он пытался привить окружающим чувство меры во всем. Об этом свидетельствует и такой яркий факт из партийной истории Горного института. В октябре 1961 г. на заседании партийного комитета ЛГИ обсуждалась новая Программа КПСС и проект Устава партии. Один из участников партсобрания, студент второго курса Горин, вероятно в порыве азарта, сделал неожиданное предложение, записанное стенографистом: «...на учебной практике, в студенческих общежитиях имеет место пьянство,

картежная игра и прочее. Предлагает внести в проект программы партии положение о поэтапной ликвидации всех спиртных напитков; о запрещении танцев в Домах культуры»⁴⁹. Беспокойство «сознательного» студента можно понять, торговля спиртным, особенно пивом в Ленинграде не уменьшалась, а с 1959 г. модернизированные и новые пивбары как магниты притягивали молодых людей⁵⁰. Но Мустель призвал к благоразумию: «...среди студентов имеются отдельные аморальные факты, но нельзя так сгущать краски, как это сделал т. Горин. Подобные явления не характерны для подавляющего большинства студентов. Неправильно также предложение т. Горина о запрете танцев и ликвидации спиртных напитков. Во всем этом нужна мера»⁵¹. Думается, чувство «золотой середины» было присуще Павлу Ивановичу.

В целом за период своей активной педагогической деятельности Мустель подготовил более 30 кандидатов технических наук, которые долгие годы трудились в различных НИИ страны. Свой научный опыт он использовал на решение таких проблем, как улучшение условий труда и повышение безопасности работ на предприятиях горнодобывающей промышленности⁵². О таланте Павла Ивановича его уже упомянутые коллеги И. И. Медведев и В. С. Вепров вспоминали: «...педагогическую и научно-исследовательскую работу Павел Иванович умело сочетал с административной и общественной деятельностью. Будучи деканом горного факультета (1956–1957), ректором института (1958–1962) и с 1964 г. заведующим кафедрой, он проявил организаторские способности, был требователен к себе и подчиненным и при этом оставался чутким и внимательным к окружающим»⁵³.

23 декабря 1964 г. Павел Иванович вслед за профессором Комаровым возглавил кафедру рудничной вентиляции и техники безопасности, которой руководил до конца жизни. Делая в те дни доклад о работе кафедры на ученом совете, Мустель рассказывал, что преподаватели вели две дисциплины: рудничная аэрология и охрана труда. Важным итогом деятельности кафедры профессор считал защиту 15 аспирантов за 1959–1964 гг. Из них двое были иностранцы — индеец и немец из ГДР, шестеро работали в НИИ, семеро — преподаватели вузов. Два кандидата наук с кафедры стали докторами наук — И. И. Медведев и П. Г. Тарасов. Большое значение Мустель придавал работам преподавателей кафедры на предприятиях по договорам: «...как известно, наибольшее значение для повышения квалификации преподавателей имеет активизация научно-исследовательской работы на кафедре по хозяйственным договорам и госбюджету». В указанные годы преподаватели кафедры работали в зоне вечной мерзлоты, в частности на Норильском никелевом комбинате. Важны были работы на «Ленинградсланце» и на Солигорском комбинате (Минская область Белорусской ССР)⁵⁴.

В 1964 г. Мустель издает в издательстве «Недра» монографию «Основы техники безопасности и противопожарной техники при геологоразведочных работах». В 1967 г. помимо этого протагонист был назначен Министерством

высшего образования СССР заместителем председателя Учебно-методического совета при МВО СССР. В 1968 г. Мустель издает «Задачник по рудничной вентиляции». Плодотворным в научном плане для Павла Ивановича было начало 1970-х гг. В 1970 и 1971 гг. он дважды издает учебник «Рудничная вентиляция» в издательстве «Недра», дополняя его. Одной из последних публикаций Павла Ивановича была книга «История развития охраны труда в горном деле России», изданная в Горном институте в 1974 г.⁵⁵

Павел Иванович неоднократно становился членом районного комитета КПСС Свердловского района, избирался в партийный комитет Института и возглавлял общеинститутскую группу народного контроля. В разные годы он был главным редактором многотиражной газеты института «Горняцкая правда». В начале 1970-х гг. профессор возглавил редакционную коллегию межвузовского научного сборника «Вентиляция шахт и рудников». Он провел основную работу по редактированию и подготовке к изданию первых двух выпусков этого сборника⁵⁶.

Павел Иванович был награжден двумя орденами «Трудового Красного Знамени», медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В честь 250-летия Ленинграда», знаком «Шахтерская Слава». В 1973 г., когда ЛГИ праздновал 200-летие со дня основания, ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. К сожалению, со временем начали сказываться болезни, приобретенные в годы блокады и войны, а потом тяжелой работы на рудниках, и 6 декабря 1975 г. Павел Иванович скончался⁵⁷. После его смерти в 1976–1995 гг. кафедру рудничной вентиляции и охраны труда возглавлял ученик покойного И. И. Медведев⁵⁸. В 1976 г. был издан третий межвузовский научный сборник «Вентиляция шахт и рудников», его посвятили памяти Павла Ивановича Мустеля⁵⁹.

¹ Бурлаков А. В. Записки гатчинского краеведа. Кн. 1. Гатчина, 2012. С. 41–44; Ленинградский Горный институт (далее — ЛГИ). Отдел кадров. Д. 49. Л. 6, 24.

² Бурлаков А. В. Записки гатчинского краеведа. С. 44.

³ ЛГИ. Отдел кадров. Д. 49. Л. 6, 22–23.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 25.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Медведев И. И., Венров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте // Вентиляция шахт и рудников: Межвузовский сборник. 1976. Вып. 3. Л., 1976. С. 3.

- ¹⁰ Там же. С. 4.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Маркшейдерская энциклопедия / Гл. ред. Л. А. Пучков. М., 2006. С. 410.
- ¹³ Коршунов Г. И., Никулин А. Н., Афанасьев П. И. История развития кафедры «Безопасности производств» Национального минерально-сырьевого университета «Горный» // Безопасность жизнедеятельности. 2012. № 10. С. 41.
- ¹⁴ Медведев И. И., Вепров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте. С. 4.
- ¹⁵ ЛГИ. Отдел кадров. Д. 49. Л. 83.
- ¹⁶ Там же. Л. 27.
- ¹⁷ Воспоминания Рысьева Анатолия Васильевича, доцента, начальника цеха № 1 оборонного производства при ЛГИ. 1941 г. // На пороховой бочке: Сборник воспоминаний студентов и сотрудников ЛГИ, работавших в 1941–1942 гг. на спецпроизводстве. Л., 1991. С. 6.
- ¹⁸ Бельй А. Т. Помнить всех поименно. М., 2006. С. 104.
- ¹⁹ ЛГИ. Отдел кадров. Д. 49. Л. 11.
- ²⁰ Там же. Л. 14.
- ²¹ Медведев И. И., Вепров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте. С. 4.
- ²² ЛГИ. Отдел кадров. Д. 49. Л. 15.
- ²³ Мокеев А. Б. Ленинградский Горный институт в годы Великой Отечественной войны // Память о великой Победе: Межвузовский сборник статей: В 2 ч. Ч. 1. М., 2016. С. 25.
- ²⁴ ЛГИ. Отдел кадров. Д. 49. Л. 16, 36.
- ²⁵ Там же. Л. 23; Медведев И. И., Вепров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте. С. 4.
- ²⁶ Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб., 2016. С. 116.
- ²⁷ Черницын А. Война за никель // Дилетант. 2015. № 6 (42). С. 32–35.
- ²⁸ Медведев И. И., Вепров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте. С. 4.
- ²⁹ ЛГИ. Отдел кадров. Д. 49. Л. 33.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 25.
- ³² Медведев И. И., Вепров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте. С. 4.
- ³³ ЛГИ. Отдел кадров. Д. 49. Л. 59.
- ³⁴ Медведев И. И., Вепров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте. С. 4.
- ³⁵ ЛГИ. Отдел кадров. Д. 49. Л. 59.
- ³⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее ЦГА ИПД СПб). Ф. 80. Оп. 9. Д. 61. Л. 35.
- ³⁷ Там же. Л. 39.
- ³⁸ Там же. Д. 3. Л. 186–187.
- ³⁹ Городницкий А. М. И вблизи и вдали. М., 1991. С. 64.
- ⁴⁰ Там же. С. 69. Этому сюжету мы думаем посвятить отдельную статью, снабженную документами партийного комитета Горного института.
- ⁴¹ Архангельский И. В. Из книги «Записки выпускника Горного института» // Инженерная геология. Приложение к журналу. 2015. № 3. С. 75.
- ⁴² Пандул И. С., Пукианский Б. Я. Развитие геодезии с древнейших времен до наших дней // Маркшейдерский вестник. 2008. № 5. С. 16.
- ⁴³ История создания и развития Санкт-Петербургского государственного горного института. Т. 1. СПб., 1998. С. 52–53.
- ⁴⁴ Центральный Государственный архив научно-технических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГА НТД СПб). Ф. 112. Оп. 1. Д. 91. Л. 71.

- ⁴⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 93. Д. 628. Л. 18.
- ⁴⁶ Архангельский И. В. Из книги «Записки выпускника Горного института». С. 74.
- ⁴⁷ Там же. С. 75.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 93. Д. 105. Л. 112.
- ⁵⁰ Молчанова Т. С. Быт ленинградского студенчества в условиях реформирования высшей школы в 1950-е — 1960-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2018. С. 92.
- ⁵¹ Там же. С. 113.
- ⁵² История создания и развития Санкт-Петербургского государственного горного института. С. 152–153.
- ⁵³ Медведев И. И., Венров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте. С. 5.
- ⁵⁴ ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 93. Л. 89.
- ⁵⁵ Медведев И. И., Венров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте. С. 5.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ История создания и развития Санкт-Петербургского государственного горного института. С. 153.
- ⁵⁸ Медведев И. И., Венров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте. С. 5.
- ⁵⁹ См.: Вентиляция шахт и рудников: Межвузовский сборник. 1976. Вып. 3. Л., 1976. С. 2.

References

- ARHANGELSKIY I. V. *Iz knigi "Zapiski vypusknika Gornogo instituta"* [From the book "Notes of the graduate of the Mining Institute"] // *Inzhenernaja geologija. Prilozhenie k zhurnalu*. 2015. N3. S. 68–78.
- BELYJ A. T. *Pomnit vseh poimennno* [Remember all by name]. Moscow: AVOK Severo-Zapad, 2006.
- BURLAKOV A. V. *Zapiski gatchinskogo kraevedy* [Notes by Gatchina ethnographer]. Kn. 1. Gatchina: Izd-vo NChOU NPO SPU im. Dona Bosko, 2012.
- CHERNICYN A. *Vojna za nikel* [Nickel war] // *Diletant*. 2015. N6 (42). S. 32–37.
- Gornjakam — pochetnoe zadanie! Vospominaniya Rys'eva Anatolija Vasil'evicha, docenta, nachal'nika ceha N1 oboronnogo proizvodstva pri LGI. 1941 g.* [To miners — an honourable task! Memoirs of Rysyev Anatoly Vasilyevich, the associate professor, foreman No. 1 of defensive production at LIE. 1941.] // *Na porohovoj bochke*. (Sbornik vospominanij studentov i sotrudnikov LGI, rabotavshih v 1941–1942 gg. na specproizvodstve). Leningrad: Otdel istorii Leningradskogo gornogo instituta, 1991. S. 6–14.
- GORODNICKIJ A. M. *I vblizi i vdali* [Both near and far]. Moscow: Poligran, 1991.
- Istoriya sozdaniya i razvitiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo gornogo instituta* [The history of the creation and development of the St. Petersburg State Mining Institute]. T. 1. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj gornyj institut, 1998.
- KORSHUNOV G. I., NIKULIN A. N., AFANAS'EV P. I. *Istoriya razvitiya kafedry "Bezopasnosti proizvodstva" Nacionalnogo mineralno-syrevogo universiteta "Gornyj"* [The history of the development of the "Production safety" department of the National University of Minerals and Raw Materials] // *Bezopasnost zhiznedjelatnosti*. 2012. N10. S. 40–55.
- Markshejderskaja jenciklopedija* [Surveying encyclopedia]. Moscow: Mir gornoj knigi, 2006.
- MEDVEDEV I. I., VEPROV V. S. *O dejatelnosti professora P. I. Mustelja v Leningradskom gornom institute* [On the activities of Professor P. I. Mustel at the Leningrad Mining Institute] // *Ventiljacija shahit i rudnikov: Mezhvuzovskij sbornik*. Vyp. 3. 1976. Leningrad: Leningradskij gornyj institut, 1976. S. 3–6.
- MOKEEV A. B. *Leningradskij Gornyj institut v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Leningrad Mining Institute during the Great Patriotic War] // *Pamjat o velikoj Pobede. Mezhvuzovskij sbornik statej: V 2 ch. Ch. 1*. Moscow: MGTU im. N. Je. Bauman, 2016. S. 19–28.

MOLCHANOVA T. S. *Byt leningradskogo studenchestva v usloviyah reformirovaniya vysshej shkoly v 1950-e — 1960-e gg.* [Life of the Leningrad students in the conditions of the reform of higher education in the 1950s–1960s.] Dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2018.

PANDUL I. S., PUKSHANSKIY B. J. A. *Razvitie geodezii s drevnejshih vremen do nashih dnei* [The development of geodesy from ancient times to the present day] // *Markshejderskij vestnik*. 2008. N 5. S. 13–16.

RUPASOV A. I., CHISTIKOV A. N. *Sovetsko-finljandskaja granica. 1918–1938 gg. Oчерki istorii* [Soviet-Finnish border. 1918–1938. Sketches of history]. St. Petersburg: Aurora, 2016.

Список литературы

Архангельский И. В. Из книги «Записки выпускника Горного института» // *Инженерная геология*. Приложение к журналу. 2015. № 3. С. 68–78.

Белый А. Т. Помнить всех поименно. М.: АВОК Северо-Запад, 2006.

Бурлаков А. В. Записки гатчинского краеведа. Кн. 1. Гатчина: Изд-во НЧОУ НПО СПУ им. Дона Боско, 2012.

Горнякам — почетное задание! Воспоминания Рысьева Анатолия Васильевича, доцента, начальника цеха № 1 оборонного производства при ЛГИ. 1941 г. // На пороховой бочке: Сборник воспоминаний студентов и сотрудников ЛГИ, работавших в 1941–1942 гг. на спецпроизводстве. Л.: Отдел истории Ленинградского горного института, 1991. С. 6–14.

Городницкий А. М. И вблизи и вдали. М.: Полигран, 1991.

История создания и развития Санкт-Петербургского государственного горного института. Т. 1. СПб.: Санкт-Петербургский государственный горный институт, 1998.

Коришнев Г. И., Никулин А. Н., Афанасьев П. И. История развития кафедры «Безопасности производств» Национального минерально-сырьевого университета «Горный» // *Безопасность жизнедеятельности*. 2012. № 10. С. 40–55.

Ленинградский Горный институт (далее ЛГИ). Отдел кадров. Д. 49.

Маркшейдерская энциклопедия. М.: Мир горной книги, 2006.

Медведев И. И., Венров В. С. О деятельности профессора П. И. Мустеля в Ленинградском Горном институте // *Вентиляция шахт и рудников: Межвузовский сборник*. 1976. Вып. 3. Л.: Ленинградский горный институт, 1976. С. 3–6.

Мокеев А. Б. Ленинградский Горный институт в годы Великой Отечественной войны // *Память о великой Победе: Межвузовский сборник статей: В 2 ч. Ч. 1*. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2016. С. 19–28.

Молчанова Т. С. Быт ленинградского студенчества в условиях реформирования высшей школы в 1950-е — 1960-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2018.

Пандул И. С., Пукианский Б. Я. Развитие геодезии с древнейших времен до наших дней // *Маркшейдерский вестник*. 2008. № 5. С. 13–16.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб.: Аврора, 2016.

Черницын А. Война за никель // *Дилетант*. 2015. № 6 (42). С. 32–37.

С. И. Подольский. Павел Иванович Мустель: от сына егеря до директора Ленинградского Горного института

Статья посвящена личности Павла Ивановича Мустеля (1910–1975). Выходец из семьи егерей великокняжеской охоты, проведя детство в годы Гражданской войны и НЭПа, он начал свой трудовой путь поденщиком. Попав в водоворот индустриализации, Мустель сумел сделать успешную карьеру горного инженера и стать видным преподавателем Ленинградского Горного института. Даже работая на институтской кафедре, он совмещал преподавание с практической работой на шахтах и предприятиях, перерабатывающих руду. Научная работа Мустеля касалась таких жизненно важных тем, как проветривание шахт, уборка пыли из забоев после взрывных работ, ликвидация подземных пожаров, реконструкция систем вентиляции рудников, меры по охране шахтеров от силикоза и других заболеваний дыхательных путей. В конце 1950-х гг. Мустель занял пост директора Ленинградского горного института. В годы руководства учебным заведением Мустель особое внимание обращал на условия труда подчиненных и меры по соблюдению техники безопасности в лабораториях и в других производственных помещениях института. При Мустеле началась важная организационная работа — создание новых факультетов в университете; этот процесс будет успешно продолжен следующим директором Ленинградского горно-

го института Л. Н. Келлем. Павел Иванович показал себя разносторонним человеком: он сочетал в себе строгого инженера и талантливого педагога, пытавшегося неформально подойти к воспитанию студенчества. Об этом говорят его поддержка деятельности Литературного общества, созданного молодыми поэтами в середине 1950-х гг., знаменитого ЛИТО, а также воспоминания современников.

Ключевые слова: великокняжеская охота, Гатчина, горный инженер, рудничная вентиляция, техника безопасности, маркшейдерия, Ленинградский горный институт, ЛИТО.

**S. I. Podolskiy. Pavel Ivanovich Mustel:
from the son of a huntsman to the director of the Leningrad Mining Institute**

The article is devoted to the personality of Pavel Ivanovich Mustel (1910–1975). Coming from the family of the rangers of the Grand-Ducal Hunt, after spending his childhood during the Civil War and the NEP, he began his career as a day laborer. Once in the whirlpool of industrialization, Mustel managed to make a successful career as a mining engineer and become a prominent teacher at the Leningrad Mining Institute. Even working in the institute department, he combined teaching with practical work in mines and enterprises processing ore. Mustel's scientific work dealt with such vital topics as airing mines, cleaning the dust from the faces after blasting, eliminating underground fires, reconstructing the ventilation systems of mines, protecting miners from silicosis and other respiratory diseases. In the late 1950s Mustel took the post of director of the Leningrad Mining Institute. During the years when the school was in charge, Mustel paid special attention to the working conditions of his subordinates and measures to comply with safety regulations in laboratories and in other industrial premises of the institute. Under Mustel, an important organizational work began — the creation of new faculties at the university, this process will be successfully continued by the next director of the Leningrad Mining Institute, L. N. Kell. Pavel Ivanovich showed himself to be a versatile person: he combined a strict engineer and a talented teacher who tried to approach the education of students informally. This is evidenced by his promotion of the activities of the Literary Society, created by young poets, in the mid-1950s, the famous LITHO and the memoirs of contemporaries.

Key words: Grand-Ducal hunting, Gatchina, mining engineer, mine ventilation, safety engineering, mine surveying, Leningrad Mining Institute, LITO.

Подольский, Сергей Игоревич — к. и. н., ассистент кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета.

Podolskiy, Sergey Igorevich — PhD, assistant of the Department of History of the St Petersburg Mining University.

E-mail: octet@yandex.ru.

А. Е. Мусин

Головажня и воз: к уточнению метрологии в средневековой Восточной Европе

Среди нерешенных вопросов истории Восточной Европы эпохи средневековья остается количественное значение некоторых мер сыпучих тел. В данном случае речь пойдет о головажне и возе.

Так, девятая статья Карамзинского списка «Руской правды» фиксирует, что вирник получал на себя и трех (?) отроков недельный корм в виде 7 ведер солода, 7 хлебов и 7 головажень соли. По счастью, «Руская правда» — не единственный памятник, во второй половине XI в. упоминающий головажню. Киево-Печерский патерик в Слове 31-м о Прохоре черноризце сообщает интересную подробность ценообразования средневекового Киева. Если в условиях дефицита соли две головажни могли продаваться за одну куну, то после появления соли из пепла, которую приготавливал Прохор, за ту же куну горожане отказывались покупать и десять головажень¹. Стоит предположить, что «пепельная соль» печерского инокa — это заменитель соли, получаемый архаичным способом посредством выщелачивания, который до настоящего времени практикуется первобытными племенами или применяется в экстремальных условиях². Описанные события можно отнести к 1099 г., когда в результате войны между киевским князем Святополком Изяславичем и Володаром и Василько Ростиславичами торговые связи Киева с Галицкой землей — основным поставщиком соли — были прерваны.

Сколько же весила головажня, какова была ее настоящая цена и насколько широко применялась эта мера веса? Списки «Руской правды» демонстрируют высокую вариативность этого термина. Основной формой была «головажня»,

однако поздние версии знают и другие написания — «говажня», «голжажня», «головажина», «голвяжня»³. Это может свидетельствовать о быстром выходе головажни из весовой системы Московской земли, тогда как для южных и западных регионов Восточной Европы, прежде всего — для Украины и Беларуси, такая мера осталась привычной⁴.

В Новгородской земле головажня, как свидетельствуют письменные памятники, не была известна. Здесь использовались такие соляные меры, как «коробья», «полчетвертка» (предположительно восьмая часть коробки), «розмер» и «ставец». Связь этих мер между собой и их абсолютные значения не всегда очевидны. Более определенно можно говорить о такой новгородской мере, как «берковец» (10 пудов или 160–163,8 кг)⁵.

Берковец, который также употреблялся для взвешивания меда и воска, был в ходу, согласно данным берестяных грамот, в XII–XIV вв. (Старая Русса, грамоты № 20 [первая половина XII в.], 26 [конец XIII в.], новгородские грамоты № 701 [вторая половина XIV в.], 624 [вторая половина XII в.], 630 [вторая четверть XII в.], 633 [первая половина XII в.], 214 [вторая половина XIII в.], 212 [вторая половина XIII в. — рубеж XIII–XIV вв.], 184 [середина XIV в.])⁶. Некоторые исследователи полагают, что берковец, будучи изначально предикатом пуда («бърковѣскъ поудъ» средневековых текстов), связан своим происхождением с торговым правом скандинавской Бирки эпохи викингов (*biärkörätt*)⁷. Позднее он соответствовал «корабельному фунту» — шиффунту (*schepfund*), бывшему мерой веса в Балтийском регионе и равнявшемуся 400 марковому фунтам. В XV в. рижский шиффунт мог весить 167,6 кг, тогда как дерптский шиффунт — лишь 165,9 кг. При этом новгородцы могли использовать и иные меры при торговле воском, например «новгородский шиффунт», именовавшийся в XVII в. «восковой четвертью». Он делился не на 400, а на 480 марковых фунтов⁸.

Вернемся к головажне. Дмитрий Абрамович лишь констатирует, что головажня была мерой соли⁹. Николай Карамзин приравнивал головажни к «ступкам», не указывая их веса¹⁰. Игнатий Раковецкий перевел 7 головажень «Руской правды» как “7 gasek”, которые, по его мнению, своей формой напоминали сахарную голову. Этот термин, как и сопутствующие названия «слупки» и «глувки», в начале XIX в., по его мнению, широко использовались для обозначения формовки вываренной соли в Галиции и на Волыни¹¹. Василий Сторожев переводил текст «Правды» как «7 головок соли», не приводя при этом никаких весовых обозначений¹².

Были и другие попытки определить вес головажни. Николай Аристов полагал, что «головажа значит ведро»¹³. Ему возражал Станислав Струмилин, который использовал для абсолютных расчетов средневековых мер фунт нового времени. Это заставляет отнестись к его построениям с известной долей осторожности. С. Струмилин посчитал, что в случае принятия выводов Н. Аристова «ведро-головажня» должна была бы содержать около 50 фунтов соли (фунт —

0,4095 кг). Это привело бы к цене за берковец соли «от 0,8 до 4 кун» и в среднем к стоимости пуда соли 0,24 куны. Считая такую цену невозможной, он опирался на соотношение пищевого обеспечения вирника «Руской правды». По его расчетам, в начале XX в. на 100 фунтов хлеба в городах обычно расходовалось не более 5 фунтов соли. Следовательно, при весе каравая хлеба не более 20 фунтов мера необходимой для него соли не превышала 1 фунта. Такая логика привела его к мысли, что объем головажни составлял не ведро, а в 50 раз меньшую меру — стакан¹⁴, т. е. около 220–250 г соли. Предположение о весе головажни в 200 г высказывалось и другими исследователями¹⁵.

В современных работах можно прочесть, что головажня соли (иначе: стопка, ступка, гуска) представляла собой на землях Украины эпохи позднего средневековья — раннего нового времени брусок соли примерно размером 2,5×5 см, средний вес которого составлял 60–80 г, однако конкретный источник информации не упоминается¹⁶.

В нашем случае представляются крайне важными выводы краковского исследователя Ежи Вырозумского. Он сопоставляет головажню с такими терминами, как *capita salis* и *frustrum salis*, и переводит ее как *główa soli*, считая, что она имела стогообразную или округлую форму. Исследователь отрицает предложенную Измаилом Срезневским этимологию термина, возводящую его к средневековому верхненемецкому слову *galwei* (= *galwage*?) как крупной меры сыпучих тел¹⁷. Согласно его видению, слово «головажня» связано с польскими словами *główa* и *warzyć*, что изначально относилось исключительно к измерению вываренной соли¹⁸.

Приведенные Е. Вырозумским данные о налогообложении солевой торговли конца XII — начала XIII в. помогают нам понять соотношение разных мер соли. Так, в районе Червенска (Помеховье) и Вышкова (Побужье) таможенный налог местным каноникам по княжескому привилею составлял 10–12 головок соли от воза. Несколько позднее, в 1218 г., булла папы Гонория III позволяла монахам цистерцианского аббатства Сулеев под Лодзью получать в год 13 возов соли по 2200 головок в каждом¹⁹.

Зафиксированное в польских грамотах рубежа XII–XIII вв. соотношение воза и головки соли помогает нам вычислить вес как воза, так и головажни. Дополнительные основания для расчетов можно извлечь из наблюдений Н. Аристова, в которых исследователь привязал цену на средневековую соль к абсолютным показателям середины XIX в., созданным на основе серебряного монометаллизма и выраженным в «копейках серебром»²⁰.

Николай Аристов, со ссылкой на Дмитрия Прозоровского, полагал, что куна «Руской правды» равнялась 62/3 к. серебром²¹. В то же время, согласно сведениям Гильома де Рубрука, в 1253 г. в Крыму воз соли продавался за два отреза «бумажной ткани» (согласно другим переводам — «два куса хлопчатой бумаги») стоимостью «пол-гиперпера»²². Поскольку византийский «солид» этой эпохи, по мнению Н. Аристова, равнялся гривне XIII в., то воз соли мог стоить

3 р. 50 к. серебром. Свои относительные наблюдения исследователь продолжил на материале Киево-Печерского патерика и летописей. Стоимость двух головажен соли, согласно уже упоминавшемуся Слову о Прохоре черноризце, он оценил от $6\frac{1}{2}$ до $12\frac{2}{3}$ коп. серебром.

Согласно псковским летописям, в 1230-х гг. в Новгороде и Пскове соль продавалась по высокой цене 7 гривен за берковец, что составляло 15 р. 75 к. серебром. Во Пскове в 1407 г. пуд соли стоил гривну и 8 мордок²³, с учетом содержания в гривне 10 мордок — 30–32 к. серебром за пуд. В 1499 г. мешок соли продавался по «пол-40 денег полчетверты гривне и менши»²⁴ или за 1 р. 40 к. серебром, а пуд стоил 35 к. серебром, если мешок ровнялся осмине.

Обратим внимание на то, что по «абсолютной шкале» Н. Аристова средняя цена за пуд соли в XV в. составляла 30–35 к. серебром при ее колебании от 12–14 к. серебром в 1464–1476 гг., когда пуд стоил три деньги, до 47 к. серебром в 1409 г., когда на полтину давали «полпят зобници», если в зобнице, как и в осмине, было 4 пуда²⁵.

Признавая известную условность приведенных выше расчетов Н. Аристова, эволюцию весовых и мерных значений при переходе от средневековья к новому времени и ценовую разницу между югом и севером Восточной Европы, мы всё же считаем возможным обратить внимание на очевидное соответствие: воз соли в середине XIII в. стоил примерно в 10 раз больше, чем пуд соли при нормальном ценообразовании XV в., а именно 3 р. 50 к. серебром против 30–35 к. серебром.

Означает ли это, что воз соли, величина, известная не только в Польше и в Крыму XIII в., но и на остальной территории Восточной Европы, вмещал в себя десять пудов? Принимая позднейший вес пуда в 16,38 кг, можно предположить: воз не только составлял 163,8 кг, но и соответствовал новгородскому берковцу. Принимая эту величину для интересующего нас времени как допущение, мы не можем не напомнить читателю предостерегающее мнение Льва Черепнина о том, что весовое содержание пуда и берковца для «киевской эпохи» учету не поддается²⁶.

Итак, с учетом того, что воз, согласно польским средневековым источникам, состоял из 2200 головок соли, получаем возможный вес древней головажни около 75 г, соответствующий ее весу на землях позднесредневековой Украины. Такой результат способен подтвердить выдвинутую нами гипотезу о весовом соответствии воза и берковца на протяжении средневековья. Впрочем, в XVII в. груз саней мог весить 20 пудов, или два берковца, что известно из отписки якутского воеводы Ивана Голенищева-Кутузова об обложении ясаком тоуйских тунгусов от 15 февраля 1662 г.²⁷

Современному исследователю не стоит удивляться кажущейся незначительности веса средневекового воза. Такой вес находит свое подтверждение в расчетах нормальной силы тяги (нормального тягового усилия), иначе говоря — нагрузки на лошадь, которая позволяет ей работать шагом без переутомления в течение дня и проявлять нормальную работоспособность,

не теряя упитанности в течение долгого времени. При этом необходимо учитывать и вес самой повозки, не имевшей подшипников, и круглогодичное использование в качестве воза санного транспорта, что увеличивало сопротивление пути²⁸, однако принято считать, что в Новгороде термины «сани» и «воз» были взаимозаменяемы²⁹.

Принято считать, у лошадей с живой массой 400 кг и меньше нормальная сила тяги должна составлять лишь 15 % их массы³⁰. Существующие формулы вычисления этой величины включают такие параметры, как массу лошади, ее высоту в холке и обхват груди. Зооархеологические исследования средневековых слоев Старой Рязани, Москвы, Новгорода и Твери определенно свидетельствуют об основной массе поголовья средневековых лошадей как состоящей из малорослых и средних полутонконогих особей³¹. Эти наблюдения делают наше заключение о возможном весе средневекового воза и его тождественности берковцу более надежными.

Обосновав до некоторой степени вес головажни, обратимся к вопросу о ее стоимости. Для целей нашего исследования наиболее интересна новгородская грамота № 219, упоминающая берковцы соли и являющаяся долговым списком, сохранившимся практически целиком. Документ происходит с усадьбы «К» Неревского раскопа, где, как свидетельствуют тексты других грамот и археологические находки, проживали новгородцы, связанные с городскими магистратами, дальней торговлей в складчину, в том числе и солью, и паломничеством к латинским святыням Средиземноморья³². Он найден в слоях рубежа XII–XIII вв.

Грамота № 219 изначально была прочитана как: «...у Данешинича за три гривны возьмите вершу на низ Сяси. У Ярошевича два берковца за две гривны и десять кун. У Тушуя гривна соли и две ногаты. На Неревых семь...» А. А. Зализняк попытался уточнить ее прочтение, предложив следующий вариант: «...у Ярошевича (или: Ярошевичей) за два берковца (по-видимому, соли) две гривны и десять кун. У Тушуевичей (?) гривна за соль и две ногаты за рыбы внутренности [черевьи]...»³³ Однако, поскольку грамота является лишь одним из листов многостраничного текста, причем не последним, то логично предположить совпадение параллельных конструкций, фиксирующих цену на соль и связанных с употреблением предлогов «у... на... и», тогда как цену за рыбы внутренности — черевьи автор мог поместить на следующем листе берестяного документа, что в конечном счете допускал и сам А. А. Зализняк. Следовательно, предпочтительным является прочтение грамоты по следующей схеме: у X на двух берковцах [соли] две гривны и десять кун / у Y на [одном берковце] соли гривна и две ногаты.

Таким образом, мы сталкиваемся с уникальной ситуацией, когда берестяная грамота сообщает нам цену товара в арифметической прогрессии. Если два берковца на рубеже XII–XIII вв. стоили две гривны и десять кун, то один берковец стоил в два раза меньше — гривну и две ногаты, тогда как в условиях дефицита во Пскове в 1232 г. за соль платили 7 гривен за берковец³⁴. Принято считать, что в XII в. гривна состояла из 20 ногат, или 50 кун³⁵.

Если наше прочтение грамоты № 219 верно, то и в начале XIII в. этот курс был актуален, и 2 ногаты составляли 5 кун. Позднее, во второй половине XIII в., гривна могла стоить, как предполагают, 10 ногат, или 30 кун³⁶. Таким образом, при нормальном ценообразовании в Новгороде в эту эпоху на одну куну можно было купить чуть менее 3 кг соли, или почти 40 головажень, а во время дефицита — лишь около 470 г или приблизительно 6 головажень, если берковец в XIII в. весил 163,8 кг, а головажня — 75 г.

В данном случае разброс цен близок к тому, что нам известно из Патерика, однако их абсолютные значения существенно разнятся. Если в условиях дефицита в Киеве, согласно агиографу и принятым нами весовым значениям, на куну можно было купить 150 г соли, то появление «пепельной соли» от черноризца Прохора опустило рыночную стоимость товара ниже 750 г за куну. Однако эти цифры не могут быть принимаемы без рассуждений. Так, считается, что в XI в. гривна состояла из 25 кун. Позднее куна на юге Восточной Европы составляла не 1/50 часть гривны, как на Севере, а всего лишь 1/40³⁷. Соответственно, ее покупательная способность была несколько выше. Смоленская куна в XIII в. также могла быть больше новгородской³⁸. Остается неизвестным, можно ли переносить известный из поздних источников и вроде бы подтвержденный для второй половины XIII в. вес берковца на реалии XI в. Возможно, разница в стоимости головажни соли связана с местными факторами ценообразования.

Впрочем, Алексей Гиппиус считает нужным скорректировать эти представления, полагая на основании прочтения берестяных грамот № 293 и 663, что во второй половине XII — первой половине XIII в. новгородская гривна продолжала состоять из 25 кун. При этом он допускает, что в других областях Восточной Европы двукратное удешевление куны вполне могло иметь место³⁹. Сведения грамоты № 219 усложняют наши представления о средневековых рынках: гривны разной стоимости могли бытовать параллельно.

Интересно отметить и то, что сюжет «демпинговых» цен зачастую использовался в агиографии как индикатор нравственного состояния ее персонажей. Так, в Житии святого Геральда Орильякского описан следующий эпизод. На обратном пути из Рима святой, узнав, что купленное им облачение из шелковой ткани стоит в Константинополе значительно дороже, вернулся, дабы возместить торговцу разницу в цене. Конкретные цифры в тексте не упомянуты⁴⁰, однако трудно требовать от агиографа экономической точности при описании чудесных событий.

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря / Изд. Д. И. Абрамович. СПб., 1911. С. 108, 208.

² Этнография: Учебник для исторических специальностей вузов / Ред. Ю. В. Бромлей, Г. Е. Марков. М., 1982. С. 45.

- ³ Правда Русская / Ред. Б. Д. Греков. М., 1940. Т. 1. С. 105, 124, 149, 169, 187, 216, 246, 283, 301, 330, 348, 372, 406, 407.
- ⁴ Лебединская В. Г. Лексика, связанная с производством и продажей соли, в истории русского языка // Гуманитарные исследования. 2012. № 3 (43). С. 45; Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом Княжестве Литовском, с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущу и земли, составленная старостою Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 г., с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 г. / Изд. [Н. И. Горбачевский, П. А. Гильтебрандт, И. Я. Спрогис]. Вильнюс, 1867. С. 360.
- ⁵ Бассалыго А. Л. Новгородские Писцовые книги рубежа 15–16 вв.: справочник по статьям доходов, мер и ценам // Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов. СПб., 1999. С. 310.
- ⁶ Зализняк А. А. Древне-новгородский диалект. М., 2004. С. 713.
- ⁷ Stender-Petersen A. Études Varègues. IV. Le livre de Birca // Classica et Mediaevalia. Århus, 1943. Т. 5. Р. 218–237.
- ⁸ Клейнберг И. Э. Новгородский воцаной берковец XV в. // Советская археология. 1968. № 4. С. 110–125.
- ⁹ Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 199.
- ¹⁰ Карамзин М. Н. История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3. С. 227.
- ¹¹ Ср.: “Sól warzone wyrabiana w sztukach msiących niejake podobieństwo do głowy cukru u góry uciętę. Takowe sztuki powzechnie Polacy tam nazywaią Słupkami, Główkami, Gąskami, Rusiny zaś Husakami”. См.: Prawda ruska czyli Prawa Wielkiego Xięcia Jarosława Władymirowicza... / Wyd. J. B. Rakowiecki. Warszawa, 1820. Т. 1. S. 48, 134.
- ¹² Киевская Русь: сборник статей / Ред. В. Н. Сторожев. М., 1910. Т. 1. С. 8–9.
- ¹³ Аристов Н. В. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 90, прим. 275.
- ¹⁴ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 32–33.
- ¹⁵ Винник В. О. Назви одиниць виміру і ваги в українській мові. Київ, 1966. Цит. по: Лебединская В. Г. Лексика... С. 45.
- ¹⁶ Торгівля на Україні: XIV – середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянщина: Актові джерела: збірник / Упоряд. В. А. Смолій. Київ, 1990. С. 370; Герасименко Н. З історії мір місткості і ваги на Волині і Наддніпрянщині в XIV першій половині XVII століть // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 2000. Т. 240. С. 183–186.
- ¹⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1: А–Д. Ст. 541. Ср.: Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Leipzig, 1872. Bd. 1. Sp. 731.
- ¹⁸ Wyrozumski J. Państwowa gospodarka solna w Polsce do schyłku XIV wieku. Kraków, 1968. S. 47–48, 132. Благодарю коллегу д-ра Адриана Юсуповича (Dr habil. A. Jusupović, Instytut Historii PAN, Warszawa, Polska) за консультації по этой теме и помощь в работе.
- ¹⁹ Mitkowski J. Początki klasztoru Cystersów w Sulejowie: studia nad dokumentami, fundacją i rozwojem uposażenia do końca XIII wieku. Poznań, 1949. S. 318, N 4.
- ²⁰ Аристов Н. В. Промышленность... С. 294–296.
- ²¹ Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия // Записки Русского Археологического общества. 1865. Т. 12 (2). С. 705.
- ²² Беляев И. Д. Очерк истории древней монетной системы на Руси // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846. Кн. 3 (1). С. 7. Ср.: Джиованни дель Плано Карпини. История Монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Ред. Н. П. Шастина. М., 1957. С. 90.
- ²³ Псковские летописи / Ред. А. Н. Насонов. М., 1955. Вып. 2. С. 34, 116 (6915 [1407]).
- ²⁴ Псковские летописи / Ред. А. Н. Насонов. М.–Л., 1941. Вып. 1. С. 83 (7007 [1499]).
- ²⁵ Псковские летописи. Вып. 2. С. 35 (6916 [1409]), 117 (6917 [1409]), 159 (6972 [1464]), 164 (6976 [1467]).
- ²⁶ Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944. С. 30.

- ²⁷ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1851. С. 268.
- ²⁸ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968. С. 51–56; Дубровин Г. Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. М., 2000. Т. 1. С. 121–147.
- ²⁹ Арциховский А. В. Транспорт и средства передвижения // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969. Ч. 1. С. 314–316.
- ³⁰ Свечин К. Б., Бобылев И. Ф., Гопка Б. М. Коневодство. М., 1984. С. 232–233.
- ³¹ Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Старой Рязани: По материалам раскопок 1946–1950 гг. // Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955. С. 213–219; Цалкин В. И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского Кремля / Отв. ред. Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. М., 1971. С. 178–179; Зиновьев А. В. Обзор конституционных особенностей крупного рогатого скота и лошадей из средневековых слоев г. Твери // Тверской археологический сборник. 2015. Вып. 10 (2). С. 326–330; Зиновьев А. В. Обзор остеологического материала из раскопа Рогатицкий II 2014 г. (ул. Б. Московская, 30) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2015. Т. 29. С. 306–307.
- ³² Мусин А. Е. Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 433–454.
- ³³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 39–41; Зализняк А. А. Древне-новгородский диалект. С. 439–440.
- ³⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А. Н. Насонов. М.–Л., 1950. С. 72, 281 (6740 [1232]).
- ³⁵ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 103; Ср.: Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.
- ³⁶ Прозоровский Д. И. Монета... С. 513; Никитский А. И. История... С. 103–104.
- ³⁷ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 217.
- ³⁸ Аристов Н. В. Промышленность... С. 233.
- ³⁹ Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль: 700 лет истории. Материалы Международной научной конференции, Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. Великий Новгород, 2017. С. 27.
- ⁴⁰ Odon de Cluny. Vita sancti Geraldi Auriliacensi / Éd. A.-M. Bultot-Verleysen. Bruxelles, 2009. P. 174–175 (I, 27); Iogna-Prat D. La Vita Geraldi d'Odon de Cluny // Guerriers et moines: conversion et sainteté aristocratiques dans l'Occident médiéval, IXe–XIIe siècle / Éd. M. Lauwers. Antibes, 2002. P. 143–156.

References

- Abramovich D. I. Issledovanie o Kiev-Pecherskom paterike kak istoriko-literaturnom pamyatnike [The study on the Kiev-Pechersk Patericon as a monument of history and literature]. St Petersburg: izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk, 1902.
- Arhiv Yugo-Zapadnoy Rossii, izdavaemyiy Komissiey dlya razbora drevnih aktov [Archiv of South-Western Russia]. Kiev: Universitetskaya tipografiya, 1890. Ch. 7 (2): Aktyi o zaselenii Yugo-Zapadnoy Rossii.
- Aristov N. V. Promyshlennost Drevney Rusi [The economic of medieval Rus]. St Petersburg: tipografiya Koroleva, 1866.

Artsihovskiy A. V. Transport i sredstva peredvizheniya [The transports and means of transportation] // Ocherki russkoy kulturyi XIII–XV vv. [Essays on the Russian Culture, 13th–15th century] / Gl. red. A. V. Artsihovskiy. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1969. Ch. 1: Materialnaya kultura. S. 314–316.

Artsihovskiy A. V., Borkovskiy V. I. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raspokop 1956–1957 gg.) [Birch bark documents of Novgorod, excavation of 1956–1957]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963.

Bassalyigo A. L. Novgorodskie Pistsovyie knigi rubezha 15–16 vv.: spravochnik po statyam dohodov, mer i tsenam [Cadastre description of Novgorod, 15th–16th century: revenues, measures and prices] // Pistsovyie knigi Obonezhskoy pyatiny XVI v. [Cadastre description of Obonezhie district of Novgorod Land] / Sost. K. V. Baranov. Pistsovyie knigi Novgorodskoy zemli. T. 2. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999. S. 297–333.

Belyaev I. D. Ocherk istorii drevney monetnoy sistemy na Rusi [Essay on the ancient monetary system of Rus] // Chteniya v Obschestve istorii i drevnostey rossiyskikh. 1846. Kn. 3 (1). S. 5–28.

Cherepin L. V. Russkaya metrologiya [The Russian metrology: a textbook]. Uchebnyye posobiya po vspomogatel'nyim istoricheskim distsiplinam. T. 4. Moscow: S. n., 1944.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arkheograficheskoy komissiiy [Supplement to the document on the Russian history]. St Petersburg: tipografiya 2-go otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1851.

Dubrovin G. E. Vodnyy i sukhoputnyy transport srednevekovogo Novgoroda X–XV vv. po arkheologicheskim dannym [Water and land transport of medieval Novgorod according to the archaeological data, 10th–15th centuries]. Moscow: IA RAN, 2000. T. 1.

Dzhiovanni del Plano Karpini. Istoriya Mongolov. *Giyom de Rubruk.* Puteshestviye v Vostochnyye strany [Giovanni da Pian del Carpine: The story of the Mongols. William of Rubruck: Itinerarium ad partes Orientales] / Red. N. P. Shastina. Moscow: Geografiz, 1957.

Etnografiya: Uchebnik dlya istoricheskikh spetsialnostey vuzov [The ethnography: a textbook] / Red. Yu. V. Bromley, G. E. Markov. Moscow: Vysshaya shkola, 1982.

Gerasimenko N. Z. Istoriya mir mistkosti i vagi na Volini i Naddnipryanshchini v XIV — pershiy polovini XVII stolit [On the history of the system of weights and measures in Volhynia and Middle Dnieper area, 14th — first half of the 17th century] // Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka. 2000. T. 240. S. 176–186.

Gippius A. A. Berestyanaya gramota № 1072 i denezhno-vesovyye sistemy srednevekovogo Novgoroda [Birch bark document N 1072 and the system of weights and measures in medieval Novgorod] // Rossiyskiy rubl: 700 let istorii. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Velikiy Novgorod. 25–27 aprelya 2016 g. / Otv. red. P. G. Gaydukov. Velikiy Novgorod: NGOMZ, 2017. S. 25–36.

Iogna-Prat D. La Vita Geraldi d'Odon de Cluny // Guerriers et moines: conversion et sainteté aristocratiques dans l'Occident médiéval, IXe–XIIe siècle / Éd. M. Lauwers. Tournhout; Antibes: Brepols, 2002. P. 143–156.

Karamzin M. N. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [The history of the Russian State]. Moscow: Nauka, 1991. T. 2–3.

Kiyevskaya Rus: sbornik statey [Kievan Rus: collection of articles] / Red. V. N. Storozhev. Moscow: tipografiya I. D. Sytina, 1910. T. 1.

Kleynenberg I. E. Novgorodskiy voshchanoy berkovets XV v. [The weight (berkovets) of wax trade in Novgorod, 15th century] // Sovetskaya arkheologiya. 1968. N4. S. 110–125.

Kolchin B. A. Novgorodskiy drevnosti. Derevyannyye izdeliya [Wooden objects from medieval Novgorod]. Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov E 1–55. Moscow: Nauka, 1968.

Lebedinskaya V. G. Leksika, svyazannaya s proizvodstvom i prodazhey soli v istorii russkogo yazyka [The linguistic materials concerning the production and trade of salt in the Russian language] // Gumanitarnyye issledovaniya. 2012. N3 (43). S. 42–49.

Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Leipzig: Hirzel, 1872. Bd. 1.

Mitkowski J. Początki klasztoru Cystersów w Sulejowie: studia nad dokumentami, fundacją i rozwojem uposażenia do końca XIII wieku. Poznań: PTPN, 1949.

Musin A. E. Korally v khristianskoy kulture Vostochnoy Evropy i Sredizemnomoria [The corals in the Christian culture of the Eastern Europe and the Mediterranean] // Rossiyskiy arkheologicheskii ezhegodnik. 2014. N4. S. 433–454.

Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnyye ocherki kulturnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX–XII vv. [Early medieval Rus in the international relationship: interdisciplinary studies of cultural, commercial and political connections, 9th–12th centuries]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2001.

Nikitskiy A. I. Istoriya ekonomicheskogo byta Velikogo Novgoroda [The history of economic life of medieval Novgorod]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1893.

Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodo [The Novgorod First Chronicle] / Red. A. N. Nasonov. Moscow–Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1950.

Odón de Chumy. Vita sancti Geraldii Auriliacensis / Éd. A.-M. Bultot-Verleysen. Subsidia hagiographica. Vol. 89. Bruxelles: Société des Bollandistes, 2009.

Paterik Kiyevskogo Pecherskogo monastyrya [Kievo-Pechersk Patericon] / Izd. D. I. Abramovich. Pamyatniki slavyano-russkoy pismennosti, izdannyye Imperatorskoy arheograficheskoy komissiiyey. T. 2. St Petersburg: Arheograficheskaya komissiya, 1911.

Pravda Russkaya [The Law of Rus] / Red. B. D. Grekov. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, 1940. T. 1.

Prawda ruska czyli Prawa Wielkiego Xięcia Jarosława Władymirowicza / Wyd. J. B. Rakowiecki. Warszawa: Drukarnia XX. Piłarów, 1820. T. 1.

Prozorovskiy D. I. Moneta i ves v Rossii do kontsa XVIII stoletiya [Money and weight in Russia until the end of the 17th century] // Zapiski Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva. 1865. T. 12 (2). S. 327–743.

Pskovskiy letopisi [The Chronicles of Pskov] / Red. A. N. Nasonov. Moscow–Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1941. Vyp. 1.

Pskovskiy letopisi [The Chronicles of Pskov] / Red. A. N. Nasonov. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR. 1955. Vyp. 2.

Reviziya pushch i perekhodov zverinykh v byvshem Velikom Knyazhestve Litovskom s prisovokupleniyem gramot i privilegii na vkhody v pushchu i zemli, sostavlenneya starostoyu Mstibogovskim Grigoriyem Bogdanovichem Volovichem v 1559 g., s pribavleniyem drugoy aktovoy knigi, sodержashchey v sebe privilegii. dannyye dvoryanam i svyashchennikam Pinskogo poveta, sostavlennoy v 1554 g. [Cadastre documents on the forest economy in the Great Duchy of Lithuania, 16th century] / Izd. [N. I. Gorbachevskiy, P. A. Giltebrandt, I. Ya. Sprogis]. Vilnyus: Vilenskaya arheograficheskaya komissiya, 1867.

Sreznevskiy I. I. Slovar drevnerusskogo yazyka [The dictionary of medieval Rus language]. Moscow: Kniga, 1989. T. 1. Ch. 1: A–D.

Stender-Petersen A. Le livre de Birca // Stender-Petersen A. Varangica. Århus: University Press, 1953. P. 165–179.

Strumilin S. G. Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i SSSR [Essays on the economic history of Russia and USSR]. Moscow: Nauka, 1966.

Svechin K. B., Bobylev I. F., Gopka B. M. Konevodstvo. Moscow: Kolos, 1984.

Torgivlya na Ukraïni: XIV – seredina XVII stolittya: Volyn i Naddnipyrianshchina: Aktovy dzherela: zbirnyk [The commerce in Ukraine, 14th – mid-17th century: written sources] / Uporyad. V. A. Smoliy. Kyïv: Naukova dumka, 1990.

Tsalkin V. I. Domashniye i dikiye zhivotnyye Staroy Ryazani: po materialam raskopok 1946–1950 gg. [Domestic and wild animals of Staraya Ryazan: excavations of 1946–1950] // Mongayt A. L. Staraya Ryazan. Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov. T. 4. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 49. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, 1955. S. 213–219.

Tsalkin V. I. Nekotoryye itogi izucheniya kostnykh ostatkov zhivotnykh iz raskopok Moskvy [Some conclusions on the study of animal bones from the excavations of Moscow] // Drevnosti Moskovskogo Kremlya: sbornik statey / Otv. red. N. N. Voronin, M. G. Rabinovich. Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy. T. 4. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 167. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, 1971. S. 178–179.

Vinnik V. O. Nazvi odinits vimiru i vagi v ukrainskiy movi [The names of weight and measures in the Ukrainian language]. Kyïv: Naukova dumka, 1966.

Wyrozumski J. Państwowa gospodarka solna w Polsce do schyłku XIV wieku. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. T. 178. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1968.

Yanin V. L. Denezhno-vesovyye sistemy domongolskoy Rusi i ocherki istorii denezhnoy sistemy srednevekovogo Novgoroda [The monetary and measures systmes of Early medieval Rus and the history of monetary circulation of Novgorod]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2009.

Zaliznyak A. A. Drevne-novgorodskiy dialekt [The dialect of medieval Novgorod]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004.

Zinov'ev A. V. Obzor konstitutsionnykh osobennostey krupnogo rogatogo skota i loshadey iz srednevekovykh sloeyev g. Tveri [On the carateristics of bovine and horses from the excavations of medieval Tver] // Tverskoy arkheologicheskii sbornik. 2015. Vyp. 10 (2). S. 326–330.

Zinovyev A. V. Obzor osteologicheskogo materiala iz raskopa Rogatitskiy II 2014 g. (ul. B. Moskovskaya, 30) [Osteological materials from the Rogatitsky excavations in Novgorod] // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya / Red. V. L. Yanin. T. 29: Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika. Velikiy Novgorod: NGOMZ, 2015. S. 304–312.

Список литературы

Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб.: издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1902.

Аристов Н. В. Промышленность Древней Руси. СПб.: тип. Королева, 1866.

Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. Киев: Университетская типография, 1890. Ч. 7 (2): Акты о заселении Юго-Западной России.

Ариховский А. В. Транспорт и средства передвижения // Очерки русской культуры XIII–XV вв. / Гл. ред. А. В. Ариховский. М.: Изд-во Московского университета, 1969. Ч. 1: Материальная культура. С. 314–316.

Ариховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Бассалого А. Л. Новгородские Писцовые книги рубежа 15–16 вв.: справочник по статьям доходов, мер и ценам // Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 297–333.

Беляев И. Д. Очерк истории древней монетной системы на Руси // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846. Кн. 3 (1). С. 5–28.

Винник В. О. Назви одиниць виміру і ваги в українській мові. Київ: Наукова думка, 1966.

Герасименко Н. З історії мір місткості і ваги на Волині і Наддніпрянщині в XIV — першій половині XVII століть // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 240. С. 176–186.

Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль: 700 лет истории. Материалы Международной научной конференции, Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. Великий Новгород: НГОМЗ, 2017. С. 25–36.

Джиованни дель Плано Карпини. История Монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Ред. Н. П. Шастина. М.: Географгиз, 1957.

Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб.: тип. 2-го отд-ния Собств. ЕИВ канцелярии, 1851.

Дубровин Г. Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. М.: ИА РАН, 2000. Т. 1.

Зализняк А. А. Древне-новгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зиновьев А. В. Обзор конституционных особенностей крупного рогатого скота и лошадей из средневековых слоев г. Твери // Тверской археологический сборник. 2015. Вып. 10 (2). С. 326–330.

Зиновьев А. В. Обзор остеологического материала из раскопа Рогатицкий II 2014 г. (ул. Б. Московская, 30) // Новгород и Новгородская земля. История и археология / Ред. В. Л. Янин. Т. 29: Материалы научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника. Великий Новгород: НГОМЗ, 2015. С. 304–312.

Карамзин М. Н. История государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. 2–3.

Киевская Русь: Сборник статей / Ред. В. Н. Сторожев. М.: тип. И. Д. Сытина, 1910. Т. 1.

Клейнберг И. Э. Новгородский воцаной берковец XV в. // Советская археология. 1968. № 4. С. 110–125.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. Археология СССР. Свод археологических источников Е 1–55. М.: Наука, 1968.

Лебединская В. Г. Лексика, связанная с производством и продажей соли, в истории русского языка // Гуманитарные исследования. 2012. № 3 (43). С. 42–49.

Мусин А. Е. Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 433–454.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001.

Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М.: Университетская типография, 1893.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А. Н. Насонов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Патерик Киевского Печерского монастыря / Изд. Д. И. Абрамович. Памятники славяно-русской письменности, изданные Императорской археографической комиссией. Т. 2. СПб.: Археографическая комиссия, 1911.

Правда Русская / Ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 1.

Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия // Записки Русского Археологического общества. 1865. Т. 12 (2). С. 327–743.

Псковские летописи / Ред. А. Н. Насонов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 1.

Псковские летописи / Ред. А. Н. Насонов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып. 2.

Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом Княжестве Литовском, с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущу и земли, составленная старостою Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 г., с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 г. / Изд. [Н. И. Горбачевский, П. А. Гильтебрандт, И. Я. Спрогис]. Вильнюс: Виленская археографическая комиссия, 1867.

Свечин К. Б., Бобылев И. Ф., Голка Б. М. Коневодство. М.: Колос, 1984.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1, ч. 1: А–Д.

Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966.

Торгівля на Україні. XIV – середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянщина: Актові джерела: Збірник / Упоряд. В. А. Смолій. Київ: Наукова думка, 1990.

Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Старой Рязани: По материалам раскопок 1946–1950 гг. // Монгайт А. Л. Старая Рязань. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 4. Материалы и исследования по археологии СССР. № 49. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 213–219.

Цалкин В. И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского Кремля: Сборник статей / Отв. ред. Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 4. Материалы и исследования по археологии СССР. № 167. М.: Наука, 1971. С. 178–179.

Черепнин Л. В. Русская метрология. Учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам. Т. 4. М.: Б. и., 1944.

Этнография: Учебник для исторических специальностей вузов / Ред. Ю. В. Бромлей, Г. Е. Марков. М.: Высшая школа, 1982.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2009.

Iogna-Prat D. La Vita Gerdaldi d'Odon de Cluny // Guerriers et moines: conversion et sainteté aristocratiques dans l'Occident médiéval, IXe–XIIe siècle / Éd. M. Lauwers. Tournhout; Antibes: Brepols, 2002. P. 143–156.

Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Leipzig: Hirzel, 1872. Bd. 1.

Mitkowskij J. Początki klasztoru Cystersów w Sulejowie: studia nad dokumentami, fundacją i rozwojem uposażenia do końca XIII wieku. Poznań: PTPN, 1949.

Odon de Cluny. Vita sancti Gerdaldi Auriliacensi / Éd. A.-M. Bultot-Verleysen. Subsidia hagiographica. Vol. 89. Bruxelles: Société des Bollandistes, 2009.

Prawda ruska czyli Prawa Wielkiego Xięcia Jarosława Władymirowicza / Wyd. J. B. Rakowiecki. Warszawa: Drukarnia XX. Piłarów, 1820. Т. 1.

Stender-Petersen A. Études Varègues. IV. Le livre de Birca // Classica et Mediaevalia. 1943. Т. 5. P. 218–237.

Wyrozumski J. Państwowa gospodarka solna w Polsce do schyłku XIV wieku. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Т. 178. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1968.

А. Е. Мусин. Головажня и воз: к уточнению метрологии в средневековой Восточной Европе

В статье предлагается и обосновывается реконструкция количественного значения двух мер сыпучих тел Восточной и Центральной Европы эпохи средневековья — воза и головажни, связанных прежде всего с торговлей солью. Они упоминаются в «Руской правде» и Киево-Печерском патерике в текстах, относящихся ко второй половине — концу XI в. Дополнительно привлекаются материалы Туровских уставов о десятине. На землях Украины и Беларуси головажня как мера соли использовались вплоть до Нового времени, тогда как в Московском княжестве и Новгородской земле она практически сразу вышла из употребления. В то же время мера «воз» была характерна для всей территории Центральной

и Восточной Европы. На основе анализа средневековых текстов и новгородских берестяных грамот автор определяет вес головажни как *circa* 75 г и сопоставляется с ее мерой *caput salis*, известной в латинских текстах, прежде всего на территории средневековой Польши. Воз, соответствующий латинскому термину *currus* в средневековой Польше, может быть приравнен к берковцу, вес которого составлял 163,8 кг. Дается характеристика средневековых рабочих лошадей, чьи параметры соответствовали именно такой весовой нагрузке. В статье приводится обзор цен на соль, прежде всего для Новгорода и Пскова в XI–XV вв., и оценивается динамика ценообразования на этот продукт. Предлагается новое прочтение новгородской берестяной грамоты № 219, которое подтверждает гипотезы о соотношении в начале XIII в. таких денежных единиц, как гривны, куны и ногаты. Автор также оценивает степень надежности агнографических текстов как источника по истории материальной культуры средних веков.

Ключевые слова: средние века, Восточная и Центральная Европа, Древняя Русь, Польша, соль, торговля, метрология, система мер и весов.

A. E. Musin. *Golovazhnyia* and *voz*: on the metrology of medieval Eastern Europe

The article deals with the reconstruction and explanation of the measures of weights used in medieval East-Central Europe and in Ukraine and Belarus until the Modern Time — *golovazhnyia* and *voz*. However, in the Muscovite State and Novgorod Land the *golovazhnyia* did not use at the same scale; at least the historical documents do not mention it. The *golovazhnyia* is mentioned by the *Ruskaya Pravda* and Kievo-Pechersk Patericon in the documents and the description of events of the second half — end of the 11th century. On the basis of the analysis of medieval texts and birch bark documents from Novgorod, the weight of the *golovazhnyia* (*caput salis*, *galwage*) is calculated as *circa* 75 gr. The author also argues the identity of *berkovets* (Berkowitz or Schiffspfund of German medieval texts) and *voz* (cartful or *currus*), equal to 163,8 kg. The dynamic of prices for slat trade in Middle Ages, especially in Novgorod and Pskov in the 13th–15th centuries, is also evaluated. The author proposes a new interpretation of birch bark document N 219 from medieval Novgorod. This interpretation confirms earlier proposed hypothesis on the relationship between the Rus medieval monetary unit such as *grivna*, *kuna* and *nogata*. The potential of hagiography as a source for the study of medieval material culture is revisited.

Key words: Middle ages, Central and Eastern Europe, Early Rus, Poland, salt, commerce, metrology, system of weights and measures.

Мусин, Александр Евгеньевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт истории материальной культуры Российской академии наук.

Musin, Aleksandr E. — Dr hab., Senior Research Fellow, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.

E-mail: aemusin64@gmail.com

С. А. Исаев

Американские корни Конституции США

Когда Конституция США была уже составлена, но еще не ратифицирована, три видных участника этого процесса — Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон и Джон Джей — написали 85 эссе, убеждавших проголосовать за ратификацию. За сборником этих эссе закрепилось название «Федералист». Мэдисон (1751–1836), известный как «Отец Конституции», увещевал со страниц 14-го выпуска «Федералиста» (30 ноября 1787 г.): «Да не внемлите вы тому голосу, который нагло говорит вам, будто предлагаемая вам форма правления — это политическое новшество, будто она не встречается в теориях даже самых диких политических прожектеров, что составители ее пытаются опрометчиво достичь заведомо невозможного. Нет, сограждане, закройте уши свои, дабы не слышать эти негодные речи. Не дайте яду их проникнуть в сердца ваши»¹. Мэдисон признавал, что некоторая новизна в Конституции имеется, но настаивал, что она продиктована здравым смыслом и не опасна, а спасительна.

Ратификация состоялась, и Конституция США 1787 г. действует до сих пор. Оригинальность ее как *системы* норм государственного права давно уже никем не оспаривается. Другой вопрос — степень новизны тех *принципов*, которые были положены в основу конституционного проекта, и его *составных частей*.

Попытаемся оценить степень их новизны по сравнению с нормами, действовавшими в колониальной Америке, в США или только в отдельных частях страны до момента ее принятия².

Какой текст (или тексты) Конституции США мы рассматриваем

Нынешний текст Конституции США состоит из основной части — семи статей — плюс двадцати семи³ так называемых *поправок* (Amendments), которые текстуально представляют собой дополнения к основной части. Текст основной части с 17 сентября 1787 г. никаким изменениям не подвергался. Некоторые из этих поправок действительно вносят изменения в нормы, прописанные в основной части⁴; в соответствии с англосаксонскими правовыми принципами закон, принятый позже и противоречащий ранее принятому закону, имеет приоритет перед ранее принятым законом. Отвечая на поставленный вопрос, мы должны выбрать какой-то момент истории Конституции США в качестве базы для сравнения.

Конституцию США в 1787 г. выработывал специально для этого избранный Конституционный Конвент США, заседавший в Филадельфии за закрытыми дверями. Его работа неплохо документирована⁵. Конвент имел полномочия только *предложить* Конституцию как законопроект, но не вводить ее своей властью в силу⁶. Фактически Конвент свои полномочия несколько превысил: он предложил штатам ратифицировать документ, который *сам* определял порядок своего вступления в силу. Последнее изменение в текст проекта Конвент внес 17 сентября 1787 г., когда и завершил работу. Именно этот текст, ныне составляющий основную часть Конституции США, был разослан штатам для ратификации.

Ратификация Конституции США завершилась в хронологическом промежутке от 21 июня до 26 июля 1788 г. Почему невозможно обозначить рубеж одним днем? 21 июня 1788 г. Конституцию ратифицировал Нью-Джерси — 9-й из 13 штатов США, и она могла считаться вступившей в силу на территории этих 9 штатов. Но среди четырех не ратифицировавших ее штатов были два штата-«гиганта»: Виргиния и Нью-Йорк. С Северной Каролиной, где процесс ратификации затянулся еще более чем на год, и с Род-Айлендом, который принципиально бойкотировал конституционный процесс, еще можно было не считаться; но без Виргинии и Нью-Йорка существование нового союза штатов было немыслимо. Все ждали вестей из Ричмонда и Олбани. Виргиния ратифицировала Конституцию 26 июня, Нью-Йорк — 26 июля 1788 г. И осенью 1788 г. на территории 11 штатов прошли президентские выборы и выборы в Конгресс.

Однако Конституция была ратифицирована не единодушно. Противникам принятия Конституции создаваемая ею новая федеральная власть представлялась слишком сильной и потому опасной для политических и личных свобод американцев. Правомерность таких опасений признавали и многие сторонники Конституции. Поэтому вскоре после того, как начал работу I Конгресс США (4 апреля 1789 г.), вступил в должность первый президент Джордж Вашингтон (30 апреля) и начался процесс создания федеральных ведомств, — а именно, 8 июня 1789 г. не кто иной как «Отец Конституции» Джеймс Мэдисон внес

в Конгресс США проект сразу целых 12 поправок к Конституции США. Этот документ вошел в историю как Билль о правах. 10 поправок из числа предложенных были ратифицированы и вступили в силу 15 декабря 1791 г.

Другие недостатки Конституции в ее первоначальном виде выяснились только «в процессе эксплуатации». Конституция относилась к компетенции Верховного Суда как суда первой инстанции, между прочим, все дела, возбуждаемые против любого штата гражданином другого штата или гражданами / подданными иностранных государств. Верховный Суд очень скоро был завален исками такого рода. И 4 марта 1794 г. Конгресс, придя на выручку судьям, одобрил проект XI поправки, которая изъяла эти дела из первоначальной юрисдикции Верховного Суда. Она была быстро ратифицирована и уже 7 февраля 1795 г. вступила в силу, хотя объявил об этом только следующий президент — Джон Адамс — в послании Конгрессу 8 января 1798 г.

Гораздо более болезненной была проблема, связанная с тем, что изначально Конституция США устанавливала для избрания президента и вице-президента США процедуру, которая не принимала в расчет возможность разделения американцев на политические партии. На выборах 1788 и 1792 гг., где президентом единогласно избрали Джорджа Вашингтона, это не создавало проблем. Однако в 1796 г., когда президентом был избран Джон Адамс, вице-президентом стал набравший следующее за ним число голосов Томас Джефферсон — личный друг Адамса, но при этом лидер политической оппозиции. На выборах же 1800 г. соперниками в финале оказались Томас Джефферсон и Аарон Бэрр, соратники по демократическо-республиканской партии, принадлежавшие, однако, к разным ее фракциям, и их противоборство вылилось в затяжной политический кризис. Поэтому накануне следующих выборов была принята и 15 июня 1804 г. вступила в силу XII поправка к Конституции, которая ввела раздельное голосование за президента и вице-президента, дав каждому выборщику возможность проголосовать за двух кандидатов, принадлежащих к одной партии. Правда, даже эта реформа не смогла предотвратить кризисы в тех случаях, когда существовало равновесие голосов между ведущими кандидатами и перевес победителя был незначительным: в 1876 и 2000 гг.

После ратификации XII поправки американцы оставили свою Конституцию в покое надолго. В последующие десятилетия страна очень выросла территориально, прошла через тяжелейшую Гражданскую войну, но нормы Конституции никаким изменениям не подвергались. Лишь через несколько месяцев после окончания Гражданской войны, в декабре 1865 г., была принята следующая, XIII поправка, отменившая рабство. К тому времени никого из участников Филадельфийского Конституционного Конвента уже не было в живых. Поэтому можно считать, что с 15 июня 1804 г. до начала сепарации и Гражданской войны, т. е. до рубежа 1860/1861 гг., Конституция США с 12 поправками действовала в стабильном режиме в том виде, какой она приняла к тому времени, и в этом смысле история ее создания в 1804 г. завершилась.

Следовательно, мы рассматриваем Конституцию США по состоянию на 17 сентября 1787 г., но имеем в виду и изменения конституционного строя США, осуществленные по 15 июня 1804 г.

Томас Пейн в 1791 г. дал следующее определение писаной конституции: «Это — свод положений, на который можно ссылаться, цитируя статью за статьей. На его принципах должны зиждиться государственная власть, характер ее структуры и полномочий; способ избрания и продолжительность существования парламентов или других подобных органов, как бы их ни называли; полномочия, которыми будет облечена исполнительная власть в государстве, — словом, всё то, что касается полной организации гражданского управления и принципов, которые лягут в основу ее действий и которыми она будет связана»⁷.

Томас Пейн родился в Англии — в стране, где такого основного закона, определяющего государственное устройство, ни тогда не было, ни сейчас нет. Но в американской части Британской империи действующие документы такого типа, но меньшей значимости были. Это были хартии (Charters) о делегировании полномочий сверху вниз на постоянной основе. Хартии выдавали короли Англии правителям английских колоний; правители — жителям колоний; а иногда и прямо короли — жителям. В двух последних случаях жители избирали представительные органы, которые и принимали хартию на хранение.

Наследие колониального периода: хартии колоний

Аллан Невинс в 1924 г. предложил различать четыре типа политического статуса колоний — будущих штатов США — накануне 1776 г.⁸ (1) Две колонии представляли собой фактически *доминионы* Англии, полностью контролировавшие свои внутренние дела; они управлялись по хартиям короля Карла II. Коннектикут получил Хартию 23 апреля 1662 г., а Род-Айленд 8 июля 1663 г. Невинс был уверен, что, если бы такой статус был у всех колоний, войны за независимость не было бы и США в наше время были бы федеративным доминионом, подобным Канаде и Австралии. (2) *Массачусетс* имел статус единственный в своем роде. Колония управлялась по хартии, выданной Вильгельмом III 26 августа 1691 г. Хартия закрепляла законодательную власть за легислатурой, которая избиралась населением, но исполнительную власть — за губернатором, которого назначала корона. (3) Три колонии — Мэриленд, Пенсильвания и Делавэр — были *собственнические*, т.е. первая формально принадлежала одному лицу из семейства Балтиморов (Калвертов), две последние — одному лицу из семейства Пеннов. Как и про две предыдущие, про эти колонии можно

сказать, что они «управлялись по хартиям», но в таком управлении была своя специфика и во всех трех взятых вместе, и в каждой из них. Вручая каждую из этих колоний собственнику, короли оформляли это хартиями. Калверты / Балтиморы получили у короля Карла I хартию на управление Мэрилендом 20 июня 1632 г. Уильям Пенн получил хартию на управление Пенсильванией, включая и Делавэр, у короля Карла II 28 февраля — 4 марта 1681 г. (1680 благовещенского года). Эти хартии оставались в силе до самого конца колониального периода⁹. Собственники были вправе передавать полученные от короля полномочия «вниз»: предоставить своим подданным постоянные права самоуправления. Калверты / Балтиморы не сделали этого и так и остались для мэрилендцев эрзац-монархами, но Уильям Пенн на протяжении последующих лет издал несколько документов такого рода, и последний из них — хартия Пенсильвании от 28 октября 1701 г. — оставался в силе до самой революции. Юрисдикция этой хартии распространялась и на Делавэр, но предусматривала возможность отделения Делавэра от Пенсильвании, чем Делавэр и воспользовался в 1704 г.: с этого года законодательное собрание и, соответственно, местные законы у Делавэра были отдельные, хотя губернатор у двух колоний был по-прежнему общий. Получается, что в Пенсильвании и Делавэре накануне революции действовали одновременно по *две* хартии. (4) Прочие семь колоний — Виргиния, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Нью-Гэмпшир, обе Каролины и Джорджия — представляли собой «*королевские провинции*»: ими управляли губернаторы, назначаемые королем, и выборы и созыв законодательных собраний осуществлялись исключительно по инициативе губернаторов. После Бостонского чаепития Великобритания одним из «репрессивных актов» — Законом об управлении Массачусетсом (Massachusetts Government Act) от 20 мая 1774 г. — упразднила самоуправление Массачусетса, переведя и эту колонию в разряд королевских провинций.

В итоге круг конституционных документов, действовавших на американской почве накануне 1776 г., оказывается довольно узким. Это четыре хартии: Коннектикута (1662), Род-Айленда (1663), Массачусетса (1691) и Пенсильвании (с Делавэром) (1701). Их я в дальнейшем буду называть *конституционными* хартиями. Можно не принимать в расчет хартии Мэриленда 1632 г.¹⁰ и Пенсильвании 1681 г.: они регулировали взаимоотношения королей со своими высокопоставленными вассалами — Балтиморами и Пеннами, а не с массой подданных, т.е. конституционными не были. А вот хартию Массачусетса 1691 г. учитывать необходимо: хотя она не действовала в 1774–1776 гг., все ее живо помнили и отмену ее воспринимали как трагедию.

Одна особенность резко отличала эти четыре (конституционные) хартии от всех последующих конституций штатов США, от Статей Конфедерации и от Конституций США и КША. С момента реставрации Стюартов в 1660 г. и до событий 1775 г., пошатнувших британскую власть, *сувереном* — носителем верховной власти — в каждой из английских колоний в Северной Америке

был *король*. Ни заключение унии Англии и Шотландии (1707), ни смены династий — Стюартам на смену пришли Оранская, затем Ганноверская, ныне именуемая Виндзорской, — ничего в этом положении не изменили. Британский парламент к управлению колониями, строго говоря, отношения не имел: он был представительством Англии (с Уэльсом) и Шотландии.

Конституции штатов Конфедерации

Революция 1775–1776 гг. сделала суверенами народы отдельных колоний, которые объявили их штатами. 11 штатов в 1776–1784 гг. приняли свои конституции. В 1776 г. свои конституции приняли Нью-Гэмпшир (5 января), Южная Каролина (26 марта), Виргиния (12–29 июня), Нью-Джерси (2 июля), Делавэр (10 сентября), Пенсильвания (28 сентября), Мэриленд (9 ноября) и Северная Каролина (18 декабря). В 1777 г. свои первые конституции приняли Джорджия (5 февраля) и Нью-Йорк (20 апреля). В 1778 г. Южная Каролина заменила свою первую конституцию новой (19 марта).

Наибольшую активность в конституционном творчестве проявляли те штаты, которые, будучи колониями, хартий конституционного характера не имели. Коннектикут же и Род-Айленд не проявили никакой активности: они оставили в силе свои хартии, лишь объявив недействительными все ссылки на власть короля. Хартия Коннектикута оставалась в силе до 1818 г., а Род-Айленда — даже до 1842 г.

Массачусетс негодовал, когда британские власти отменили его хартию 1691 г., однако после провозглашения независимости не стал восстанавливать ее, а принялся вырабатывать новую конституцию. Принята она была лишь со второй попытки¹¹ 15 июня 1780 г. Зато конституция эта оказалась феноменально долговечной: она действует до сих пор.

Нью-Гэмпшир 2 июня 1784 г. принял вторую конституцию взамен первой, принятой наспех. С этого времени до вступления в силу Конституции США никакой штат США¹² никакой новой конституции не принимал.

Далеко не все эти документы были отмечены печатью оригинальности. Обычно законодатели в штатах, составляя новую конституцию, брали какую-то из прежних за основу и вносили необходимые изменения. Отмечу документы, которые принимались за образец чаще других.

Виргиния в 1776 г. приняла два базовых конституционных документа: 12 июня — Виргинскую Декларацию прав, а 29 июня — конституцию штата. Виргинская Декларация прав, написанная прекрасно образованным юристом и рачительным плантатором Джорджем Мейсоном (Mason, 1725–1792), стала документом не только общеамериканской значимости, но и европейской известности.

В наше время словосочетание «декларация прав» означает прежде всего заявление, что власти не вправе применять к какому-либо индивиду или группе людей меры принуждения; хотя это может быть и заявление претензий — ин-

дивидуальных или групповых — на какие-либо блага. Но виргинцы в 1776 г. вступили в борьбу против королевской власти, которая, по их мнению, посягала на права как каждого отдельного виргинца, так и Виргинии в целом. Они приняли документ, заявляющий прежде всего о правах Виргинии как политической целостности, и лишь во вторую очередь — о правах виргинцев как индивидов. Фактически Виргинская Декларация — это свод базовых норм государственного права.

Согласно представлениям Джорджа Мейсона, право может существовать и действовать только на определенной территории и в среде достаточно многочисленной *общности* людей — таких людей, которые считают совершенно нормальным то обстоятельство, что все они живут под одной и той же властью, в едином правовом поле и экономическом пространстве. Название такой общности людей в английских и американских документах второй половины XVII — первой половины XIX в. передается выражениями *political body* (вариант: *body-politick*) и *government*¹³. Я передаю его словом «полития». В русский язык его ввели переводчики Аристотеля, в советское время оно воспринималось как историзм, однако сейчас всё чаще используется в указанном значении¹⁴. Вот как Мейсон сформулировал принцип единства и неделимости Виргинии: «Народ (*the people*) имеет право на единую для всей политии власть (*have a right to uniform government*); и, следовательно, никакая система власти, отдельная или независимая от системы власти Виргинии, не может быть учреждена в границах Виргинии (*that no government separate from, or independent of, the government of Virginia, ought to be erected or established within the limits thereof*)» (раздел XIV).

Недолговечная Конституция Пенсильвании 1776 г. имела репутацию конституции максимально (или чрезмерно) демократической. Согласно этой конституции, носителем всей полноты власти в штате стала однопалатная «ассамблея представителей фрименов [Пенсильвании], президент и Совет (*an assembly of the freemen of the same, and a president and council*)». Принцип разделения властей в конституции не провозглашался; законодательная власть от исполнительной худо-бедно отделялась: первая принадлежала палате, последняя — «президенту и Совету». В период действия этой конституции в Пенсильвании не было единоличного губернатора: губернаторские полномочия осуществлял коллегиальный Верховный Исполнительный Совет. Он состоял из 12 членов, избираемых на 3 года с ежегодной ротацией 1/3 состава. Каждый советник избирался от одного города или графства и по должности был также мировым судьей для всего штата (*a justice of the peace for the whole commonwealth*) (раздел 19). Совет назначал на все те должности, на какие не назначала ассамблея: офицеров, судей, генерального атторнея. Его председатель командовал милицией штата (раздел 20).

Репутацию образцово консервативной имела Конституция Массачусетса 1780 г., хотя в ней налицо и все демократические атрибуты. Конституция

предваряется обстоятельной Декларацией прав и провозглашает разделение властей, бикамерализм¹⁵ и независимость судей в самой категорической форме. Она вручала законодательную власть двухпалатной легислатуре, носящей традиционное название General Court, а исполнительную власть губернатору. Она действует поныне, хотя в 1919 г. подверглась основательному редактированию.

В 1777 г. начали разрабатываться и 1 марта 1781 г. вступили в силу Статьи Конфедерации — первый общеамериканский конституционный документ. Однопалатный Континентальный Конгресс, работавший с 1774 г., оставался высшим органом законодательной, исполнительной и судебной власти. Делегация каждого штата имела один голос. В IX статье документа была подробнейшим образом описана арбитражная процедура для разрешения конфликтов между штатами, к которой действительно нередко прибегали.

Новые политические принципы Конституции США

Если мы обратимся к текстам «Федералиста» и посмотрим, какие читательские сомнения пытались преодолеть авторы знаменитых эссе, то узнаем, в чем американские современники видели новизну Конституции. Новизну они видели прежде всего в том, что Конституция устанавливала республиканский строй в большом по площади государстве, тогда как, согласно теории Монтескьё, республики могли существовать только в небольших городах-государствах. Авторы «Федералиста» уверяли, что «замечательный принцип представительства», изобретенный в Европе, но примененный в США, позволит создать стабильную демократическую республику на территории всей страны. Но уточняли, что новизна эта — лишь кажущаяся. В таких крупных штатах, как Виргиния, Массачусетс и Пенсильвания, еще с колониальных времен существует демократическое устройство, и демократия там давно уже не прямая, а представительная.

Таким образом, «средние» американцы, к которым обращались авторы «Федералиста», осознавали свершившиеся политические перемены несколько запоздало и иногда усматривали опасную новизну в том, что на самом деле новым уже не было.

Поэтому гораздо показательнее в этом отношении дебаты между представителями политической элиты за закрытыми дверями Конституционного Конвента. Вот позиции, бывшие предметами долгих и ожесточенных споров, но в конечном счете одобренные¹⁶ и вошедшие в Конституцию США:

1. Демократический федерализм.

Это принцип политического устройства, согласно которому в США может вступить в силу только такой закон, за который проголосовали законные представители *большой части населения страны*, независимо от разделения на штаты.

2. Разделение властей.

3. Бикамерализм.

4. Единоличное президентство.

5. Народ США как субъект, провозглашающий Конституцию от своего имени.

С принятием поправок к Конституции добавились:

6. Права человека как система запретов органам федеральной власти вмешиваться в некоторые сферы жизни общества и отдельных лиц,

7. Политические партии как косвенно признаваемый политический субъект.

США — демократическая федерация

Принятие решений большинством голосов было общепринятой практикой как в колониальных legislatures, так и в legislatures штатов периода Конфедерации. Однако делегаты избирались не от равных количеств политически полноправных граждан, а от территориальных единиц, по квотам. *Равными* эти территориальные единицы не считались: квоты обычно учитывали численность населения. Так, по хартии Род-Айленда в ассамблею избиралось 6 представителей от Ньюпорта, не более чем по 4 от Провиденса, Портсмута и Уорика и не более чем по два от каждого другого местечка¹⁷. В конституциях же 1776 г. представление о равенстве территориальных единиц заметно: в Виргинии предусматривалось избрание двух представителей от каждого графства и по одному — от городов, в Нью-Джерси — по три от каждого графства, в Делавэре по семь.

Пенсильванская конституция 1776 г. (раздел 17) первая заявила, что представительство должно стать в перспективе строго пропорциональным, а избирательные округа нарезаться поровну на основании данных переписи, проводимой раз в 7 лет.

Конституция Массачусетса 1780 г. наметила план перехода от территориального представительства к пропорциональному. Нижняя палата legislatures — Палата представителей — названа «в legislatures этой республики представительством народа, избираемым ежегодно и основанным на принципе равенства (equality)». Чтобы обеспечить такое представительство, каждому городу, имеющему хартию (corporate town), если в нем 150 избирателей-налогоплательщиков (ratable polls), давалось право избирать одного представителя; 375 — двух; 600 — трёх, и затем с прибавлением 225 — дополнительного представителя. Если город с хартией не имел 150 избирателей, он всё же имел право посылать одного представителя; но впредь, если в поселении (place) нет 150 избирателей, ему не следовало выдавать городскую хартию (Глава I. Раздел 3. Палата представителей. Статьи I–II).

В период Конфедерации решения по всем общеамериканским вопросам принимало большинство штатов. Малые штаты не пытались навязать крупным пагубные для последних законы, но систематически срывали разумные инициативы крупных в сфере налогообложения.

Первая забота реформаторов состояла как раз в том, чтобы изменить это положение. Уже Виргинский план 29 мая предусматривал, что в едином для всех США законодательном органе наиболее многочисленная его ветвь должна избираться непосредственно народом. Были попытки заменить Виргинский план на иной, однако 19 июня именно он был окончательно принят за основу. Принцип этот и был воплощен в Конституции США. Для выборов 1788 г. Конституция прямо указывает количество представителей от каждого штата, но так делалось лишь за неимением точной статистики. В дальнейшем представительство в нижней палате должно было стать — и стало — пропорциональным.

Есть, правда, терминологическая проблема: как назвать общеамериканский, общенациональный уровень власти, отличный от уровня штатов? Когда в 1775 г. создавали общеамериканскую армию, ее называли «континентальной». В самом начале работы Конституционного конвента развернулась целая дискуссия: обсуждали, что значит государство федеративное и государство конфедеративное, — однако к общему мнению быстро не пришли, а потому, во избежание путаницы, отказались от использования обоих слов и называли единое американское государство National / национальным. В наше время эту функцию выполняет слово Federal / федеральный.

Разделение властей как основной принцип политического устройства

К принципу этому революционеры 1776 г. относились двояко. Им нравилось, что он действовал в Англии: именно он гарантировал политические свободы, которые давали немало возможностей оппозиции. В хартиях этот принцип не провозглашался, но проводился в жизнь: отношения между губернатором, легислатурой и судьями выстраивались, обычно следуя английскому образцу. 26 августа 1725 г. король Георг I выдал в дополнение к хартии 1691 г. «Объяснительную хартию Массачусетса» (Explanatory Charter of Massachusetts Bay). Там указано, что легислатура вправе выбирать своего спикера, не спрашивая мнения (королевского) губернатора, а в отсутствие губернатора его функции переходят к спикеру.

В США сразу после отделения от Англии в 1776 г. принцип этот вызывал подозрения, ибо играл на руку лоялистам, ставшим теперь оппозицией. В конституции Нью-Гэмпшира 1776 г. невозможно найти ни малейших признаков разделения властей. Пренебрегали им и в Пенсильвании.

Тем не менее Джордж Мейсон в Виргинской Декларации прав провозгласил принцип разделения властей в самых категоричных выражениях. В ее разделе V сказано: Законодательная и исполнительная власти государства / штата (of the state) «должны быть отделены и отличны» (should be separate and distinct) от судебной.

Возвращение принципа разделения властей было постепенным, но необратимым. Массачусеттская конституция 1780 г. провозгласила этот принцип в предельной форме. Последняя, XXX статья Декларации прав, предваряющей конституцию, гласит: “In the government of this commonwealth, the legislative department shall never exercise the executive and judicial powers, or either of them; the executive shall never exercise the legislative and judicial powers, or either of them; the judicial shall never exercise the legislative and executive powers, or either of them; to the end it may be a government of laws, and not of men”. («В системе власти этой республики законодательный орган никогда не будет осуществлять ни исполнительную с судебными властями, ни какую-либо одну из них; исполнительный — ни законодательную с судебной властями, ни какую-либо из них; судебный — ни законодательную с исполнительной, ни какую-либо из них; [эти запреты вводятся] ради того, чтобы она могла быть властью законов, а не людей»).

В Конституции США этот принцип выглядит несколько менее категорично. 1-я ее статья начинается с заявления, что *вся* законодательная власть вручается Конгрессу США; но 2-я статья вручает исполнительную власть президенту, а 3-я судебную власть Верховному Суду *без* указания, что это *вся* исполнительная и *вся* судебная власть.

На деле тотальной изоляции одной ветви власти от других не получилось. Сенат рассматривает кандидатуры ключевых министров, дипломатов и членов Верховного Суда и может их отклонить, а президента подвергнуть импичменту, т.е. обладает некоторой исполнительной и судебной властью; президент может наложить вето на законопроект и предлагает кандидатуры членов Верховного Суда, т.е. обладает некоторой законодательной и судебной властью; Верховный Суд может аннулировать закон, объявив его противоречащим Конституции, т.е. обладает некоторой законодательной властью. «Разделение властей» означает лишь сосредоточение *большой части*, но ни в коем случае *не всей* законодательной власти в руках Конгресса, исполнительной — в руках президента, а судебной — в руках Верховного Суда. Американцы видят в таких отклонениях от «чистого» разделения властей не недостаток, а важное преимущество своей системы: именно эти отклонения делают возможной систему «сдержек и противовесов», когда законодательные полномочия Конгресса ограничиваются и президентским правом вето, и надзором Верховного Суда, и т.д.

Но, может быть, «сдержки и противовесы» отсутствовали в конституции Массачусетса 1780 г., а появились только в федеральной Конституции в 1787 г.? Нет, политическая система Массачусетса по конституции 1780 г. аналогична будущей федеральной: у губернатора есть право вето, а Сенат вправе подвергнуть губернатора импичменту. Тотальная изоляция одной ветви власти от других была чисто декларативной изначально.

Бикамерализм

Двухпалатная система существовала как в большинстве колоний, так и в штатах периода Конфедерации. Однопалатные законодательные собрания были только в Нью-Гэмпшире, Пенсильвании и Джорджии. Однопалатным был и Континентальный Конгресс.

Чем сенаты (верхние палаты) отличались от нижних палат легислатур? Для сенаторов и их выборщиков все цензы были выше, а срок полномочий больше. Сенаторов всегда было меньше, чем членов нижних палат: конституция Южной Каролины 1778 г. прямо устанавливала, что на одного сенатора должно приходиться 10–15 представителей¹⁸. Различия же между способами избрания сенаторов и членов нижних палат сильно варьировались¹⁹. В Южной Каролине по конституции 1776 г. на первом заседании нижней палаты ее члены избирали из своей среды сенаторов, а на образовавшиеся вакансии проводились дополнительные выборы²⁰. Следовательно, сенаторы там избирались по двухступенчатой системе, где нижняя палата выполняла функции выборщиков. В Виргинии несколько графств образовывали сенатские округа, каждый из которых избирал сенатора. В Северной Каролине сенаторов выбирали жители графств, но не городов²¹, т.е. сенаторы представляли специально аграрные интересы. В Нью-Йорке сенаторов избирали из своей среды фригольдеры, имевшие на 100 фунтов свободной от долгов собственности. В Массачусетсе легислатура делила территорию штата на округа (не меньше 13) и устанавливала для каждого округа количество избираемых «сенаторов и советников» (не более 6 от округа, а всего 40²²), исходя из доли данного округа в налоговых поступлениях в бюджет штата: кто больше платил, тот был лучше представлен. Кандидат в сенаторы должен был иметь в штате фригольд не менее чем на 300 фунтов или иную собственность на 600 фунтов (кандидат в члены нижней палаты — соответственно 100 и 200 фунтов).

Мэдисон считал такие сенаты / верхние палаты, для формирования которых применялись повышенные цензы собственности, органами защиты *важных интересов*, а именно — интересов собственности. По первоначальному Виргинскому плану, Сенат США тоже должен был стать таким. Когда по Коннектикутскому компромиссу (16 июля) Сенат превратился в представительство штатов, организованное почти как прежний Континентальный Конгресс, Мэдисон воспринял это как тягчайшее поражение «национальной партии».

В бикамерализме, какой ввела Конституция США, воплощен двойкий заpret: на законы, нарушающие интересы большинства населения, и на законы, нарушающие интересы большинства штатов. Палаты, которая представляла бы штаты пропорционально населению, но избиралась бы на основании повышенных цензов, в системе власти США нет.

Президентство единоличное

Идея единоличного президентства была экстраполяцией на США в целом опыта единоличного губернаторства в отдельных штатах. Губернаторы управляли каждой из колоний. В период Конфедерации губернаторов не было только в двух штатах: Нью-Гэмпшире и Пенсильвании. Не случайно в проекте А. Гамильтона единоличный пожизненный глава исполнительной власти США назывался Губернатор США.

Конституция Массачусетса 1780 г. примечательна тем, что описывает полномочия губернатора штата такими же, какими были полномочия королевского губернатора колонии Массачусетс по хартии 1691 г., и почти такими же, какие впоследствии были у президента США. Губернатор избирался всего на год, но общенародным голосованием (у кандидата в губернаторы должен был быть в пределах штата фригольд не менее чем на 1000 фунтов). Он мог наложить вето на законопроект, но палаты могли преодолеть это вето 2/3 голосов. Губернатор командовал вооруженными силами штата.

Народ США как субъект, провозглашающий Конституцию

Конституция вводилась в действие решениями легислатур отдельных штатов, но от имени *народа США*. Это предложил Гавернир Моррис 10 сентября. В отличие от королевских хартий, Конституция определяла политическое устройство со ссылкой на волю *народа*, а не *монарха*. В отличие от конституций отдельных штатов, она ссылалась на волю народа не *отдельного штата*, и даже не на арифметическую сумму волей народов отдельных штатов, а на волю народа *США в целом*. Такие противники Конституции, как Патрик Генри, справедливо усматривали в этой конституционной норме акт слияния суверенных *народов штатов* в новый суверенный народ и принимали эту перемену в штыки²³. Даже после принятия Конституции юридическое существование единого суверенного народа США еще долго было предметом сомнений, дебатов и юридических спекуляций. Политики (почти все — с юридическим образованием) и просто юристы долго спорили о *природе* Конституции США: представляет ли она собой основной закон единого и неделимого государства (вариант: нерасторжимый договор (compact) между штатами), или же она представляет собой обычный межгосударственный договор (treaty) между штатами и федеральным центром власти, для расторжения которого достаточно желания одной стороны?

Удивляет диспропорция между кратким и скудным упоминанием этой проблемы в Конституции США и подробным, доскональным исследованием ее в предшествующих документах, прежде всего в Виргинской Декларации прав. В ней значительное место занимает тщательное очерчивание того круга лиц, который является субъектом (и, коль скоро речь идет о демократической системе, также объектом) политического управления. Мейсон начинает это делать уже в III разделе, когда пишет, что власть учреждается для заботы об общем благе —

чем? — «народа, нации или общности» (of the people, nation or community). В дальнейшем Мейсон охотнее всего использует последнее слово — «общность» (community) — самое невыразительное, но зато, из-за абстрактности своей, применимое шире других. Это не должно нас удивлять. Ведь Виргиния намеревалась отделиться от той общности, которая состояла из подданных британского короля и которую мы обычно называем Британская империя. Рядом с Виргинией такую же процедуру отделения от Британской империи намеревались проделать и Северная Каролина, и Мэриленд, и Пенсильвания; и всем им предстояло решать, будут ли все эти колонии / штаты составлять какую-то новую — может быть, политическую — общность. При этом от самой Виргинии стремилась отделиться общность людей, которые позже образовали штат Кентукки. Озабоченность вопросом о том, с кем будут, а с кем не будут виргинцы строить свое государство, в такой ситуации выглядит вполне естественной. Заменять же в документе, рассчитанном на годы вперед, абстрактное слово более конкретным термином, означающим такую общность, которая, может быть, завтра распадется, было бы слишком рискованно... К тому же понятие это оказалось пригодно и для описания взаимоотношений в среде самих виргинцев. В разделе VI Мейсон настаивает на наделении избирательными правами «всех тех людей, относительно которых достаточно очевидно, что они имеют постоянный общий интерес с общностью и привержены ей» (all men, having sufficient evidence of permanent common interest with, and attachment to, the community have the right of suffrage).

Мейсон и другие авторы первых конституций штатов не случайно уделили проблеме определения *общности* людей, имеющей статус суверена или законодателя, первостепенное внимание. Рядом с традиционной государственностью штатов, которая наследовала колониям, на территориях со спорной юрисдикцией их жители пытались создать самопровозглашенные штаты: Вермонт — на спорной территории между Нью-Гэмпширом и Нью-Йорком (1777), Нью-Коннектикут — в пределах Нью-Гэмпшира (1778), Френкленд, или Франклин — на теннессийских землях Северной Каролины (1784). Попытка создания Нью-Коннектикута так и осталась полузабытым историческим эпизодом, но Вермонт в 1791 г. стал 14-м штатом США, а в 1796 г. и Теннесси был принят в США как полноправный штат. То, что несколькими годами раньше считалось самовольством и сепаратизмом, было узаконено.

Права человека как ограничение федеральной власти

Англосаксонскую традицию запретов, адресованных властям предрежащим, обычно прослеживают от Великой Хартии вольностей 1215 г. и английского Билля о правах 1689 г. Однако в революционной Америке традиция эта прерывалась: в трех конституциях колоний, принятых до 4 июля 1776 г., о правах ничего не говорилось. Первый весомый шаг к ее восстановлению сделал Джордж Мейсон в Виргинской Декларации прав.

Мейсон понимал неизбежность коллизий между интересами индивида и общими интересами, даже в тех случаях, когда власть понимает общий интерес совершенно правильно. Он, однако, был уверен, что если власть понимает общий интерес правильно, то долг индивида — подчиниться ей даже вопреки своим близоруким понимаемым интересам. Понимал он и существование сложной взаимосвязи между общими и частными интересами. Он был очень озабочен тем, как минимизировать эти неизбежные коллизии и их последствия. Поэтому значительное место в Декларации занимает увязка прав индивида с полномочиями общности, к которой он принадлежит, — описание полномочий власти, прав индивида, взаимных обязанностей индивида и власти. Именно в этой связи Мейсон формулирует принципы должного (оптимального из возможных) политического устройства и описывает моральные основы такого политического устройства.

Виргинская Декларация начинается с описания индивида как основного субъекта права. Раздел I: «Все люди в естественном состоянии равно свободны и независимы (*all men are by nature equally free and independent*) и имеют определенные неотъемлемо им присущие права (*certain inherent rights*), коих они не могут, когда вступают в общественное состояние (*when they enter into a state of society*), лишиться (*deprive or divest*) на основании непросторжимого договора (*by any compact*) свое потомство: а именно, пользоваться жизнью и свободой (*the enjoyment of life and liberty*), средствами приобретения собственности и обладания ею (*with the means of acquiring and possessing property*), стремиться к благополучию и безопасности и добиваться их (*and pursuing and obtaining happiness and safety*)». Читатель, знакомый с идеями Руссо, несомненно, вспомнит, что именно такие выражения использовал французский мыслитель, описывая, как последний индивид догосударственной эпохи вступал в общественный договор, породивший первое государство. Читателям и поклонникам Руссо, каковых было тогда в Америке и в Европе немало, этот пассаж не мог не понравиться. Однако сам Мейсон едва ли имел в виду эту просвещенческую мифологию. Речь идет просто о том, что любой будущий гражданин в первые годы жизни является ребенком, а дети не способны принимать сознательное участие в общественной жизни — и в этом смысле пребывают в естественном состоянии. Лишь становясь взрослыми, они переходят в состояние общественное.

Для сведения властей раздел XII сообщает, что свобода печати (*the freedom of the press*) — один из величайших оплотов свободы (*one of the greatest bulwarks of liberty*). Что ее никак ограничивать нельзя, в тексте прямо не сказано, однако заявлено, что ограничивают ее только деспотические правительства. То есть если власти захотят, они вправе такие ограничения накладывать, но в таком случае их объявляет деспотами сама Декларация.

Власть, учрежденная в политике индивидом в сотрудничестве с другими индивидами, иногда может на самых что ни на есть законных основаниях ущемить его интересы. Например, легислатура может принять решение об изъятии

его собственности для общественных нужд. В таком случае человек обязан помнить, что в выборах этой легислатуры он тоже принимал участие, так что лишился он своего имущества на законном основании, а это единственное, но для демократа решающее утешение. И всё же некоторые действия по отношению к гражданину являются запретными для легислатуры любого состава. Это и есть, строго говоря, личные права.

Их немного. Важна для всех свобода совести — речь о которой Мейсон заводит, впрочем, только в последнем, XVI разделе документа. «Религия, или долг, коим мы обязаны нашему Создателю, и способ отправления его (*the manner of discharging it*) могут определяться только разумом и убеждением, но не силой и не насилием; и вследствие этого все люди в равной мере имеют право на свободное исповедание религии в соответствии с тем, что диктует им убеждение (*to the free exercise of religion, according to the dictates of conscience*)». Мейсон не затрагивает здесь вопрос о том, допустимо ли, чтобы власти оказывали какой-либо церкви поддержку за счет бюджета штата. До революции власти делали это по отношению к Епископальной церкви, однако почти весь ее клир поддержал англичан и покинул Америку.

Прочие права важны главным образом для тех, кто оказался под судом. В разделе VIII говорится, что всякий человек, подвергнутый уголовному преследованию, вправе требовать предъявления обвинения, встречи с обвинителем и свидетелями, вправе вызывать свидетелей в свою пользу. Он имеет право на безотлагательный судебный процесс, приговор по которому вынесет «беспристрастный» состав присяжных из числа соседей, причем для обвинительного приговора необходимо единогласие. Запрещено требовать свидетельства против себя. Человек может быть лишен свободы только на основании действующего закона и по приговору равных себе (*the judgement of his peers*). Раздел IX запрещает несоразмерно большие залоги (*excessive bail*), крупные штрафы (*excessive fines*), жестокие и необычные наказания (*cruel and unusual punishments*). Раздел X — предписания об арестах и обысках, в которых не уточняется состав преступления и имя обвиняемого (*general warrants*). Суд присяжных в разделе XI назван «предпочтительной инстанцией» для рассмотрения гражданских тяжб, особенно по поводу имущества.

Декларация прав, предваряющая конституцию Пенсильвании 1776 г., в основном дублирует документ Мейсона, но добавляет свободу собраний и петиций: «Что народ имеет право собираться, чтобы обсудить общее благо, проинструктировать своих представителей и обратиться к легислатуре относительно исправления злоупотреблений с адресом, петицией или представлением» (раздел XVI).

Декларация прав, входящая в конституцию Массачусетса 1780 г., весьма тщательно воспроизводит основные позиции виргинского документа, пенсильванскую свободу собраний и добавляет право гражданина на бесплатную и быструю защиту законом от ущерба и вреда (ст. XI), запрет карательных законов

с обратной силой (ст. XXIV), запрет осуждения кого бы то ни было за измену или иное тяжкое преступление не по суду, а решением легислатуры (XXV), а также запрет принудительного постоя (XXVII). Тут присутствует практически всё содержание будущего федерального Билля о правах 1791 г., за исключением только положения о невмешательстве государства в религиозные дела. Ст. III, наоборот, утверждает право *государства* поддерживать благочестие, религию и мораль, а именно: если народ по своей инициативе не проводит регулярных публичных богослужений и не поддерживает протестантских учителей благочестия, то легислатура вправе организовать богослужения и поддержать учителей.

Политические партии как косвенно признаваемый политический субъект

Порядок избрания президента, описанный в основном тексте Конституции, опирался на предположение, что в США на федеральном уровне никогда не будет разделения на политические партии. С 1804 г., когда было введено раздельное голосование и каждый выборщик получил возможность отдать один голос за кандидата в президенты, другой за кандидата в вице-президенты, стало правилом, что президент и вице-президент принадлежат к одной политической партии. Как принято говорить в США, оба кандидата значатся в одном «билете» (ticket) от соответствующей партии.

Но в конституциях штатов раздельное голосование за губернатора и вице-губернатора встречалось и раньше. В частности, в конституции Массачусетса 1780 г. указано, что заместитель губернатора (Lieutenant-Governor) избирается с предъявлением точно тех же требований и по той же процедуре, что и губернатор (Глава II. Исполнительная власть. Раздел 2. Статья I).

Как видим, Конституция США была оригинальным сочетанием глубоко традиционных для Америки норм. Переход от представительства территориальных единиц к власти большинства, к разделению властей, к единоличной исполнительной власти и юридическому признанию существования политических партий начался в штатах США задолго до принятия федеральной Конституции. Ограничения власти, связанные с правами человека, имели как минимум вековую давность; они нередко нарушались в годы революции, но были восстановлены в 1791 г. Бикамерализм как таковой новым не был, но в Конституции США была воплощена его принципиально новая для страны разновидность: представительство большинства населения в палате представителей и представительство большинства штатов в Сенате (существовавшее в период

действия Статей Конфедерации). Концепция же народа страны как субъекта законотворчества представлена в Конституции США в сильно усеченном виде по сравнению с Виргинской Декларацией 1776 г.

Как отмечал Мэдисон в письме Томасу Джефферсону от 4 февраля 1790 г., «дух законотворчества на основании философии (philosophical legislation)» был чужд американцам²⁴; аргументы Монтескьё и других политических писателей скорее украшали дискуссии, чем играли решающую роль в утверждении положений Конституции.

¹ Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. Избранные статьи / Пер. Г. Фрейдин; ред. В. и Л. Чалидзе. Benson, Vermont, 1990. С. 85.

² Научно-критическая публикация этих документов была осуществлена Конгрессом США в начале XX в.: 59th Congress 2nd Session. House of Representatives. Document N 357: The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies Now or Heretofore forming the United States of America / Comp. and ed. Under the Act of June 30, 1906. Washington, 1909. Vols 1–7. (Далее: Constitutions and Charters).

³ Если спросить: сколько поправок к Конституции США ныне действуют? — то ответ будет: 26. Потому что XVIII поправка (1919), которая ввела в США «сухой закон», была отменена XXI поправкой (1933).

⁴ Другие же регулируют то, что ранее Конституция не регулировала: например, XIII поправка (1865) отменила рабство, XXII поправка (1951) ограничила право одного лица быть президентом США двумя сроками.

⁵ Собрание документов, имеющих отношение к выработке и ратификации Конституции США: The Records of the Federal Convention of 1787 / Ed. by M. Farrand. Revised edition: In 4 vols. Vol. I–IV. New Haven, 1966–1987. (Далее — Farrand, номер тома римскими цифрами и страницы арабскими).

⁶ Конвент был создан на основании резолюции Континентального Конгресса от 21.02.1787, где говорилось, что созывается он «с единственной, прямо выраженной целью пересмотреть Статьи Конфедерации и предложить Конгрессу и легислатурам штатов такие к ним изменения и поправки, какие были бы затем одобрены Конгрессом, утверждены штатами и сделали бы политическое устройство федерации адекватным требованиям государственного управления и сохранения Союза» (Farrand III. P. 13–14).

⁷ *Paine Th. Rights of Man* // Paine Th. The Complete Writings of Thomas Paine / Coll. and ed. by Ph. S. Foner: In 2 vols. New York, 1945. Vol. I. P. 278. См.: *Пейн Т.* Избранные сочинения. М., 1959. С. 87.

⁸ *Nevins A.* The American States during and after the Revolution. New York, 1969. P. 2.

⁹ Король Вильгельм III приостанавливал действие хартии Пенна в 1692–1695 гг.

¹⁰ Впрочем, мэрилендский документ 1632 г. — едва ли не самая сложная и хитрая хартия колониального времени! Вручая Балтимору и наследникам в принципе всю полноту власти и прав собственности, хартия в пункте VIII обязывала начальников считаться с волей населения. Автор хартии предостерегал собственника колонии от ситуации, когда из-за какой-нибудь беды придется впервые созвать представителей фрименов и они по неопытности примут неразумные решения, и требовал, чтобы представительное собрание было создано в колонии при первой же возможности (Constitutions and Charters. P. 1679). Но, зная, что колония будет управляться католической верхушкой, он избегал

строгой фиксации прав протестантского большинства, которая грозила привести к параличу власти в колонии.

- ¹¹ Первый конституционный проект, предполагавший сосредоточить власть в руках сената, был отвергнут большинством голосов жителей Массачусетса 4 марта 1778 г. Второй был разработан конституционным конвентом в Кембридже, который открылся 1 сентября 1779 г. и заседал несколькими сессиями с перерывами, причем проект конституции был опубликован и широко обсуждался (*Nevins A. The American States during and after the Revolution. P. 177–181*).
- ¹² Мы не прослеживаем здесь конституционные процессы в независимом штате Вермонт, тем более что оригинального в них было мало: вермонтцы сознательно копировали опыт Пенсильвании. Первая конституция Вермонта была принята 8 июля 1777 г., 2-я — в марте 1786 г., 3-я — уже после вступления Вермонта в США: 10 июля 1793 г.
- ¹³ Общеизвестный текст, в котором слово *government* употребляется в столь необычном значении — речь А. Линкольна «Дом разделенный» (16 июня 1858 г.) В момент произнесения речи рабство законно существовало в южных штатах США, но было запрещено в северных и восточных. Линкольн констатировал, что действующая власть стремится узаконить рабство всюду в США, и предсказывал, что рабство сначала будет повсюду узаконено, а затем повсюду отменено: «дом» перестанет быть разделенным. Тот субъект политики, который ныне разделен, но скоро перестанет быть разделенным, Линкольн обозначал как *this government*, однако это не правительство, — не кабинет президента Бьюкенена, — а страна и населяющий ее народ.
- ¹⁴ С 1996 г. в Москве издается журнал «Полития».
- ¹⁵ Там говорилось, что каждая палата вправе отменить решения другой. Хотя фактически так обстоит дело почти со всеми двухпалатными парламентами, столь резкие формулировки встречаются редко.
- ¹⁶ Отвергнуты были: право федерации применять силу против штата-«делинквента», т. е. не выполняющего решений федеральных властей, в частности своих финансовых обязательств; право властей федерации отменять законы штатов.
- ¹⁷ *Constitutions and Charters. P. 3214*.
- ¹⁸ *Ibid. P. 3252*.
- ¹⁹ Способы избрания сенаторов отдельных штатов в первые годы существования США обычно были те же, что и в колониальное время в соответствующих колониях: *Main J. T. The Upper House in Revolutionary America. 1763–1788. Madison (Wis.), 1967. P. 230–238*.
- ²⁰ *Constitutions and Charters. P. 3243*.
- ²¹ *Ibid. P. 2790*.
- ²² Эти 40 человек избирали из своей среды пять советников губернатора, прочие же образывали сенат.
- ²³ Речь П. Генри на заседании ратификационного конвента Виргинии 4 июня 1788 г.: *Debates and other proceedings of the Convention of Virginia, convened at Richmond, on Monday the second day of June, 1788... / By D. Robertson of Petersburg. 2nd Ed. Richmond, 1805. P. 28*.
- ²⁴ *The Republic of Letters: The Correspondence between Thomas Jefferson and James Madison 1776–1826 / Ed. by J. M. Smith. New York, 1995. Vol. I. P. 652*.

References

59th Congress 2nd Session. House of Representatives. Document N 357: The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies Now or Heretofore forming the United States of America / Comp. and ed. Under the Act of June 30, 1906. Washington, 1909. Vols 1–7.

Amerikanskiye federalisty: Gamilton. Medison. Dzhey. Izbrannyye stati / Per. G. Freydin; red. V. i L. Chalidze. Benson: Vermont, 1990.

Debates and other proceedings of the Convention of Virginia, convened at Richmond, on Monday the second day of June, 1788... / By D. Robertson of Petersburg. 2nd Ed. Richmond, 1805.

MAIN J. T. The Upper House in Revolutionary America. 1763–1788. Madison (Wis.), 1967.

NEVINS A. The American States during and after the Revolution. New York, 1969.

PAINE TH. The Complete Writings of Thomas Paine / Collected and edited by Philip S. Foner. In 2 vols. New York, 1945.

PEYN T. Izbrannyye sochineniya. M., 1959.

The Records of the Federal Convention of 1787 / Ed. by M. Farrand. Revised edition: In 4 vols. Vol. I–IV. New Haven, 1966–1987.

The Republic of Letters: The Correspondence between Thomas Jefferson and James Madison 1776–1826 / Ed. by J. M. Smith. New York, 1995. Vol. I.

Список литературы

Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. Избранные статьи / Пер. Г. Фрейдина; ред. В. и Л. Чалидзе. Benson, Vermont, 1990.

Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959.

59th Congress 2nd Session. House of Representatives. Document N357: The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies Now or Heretofore forming the United States of America / Comp. and ed. Under the Act of June 30, 1906. Washington, 1909. Vols 1–7. 4430 p.

Debates and other proceedings of the Convention of Virginia, convened at Richmond, on Monday the second day of June, 1788... By D. Robertson of Petersburg. 2nd Ed. Richmond, 1805.

Main J. T. The Upper House in Revolutionary America. 1763–1788. Madison (Wis.), 1967.

Nevins A. The American States during and after the Revolution. New York, 1969.

Paine Th. The Complete Writings of Thomas Paine: In 2 vols / Coll. and ed. by Ph. S. Poner. New York, 1945.

The Records of the Federal Convention of 1787: In 4 vols / Ed. by M. Farrand. Revised edition. Vol. I–IV. New Haven, 1966–1987.

The Republic of Letters: The Correspondence between Thomas Jefferson and James Madison 1776–1826 / Ed. by J. M. Smith. New York, 1995. Vol. I.

С. А. Исаев. Американские корни Конституции США

В статье сделана попытка оценить степень новизны и традиционности Конституции США по сравнению с конституционными документами, ранее действовавшими на американской почве. Рассмотрены те пять аспектов политического устройства, которые были предметами дебатов в Конституционном Конвенте в Филадельфии в 1787 г., и те два аспекта, в которых политическое устройство США было изменено с принятием I–XII поправок к Конституции в 1791–1804 гг. Это: (1) демократический федерализм, т. е. принцип, согласно которому любой закон должен быть одобрен представителями большинства населения страны, независимо от разделения на штаты; (2) разделение властей; (3) бикамерализм; (4) единоличная исполнительная власть; (5) народ США как субъект, вводящий Конституцию в действие; (6) права человека как ограничения, налагаемые на действия власти; (7) политические партии как субъект, чье существование косвенно признается. В качестве документов-предшественников рассмотрены колониальные хартии Коннектикута (1662), Род-Айленда (1663), Массачусетса (1691) и Пенсильвании с Делавэром (1701); конституционные документы штатов, принятые в 1776–1784 гг., прежде всего Виргинская Декларация прав (1776), конституции Пенсильвании (1776) и Массачусетса (1780); а также Статьи Конфедерации (1781). Выводы: в аспектах (1), (2), (4) и (7) в Конституции США получили развитие на федеральном уровне тенденции, ранее развивавшиеся в штатах. В ней воплотилась принципиально новая разновидность бикамерализма. Традиционные права человека, нарушавшиеся во время революции, были провозглашены вновь.

Ключевые слова: бикамерализм, Билль о правах 1791 г., Виргинская Декларация прав 1776 г., Конституционный Конвент 1787 г., конституция Массачусетса 1780 г., Конституция США, конституция Пенсильвании 1776 г., представительство, разделения властей, сдержек и противовесов теория, хартии конституционные.

Sergei A. Isaev. The American Roots of the U. S. Constitution

The article is an attempt to weigh novelty and traditionality of the U. S. Constitution, as compared with the organic acts being in force in America before. The aspects of comparison are five principles of statehood being debated in the U. S. Constitution Convention, 1787, and two, changed by the I–XII Amendments, 1791–1804. They are: (1) the democratic federalism, or national democracy, i. d. the principle that no law can be in force against the will of the majority of the people of the U. S., notwithstanding the division into states; (2) division of powers; (3) bicameralism; (4) one-person executive power; (5) the people of the U.S. as the subject proclaiming the U. S. Constitution; (6) the rights of man, as restrictions imposed by law on the power; (7) the political parties as subjects recognized though indirectly. As preceding documents are considered: the colonial Charters of Connecticut (1662), Rhode Island (1663), and Massachusetts (1691); Penn's Charter for Pennsylvania and Delaware (1701); the Virginian Declaration of Rights (1776); the State constitutions of Pennsylvania (1776) and Massachusetts (1780); and the Articles of the Confederation (1781). The conclusion is, that in the aspects (1), (2), (4), and (7), the U. S. Constitution embodied the tendencies previously developed in the states. But its bicameralism was of new shape. The traditional rights of men, broken during the Revolution, were proclaimed again. And doctrine of people creating political body, exposed in the Virginian Declaration, was included into the U. S. Constitution heavily truncated.

Key words: bicameralism, Bill of Rights 1791, checks and counterbalances theory, Constitution of Massachusetts 1780, Constitution of Pennsylvania 1776, Constitutional Charters, Constitutional Convention 1787, division of powers, representation, Virginian Declaration of Rights 1776, U. S. Constitution.

Исаев, Сергей Александрович — к. и. н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Isaev, Sergey Alexandrovich — Ph. D., senior researcher of the St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

Т. Г. Зазерская

**Ненаначавшаяся война и международное
признание Латвии
(декабрь 1920 — январь 1921 г.)
(по французским и бельгийским
архивным документам)**

В конце Первой мировой войны политическое будущее Латвии было весьма неопределенным. После подписания Компьенского соглашения о перемирии немецкие войска оставались на территории страны, что в определенной мере устраивало западные державы, поскольку препятствовало распространению большевизма в Европе и оправдывало существование антибольшевистских сил, на возврат к власти которых надеялись лидеры Антанты.

В день подписания соглашения о перемирии 11 ноября 1918 г. лорд Бальфур передал Мейеровицу официальное письмо, в котором правительство Великобритании признало правительство Латвии *де-факто*¹.

Через неделю, 18 ноября 1918 г., уже Народный совет Латвии провозгласил независимость страны, К. Ульманис возглавил Временное правительство, представлявшее антигерманские и антибольшевистские настроения латышской национальной элиты. Министр иностранных дел Латвии З. Мейеровиц обратился к главам европейских государств с просьбой о признании между-

народно-правового статуса страны, но безрезультатно. Позиция европейских стран в принятии решения о признании Латвии *де-юре* определялась политической целесообразностью и взаимодействием внешних факторов, связанных с побежденной Германией и большевистской Россией, которые не отказались от своих планов на Балтику и балтийский регион. Непрерывающиеся военные действия на территории Латвии, смена правительств и сложная внутриполитическая обстановка привели к тому, что Латвийское государство не было признано международным сообществом в качестве субъекта международного права. Лишь в августе 1920 г. последовало первое признание Латвии *де-юре* Советской Россией.

Не добившись согласия европейских государств на признание *де-юре*, латвийское правительство подало заявку на вступление в Лигу Наций. К осени 1920 г. казалось, что Латвия удовлетворяла условиям членства в Лиге Наций: при посредничестве Великобритании в целом были определены границы с Эстонией, Литвой и Польшей; границы с Россией были установлены мирным договором от 11 августа 1920 г.; вопросы транзита были оговорены в договорах с Россией и Германией. Однородный этнический состав населения подтверждали результаты переписи 1914 г.

Обсуждение кандидатуры Латвии на заседании Ассамблеи Лиги Наций в Женеве было назначено на 15 ноября 1920 г.

Однако накануне, 13 ноября 1920 г., в Лигу Наций поступило обращение барона А. Гейкинга, который от имени балтийских немцев отмечал нарушения прав национальных меньшинств в ходе аграрной реформы, в частности экспроприацию земель у крупных землевладельцев нелатышского происхождения².

При подготовке к заседанию Ассамблеи Лиги Наций латышские дипломаты активизировали контакты с западными коллегами. З. Мейеровицс в ходе встречи с главой французской делегации в Лиге Наций Ж. Гу просил о поддержке кандидатуры Латвии, настаивая на том, что в случае отказа в Латвии придет к власти партия, выступающая за союз с Советской Россией и Германией, что приведет к «объединению Германии и Советов»³.

Поверенный в делах Латвии в Лондоне Г. Бисениекс обратился к послу Бельгии в Великобритании Л. Моншеру с просьбой поддержать кандидатуру Латвии при вступлении в Лигу Наций. Предварительно Л. Моншер сообщил в МИД Бельгии о позиции официального Лондона по этому вопросу: «Если в Москве на смену большевикам придет сильное правительство, то велика вероятность того, что русская империалистическая политика вновь поглотит отколовшиеся маленькие республики. Напротив, если Советская Россия продолжит свое существование, то, вероятно, было бы полезно в определенный момент сформировать против России конфедерацию или, скорее, группу республик-диссидентов. Это будет сделать гораздо сложнее в случае, если каждая из этих республик будет официально признана в качестве независимого государства»⁴. Сообщая о «неблагоклонной» позиции Великобритании

по вопросу о принятии в Лигу Наций Эстонии и «других подобных ей стран», Л. Моншер, подчеркнул, что признание новых членов Лиги Наций означает выполнение ст. 10 Устава Лиги Наций, предусматривавшей гарантии неприкосновенности границ государств — новых членов⁵.

В результате 18 ноября 1920 г. министр иностранных дел Бельгии Л. Делакура передал Президенту Лиги Наций бельгийцу П. Имансу следующие рекомендации по голосованию: «Эстония и Латвия обратились к Бельгии с просьбой поддержать их кандидатуры. По нашим данным, Великобритания отказывается поддержать эти кандидатуры; Италия поддерживает; Франция воздерживается. Бразилия, Испания, Греция проголосуют за единую позицию великих держав. Я разрешаю Вам проголосовать за вступление этих стран в Лигу Наций. Однако Вы можете принять иное решение в случае, если во время обсуждения данного вопроса на это появятся весомые причины»⁶.

23 ноября 1920 г. латышский дипломат О. Гросвальдс также встретился с премьер-министром Франции Ж. Лейгом. Несмотря на официальное заявление Лейга о том, что Франция продолжит оказывать поддержку и выскажется за принятие Латвии в Лигу Наций⁷, в шифротелеграмме, адресованной в Ригу, уточнялось: «Союзные державы полностью согласны с тем, что вступление Латвии в Лигу Наций, которое обязательно повлечет за собой признание страны *де-юре*, может быть осуществлено только с согласия законно сформированного русского правительства. Это [непременное] условие... вызвано лишь заботой о том, чтобы избежать принятия решения, которое может быть оспорено в будущем»⁸.

16 декабря 1920 г. Генеральная Ассамблея Лиги Наций проголосовала против вступления Латвии в Лигу Наций⁹. Кандидатуру Латвии поддержали представители пяти государств — Италии, Португалии, Персии, Колумбии и Парагвая. Франция, Великобритания, Япония, Бельгия и еще 20 государств проголосовали против, 13 государств воздержались.

В Латвии вина за провал голосования на заседании Лиги Наций была возложена на Францию. «Вчера [19 декабря 1920 г.] перед особняком итальянской миссии в Риге две пехотные роты, студенты и молодежь музыкой и радостными возгласами приветствовали представителя Италии — страны, проголосовавшей за принятие Латвии в Лигу Наций. Звучали лозунги: “Да здравствует Италия! Долой Францию!”»¹⁰ Эта демонстрация воспринималась как «явный протест против тех государств, которым Латвия доверила свою судьбу, но позиция которых в вопросе о принятии в Лигу Наций позорит их самих»¹¹.

25 декабря 1920 г. высокопоставленный сотрудник французского МИД де Перетти призвал французского консула в Риге передать правительству Латвии просьбу «использовать свое влияние на прессу и общественное мнение с тем, чтобы в будущем избежать подобные демонстрации... Время для выражения знаков незаслуженного недовольства [французским] правительством выбрано неудачно. Обращаясь к нам с просьбами о поставках вооружения, правитель-

ство Латвии показывает, что именно от Франции оно ждет помощь, необходимую для обеспечения безопасности страны»¹².

Накануне, 24 декабря 1920 г., в Париже премьер-министр Франции Ж. Лейг принял Мейеровицса и Гросвальдса. В ходе переговоров министр иностранных дел Латвии, очевидно, выдвигал те же аргументы, что и во время беседы с Жаном Гу, высказывая обеспокоенность позицией Франции, отсутствие поддержки которой может привести к смене правительства в Латвии и к приходу к власти партии, выступающей за союз с Советами и Германией и за немедленное установление прочных отношений между Советской Россией и Германией¹³.

Возможный союз между Россией и Германией, недавние действия Красной армии в Польше и согласие литовской стороны предоставить Советской России право вести военные действия против польских войск на оккупированной Польшей территории Литвы¹⁴ вызывали беспокойство западных политиков.

Кроме того, судьбу балтийских стран определяло и будущее Польши. Еще в конце июля 1920 г. на переговорах между главами правительств Великобритании и Франции Д. Ллойд Джордж заявил: «Если мы оставим Польшу наедине с большевиками, она будет разгромлена. [Когда] большевики объединятся с немцами, союзники окажутся в чрезвычайно серьезной ситуации. Франция и Великобритания хотят одного: прежде всего, спасти Польшу; как только мы этого добьемся, можно будет продолжать обсуждение других вопросов»¹⁵. Десять дней спустя на встрече глав правительств Франции и Великобритании при обсуждении вопроса о возобновлении торговых переговоров с Россией Ллойд Джордж признался премьер-министру Франции А. Мильерану, что «источником всех бед [является] Польша, поляки. Если бы Советы начали [войну], то мы могли бы выслать [членов делегации] К[аменева] и К[расина]. Надо сделать выбор между Пилсудским и К[расиным]»¹⁶. В результате было принято решение возобновить блокаду Советской России при участии малых, так называемых окраинных государств. Военная поддержка Франции и Великобритании позволила польским войскам перейти в контрнаступление, закончившееся отступлением Красной армии в середине августа 1920 г.

Под давлением стран-союзниц 7 октября 1920 г. в Сувалках было подписано временное перемирие между Литвой и Польшей, но спустя два дня Вильно был вновь занят польскими войсками, формально подчинявшимися польскому генералу Л. Желиговскому. Последний провозгласил создание на оккупированной части Виленской области нового государственно-территориального образования под названием «Срединная Литва».

Вслед за подписанием 12 октября 1920 г. прелиминарного мирного договора с Польшей наркоминдел предложил вновь приступить к торговым переговорам с Великобританией, которые возобновились в конце ноября 1920 г.

Однако захват Желиговским Виленской области изменил ход событий. В связи с этим Г. В. Чичерин обратился в Политбюро ЦК РКП(б), изложив запрос полпреда РСФСР в Литве А. Е. Аксельрода о возможности

предоставления военного снаряжения Латвии и Литве по их просьбе в случае, если Желиговский начнет наступление на Ковно: «Латвия обещает в таком случае послать войска на помощь Литве. Дело в том, что против Желиговского Антанта [ни] Латвии и [ни] Литве помогать не будет. Они, таким образом, будут страдать недостатком военного вооружения. От нас поэтому хотят знать, окажем ли мы помощь хотя бы военным снаряжением соединениям Латвии и Литве против Желиговского... Вопрос заключается единственно в том, целесообразно ли давать оружие Латвии, правительство которой не порвало с белогвардейцами. Наркоминдел полагает, что военное снаряжение могло бы быть выдано во временное пользование... Белогвардейцам или Латвии для белогвардейцев Антанта всё равно будет помогать, так что военное снаряжение они всё равно будут получать. Между тем, оставить Латвию и Литву безоружными против Желиговского крайне нецелесообразно»¹⁷. В дополнение 6 декабря 1920 г. Аксельрод сообщал Чичерину: «В общей границе с Советской Россией Литва видит спасение от Польши и от притязания Антанты на Литву. Французские газеты забили тревогу, говорят о занятии нами Вильно. Думаю, что это сами литовцы распространяют эти сведения для того, чтобы запугать Антанту»¹⁸. Очевидно, литовские политики имели прямые связи с французскими журналистами, добываясь от последних подходящей трактовки событий в свою пользу.

Озабоченность советского руководства объяснялась также тем, что на территории, оккупированной Желиговским, «мятежники из разгромленных банд Савинкова, Балаховича и других находят себе приют, <...> где им предоставляется возможность организовать в новые вооруженные отряды, подготовляющие нападение на Российскую республику. Территория Желиговского является также местом, куда, по сведениям, стекаются и различные белогвардейские элементы из прибалтийских республик, стремящиеся возобновить борьбу против трудовых масс России и их рабоче-крестьянского правительства»¹⁹.

Эти опасения подтверждались сведениями Полевого штаба Реввоенсовета Республики: «Савинков возлагает надежды на возобновление военных действий весной [1921 г.] между Польшей и Советской Россией, по инициативе последней. В таком случае русская армия выступает с национальными лозунгами одновременно с польской армией под общим руководством последней, но формально самостоятельно. Если же Советская Россия войны не начнет, Савинков выступает самостоятельно... Финансовая поддержка со стороны Франции обеспечена... Французское правительство больше Врангеля поддерживать не намерено...»²⁰ Савинкова считают лицом наиболее подходящим для политического проведения нового плана похода на Советскую Россию»²¹.

В свою очередь в середине декабря 1920 г. глава польской делегации на мирных переговорах в Риге Я. Домбский обвинил правительство РСФСР в том, что оно ищет предлог для нарушения подписанных им обязательств, поскольку вопрос о принадлежности спорных территорий между Польшей и Литвой

«подлежит разрешению исключительно между Польшей и Литвой». Через два дня в ответной ноте глава советской делегации по переговорам о мире с Эстонией, Латвией и Литвой А. А. Иоффе заявил, что концентрация враждебных советским республикам сил на территории, занятой войсками генерала Желиговского и не принадлежащей Польше, представляет опасность для России, Украины и Белоруссии²².

Подготовка войск Желиговского к наступлению на Ковно и увеличение численности антибольшевистских сил в Виленской области, возможно, и стали поводом, вызвавшим концентрацию соединений Красной армии на границах Латвии для последующего передвижения войск на территорию Литвы, с которой в то время Советская Россия не имела общей границы.

В середине декабря 1920 г. вдоль границы с Латвией было отмечено сосредоточение войск Красной армии численностью около 40 тыс. чел., из которых — 10 тыс. кавалеристов. Первоначально французский консул в Риге воспринял концентрацию большевистских войск как «обычную акцию запугивания»²³, поскольку 14 декабря 1920 г. Советская Россия ратифицировала мирный договор с Латвией.

Тем не менее 18 декабря 1920 г. Ульманис в беседе с представителем американской военной миссии в Латвии подтвердил всю серьезность ситуации: «Мы не верим в искренность заявлений Ленина и с беспокойством наблюдаем за переговорами в Лондоне»²⁴. ...Ульманис считает, что единственным положительным моментом англо-большевистских переговоров является передышка в действиях против Латвии, поскольку Рига была бы в этом случае перевалочным пунктом этих торговых операций. Ульманис опасается, что большевики выставят на передний фронт против Латвии свои латышские батальоны, усиленные русскими [красноармейцами] под видом латышей. Глава бывшей советской республики [Петерис] Стучка в данный момент уже находится в Пскове»²⁵.

В связи с обострением положения 25 декабря 1920 г. в шифротелеграмме консул Франции в Риге Р. Бинэ просил отправить как можно скорее в Рижский залив военные корабли союзников, с тем чтобы поднять моральный дух латышских солдат, а также, в случае необходимости, принять на борт иностранцев²⁶. С подобной же просьбой обратился в Вашингтон посланник США в Латвии²⁷.

По информации дипломатического представителя Литвы, советский полпред в Латвии Я. С. Ганецкий 27 декабря 1920 г. заявил, что «в Москве было принято решение атаковать Латвию», но не сообщил, когда это произойдет²⁸.

В тот же день министр внутренних дел Латвии поставил в известность французского консула о том, что количество большевистских войск на границе увеличивается с каждым днем и достигло уже 60 тыс. чел., причем ожидается прибытие еще 200 тыс. военных²⁹. Латвийский министр обещал французскому дипломату продолжать борьбу, но при условии предоставления французским правительством вооружения и боеприпасов, и добавил, что это нужно сделать срочно, поскольку атака может начаться в середине января 1921 г.³⁰

В ответной телеграмме французского МИД сообщалось, что очередные поставки вооружения будут осуществлены лишь после полной выплаты правительством Ульманиса 5 млн франков за предыдущие поставки вооружения³¹. Консул Франции немедленно телеграфировал в Париж, что в случае, если обещанное вооружение не поступит в Латвию, долги будет возвращать некому, а «большевики окажутся на берегах Балтийского моря, чтобы протянуть руку немцам»³².

В очередной шифротелеграмме 27 декабря 1920 г. консул Бинэ сообщал: «В соответствии с данными, полученными нашей военной миссией, вчера вечером многочисленные группы большевиков пересекли границу. После рекогносцировки местности они вернулись в распоряжение своих частей. Столкновений не было. [Кроме того,] американский военный атташе беседовал вчера с начальником [латвийского] Генштаба. Вначале последний попытался скрыть правду, но в результате признался, что ситуация очень серьезная, добавив, что сопротивление продлится недолго»³³.

Одновременно в Париж пришло новое сообщение со ссылкой на американских дипломатов: «Латышские офицеры считают, что большевистская атака произойдет в течение месяца. Поляки и другие лица, прибывшие из России, заявляют, что Эстония будет атакована 26 декабря, а Латвия — примерно 15 января. Это совпадает с информацией, полученной из французских источников, которые, как и датчане, воспринимают сложившуюся ситуацию очень серьезно. Продолжается концентрация большевистских войск, состоящих из латышских и эстонских коммунистов и самоходной артиллерии на границах балтийских государств... Анализ сведений из многочисленных источников показывает, что большевики, под прикрытием лозунгов о мире, готовят военное наступление против балтийских провинций»³⁴.

С каждым днем обстановка в Риге накалялась. 28 декабря 1920 г. верховный комиссар Франции в балтийских странах де Сартиг встретился с Ульманисом: «Обычно спокойный и уверенный в себе Ульманис в этот день с трудом сдерживает эмоции: “Вот к чему привела политика союзных правительств, которые отказываются признать Латвию и помочь нам”»³⁵. После этой встречи де Сартиг также обратился с просьбой в Париж немедленно послать военный корабль, пока Рижский залив еще не покрылся льдом; «лишь эта мера позволит латышскому правительству и французской военной миссии остаться на месте и до конца выполнить свой долг»³⁶.

В тот же день в Москве в Латышский отдел Наркомнаца поступила телеграмма Информационного отдела Наркомнаца с предложением «в срочном порядке доставить все имеющиеся материалы (доклады, сводки — оригиналы и пр.) по вопросу о белогвардейских и польских зверствах»³⁷, что свидетельствовало о начинающейся подготовке массовой информационной кампании.

Французский полковник Ш. Аршен подробно описал состояние дел на границе и настроения, царившие среди членов французской военной миссии в Риге:

«Министр иностранных дел Латвии подтвердил нашему консулу всю серьезность нынешней ситуации. По его словам, большевики продолжают наращивать войска на латвийской границе. Сюда будет переброшена VI большевистская армия (200 тыс. человек) для того, чтобы начать наступление в середине января... В данный момент обеспечение латвийской армии — 500–600 патронов на человека. Латвийское правительство с нетерпением ожидает из Франции недавно запрошенное вооружение... Несмотря на мирные заявления Ленина на Восьмом съезде [Советов]³⁸, ситуация остается серьезной в Эстонии и Латвии, где ждут [со дня на день] атаки большевиков. Начальник латвийского Генштаба подтверждает, что армия не сможет оказать сопротивление. По сведениям из серьезного источника, латышские пограничники братаются с большевистскими пограничниками. Гарнизон в Режице уже заражен [большевистскими идеями]. Два или три отряда большевиков в ночь с 24 на 25 декабря беспрепятственно проникли на территорию Латвии без какой-либо проверки. Большевистские отряды, каждый численностью по 200 человек, стоят на границе. Только что из Пскова прибыли грузовики и бронемшины. 12 легких орудий и 10 тяжелых орудий прибыли из Гатчины. Большевистское наступление предполагается начать 2 января. Практически очевидно, что начало атаки совпадет с революционным движением в Эстонии и Латвии (в частности в Риге, Либаве, Митаве). В этом случае французская военная миссия будет немедленно арестована, за нами уже сейчас следят местные коммунисты, и мы не сможем ничего сделать. Лично я и сотрудники военной миссии переместимся в Стокгольм, как только я сочту это необходимым... Консул Франции принимает меры для эвакуации французских граждан. Американский посланник попросил свое правительство послать крейсер»³⁹.

На следующий день Аршен сообщил в Париж о решении эвакуировать архивы: «Ситуация в Латвии остается критической. Большевики укрепляют латышский фронт тремя крупными отрядами латышей, прибывшими из Москвы. Латышские погранвойска всё более подвержены [большевистской] пропаганде. Среди войск в Риге большевики ведут очень грамотную пропаганду. Сегодня состоится забастовка электриков в Риге, ожидаются перебои с водой и забастовки на железной дороге. Количество латышских коммунистов увеличивается, возрастает недовольство нынешним правительством. Подтверждаются слухи, что большевистское наступление в начале января вызовет революционное движение внутри страны. Деятельность военной миссии становится всё более сложной: обеспокоенные агенты больше не представляют информацию, радиопередачи перехватываются, весь персонал миссии находится под прямым наблюдением вражеских агентов. В этих невыносимых условиях местная полиция неспособна что-либо сделать. В сложившихся условиях я отсылаю 29 декабря <...> коробки с архивами, пишущие машинки и крупный багаж»⁴⁰.

По сведениям французской разведки, все охвачены страхом не только перед лицом скорой большевистской атаки, но и перед действиями местных

коммунистов, которым некому противостоять, поскольку нет уверенности в латышской армии — армии голодной, плохо вооруженной, с большим количеством недовольных солдат. Выводы были неутешительны: «Подтверждается опасение, что положение Латвии и соседних балтийских государств настолько неустойчиво, что при малейшей большевистской атаке они рассыпятся, как картонный домик»⁴¹.

Сложившаяся ситуация объяснялась тем, что в Москве создалось впечатление, что отказ в приеме в Лигу Наций означал отсутствие интереса к балтийским государствам со стороны великих держав, и что «теперь Москва может себя вести, как ей вздумается, не беспокоясь о мнении Антанты. Такова точка зрения посланника Латвии в Москве, такое же мнение высказал в Ковно большевистский офицер в разговоре с членом американской миссии Красного креста»⁴².

Однако осведомленный информатор сообщил, что достоверных данных, свидетельствующих об угрозе военных действий, нет, а слухи о большевистском вторжении распространяют сами члены французской военной миссии: «В Риге всё спокойно. Консул Франции держится хорошо, лишь члены французской военной миссии полностью потеряли голову после распространения ими самими тревожных известий... По сведениям, полученным от информированного источника, граница не была нарушена ни разу, иначе это было бы замечено в приграничных деревнях. В каждой деревне есть хоть один еврей, а то, что увидит один еврей, на следующий день узнают все остальные евреи»⁴³.

Уже 1 января 1921 г. консул Франции сообщил в Париж о некоторых признаках улучшения ситуации: «В соответствии с полученной проверенной информацией некоторые части большевиков, сконцентрированные на латышской границе, только что отведены от границы»⁴⁴. Однако это не означало, что угроза вторжения была полностью снята. Посол Латвии в Москве, спешно вернувшийся в Ригу, в частной беседе высказал мнение, что «война против Польши обязательно и без сомнения начнется в феврале. Латвия и Эстония, вероятно, будут атакованы в то же самое время, если даже не раньше. В комиссариате иностранных дел относятся несерьезно к мирным переговорам в Риге»⁴⁵. Сам г-н Чичерин говорил об этом со смехом, издеваясь над послом Латвии»⁴⁶. При этом «большевики намереваются спровоцировать войну с Эстонией, вызвав огонь по своим подразделениям со стороны эстонской артиллерии, которая, при необходимости, будет оплачена большевиками, чтобы создать видимость того, что большевистские подразделения были атакованы эстонцами»⁴⁷. Послу Латвии вторил американский дипломат, цитируя представителя Литвы, который ежедневно встречался с Иоффе: «...большевистское наступление на Латвию начнется в ближайшее время»⁴⁸.

Несмотря на некоторое улучшение ситуации на границе, французские дипломаты по-прежнему сомневались, что опасность полностью миновала, поскольку «при нынешнем обеспечении вооружением, латышские войска смогут

противостоять серьезной атаке большевиков лишь несколько дней, пока волнения внутри страны не сделают напрасным вооруженное сопротивление»⁴⁹. В телеграмме в Париж было вновь высказано пожелание обеспечить французские боевые корабли в Балтийском море топливом, чтобы по первому требованию они могли подойти к Риге.

3 января 1921 г. первый секретарь посольства Латвии в Польше П. Олиньш в беседе с офицером французской миссии заявил, что его правительство больше не рассматривает сложившуюся ситуацию как критическую. Это подтверждала и депеша МИД Латвии от 3 января 1921 г., в которой были опровергнуты циркулировавшие в прессе слухи о панике в Риге и о нарушении большевиками границы: «Отмеченная концентрация войск на латышской границе, в соответствии с информацией Генштаба Латвии, — лишь случайная угроза для балтийских государств... Количество войск не превышает 40 тыс. человек... Скорее всего, [предполагается их переброска] на польский фронт». По заявлению Олиньша, подобные тревожные слухи выгодны прежде всего Советам, антибольшевистским силам и Германии, которая «изо всех сил ищет любой повод не разоружаться под предлогом большевистской угрозы. Поэтому вполне возможно предположить, что речь идет о сговоре Германии и Москвы»⁵⁰.

Несколько иное объяснение было дано начальником Генштаба Латвии офицеру французской военной миссии: «Вследствие теплой зимы и высокой температуры воздуха приграничные болота покрыты водой, что сделало большевистское наступление невозможным». Однако «ситуация остается весьма неопределенной и может измениться в любой момент»⁵¹.

Эта точка зрения показалась консулу Франции правдоподобной. Поскольку Латвия и Эстония «зависят от милости большевиков, лишь военно-оборонительный союз этих государств с Польшей позволит им продолжать оказывать сопротивление и избежать, таким образом, неминуемого краха»⁵².

В очередной еженедельной французской сводке разведанных по Латвии были подведены итоги ненававшейся войны: «Беспокойство, вызванное угрозой большевистской атаки, исчезло так же быстро, как и появилось. Но все те, кто стал свидетелем этой опасности, вдруг осознали хрупкость строения Латвийского государства и балтийских государств в целом. Возникает вопрос, как можно укрепить фундамент этого сооружения и подготовиться к будущим угрозам?»⁵³

В свою очередь в телеграмме, адресованной Г. В. Чичерину, А. А. Иоффе обвинил Францию в намерении специально создать в Латвии ощущение предвоенной обстановки «в целях создания впечатления нашей агрессивности... Франция, севшая в лужу в Женеве⁵⁴, как бы говорит всем нашим соседям: Смотрите, большевики не лучше нас, они, как только стали посильнее, немедленно начали поход против Эстонии, Латвии и Польши, но ничего не дают Польше из того, что пообещали»⁵⁵.

В том же духе А. А. Иоффе опроверг в интервью слухи о якобы готовящемся наступлении России на Латвию и о концентрации сил Красной армии на российско-латвийской границе, отказавшись от приписанных ему во Франции слов о том, что «положение России настолько улучшилось, что она теперь не намерена выполнять своих обязательств»⁵⁶. На следующий день дипломатическим представителям Советской России за границей была послана телеграмма, в которой вина за распространение панических настроений была возложена на Францию: «Последние радио американских корреспондентов говорят о необычайно якобы серьезной опасности со стороны большевиков для соседних государств... “Тан”⁵⁷ сообщает, по официальным французским сведениям, якобы, большевики грозят безопасности Латвии, и в этом смысле посылает сообщения французская военная миссия из Риги. Все эти грубые лживые сообщения исходят из французских источников, причем “Тан” требует, чтобы союзники немедленно прислали в Балтийское море военные суда... Пожалуйста, заявите официально протест против этой злостной кампании, исходящей из французских источников... Теперь, с переходом на мирное положение [у нас] начинает происходить... демобилизация, теперь же они [части] рассредоточены и отчасти направлены на зимние квартиры в юго-западную область Украины, <...> между тем как раньше они были сосредоточены с известной военной целью в определенных направлениях. Этим рассредоточением и равномерным распределением в мирных целях объясняются передвижения войск, которым воспользовались авторы клеветнических сообщений для возбуждения против нас мирно сожительствующих с нами соседних государств»⁵⁸. Возможно, телеграмма Г. В. Чичерина была связана с тем, что текст англо-советского торгового соглашения был практически готов для подписания⁵⁹, а установление торговых отношений с Великобританией, означавшее фактическое признание Советской России, было для советского правительства значительно важнее, чем начало новых военных действий с малыми соседними государствами⁶⁰. Но если Великобритания была заинтересована в налаживании отношений с Советской Россией, то Франция продолжала поддерживать противников большевизма. В этих условиях правительство Ульманиса умело использовало в своих целях страх большевистской угрозы и практически немедленно добилось международного признания страны.

3 января 1921 г. премьер-министр и министр иностранных дел Франции Ж. Лейг поставил в известность представительства Франции в балтийских государствах об инициативе французской стороны пересмотреть позицию в отношении признания Латвии *де-юре*⁶¹, о чем было сообщено латышской стороне 17 января 1921 г.⁶²

22 января 1921 г. новый министр иностранных дел Франции А. Бриан предложил маршалу Ф. Фошу рассмотреть вопрос о поставках вооружений соседним с Россией государствам, в том числе и Латвии, которые «могут подвергнуться возможной атаке со стороны большевиков»⁶³.

26 января 1921 г. в Париже состоялось заседание глав правительств Верховного союзного совета, на котором присутствовали премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, государственный секретарь по иностранным делам лорд Керзон, премьер-министр и министр иностранных дел Франции А. Бриан, министр иностранных дел Италии граф К. Сфорца, министр иностранных дел Бельгии А. Жаспар, посол Японии в Париже виконт Исии и другие высокопоставленные дипломаты. На заседании обсуждался вопрос о признании *де-юре* балтийских стран, а также Грузии и Азербайджана⁶⁴.

Генеральный секретарь МИД Франции Ф. Бертело во вступительной речи заявил, что союзные страны, считая неправомерным совместно участвовать в разделе территорий России, до последнего дня отказывали этим странам в признании *де-юре* в надежде на то, что Россия напрямую договорится с государствами, появившимися на ее бывшей территории. Однако эти надежды не сбылись, и Россия еще долго не сможет восстановить свою территориальную целостность. После разрешения Лиги Наций допустить представителей этих стран к работе в ее технических комиссиях у этих стран вновь появилась надежда на признание *де-юре*, к чему благосклонно относятся Италия и Франция.

Во время дискуссии лорд Керзон высказал несогласие с Ф. Бертело, объяснив свою позицию тем, что признание государства *де-юре* означает членство в Лиге Наций, что подразумевает выполнение обязательств остальными странами — членами Лиги Наций по защите границ этих государств: «Объектом притязаний со стороны Советской России являются порты малых государств, образовавшихся на окраинах бывшей Российской империи. Но вследствие малочисленности населения эти государства не смогут выстоять перед угрозой “большевистского империализма”. Поэтому со стороны стран-союзниц было бы весьма опрометчиво выступать гарантом границ, надежность которых весьма сомнительна». Наилучшим решением, по мнению лорда Керзона, стало бы немедленное признание лишь Эстонии и Латвии, однако предпочтительно отложить решение этого вопроса на более поздний срок⁶⁵. Министр иностранных дел Бельгии А. Жаспар поддержал лорда Керзона, предложив дожидаться решения литовского вопроса.

Министр иностранных дел Италии К. Сфорца, напротив, высказался за признание балтийских государств, отметив, что даже Россия их признала. «Нам нет необходимости, — отметил Сфорца, — изображать из себя более русских, чем сами русские»⁶⁶. Что касается Японии, то виконт Исии заявил, что у его страны нет никаких особых причин не признать *де-юре* балтийские государства. Несмотря на доводы Керзона, Ллойд Джордж присоединился к мнению стран-союзниц.

Усилия латвийской дипломатии увенчались успехом. 26 января 1921 г. Верховный союзный совет признал *де-юре* Латвийское государство. В сообщении из Парижа консулу Франции в Риге было особо подчеркнуто, что «данное решение является результатом инициативы, предпринятой Францией»⁶⁷.

В Риге телеграмма о признании Латвии *де-юре*, «неожиданно всколыхнувшая политические будни, застала широкие общественные круги врасплох, произвела впечатление *deus ex machina*⁶⁸, спускающегося с облаков для спасительного разрешения назревающих недоразумений»⁶⁹.

Правительство Польши сообщило о признании Латвии *де-юре* в конце января 1921 г., однако текст официального признания был датирован 31 декабря 1920 г.⁷⁰ В рижской прессе высказывалось недоумение, «каким образом телеграмма международного значения могла задержаться целый месяц на телеграфе и, в силу чуда, прибыть в Ригу как раз в тот же день, когда за признание высказался Париж». Польское бюро печати сочло нужным объяснить, что решение, принятое польским кабинетом еще в декабре 1920 г., только в январе было отправлено в Ригу⁷¹.

Что касается США, то госдепартамент заявил, что решение Верховного совета союзных держав о признании Латвии и Эстонии не согласуется с политикой Америки по русскому вопросу⁷².

Немедленным итогом признания *де-юре* стали полученные из Москвы сведения об «отказе России от агрессивных планов в отношении к Латвии и соседних стран»⁷³.

Политические последствия международного признания Латвии были очевидны. Осуществление идеи Ж. Клемансо о создании санитарного кордона вокруг Советской России позволило Франции отдалить побежденную Германию от большевистской России и создать условия для политической стабильности в странах балтийского региона, гарантировать безопасность и предоставить конкретную экономическую помощь. Более того, признание Латвии *де-юре* давало Франции надежду, что латвийское правительство заплатит за предоставленное в течение трех лет вооружение, снаряжение и военную технику.

Латвийский министр иностранных дел З. Мейеровиц воспринимал идею санитарного кордона несколько иначе. По сведениям французской разведки, в узком кругу он заявлял, что Латвия должна смириться с мыслью о том, что надо жить в мире с правительством Советов. «Мейеровиц уверен, что ни одно из европейских государств не придет на помощь Латвии в случае нападения большевиков. Европу интересует лишь одно: Латвия, вместо того, чтобы служить колючей проволокой, должна выполнять роль посредника между Россией и западными державами... Действительно, некоторым державам временно выгодно торговать с Советами через окраинные государства, видя отвращение, которое они испытывают при прямом контакте с большевистской Россией»⁷⁴.

Становилось ясно, что Латвия является заложником большой политики ее великих союзников и не имеет никаких шансов на самостоятельный выбор пути в отношениях с европейскими странами.

- ¹ 10 января 1919 г. Латвийское правительство также признала Японию, но, как и Великобритания, с оговоркой, что признание де-юре последует после окончательного решения вопроса Парижской мирной конференцией.
- ² Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France (Архив министерства иностранных дел Франции). (Далее: ААЕ). 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. (Август 1920 — декабрь 1922)». [Положение аристократии в Курляндии, 13 ноября 1920 г.]
- ³ Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. (Далее: DDF) 1920: Vol. 3. Tome III. P. 328–329. [Жан Гу — генеральному секретарю МИД Франции Бертелло, 24 ноября 1920 г.]
- ⁴ Archives du Ministère belge des Affaires étrangères (Архивы бельгийского министерства иностранных дел) (Далее: А.М.В.А.Е.). Série Générale “Politique”. P. 5426A. [Запись беседы посла Бельгии Моншера с Айре Кроу, 2 ноября 1920 г.]
- ⁵ А.М.В.А.Е. P. 5426A. [Моншер — министру иностранных дел Бельгии, 3 ноября 1920 г.]
- ⁶ А.М.В.А.Е. P. 5426A. [Делакруа — Имансу, 18 ноября 1920 г.]
- ⁷ ААЕ. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Телеграмма из Берна. 28 ноября 1920 г.]
- ⁸ ААЕ. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Де Перетти — консулу Франции в Риге, послам Франции в Лондоне, Варшаве, Берлине, 4 декабря 1920 г.]
- ⁹ La Première Assemblée de la Société des Nations. Lausanne. Payot, 1921. P. 19.
- ¹⁰ ААЕ. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Бинэ — МИД Франции, 20 декабря 1920 г.]
- ¹¹ Демонстрация в честь Италии // Latvijas Vēstnesis. 1920. 20 декабря.
- ¹² ААЕ. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Де Перетти — консулу Франции в Риге, 25 декабря 1920 г.]
- ¹³ ААЕ. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Внешняя политика. Латвия. Август–декабрь 1920». [Жан Гу — МИД Франции, 22 декабря 1920 г.]
- ¹⁴ Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959. С. 41 (Далее: ДВП СССР).
- ¹⁵ DDF. 1921: Vol. 5. Tome II. P. 428–430. [27 июля 1920 г.]
- ¹⁶ DDF. Annexes. P. 438–440. [Записи Мильерана (во время встречи с Ллойд Джорджем) в г. Хит, 9 августа 1920 г.]
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 9. Л. 105. [Записка Г. В. Чичерина в ПБ ЦК РКП(б) по поводу запроса А. Аксельрода о возможности предоставления Латвии и Литве военного снаряжения, 3 декабря 1920 г.]
- ¹⁸ Там же. Л. 16. [Записка А. Е. Аксельрода по поводу внутривнутриполитического положения в Литве, 6 декабря 1920 г.]
- ¹⁹ ДВП СССР. Т. 3. С. 380–381. [Нота Председателя российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей Председателю Польской делегации Домбскому, 11 декабря 1920 г.]
- ²⁰ В ноябре 1920 г. войска Врангеля были разбиты Красной армией. 22 ноября 1920 г. Франция отказалась от признания правительства Врангеля де-факто, о чем было сообщено верховному комиссару Франции в Константинополе. DDF. 1920: Vol. 3. Tome III. P. 311. [Лейг — Дефрансу, верховному комиссару Франции в Константинополе, 22 ноября 1920 г.]
- ²¹ Справка Полевого штаба РВСР о деятельности Б. Савинкова по созданию «русской» армии, не ранее 1 декабря 1920 г. // Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сб. док-тов и мат-лов. / Сост. Г. Ф. Матвеев, З. Карпус и др. М.; СПб.: Летний сад, 2004. С. 418.
- ²² ДВП СССР. Т. III. С. 385–387. [Нота Председателя российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей Председателю Польской делегации Домбскому, 16 декабря 1920 г.]
- ²³ Service historique de la Défense. (Военные архивы Франции). (Далее: SHD). 6 N 125. Папка «Рига. МИД Франции». [Шифротелеграмма консула Франции в Риге Р. Бинэ, 16 декабря 1920 г.]

- ²⁴ Имеются в виду переговоры Красина в Лондоне по поводу заключения торгового соглашения с Великобританией.
- ²⁵ SHD. 6 N 125. Папка «Рига. МИД Франции». [Шифротелеграмма Бинэ, 18 декабря 1920 г.]
- ²⁶ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Шифротелеграмма де Сартига, 29 декабря 1920 г.]
- ²⁷ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. III. Russia. P. 667. [Телеграмма уполномоченного США в Риге Янга Госсекретарю США, 27 декабря 1920 г.]
- ²⁸ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Шифротелеграмма де Сартига, 27 декабря 1920 г.]
- ²⁹ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Бинэ — МИД Франции, 27 декабря 1920 г.]
- ³⁰ SHD. 6 N 125. Папка «Рига. МИД Франции». [Шифротелеграмма Бинэ, 27 декабря 1920 г.]
- ³¹ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Бинэ — МИД Франции, 27 декабря 1920 г.]
- ³² SHD. 7 N 2780. Папка «Телеграммы МИД. Латвия. 1919–1922». [Бинэ — МИД Франции, 27 декабря 1920 г.]
- ³³ Там же.
- ³⁴ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/3. Папка «Внешняя политика. Латвия. Август–декабрь 1920». [Сведения из американского источника, 27 декабря 1920 г.]
- ³⁵ SHD. 7 N 2780. Папка «Латвия. 1919–1921». [Де Сартиг — Бриану, 18 января 1921 г.]
- ³⁶ SHD. 7 N 2780. Папка «Телеграммы МИД. Латвия. 1919–1922». [Радиотелеграмма де Сартига, 29 декабря 1920 г.]
- ³⁷ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 889. Л. 65 — 65 об. [Телеграмма Информационного отдела Наркомнаца в Латышский отдел Наркомнаца, 28 декабря 1920 г.]
- ³⁸ В. И. Ленин на Восьмом съезде Советов заявил: «Есть серьезная надежда, что в ближайшее время мы будем в тесных экономических сношениях с Латвией, которая при товарообмене с Западной Европой, понятное дело, будет еще более полезна для нас, чем Эстония и другие граничащие с РСФСР государства» (ДВП СССР. Т. III. С. 426. [Из доклада В. И. Ленина о деятельности Совета Народных Комиссаров VIII Съезду Советов, 22 декабря 1920 г.]).
- ³⁹ SHD. 6 N 132. Папка «Рига. Латвия. Телеграммы». [Аршен — Генштаб Франции, 28 декабря 1920 г.]
- ⁴⁰ SHD. 6 N 125. Папка «Либау. Дю Паркэ». [Аршен — Генштаб Франции, 29 декабря 1920 г.]
- ⁴¹ SHD. 7 N 2779. Папка «Разведсведения. Стокгольм». [Отчет о разведсведениях № 14. Латвия, 27 декабря 1920 г.]
- ⁴² ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/3. Папка «Внешняя политика. Латвия. Август–декабрь 1920». [Де Сартиг — МИД Франции, 31 декабря 1920 г.]
- ⁴³ SHD. 7 N 2780. Папка «Латвия. 1919–1921». [Обстановка в Эстонии и Латвии, 30 декабря 1920 г.]
- ⁴⁴ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/2. Папка «Внешняя политика. Латвия. 1921». [Бинэ — МИД Франции, 1 января 1921 г.]
- ⁴⁵ Речь идет о подготовке к заключению Рижского мирного договора 1921 г. с Польшей. Рижский договор был подписан 18 марта 1921 г.
- ⁴⁶ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/2. Папка «Внешняя политика. Латвия. 1921». [Бинэ — МИД Франции, 1 января 1921 г.]
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ SHD. 6 N 125. Папка «Либау. Дю Паркэ». [Аршен — Генштаб Франции, 2 января 1921 г.]
- ⁴⁹ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/2. Папка «Внешняя политика. Латвия. 1921». [Де Сартиг — МИД Франции, 1 января 1921 г.]
- ⁵⁰ SHD. 7 N 2779/1. Папка «Документы французской военной миссии в Варшаве. Латвия». [Сведения, полученные офицером 2-го бюро французской военной миссии в Варшаве, 5 января 1921 г.]
- ⁵¹ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/2. Папка «Внешняя политика. Латвия. 1921». [Бинэ — МИД Франции, 5 января 1921 г.]

- ⁵² Там же.
- ⁵³ SHD. 7 N 2779/1. Папка «Разведсведения. Латвия». [Отчет о разведсведениях №16. Латвия, 10 января 1921 г.]
- ⁵⁴ Речь идет об отказе принять Латвию в Лигу Наций.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 38. Л. 231. [Иоффе — Чичерину, 6 января 1921 г.]
- ⁵⁶ ДВП СССР. Т. III. С. 454–455. [Интервью председателя российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей директору латвийского телеграфного агентства, 8 января 1921 г.]
- ⁵⁷ «Тан» (*Le Temps*) — французская ежедневная газета (1861–1942).
- ⁵⁸ ДВП СССР. Т. III. С. 462–464. [Телеграмма народного комиссара иностранных дел РСФСР советским дипломатическим представителям за границей, 9 января 1921 г.]
- ⁵⁹ Накануне подписания англо-советского договора // Сегодня. 1921. 4 января.
- ⁶⁰ В декабре 1924 г. на границе с Эстонией была проведена схожая акция: сосредоточение красноармейских частей и их неожиданный отзыв. Подробнее см.: Кен О. Н., Рупасов А. И. Москва и страны Балтии: опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. Вып. 3. М., 2002. С. 228.
- ⁶¹ DDF. 1920: Vol. 3. Tome III. P. 545. [Лейг — де Сартигу, послам Франции в Варшаве, Стокгольме, Хельсингфорсе и Берлине, 3 января 1921 г.]
- ⁶² ААЕ. 98 СРСОМ. Z. 659/2. Папка «Внешняя политика. Латвия. 1921». [Де Сартиг — Бриану, 17 января 1921 г.]
- ⁶³ DDF. 1921: Vol. 4. Tome I. P. 37–38. [Бриан — Фошу, 22 января 1921 г.]
- ⁶⁴ DDF. Annexes. P. 533–538. [Отчет о заседании союзнической конференции глав правительств в Париже, 26 января 1921 г.] На французском языке документ был впервые опубликован в 2005 г. Ранее был опубликован в Великобритании в 1967 г. См.: Documents on British Foreign policy. 1919–1939. First Series. Vol. XV. International Conferences and Conversations. 1921. London, 1967. P. 49–55. При сравнении текстов документов отмечаются некоторые разночтения.
- ⁶⁵ Видимо, позиция Керзона объяснялась переговорами по заключению англо-советского торгового соглашения, в ходе которых представители МИД Великобритании предлагали «устраниться от участия» в судьбе балтийских стран в обмен на прекращение любой большевистской пропаганды на Среднем и Ближнем Востоке.
- ⁶⁶ DDF. Annexes. P. 536.
- ⁶⁷ DDF. 1921: Vol. 4. Tome I. P. 63. [Бриан — де Сартигу, консулам Франции в Риге и Ревеле, 26 января 1921 г.]. Несколько месяцев спустя, 22 сентября 1921 г. Латвия стала членом Лиги Наций.
- ⁶⁸ *deus ex machina* (лат.) — бог, спустившийся с небес; вмешательство высших сил.
- ⁶⁹ *De jure* // Сегодня. 1921. 28 января.
- ⁷⁰ Польское извещение о признании Латвии // Сегодня. 1921. 30 января.
- ⁷¹ Еще одно *de jure* // Сегодня. 1921. 2 февраля.
- ⁷² Америка по поводу *de jure* // Сегодня. 1921. 1 февраля.
- ⁷³ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/2. Папка «Латвия. Внешняя политика. 1921». [Посланник Франции в Дании П. Клодель — Бриану, 2 февраля 1921 г.]
- ⁷⁴ ААЕ. 98 СР СОМ. Z. 659/2. Папка «Латвия. Внешняя политика. 1921». [«Латвия сближается с большевиками». Записка Второго бюро Генштаба Франции о сведениях, полученных из заслуживающего доверия источника, 10 февраля 1921 г.]

References

Krasnoarmejcy v pol'skom plenu v 1919–1922 gg. [Red Army soldiers in the Polish camps for POW in 1919–1922. Documents. In Russ.] / Ed. by G. F. Matveev, Z. Karpus. Moscow; St. Petersburg, 2004.

KEN O. N, RUPASOV A. I. Moskva i strany Baltii: opyt vzaimootnošenij, 1917–1939. [Moscow and the Baltic Countries: lessons learnt of the relationship, 1917–1939] // *Strany Baltii i Rossiâ: obščestva i gosudarstva*. Moscow, 2002. P. 225–256.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1921: Vol. 4. Tome I. (16 janvier — 30 juin). Bruxelles: Peter Lang, 2004.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1921: Vol. 5. Tome II. (1 juillet — 31 décembre). Bruxelles: Peter Lang, 2005.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. Annexes. (10 janvier 1920 — 31 décembre 1921). Bruxelles: Peter Lang, 2005.

Documents on British Foreign policy. 1919–1939. First Series. Vol. XV. International Conferences and Conversations. 1921. London: Her Majesty's Stationery Office, 1967.

La Première Assemblée de la Société des Nations. Lausanne, Genève: Librairie Payot, 1921.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. III. Washington: United States Government Printing Office, 1936.

Dokumenty vnešnej politiki. T. II (01.01.1920–30.06.1920) [Documents on Foreign Policy]. Moscow, 1958.

Dokumenty vnešnej politiki. T. III (01.06.1920–18.03.1921) [Documents on Foreign Policy]. Moscow, 1959.

Список литературы

Документы внешней политики СССР. Т. II. (1 января 1919 г. — 30 июня 1920 г.). М., 1958.

Документы внешней политики СССР. Т. III. (1 июля 1920 г. — 18 марта 1921 г.). М., 1959.

Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Г. Ф. Матвеев, Карпус и др. М.; СПб.: Летний сад, 2004.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1920: Vol. 3. Tome III. (24 septembre 1920 — 15 janvier 1921). Bruxelles: Peter Lang, 2002.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1921: Vol. 4. Tome I. (16 janvier — 30 juin). Bruxelles: Peter Lang, 2004.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1921: Vol. 5. Tome II. (1 juillet — 31 décembre). Bruxelles: Peter Lang, 2005.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. Annexes. (10 janvier 1920 — 31 décembre 1921). Bruxelles: Peter Lang, 2005.

Documents on British Foreign policy. 1919–1939. First Series. Vol. XV. International Conferences and Conversations. 1921. London: Her Majesty's Stationery Office, 1967.

La Première Assemblée de la Société des Nations. Lausanne, Genève: Librairie Payot, 1921.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. III. Washington: United States Government Printing Office, 1936.

Т. Г. Зазерская. Ненавшаяся война и международное признание Латвии

(декабрь 1920 — январь 1921 г.) (по французским и бельгийским архивным документам)

На основе документов французских и бельгийского архивов в статье рассматривается влияние возможного военного конфликта с Советской Россией зимой 1920/21 г. на признание Латвийского государства *де-юре*. Несмотря на признание британским правительством правительства Латвии *де-факто* в ноябре 1918 г., первой признала Латвийское государство *де-юре* Советская Россия — лишь в августе 1920 г. Вскоре после отказа Генеральной Ассамблеи Лиги Наций предоставить членство Латвии на латвийской границе была отмечена повышенная концентрация войск Красной армии, что было истолковано иностранными дипломатами в Риге как попытка вернуть бывшие балтийские провинции. Перед угрозой военного вторжения по инициативе французской стороны в январе 1921 г. Латвийское государство было признано союзными державами *де-юре*.

Ключевые слова: Латвия, угроза интервенции Красной армии, признание Латвии *де-юре* главами правительств Верховного союзного совета, Архив МИД Франции, Военный архив Франции, Архив МИД Бельгии, РГАСПИ, ГА РФ.

**T. G. Zazerskaia. The war that never happened and the international recognition of Latvia
(December 1920 — January 1921)**

Based on French and Belgian archival documents this article shows the reaction of the Soviet Russia to the lack of Latvia's *de jure* recognition by the Great Powers during winter 1920. The first recognition *de facto* of the Latvian government by the government of Great Britain took place one week before the declaration of independence by the Latvian Peoples Council in November 1918. It was only in August 1920 that Soviet Russia was the first country to recognize Latvia *de jure*. Nevertheless Latvian membership in the League of Nations was refused. French and Belgian diplomats based in Latvia considered that such a refusal pushed Moscow to concentrate Red Army troops on the Latvian border in order to retrieve control over Latvia. Facing this threat French Foreign minister agreed to review the recognition of Latvia from *de facto* to *de jure* on January 1921.

Key words: Latvia, threat of intervention of the Red Army, *de jure* recognition of Latvia by the Supreme Council of the Allied Powers, Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France, Service historique de la Défense, Archives du Ministère belge des Affaires étrangères, RGASPI, GA RF.

Зазерская, Татьяна Георгиевна — к. и. н., докторант Российского государственного гуманитарного университета.

Zazerskaia, Tatiana — PhD in History, Doctoral studies at the Russian State University for the Humanities.

E-mail: zazerskaya.tatiana@gmail.com

Круглый стол «История блокады Ленинграда»

УДК 94(47).084.8

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00051

К. А. Болдовский

Актуальные вопросы исследований управленческих кадров Ленинграда периода обороны и блокады города*

Роль и значение деятельности партийно-государственного аппарата управления были чрезвычайно велики на протяжении всей истории СССР, а особенно «сталинского» ее периода. Военная обстановка, которая обуславливала усиление роли государства во всех странах, в условиях СССР вызывала широкое использование чрезвычайных методов управления и координации, что, в свою очередь, стало дополнительным фактором повышения роли управленческого аппарата и дополнительной централизации механизма принятия решений. В блокированном Ленинграде этот феномен проявился особенно отчетливо. Разрыв коммуникаций с центром, сложности связи и согласований, необходимость быстрого принятия управленческих решений стали причинами естественного перехода к формированию регионального центра управления, взявшего на себя большинство функций и полномочий, принадлежавших ранее союзным и республиканским ведомствам. Всё сказанное выше демонстрирует необходимость углубленного комплексного исследования системы управления Ленинграда в период войны в различных сферах.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00369 «Исследование взаимодействия структур власти и управления и механизмов принятия управленческих решений в Ленинграде в период блокады и обороны города, 1941–1944».

Приходится констатировать, что такие комплексные исследования только начинаются. Длительное время система управления блокадным городом изучалась лишь эпизодически. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в советское время изучение кадров власти и управления не было приоритетной темой в силу значительной закрытости многих аспектов номенклатурной системы страны. Достаточно сказать, что большинство статистических данных о кадрах управленцев были закрыты. Исходя из этого, во многих работах в качестве предмета исследования указывалась, например, «деятельность партийной организации города» по реализации тех или иных задач. Такой обезличенный подход не давал возможности в полной мере рассмотреть процедуры и механизмы формирования и исполнения управленческих решений. Во-вторых, значительная часть источниковой базы длительное время была недоступна для большинства исследователей. В-третьих, немалую роль сыграли репрессии и чистки, получившие в историографии название «ленинградского дела», в результате которых деятельность многих руководителей Ленинграда блокадной поры оказалась как бы на заднем плане.

Несмотря на упомянутые обстоятельства, и в советский период, и особенно в последние десятилетия выходили научные работы, посвященные кадровому составу органов власти и управления Ленинграда военного периода.

По сложившейся традиции, в первую очередь внимание исследователей привлекали «первые лица» — руководители региона или отдельных структур и направлений. Наряду с явно апологетическими публикациями¹ появились научные работы, исследующие деятельность высших региональных руководителей, отношения между ними² или даже изучающие процесс формирования особого «ленинградского стиля управления» через призму биографии одного из руководителей города³. Многочисленные сведения о системе управления содержатся в исследованиях, посвященных деятельности отдельных политических или государственных структур⁴, предприятий и организаций промышленности, городского хозяйства⁵.

В мемуарной литературе также можно найти упоминания о деятельности отдельных руководителей. Вместе с тем необходимо отметить, что в «отраслевых» исследованиях, как и в воспоминаниях, основное место отводится описанию конкретных личностей, а не рассказу о кадровом составе управленцев в целом. Нельзя не согласиться с тем, что в советский период деятельность тех или иных «первых лиц» часто оказывала существенное влияние на работу подчиненных им структур. Тем не менее излишняя персонификация нередко оставляет в тени руководителей их подчиненных, что, конечно, противоречит историческим реалиям.

В последние годы началась систематическая публикация документальных источников о деятельности высших органов власти и управления региона⁶. Публикуются статьи, анализирующие эти документальные издания⁷. Тем не менее изучение системы управления военного Ленинграда и ее кадрового состава еще

очень далеко от завершения. Полную картину деятельности управленческого аппарата блокированного города, основанную на источниках и свободную от штампов и мифов, еще предстоит создать. Следует остановиться на основных проблемах, встающих перед исследователями в этой области.

Первая и главная из них — это ответ на вопрос о том, каких именно работников следует относить к группе «руководящих». Какими критериями можно воспользоваться при определении границы «управленческого аппарата» города — кто участвовал в процессе подготовки и реализации властных решений? Ответ на этот вопрос далеко не очевиден.

Часто в современной научной литературе руководящие работники ассоциируются с так называемой «номенклатурой», т. е. с теми, кто занимал должности, относившиеся к номенклатуре ленинградского горкома ВКП(б) или состоявшие в основной номенклатуре ЦК ВКП(б). Численность таких должностей во время войны колебалась в пределах 2500–2700⁸. Однако в блокадный период многие предприятия, организации и учреждения были либо полностью эвакуированы из города, либо существенно сократили численность своих работников, в том числе и руководящих. Это, в свою очередь, вызывало и сокращение номенклатурных должностей. Кроме этого, многие работники, чьи должности формально входили в указанные номенклатуры, осуществляли скорее исполнительные функции, как, например, инструкторы горкома партии, чьей обязанностью был, по большей части, сбор необходимой информации.

Другой подход, применяемый в описываемый период, в частности в ходе переписи руководящих работников в 1947 г.⁹, заключался в том, что к руководящим работникам причисляли всех тех, кто имел по должностной инструкции хотя бы несколько прямых подчиненных. Таким образом в число руководящих попадали все должности, вплоть до мастеров и начальников даже самых малых участков на промышленных предприятиях.

Понятно, что оба этих подхода чрезмерно расширяют количество руководящих работников города. Для определения границ «группы управленцев» следует сначала определить иерархические уровни управления городом. Анализ решений высших региональных инстанций (Военного совета Ленинградского фронта, бюро горкома и обкома партии, Ленгорисполкома) показывает, что можно выделить три таких уровня.

Первый из них — это достаточно узкая руководящая группа, в которую входили высшие руководители города: секретари и члены бюро горкома и обкома партии и заместители председателя Ленгорисполкома. Численность этой категории составляет примерно 15–20 человек. На втором уровне находилась группа управленцев среднего звена: руководители районного уровня, руководители важнейших структур городского подчинения, важнейших предприятий и организаций, которые формально относились к центральным (союзным и республиканским) ведомствам. Общее количество работников этой группы — около 500–600 человек. Третья группа — руководители и заместители руководителей

районных подразделений городских организаций, крупных подразделений предприятий и организаций центрального подчинения. К этой группе можно отнести около 700–800 человек. Таким образом, верхняя граница при оценке численности руководящих работников блокадного города составит ориентировочно 1200–1400 человек.

К такой же оценке общей численности приводит и анализ содержания управленческих решений уже упомянутых трех высших региональных инстанций. Подсчет количества работников «гражданских» ведомств, которым поручалось выполнение тех или иных постановлений, дает такое же ориентировочное количество в 1200–1400 человек.

Рассмотрим основные характеристики аппарата управления и его деятельности. Их можно (с некоторой степенью условности) разделить на две группы, назвав их, также весьма условно, «статическими» и «динамическими».

К первой группе можно отнести характеристики кадрового состава управленческого аппарата, такие как: общая численность, численность по отраслям и иерархическим уровням, уровень образования, стаж пребывания в должности, половозрастной состав, уровень сменяемости и региональной текучести кадров и др.

Конечно, полные данные могут быть получены только после сбора документально подтвержденных данных в рамках указанной выше численности городских управленцев. Однако приблизительное представление может быть сформировано на основании данных переписи 1947 г., поскольку большинство руководителей блокадной поры остались работать в ленинградском регионе, за исключением немногих (в процентном отношении), переведенных в центр и в другие регионы¹⁰.

Одной из важнейших характеристик кадрового состава управленческого аппарата является так называемая сменяемость кадров. Эти данные показывают устойчивость (или, наоборот, текучесть) кадров. Следует отметить, что наибольший интерес представляют не столько кадровые перемещения внутри ленинградского региона, сколько данные о переходе работников в центральные органы или в другие регионы. Эти данные частично доступны. На основании статистических сведений, подготовленных ленинградским горкомом партии в 1945–1946 гг., можно сделать вывод, что подавляющее большинство работников партийного аппарата города (около 85 %) работали в одной и той же структуре на протяжении всего блокадного периода¹¹. Документальные биографические данные о руководящих работниках Ленгорисполкома и райисполкомов, о руководителях крупнейших предприятий позволяют сделать такой же вывод и в их отношении. Таким образом, в годы блокады руководящий аппарат Ленинграда представлял собой достаточно устойчивую в кадровом отношении группу, члены которой работали в регионе на протяжении всего периода. Случаи, когда назначения в городе получали прибывавшие из других регионов, были достаточно редкими.

Ко второй — «динамической» — группе критериев можно отнести данные, характеризующие непосредственную деятельность управленцев, т. е. процессы планирования, принятия и реализации управленческих решений и контроля их исполнения. Количественный и качественный анализ этих данных позволит сделать выводы об эффективности работы как системы управления регионом в целом, так и об управлении в отдельных отраслях.

К такого рода характеристикам можно отнести такой критерий, как количество повторных, однотипных решений, касающихся одних и тех же вопросов. Наличие таких решений свидетельствует о неспособности руководящих органов полностью, комплексно и окончательно решить данную проблему. Например, в период с весны 1942 и по осень 1943 г. руководящими органами региона было принято более 12 постановлений, направленных на борьбу с потерями (хищениями, порчей, нецелевым использованием) в сфере распределения продовольствия и общественного питания. Это свидетельствует о наличии системных недостатков в этой области.

Следующий критерий — степень «критичности» при выполнении тех или иных постановлений. Он характеризуется необходимостью прибегать для реализации конкретных решений к крайним мерам кризисного характера. В условиях блокированного города такими мерами были в первую очередь массовые мобилизации населения. Кроме этого, проводились и мобилизации отдельных категорий рабочих и служащих, которых приходилось отрывать от основных мест работы, что, безусловно, сказывалось на выполнении других плановых заданий. К подобного рода мобилизациям приходилось прибегать главным образом для поддержания работы топливно-энергетической отрасли: для заготовки и транспортировки топлива (торфа и дров), обеспечения работы транспорта по доставке этого топлива до потребителей, ремонта и переоборудования техники на электростанциях.

Еще одной характеристикой может служить степень инициативности конкретных руководителей или управленческих структур. Этот критерий деятельности показывает, насколько часто та или иная структура выступала с инициативой принятия каких-либо решений или проведения каких-либо действий или же она лишь пассивно выполняла решения вышестоящих инстанций. В качестве примера инициативных действий можно привести создание в наиболее трудный период блокады стационаров для ослабевших, практически находившихся на грани голодной смерти работников предприятий. Инициатива создания стационаров была выдвинута «снизу» (в первую очередь, на предприятиях Кировского района) и лишь затем получила одобрение и поддержку на уровне бюро горкома ВКП(б)¹².

Немаловажной характеристикой может быть и критерий количества «опережающих» решений. Он показывает, насколько часто управленческие решения принимались с учетом возможных в ближайшем будущем ситуаций (вызовов) или насколько часто эти решения следовали с запозданием и на-

чинали реализовываться только тогда, когда проблема назрела настолько, что не замечать ее дальше было уже невозможно. Например, в апреле 1942 г. выяснилось, что городские системы общественного питания и здравоохранения оказались не готовы к тому, чтобы наладить правильное, сбалансированное питание для людей, ослабленных многомесячным голодом. Это приводило к многочисленным смертельным исходам. Проблема была настолько острой, что секретарь горкома партии Кузнецов был вынужден рассказать о ней в ходе многолюдного заседания: «Тов. Жданов очень беспокоится в связи с тем, что продолжает смертность быть, несмотря на то что даем уже приличную норму. <...> Он прямо бесится от того, что никто не предлагает, как поступить. Ни один врач не придет, не внесет предложения»¹³. Проблема, возникновение которой вполне можно было предугадать заранее, оказалась в данном случае неожиданной для руководителей. Также вполне предсказуем был и топливный кризис в Ленинграде конца 1941 г., поскольку тот факт, что Ленинград был зависим от привозных ресурсов, в первую очередь топлива — угля и нефтепродуктов, был вполне очевиден.

Недостаток своевременных, продуманных и реалистичных управленческих решений нельзя ставить в вину исключительно ленинградским руководителям. При анализе их действий необходимо принимать во внимание такие обстоятельства, как, во-первых, непредсказуемость развития ситуации, особенно в отношении военных действий первого периода Великой Отечественной войны, во-вторых, стратегические приоритеты руководителей города, для которых на первом месте стояли вопросы выпуска военной продукции, иногда в ущерб принятию мер по поддержанию городской инфраструктуры, что особенно относится к первому периоду блокады осенью–зимой 1941 г., и наконец, в-третьих, необходимостью согласования многих решений с высшим руководством страны.

В целом, количественный и качественный анализы с использованием приведенных выше критериев документальных данных о кадровом составе и решениях руководящих органов Ленинграда блокадного периода дадут возможность создать полное, объемное представление о составе и функционировании системы управления «городом-фронтом».

¹ См., например: *Волынец А. Н.* Жданов. М.: Молодая гвардия, 2013. (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; вып. 1436); *Базовский В. Н., Шумилов Н. Д.* Самое дорогое. Документальное повествование об А. А. Кузнецове. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985.

² *Кутузов В. А.* А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // *Новейшая история России.* 2012. № 1 (3). С. 193–203; *Кутузов В. А., Демидов В. И.* Член Военного Совета А. А. Жданов // *Битва за Ленинград: проблемы*

современных исследований: Сборник статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский региональный центр по изучению военной истории. СПб., 2007. С. 157–170; *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (9). С. 275–292; *Газиева Л. Л.* «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту...» Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 31–35.

³ *Амосова А. А.* Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014.

⁴ В годы суровых испытаний. Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне. Л.: Лениздат, 1985; *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 8–21; *Болдовский К. А.* Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2016. Вып. 2. С. 61–73.

⁵ См., например: *Демидов В. И.* Снаряды для фронта. Л.: Лениздат, 1985; Водоканал Ленинграда, 1941–1945: Водоснабжение и канализация Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Лики России, 1995.

⁶ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под. ред. Н. Л. Волковско-го. М.; СПб., 2005; Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019; Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения. Ноябрь 1941 — декабрь 1942: Сборник документов. СПб., 2017; Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь–декабрь 1943 г. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. СПб., 2018; Журнал посещений А. А. Жданова. 1941–1944 гг. СПб.: Национальный центр социальной помощи, 2014.

⁷ См., например: *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1 С. 8–34; *Болдовский К. А.* «В своем кругу...»: стенограммы заседаний бюро ленинградского горкома ВКП(б) как источник по истории блокады Ленинграда // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сб. статей / Отв. ред. М. В. Ходяков; отв. сост. А. А. Иванов. СПб.: Лема, 2018. С. 242–254.

⁸ *Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб.: Нестор-История, 2018. С. 150–152.

⁹ *Болдовский К. А.* Социальный состав руководителей послевоенного Ленинграда по данным учета 1947 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 197–213.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ *Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей». С. 97.

¹² Подробнее об этом см.: *Болдовский К. А.* Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом... С. 68–70.

¹³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4464. Л. 9–10.

Е. Д. Твердюкова

Советский делопроизводственный канон в автобиографиях руководителей блокадного Ленинграда*

При изучении феномена руководства блокадным Ленинградом серьезную исследовательскую проблему составляет реконструкция путей социализации и самореализации людей, не связанных кровными узами, но оказавшихся в силу исторических условий в замкнутом пространстве города. Формализованные анкетные листы и листки по учету кадров, заполнявшиеся каждым гражданином в процессе трудовой деятельности, подходят для воссоздания хроники событий из жизни ленинградских управленцев, но мало могут помочь при анализе их карьерных стратегий. Между тем для создания коллективного портрета, как справедливо указывала Л. П. Репина, биографии следует изучать «в динамике»: развернутая характеристика личности требует учета эмоционально-психологического, социального и интеллектуального опыта индивида, обусловленного предшествующей историей его жизни¹. В своей статье мы пытаемся определить, можно ли почерпнуть соответствующую информацию из автобиографий тех, кто занимал ответственные посты в ленинградском руководстве в период блокады города.

Автобиография — это рассказ человека о себе, событиях своей жизни, приобретенном опыте. Один и тот же термин используется в отношении и мемуарных свидетельств, и служебных документов. Несмотря на ряд сходных черт (написание, как правило, по памяти, фактология, касающаяся жизненной канвы автора, оценочность суждений), между ними имеются существенные различия. Для автобиографических записок характерна большая пространственность изложения, свобода при отборе фактов; адресованные широкой публике, они пишутся без оглядки на негативные последствия, которые могут возникнуть при выявлении ошибок в изложении или сознательного умолчания о некоторых

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Исследование взаимодействия структур власти и управления и механизмов принятия управленческих решений в Ленинграде в период блокады и обороны города. 1941–1944 гг.», № 19-09-00369.

обстоятельствах жизни автора. Всё это может быть легко списано на субъективность таких свидетельств, присущую источникам личного происхождения. Автобиографии — делопроизводственные документы — имеют официальное назначение, чем обусловлена их краткость, схематичность и наличие сведений, большинство из которых подлежат обязательному включению в автобиографический текст².

«Лингвистический поворот» в социогуманитарном знании проявился в публикации работ, в которых составители служебных автобиографий рассматриваются не как реальные исторические акторы, а как литературные персонажи. В частности, по мнению профессора Тель-Авивского университета Игала Халфина, «коммунистическая автобиография не позволяет однозначно утверждать, каким в действительности был писавший ее индивидуум, она рассказывает о том, каким он надеялся стать»³. По его мнению, интересно не то, что происходило с человеком, а то, как он это описывает. Доктор исторических наук Ю. П. Зарецкий также предлагает обращать особое внимание на форму подачи рассказчиком сведений о себе и (особенно) на избирательность этих сведений: почему он упоминает одни факты и опускает другие⁴. Думается, что сам по себе такой подход недостаточно продуктивен, ибо существенно снижает информационный потенциал источника. Необходимо всё же подвергать анализу оба пласта текста — и личностно-субъективный, и фактологический.

Мы изучили около 40 автобиографий, которые можно охарактеризовать как документы информационно-биографического характера служебного назначения, отложившиеся в личных делах ленинградских управленцев. Хотя составлялись они в свободной форме, обычно в них освещались те же вопросы, что и в анкетных листах или листках по учету кадров, что позволяет говорить не только о формализации содержащихся в них данных, но и о складывании своеобразного делопроизводственного канона. Его становлению способствовали издание специальных инструкций по написанию автобиографий, а также приобретаемый человеком в течение жизни опыт по использованию словесных клише в ходе заполнения различных анкет (при зачислении на учебу и на работу, вступлении в общественные организации, привлечении к ответственности и пр.).

В одном из личных дел была обнаружена «Памятка по составлению биографии»⁵, в которой приводился пространный перечень вопросов, подлежащих обязательному освещению. Условно этот перечень можно разделить на несколько смысловых блоков.

Первый составляли социально-биографические сведения: дата и место рождения, семейное положение рассказчика, информация о его ближайшем окружении: сословие (звание) родителей и род их занятий, сведения о супруге и других членах семьи (братьях, сестрах, взрослых детях). Родители (прежде всего отец) упоминались в автобиографиях в контексте социального происхождения автобиографа: «отец с 1904 по 1934 год работал на железной дороге (ст[анция] Петропавловск Омской железной дороги) смазчиком вагонов, слесарем, истоп-

ником вагонов» (П. Г. Лазутин), «отец мой работал стрелочником и сцепщиком поездов на железной дороге» (И. А. Андрееenko), «родился я в 1902 году в семье рабочего-грузчика» (А. И. Фельдман)⁶ и т. п.

В случае несоответствия статуса родителей социально одобряемым типажам авторы либо «приписывали» им характеристики, опровергающие «чуждость» советскому строю, либо дистанцировались от них. Например, А. М. Белецкая, чья мать работала врачом, специально оговаривала, что частной практикой та не занималась⁷. В. Г. Куцентов, родившийся в семье крестьянина-середняка, сообщал о невысоком его материальном благосостоянии: «<...> хозяйство отца состояло из двухдушевого надела земли, двух коров и одной лошади. Детей у родителей было 8 человек»⁸.

К. Н. Гуляева, указавшая в анкете, что родилась в семье старшего приказчика пивной лавки, одновременно и оправдывала отца (говоря о его бедняцком происхождении), и обвиняла: «Отец — выходец из Рязанской губ., бедняк, приехал в Петербург после армии, поступил на завод пивоваренный рабочим, потом перешел в казенную пивную лавку, сделавшись ст[аршим] приказчиком, спился, бросил семью и навсегда ушел в 1905 году, оставив семью без всяких средств»⁹.

Пункт о сословии (звании) родителей являлся одним из самых проблемных с точки зрения достоверности, но интереснейших с точки зрения самоидентификации составителя автобиографии. Классовая принадлежность, по мнению советолога Ш. Фицпатрик, служила главным компонентом советской идентичности и автобиографической картины¹⁰. Те, кто не мог козырнуть пролетарским происхождением, выступавшим, очевидно, синонимом лояльности советскому режиму, прибегали к причудливым формулировкам: «воспитывался в семье полурбочего-полукрестьянина» (П. С. Попков¹¹) или «социальное положение и происхождение родителей — крестьяне; отец работал на заводе в г. Рыбинске и официантом в г. Ленинграде» (Н. А. Коновалов¹²). Разобраться в хитросплетениях семейной истории В. В. Антонова, указавшего в анкетном листе, что он происходит «из мещан, сын рабочего», было бы сложно, если бы не разъяснение в тексте автобиографии: «Мой дед по отцу был музыкантом в Кронштадтском военном порту, а другой дед со стороны матери, Михаил Круглов, был машинистом на железной дороге. Отец мой, умерший в 1918 г., был рабочий винодел во французской фирме Ф. Рауль в Ленинграде»¹³.

Сомнения в достоверности указанных сведений могли повлечь за собой разбор персонального дела в ходе партпроверки или вступления в ВКП(б). Так, указание на крестьянское сословие М. В. Басовым (наличие крестьянских корней также рассматривалось как норма), при том что мать его в дореволюционное время заведовала винной лавкой, в ходе чистки 1931 г. было расценено как сознательное сокрытие социального происхождения. От негативных последствий его спасло наличие справки, согласно которой после революции М. М. Басова занималась хлебопашеством, а весь сельскохозяйственный инвентарь и лошадь передала в колхоз «Батрак»¹⁴.

Думаю, что значимость классовой принадлежности в советской действительности 1930-х гг. не стоит преувеличивать. В отличие от первых лет советской власти, она перестала выполнять роль своего рода фильтра для отбора кандидатов на руководящие должности и могла при случае стать поводом для обвинений в чужеродности, но не их причиной. И составители автобиографических текстов, и работники кадровых служб воспитывались в одной социальной среде и одинаково владели нормами делопроизводственного канона, понимая условность сведений такого рода.

К компрометирующим сведениям, которые требовали пояснений в автобиографии, относились данные о наличии проживающих за границей родственников. В этом случае требовалось уточнить, поддерживает ли составитель документа с ними связь (личную, письменную или иную). Вот как этот сюжет был описан В. Н. Суслыковым: «В семье у нас было 4 брата и одна сестра. Старший брат умер в 1901 г., средний брат был призван в империалистическую войну на фронт, и с 1916 года о нем не было никаких известий, считали его погибшим, а в 1947 году я получил от него письмо, где он пишет, что разыскать мой адрес помог ему полпред Сов. Союза во Франции т. Емельянов и что он, брат, живет недалеко от Парижа, местечко Кламар, шьет непромокаемые плащи. Является секретарем о[бщест]ва советских граждан, имеет советский паспорт и готовится приехать в Россию в апреле—мае 1948 г.»¹⁵.

Период детства в советских делопроизводственных документах специально не артикулировался. Чаще всего автобиографы обращались к своим детским годам в контексте характеристики бедственного положения своей семьи или принадлежности к дискриминируемым слоям общества: «Родился в семье мелкого торговца красками 27 сентября 1895 г. в г. Витебске. Семья у отца была большая, работали много, но жили стесненно — из-за невзноса платы за ученье в гимназии не раз приходилось прерывать учебу. С 3-го класса гимназии стал давать уроки. Уроками занимался до 4-го курса медицинского факультета, когда стал получать государственную стипендию»¹⁶; «Отец мой мечтал об образовании для детей в виде безысходности еврейской жизни того времени в черте оседлости... Для достижения намеченной цели отец переменял работу, переехал с семьей в г. Ровно, где имелось Реальное училище, [в] 9 лет я держал курсный экзамен в это училище, но не был принят вследствие отсутствия денег, связей и особенно как еврей. Через год я выдержал на “отлично” экзамен в гимназии в г. Остроге и случайно был принят в первый класс. Нелегко давалась мне учеба. С одной стороны — материальные затруднения, с другой — шовинистически настроенные ученики и педагоги, особенно дети польских панов — всё это угнетало морально, вызывало чувство глухого протеста и воспитывало ненависть к царскому режиму»¹⁷.

Рассказы о тяжелом детстве в царской России примыкали к следующему проблемному блоку, присутствующему в каждой автобиографии — описанию профессионально-трудовой деятельности, начинавшемуся с указания возраста,

когда составитель документа начал самостоятельно работать. Так, П. С. Попков, родившийся в 1903 г., указывал, что «работать начал с 9-ти лет, т. е. с мая 1912 г., был отдан в батраки (подпаском общественного скота) в деревню Орефино Киржачского уезда Владимирской губернии. В 1913 и 1914 гг. работал батраком в селе Дальнее Фетинино Александровского уезда Владимирской губернии, а в 1915 г. работал батраком в деревне Каменка Владимирского уезда и губернии. В ноябре 1915 г. по вызову отца переехал жить в г. Владимир, где в декабре 1915 г. поступил в частную пекарню Чирикова, в которой проработал подручным пекарем до 15 января 1917 г., т. е. до закрытия булочной»¹⁸.

Столь ранний переход из социальных иждивенцев в разряд трудящихся являлся вариантом социально поощряемой нормы и потому акцентировался автобиографами. А вот в рассказе о своем образовании они обычно ограничивались простым указанием на то, где и когда учились, лишь изредка поясняя эти факты своей жизни. Более или менее пространные объяснения пребывания в том или ином учебном заведении характерны в основном для текстов, в которых шла речь о дореволюционном периоде. Например, для Д. М. Паллерштейна весь его трудовой путь был обусловлен невозможностью получить желаемое образование в царской России: «В 1909 г. я окончил гимназию с золотой медалью. Утомленный резкими проявлениями глубокого антисемитизма в период гимназической жизни, я мечтал о моральном отдыхе в вузе, но попасть туда было нелегко. Я хотел быть инженером, но для этого надо было держать конкурсный экзамен и в условиях суровой процентной нормы для евреев. Я послал бумаги в два политехникума (Петербург, Новочеркасск), где прием производился по конкурсу аттестатов, но получил отказ. Из чувства протеста против враждебного отношения мракобесов к возможности получения евреями высшего образования я решил поступить в Киевский университет на физико-математический факультет с целью последующего перехода в Политехнический институт. Год я провел на физико-математическом факультете, сдал ряд зачетов; в это время министерством народного просвещения был издан циркуляр, запрещающий переход евреев с математического факультета в политехнический институт — мне пришлось перейти на медицинский факультет»¹⁹.

Даже в случае краткого изложения рассказчиком фактов своего профессионального становления автобиографический текст может дать информацию о причинах учебной и трудовой мобильности, в том числе когда стандартизированные ответы из других документов по личному составу не позволяют понять перемещения по служебной лестнице. Например, В. А. Тарасова, командированная в ноябре 1941 г. Ленгорисполкомом в Челябинский облздравотдел для надзора за медобслуживанием эвакуированных из Ленинграда детей, так объясняла свое последующее увольнение с руководящей должности в Московском главке: «В 1943 г. переведена в Министерство здравоохранения СССР, где работала вначале инспектором, а затем нач[альником] Отдела детских больниц, поликлиник и консультаций. Работая в Москве, я всё время стремилась

вернуться домой в Ленинград и в 1945 г. получила перевод в ноябре месяце и вернулась на работу в Ленгорздравотдел»²⁰.

Как свидетельствуют документы, сфера личного усмотрения при выборе места работы ленинградскими управленцами была узка. Вот как, например, выглядела трудовая биография С. А. Трифонова: «По выдвижению уездкома работая секретарем гор. ячейки, я с данной работы был отозван у[езд]комом на работу председателя бюро б[ывших] пионеров, по личной просьбе был Бюро у[езд]кома ВЛКСМ отпущен на кооперативную работу, был командирован учиться на губернские кооперативные курсы, коллективом ВКП(б) института потребкооперации был отозван с учебы на 1 год и поставлен на работу директором Ленинградского техникума Севзапсоюза, Обкомом ВКП(б) был переброшен на работу начальником отдела подготовки кадров Севзапсоюза, был освобожден по собственному желанию и назначен директором учебно-методического кабинета Ленгорторготдела»²¹.

То, что большинство перемещений по служебной лестнице было связано с решениями компетентных органов («по разверстке комсомола был командирован на рабфак», «мобилизован в счет парттысячи», «решением Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) выдвинут на работу», «избран по решению Ленгорисполкома»), характеризует в целом систему трудовых отношений, сложившуюся в первые десятилетия советской власти, но дает мало материала для реконструкции межличностных отношений внутри кадрового корпуса. Фигуранты изученных нами личных дел лишь изредка прибегали к так называемому «авторитетному мнению». Так, И. Г. Венков все свои перемещения по службе сопровождал фамилиями (иногда даже с адресом проживания или номера телефона) сослуживцев, долженствующих, вероятно, в случае необходимости подтвердить факт его высоких моральных качеств и профессиональных навыков²².

Огромное значение имело отражение в автобиографии общественной деятельности человека: годы членства в ВЛКСМ, для членов ВКП(б) — время вступления в партию, вид партийной и общественной работы, включая участие в выборных органах. Согласно «Памятке по составлению биографии», требовалось указать, состоял ли автор текста в других партиях (когда, где, в качестве кого), в частности в троцкистской, правой, национал-шовинистических и прочих контрреволюционных организациях; были ли отклонения от генеральной линии партии, колебания; если колебался, то по каким вопросам и как долго продолжались эти колебания; какую партию выполнял в период борьбы с оппозицией 1921, 1923–1924, 1925–1927 гг. и в последующие годы; участвовал ли в антипартийной белорусско-толмачевской группировке и др.

Заметим, что нам пока не встретилось ни одной автобиографии, в которой описание было бы столь детализировано. Как правило, их составители имели безупречный в партийном отношении послужной список. Те же, кто не являлся членом ВКП(б), не просто объясняли отсутствие партбилета, но стремились компенсировать этот факт указанием на активную гражданскую позицию:

«В 1928 году я подавал заявление о приеме меня в партию, был принят местной парторганизацией, но не прошел в райкоме ВКП(б) якобы из-за отсутствия в Центр[альном] районе процентной нормы (как мне потом говорили)... За время гражданской службы я непрерывно занимал ряд выборных должностей по общественной работе, в месткомах, ревизионных комиссиях, эконокомиссии, производственном совещании, был членом президиума райсовета союза и др. В настоящее время (27 мая 1942 г. — Е. Т.) работаю председателем огородной комиссии Ленинграда»²³.

Знаковым для нашей страны событием, изменившим жизнь каждого из современников, стала революция 1917 г. Каждый из составителей автобиографии, освещая свое участие в революционном процессе, должен был «привязать» личную историю к коллективной истории страны. При этом следовало указать, какая работа велась против царского, белых или других буржуазных правительств; имелась ли связь с подпольными организациями или отдельными большевиками-революционерами (где, когда — подробно); подвергался ли автор преследованиям со стороны царского, белых или буржуазных правительств, интервентов и т. д., где, когда, за что, какими судебными или карательными органами.

Нельзя сказать, что среди ленинградских управленцев насчитывалось много активных участников событий 1917 г. Самый богатый революционный опыт (судя по изученным на сегодняшний день документам) имелся у А. Я. Иванова, подробно описавшего в автобиографии рабочее движение, наблюдать которое ему пришлось еще на рубеже веков: «В 1898 году я поступил в начальную школу. Мальчиком 9 лет был очевидцем революционного выступления рабочих фабрики “Максвелл”, которое было во время забастовки на этой фабрике и известно в “Истории революционного движения”, как штурм полицейскими и войсками Максвелевской казармы. Я жил в этих казармах и видел избиение, истязания, которым подвергались рабочие. Это произвело на меня сильное впечатление, и уже с малых лет я стал ненавидеть полицию... По окончании школы в 1902 году в январе поступил работать рассыльным мальчиком на Невский Судостроительный и Механический завод, ныне завод им. Ленина... В декабре 1904 г. наш завод забастовал одним из первых в Петербурге, в поддержку забастовавшего Путиловского завода. 9-го января 1905 года я вместе со всеми рабочими Невской заставы пошел от Гапоновского собрания, которое находилось по Новопрогонному пер., с петицией к царю. Уже на Шлиссельбургском проспекте на нас налетели казаки с нагайками и шашками стали разгонять... Участие мое в революции 1905–1907 гг. выразилось в том, что я активно участвовал в забастовках, ходил останавливать мастерские (кузница, литейные), где было много рабочих, только что приехавших из деревни, которые не сразу прекращали работу, и приходилось останавливать машины и моторы, после чего они выходили на митинг. Участвовал в политических кружках и массовках, которые устраивались весной–летом 1905 года полулегально,

проводил денежные сборы на политические цели. В 1911 году исполнял различные поручения партийного (большевистского) кружка рабочих фабрики “Максвель”... как то: передача политической литературы, прокламаций, книг, газет, распространял прокламации... В 1912 году, когда начали легально выходить газеты “Правда” и “Звезда”, я часто читал их вслух рабочим, разъясняя политический смысл статей, проводил сборы на рабочую печать. После реакции 1907–1911 года²⁴ наша фабрика в апреле 1912 года впервые забастовала, протестуя против Ленского расстрела, и вторично 1-го мая, за что владелец фабрики объявил локаут и рассчитал всех рабочих. А через некоторое время был объявлен новый набор, нас, группу человек в 25–30, управляющий отказался принять обратно как руководителей и только по настоянию рабочих мы были приняты, да еще потому, что в это время промышленность после кризиса 1907–1910 годов начала подниматься и рабочие мужчины стали уходить с фабрики на завод, где зарплата была выше... Управляющий знал о моей политической работе и заявил мне, что брать меня не следовало и что если я не прекращу политическую работу, то будет худо. Видя, что мне нужно отсюда уходить, я, подыскав себе работу, в августе 1912 года ушел с фабрики на Арматурно-электрический завод в Полустрове. Работая на Арматурном заводе, я участвовал во всех забастовках, проводил подписку на рабочие газеты и был членом заводской комиссии по выработке устава Больничной кассы... В декабре 1914 года я вновь перешел на работу на Невский Судостроительный завод ввиду того, что я жил за Невской заставой и ходить 12 километров пешком было очень тяжело. В 1914 году я работал токарем в Пароходно-Механической мастерской. Здесь меня и застала февральская революция 1917 года. С первых дней я работал в Революционном комитете Шлиссельбургского подрайона (столовая Невского завода). В апреле 1917 года вступил в партию эсеров и в июне месяце того же года вышел из партии эсеров... С апреля месяца до июля 1917 года работал членом заводского Комитета. В июле 1917 года я вступил в Красную гвардию и участвовал в борьбе с отрядом генерала Корнилова. В Октябрьские дни нес охрану по Невскому району, состоя в сводном отряде при Невском штабе революционного комитета»²⁵.

Можно предположить, что А. Я. Иванов написал об этом для «Истории фабрик и заводов». Как известно, в конце сентября 1931 г. А. М. Горький выступил с призывом начать это издание «не с абстрактной истории рабочего класса, а с истории конкретных рабочих коллективов и предприятий»²⁶. Материалом должны были послужить документальные свидетельства «передовых борцов за независимость пролетариата». Анкетно-биографической секцией Института истории Комкадемии были разработаны схемы-вопросники для участников и свидетелей событий революции 1905 и 1917 гг. Собранные воспоминания были «насыщены особой бодростью и революционным пафосом борьбы»²⁷. Именно так можно охарактеризовать и процитированный нами автобиографический текст.

Наряду с революцией поворотными событиями в истории нашей страны являлись Гражданская и Великая Отечественная войны. Поэтому автобиографы обязательно отражали свое участие в боевых действиях: в каких боях и где, в составе какой части и на какой должности, имевшиеся ранения, контузии, увечья и награды. «Памяткой» предписывалось указать факт службы в царской, Белой армии или армии интервентов, в антисоветских националистических армиях (учредилловцы, петлюровцы, мусаветисты, дашнаки, меньшевики Грузии), в бандах Махно, Антонова и др.: когда, где, в качестве кого, как туда попал, когда, в какой части служил, сколько времени, участвовал ли в боях против частей Красной армии, когда и где; был ли в плену у белых или интервентов, когда и где и при каких обстоятельствах попал в плен, где служил и чем занимался во время нахождения в плену, когда и при каких обстоятельствах был освобожден из плена; если проживал на территории, занятой белыми и интервентами, надо было точно указать, когда, в каком возрасте и в качестве кого работал.

В просмотренных автобиографиях не упоминалось ни одного случая службы в антисоветских формированиях времен Гражданской войны. Но небольшой объем выборки не позволяет с уверенностью утверждать, что подобный факт биографии мог служить безусловным препятствием для карьеры.

Многие из тех, кто принимал участие в Первой мировой войне, подчеркивали, что были мобилизованы («по призыву») и служили рядовыми (или, будучи врачами, лекарями без звания). Даже имевшие чин царской армии стремились снять с себя моральную ответственность за участие в «империалистической бойне». В. В. Антонов так описывал свое вынужденное (и относительно кратковременное) пребывание в рядах царской армии: «За несколько месяцев до призыва моего 4 января 1916 года я поступил вольноопределяющимся в 6 Запасный саперный батальон, с тем чтобы остаться в Ленинграде и не ехать на фронт. В батальоне мне было предложено поступить в Инженерную школу прапорщиков, что мне пришлось сделать и через 6 месяцев <...> я был произведен в прапорщики саперных войск. В старой армии я прослужил до 31 декабря 1917 г., всего два года...»²⁸

В. Г. Куцентов информацию о своем пребывании в плену, которая могла быть истолкована как компрометирующая, дополнял фактами, свидетельствующими о лояльности советскому строю: «Очутившись на фронте в Восточной Пруссии в качестве рядового пехотинца 105 Оренбургского полка, я при отступлении русской армии попал в конце января 1915 г. в плен к немцам, из которого вернулся в ноябре 1918 года. Начиная с 1919 года по сие время я нахожусь непрерывно на партийной, профсоюзной и хозяйственной работе, добросовестно выполняя все задания и поручения директивных и руководящих советских органов. В партию вступил кандидатом в ноябре 1919 г. Все проверки и чистки проходил без замечаний»²⁹.

Нормативное описание участия в Гражданской войне на стороне красных, напротив, предполагало добровольность: «Сразу после первых дней Февральской революции на заводе организуется красногвардейский отряд, в котором

принимаю активное участие как красногвардеец. В конце 1917 г. меня вместе с другими матросами посылают в Финляндию по вывозке оттуда наших судов. [В] 1918 г., по возвращении в Ленинград, вместе с матросским отрядом еду на фронт, где и провел всю гражданскую войну. За время нахождения на фронте имел четыре ранения и одну контузию»³⁰.

Даже в случае мобилизации выражение отношения к этому событию не должно было оставлять сомнений в добросовестном выполнении автобиографом боевого долга: «В сентябре 1939 г. был мобилизован в Красную Армию, участвовал в боях с финской белогвардейщиной, имею три благодарности от командования полков»³¹.

Особый раздел автобиографии включал в себя освещение вопросов, связанных с привлечением к следствию и суду органами советской власти и наличием партийных взысканий. Определенный формуляр позволял избежать упоминания нелицеприятных фактов биографии, связанных с личной жизнью. В меньшей степени это касалось событий, связанных со служебной или общественной (партийной) деятельностью. Свободный стиль изложения позволял автору дать собственную оценку событиям, указать, что факты не подтвердились, взыскание снято и пр. Так, Л. Н. Левитская целую страницу своей автобиографии посвятила описанию несправедливого привлечения к партийной ответственности: «Осенью 1932 г. решением Ленинградского городского комитета ВКП(б) я была переведена на работу в Горздравотдел в качестве заместителя заведующего Горздравотделом и начальником Управления охраны материнства и младенчества. В этой должности я работала до июля 1937 г., в июле руководителем Горздравотдела я была от работы освобождена без объяснения причин. Позднее в августе 1937 г. на партийном собрании мне были предъявлены обвинения: невыполнение постановления правительства о строительстве родильных домов и яслей, о связи с арестованной тогда Кармановой³² (б[ывшая] зам. наркома здравоохранения СССР), с которой, кстати сказать, у меня были лишь служебные отношения, и кроме того необходимая рекомендация в члены ВКП(б) некоему Цацкину. Обсудив все эти обвинения, партийное собрание Горздравотдела объявило мне строгий выговор с предупреждением. Через месяц сектор кадров Горздравотдела направил меня на работу в качестве зам. директора в б[ольни]цу им. Фореля... В марте 1938 г. мое дело обсуждалось на Бюро Куйбышевского райкома ВКП(б), все обвинения с меня были сняты, так как выяснилось, что по выполнению закона правительства о строительстве детских яслей и родильных домов всё было выполнено. Карманова уже была освобождена из тюрьмы, восстановлена в члены ВКП(б) и назначена директором Института санитарного просвещения НКЗ СССР. На основании всего изложенного бюро райкома ВКП(б) решение партийной организации Горздравотдела о вынесении мне строгого выговора с предупреждением отменило, и ограничилось устным указанием в отношении дачи рекомендации»³³.

Любой человек, когда пишет о себе, подсознательно исключает или корректирует информацию, которая показывает его в невыгодном свете. Это характерно и для служебных автобиографий, поскольку от самопрезентации составителя могло зависеть его продвижение по карьерной лестнице. Как выразилась Ш. Фицпатрик, «биография, это универсальное советское удостоверение личности, являла собой произведение искусства, отделяемое со всей тщательностью»³⁴. Например, И. М. Аншелес так описывал свой трудовой путь: «По окончании Гражданской войны оставлен в РККА до 1931 г. В 1931–1932 гг. работал в Казахстане по борьбе с малярией, оспой, сыпным тифом»³⁵. На первый взгляд, ничего необычного для советского служащего. Однако из личного листка по учету кадров мы узнаём, что с ноября 1926 по январь 1931 г. он занимал пост заместителя начальника Военно-санитарного управления Ленинградского военного округа, где возглавлял Врачебно-санитарный отдел. Очевидно, что для перехода на должность директора малярийной станции в г. Уш-Тюбе должны были иметься очень веские причины. И действительно, в одном из разделов анкеты имеется информация, что по представлению коллегии ОГПУ в 1931 г. он был выслан в Казахстан на три года в административном порядке по обвинению (очевидно, надуманному) в неготовности к войне санитарной службы Ленинградского военного округа, и возвращен из ссылки досрочно³⁶.

Таким образом, мы видим, что автобиографии не могут служить источником полных сведений о карьерных практиках управленцев и не позволяют сделать однозначные выводы о причинах их восхождения к власти. Пожалуй, единственным общим признаком, который объединял когорту ленинградских блокадных руководителей, служила готовность их менять участок работы по усмотрению вышестоящего руководства. Может ли это служить основанием для заключения о недостаточной их самостоятельности в принятии решений? Если да, то не являлось ли это одной из причин неготовности Ленинграда к блокаде? Как сказывалась эта особенность на работе в чрезвычайных условиях изоляции от Центра? Служебные автобиографии на эти вопросы ответа не дают, хотя и обрисовывают вполне узнаваемые социальные типажи: кто-то (как С. А. Трифонов) акцентировал внимание на общественной работе, последовательно перечисляя свои должности в выборных комсомольских, а затем и партийных органах; кто-то (как Л. А. Эмдин) основной упор делал на профессиональных достижениях; кто-то вообще предпочитал как можно меньше распространяться о подробностях своей жизни, дублируя в автобиографии ответы на вопросы из листка по учету кадров, так что она представляла собой лишь хронику событий, лишенную всяких комментариев. В любом случае очевидно, что представители ленинградского руководства создавали свои тексты сообразно образцу, существующему как де-факто (в виде предписанного для обязательного отражения перечня вопросов), так и в общественном сознании (в виде социально одобряемых норм). То, что «Памятка по составлению биографии» встретила нам в делах по личному составу лишь единожды, может свидетельствовать

о том, что составители документов, даже не имея перед глазами такой «подсказки», ориентировались в той или иной степени на советский делопроизводственный канон.

Список авторов процитированных автобиографий

Андреев Иван Андреевич — зам. председателя Ленгорисполкома, зав. Отделом торговли

Антонов Василий Васильевич — зав. Планово-финансовым сектором Ленгороно

Аншелес Илья Маркович — нач. Противоэпидемического управления Ленгорздравотдела

Басов Михаил Васильевич — секретарь ГК ВКП(б) по оборонной промышленности, зав. Отделом машиностроительной промышленности ГК ВКП(б)

Белецкая Мария Алексеевна — зав. Приморским районо, зав. Школьным сектором Ленгороно

Венков Иван Герасимович — зав. Сектором детдомов Ленгороно

Волчок Залман Иосифович — зам. зав. Ленгорздравотдела по охране детства

Гуляева Клавдия Никитична — зав. Сектором образования взрослых Ленгороно

Иванов Александр Яковлевич — исполняющий обязанности зам. зав. Ленгороно, зав. Планово-финансовым сектором Ленгороно

Коновалов Николай Александрович — нач. Управления торговли продтоварами

Куцентов Василий Гаврилович — зам. зав. Отделом торговли Ленгорисполкома

Лазутин Петр Георгиевич — зав. Отделом общественного питания, торговли и пищевой промышленности ГК ВКП(б)

Левитская Лидия Наумовна — председатель Городского комитета Общества Красного Креста

Паллерштейн Давид Маркович — первый зам. зав. Ленгорздравотделом

Попков Петр Сергеевич — председатель Ленгорисполкома

Решкин Василий Макарович — зам. председателя Ленгорисполкома

Суляков Владимир Никифорович — зав. Отделом социального обеспечения

Тарасова В. А. — нач. Сектора детей и подростков Ленгорздравотдела

Трифонов Сергей Андреевич — нач. городского Управления по выдаче продовольственных и промтоварных карточек

Фельдман Арон Израилевич — нач. Главного управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе

Эмдин Лев Абрамович — до 31 мая 1941 г. зав. Ленгорздравотделом

- ¹ Ретина Л. П. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. М., 2002. Вып. 8: Персональная история и интеллектуальная биография. С. 8.
- ² Источниковедение / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филошкин. М., 2015. С. 300–301.
- ³ Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 224.
- ⁴ Зарецкий Ю. П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/z18.html> (дата обращения 25.05.2019). Необходимо уточнить, что в фокусе его исследования находятся преимущественно литературные жизнеописания.
- ⁵ Памятка по составлению биографии // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 1318. Л. 17.
- ⁶ Автобиография П. Г. Лазутина // Там же. Д. 1318. Л. 6; Автобиография И. А. Андреевко // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 220474/1. Л. 7; Автобиография А. И. Фельдмана // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 10. Д. 2894. Л. 3.
- ⁷ Автобиография М. А. Белецкой // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 810213/1. Л. 10.
- ⁸ Автобиография В. Г. Куцетова // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 1302. Л. 9.
- ⁹ Автобиография К. Н. Гуляевой // Там же. Д. 672. Л. 5.
- ¹⁰ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 111.
- ¹¹ Автобиография П. С. Попкова // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 1783. Л. 71.
- ¹² Автобиография Н. А. Коновалова // Там же. Д. 1179. Л. 9.
- ¹³ Автобиография В. В. Антонова // Там же. Д. 91. Л. 6. В описях РГИА фирма «Ф. Рауль» значителен как торговая, так что, возможно, и здесь имело место «приписывание» к классу-гегемону.
- ¹⁴ Копия удостоверения, выданного Басовой Марии Михайловне // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 220460/5. Л. 5.
- ¹⁵ Автобиография В. Н. Сулякова // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 2076. Л. 9.
- ¹⁶ Автобиография З. И. Волчок // Там же. Д. 476. Л. 6.
- ¹⁷ Автобиография Д. М. Паллерштейна // Там же. Оп. 10. Д. 2054. Л. 8.
- ¹⁸ Автобиография П. С. Попкова. Л. 31.
- ¹⁹ Автобиография Д. М. Паллерштейна. Л. 10–11.
- ²⁰ Автобиография В. А. Тарасовой // Там же. Оп. 34. Д. 2038. Л. 8.
- ²¹ Автобиография С. А. Трифонова // Там же. Д. 2166. Л. 5–6.
- ²² Автобиография И. Г. Венкова // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 19. Д. 864050. Л. 5.
- ²³ Автобиография В. В. Антонова. Л. 7. Очевидно, речь идет о процентной норме рабочих, а по данным анкетного листа, в 1928 г. Антонов являлся бухгалтером-ревизором Херсонского областного земельного управления.
- ²⁴ Так в тексте.
- ²⁵ Автобиография А. Я. Иванова // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 412936. Л. 5–7.
- ²⁶ Журавлев С. В. Феномен «истории фабрик и заводов»: горьковские начинания в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997. С. 3.
- ²⁷ Инструкция по организации и проведению опросов рабочих и собиранию воспоминаний // История пролетариата СССР. 1931. № 8. С. 185.
- ²⁸ Автобиография В. В. Антонова. Л. 6.
- ²⁹ Автобиография В. Г. Куцетова. Л. 9.
- ³⁰ Автобиография В. М. Решкина // ЦГА СПб. Ф. 7384. Д. 1847. Л. 12.
- ³¹ Автобиография З. И. Волчок. Л. 6.
- ³² Карманова Екатерина Гордеевна (1897–1971) — заместитель наркома здравоохранения СССР, была арестована в 1937 г., затем освобождена и возглавила Институт санитарного просвещения.
- ³³ Автобиография Л. Н. Левитской // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 1350. Л. 8.
- ³⁴ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! С. 110.
- ³⁵ Автобиография И. М. Аншелеса // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 100. Л. 4 об.
- ³⁶ Анкетный лист И. М. Аншелеса // Там же. Л. 8.

В. Л. Пянкевич

«Симфония войны».

Звуки и тишина блокадного Ленинграда в восприятии горожан

Чувственный опыт восприятия войны и осады — важная проблема в реконструкции истории блокадного Ленинграда. Акустический образ города в катастрофе имел особое значение для ленинградцев, переживших «жестокое испытание — голодом, холодом, темнотой, бессонницей, дьявольски оглушительным шумом, треском, гулом»¹. В настоящей статье представлена попытка анализа звукового образа осады, запечатленного в дневниковых записях, письмах, воспоминаниях, интервью блокадников, а также эмоций, вызванных звуками военного времени.

«Тихо, зловеще тихо»

Особая тишина наступила в Ленинграде 22 июня 1941 г. после знаменитого выступления народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова. Услышанное прервало отдых многих ленинградцев. «Парк пустеет, воцаряется непривычная для воскресного дня тишина, люди собираются около репродукторов большими толпами и молча слушают. Комментариев нет, только настороженное молчание и тревога»². Хотя в Ленинграде по инерции продолжалась полумирная жизнь, городской шум стал стихать, а ощущение тревоги нарастало. «Город, его дома, площади, улицы, казалось, начинали жить сами по себе и вели между собой беззвучный, только им понятный разговор о себе, о том, что происходило. Но таких моментов тишины становилось всё меньше»³. Наблюдая укрытие памятника Петру Великому на набережной Невы и рытье траншей в Румянцевском сквере, директор Архива АН СССР Г. А. Князев 2 июля записал: «Тихо, зловеще тихо. И вот когда-то придет час и такую тишину будет разрывать страшный треск. Начнутся пожары. Завалятся в развалинах громадные дома под ударами фугасных бомб»⁴. Впрочем, даже проникательный историк не мог предвидеть мертвого безмолвия, которое охватит город полгода спустя.

В летние месяцы 1941 г. звуки реальных военных действий были не слышны, но ленинградцы ощущали временность тишины. «Каждый день ждали налетов и бомбежек. Но в Ленинграде пока было тихо»⁵. Это была, как чувствовали многие, необычная тишина не покоя, но скорее угрозы. Через месяц после начала войны И. Д. Зеленская записала в дневнике: «Во время тревог, особенно дневных, поражает необычная тишина притаившегося города. Сразу становится слышно птичье чириканье в деревьях на дворе, отдельные человеческие голоса доносятся с особой отчетливостью и даже собачий лай откуда-то. Но это другая тишина»⁶.

«Он давил, угнетал, бил по мозгам, казалось, что внутри что-то разрывается»

В течение почти двух с половиной лет постоянным звуковым фоном города стал вой сирен. Впервые сигнал воздушной тревоги прозвучал в Ленинграде в ночь на 23 июня 1941 г. в 01:45. «В первую же ночь завывали сирены. Воздушная тревога! Не учебная, а боевая... Но, на счастье, бомбы в ту ночь на Ленинград не упали»⁷. В июне 1941 г. ленинградцев взволновали еще три тревоги, в июле они прозвучали 45 раз, а в августе — 21⁸. В последнем предблокадном месяце, «случалось, тревогу объявляли в день несколько раз... В жизнь вошли новые звуки, лающий голос зенитных орудий, стук осколков зенитных снарядов по крышам, ликующая мелодия трубы и голос диктора: “Отбой воздушной тревоги!”»⁹.

Первым военным летом акустическая палитра города представляла собой парадоксальное соединение звуков войны и мира. Такое же психоакустическое явление сохранялось в восприятии блокадников в самый тяжелый период осады. «Сейчас, когда пишу, солнце лезет в мое окно. Пронесятся стрижи над крышей. На дворе ребячий крик и стук молотков. Визжит где-то там за углом дома трамвай. Всё как будто хорошо и идиллически мирно. Но всё время ждешь пронзительного звука сирены — потом пауза — потом глухие звуки зениток. Правда, к этому привыкли и реагируют по-деловому, без паники и легкомыслия»¹⁰. Соединение звуков города, природы и войны в одну фоновую картину ленинградцы отмечали и потом: «...неожиданно чудесный воздух прорезали омерзительные звуки полета снарядов» (февраль 1942 г.)¹¹, «...вчера сквозь чудесную весеннюю тишину, сквозь идиллический щебет пташек изредка прорывались одинокие далекие залпы» (март 1942 г.)¹², «...на улицах нет никакого движения. Тишина улицы и природы резко контрастирует с разрывами» (июль 1943 г.)¹³.

С военизацией обстановки, повышением уровня тревожности и готовности города и горожан к опасности звуковая картина Ленинграда преображалась. По приказу начальника МПВО Ленинграда Е. С. Лагуткина, опубликованному в «Ленинградской правде» 27 июня 1941 г. в связи с введением в городе

угрожаемого положения, были установлены сигналы воздушной тревоги звуками электросирен, гудками фабрик, заводов, пароходов и паровозов. Такие сигналы должны были несколько раз дублироваться по радио вместе со словами «воздушная тревога». Сигнал «отбой воздушной тревоги» должен был несколько раз передаваться также по радиосети по окончании непосредственной угрозы воздушного нападения. В городе запрещалась подача сигналов для других целей, кроме оповещения о воздушной тревоге. Все наружные репродукторы городского радио должны были быть включены круглые сутки¹⁴. Впрочем, дублирование сигнала «воздушная тревога» гудками на предприятиях и судах производилось лишь в первое время войны¹⁵. «Кольцо блокады смыкалось. Наступила какая-то странная тишина. Никто никуда не спешил. Опустели улицы, площади, исчезла даже многоголосая толпа у Октябрьского вокзала»¹⁶. Всё изменилось 4–6 сентября 1941 г., когда в Ленинграде начали разрываться снаряды, а затем бомбы. 8 сентября немецкая авиация провела первый массированный налет на Ленинград. «Вокруг всё рушилось и гроыхало, выли сирены... Каждому из нас казалось, что это именно около него рушится мир, настал конец света»¹⁷.

Звуки сирен, обстрелов и бомбежек не давали уснуть. Ночью усиливались страх и чувство одиночества, обострялась восприимчивость: звуки травмировали, лишая ленинградцев последних сил. «С наступлением темноты меня охватывает страх... Я напряженно жду воя сирены, который, я знаю, неизбежно должен наполнить своими жуткими звуками воздух, весь город, все его уголки»¹⁸. Звуки пугали, побуждали к действию, когда люди слышали, как сыплются стекла, с грохотом рушатся одним за одним этажи домов, страшно кричат пострадавшие — и снова наступают тишина и неизвестность.

Первой блокадной осенью сирены стали практически ежедневными и еженощными. Продолжавшиеся от 5 минут до 6 часов воздушные тревоги звучали порой едва ли не ежечасно. За время войны радио предупреждало о воздушной тревоге 649 раз, столько же раз прозвучал сигнал «отбой воздушной тревоги»¹⁹. Последнюю, продолжавшуюся 15 минут, ленинградцы услышали в октябре 1943 г.²⁰ «Сегодня было восемь тревог <...> Минуты проходят в томительном ожидании зловещей сирены, когда надо будет идти вниз, сидеть в “убежище”, прислушиваясь к взрывам бомб и ожидая того момента, когда от бомбы рухнет наш дом. Только что успела записать — завывла сирена»²¹. О бесконечных налетах, вое сирен, которые «воют без конца»²², изматывают, не дают спать, свидетельствуют многие блокадники. «Вой сирены я ненавидела всю войну. Он давил, угнетал, бил по мозгам, казалось, что внутри что-то разрывается. Иногда я не выдерживала, зажимала уши или даже выключала радио»²³.

В течение двух лет и четырех месяцев город жил в состоянии постоянного страха перед возможным бомбовым ударом, увертюрой к которому были сирены. Часто сигнал опасности начинал звучать совершенно внезапно: «...когда объявить тревогу у дикторов не было времени, по радио неожиданно начина-

ла выть сирена»²⁴. Горожане так характеризовали эти звуки: «...со всех сторон одновременно заголосили сирены»²⁵, «ненавистный вой»²⁶, «отвратительный по звуковой гамме»²⁷, «заунывные звуки»²⁸, «адский вой». Звуки тревоги сменялись звуками отбоя, которые успокаивали, становясь «чудесной музыкой»²⁹, «любимой мелодией»³⁰, «победной музыкой»³¹. «Когда радио разносило отбой — “тра-та-та, тат-та”, все говорили: “Райская музыка!”»³². «Отбой тревоги передавался по радио приятной и успокаивающей мелодией, она игралась на трубе и была для всех самой лучшей и самой сладкой музыкой, всё сразу же забывалось, все страхи, все ужасы»³³. Однако покой длился недолго: сирена звучала снова. «Только что опять сладкие звуки фанфар, музыка 1941 года — отбой воздушной тревоги, не знаю уж которой за нынешний день. Вот прошло пять минут, опять тревога, воют сигналы, протяжно и заунывно — сирены, гудки...»³⁴

Акустическое многоголосие блокадного города складывалось в определенную последовательность: «В обычный шум города врезался сигнал сирены “Воздушная тревога”, его дублировали гудки фабрик, заводов, пароходов, паровозов. Весь город замирал... транспорт останавливался, и становилось тихо-тихо, только звуки приближающихся самолетов и нарастающая канонада зенитных орудий, булькающие трели зенитных автоматов, сопровождаемые завыванием пикирующих бомбардировщиков, грохот разрывов бомб и снарядов были общим звуковым фоном города»³⁵. «Адская музыка» «жужжания» немецкого «шмеля» была для поэта А. П. Крайского «цветочками»³⁶. За этим вступлением следовал вселявший ужас грохот бомб и снарядов. Некоторые блокадники описывали звуковую картину Ленинграда в музыкальных терминах: «Снова звеня падают осколки и слышен низкий рев моторов, теперь уже другого тембра. Это, наверное, наши истребители. Сквозь грохот доносится сухая деревянная дробь пулеметной очереди»³⁷.

Ленинградцы не только слышали сирены, но поначалу сами воспроизводили эти звуки, запуская специальные ручные устройства. «Дежурные выносили сирену на улицу, крутили ее ручку, — вспоминает о первых двух месяцах осады И. В. Исси, — и она начинала издавать противные громкие звуки, похожие на тоскливый вой крупного голодного хищника»³⁸.

Внешние звуки — звуки обстрелов, бомбежек, сирен ощущались физически: «Как только отыграет тревогу сирена, сразу же, даже находясь в здании, слышится это отвратительное жужжание, затем начинают стрелять зенитки, затем свист и глухой, тяжелый удар в землю, толчок разрывающейся бомбы передается через землю. Удар ощущается, прежде всего, ногами»³⁹. «Если бомба падает близко, то фундаменты близ расположенных домов ходят ходуном, стены сотрясаются, стекла звенят»⁴⁰. Тело ленинградки рождало острую и отчаянную реакцию: «Звуки сирены причиняют мне физическую боль, они раздражают кожу, вызывают яростную злобу. Слыша сирену, мне хочется сжаться в комок, покрыться какой-нибудь скорлупой, заползти в щель, погрузиться в бесконечный сон»⁴¹.

Художник Т. Н. Глебова описывала свои эмоции так: «Ленинград хорош, город как музыка; да, это было до 8 сентября; он действительно стоял целый, прекрасный, и всё вокруг так замерло, как перед грозой. И вот началось, ворвались эти страшные звуки, зашатались и посыпались многоэтажные дома. Теперь страшно, теперь уже это не музыка, а ужасный гул, на фоне которого голод просачивается и поет свою песенку»⁴². Тревога и смертельная опасность заглушали главное чувство — голода — которое испытывала блокадница. Однако организм безжалостно напоминал о нем и его «музыке».

«То, с чем я так боролась, что так ненавидела, что отравляло мне жизнь и работу... теперь было моей мечтой»

Неизменным звуковым сопровождением осады для многих горожан стало радио. К началу войны в Ленинградской городской радиотрансляционной сети имелось 1172 уличных громкоговорителя, 458 тыс. радиоточек⁴³. «Черные “тарелки” висели в каждой квартире, почти в каждой комнате»⁴⁴. «Репродукторы, установленные на улицах, не выключают круглые сутки»⁴⁵. «У нас в комнате на стене висел репродуктор, большая “тарелка” из серой бумаги. Чаще всего из репродуктора слышалось: “Говорит штаб местной противовоздушной обороны города, воздушная тревога! Воздушная тревога!” — и звук сирены. Потом наступала тишина, только метроном быстро и нервно стучал. Примерно через полчаса-час звучало: “Отбой воздушной тревоги!” и радостная музыка: таа-та-та-таааа-та-та-та-тааа-тааа-тааа-таа. Других передач было мало, невеселые новости, а музыка, почему-то чаще всего Марш Черномора из оперы “Руслан и Людмила”»⁴⁶.

В течение всей войны и блокады радио было призвано предупреждать об опасности авианалетов, артобстрелов, сообщать о самом главном — продовольственных нормах. «То, с чем я так боролась, что так ненавидела, что отравляло мне жизнь и работу, — радио! — теперь было моей мечтой. Мне нужно было знать начала и концы воздушных тревог, военные новости, сводки. Без телефона радио было необходимым»⁴⁷. В период блокады, несмотря на разрушения, радио не прекращало своей работы круглые сутки⁴⁸. Хотя, по свидетельствам многих блокадников, в январе 1942 г. радио не работало или его не было слышно⁴⁹.

В период блокады в городе была введена подача сигналов метронома во время воздушной тревоги (частый ритм 120–150 ударов в минуту) и во время отсутствия нормальных радиопередач (ритм 55–60 ударов)⁵⁰. Общим местом стало утверждение, что темп работы ленинградского метронома соответствовал частоте биения сердец горожан — ускоренному во время тревог и относительно спокойному в их отсутствие. Стук метронома означал, что радио работает. Это помогало человеку справляться с глубоким одиночеством и тоской. «Метроном. Это был мой друг и моя любимая музыка. Он работал в течение всей блока-

ды ночью, вместо радиовещания. Как сладко я засыпала под мерный ход этого друга!»⁵¹ Радио поддерживало, а порой определяло морально-психологическое состояние многих блокадников, говорило со всеми вместе и с каждым в отдельности. Оно оберегало и утешало, сохраняя в ленинградцах ощущение совместности, противостояло смертельному безмолвию, акустическому хаосу войны.

Впрочем, не следует преувеличивать эмоциональное значение радио для обычного блокадника на пике тягот. Большинство ленинградцев, представляется, страстно хотели услышать сообщения о повышении норм продажи продуктов питания, наступлении советских войск и снятии осады — источника всех бед. Таких радиоизвестий блокадникам пришлось ждать слишком долго.

«Часы прилетят»

В отличие от авианалетов, о которых предостерегали сирены воздушной тревоги, артиллерийские снаряды часто обрушивались внезапно: в начале войны об опасности обстрелов ленинградцев не предупреждали. За время войны только по радио было передано 3027 сообщений о начале артиллерийского обстрела⁵². Блокадники в определенной мере привыкли к немецким артобстрелам, могли даже следить за ними: «Слышны все три звука: выстрел, свист снаряда и разрыв. Обстреливали район, как по шахматной доске. Перелет, недолет и затем бух в ближайший пункт»⁵³. Полет вражеского снаряда в сознании и памяти горожан напоминал горожанам шелест, шуршание. «И вдруг! ...Шелест! В небе настоящий шелест. Не очень громкий. Протяжный. Повторяется и повторяется. Никогда не слышал такого звука. <...> “Это снаряды, — сказала мама. — <...> Сейчас надо бежать что есть силы»⁵⁴. «Снаряды летеливерху над нами и создавали шуршание, похожее на шелест листьев при ветре»⁵⁵.

Постепенно бомбежки и артобстрелы превратились в рутину, стали повседневностью. Это было связано, в частности, с педантичностью врага: «Кто-то из ребят спросил, который час. Ему ответили: “Часы прилетят”. Так оно и случилось. Немцы были до противного пунктуальны»⁵⁶. «Все ожидали “тревоги” в “установленное время”. Так и случилось. В 12 часов началась ВТ. Длилась она вновь пять часов. В полной тишине было сброшено большое количество фугасных бомб»⁵⁷. В бомбежках и артобстрелах «по расписанию» был не только педантизм, но и изуверский расчет на большее количество жертв: в вечернее время происходили пересменки, и на улицах было больше людей. Те же, кто был дома, совершали давно выученный ритуал: «...торопливо гасили керосинки, прятали недоваренный ужин в ватное одеяло, одевались, брали маленькие рюкзачки с самым необходимым... и спускались со своего этажа на первый»⁵⁸. Однако педантичность, повторяемость действий врага не притупляла чувства и реакции горожан, формировала набор ожиданий, порождала ритуальность ответных действий, люди учились «готовиться» к бомбежке.

«Это самая страшная тишина»

Осенью 1941 г. постепенно прекращали работу предприятия, замирал городской транспорт. Исчезли слышавшиеся до войны паровозные гудки, автомобильные клаксоны. Меньше становилось людей, а оставшиеся горожане становились всё более молчаливыми. Тишина плотно окутывала город. Отсутствие привычного городского шума угнетало и пугало, о «полной», «страшной», «обманчивой», «мертвой» тишине блокадники писали часто. «Страшное впечатление производит город, когда останавливаются трамваи. Ведь они — его главный нерв. Стоит гнетущая тишина, не прерываемая звонками трамваев, и по улицам молча шагают понурые люди»⁵⁹. «Страшная тишина на улицах и в домах», — записала в январе 1942 г. хореограф В. С. Костровицкая⁶⁰. «Не дымят трубы фабрик, не слышно заводских гудков. Город — замер. Жизнь парализована» (3 февраля 1942 г.)⁶¹. Через месяц тот же блокадник вновь пишет: «Пока город мертв. Темно, тихо, безлюдно на его улицах, перекрестках и площадях. Вы не услышите смеха на улицах, не увидите улыбок на лицах пешеходов»⁶².

Непривычное безмолвие озадачивало и удручало фронтовиков, оказывавшихся в городе. Когда артиллерист С. Г. Миляев, защищавший город, как он пишет в своем дневнике, пришел к семье в Ленинград, «Город смерти встречал и провожал трупами, темнотой, грязью, тишиной, зловещей тишиной»⁶³.

На пике осады тишина стала всеобъемлющей. Исчез не только привычный городской шум, который слышало большинство горожан. Не стало звуков повседневной домашней жизни. Не было слышно голосов детей, щебетанья птиц, лая и т. д. Общение людей также стало малозаметным: «Медлительные, погруженные в угрюмую сосредоточенность, ленинградцы разговаривали вполголоса»⁶⁴. «Наш, когда-то шумный, крикливый дом затих. Каждая квартира замкнулась в себе. Во дворе не играют дети, не судачат кумушки, никто не пилит и не колет дров... Когда идешь по лестнице, кажется, что двери квартир закрыты навечно, и что жильцов за этими дверьми нет. Во всем тоскливая тишина и обреченность»⁶⁵. Затихли промышленные предприятия. «Завод мертв. Цеха стоят в безмолвии. Не слышно веселого и бодрого шума станков... Темень, гробовое молчание...»⁶⁶ «Никак не привыкнуть к кладбищенскому молчанию громадных цехов»⁶⁷.

Даже первой блокадной весной Ленинград не стал звучнее: «Солнышко грело по-весеннему. Но на улице не было слышно ни человеческих голосов, ни птичьего щебетания. Город встречал весну тишиной»⁶⁸. «Прежде всего хочется отметить тишину на улицах. Народа очень мало, машины ходят редко», — записал 9 мая 1942 г. А. Т. Кедров⁶⁹. «Тишина, тишина. Солнце. А кругом мертвый замерший город. Милый, родной, несчастный»⁷⁰. «Выхожу на пустынный проспект. Иду всё медленнее и в меня постепенно приникает яд белой ночи. Немота. Безмолвие. <...> и снова вибрирующий свет и тишина. Есть что-то нар-

котическое в белых ночах. Кажется, остановился извечный ход мира. В этих ночах много тишины, но нет покоя. Нервы натянуты, как тетива лука. Неприятно, но странно взвинчены чувства. И порой уже кажется, что вокруг уже не город, не явь, а немой окаменевший крик, длящийся без конца» (29 мая)⁷¹. «Город тих, словно уже вымер весь. Нет трамвайного шума. Радио не кричит, люди молча проходят, как автоматы, лишь редкие машины нарушают покой улиц обреченного города, ...тупо и равнодушно проходят мимо завтрашние мертвецы»⁷².

Соединение тишины и грохота казалось диалогом, который вел Ленинград и осаждавший его враг. «Всё вокруг загрохотало, засвистало, посыпались стекла, полетела штукатурка, пыль поднялась столбом. <...> С свистящим визгом летели снаряды, казалось, всё это над твоей головой, и живешь ты последнюю минуту... Трах-тах-тах-ах! Это где-то возле нас вонзился снаряд. Дзынь! инь! инь! Дзынь! Это сыпятся стекла. <...> Всё на секунду смолкло, только пыль дымится на улице. Это самая страшная тишина»⁷³.

Желанное прекращение грохота пушечных выстрелов, бомбовых раскатов не приносило облегчения. Тишина настораживала, пугала, «больно давила»⁷⁴. «Когда артиллерийская дуэль умолкает, тишина кажется невыносимой. Она словно обволакивает мозг свинцовой пеленой, давит на сердце. Нет, уж лучше гром орудий, пламя пожаров, чем эта отравленная голодная тишина!»⁷⁵ «Когда не было стрельбы, — вспоминала балерина О. Г. Иордан, — в самой тишине настороженного города было что-то зловещее»⁷⁶. «Когда нет обстрела, в городе изумительно тихо. Пройдет трамвай, проедет машина, и опять тишина. <...> Иногда эта тишина покоряет и пленяет, но часто она тревожит, точно за ней притаилась какая-то опасность»⁷⁷.

Наконец, тишина была напрямую связана со смертью, скорбным обрядом, усугубляя горестное состояние блокадника. Причем реакция на смерть близкого человека тоже была беззвучной — на слезы и причитания у смертельно голодных людей не было ни физических, ни эмоциональных сил.

Непривычная для большого города тишина порождала странные и химерические ассоциации: «Кажется, что всё это какое-то наваждение, сон, недействительность, страшный белый мороз без жизни, без движения и без звука, иногда в течение довольно долгого времени. Не знаешь, не ощущаешь — живешь ты-то сам или это неведомое фантастическое небытие»⁷⁸. Более того, порой безмолвие оказывалось главным ощущением, оставшимся от катастрофы: «Блокада являлась мне тишиной, такой тишиной смерти и запустения, что кричать хочется. Грохот обвалов, разворачиваемой металлом земли — не в счет. Звуков жизни не было»⁷⁹. «Лето 1943 года, мы идем по городу с мамой. <...> От гробовой тишины мороз по коже. <...> И эта жуткая тишина до сих пор действует на меня ужасно»⁸⁰.

«Внутри всё холодело, сжималось, и казалось, что на тебя сейчас обрушится что-то неотвратимое, кошмарное»

Звук падающих бомб вызывал сильнейшее психологическое напряжение, поскольку целью вражеских бомбардировок были не только военные объекты, промышленные предприятия, административные центры и транспортные узлы, но обычные ленинградцы и воздействие на их морально-психологическое состояние. Так же как бомбы и снаряды, голод и холод, звук по намерению врага должен был усугубить неуверенность, страх, подавить волю к сопротивлению, заставить смириться с захватом города.

Более того, для усиления звукового аккомпанемента налета, для создания особого психологического эффекта вражеские летчики, по мнению блокадников, применяли специальные средства. «Немцы специально сконструировали стабилизатор, издающий при падении устрашающий вой»⁸¹. «Глумясь над нами, фашистские бомбардировщики включали стоящие на борту самолетов сирены, и этот страшный, леденящий душу вой был тягостным. Применяли они и другие методы психической атаки: сбрасывали иногда пустые железные бочки или листы железа, которые также в полете издавали сатанинский вой»⁸². «Как потом выяснилось, чтобы добиться такого устрашающего звука, немцы подвешивали на выхлопные трубы двигателей самолетов ...специальные устройства»⁸³. «И не знаешь, что сбросят: бомбы или пустые железные бочки, — вспоминала Т. П. Мильянович. — Ох, как они гудели и выли. Ужас!»⁸⁴ Эти звуки «напрягали нервы, — по свидетельству В. С. Новикова, — до предела»⁸⁵, «сводили с ума»⁸⁶. Психологические звуковые атаки достигали своих целей: «...впечатление было такое, что бомба падает прямо на тебя»⁸⁷. Такая эмоциональная реакция — что именно на твой дом вот-вот обрушится немецкая бомба — была очень распространенной.

Пугающий эффект производило соединение звука и света (от немецких осветительных ракет и советских прожекторов, «щупающих небо»⁸⁸). «Однажды мы проснулись от воя самолетов и оглушающего грохота стрельбы. Приоткрыли штору. За окном оказалось очень светло. Осветительные ракеты густо висели на парашютиках, металась, перекрещиваясь, лучи прожекторов. Огромные пунктиром линии трассирующих пуль. Всё дрожало от грохота, тела самолетов с жутким ревом проносились над самыми крышами»⁸⁹.

Блокадники фиксировали свое предельно напряженное эмоциональное состояние. Сотрудник Эрмитажа М. С. Коноплева записала в дневнике: «Слыша приближающийся отвратительный свистящий звук сброшенной бомбы, каждый невольно спрашивает себя — кого? Кого погребет сейчас эта шальная бомба, брошенная вражеской рукой, не ведающей что творит? <...> В. К. Макаров сравнил наши сегодняшние переживания с переживаниями приговоренного к расстрелу»⁹⁰. «Внутри всё холодело, сжималось, и казалось, что на тебя сейчас обрушится что-то неотвратимое, кошмарное. Раздавит, задушит, а ты всё еще

будешь жить под этим жестоким чудовищем»⁹¹. «Состояние мое дошло до точки. Я галлюцинирую. Каждый сходный и несходный звук мне кажется то жужжаньем, то визгом, то грохотом. Но и без внешних звуков в ушах у меня иногда жужжит бомбовоз, иногда слышится тревога»⁹².

Сильнейшее душевное волнение, связанное с угрозой гибели, с одной стороны, снижало способность блокадников адекватно реагировать на опасность, понимать последствия своего поведения, с другой — парадоксальным образом не вызывало страха, парализующего необходимые для спасения действия. «Небо совсем чистое, а коршуны летят. Остановить их, очевидно, невозможно. У меня начинается самое худшее — равнодушие»⁹³.

«Тишину города нарушают только сирены воздушной тревоги, стрельба зениток, разрывы снарядов, — вспоминал первую блокадную зиму кинооператор А. Л. Богоров. — Но люди уже не обращают ни на что внимания, не бегут, не прячутся, идут, с трудом передвигая ноги, глядя только перед собой»⁹⁴. «Ленинград привыкает и к обстрелам, и к воздушным налетам. Всё это повторяется ежедневно, чередуясь друг с другом. <...> И так 5–10, 12 раз в сутки»⁹⁵. «С декабря мы уже перестали бояться бомбежек, — вспоминает Е. Я. Добротворская. — Как-то мы пошли провожать папу, а на Среднем проспекте начался обстрел. Папа закричал: “Ложись!” А мама сказала: “Да что ты, здесь же грязно. Свистит — значит мимо”»⁹⁶. «Вой орудий, дрожание земли, звон стекол... Сердце уже устало сжиматься при всяком воздушном бое, так они часты. Деревенеешь и погружаешься в тяжелую дремоту»⁹⁷.

Вскоре апатия блокадников превратилась в привычку. «Вечером, собравшись вместе, мы переставали обращать внимание на стрельбу — казалось, она теперь нас не касается»⁹⁸. «Боящихся тревог почти не осталось, все они уехали», — записала 8 ноября 1942 г. школьный инспектор Л. К. Заболотская⁹⁹. «Теперь мы так привыкли к выстрелам, что даже не прерываем разговор, когда начинается обстрел. А год назад? Мы как юнцы бросались в траншею при первых звуках сирены» (январь 1943 г.)¹⁰⁰. Во время налетов вражеской авиации милиционерам не без труда приходилось заставлять жителей города уйти с улицы в убежище¹⁰¹.

О драматической и отчаянной ярости горожанки свидетельствует И. В. Исси: «На нашем участке работала дворником Христина — худая, черно-волосая и горбоносая женщина. <...> Работала она хорошо, жалоб на нее никогда и ни от кого не поступало, единственным ее недостатком была любовь к спиртному, но выпивала она в день получки и только по окончании работы, так что этот грех ей охотно прощали. В тех случаях, когда по радио объявляли о воздушном налете, а Христине уже удавалось, как она говорила, “клюкнуть”, Христина выбегала на середину Астраханской улицы и начинала проклинать Гитлера. Руки со сжатыми кулаками взметались над ее головой, она трясла ими и кричала (а голос у нее был очень сильным): “Дитер! Бешеный бесхвостый пес. Сдохни скорей! Чтобы детей у тебя не было, чтобы могилы тебе не было!”

Воздух сам был полон звуков — рев самолетных моторов, пулеметные очереди, разрывы зенитных снарядов. Сверху сыпался дождь осколков, и звонко, выбивая искры, ударялся о булыжную мостовую. А она с распущенными черными волосами, в длинной черной юбке металась посреди улицы в голубоватом свете прожекторов. <...> В то время ее поведение никому не казалось смешным, ее проклятия звучали жутковато, от них шел мороз по коже, а она сама в отблесках взрывов и прожекторов была похожа на фигуру греческой трагедии»¹⁰².

Вся жизнь блокадников сопровождалась звуками войны. Вопреки душным тревогам, бомбежкам, обстрелам ленинградцы продолжали работать, учиться, заниматься своими делами, поддерживавшими ощущение стабильности и даже мирной жизни. Сживатьсь с опасностью помогала увлеченность научным исследованием, ответственность за других людей, повторение практик мирного, довоенного времяпрепровождения. Обстрелы сопровождали работу сотрудников Первого медицинского института, которые оставались в клинике с больными и ранеными¹⁰³. Под грохот бомб проводились защиты дипломных работ и диссертаций в университете¹⁰⁴, артобстрел сопровождал лекции по истории средних веков¹⁰⁵. Под звуки зениток девушки продолжали делать завивку в парикмахерской¹⁰⁶, пальба орудий, дрожание стекол не прервали концерт скрипача Д. Ойстраха¹⁰⁷. «Радио объявило обстрел. Я работала в огород[е]. Не хотелось уходить от начатой полураскопанной грядки. Превозмогая страх и прямо физическое отвращение к завывани[ям] снарядов, я продолжала копать. Снаряды сыпались градом с запада на восток. Всё внутри меня замерло, я съезжилась, но не уходила... Не запугаешь. Не боюсь. Не сдамся»¹⁰⁸. Бомбы не могли остановить повседневных забот, связанных с борьбой за существование: «На дворе, около угла нашего дома, разорвалась осколочная бомба, исковеркала глубокими рваными ямами кирпичную стену и вышибла у нас во всех квартирах оконные стекла. Температура была -10° , был вечер, и надо было как-нибудь устраиваться на ночь. Но не прошло и нескольких минут (бомбежка всё еще продолжалась), как со всех сторон слышались удары молотков людей, забивающих чем попало разбитые окна. Этот невинный, но настойчивый звук: тук, тук, тук... произвел на меня глубоко ободряющее впечатление. Как люди борются за жизнь!»¹⁰⁹

Можно сказать, что жизнь действительно побеждала страх: «Во время очередного (жуткого) обстрела я <...> уснула под гул громыхающих орудий. Сквозь сон я слышала, как дребезжали стекла, как вздрагивал до основания дом при каждом ударе, но усталость после ночи на дежурстве победила все виды раздражений, и я так крепко спала, что опоздала в столовку к обеду»¹¹⁰. «После дежурства на свежем воздухе я крепко проспала остаток ночи, даже не слыша ни стрельбы, ни зениток, ничего!»¹¹¹ Звуки войны, по свидетельству блокадника, «вросли в быт»¹¹².

Парадоксальным образом изменилось отношение блокадников к мирным звукам: «...ко всему привыкаешь, и при звуке выстрелов и разрывов снарядов

не вздрагиваешь, а вот в столовой уронили на каменный пол поднос, так половина обедающих соскочила со стульев»¹¹³. Привыкший к грохоту бомб и снарядов блокадник не узнавал звуков природы. «Ночью мы проснулись от страшного удара. Казалось, немец спустил нам тонновую бомбу. Но, в отличие от бомбы, не дрогнул, не шелохнулся дом, даже стекла не брякнули. Оказалось, гром! Самый настоящий гром с молнией и проливным дождем»¹¹⁴. Город как будто стал другим, неузнаваемым, удивлял ленинградцев неожиданными «невоенными» звуками: летом 1942 г. блокадница отмечает «огромное количество певчих птичек», «песня которых звенит на Садовой, на Большом пр., на Вас[ильевском] о[стро]ве, в Михайловск[ом] скверике и т. д.»¹¹⁵.

Звуки войны стали для людей настолько привычными, что тишина, особенно ночная, перестала быть желанной, напротив, казалась угрозой: «К вечеру пальба усилилась. <...> Я боюсь ночной полной тишины, тишины в темноте. Не раз ночью, высунув голову в форточку, напряженно прислушиваюсь. Всё ли тихо? Что это?»¹¹⁶

Ленинградцы привыкли существовать под аккомпанемент звуков войны, ставших частью повседневности. «Изредка обстрелы, — записал в дневнике врач И. В. Назимов в октябре 1942 г. — Но на них уже не обращаешь внимания. Привычка»¹¹⁷. Однако со временем эта привычка, став на время подобием обезболивающего для измученного, предельно уставшего и голодного человека, трансформировалась в иные эмоции. К некоторым ленинградцам начал возвращаться страх (видимо, одним из важных факторов была перспектива снятия блокады): «За спиной звук разрывов всё нарастает, несколько осколков с визгом пролетели мимо и шлепнулись в землю. Я иду как будто спокойно, но невольно по спине ползут мурашки, навстречу идет женщина, крестится и приговаривает “Спаси Господи, рабу твою грешную”»¹¹⁸. Вместе со страхом возвращалась и надежда. Несмотря на упования некоторых горожан, не остановило налетов и празднование Пасхи 5 апреля 1942 г., когда произошло календарное совпадение даты торжества католиков и православных христиан. «Однажды, мне кажется, это было 4 апреля 1942 года, была просто жуткая бомбежка. — <...> Я проснулась от того, что дом ходуном ходил, вой стоял ужасающий. А мама накануне еще сказала такую фразу: “Спи спокойно, сегодня бомбить не будут. Гитлер ведь тоже христианин”. Может, была Пасха, и поэтому мама так сказала. Но такой бомбежки я больше не припомню»¹¹⁹.

Надо сказать, что именно в апреле 1942 г., первой блокадной весной, когда ленинградцы надеялись на улучшение ситуации с обеспечением хлебом и на освобождение города от осады, немцы усилили бомбежки и обстрелы: «...город дрожал от выстрелов зениток, была чудесная погода, голубое небо. А ночью был своеобразный благовест, повторение, одним словом, пасхальная ночь»¹²⁰. «Совершенно небывалая канонада стояла сегодня ночью. С четырех до шести утра — нескончаемый шум, раскаты, разрывы, залпы»¹²¹. «Теперь бывает иной раз всё сразу — летают высоко они, внизу — наши (верно, не дают пикировать,

я так думаю), бьют зенитки и гремит обстрел из дальнобойных. Такая симфония, что жуть»¹²².

Акустическое пространство блокадного Ленинграда порождало у горожанина музыкальные ассоциации. «Возникал незабываемый звуковой фон военного времени. Ты одновременно слышал вой нескольких сирен, стрельбу зениток, перемещавшуюся вместе с летящими немецкими самолетами, звук моторов бомбардировщиков и истребителей, шаги одиноких прохожих на опустевших улицах, своего рода это была симфония войны»¹²³.

Звуковой масштаб войны был разным. Ленинградец слышал не только раскаты орудийной пальбы, свист, разрывы бомб и снарядов, которые ощущали все горожане. Блокадой звучало и то небольшое пространство, которое окружало человека. Звуки и безмолвие были общими и личными, порождали не только коллективную, но и глубоко индивидуальную травму, не отпуская блокадников, так же как фронтовиков. Блокада сохранялась в звуках, которые вновь и вновь возвращали в кошмар прошлого. «Шла по пустынным улицам, меланхолически обходила баррикады на Садовой, траншеи на Покровской площади, — записала в дневнике 19 апреля 1943 г. М. В. Машкова, — вспоминала около Сенной прошлогоднюю картинку: огромный грузовик, нагруженный сухими, черными, ободранными трупами. Грузовик быстро наполнился доверху и для этого потребовались только квартиры и подъезд одного дома»¹²⁴. Год спустя блокадница помнила: «До сих пор стоит в ушах отчетливый, твердый стук голов при укладывании мертвецов на машину»¹²⁵.

Война часто ассоциировалась у ленинградцев со звуками животного происхождения. Стараясь описать фоновую картину города, они часто прибегали к звукоподражаниям: «...я лежала в большой комнате, и мне безумно хотелось спать, а только и слышишь: зззззз-зззззз — самолет, как комар»¹²⁶, «взжзвжз... визгливое жужжанье аэроплана»¹²⁷. Звуки снарядов, орудий, бомбежек напоминают рык и вой диких зверей: «ночью опять громыхали орудия, глухо рычали гигантские дикие звери, готовые прорвать все преграды и ринуться на нас»¹²⁸, «с отвратительным волчьим воем проносятся над нами снаряды»¹²⁹. А. А. Ахматова, по свидетельствам интервьюируемых блокадниц панически боявшаяся бомбежек, называла звук падающей бомбы «воплем дракона»¹³⁰.

В противовес вражеской пальбе, представлявшейся ревом диких зверей, волков и драконов, стрельба зениток, установленных в разных районах Ленинграда, напоминала людям домашних животных: собак. «Хочется спать, но каждый раз будят зенитки. Так раньше они не били. Эти дни они стали особенно звучны, лаючи»¹³¹. «Зенитка рывкнула овчаркой»¹³². «Зенитки так звонко “тявкали” по ночам во время вражеских налетов, что даже в нашем доме, в двух кварталах от (Юсуповского. — В. П.) сада, дребезжали еще не выбитые стекла»¹³³. Подобная метафоризация и «одомашнивание» звуков катастрофы, видимо, были призваны косвенно преуменьшить угрозу, сделать непостижимую ситуацию более понятной, логичной, выразимой.

«Бомба, свист которой ты услышал, тебя уже не убьет»

Во время блокады ленинградцы приобрели полезный, подчас жизненно важный навык распознавания звуков. Различение в акустическом хаосе войны «своих» и «чужих», «опасных» и «неопасных» звуков успокаивало, дарило надежду. Звуки своих и вражеских самолетов люди воспринимали по-разному. Если «плачущие»¹³⁴ немецкие бомбардировщики приближались с тяжелым, «мерзким подвыванием»¹³⁵, то легкий звук советских истребителей вызывал радость. «Прислушивались. Летели самолеты. “Это наши!” “Это они!.. Другой шум моторов”»¹³⁶. «Узнавали и радовались, когда появлялся быстрый, легкий звук наших истребителей»¹³⁷. Некоторые ленинградцы даже научились различать звуки разных моделей немецких самолетов: «...моторы бомбардировщика “Юнкерс-87” звучали как-то надрывно-прерывисто, а у “Мессершмидта-109” тональность была повыше и поровнее»¹³⁸. Однако не всем горожанам была дана способность различать «свои» и «вражеские» звуки: «Были такие, что могли по звуку определять, наш самолет или немецкий, я не могла»¹³⁹. «К сожалению, в многообразии оружейных звуков мы разучились (пожалуй, и не умели) отличать стрельбу своей артиллерии от фашистской»¹⁴⁰. Трудно сказать, насколько способность различения «опасных» и «неопасных» звуков войны (в частности, авиации) была действительно развита, а не являлась эмоцией, фактом скорее желательным, плодом страха, утверждением собственной проницательности (а значит, известного превосходства над врагом), абберацией памяти.

Способности к распознаванию звуков падающих бомб и снарядов, пониманию их «поведения», умение разбираться в скорости звука и падения, интенсивности свиста бомб (Г. А. Владимирова)¹⁴¹, порой даже определять вес летящего снаряда¹⁴² обнаруживали у себя очень многие блокадники. «Скоро мы по звуку полета снаряда научились определять, куда примерно он летит»¹⁴³. «По свисту летящих бомб определяли, в какой стороне бомбежка»¹⁴⁴; «бомба, свист которой ты услышал, тебя уже не убьет»¹⁴⁵; «очень громкий шелест... такой звук издает близко летящий снаряд. Тот, который свистит, он не твой, он уже пролетел»¹⁴⁶; «сильный и жуткий свист означал, что бомба пролетит мимо»¹⁴⁷. Горожане довольно быстро научились различать артиллерийские дуэли, рутинные фронтовые обмены ударами и признаки крупных войсковых операций. К началу октября 1941 г. «мы уже легко различаем: звук разрыва фугасной бомбы, выстрелы зенитки, удар дальнобойного, свист бомбы, свист снаряда, падение кассеты с зажигательными бомбами»¹⁴⁸.

Эти знания носили важнейший прикладной характер, диктовали стратегии поведения: часто действительно спасали. Различение звуков своих и вражеских снарядов помогало понять, «по какой стороне улицы надо идти, когда можно идти, а когда надо обождать или спуститься в убежище»¹⁴⁹. Мать Л. Рейхерта записала в дневнике: «Если над головой летит первый снаряд, следи, в какую сторону он полетел, следи по звуку. И в ту сторону, куда он полетел, не ходи,

а иди, откуда он летел, и ничего с тобою не случится. Так и ходила я с двумя малолетними детьми и была всегда уверена почему-то»¹⁵⁰. «Я, когда шла по Кировскому проспекту, слышала свист снаряда, быстро зашла в подъезд и присела. На улице раздался взрыв, но дверь защитила меня. До сих пор, проходя мимо этой двери на Кировском, кланяюсь ей — она спасла мне жизнь»¹⁵¹. «Часто можно видеть женщин с детьми, идущих во время обстрела и только посматривающих, рвется ли шрапнель над головой или немного дальше. Если над головой, то уходят в подворотни. ...Придет ли психика людей в порядок и когда?»¹⁵² Последнее замечание — свидетельство обеспокоенности угрожающей гибелью привычкой, даже опасения за психическое здоровье сограждан.

В распознавании звуков войны важнейшей категорией был интервал, который завершался разрывом снаряда: «...если слышишь свист, значит, снаряд пролетел. Но ухо привычно следит за удаляющимся звуком до тех пор, пока он не завершался разрывом. Иногда интервал предельно краток, и резкий свист пресекается грохотом: снаряд упал поблизости»¹⁵³.

Категорию интервала глубоко анализирует Л. Я. Гинзбург: «Свист снарядов над головой — страшнее, но понятнее. Он знаменует два момента. Во-первых, вещественность, реальность присутствия — они действительно сейчас здесь над головой. Во-вторых, реальную протяженность, протекание в некотором настоящем (длительность свиста). Совсем другое — звук разрыва. Это неуследимо короткое настоящее, которое, дойдя до сознания, уже стало прошлым. То есть стало прошлым для него, для услышавшего звук. Для кого-то другого оно, быть может, стало началом новой ужасной действительности, страданий или концом всякой действительности. И выстрел мы воспринимаем в обратном порядке. Сначала звук, который уже знаменует собой, что мгновение кануло в прошлое, потом страх перед тем, что уже не может совершиться (это так же безумно и странно, как то, что по законам акустики мы сначала можем слышать звук разрыва, а потом — детонацию выстрела). Впрочем, оно может совершиться в следующее мгновение. Всё это состоит из звуков и интервалов между ними. И повторяемость звуков и интервалов слагается в особую протяженность, особого более объемного настоящего. При этом невозможно постичь, что опасным и смертельным является именно интервал»¹⁵⁴.

Умение верно истолковать звучание немецких самолетов, бомб и снарядов представляло собой важный психоакустический феномен, позволявший получать важную смысловую информацию и адекватно реагировать на нее.

«Грохот, свист, разрывы... А радио наяривает песни»

Звуковая атмосфера, в которой существовали обитатели блокадного города, представляла собой сложное акустическое и даже музыкальное явление. Между тем, на протяжении всей блокады в Ленинграде звучала настоящая музыка. В разное время горожане реагировали на нее по-разному. Это зависело

от многих обстоятельств: того, насколько характер музыки сочетался со звуками войны, с настроением, эмоциональностью человека, уровнем образования, степенью недоедания, изможденности и т. д.

В самом начале войны на улицах постоянно слышалась музыка военных оркестров, провожающих солдат на фронт¹⁵⁵. С октября 1941 г., в основном днем, по воскресеньям, Ленинградская филармония проводила концерты¹⁵⁶. 5 октября днем в филармонии открылся новый концертный сезон. В смешанной программе рядом с оперными ариями и балетными номерами стояли сцены из оперетт, сольная инструментальная музыка, фортепианный дуэт¹⁵⁷. Через неделю, 12 октября состоялся первый в сезоне симфонический концерт. Оркестр под управлением К. И. Элиасберга исполнил увертюру к опере М. И. Глинки «Иван Сусанин», «Дубинушку» Н. А. Римского-Корсакова и «Эй, ухнем!» А. К. Глазунова, а во втором отделении — пятую симфонию П. И. Чайковского. В следующее воскресенье в Большом зале Филармонии устраивался балетный утренник, а в воскресенье 26 октября — второй симфонический концерт из произведений Чайковского¹⁵⁸. Две недели спустя, 9 ноября, в филармонии исполнялась Девятая симфония Л. Бетховена. Сам факт открытия нового музыкального сезона в городе, уже месяц находившемся в осаде, свидетельствовал о том, что горожане, и, в частности, музыканты не хотели бояться и унижать себя страхом. Филармонические концерты продолжались до января 1942 г.

Концерты посещало немало горожан. Однако значительно большее количество ленинградцев могли слышать музыкальные радиопередачи, которые блокадники воспринимали по-разному. «Грустная» музыка (например, произведения Ф. Шопена) воспринималась обычно как более уместная, соответствующая морально-психологическому состоянию ленинградцев. Она успокаивала и обнадеживала. «В установленных вдоль набережной мощных репродукторах надсадно заскрежетало, — описал А. Крон звуковой фон Ленинграда первой блокадной осени. — <...> Метроном постучал немного, а потом, как колдун, ударившись оземь, обернулся музыкой: из глухого рокота виолончелей возникла широкая певучая фраза солирующей валторны. Передавали анданте кантабиле из Пятой симфонии Чайковского, эту симфонию часто играли по радио. <...> Гибкий, чуточку гнусавый, вибрирующий голос валторны ворвался в хмурое безмолвие осажденного города, как теплое течение в ледяные воды океана»¹⁵⁹.

Хирург Е. П. Глинская записала в дневнике: «По радио чудесная музыка — Шопен, сейчас виолончель уносит мысли в другой мир, далекий от суровой и страшной реальности»¹⁶⁰. «Домой я шла успокоенная, радио передавало концерт, грустная музыка плыла повсюду в тишине лунной ночи»¹⁶¹.

Впрочем, радиомызыка лишь на время ослабляла оковы осады. «Иной раз по радио звучит скрипка, нежная, певучая, душу выворачивающая наизнанку. Слушая ее, забываешь обо всем. Или поет мягкий женский голос, исполняющий задумчиво-грустные романсы Чайковского, раздаются дорогие пушкинские слова. Ты увлечен, захвачен, околдован музыкой, незаметно разжимаются

тиски, которые уже десять месяцев непрерывно сдавливают твою голову. И в этот самый момент музыка вдруг переходит снова в завывание. Злой дух войны настиг тебя и, издеваясь, орет: “Я здесь! От меня не уйдешь, не спрячешься, не отвернешься!..” Опять война, и нет ей конца»¹⁶².

Мажорная, жизнерадостная музыка, которую передавали по радио, часто казалась ленинградцам не просто неуместной, но издевательской. Такие настроения наблюдались с осени 1941 г. и сохранились, периодически возникая, до осени 1943 г. «Воздушных налетов <...> не было, зато почти все эти два часа не прекращался артиллерийский обстрел... Но жуткое было не в этом. Самое жуткое было — радио, которое на этот раз, праздника для, не только не было выключено, но позволило себе “разговестись” — передавало легкую музыку: опереточные арии, фокстроты. “Частица черта в нас // Заключена подчас...”. Эта частица черта не могла заглушить ни воя ветра, ни грохота канонады, ни тех горьких мыслей и чувств, которые одолевали человека»¹⁶³. «Бравурная веселая музыка» вместе с «мерно тикающим метрономом» сливались в одну линию, в одно состояние мертвенного равнодушия ко всему¹⁶⁴. «Грохот, свист, разрывы... А радио наяривает песни»¹⁶⁵.

Почему многим, видимо, прежде всего интеллигентным горожанам это казалось неуместным и несвоевременным? Бравурная, веселая музыка, звавшая радоваться жизни, и звуки войны, обещавшие смерть, соединяясь, создавали выразительный контрапункт, который очень сильно воздействовал на многих, угнетал, приводил в отчаяние. Такой контрапункт как будто еще сильнее высвечивал катастрофическое положение ленинградцев — особенно ярко его ощущали люди эмоциональные, восприимчивые, образованные. Человек, находившийся в крайней степени истощения, усталости, нервного напряжения, чувствовал себя частью грандиозной трагической постановки, созданной равнодушным, даже циничным автором. Немаловажным фактором здесь, безусловно, была физическая природа источника звука. Радость, жизнь — далекая абстракция. Смерть, горе — близкая, не опосредованная ничем повседневность.

Весной 1942 г., в период больших надежд, несложная, доступная для восприятия музыка могла вызывать у горожан благоприятные отклики. «В передачах стало больше легкой музыки, стихов. Появился Утесов. Появились фокстроты, фельетоны. Но тут уже было и весеннее солнце, и потому всё это было теперь уместно»¹⁶⁶.

«Это салют, я знаю, и мучительное, тошнотное чувство сжимает сердце»

После прорыва блокады ленинградцы продолжали слышать войну. «Вечером я сажусь за мой письменный стол: назойливо, уныло свистят снаряды, мешая сосредоточиться, и я слышу, как хрустят стены города — враг ломает мой

прекрасный город, увечит его. Нет ничего печальнее и душераздирающее этих звуков»¹⁶⁷. «Город по-прежнему во власти различных шумов: близких и резких, глухих, раскатистых и далеких»¹⁶⁸. «Воздух сотрясаясь тяжелыми волнами. Весна уже окутала весь сад прозрачным зеленым кружевом. На заре изредка робко насвистывали маленькие радостные птички. Мирно дышалось бы здесь, если бы замолкло навсегда отвратительное завывание сирены, если бы забылся рокот тяжелых орудий, если бы не жужжали над головой самолеты»¹⁶⁹.

Блокадники стали отвыкать от бомбежек, прекратившихся в октябре 1943 г. 14 января 1944 г. ленинградцы наконец услышали долгожданную «музыку возмездия», в которой «было всё: и грозный гнев, и торжество справедливости, и радость освобождения»¹⁷⁰.

Однако даже после этого немецкие снаряды продолжали обрушиваться на город. Более того, ленинградцы еще в течение нескольких дней были свидетелями оглушительных артиллерийских дуэлей. «Среди ночи проснулся от совершенно невообразимого гула. <...> Грохот стоял титанический. Казалось (не преувеличиваю), что вот-вот от сотрясения воздуха рухнет, рассыплется громада Исаакиевского собора. А на улице — хоть бы что. Три девочки-школьницы бежали (то есть не бежали, а шли вприпрыжку), размахивая сумками и портфелями. Одна поотстала, у нее расстегнулось что-то — ботинок или сумка. Застегнув, она, весело напевая, кинулась догонять подруг. <...> На Невском у ворот стояла молодая женщина с грудным младенцем на руках. Ярко-синее шелковое одеяльце, белое кружево. А над головой женщины, пересекая Невский, летели, повизгивая, снаряды...»¹⁷¹ «Всю ночь бухали наши орудия. <...> С утра пальба возобновилась, но уже не с такой силой, как это было вчера. Днем пальба продолжается, но уже с большими перерывами»¹⁷². Враг возобновил «жестокий обстрел города. Палит и наша артиллерия. В гуле не разобрать, кто стреляет»¹⁷³.

Это были финальные аккорды пушечного противостояния осады. Однако уставшие ждать ленинградцы по-прежнему опасались: «Сегодняшний ночной и дневной арт[иллерийские] обстрелы произвели на население города гнетущее впечатление, т[ак] к[ак] после ураганного огня нашей артиллерии <...> никто не ожидал, что враг будет в состоянии обстреливать город»¹⁷⁴.

Незадолго до полного снятия блокады, 22–24 января 1944 г., в Ленинграде вновь стало не слышно войны. «В городе непривычно тихо. Вчера вечером видел красные вспышки — где-то в направлении Пулков. Но грохота, даже отдаленного, уже не слышно»¹⁷⁵. «Сегодня в городе совсем тихо»¹⁷⁶.

Наконец настал последний день осады, громкие звуки которого пугали и радовали. «Слышу сильную канонаду. Как я мыслил? “Ну, сволочи, фашисты, все силы собрали, конец городу...” Я, конечно, не знал, что это началось наше наступление. А потом... — объявление по радио о том, что 27 января снята блокада»¹⁷⁷.

Блокада заканчивалась так же, как начиналась — грохотом пушек. Установленные на Марсовом поле и на берегах Невы — у Петропавловской крепости, на Стрелке Васильевского острова, на площади Революции (Троицкой

площади) и на Петровской набережной, пушки теперь обеспечивали звуковую поддержку торжественной стрельбы специальных «салютных» орудий. Артиллерийская пальба поначалу привычно страшила. В то же время салют, знаменовавший окончание блокады, был полон предчувствия победы в войне. Сбылось то, о чем ленинградцы так долго мечтали. «Ликование было настолько всеобщим, что я не припоминаю ни одного равнодушного, неулыбающегося лица. Только отдельные пожилые старушки сетовали, что звуки салюта слишком похожи на звуки еще не забытых обстрелов»¹⁷⁸.

Впрочем, салютная пальба рождала у части горожан не только безудержную радость, но и другие, более сложные и неоднозначные чувства. Для некоторых ленинградцев победные выстрелы пушек означали возврат того времени, повторения которого нестерпимо не хотелось. Парадоксальным образом блокада со всеми ее тяготами оказалась временем берггольцевской «свободы» и надежд, у которых не было оснований. «Это салют, я знаю, и мучительное, тошнотное чувство сжимает сердце. Вот сейчас ничего не могу с собой поделать — совершенно то же ощущение, которое было при сильных обстрелах, никакие доводы разума и очевидности не помогают. <...> Это был и тогда не страх смерти, а что-то совсем другое, сознание беспомощности, возмущение и, может быть, подсознательный физический, вернее животный, страх. Животное, живая Божья тварь подсознательно протестовала. Так же она протестует против двадцатисемилетнего рабства, террора, запрета мысли, лжи и фальши, произвола. И неужели то же до конца дней? Мозг, всё, что есть в моем существе живого, протестует. Неужели этому талантливому, лихому, храброму народу нужен такой метод управления?»¹⁷⁹ Горожанку страшил не салют, но ощущение, что с его звуками возвращается ненавистное ей прошлое.

Звуковая история блокады совершила круг, вернувшись к началу, знаменуя для кого-то возобновление прежней несвободы. Однако для многих выживших горожан Ленинград, видимо, уже никогда больше не «звучал» так, как до войны и блокады. В травмированной памяти навсегда сохранилось драматическое многоголосье: вой сирен, гул и завывание самолетов, свист бомб, выстрелы орудий, шелест и глухие разрывы снарядов, звон стекол, грохот обрушения зданий, крики раненых, лай зениток, дрожь земли, стук метронома, голов при укладывании мертвецов, осколков зенитных снарядов по крышам, ликующая мелодия отбоя и «жуткая, гробовая» тишина. И сбывшиеся проклятия, выкрикнутые навстречу гибельному грохоту отчаявшейся женщиной из ленинградской трагедии. Весь этот акустический хаос и одновременно «симфония» и составляли звуковой образ осажденного Ленинграда.

Каждая часть этой симфонии имела собственный образ, свою динамику. В начале войны в мирную звуковую картину города вторгся пугающий, тревожный, но не возвещавший о реальной опасности вой сирен. В августе и первой блокадной осенью стали стихать звуки мирного времени и, напротив, добавился гул самолетов, выстрелы зениток, вой, свист бомб и снарядов, грохот

рушащихся зданий, крики людей. Какофония сменялась умиротворяющими сигналами медных труб. Очень часто после паузы вновь вступали мучительные и ненавистные звуки войны — знаки и преддверие гибели. Первой блокадной зимой установилось определенное равновесие. Гул, вой, свист и грохот сменялись мертвенной тишиной.

«Всю зиму исключительная непривычная тишина в городе (в воздухе), никаких звуков, шумов, ни лая собак, ни паровозных, ни автомобильных гудков, — записала блокадница в дневнике 5 апреля 1942 г. — <...> Звуки только военные: артобстрел, бомбы, пулемет, зенитки и т.п.»¹⁸⁰. Однако тогда же, первым блокадным апрелем, появились мирные звуки, столь радовавшие горожан: «Волшебной музыкой для всех ленинградцев стали трамвайные звонки»¹⁸¹. Впрочем и впоследствии, вплоть до снятия осады, постоянное соединение пронзительных звуков войны и мертвой тишины было акустической повседневностью опустевшего Ленинграда. В свидетельствах блокадников вербализована эта звуковая картина, эмоциональные реакции горожан, которые неоднократно обращались к акустической дихотомии войны и мира. Безмолвие и звуки войны противостояли друг другу и одновременно были неотделимы друг от друга в сознании, эмоциональной памяти.

Город, сущность которого обычно состоит в противопоставлении природе, в описаниях блокадников предстает естественным, а его звуки «идиллическими» и «чудесными». Это были звуки потерянного рая, которые, контрастируя со звуками войны, приобретали особую мучительную выразительность.

Совершенно особую роль звука обнаруживала ночь осажденного города: в недоступности визуальной реальности он приобретал доминирующее значение. Сирены, обстрелы, бомбежки масштабировали, организовывали город, создавая для каждого собственное чувственное и объемное пространство Ленинграда. Человек слышал вой, разрывы бомб, крики, перелет и недолет снарядов, и город в соответствии с этим приобретал индивидуальное пластическое измерение. Можно сказать, что в блокадном городе не только личный, внутренний порядок (к примеру, еда) стал для человека «делом интимным и жестоким»¹⁸². Звуковая картина прифронтового Ленинграда сделала очевидным тот факт, что городские расстояния, дома, этажи переходили в область внутреннего, глубоко личного — радость от затихающего звука снаряда, означающего перелет, ужас от ощущения, что именно в твой дом падает бомба, от близкого разрыва и облегчение от того, что смерть прошла мимо.

Акустическое пространство блокады было сложным, полифоничным, многозначным, первостепенно важным, одним из наиболее ярких, эмоционально обостренных компонентов ее сенсорной картины. Надо было вынести грохот бомбового удара, грозные колебания стен, пола, обрушение дома и различить еле слышное дыхание близкого человека, чтобы знать, жив ли? Безмолвие города казалось преддверием гибели. «Жестокое испытание» звуками и тишиной пугало, мотивировало поведение и продолжало преследовать.

- ¹ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). Дневники блокадных жителей из архива О. Ф. Берггольц // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники / [Отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова]. СПб., 2015. С. 154.
- ² Грюнберг-Солдатова Л. И. Пунктир моей жизни. М., 2009. С. 46.
- ³ Маретин Ю. В. Открытие книги // Из истории Кунсткамеры (1941–1945). СПб., 2003. С. 239.
- ⁴ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 49.
- ⁵ Богоров А. Л. Записки кинохроникера. Время, запечатленное кинообъективом. Л., 1973. С. 152.
- ⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 36. Л. 4 об.
- ⁷ Суворов Н. М. Сирены зовут на посты. Страницы блокадного дневника. Л., 1980. С. 9.
- ⁸ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 / Отв. ред. А. Р. Дзенисевич. СПб., 1995. С. 398.
- ⁹ Лысикова Р. Н. Воспоминания о блокаде. СПб., 2013. С. 5.
- ¹⁰ Бианки В. В. Лихолетье: Дневники, воспоминания, письма. СПб., 2005. С. 31.
- ¹¹ Иванов М. А. Блокадный дневник ректора. СПб., 2014. С. 88.
- ¹² «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 160.
- ¹³ Кондратьев Н. А. Из писем и дневников // Крюков А. Н. Паду ли я, стрелой пронзенный? Опера и балет в осажденном Ленинграде. СПб., 2014. С. 269.
- ¹⁴ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 37, 38.
- ¹⁵ Ходанович В. И. Блокадные будни одного района Ленинграда. М., 2015. С. 135.
- ¹⁶ Козлова Э. Е. Жизнь человеческая. СПб., 2008. С. 134.
- ¹⁷ Кольцова М. М. Опаленные блокадой // Звезда. 2004. № 8. С. 112.
- ¹⁸ Лелюхина С. Б. Ленинградские записки // Блокадный дневник. [Электронный ресурс.] URL: http://Zes.ru/journal/index.php?ELEMENT_ID=16 (дата обращения 12.01.2012).
- ¹⁹ Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной / Сост.: Н. А. Борисова, Н. И. Лосич, О. В. Фролова и др. СПб., 2010. С. 65.
- ²⁰ Ленинград в осаде. С. 398.
- ²¹ Базанова В. Вчера было девять тревог... // Нева. 1999. № 1. С. 125.
- ²² Лелюхина С. Б. Ленинградские записки.
- ²³ Готхарт С. И. Воспоминания блокадницы // История Петербурга. 2005. № 6. С. 84.
- ²⁴ Там же. С. 84.
- ²⁵ Катица П. В море погасли огни. Блокадные дневники. М., 1974. С. 121.
- ²⁶ Горышина Т. К. Воспоминания о блокаде и дороге жизни // История Петербурга. 2007. № 1. С. 72.
- ²⁷ Ильинский И. М. Великая Победа. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. С. 40.
- ²⁸ Битнер А. А. В семье врага народа поутру проснуться // Мы это пережили: сборник воспоминаний детей блокады немецкого происхождения / Сост. В. А. Коробова. СПб., 2003. С. 76.
- ²⁹ Дневник А. П. Крайского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. С. 46.
- ³⁰ Григорьев В. Звнящее биение метронома // Войной украденное детство (спешим сказать — пока мы живы): Сб. восп. СПб., 2011. С. 158.
- ³¹ Ирина Морозова. Ленинградский дневник медсестры фронтового эвакогоспиталя № 1170. 1941–1945 / Публ., вступ. заметка В. Саблина // Звезда. 2015. № 5. С. 53.
- ³² Милова И. Ю. Моя блокада // История Петербурга. 2009. № 1. С. 68.
- ³³ Готхарт С. И. Воспоминания блокадницы. С. 84.
- ³⁴ Из дневников Павла Николаевича Лукницкого // Перекрестки судеб. Воспоминания Лукницких / Сост. В. А. Лукницкий; науч. ред. Т. Е. Сохор. М.; СПб., 2014. С. 243.
- ³⁵ Григорьев В. Звнящее биение метронома. С. 138.

- ³⁶ Дневник А. П. Крайского. С. 62.
- ³⁷ Кулагин Г. А. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. Л.: Лениздат, 1978. С. 178.
- ³⁸ Исси И. Как мы выжили. Моя война, моя блокада... // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 3 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2016. С. 112.
- ³⁹ Янушевич З. В. Случайные записки. СПб., 2007. С. 12.
- ⁴⁰ «Черные дни черного 1942 года» (дневник учителя). Дневники блокадных жителей из архива О. Ф. Берггольц // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. С. 188.
- ⁴¹ Лелюхина С. Б. Ленинградские записки.
- ⁴² Глебова Т. Рисовать, как летописец. Страницы блокадного дневника // Искусство Ленинграда. 1990. № 1. С. 29, 30.
- ⁴³ Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной. С. 65, 113.
- ⁴⁴ Крюков А. Н. Ради спасения. Дети и музыка в осажденном Ленинграде. СПб., 2013. С. 86.
- ⁴⁵ Блатин А. Я. Вечный огонь Ленинграда. Записки журналиста. М., 1976. С. 32.
- ⁴⁶ Ратнер Л. Б. Вы живы в памяти моей. Воспоминания блокадного мальчика. С. 141.
- ⁴⁷ Фрейденберг О. М. Осада человека. Публикация К. Невельского // Минувшее: Исторический альманах. 3. М., 1991. С. 17.
- ⁴⁸ Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной. С. 65.
- ⁴⁹ Пянкевич В. Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014. С. 53, 54.
- ⁵⁰ Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной. С. 65.
- ⁵¹ Базан О. И. Патологоанатомическая служба в блокадном Ленинграде: Воспоминания. СПб., 2002. С. 56.
- ⁵² Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной. С. 65.
- ⁵³ Ползикова-Рубец К. В. Дневник учителя блокадной школы (1941–1946). СПб., 2000. С. 70.
- ⁵⁴ Лапин И. П. Время такое. СПб., 2007. С. 124.
- ⁵⁵ Зикеев В. «Я был обречен жить» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 5 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2018. С. 189.
- ⁵⁶ Книга живых. Воспоминания евреев — фронтовиков, узников гетто и нацистских концлагерей, бойцов партизанских отрядов, защитников блокадного Ленинграда. Кн. 1. СПб., 1995. С. 20.
- ⁵⁷ Иванов М. А. Блокадный дневник ректора. С. 49.
- ⁵⁸ Иванова Н. С. Верные адреса. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010. С. 82.
- ⁵⁹ Попова Н. «Блокадный дневник» Александра Немцева // Люди одной судьбы. СПб., 2005. С. 138.
- ⁶⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 157. Оп. 1. Д. 28. Л. 20.
- ⁶¹ Назимов И. В. Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 153.
- ⁶² Там же. С. 168.
- ⁶³ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб., 1994. С. 173, 175, 216.
- ⁶⁴ Бобров М. Записки горного стрелка // Люди одной судьбы. С. 5.
- ⁶⁵ Лелюхина С. Б. Ленинградские записки.
- ⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 24. Л. 14.
- ⁶⁷ Кулагин Г. А. Дневник и память. С. 211.
- ⁶⁸ Давыдова Л. Н. Я могла стать для кого-то «лакомой конфеткой» // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 182.
- ⁶⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 44. Л. 72.
- ⁷⁰ «Дневник стал потребностью...»: Дневник Е. А. Ворониной / Публ. Т. С. Царьковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. С. 335.
- ⁷¹ Кулагин Г. А. Дневник и память. С. 210, 211.
- ⁷² Глинская Е. П. «Удивительные люди эти ленинградцы» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2012. С. 160.

- ⁷³ Дневник Е. П. Крайской // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. С. 88.
- ⁷⁴ Губина Д. Я оттуда, из блокады // Блокада и мы. Сборник воспоминаний. Киров, 2008. С. 216.
- ⁷⁵ Даров А. А. Блокада. М., 2012. С. 145.
- ⁷⁶ Без антракта. Актеры города Ленина в годы блокады. Л., 1970. С. 231.
- ⁷⁷ Ползикова-Рубец К. В. Дневник учителя блокадной школы. С. 189.
- ⁷⁸ Кузнецов С. С. Главы из книги воспоминаний // «Мы знаем, что значит война...»: Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. СПб., 2010. С. 73.
- ⁷⁹ Калинин Г. М. День един: рассказы и повести. М., 2010. С. 242.
- ⁸⁰ Кирсанова С. П. В первые дни блокады меня украли! // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 340.
- ⁸¹ Исси И. Как мы выжили. Моя война, моя блокада... С. 168.
- ⁸² Берштейн А. И. Аэростаты воздушного ограждения в обороне Ленинграда. СПб., 2003. С. 36.
- ⁸³ Шервуд Л. Я. Как мы с мамой спасали отчий дом // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 762.
- ⁸⁴ Петроград, Ленинград в истории Красноярья в XX веке (по материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»). Сб. док-тов. [Электронное издание.] Красноярск, 2013. С. 70.
- ⁸⁵ Глезеров С. Е. Лисий Нос: люди, судьбы, эпоха. СПб., 2010. С. 166.
- ⁸⁶ Милова И. Ю. Моя блокада. С. 72.
- ⁸⁷ Мартемьянов А. И. Блокада началась // Юровский Е. М. Мы выжили в блокаду! СПб., 2004. С. 96.
- ⁸⁸ Крандиевская-Толстая Н. В. Дорога: Стихотворения. М., 1985. С. 147.
- ⁸⁹ Короткевич Л. И. Нам жизнь дана... Б. м., 2010. С. 10.
- ⁹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 368. Ед. хр. 1. Л. 73–75.
- ⁹¹ Казакова Ф. И. Елка 1941 года // Блокадные и фронтовые воспоминания ветеранов Приморского района Ленинграда. СПб., 2002. С. 36.
- ⁹² Дневник А. П. Крайского. С. 46, 47.
- ⁹³ Там же. С. 51.
- ⁹⁴ Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника. 1941–1945 гг. Документы и свидетельства. М., 2010. С. 171.
- ⁹⁵ Назимов И. В. Дневник. С. 135, 136.
- ⁹⁶ Добротворская К. А. Блокадные девочки. М., 2013. С. 70.
- ⁹⁷ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 165.
- ⁹⁸ Фриш С. Э. Сквозь призму времени. С. 264.
- ⁹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 30. Л. 12.
- ¹⁰⁰ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 168.
- ¹⁰¹ Машанский Ф. И. В ответе за жизнь людей // Медики и блокада: взгляд сквозь годы. Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. СПб., 1997. С. 30, 31.
- ¹⁰² Исси И. Как мы выжили. Моя война, моя блокада... С. 121, 122, 123.
- ¹⁰³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 268. Л. 19.
- ¹⁰⁴ Князев Г. А. Дни великих испытаний. С. 761.
- ¹⁰⁵ Эльяшова Л. Л. Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // «Мы знаем, что значит война...». С. 155.
- ¹⁰⁶ Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 629.
- ¹⁰⁷ Будни Подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах / Сост. В. М. Давид. СПб., 2006. С. 76.
- ¹⁰⁸ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 161.
- ¹⁰⁹ Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. М., 2003. Т. 3. С. 279, 280.
- ¹¹⁰ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 161.

- ¹¹¹ Ирина Морозова. Ленинградский дневник медсестры фронтового эвакогоспиталя. С. 46.
- ¹¹² Лукницкий П. На улице Плеханова // Пламя над Невой. Коллективная документальная повесть. Л., 1964. С. 350.
- ¹¹³ Неклюдова С. В. Записи // Ленинградцы. Блокадные дневники.... С. 298.
- ¹¹⁴ Болдырев А. Н. Осадная Запись (Блокадный дневник). СПб., 1998. С. 306.
- ¹¹⁵ Блокадный дневник З. З. Шнитниковой: 2 сентября 1941 — 17 июля 1942 г. / Сост. Р. Б. Самофал // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 70.
- ¹¹⁶ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 160.
- ¹¹⁷ Назимов И. В. Дневник. С. 193.
- ¹¹⁸ Фирсенков И. П. Блокадный дневник. СПб., 2014. С. 220, 221.
- ¹¹⁹ Извекова К. В. Нас учили обращаться с бомбами // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 304.
- ¹²⁰ «...твой письма — документ незабываемого времени...» Из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист. 1942–1945 / Подг. текста, предисл., коммент. Е. Н. Груздевой. СПб., 2013. С. 62.
- ¹²¹ Иванов М. А. Блокадный дневник ректора. С. 111.
- ¹²² «...твой письма — документ незабываемого времени...». С. 69.
- ¹²³ Исси И. Как мы выжили. Моя война, моя блокада... С. 112.
- ¹²⁴ Машкова М. В. Из блокадных записей // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941–1945. СПб., 1995. С. 114.
- ¹²⁵ Там же. С. 114.
- ¹²⁶ Военный дневник Тани Вассоевич: 22 июня 1941 — 1 июня 1945. СПб., 2015. С. 58.
- ¹²⁷ Дневник А. П. Крайского. С. 40.
- ¹²⁸ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 160.
- ¹²⁹ Там же. С. 163.
- ¹³⁰ Доброворская К. А. Блокадные девочки. С. 102.
- ¹³¹ «Дневник стал потребностью...». С. 300.
- ¹³² Крандиевская-Толстая Н. В. Дорога: Стихотворения. С. 181.
- ¹³³ Петерсон В. А. «Скорей бы было тепло!» Воспоминания о первой блокадной зиме // Нева. 2001. № 1. С. 169.
- ¹³⁴ Шварц Е. Л. Позвонки минувших дней. М., 2014. С. 327.
- ¹³⁵ Горышина Т. К. Воспоминания о блокаде и дороге жизни. С. 72.
- ¹³⁶ «Дневник стал потребностью...». С. 291.
- ¹³⁷ Лапаева В. Г. У нас никогда в мыслях не было, что немцы могут победить // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 387.
- ¹³⁸ Благово Н. В. «Мы не были героями» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 2 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2015. С. 108.
- ¹³⁹ Военный дневник Тани Вассоевич. С. 58.
- ¹⁴⁰ Иванов М. А. Блокадный дневник ректора. С. 111.
- ¹⁴¹ Ленинградские мадонны / Авт.-сост. Е. А. Тончу. М., 2010. С. 258.
- ¹⁴² Глезеров С. Е. Лисий Нос: люди, судьбы, эпоха. С. 166.
- ¹⁴³ Тарасов Б. В. Блокада в моей судьбе. М., 2012. С. 115.
- ¹⁴⁴ Ленинградская симфония в Мордовии / [Авт.-сост.: Н. М. Мирская, В. Н. Сафронова]. Саранск, 2010. С. 86.
- ¹⁴⁵ Горышина Т. К. Воспоминания о блокаде и дороге жизни. С. 72.
- ¹⁴⁶ Цит. по: Ходанович В. И. Блокадные будни одного района Ленинграда. С. 135.
- ¹⁴⁷ Казакова Ф. И. Елка 1941 года. С. 36.
- ¹⁴⁸ Абрамсон Б. П. Дневник войны // Звезда. 2011. № 8. С. 158.
- ¹⁴⁹ Базан О. И. Патологоанатомическая служба в блокадном Ленинграде: Воспоминания. С. 56.
- ¹⁵⁰ Память: Письма о войне и блокаде. Л., 1987. С. 412.
- ¹⁵¹ Воробьева Л. И. Лунные ночи войны // Откуда берется мужество. Воспоминания петрозаводчан, переживших блокаду и защищавших Ленинград. Петрозаводск, 2013. С. 76.

- ¹⁵² Дневник И. М. Чайко // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. V. Материалы к истории блокады Ленинграда. СПб., 2000. С. 87.
- ¹⁵³ Крюков А. Н. Ради спасения. Дети и музыка в осажденном Ленинграде. С. 86, 87.
- ¹⁵⁴ Гинзбург Л. Я. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. М., 2011. С. 274, 275.
- ¹⁵⁵ Испытание: Воспоминания прихожан Князь-Владимирского собора о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. СПб., 2010. С. 49.
- ¹⁵⁶ Крюков А. Н. Паду ли я, стрелой пронзенный? Опера и балет в осажденном Ленинграде. С. 10.
- ¹⁵⁷ Ленинградская правда. 1941. 7 октября.
- ¹⁵⁸ Там же. 14 октября.
- ¹⁵⁹ Крон А. А. Дом и корабль: Роман. М.: Воениздат, 1974. С. 20.
- ¹⁶⁰ Глинская Е. П. «Удивительные люди эти ленинградцы». С. 168.
- ¹⁶¹ Берхман В. К. Записки оставшейся в живых // Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской. СПб., 2014. С. 219.
- ¹⁶² Кулагин Г. А. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. С. 178.
- ¹⁶³ Пантелеев А. И. Из старых записных книжек // Пантелеев А. И. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Л., 1985. С. 355.
- ¹⁶⁴ Глазунов И. Россия распятая // Наш современник. 1996. № 2. С. 192.
- ¹⁶⁵ Дневник Е. П. Крайской. С. 111.
- ¹⁶⁶ Кулагин Г. А. Дневник и память. С. 198.
- ¹⁶⁷ Берггольц О. Ф. Лето сорок третьего года // Берггольц О. Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. Л., 1989. С. 225.
- ¹⁶⁸ Иванов М. А. Блокадный дневник ректора. С. 245.
- ¹⁶⁹ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 172.
- ¹⁷⁰ Кулагин Г. А. Дневник и память. С. 301.
- ¹⁷¹ Пантелеев А. И. Январь 1944. Из старого дневника // Пантелеев А. И. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Л., 1984. С. 156, 157.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Ползикова-Рубец К. В. Дневник учителя блокадной школы. С. 224.
- ¹⁷⁴ Блокадный дневник Горшкова Н. П. С. 228.
- ¹⁷⁵ Пантелеев А. И. Январь 1944. Из старого дневника. С. 172.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 175.
- ¹⁷⁷ Прокофьев Э. Время блокадного братства // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 5 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2018. С. 174.
- ¹⁷⁸ Масленникова В. Детство в Яблоновке // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 4 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2017. С. 283.
- ¹⁷⁹ Шапорина Л. В. Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 450.
- ¹⁸⁰ Блокадный дневник З. З. Шнитниковой: 2 сентября 1941 — 17 июля 1942 г. С. 66.
- ¹⁸¹ Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1: Июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013. С. 572.
- ¹⁸² Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. С. 651.

Н. А. Ломагин

Учет и контроль — основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг.

Развязанная нацистской Германией война против СССР и последовавшая затем 872-дневная осада Ленинграда немецкими и финскими войсками привела к одной из крупнейших в истории XX в. катастроф — смерти от голода сотен тысяч горожан. 28 августа 1941 г. военное командование вермахта, следуя воле Гитлера, издало приказ, согласно которому группе армий «Север» надлежало:

«1. Окружить Ленинград кольцом как можно ближе к самому городу, чтобы сэкономить наши силы. Требование о капитуляции не выдвигать.

2. Для того чтобы избежать больших потерь в живой силе при решении задачи по максимально быстрому уничтожению города как последнего центра красного сопротивления на Балтике, запрещается наступать на город силами пехоты. После подавления сил ПВО и истребительной авиации противника подлежат разрушению водопровод, склады и электростанции, которые обеспечивают жизнедеятельность города и его способность к обороне. Военные объекты и вооруженные силы противника подлежат уничтожению артиллерийским огнем. Любая попытка населения выйти из кольца должна пресекаться, при необходимости — с применением оружия»¹.

Массированные бомбардировки Ленинграда в начале сентября 1941 г. привели сперва к уничтожению бадаевских складов, а затем и ряда других важных объектов, которые имели существенное значение для переработки и хранения продовольствия². В последующие месяцы город и водные коммуникации³, по которым осуществлялись поставки ресурсов в Ленинград, подвергались разрушительным ударам с воздуха и артиллерийским обстрелам.

К началу блокады город с населением в 2,5 миллиона человек и прибывающим потоком беженцев⁴ оказался перед лицом угрозы, к отражению которой оказался не готов — ресурсы неумолимо таяли, вынудив Военный совет Ленинградского фронта⁵ пять раз в течение трех осенних месяцев сокращать нормы выдачи продовольствия, ограничив их с 20 ноября для рабочих и инженерно-технических работников (ИТР) 250 граммами суррогатного хлеба, а для

издженцев — 125 граммами. Хотя наряду с хлебом население имело право приобретать по карточкам в небольших размерах другие продукты питания (мясо и мясопродукты, рыбу, крупу, жиры и сахар), а также довольствоваться разовыми выдачами имевшихся в наличии продуктов, по данным Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области, вплоть до марта 1942 г. даже такие мизерные нормы не были в полном объеме доступны ленинградцам⁶.

Почему второй по величине город Советского Союза оказался на краю гибели от голода уже через 5 месяцев после начала войны? Каким образом советское руководство планировало обеспечить его продовольственную безопасность? Что предпринималось правительством и руководством города непосредственно после нападения Германии для снабжения Ленинграда? В какой степени принятые решения были реализованы? Насколько было обоснованным решение Военного совета Ленинградского фронта увеличить нормы выдачи хлеба населению с 25 декабря 1941 г.?

Мы предлагаем обратиться к поставленным вопросам не столько в контексте продолжающихся дискуссий о персональной ответственности ленинградских руководителей за недостаточные действия по созданию запасов в доблокадный период⁷, сколько с точки зрения доминировавших в Советском Союзе экономических институтов, т. е. норм и правил поведения экономических субъектов, включая государственное планирование в рамках командно-административной системы учета и контроля над производством и распределением ресурсов.

По прошествии более чем 75 лет после начала войны и блокады, когда многие документы оказались в открытом доступе и не существует государственной цензуры, можно попытаться по-новому рассказать об экономике города. Начиная с позднего советского времени в отечественной историографии почти всё пространство исследований о блокаде заняли политическая и отчасти военная история, а также история повседневности, сконцентрированная прежде всего на «смертном» времени. Собственно институтам экономического управления на центральном и местных уровнях внимания практически не уделялось, вследствие чего появилась серьезная лакуна в интерпретации экономической стороны обороны и блокады Ленинграда. Документы ГКО и СНК СССР, в частности фонды А. И. Микояна и А. Н. Косыгина, директивные и отчетные материалы Госплана СССР, решения и подготовительные материалы к ним Ленинградского ОК и ГК ВКП(б), а также документы Продовольственной комиссии Военного совета Ленфронта позволяют отчасти восполнить этот пробел.

Накануне и в годы войны значительную роль в реализации функций контроля и учета, а также оптимизации советской экономики играл Госплан СССР, имевший институт уполномоченных во всех национальных республиках и в обеих столицах. Проблема изучения деятельности этого института на местах состоит в том, что бо́льшая часть источников была уничтожена. Исследователям доступны главным образом инструкции и приказы по Госплану, а также фрагментарные отчеты уполномоченных, отправленные в центр⁸. Тем не менее

документы центрального аппарата позволяют в общих чертах воссоздать сущность представлений (и, главное, практики) центральных и региональных органов власти и управления по вопросам снабжения.

Последнее перед войной совещание в Государственной плановой комиссии завершилось постановлением «Об итогах работы уполномоченных Госплана за 1940 г. и организации проверок выполнения государственного плана развития народного хозяйства Союза ССР на 1941 г.». В нем отмечалось, что уполномоченные недостаточно изучают выполнение плана перевозок, ввоза и вывоза различных грузов в пределах района для выявления нерациональных и излишне дальних перевозок и разработки мероприятий по их ликвидации. Кроме того, отсутствовала систематическая проверка водных перевозок и перевода массовых грузов (хлеба, соли, нефти, дров, леса, стройматериалов) с железной дороги на воду. Приведенный на совещании в пример другим уполномоченный Госплана по Ленинграду и Ленинградской области Л. М. Володарский «установил наличие нерационального завоза в Ленинград ряда пищевых продуктов, минеральных масел и других товаров», и многие его материалы были использованы при подготовке соответствующих решений Правительства и Экономического совета⁹.

Таким образом, сокращение «нерационального завоза» ресурсов, в том числе продовольствия, было общим императивом, а местные руководители, включая Жданова, должны были его избегать. Применительно к Ленинграду отмеченные в постановлении Госплана недостатки в работе уполномоченных свидетельствовали о том, что практически вся доставка грузов в город до войны производилась по железной дороге, в то время как водные маршруты еще только предстояло освоить. Это подразумевало создание соответствующей инфраструктуры: подъездных путей, пирсов, оборудования для перевалки грузов, наконец буксиров и барж, а также принятия управленческих решений для координации работы наркоматов путей сообщения и речного флота. Эта работа стала проводиться только после начала войны, а по-настоящему была развернута лишь в связи с блокадой.

Емкость военных складов (за исключением складов КБФ¹⁰) существенно уступала складским помещениям на западных рубежах страны — ведь врага собирались бить на чужой территории и нарушение коммуникаций с Москвой и Ленинградом в случае войны не предусматривалось. В Ленинградском военном округе имелось 12 продовольственных складов, но непосредственно в Ленинграде находился только один (№ 175), емкость которого составляла 448 вагонов. Остальные размещались в Красногвардейске (108 вагонов), Красном Селе (280 вагонов), Луге (130 вагонов), Новгороде (339 вагонов), Выборге (290 вагонов), Пскове (337 вагонов) и еще дальше от штаба округа¹¹. Емкость склада № 161 вещевого и обозно-хозяйственного снабжения Главного интендантского управления Красной армии в Ленинграде достигала 1560 вагонов¹². Очевидно, что нарушение железнодорожных коммуникаций с Ленинградом

при отсутствии местных ресурсов¹³ и незначительных запасах в системе государственных материальных резервов неизбежно и достаточно быстро при большой численности населения города могло привести к кризису

Наряду с общей установкой, ориентировавшей местные органы власти на отказ от формирования избыточных запасов, существовали и другие важные обстоятельства, которые прямо или косвенно оказывали влияние на поведение институтов управления. Накануне войны на уровне правительства обсуждалась проблема борьбы с грызунами, которые наносили серьезный урон находящимся на хранении продовольственным запасам и являлись разносчиками опасных инфекционных заболеваний. В связи с этим СНК СССР принял решение провести сплошную дератизацию крупнейших городов, прежде всего Москвы и Ленинграда осенью 1941 г., о чем, естественно, ленинградское руководство также было поставлено в известность и должно было учитывать этот фактор в работе соответствующих ведомств¹⁴. Хранение в неподготовленных неспециализированных строениях могло привести к большим потерям¹⁵.

В докладной записке секретарям Горкома ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину «Итоги работы пищевой промышленности за 2-е полугодие 1941 года» отмечалось, что сырьевые ресурсы на 1 июля 1941 г. по главнейшим видам составляли: по муке — на 2 недели, по крупе — на 2,5 месяца, по мясу — на 1 месяц и 20 дней, по жирам — на 2 месяца¹⁶.

Что известно о позиции А. И. Микояна по вопросу снабжения Ленинграда в самом начале войны? В своих воспоминаниях Микоян сообщал о несостоявшемся перенаправлении в Ленинград маршрутов с зерном, которые в соответствии с мобилизационным планом направлялись на запад страны, но были развернуты в связи с отступлением Красной армии. В фонде А. И. Микояна в ГА РФ нет никаких свидетельств того, что возможность перенаправления в начале войны в Ленинград хлеба формальным образом обсуждалась с профильными ведомствами в Москве и Ленинграде. Без координации по линии Госплана и его уполномоченного в Ленинграде, Управления государственных материальных ресурсов, Интендантского управления НКО и ряда других институтов разместить тысячи тонн зерна в городе было просто невозможно. Какие-то следы в корреспонденции Микояна с названными выше инстанциями по поводу его действий должны были остаться, однако их нет или они по каким-то причинам не сохранились.

1 июля постановлением Политбюро при СНК был создан Комитет продовольственного и вещевого снабжения Красной армии в составе: А. И. Микоян (председатель), А. Н. Косыгин (заместитель), А. В. Хрулев, В. П. Зотов и С. Г. Лукин. Ответственным секретарем Комитета был назначен М. С. Смиртюков¹⁷, а 3 июля Сталин подписал постановление ГКО о назначении А. И. Микояна уполномоченным ГКО по вопросам снабжения Красной армии обмундированием, продовольствием и горючим. Почему это важно? В условиях сложившейся к тому времени жесткой командно-административ-

ной системы управления Микоян, не обладавший соответствующими полномочиями, очевидно, вряд ли мог инициативно решать вопросы, связанные с перераспределением тысяч тонн продовольственных ресурсов. Иными словами, по крайней мере до 3 июля такое предложение от Микояна ленинградскому руководству официально вряд ли вообще могло поступить. Заметим также, что Жданов прибыл в Ленинград из отпуска 25 июня и, находясь вдали от города, не владел полной информацией по проблеме, чтобы даже в случае контакта по телефону оперативно отреагировать на него. Стоит также указать, что еще 23 июня 1941 г. бюро Ленинградского ГК ВКП(б) приняло решение использовать помещения школ и высших учебных заведений в качестве маневренного фонда на случай утраты жилья вследствие вражеских бомбардировок¹⁸.

А что предпринималось в Москве? В начале июля 1941 г. было принято постановление СНК СССР «О регулировании завоза грузов на Ленинград водным путем в июле месяце», в котором, с одной стороны, наркомату речного флота предписывалось «в кратчайший срок доставить в г. Ленинград все суда, груженные нефтепродуктами и овсом, находящимися в пути от шлюза № 31¹⁹ до Ленинграда, а также суда с грузами, находящимися в границах Северо-Западного пароходства. Остальные грузы, находящиеся в пути до шлюза № 31 назначением на Ленинград, Мурманск, Петрозаводск, Канда拉克шу и др. пункты, — немедленно переадресовать по указанию грузовладельцев», а Ленинградскому и Вологодскому облисполкомам вменялось в обязанность организовать досрочную разгрузку судов, направляемых на Ленинград, а также переадресованных в другие пункты, мобилизовав для этого местное население, а с другой — тому же наркомату речного флота предлагалось «временно прекратить дальнейшую отправку грузов на Ленинград за исключением леса и дров в плотах и грузов, идущих по заданию военного командования» и весь свободный и освобождающийся тоннаж в Ленинграде немедленно направить для работы в пределы Шекснинского и Волжских пароходств, негабаритный морской тоннаж перевести в Архангельск, а озерный тоннаж расставить в район Онежского озера и реки Свирь, оставив необходимое количество для обеспечения перевозок по указанию военного командования²⁰. Иными словами, на уровне правительства и Совета по эвакуации речи о формировании альтернативной (водной) артерии снабжения Ленинграда в июле 1941 г. не шло.

6 июля 1941 г. Микоян провел по вопросу снабжения Москвы и Ленинграда специальное совещание, по итогам которого принял ряд важных решений. В частности, он поручил ответственным работникам наркомата заготовок, а также главных управлений государственных материальных и продовольственных резервов «дать справку, из каких районов должен поступать хлеб для обеспечения потребностей населения городов Москвы и Ленинграда (не потребуется ли завоз муки с Волги)», отметив особо, что «хлеб для обеспечения потребностей населения Москвы и Ленинграда размещать не в этих городах, а в районах, прилегающих к Москве и Ленинграду» (выделено нами. — Н. Л.)²¹.

Через день, т. е. 8 июля 1941 г., Микоян вновь вернулся к проблеме снабжения столиц и предложил отвечающим за заготовки Субботину и Ершову в частности «дать справку о запасах муки и зерна в городах Москве и Ленинграде», ответить на вопрос о том, куда пропали «7 барж с овсом, направляемых в Ленинград», наконец, «дать картину хранения зерна, карту мельниц...»²²

Что касается Смольного, то ленинградское руководство никоим образом не проявляло благодушия в части пополнения запасов. Так, 7 июля (почти синхронно с совещаниями, которые проводил Микоян) в Ленинграде на заседании руководящей комиссии ОК и ГК ВКП(б) специально рассматривался вопрос о продовольственном положении города. Было принято решение увеличить обеспеченность города мясом за счет заготовок по Ленинградской области и довести запас до 3-месячной нормы, а также принять «все необходимые меры к увеличению запасов зерна и муки в городе»²³.

Еще одной существенной проблемой, связанной с функционированием экономики Ленинграда в период войны, было обеспечение топливом и его распределение, находившиеся в ведении уполномоченного Госплана. Хотя в условиях войны задачи этого института были сформулированы в решении СНК лишь 29 ноября 1941 г., большая часть функционала сохранилась еще с довоенного времени. В частности, в соответствии с постановлением СНК от 11 февраля 1940 г., уполномоченным Госплана было предоставлено право распределять электроэнергию и устанавливать очередность отпуска и планы распределения электроэнергии между потребителями по всем энергосистемам, кроме тех, по которым планы распределения и ограничения энергии устанавливались правительством. Распоряжения уполномоченных Госплана СССР в вопросах регулирования и установления ими плана распределения электроэнергии по потребителям для всех предприятий и учреждений были окончательными²⁴.

До октября 1943 г. аппарат уполномоченного Госплана по Ленинграду и области выполнял функции планирования производства и обеспечения материально-техническими фондами предприятий города и области. Потребность в этом была связана с резким уменьшением местных ресурсов и необходимостью организации прямой связи Ленинграда непосредственно с правительством для покрытия нужд города за счет получения ресурсов из централизованных фондов, минуя звено наркоматов²⁵.

В части реализации остальных функций уполномоченные Госплана не должны были подменять контролеров наркомата Госконтроля, представителей наркоматов, работников партийных и советских организаций. Правительство ориентировало их прежде всего на разработку мероприятий, необходимых для выполнения производственного плана предприятий, а также выявления резервов оборудования и материалов и неустановленного или излишнего оборудования²⁶.

В Ленинграде в 1941 — весной 1942 г. штат уполномоченного Госплана по Ленинграду и Ленинградской области был небольшим и насчитывал всего 15 человек, при этом в наличии имелось лишь 12 сотрудников, включая

8 специалистов²⁷. К концу 1942 г. в связи с большим объемом работы он вырос до 52 штатных единиц. Наряду с руководящим составом в аппарат уполномоченного входили сектор планирования производства, сектор топлива и энергетики, группа труда, группа материальных фондов, спецчасть и управление делами²⁸.

В условиях крайне неудачно начавшейся войны правительство было вынуждено оперативно вносить коррективы в мобилизационный план и, по сути, осуществлять руководство экономикой в ручном режиме, в то время как на местах сохранялась определенная инерция в работе важнейших институтов. Прежде всего это касалось торговли, которая крайне неохотно шла на какие-либо ограничения, включая нормирование товаров по карточкам, и максимально долго стремилась сохранить ассортимент товаров и услуг. По-прежнему важнейшим показателем ее эффективности был товарооборот, а не наличие товарных запасов и способность удовлетворять потребности населения в долгосрочной перспективе. В рыночной составляющей хозяйственной деятельности торговли была заинтересована и банковская система города, потому что получение наличных денег вследствие торговли было необходимым и для сохранения ленинградским отделением Госбанка способности аккумулировать достаточные средства для своевременной выдачи заработной платы и пособий населению Ленинграда. Без соответствующих поступлений наличных денежных средств от населения значительно бы возросла эмиссия и, следовательно, инфляция²⁹. Отметим, что зимой 1941–1942 гг. вследствие прекращения коммерческой торговли в Ленинграде город столкнулся с большим дефицитом наличных для выдачи зарплаты. Деньги в город в январе–феврале 1942 г. по настоянию А. И. Микояна доставляли самолетами³⁰.

В итоге в течение всего периода, который предшествовал вражеской осаде и прекращению железнодорожного сообщения с Ленинградом, происходило последовательное сокращение ресурсов, которые постепенно перетекали из рук государства к наиболее платежеспособной части населения, имевшей возможность приобретать не только нормированные товары, но и те, что реализовывались через коммерческие магазины.

Усвоив отчасти экономические уроки войны с Финляндией в 1939–1940 гг., когда в первые же дни вследствие изъятия вкладов из сберкасс и ажиотажного спроса на продовольственные товары и товары первой необходимости более чем на полгода был разбалансирован внутренний потребительский рынок, уже 22 июня 1941 г. правительство ограничило размер получения наличных денег со вкладов в сберегательных кассах 200 руб. в месяц³¹. Конечно, утрачивалось доверие к институту вкладов как таковому, в целом сокращались возможности привлечения государством свободных денежных средств населения, что вынудило правительство уже в конце августа 1941 г. снять ограничение на выдачу наличных средств с новых вкладов, которые были сделаны после 23 июня 1941 г.³²

На недопущение создания населением значительных запасов продовольствия были ориентированы и органы милиции, препятствовавшие закупкам в больших размерах товаров длительного хранения (прежде всего сахара, крупы и консервов). При этом не обходилось и без казусов, когда приобретение, например, сахара с целью заготовки варенья оценивалось как противоправная деятельность, в чем подчас вынуждены были разбираться прокуратура и партийные органы. Показательным был инцидент, произошедший в начале войны с директором Пулковской астрономической обсерватории профессором, членом-корреспондентом АН СССР С. И. Белявским. По сообщению прокурора Ленинградской области председателю исполкома Ленинградского областного совета Н. В. Соловьеву от 29 июля 1941 г., участковый уполномоченный Пулковского оперативного пункта Слуцкого районного отдела НКВД Соколов 18 июля 1941 г. произвел обыск в доме С. И. Белявского и обнаружил у него 60 кг сахара. Сахар был изъят и передан в магазин сельпо для реализации. Однако, как установили органы прокуратуры, «оснований для производства обыска у т. Белявского Соколов не имел. Сахар закупался женой т. Белявского для варки варенья из ягод сада при Обсерватории, что обычно делалось ежегодно. О производстве необоснованного обыска сообщено начальнику Областного Управления милиции тов. Назарову для наложения на Соколова строгого взыскания и предложено возратить т. Белявскому сахар в том же количестве, которое было изъято при обыске», — сообщал прокурор³³. Секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов высказался за снятие Соколова с работы «за нарушение революционной законности», однако Назаров в донесении секретарю Ленинградского ОК ВКП(б) Бумагину сообщил, что Слуцкий районный отдел НКВД располагал данными о скупке сахара свыше норм обычного потребления семей Белявского³⁴. В итоге по предложению прокурора Ленинградской области, Слуцкий РО НКВД предложил Белявскому получить сахарный песок полностью, однако он взял только 20 кг, а остальные 40 кг взять отказался и написал заявление, что стоимость 40 кг сахарного песка он жертвует в фонд обороны страны. Желание Белявского РО НКВД выполнил. Назаров не согласился с мнением прокурора области, отметив, что «мероприятия Слуцкого РО НКВД были направлены на выполнение постановлений партийных и советских органов по борьбе со скупщиками, делающими запасы продуктов»³⁵.

Справки отдела торговли Ленгорисполкома о состоянии продовольственных ресурсов Ленинграда за период с 5 июля по 20 августа показывают, как быстро таяли запасы и происходила разбалансировка номенклатуры, когда одни продукты заменялись другими, сведя в конце концов рацион ленинградцев к хлебу, крупе, жирам и мясным суррогатам, включая консервы, а также рыбе. К 1 августа 1941 г. ситуация с продовольствием заметно ухудшилась, так как переходящих остатков основных продуктов потребления почти не осталось. Без форсированного завоза продовольствия удовлетворять потребности

в объеме существовавших норм было уже невозможно. Тем не менее только 16 августа на основании «Справки о необходимом завозе в Ленинград основных продовольственных товаров для рыночного потребления в 3 квартале 1941 года» было подготовлено Постановление СНК СССР «О создании переходящих остатков продовольственных товаров в г. Ленинграде». «В целях бесперебойного снабжения населения и вне рыночных потребителей г. Ленинграда продовольственными товарами, — говорилось в постановлении СНК, — создать в Ленинграде на 1 октября 1941 г. полуторамесячные переходящие запасы по продовольственным товарам». По-прежнему большая часть товаров предполагалась для рыночного использования. При этом более трети всех выделенных городу фондов надлежало поставить в город до 10 сентября 1941 г. СНК решил передать из запасов Ленинградской конторы Управления госрезервов для снабжения населения и вне рыночных потребителей 15 тыс. т сахара. Завоз продовольственных товаров в Ленинград должен был обеспечить наркомат путей сообщения³⁶ и это при том, что противник продолжал оказывать мощное давление на защитников Ленинграда, ставя под угрозу контроль над железнодорожными коммуникациями, которые были вскоре прерваны.

Нарастание угрозы Ленинграду и неадекватность действий военно-политического руководства по защите Ленинграда привели к тому, что Сталин командировал в город группу высших должностных лиц — заместителя председателя ГКО, наркома ВМФ, командующего ВВС, начальника артиллерии Красной армии и заместителя председателя Совнаркома СССР. 26 августа в Ленинград прибыли уполномоченные Государственного комитета обороны В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Н. Г. Кузнецов, А. Н. Косыгин, П. Ф. Жигарев и Н. Н. Воронов для «рассмотрения и решения, совместно с Военным советом Главного Командования Северо-Западного направления и с Военным советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда»³⁷. Эта комиссия приняла ряд важных решений, которые, однако, большей частью так и остались на бумаге. Комиссия выделила три важнейшие сферы, которые для Ленинграда надолго оставались ключевыми, — оптимизация органов военного управления, дальнейшая эвакуация предприятий и населения, обеспечение войск фронта и населения города боеприпасами и продовольствием.

Большое практическое значение имело решение прекратить коммерческую торговлю продуктами питания в Ленинграде, нормировать отпуск чая, яиц, спичек, а также осуществлять строжайший контроль над распределением продовольствия. Комиссия практически продублировала постановление СНК от 16 августа 1941 г. о создании к 1 октября 1941 г. полуторамесячного запаса продовольствия. Сложившееся в городе положение с запасами продовольствия уполномоченные ГКО сочли ненормальным как «не обеспечивающее бесперебойное снабжение Ленинграда продуктами». В связи с этим предлагалось к 1 октября отгрузить: муки пшеничной 72 тыс. т, муки ржаной 63 тыс. т, крупы

7800 т, мяса 20 тыс. т, рыбы 4 тыс. т, сельдей 3500 т, масла животного 3 тыс. т. Кроме того, комиссия ГКО постановила немедленно переселить из пригородов Ленинграда местное немецкое и финское население в количестве 96 тыс. человек³⁸. Это решение, кстати сказать, в значительной степени было реализовано. По меньшей мере половина «потенциальных» противников режима смогла избежать тягот блокады, в то время как обычные ленинградцы, не пожелавшие эвакуироваться, в подавляющем своем большинстве остались в городе.

Что же можно было сделать в городе иначе, чтобы иметь бóльшие запасы в расчете на душу населения? Во-первых, нужно было эвакуировать максимально большое количество гражданского населения и тем самым сократить спрос на продовольствие; во-вторых, ограничить коммерческую торговлю и сократить вывоз продовольствия из города. К сожалению, опыт эвакуации детей в соответствии с мобилизационным планом в начале войны был печальным и породил нежелание горожан выезжать из Ленинграда, а сохранение практически без изменений коммерческой торговли привело к тому, что продовольствие из государственных фондов через магазины постепенно перешло в частные руки.

Тем временем запасы продолжали таять. Несмотря на забой скота, мяса по состоянию на 20 августа оставалось на 25,3 дня, муки — на 43,5 дня, крупы и чечевицы — на 51,1 день, жиров — на 47,4 дня³⁹. 21 августа управляющий Ленинградской областной торгово-сбытовой конторы Главного управления по сбыту мясной и молочной продукции А. П. Черняев информировал секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) П. Г. Лазутина и заместителя председателя Ленгорисполкома И. А. Андреевского о том, что «резкое сокращение остатков мяса и масла животного вызывает большую тревогу за дальнейшее бесперебойное снабжение Красной армии, флота и населения города Ленинграда. По состоянию на 20 августа остатки мяса и масла со всеми резервами и фондами составляют: мяса — 6500 тонн, масла — 2282 тонны». При этом план завоза мяса и масла были сорван: вместо 1700 т мяса за 20 дней августа было завезено всего лишь 23 т, а масла не завозилось вовсе⁴⁰.

Для «реального обеспечения форсированных отгрузок мяса и масла в Ленинград», основываясь на практике прошлого, Черняев просил санкционировать организацию специальных бригад ответственных работников Ленинградской конторы Главмясомолсбыта, которые бы участвовали в формировании и сопровождении до Ленинграда эшелонов с продовольствием. При этом для быстрого и организованного продвижения маршрутов предлагалось снабдить этих товарищей удостоверениями ленинградских директивных организаций и Интендантского управления фронта на имя военных комендантов для оказания практической помощи в пути следования и на железнодорожных узлах. Более того, предлагалось войти в правительство с ходатайством об отгрузках по сентябрьскому плану, так же как и в третьей декаде августа, военным транспортом⁴¹.

Андрееенко на предложения Черняева отреагировал в духе сложившихся отношений с центром: прежде чем что-то просить, необходимо представить данные об использовании местных сырьевых ресурсов. В резолюции, адресованной одному из своих подчиненных по Управлению торговли, Андрееенко написал: «Необходимо с т. Черняевым эти расчеты привести. С учетом их я буду решать вопрос о направлении людей»⁴².

После наступления блокады практика выбивания предназначенных для города фондов посредством направления в основные пункты отгрузок наделенных особыми полномочиями функционеров стала весьма распространенной. Количество разного рода работников, действовавших от имени уполномоченного ГКО, командования фронтом, председателя горисполкома или секретарей горкома партии, доходило от нескольких десятков до сотни, судя по выданным им именным мандатам⁴³. Об эффективности их работы никаких сведений в архивах не отложилось. Помимо нерасторопности местных органов власти, которым надлежало осуществлять своевременную отправку продовольствия в адрес Ленинграда, проблемы возникали при транспортировке по железной дороге, где приоритетными были военные перевозки. Только после того, как по настоянию А. И. Микояна было принято решение о направлении в Ленинград грузов совместно для нужд фронта и города с последующим распределением среди военных и гражданских, эту проблему удалось решить.

Со второй половины августа 1941 г. общая стратегия ответственных за заготовки и формирование продовольственных резервов в Ленинграде состояла в том, чтобы оказывать давление на правительство по разным направлениям. В связи с этим они готовили подробные регулярные (почти ежедневные) справки о наличии продовольствия в Ленинграде для секретарей горкома ВКП(б), прежде всего П. Г. Лазутина и заместителя председателя Ленгорисполкома И. А. Андрееенко, с тем чтобы они входили в правительство и профильные наркоматы, «так как поступление совершенно прекратилось как зерна, так и муки и крупы». При этом в разговорах с Москвой и телеграммах они настаивали на полном выполнении плана завоза, «потому что больше просить нам не нужно пока, а меньше нельзя»⁴⁴.

В ряде случаев наряду с нерасторопностью работников транспорта имели место факты и прямого саботажа указаний директивных органов о выделении продовольственных ресурсов Ленинграду. Например, мурманские организации отказались выполнять постановление СНК от 26 августа 1941 г. об отгрузке в Ленинград 1500 т рыбы и 1 тыс. т сельди. Заместитель наркома рыбной промышленности доложил 28 августа А. И. Микояну, что, по сообщениям Мурманской конторы Главрыбсбыта, «мурманские организации запрещают вывоз рыбы из Мурманска». Причина такого поведения состояла в том, что по состоянию на 19 августа в Мурманске имелось в наличии 3 тыс. т рыбы, 1700 т сельди и 548 туб консервов, т. е. местным органам власти предлагалось отдать более половины имевшихся у них ресурсов в условиях неопределенности

с пополнением собственных запасов⁴⁵. В любом случае, промедление даже в день-два в тот момент означало, что в Ленинград рыбу завезти по железной дороге уже не удастся.

Что же касается центральных органов управления, они не оставляли Ленинград без внимания: сперва по линии правительства и отдельных наркоматов, а со второй половины августа — и Государственного комитета обороны. Документы ГКО свидетельствуют о том, что Кремль неоднократно обращался к вопросу о положении вокруг Ленинграда, однако не представлял себе наиболее опасных вариантов развития ситуации даже на ближайшее время. Принятые в Москве решения, несмотря на все благие намерения готовивших их работников, впоследствии не реализовывались. График бесперебойного снабжения Ленинграда продовольствием, разработанный А. И. Микояном, оказался не выполненным. Нарком путей сообщения Л. М. Каганович, на которого вместе с А. И. Микояном была возложена задача срочной отгрузки и доставки продовольствия в Ленинград, вскоре докладывал Сталину, что «с 14 часов 29 августа движение поездов с Ленинградом прервано по всем линиям»⁴⁶. Принимая это во внимание, 30 августа 1941 г. ГКО принял подготовленное А. И. Микояном распоряжение № 604сс «О транспортировке грузов для Ленинграда», в котором перед рядом наркоматов были поставлены очень четкие задачи по доставке боеприпасов, горючего и продовольствия и впервые задача транспортировки грузов в Ленинград была возложена не только на наркомат путей сообщения, но и наркоматы военно-морского и речного флотов. Очевидно, что это можно и нужно было сделать ранее, создавая альтернативные логистические цепочки, тем более что не использовавшиеся ресурсы у наркомата речного флота имелись.

ГКО обязал, в частности, наркомат путей сообщения направлять ежедневно начиная с 31 августа на ст. Лодейное Поле по 8 маршрутов продовольствия и по 2 маршрута боеприпасов и вооружения и 1 маршрут горючего. При этом наркомат военно-морского флота и наркомат речного флота должны были выделить 75 озерных барж водоизмещением по 1 тыс. т и 25 буксиров, обеспечив курсирование непрерывно по 12 барж с грузом от пристани Лодейное Поле до Ленинграда. Для перевозки горючего из Лодейного Поля для Ленинграда наркомату ВМФ надлежало выделить один нефтеналивной танкер, наркомату речного флота — 8 наливных барж с буксирами. Флотским работникам вменялось в обязанность подготовить немедленно фронт разгрузки в районе ст. Ладожское озеро для направления в случае необходимости этих барж на разгрузку.

Кроме того, на НКПС возлагалась задача направлять ежедневно начиная с 31 августа на ст. Волховстрой по два маршрута продовольствия для перевалки в речные суда, а наркомату речного флота предстояло подавать ежедневно начиная с 1 сентября по 7 барж и организовать доставку в Ленинград перевалочных грузов двух маршрутов ежедневно.

Выполнение погрузочно-разгрузочных работ возлагалось на наркомат обороны, а организация перевозки по водным путям — на наркомат ВМФ. Обеспечение охраны железнодорожных и водных транспортов возлагалось на главкома К. Е. Ворошилова⁴⁷.

Однако работа комиссии ГКО в Ленинграде знаменательна еще и тем, что она побудила руководство государством впервые в ходе войны упорядочить распределение имевшихся в стране ресурсов. Ленинград явился в известном смысле поводом и причиной для наведения порядка в целом в деле учета, распределения и транспортировки ресурсов.

5 сентября 1941 г. ГКО стал считать понесенные за первые два с половиной месяца войны потери и разбираться с вопросами обеспечения действующей армии. Сама постановка вопроса и характер предположения о численном составе действующей армии (с точностью до 1 млн человек) весьма показательны, чтобы понять ситуацию, в которой оказалась власть по окончании летней кампании. Было очевидно, что потери огромны и положение с продовольствием также критическое. Это важно иметь в виду, и анализируя проблему помощи центра Ленинграду в условиях блокады.

Рассмотрев «вопрос наркомата обороны», ГКО своим решением № 633сс создал комиссию в составе А. И. Микояна, Б. М. Шапошникова, А. В. Хрулева, Е. А. Щаденко, А. Н. Косыгина, Л. З. Мехлиса и Г. М. Маленкова, которой в трехдневный срок надлежало представить проект постановления по следующим вопросам:

«1) о выявлении мертвых душ по линии численности армии и соответствующем сокращении последней приблизительно до 7–8 миллионов человек

2) о разбивке армии на 3–4 категории, с сокращением пайков для менее важных категорий»⁴⁸.

Комиссия закончила свою работу лишь 11 сентября, подготовив распоряжение ГКО № 660сс от 11 сентября 1941 г., в котором устанавливалась численность Красной армии на сентябрь и IV квартал 1941 г.:

«Установить отпуск продовольственных пайков Красной армии <...> на численность в количестве 7 400 000 человек.

1. Утвердить распределение пайков по фронтам и округам, исходя из следующей численности:

<...> Карельский фронт — 185 000

Ленинградский фронт — 452 000

Северо-Западный фронт — 252 000

Ленинградский военный округ — 45 000»⁴⁹.

12 сентября 1941 г. ГКО с целью упорядочения снабжения продовольствием и фуражом Красной армии постановил создать на фронтах и в армиях переходящие запасы продовольствия в следующих размерах: Карельский фронт — на 30 суток. Ленинградский фронт — 20 суток. Остальные фронты и отдельные армии — на 15 суток⁵⁰.

6 сентября 1941 г. председатель Ленгорисполкома П. С. Попков сообщил в ГКО, что запасов продовольствия в городе осталось очень мало, и просил ускорить его доставку. По данным ГКО, продовольственных ресурсов в городе имелось существенно больше. С тем чтобы разобраться в ситуации, а также с целью контроля над правильным расходом продовольственных ресурсов, предназначенных для снабжения населения Ленинграда и войсковых частей Ленинградского фронта, и своевременного информирования Государственного комитета обороны о фактах нарушения экономии в деле расходования, по настоянию А. И. Микояна, ГКО установил должность уполномоченного Государственного комитета обороны по снабжению населения г. Ленинграда и войск Ленинградского фронта. В соответствии с решением ГКО № 651с, уполномоченным по снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда продовольствием был назначен нарком торговли РСФСР Д. В. Павлов, а его помощником по снабжению войск продовольствием — Д. Ф. Кокушкин⁵¹. Статус Павлова позволял ему отдавать указания в сфере расходования продовольствия, обязательные как для военных, так и для гражданских органов.

Основными направлениями работы в городе стали наряду с завозом ресурсов из централизованных фондов поиск внутренних резервов и производство пищевых заменителей. На кондитерской фабрике им. Микояна и Ленмясокомбинате было организовано производство концентратов (каши, супы и др.), которых для армии выпустили 556,5 т. Ввиду отсутствия сырья для производства маргарина Жиркомбинатом освоено производство компаунд-жиров. Всего их было выпущено 4100 т⁵². Кроме предприятий треста хлебопечения, сушка сухарей для армии была организована на всех пивоваренных заводах и макаронной фабрике, которые произвели 8392 т продукции.

Для предотвращения заболеваний цингой на ряде предприятий города было организовано производство хвойного настоя с содержанием витамина С, которого удалось выработать 2700 тыс. человеко-доз. Кроме того, фасовочно-маринадный комбинат выпускал в пакетах хвойные иглы для приготовления витамина непосредственно самим населением. Всего этот комбинат выпустил 50 тыс. пакетов или 250 тыс. человеко-доз. Спрос на хвойный настой в городе и армии был исключительно велик и сдерживался только завозом сырья из-за плохой работы транспорта.

Для увеличения хлебных ресурсов после совещаний с научными работниками города по предложению проф. В. И. Шаркова было организовано производство пищевой целлюлозы из хлопка и целлюлозы. Всего было переработано 733 т сырья.⁵³

Промышленность стала выпускать хлеб с примесью до 30 % целлюлозы, она также применялась в кондитерской промышленности и общественном питании. В целом, по данным на 1 января 1942 г., различные дополнительные виды хлебопродуктов и заменители дали увеличение хлебных ресурсов на 39 551 т⁵⁴.

Вместе с различными заменителями крупы использование суррогатных хлебопродуктов дало возможность во время блокады 2 месяца обеспечивать снабжение города хлебом и крупой.

В качестве компонентов при выработке мясной продукции использовались соленые кишки, соевая мука, технический альбуминат, соевый шрот, желатин. Всего было переработано 1630 т заменителей и выпущено дополнительно 1520 т мясопродуктов⁵⁵.

В молочной промышленности было использовано 360 т сои и 100 т жмыха, что дало дополнительно 3163 т молочных продуктов, в том числе: соевых молочных продуктов (молоко, простокваша, кефир) — 1966,9 т, соевого шрота (для изготовления сырников, примеси к мясу и другим продуктам) — 732,2 т, котлет и котлетной массы из жмыха и шрота — 393,5 т, желе — 71,2 т⁵⁶.

Кроме того, предприятиями города было использовано при изготовлении сметаны 683,8 т соевого молока. До блокады соевое молоко и сырники в молочной промышленности нигде не вырабатывались. Новые кисломолочные продукты по своим диетическим свойствам не уступали аналогичным продуктам из коровьего молока.

В кондитерской промышленности благодаря изменению рецептур, снижению сахара до 30 %, введению новых наполнителей, кокосовой и жмыховой муки, целлюлозы, соевой муки, мелассы и сахара было выпущено дополнительно 3640 т шоколада, конфет и кондитерских изделий.

В макаронной промышленности в качестве компонента переработано 495 т жмыховой муки и выпущено дополнительно 489 т макарон⁵⁷.

Таким образом, применение пищевых заменителей дало возможность в общей сложности снабжать город основными видами продукции в течение 2 месяцев. Наконец, по указанию ГК ВКП(б) в порядке мобилизации внутренних ресурсов райкомы ВКП(б) провели работу по выявлению продовольственных ресурсов на всех предприятиях города, в результате было изъято: хлебопродуктов — 25411 т, масла растительного — 371,4 т, масла животного и жиров — 22 т, мясопродуктов — 20,3 т, скота живого — 115 голов, спирта — 19630 л, овощей — 22,8 т, молочных продуктов — 20,1 т, разных продовольственных товаров — 191,9 т.

Через системы мясокомбината, Мясотреста и Главресторана были организованы убойные пункты по скоту, получившему травмы в результате бомбежек и вражеского обстрела. Они располагались как внутри города, так и в непосредственной близости к линии фронта, в их числе было несколько передвижных. В результате было переработано 400 т конского мяса.

После обнаружения в одном из складов завода Степана Разина под полом зернопродуктов были вскрыты полы всех складов хлебных помещений и солодовен пивоваров. Таким образом было получено 389 т зернопродуктов⁵⁸.

Что же касается завоза в город продовольствия, то задания, установленные ГКО, в течение осени 1941 г. не выполнялись. До второй половины сентября на подступах к Ленинграду велись ожесточенные бои, сопровождавшиеся

массированными атаками противника на транспортные коммуникации. А. В. Хрулев информировал А. И. Микояна о недостатке озерных барж и буксиров, низком темпе разгрузки барж в Осиновце и вследствие этого недостаточной оборачиваемости барж⁵⁹. Наконец, осенние штормы очень затруднили действия, призванные надежно связать Ленинград с Большой землей. Водные перевозки начались только 12 сентября 1941 г., после проведения необходимых дноуглубительных работ, оборудования фарватеров и строительства причалов. Осенняя навигация 1941 г. была очень короткой и закончилась 15 ноября. Из-за штормов она нередко прерывалась. Например, с 23 по 27 октября ни одно судно не смогло выйти в рейс. В течение 28 дней (с 23 октября по 20 ноября) регулярного сообщения по Ладоге не было⁶⁰.

Всего же на западный берег Ладожского озера было доставлено около 60 тыс. т различных грузов, из них — 45 тыс. т продовольствия. Очевидно, что при ежедневном расходе от 1100 до 622 тыс. т муки в день в период до 20 ноября 1941 г. доставленных в Ленинград продуктов было явно недостаточно. Практически всё продовольствие сразу же расходовалось. Количество эвакуированных водным путем также было незначительным и составило всего 33,5 тыс. человек⁶¹.

Подвоз продовольствия авиацией, начавшийся в ноябре⁶² для нужд защитников и населения Ленинграда, в принципе не мог обеспечить не только создания запасов, но даже удовлетворить пятой части потребностей фронта и города. Тем не менее в условиях, когда Тихвин был захвачен противником, это был единственный более или менее надежный способ доставки продовольствия, причем высококалорийного. Однако эффективность «воздушного моста» была существенно ниже запланированных ГКО 200 т в сутки и за ноябрь–декабрь 1941 г. в среднем составляла всего около 70 т в день.

11 декабря 1941 г. уполномоченный Военного совета Ленинградского фронта по воздушным перевозкам А. П. Петров направил членам Военного совета фронта А. А. Жданову, А. А. Кузнецову и Н. В. Соловьеву докладную записку, в которой говорилось о серьезных организационных проблемах с обеспечением работы этого «воздушного моста» и о фактическом провале всей операции.

«Докладываю вам о том, что решение Государственного комитета обороны о переброске самолетами 200 тонн продовольствия ежедневно в Ленинград не выполняется.

Основными причинами срыва выполнения задания являются:

1. Существующая неразбериха и сумятица в подчиненности, параллелизм в руководстве как следствие большого количества начальников и уполномоченных (5 чел. от ГВФ, 4 чел. от ВВС, 4 чел. от нач. тыла, 2 уполномоченных Военного совета, 3 уполномоченных исполкома и др.).

2. На линии работают 28 дугласов вместо 50, 15 ТБ-3 вместо 36, несмотря на то что в распоряжении представителя ГВФ полковника Шарыкина имеется около 70 дугласов.

3. Самолеты не обеспечивают ежедневно двух рейсов (за редким исключением), потому что поздно выпускают в воздух самолеты утром с далеко расположенных точек базирования, с большим запозданием передаются сведения о погоде, задерживается сопровождение, полки которого подчинены ВВС.

4. Не выполняются ряд оперативных заданий Военного совета фронта (посылка самолета в Новинку, Москву, Вологду и др.)

5. Недостаточно организована работа по погрузке и выгрузке самолетов (задержка во времени, хищение) командами, подчиненными начальнику тыла.

6. На взлете и при посадке в Хвойной, Кушеверах, Подборовье разбито 4 машины. Об этом Военному совету не доложено. Кроме того, 9 декабря 1941 г. самолет пилота Холодняка в 20 км от Хвойной разбился, погиб экипаж, об этом также полковник Шарыкин В. С. не докладывает. Часть машин из 70 разослана неизвестно куда, часть машин бесконечно долго ремонтируется, а в итоге Ленинград недополучает продовольствие и снижено число действующих рейсов.

Для улучшения работ по авиатранспортным перевозкам и обеспечению привоза в Ленинград 200 т продовольствия ежедневно считаю необходимым:

1. Все приданные правительством Ленфронту самолеты (Дуглас, ТБ-3, истребители) объединить в один отряд, которому присвоить название «Авиатранспортный отряд Военного совета фронта».

2. Присвоить уставные и административные права Уполномоченному Военного совета по воздушным перевозкам и назначить его (или другого) начальником отряда транспортных самолетов Военного совета фронта с подчинением члену Военного совета по тылу.

3. Подчинить начальнику отряда личный состав кораблей, аэродромов, военных комендантов аэродромов, аппарат по выдаче посадочных талонов на самолеты.

4. Перевести самолеты Дуглас и ТБ-3 в район Тихвина, а истребительные полки — в Ленинград и Тихвин⁶³.

Установить рейсы Ленинград–Тихвин, отменив регулярные полеты в Подборовье, Хвойную, Кушеверы, Череповец.

Обязать начальника тыла по железнодорожным перевозкам обеспечить доставку продовольственных грузов на новые точки базирования транспортных самолетов.

5. Освободить от вмешательства в оперативную работу представителей ГВФ ВВС и различных уполномоченных.

6. Обязать начальника тыла учредить военную комендатуру на аэродромах Тихвина, обеспечить перевозку продуктов с накладными и обязательно с сопровождающим в каждом самолете.

7. Обязать начальника ГУ ГВФ вернуть Ленфронту разосланные в различных направлениях его аппаратом самолеты Дуглас.

8. Обязать авиаремонтные базы Ленинграда обеспечивать необходимый ремонт и профилактическое наблюдение за состоянием материальной части отряда».

К сожалению, эти предложения, направленные на создание единого компактного центра управления воздушными перевозками в Ленинград, не были реализованы. Имеющаяся в нашем распоряжении статистическая информация о перевозках самолетами за весь период «воздушного моста» позволяет установить количество самолетовылетов с 10 ноября по 10 декабря и с 11 декабря по 25 декабря, сравнив при этом два показателя: среднее количество самолетовылетов в день, а также средний объем доставки продовольствия в Ленинград.

С 10 ноября по 10 декабря включительно было совершено 1143 самолетовылета и доставлено 2269,7 т продовольствия, что означает совершение в среднем в день 38 самолетовылетов и ежедневную перевозку около 75,66 т продовольствия.

За следующие две недели (с 11 по 25 декабря включительно) было совершено 429 самолетовылетов, т. е. в среднем 30 в день и перевезено 869 т продовольствия или в среднем 62 т в день. Налицо существенное (почти на 20 %) сокращение поставок продовольствия по воздуху. Иными словами, в период, который описал уполномоченный Военного совета Ленфронта по воздушным перевозкам, в город самолетами в среднем завозилось более 75 т продовольствия, в то время как в следующие две недели в среднем 62 т, при том что из-за плохой погоды в течение двух дней полеты не производились. Что же касается загрузки самолетов, то и в первый, и во второй периоды средняя загрузка составляла около 2 т. Таким образом, ключевым вопросом было количество предоставленных Ленинграду самолетов и ускорение их оборачиваемости. Если первый параметр находился вне контроля Военного совета фронта (за исключением, пожалуй, содержания воздушного флота в исправном состоянии), то на второй (оперативность погрузочно-разгрузочных работ, координация с ВВС фронта) командование фронта могло и должно было влиять. В сравнении с организацией логистики по ледяной дороге это было куда проще, но, по-видимому, не было сделано.

С 10 по 30 ноября включительно самолетами, совершившими 832 вылета, было доставлено 1640,7 т продовольствия и вывезено из Ленинграда 9755 человек, а также переброшено в Новую Ладугу 1278 бойцов. Кроме того, из города в Москву вывезено 311 т грузов, включая 644 миномета. 23 и 29 ноября полеты не производились из-за плохой погоды. 14 ноября от попадания бомбы сгорел один «Дуглас», а 19 ноября в результате налета на Комендантский аэродром было уничтожено еще два самолета «Дуглас», погибло 7 членов экипажей и трое были ранены⁶⁴.

Каковы же итоги работы «воздушного моста» после пятого сокращения продовольственных норм 20 ноября 1941 г.? В фонде А. И. Микояна имеется соответствующая справка за период с 1 по 20 декабря, которая проливает свет в том числе и на количество вывезенных из города людей, а также багажа и боеприпасов. В частности, за 20 дней работы удалось вывезти 14883 человека, 51 т боеприпасов, 211 т багажа и 75 минометов, а завезти в город 1230 т продовольствия, 11 т почты, сделав при этом 595 самолетовылетов⁶⁵.

12 и 14 декабря полеты не осуществлялись из-за плохой погоды, по той же причине всего 2 самолетовылета было произведено 20 декабря. С 21 по 25 декабря было сделано 145 самолетовылетов, в город доставлено 268 т продовольствия, 56 т горючего и 1 т иного груза, вывезено 3010 человек, а также 111 т груза. Наконец, 26 и 27 декабря было доставлено еще 36 т продовольствия. Таким образом, с 10 ноября по 25 декабря в Ленинград удалось завезти 3138,7 т продовольствия, а вывезти в общей сложности 27 648 человек⁶⁶. Вероятно, за счет багажа можно было отправить из города авиацией немного больше людей, но вывозились прежде всего высококвалифицированные рабочие и специалисты, раненые и больные, крупные ученые, а также большая часть женского персонала ОК и ГК ВКП(б) с членами семей и ряд других привилегированных категорий, которые с пустыми руками в эвакуацию ехать не могли.

Одним из самых, вероятно, сложных решений в рассматриваемый период было постановление Военного совета об увеличении нормы ежедневной выдачи хлеба населению Ленинграда с 25 декабря 1941 г.: рабочим и инженерно-техническим работникам — по 350 г хлеба в день, а остальному населению — по 200 г. Дело в том, что к моменту его принятия не удалось создать необходимых запасов, а ежедневное потребление муки и крупы выросло до 820 т.

Аргументами в пользу этого решения наряду с желанием улучшить положение обессиливших горожан, было восстановление контроля над Тихвином и существенное сокращение транспортного плеча с Большой Земли до восточного берега Ладожского озера. Однако всего за несколько дней до судьбоносного решения оснований для оптимизма было очень мало. Так, по состоянию на 18:00 часов 21 декабря в Тихвин за всё время после его освобождения поступило 72 вагона муки и крупы. «Андрей Александрович и я очень сильно обеспокоены, — сообщал Микояну Павлов, — что такое плохое поступление может создать перебои». Он просил Микояна обязать наркоматы-поставщики и наркомат путей сообщения ежедневно доставлять на ст. Тихвин не менее 1500 т муки, 500 т крупы, 300 т мяса, 150 т жиров, 200 т сахара, что позволит «увеличить норму выдачи населению и заложить запас»⁶⁷.

Павлов просил ускорить восстановление разрушенных железнодорожных мостов между Волховом и Тихвином, с тем чтобы доставлять грузы до Войбокало, так как «тем самым будет облегчена, причем значительно, доставка продовольствия в Ленинград»⁶⁸.

Реальное положение вещей было не столь оптимистичным. В частности, в 23:25 22 декабря 1941 г. из Вологды по ВЧ сообщали о катастрофическом положении с продвижением продовольственных грузов для Ленинграда, особенно из Ярославля. По плану поставок на декабрь, из восьми эшелонов семь должна была дать Ярославская область, но с 19 декабря «ничего для Ленинграда не отгрузили». Секретарь Ярославского ОК ВКП(б) Егоров сообщил, что в Рыбинске двое суток стоял погруженный транспорт с мукой и крупой,

но железная дорога не отправляла этот транспорт. «Таким образом, погрузка и отправка муки из Ярославской области снова идет недопустимо плохо»⁶⁹.

Положение с поставками мяса было еще хуже: по состоянию на 22 декабря из Вологды в Подборовье было отправлено всего 433 т мяса, из Тамбова и Мичуринска вместо 63 вагонов было получено всего 10, а из Ярославля транспорт с мясом не был отгружен вовсе. Из запланированных из Горького двух эшелонов с маслом в количестве 75 вагонов до Вологды не получено ничего. «Имеются лишь сведения, что в подходе к Вологде находится 7 вагонов масла»⁷⁰. Только поставки сахара из Архангельска проходили по установленному графику. Из 73 вагонов по плану в Вологду прибыло уже 58.

Очевидно, до 22 декабря, когда состоялся разговор Павлова с Микояном, ленинградское руководство оставалось в неведении относительно того, сколько продовольствия Москва (Сталин) выделила Ленинграду до конца 1941 г. Вероятно, дальнейшие расчеты были связаны с информацией, полученной от Микояна. В частности, Микоян выразил удовлетворение тем, что Павлов регулярно предоставляет ему данные о положении с продовольственным снабжением Ленинграда. Микоян далее сообщил, что он распорядился «на основании указания товарища Сталина» до конца декабря 1941 г. отгрузить Ленинграду 50 тыс. т муки, 4250 т крупы, 2100 т овса, 1200 т сахара, 3 тыс. т мяса, 700 т коровьего масла и 800 т растительного масла⁷¹. Примечательно, что «План завоза продуктов питания для Ленинграда» был направлен Микояном Кагановичу для исполнения еще 18 декабря с подробной ведомостью отгрузки указанных в «Плане» товаров⁷². В общей сложности в Тихвин должны были прибыть 44 транспорта с мукой, 2 транспорта с крупой, 2 транспорта с овсом, 2 транспорта с сахаром, 7 транспортов с мясом, 1 транспорт с коровьим маслом, 3 транспорта с растительным маслом.

По сути, речь шла о том, что в город в расчете на 1 день завозилось бы по 820 т муки и ряд других продуктов, которых население давно уже не получало. Однако это продовольствие надо было еще завезти и доставить до потребителя. На его пути могли встать плохая организация в работе транспорта, воровство на базах и в торговой сети. Эти вопросы заслуживают специального внимания и мы на них останавливаться не будем.

Однако ссылки на решение Сталина о выделении дополнительных фондов Ленинграду, достаточных для увеличения норм выдачи хлеба, а также деятельной помощи Микояна, который, казалось, держал руку на пульсе в деле организации перевозок и снабжения Ленинграда, сообщавшего Павлову, что «всеми наркоматами и НКПС даны соответствующие указания на места», было достаточно, чтобы пойти на весьма рискованный шаг. Микоян предупреждал Павлова о том, что в ближайшие дни будут трудности с продвижением поездов от Ярославля и Рыбинска из-за перегруженности железной дороги оперативными перевозками, но, заверял заместителя председателя Совнаркома, «я договорюсь с Кагановичем, чтобы ускорить продвижение до Тихвина находящихся

в пути маршрутов и форсировать отгрузки из Ярославля и Рыбинска. Генерал Ермолин, — продолжал Микоян, — специально занят обеспечением доставки, сам слежу за выполнением, буду Вам ежедневно сообщать о ходе, пока не образуются большие запасы питания. Вы нажимайте на увеличение перевозок по ледяной дороге»⁷³.

Однако вскоре после того, как наладились перевозки по фронтовой военно-автомобильной дороге по льду Ладожского озера и Военный совет фронта принял постановление о повышении норм выдачи хлеба, в Смольный пришла крайне неприятная новость — поступило распоряжение наркома гражданского флота В. С. Молокова о том, что с 27 декабря все «Дугласы» перебрасываются на Москву, хотя специального решения ГКО об этом принято не было. Попытка давления, к которому прибег А. А. Кузнецов (мол, самолеты нужны не только для Ленинграда и его снабжения, но и для отправки в Москву вооружений), вряд ли могла сработать, так как к этому времени немцев уже отогнали от Москвы и острой потребности в помощи пушками и минометами не было. Примечательно, что среди аргументов в пользу сохранения «воздушного моста» ленинградские руководители совсем не упоминали гуманитарный аспект, связанный со спасением гражданского населения, в частности детей, хотя в городе резко возросла смертность.

Желая сохранить «воздушный мост», члены Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецов и Н. В. Соловьев обратились к Г. М. Маленкову, который в течение октября–декабря был, пожалуй, основной фигурой в прямых переговорах с Ленинградом:

«1. Сегодня нам передано распоряжение тов. Молокова о том, что с 27 декабря все самолеты “Дуглас” от нас снимаются и перебрасываются в Москву. Решения ГКО по этому вопросу мы не имеем.

2. Снятие “Дугласов” без предупреждения вносит дезорганизацию в снабжение Ленинграда концентратами (масло, сыр), так как последние сосредоточены на аэродромах Подборовье, Хвойная, Кушевера. Этих продуктов в Тихвине нет.

3. Снятие “Дугласов” влечет за собой прекращение отгрузки пушек, минометов, средств связи, авиаприборов, цветного проката, идущего на нужды авиации и танковой промышленности, радиоламп для миноискателей и другого ценного имущества, не говоря уже о том, что мы лишаемся возможности перебросить из Ленинграда целый ряд специалистов.

4. Из переговоров с т. Молоковым по проводу последний заявил, что снятие “Дугласов” он производит по указанию т. Молотова.

5. Просим оставить “Дугласы” на Ленинградском фронте, тем более что ТБ-3 от нас также сняли. Всё»⁷⁴.

Можно только догадываться, какую роль «воздушному мосту» отводил Военный совет, принимая накануне решение о повышении нормы выдачи хлеба. По крайней мере Д. В. Павлов в обосновании принятого решения с ним никаких надежд не связывал. Он отмечал, что «столь ответственный акт, как

повышение расходования хлеба в условиях, когда приходилось полагаться только на текущую доставку, не имея никаких запасов на случай возможных срывов в завозе <...>, казалось, походил на прыжок с закрытыми глазами через неизвестное пространство. Нет худшей ошибки для авторитетного органа, как объявить народу опрометчивое решение, вселяющее надежды и вызывающее радость, а на деле оказаться не в состоянии его выполнить. Но этого не случилось. Расчет был верным и полностью оправдался. Тихвин твердо находился в руках советских войск... Всё зависело от организации перевозок, от инициативы и предприимчивости работников ледовой трассы. Но это уже были преодолимые трудности. Изголодавшееся население нуждалось в немедленной поддержке, физической и моральной... И если появлялась малейшая возможность, пусть даже шаткая, к улучшению питания осажденных, ею нужно немедленно воспользоваться»⁷⁵.

Безусловно, ленинградцы крайне нуждались в дополнительных ресурсах, их жизнь буквально висела на волоске. От организации перевозок зависело очень многое, но исключительное значение имело и то, какие объемы продовольствия выделит Ленинграду Москва и сможет ли она организовать его бесперебойную доставку на восточный берег Ладожского озера. Записи переговоров Д. В. Павлова с А. И. Микояном показывают, что четкого и однозначного понимания того, на что можно рассчитывать, в Ленинграде не было. 26 декабря 1941 г. Д. Павлов сообщил А. И. Микояну:

«25 декабря ввели новые нормы хлеба: рабочим 350 г, служащим, иждивенцам и детям — по 200 грамм. В городе большой подъем, многие от радости плакали. Теперь расход муки увеличился до 820 тонн в сутки, из них 260 тонн идут в счет круп.

Подвоз по ледяной дороге значительно улучшился. За последние дни возят 750–800 тонн в сутки, причем эта цифра будет увеличиваться. Запасов в Ладоге осталось 2 тыс. тонн или на 2 дня перевозок. В Тихвине запасов на 18 часов 25 декабря муки и крупы — 2080 тонн, мяса — 128 тонн... *Запасы очень ограниченные, очевидно, продвижение маршрутов идет очень медленно. Кроме того, что имеются небольшие остатки в Ладоге и Тихвине, еще угроза срыва перевозок появилась из-за отсутствия горючего* (выделено мной. — Н. Л.). В городе наличие автобензина всего 250 тонн или по голодной норме на полторы суток работы. В подходе от Вологды до Тихвина около 600 тонн. Генерал Миловский сообщил Военному совету фронта, что для Ленинграда стоят маршруты с горючим на станции Заборье под № 70/2416 и 70/2419. При проверке со стороны работников тыла фронта их не оказалось. Очевидно, их перехватили другие армии. Прошу Вас помочь и в этом вопросе — обязать НКПС экстренно прогнать маршруты с горючим в Ленинград наравне с оперативными перевозками, не допустив, чтобы в пути их кто-то перехватил. Еще прошу Вашего разъяснения: тов. Субботин (Наркомзаг) сегодня прислал телеграмму “Заготзерно” такого содержания, что рыночный фонд для Ленинграда на январь месяц утвержден в 18 тыс. тонн, круп — 1500 тонн, что

составляет в среднем 650 т муки и крупы в сутки. Телеграмма вызвала недоумение. Сейчас Ленинград вместе с воинскими частями при голодной норме расходует муки и крупы 820 тонн в сутки, а на январь при условии хорошего завоза нужно будет обязательно увеличить норму воинским частям и гражданскому населению. Расход в сутки составит 1300 тонн как минимум. Как надо понимать телеграмму Субботина? Прошу Ваших указаний, нужно ли моего помощника тов. Кокушкина оставлять в Подборовье или перебросить в Тихвин. Я считаю целесообразней перебросить его в Тихвин. Всё»⁷⁶.

Из этого письма следует, что решение о повышении норм с 25 декабря не было согласовано с наркоматом заготовок и ежедневный дефицит по поставкам муки и крупы на январь составлял 170 тонн. К тому же в городе оставалось бензина всего на 1,5 дня работы, что ставило под вопрос осуществление перевозок через Ладогу.

В своем ответе А. И. Микоян попытался успокоить Павлова, однако предложил особо рассмотреть вопрос о размере поставок в январе:

«Здравствуйте, т. Павлов. Можете не тревожиться насчет подачи продовольствия в Тихвин. НКПС уже ускорил движение вовсю. Вчера за 24 декабря отгружено 427 вагонов муки и крупы, из них 174 вагона по Ярославской дороге. Вместе с ранее отгруженными на 24 число в пути до Ленинграда [находятся] 1024 вагона продовольствия, из них 507 вагонов уже находятся на Северной, Октябрьской и Ярославской дорогах.

Сегодня должны грузить пять маршрутов. Все по Ярославской дороге, не считая погрузок с более отдаленных районов. Сегодня 25 [декабря] утром один маршрут с автобензином — 52 цистерны под наблюдением НКПС отправлен из Ярославля. Кроме того, дано приказание 54 армии в случае нужды взаимнообразно отпустить сто тонн бензина. С завтрашнего дня пойдут другие маршруты с бензином. *Вопрос о плане расхода крупы и муки в январе рассмотрим особо* (выделено мной. — Н. Л.). Проверьте расчеты и дайте свои предложения. Сообщенные Вам цифры о завозе муки остаются в силе. Пока надо исходить из только что повышенных норм Военным советом. Тов. Кокушкина направьте в Тихвин. Он должен каждый день доносить мне данные о прибытии и наличии продовольствия в Тихвине.

Нажимайте на перевозку по ледяной дороге. Это главное. От нас задержки не будет. Содержание моей информации передайте Жданову. Всё»⁷⁷.

Павлов: «Вашу информацию обязательно сообщу тов. Жданову. Анастас Иванович, в прошлой Вашей информации было указано завоз крупы до конца декабря месяца 42 500 т. Это не опечатка?»

Микоян: «Надо читать: четыре тысячи двести пятьдесят».

Павлов: «Это мало. Прошу, если есть возможность, завоз круп увеличить до десяти тысяч тонн. Нужна ли какая-либо еще информация?»

Микоян: «Согласен, что мало. Мы исходили из того, что дорога больше не может перевозить. Теперь прибавим, [а] сколько, сообщу отдельно»⁷⁸.

Таким образом, объем поставок в Ленинград рассчитывался не из потребности города, а из того, сколько грузов можно перевезти через Ладожское озеро. В этом был суровый прагматизм (зачем выделять дефицитные ресурсы, которыми не смогут воспользоваться).

Павлов ответил, что «те цифры, что Вы назвали, обеспечат нашу потребность». Что же касалось работы ледяной дороги, то уполномоченный ГКО заверил Микояна в том, что Военный совет принимает самые решительные меры и улучшение доставки продовольствия произойдет в ближайшие два-три дня, что «т. Жданов лично занимается этим вопросом»⁷⁹.

К исходу декабря 1941 г. в городе практически не осталось никаких собственных резервов. Из-за плохой работы транспорта и отсутствия электроэнергии обеспечить обещанные населению повышенные нормы выдачи хлеба не удалось. В спецсообщении Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области от 28/29 января 1942 г. говорилось, что в первой половине января, кроме муки, никакие продукты питания в Ленинград не поступали. Завоз в город продовольствия начался с 16 января в размерах, не обеспечивающих полного отоваривания продовольственных карточек населения. Произведенное с 24 января увеличение нормы выдачи (400 г рабочим, 300 г служащим, 250 г иждивенцам и детям) при ограниченной выдаче других нормированных продуктов не улучшило положение населения. Вследствие этого с начала января 1942 г. катастрофически росла смертность: если в декабре 1941 г. в городе, по данным Управления НКВД, умерло 52 612 человек, то за 25 дней января умерло 77 279 человек⁸⁰. К середине месяца в городе вовсе не осталось продовольствия. 20 января, Жданов информировал Микояна о полном исчерпании запасов сырья для пищевой промышленности⁸¹. В вопросах обеспечения продовольствием с этого времени городу оставалось полагаться исключительно на помощь извне.

¹ Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Hamburg, 2002. S. 310.

² Например, 19 сентября 1941 г. Управляющий Ленинградской конторой Главрыбсбыта сообщил, что 11 сентября в результате налета на Ленинград пострадал рыбокоптильный завод. Он вышел из строя и работу прекратил. Таким образом, город утратил возможности переработки рыбной продукции и ее длительного хранения (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 377. Л. 22). Во избежание дальнейших потерь от бомбежек горком ВКП(б) принял решение рассредоточить сырье и продукты из южных районов города, где они преимущественно находились. Было рассредоточено по разным пунктам города 23 тыс. т различных продуктов и сырья (Центральный государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 15. Д. 142. Л. 23).

- ³ Только с 1 по 16 октября 1941 г. на Ладожском озере противник затопил 4 баржи, на которых находилось 1300 т муки и крупы (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 6. Л. 91).
- ⁴ Регистрация беженцев производилась и после начала блокады. За октябрь 1941 г. в городе было прописано 82 795 человек, которые были эвакуированы в Ленинград из пригородных районов и городов Ленинградской области, а также из прибалтийских республик. При этом за тот же период из города выбыло 116 017 человек (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 9. Л. 2).
- ⁵ Предложения об установлении норм по продовольствию в Ленинграде в условиях блокады вносились в директивные органы Уполномоченным ГКО по вопросам снабжения Д. В. Павловым, рассматривались в СНК, согласовывались со Сталиным и затем оформлялись постановлением Военного совета. Например, в ответ на предложение Павлова об очередном, четвертом сокращении норм выдачи хлеба для населения Ленинграда заместитель председателя СНК СССР А. И. Микоян направил члену Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданову и уполномоченному ГКО Д. В. Павлову шифровку «Представленные 7 ноября тов. Павловым предложения об установлении новых норм по продовольствию считаем приемлемыми. С тов. Сталиным согласовано. Можете вводить эти нормы в действие. Привет» (ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 120. Д. 798. Л. 28).
- ⁶ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — Архив УФСБ ЛО). Ф. 21/12. Оп. 2. П. н. 19. Д. 12. Л. 166, 231, 249.
- ⁷ С легкой руки А. И. Микояна в литературе распространено мнение о том, что Жданов отказался от возможности завезти в Ленинград значительные продовольственные ресурсы, которые направлялись в соответствии с мобилизационным планом в западные районы страны. См.: *Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 460–461. Подтверждений этой версии в архивах Москвы и Санкт-Петербурга нам обнаружить не удалось. См.: *Ломагин Н. А.* Захватывающая эпопея Г. Л. Соболева // *Российская история.* 2019. № 3. С. 159–161. Более того, по данным Ленинградского горкома ВКП(б), к 1 июля 1941 г. из торгового порта было переброшено в город 58 тыс. т зерна. Часть этого зерна прибыла из портов Латвии и Эстонии, а другая часть до войны предназначалась на экспорт (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 142. Л. 15).
- ⁸ В 1943 г. заместитель председателя Госплана А. Н. Лаврищев дал указание уничтожить секретные материалы с начала организации аппарата уполномоченного по 1943 г. включительно: «В целях разгрузки секретного делопроизводства <...> уничтожение материалов произведите в соответствии с разделом 8-м Инструкции по ведению секретного делопроизводства. Об уничтожении сообщите Госплану СССР» (Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 43. Д. 40. Л. 144).
- ⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 18. Л. 9–10, 13–14.
- ¹⁰ Командир Ленинградской военно-морской базы Ю. А. Пантелеев отмечал, что до войны на КБФ были такие хозяйства, как авиация флота и Кронштадтская крепость, которые «имели годами накапливавшиеся запасы». Вследствие этого флот выделил в декабре 1941 г. для нужд населения Ленинграда 1545 т муки, 100 т жиров, 105 т сахара, 3242 т прочих продуктов, а также 3 тыс. л водки (*Пантелеев Ю. А.* О некоторых вопросах участия флота в обороне Ленинграда (1941–1942 гг.) // *Ленинград и обеспечение боевой деятельности флота. 1941–1945 гг.* Кн. 3. М.: Наука, 1992. С. 44).
- ¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 360. Л. 18, 23 об.
- ¹² Там же. Л. 19.
- ¹³ В плане работы уполномоченного Госплана по Ленинграду и области на 1941 г. содержался перечень мероприятий по более широкому использованию местных ресурсов, прежде всего торфа, по переводу промышленности и транспорта на местное топливо, соблюдению экономии жидкого и твердого топлива, а также внедрению газогенераторного топлива. Аппарату уполномоченного надлежало провести проверку на 10 ленинградских предприятиях внедрения заменителей остродефицитных материалов и использования работ научно-исследовательских институтов и предложений рабочих. Особое значение придавалось проверке выполнения плана перевозок Октябрьской и Ленинградской

железными дорогами и разработке мероприятий по переключению грузов с железных дорог на воду, а также подготовке и проведению навигации Северо-Западным речным пароходством и Ленинградским морским портом. В плане содержался пункт о проверке выполнения плана строительства теплиц и закладки парников на тепловых отходах промышленных предприятий Ленинграда, а также о разработке мероприятий по расширению пригородного молочного и свинооткормочного хозяйства вокруг Ленинграда (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 18. Л. 25–26).

- ¹⁴ Там же. Д. 576. Л. 157–158. Эту работу в Ленинграде в указанный период провести не удалось, а с наступлением голода проблема борьбы с крысами только усугубилась из-за отсутствия кошек. В конце октября 1942 г. в связи с этим в городе был разработан комплекс мер, который включал в том числе и задачу «заготовить 1000 кошек для объектов пищевой и продовольственной сети» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 39. Л. 36 об.).

- ¹⁵ 11 января 1943 г. Управление НКВД ЛО проинформировало секретаря ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустина о том, что в соответствии с решением ВС Ленинградского от 18 октября 1942 г. Управление продторгами и «Ленглавресторан» должны были принять на хранение неприкосновенный запас продовольствия, рассредоточив его в помещениях торговой сети и общественного питания. Около 17,5 тыс. т продовольствия были сосредоточены в 670 помещениях, из которых Управление НКВД с участием представителей Санитарного надзора обследовало состояние хранения НЗ продовольствия в 65 помещениях. «Обследованием было установлено, что в 39 помещениях ввиду непригодности кладовых, несоблюдения требований санитарного надзора и непринятия своевременных профилактических мер хранимый неприкосновенный запас продовольствия был подвергнут порче и поврежден грызунами. В ряде кладовых некоторые продовольственные товары из-за плохого хранения приведены в негодное состояние». Таким образом, более половины НЗ хранилось в неподобающих условиях (Архив УФСБ ЛО. Ф. 21/12. Оп. 2. П. н. 44. Д. 3. Л. 349 – 349 об.).

- ¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 142. Л. 15.

- ¹⁷ 1941 год: В 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова; вступ. ст. А. Н. Яковлева. М.: Демократия, 1998. С. 448.

- ¹⁸ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / Отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. 1. Июнь 1941 г. — март 1942 г. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2019. С. 21.

- ¹⁹ Речь идет о шлюзе в Вытегорском районе Вологодской области, являвшемся частью водного пути на Северо-Западе России, соединяющем бассейн Волги с Балтийским морем.

- ²⁰ ГА РФ. Ф. Р6822. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

- ²¹ ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 98с. Д. 341. Л. 19.

- ²² Там же. Л.12.

- ²³ Блокада в решениях... С. 33.

- ²⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 20. Л. 146.

- ²⁵ Там же. Оп. 43. Д. 99. Л. 64.

- ²⁶ Там же. Оп. 42. Д. 21. Л. 23.

- ²⁷ Там же. Оп. 43. Д. 40. Л. 6. В декабре 1941 г. секретарь горкома ВКП(б) Я. Ф. Капустин сигнализировал А. А. Жданову о крайне тяжелом финансовом положении предприятий и возможных проблемах со своевременной выдачей заработной платы. Кроме того, он отметил невнимание главков и наркоматов к работе предприятий в Ленинграде, а также внес предложения о выдаче заработной платы тем рабочим, предприятия которых были поставлены на консервацию, из расчета среднего заработка, а также о предоставлении кредитов предприятиям, у которых имелась нехватка оборотных средств с последующим получением гарантий главков и наркоматов о погашении полученных предприятиями ссуд (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5725. Л. 49–51).

- ²⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 26. Л. 10, 11.

- ²⁹ Война резко изменила положение в области денежного обращения. В городах значительно выросли расходы в связи с расчетами с мобилизованными, ростом фонда заработной платы военнослужащим и работникам оборонной промышленности, выплатой пособий семьям призванных и другими чрезвычайными расходами. Дополнительные налоги и взносы в фонд обороны лишь частично компенсировали эти расходы. В целом, по итогам 1941 г. эмиссия по всей экономике СССР составила 16,3 млрд р., а денежная масса увеличилась до 34,7 млрд, т. е. выросла почти вдвое (ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 98. Д. 410. Л. 35–36).
- ³⁰ Там же. Оп. 98с. Д. 360. Л. 41.
- ³¹ Наркомат финансов СССР 22 июня 1941 г. установил новые правила, согласно которым временно прекращалась выдача ссуд под залог облигаций государственных займов и покупка у населения облигаций займа 1938 г., а также вводилось ограничение выплат вкладов по одной сберегательной книжке в размере не свыше 200 рублей в месяц. 1 июля 1941 г. Наркомфин подробно проинформировал о применении новых норм в специальной инструкции «О порядке выдачи вкладов из сберегательных касс» (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 26. Д. 24. Л. 92).
- ³² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 24. Д. 30. Л. 62.
- ³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5126. Л. 81.
- ³⁴ Там же. Л. 82.
- ³⁵ Там же. Л. 81–83.
- ³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 6. Л. 16–17.
- ³⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 209.
- ³⁸ Там же. С. 211–213.
- ³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 6. Л. 23. Обеспеченность маслом составляла всего 31 день.
- ⁴⁰ Там же. Л. 32–33.
- ⁴¹ Там же. Л. 32 об.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См., например: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5738, 5758 и др.
- ⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 6. Л. 25.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 377. Л. 16, 18.
- ⁴⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 214.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 8. Л. 75.
- ⁴⁸ Там же. Л. 167.
- ⁴⁹ Там же. Д. 9. Л. 50. В октябре численность войск Карельского фронта сократилась до 130 тыс. человек, а Ленфронта, напротив, увеличилась, достигнув 497 тыс. человек. Численность Северо-Западного фронта осталась почти без изменений — 245 тыс. человек (РГАСПИ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 12. Л. 160).
- ⁵⁰ Там же. Д. 9. Л. 81–82; Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 220.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 9. Л. 16. После того как Павлов отбыл из Ленинграда, информацию о перевозках продовольствия в ГКО передавал Лазутин. Кроме того, о продовольственном снабжении Ленинграда см.: Микоян А. И. Так было. С. 434.
- ⁵² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 142. Л. 16.
- ⁵³ Там же. Л. 17.
- ⁵⁴ Удельный вес заменителей в продукции был исключительно большим. Так, в состав студня входили: кишечное сырье — 92 %, субпродукты — 5 %, желатин — 3 %. Растительно-кровяные хлебцы на 47 % состояли из шротовой массы, а также альбумина (19 %), кровяной массы (15 %), картофельной муки и других заменителей (19 %). Столовая колбаса более чем наполовину состояла из кишечного сырья (60 %), мяса (35 %), картофельной муки и желатина (5 %) (Там же. Л. 18).
- ⁵⁵ Там же. Л. 19.
- ⁵⁶ Там же. Л. 20.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. Л. 21–22.

- ⁵⁹ В течение сентября–октября 1941 г. А. В. Хрулев направил 9 сводок А. И. Микояну о за-
возе ресурсов в Ленинград (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 98с. Д. 360. Л. 58–80).
- ⁶⁰ Микоян А. И. Так было. С. 431.
- ⁶¹ Ковальчук В. М. Коммуникации блокированного Ленинграда // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / Под ред. В. М. Ковальчука, Н. А. Ломагина, В. А. Шишкина. СПб., 1995. С. 84.
- ⁶² Авиация использовалась для поставки продовольствия в Ленинград и ранее. Еще 13 сентя-
бря 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «Об организации
транспортной воздушной связи между Москвой и Ленинградом». Наряду с Особой северной
авиагруппой (ОСАГ) для воздушных перевозок привлекались Особый Балтийский авиа-
отряд, в октябре вошедший в ОСАГ, а также Московская авиагруппа особого назначения,
выделившая для этого 6 транспортных авиаэскадрилий, 3 из которых летали непосредствен-
но из Москвы. Для прикрытия транспортной авиации были выделены три истребительных
авиаполка. См.: Ковальчук В. М. Магистраль мужества. Коммуникации блокированного Ле-
нинграда. 1941–1943 гг. СПб., 2001. С. 57–58. Например, по данным заместителя Уполномо-
ченного ГКО Д. В. Павлова интенданта 1-го ранга Кокушкина, на Смольнинский аэродром
за период с 25 по 30 октября 1941 г. было доставлено: муки — 73 885 кг, сыра — 36 378,1 кг,
масла — 11 028,9 кг, мяса — 25 633 кг (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 8. Л. 1).
- ⁶³ Ко времени написания записки Тихвин был отбит у противника частями Красной армии.
- ⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 798. Л. 20.
- ⁶⁵ Там же. Л. 19.
- ⁶⁶ Там же. Л. 19–22. В литературе встречаются разные цифры перевезенных самолетами гру-
зов и людей, однако, по мнению В. М. Ковальчука, авиация могла играть лишь вспомога-
тельную роль в снабжении Ленинграда (Ковальчук В. М. Магистраль мужества. С. 59).
- ⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 798. Л. 9.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. Л. 11.
- ⁷⁰ Там же. Л. 12.
- ⁷¹ Там же. Л. 10.
- ⁷² Там же. Л. 14–15.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. Л. 8.
- ⁷⁵ Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. М., 1969. С. 225–226.
- ⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 798. Л. 5–6.
- ⁷⁷ Там же. Л. 5–6.
- ⁷⁸ Там же. Л. 7.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Архив УФСБ ЛО. Ф. 21/12. Оп. 2. П. н. 19. Д. 12. Л. 137–150.
- ⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 798. Л. 2.

А. И. Рупасов

Ленинградский городской государственный арбитраж в годы блокады*

Система органов, в функции которых входило разрешение хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями, стала складываться в Советской России после принятия 21 сентября 1922 г. ЦИК и СНК РСФСР Положения о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и организациями. Этим документом учреждались Высшая арбитражная комиссия при Совете труда и обороны (СТО) РСФСР и арбитражные комиссии при областных экономических советах¹. Позже были созданы арбитражная комиссия в РСФСР и арбитражная комиссия при СТО СССР. В марте 1931 г. государственные арбитражные комиссии были ликвидированы, поскольку считалось, что рассмотрение хозяйственных споров может осуществляться в суде. От последней идеи, впрочем, отказались, и 3 мая того же года постановлением ЦИК и СНК СССР было утверждено Положение о государственном арбитраже, действовавшее до августа 1960 г. Данным Положением учреждались органы государственного арбитража при СНК СССР и СНК союзных республик, краевых и областных органах исполнительной власти. Городской государственный арбитраж при Ленгорисполкоме с целью разрешения преддоговорных и имущественных споров между государственными, кооперативными и иными общественными организациями, предприятиями и учреждениями был образован в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1936 г.

В 1934 г. Госарбитраж при СНК СССР утвердил Правила рассмотрения и разрешения имущественных споров органами Госарбитража, главное достоинство которых заключалось в том, что они содержали процессуальные нормы, определяющие порядок возбуждения дела и подготовки исковых материалов к слушанию и разрешению спора по существу. Начавшаяся в июне 1941 г.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Исследование взаимодействия структур власти и управления и механизмов принятия управленческих решений в Ленинграде в период блокады и обороны города. 1941–1944». Грант РФФИ № 190900369.

война с неизбежностью лишала органы государственного арбитража возможности нормально функционировать.

Осенью 1941 г. деятельность Государственного арбитража при исполкоме Ленгорсовета фактически замерла. Масштаб эвакуации разного рода промышленных предприятий, хозяйственных организаций, государственных учреждений, едва ли не хаотическая ситуация в сфере финансов в значительной степени обесмысливали как выполнение договорных обязательств, так и заключение новых договоров при посредстве органов арбитража. Если в первой половине 1941 г. в городской арбитраж поступило 3979 дел, то в третьем квартале — 920, в четвертом квартале их количество сократилось до 642, а в первом квартале 1942 г. таких дел оказалось всего 171². В начале войны фактически руководивший работой Ленинградского госарбитража заместитель главного арбитра Н. И. Магид³ явно в связи с полной остановкой процесса рассмотрения арбитражных дел был откомандирован исполкомом Ленгорсовета на выполнение совершенно иных задач. На него были возложены обязанности уполномоченного по эвакуации на Московском вокзале, а несколько позже — заведование аппаратом Городской эвакуационной комиссии, организация эвакуации на самолетах. Только в начале весны 1942 г. он смог вернуться к исполнению своих основных обязанностей.

Сколько в реальности из поступивших в городской арбитраж дел было рассмотрено в течение осени 1941 — весны 1942 г., неизвестно, в представленном в Ленгорисполком отчете сведений об этом не приводилось. По признанию Н. И. Магида, «в виде исключения сохранились на работе активно действующие юрисконсульты», однако это его утверждение в некоторой степени противоречит другому: «Стороны перестали являться на заседания Госарбитража по разным причинам: неполучение повесток и определений, болезнь или отсутствие работников, могущих выступить в арбитраже, воздушные тревоги»⁴. Более того, руководимая им структура утратила связь с вышестоящими органами Государственного арбитража. Только в конце весны 1942 г. в Ленинграде смогли узнать, где находится Государственный арбитраж при СНК РСФСР. В силу этого Ленинградский городской арбитраж на протяжении 9 военных месяцев не получал «законодательных материалов, а равно разъяснений и директив от своих вышестоящих органов»⁵. К лету 1942 г. на работе в городском арбитраже оставалось всего четыре человека: Магид, государственный арбитр Ансберг, завхоз Болдырева и бухгалтер Дружинина. Кадровые изменения в городском арбитраже произошли только в 1943 г., что было обусловлено, судя по всему, не столько увеличением объема работ, сколько иными объективными обстоятельствами. В апреле того года пришлось освободить от занимаемой должности тяжело заболевшего и фактически неработоспособного государственного арбитра Ансберга, а заменившая его государственный арбитр Зимина смогла проработать всего несколько месяцев. Новыми государственными арбитрами были назначены Елена Андреевна Кислякова (в апреле) и Валентина Георги-

евна Кушнарева (в ноябре)⁶. Именно двум последним, а также Магиду и приходилось рассматривать постепенно возрастающее количество поступавших в арбитраж дел.

Обеспокоенностью органов исполнительной власти Ленинграда дисциплины выполнения государственных заданий было продиктовано принятие 1 марта 1942 г. исполкомом Ленгорсовета решения о заключении городскими организациями договоров на 1942 г. Дело в том, что госарбитражу всё чаще приходилось сталкиваться со стремлением хозяйственных органов снять с себя ответственность за нарушение ранее принятых договорных обязательств путем общей ссылки на «условия войны». В целях восстановления забытой в период особых условий октября–января договорной дисциплины фактически руководивший Ленинградским госарбитражем Н. И. Магид, подготовивший проект этого решения, предусмотрел в отличие от прошлых лет следующие директивы, которые и были одобрены исполкомом: 1) обязанность всех без исключения предприятий и организаций впредь свои хозяйственные отношения с другими организациями оформлять в соответствии с законом договорами, 2) обязанность арбитража осуществлять контроль над своевременным заключением и *выполнением* договоров⁷. Фактически на городской арбитраж после этого решения исполкома был возложен контроль в следующих сферах: 1) строительство газозубежищ (необходимо было обеспечить заключение договоров между заказчиками и подрядчиками); 2) изготовление товаров широкого потребления (этой сфере исполнительная власть стала уделять исключительное внимание, при этом на госарбитраж возлагалась функция «сигнализации», т. е. передачи получаемой негативной информации в органы НКВД и прокуратуры⁸); 3) развитие индивидуального огородничества (конкретно речь шла о заключении договоров на поставку семян конторой «Сортсемовощ» и мелкого сельскохозяйственного инвентаря Отделом местной промышленности); 4) ремонт кровель домов и 5) заготовка метел для городского хозяйства. Как видно из перечисленного, фактически все промышленные предприятия и предприятия инфраструктуры в этот период времени выпадали из сферы забот городского арбитража. Впрочем, с учетом мизерного количества сотрудников, а также того, что Госарбитражу приходилось «вести работу по восстановлению арбитражной дисциплины со стороны работников и руководителей предприятий и организаций», расширение сферы забот едва ли было уместным⁹. Даже решение такого вопроса, как заключение договоров с артелями по заготовке метел, растянулось на значительное время.

Весной 1942 г. городскому арбитражу пришлось столкнуться с ростом числа дел, порожденных ситуацией первых военных месяцев и отнюдь не связанных с выполнением договорных обязательств. Когда летом 1941 г. шел процесс создания дивизий народного ополчения, районные комитеты ВКП(б) и районные исполкомы «в порядке мобилизации внутренних ресурсов района предлагали разным организациям сдавать материалы, изделия, инструменты и т. п. имущество, необходимое для снаряжения добровольческих дивизий,

выступающих на фронт для отражения гитлеровских банд <...> [однако] по истечении нескольких месяцев организации, дававшие указанное имущество, стали предъявлять к исполкомам требования об оплате за переданные ценности»¹⁰. Подобные иски Госарбитражем неизменно отклонялись. Обоснование отказа было юридически точно сформулировано: поскольку райисполкомы не использовали имущество для нужд подчиненных им органов и не получали от вышестоящих органов ассигнований на уплату этого имущества, а от них исходило только распоряжение о передаче имущества, то это распоряжение в качестве административного акта не могло служить основанием для возложения на них гражданско-правовой обязанности оплаты этого имущества. Кроме того, арбитраж обращал внимание истцов на то, что при сдаче имущества они должны были выяснять надлежащего плательщика, но этим они не озаботились. Обращает на себя внимание тот факт, что к такого же рода спорам арбитражем относились иски об оплате имущества и инструментов, переданных для строительства оборонительных рубежей. Однако, как выясняется, исход рассмотрения таких дел был иным: «Разрешение этих споров было облегчено тем, что Военный совет Ленфронта специальным приказом урегулировал вопрос об оплате этого имущества»¹¹. Вместе с тем, совершенно иначе в Госарбитраже отнеслись к требованию Управления оборонных работ НКВД прекратить все предъявленные к нему иски и передать споры на разрешение Военного совета. Это требование было отвергнуто.

Стремление разного рода хозяйственных органов снять с себя ответственность за выполнение договорных обязательств подпитывалось не только сложившимися чрезвычайными обстоятельствами, но и тем, что арбитражная и банковская практика не признавала за органами арбитража права увеличения санкций за невыполнение строительных договоров против указанных в государственных правилах о подрядных договорах по строительству. В Ленинградском городском государственном арбитраже во время войны считали эту точку зрения спорной. Однако за разрешением повышать по своему усмотрению санкции за невыполнение в срок строительных договоров по работам оборонного значения считали уместным обращаться не в Наркомат юстиции РСФСР и Госарбитраж РСФСР, а в исполком Ленгорсовета. Документов, свидетельствующих об одобрении данной позиции городской исполнительной властью, обнаружить не удалось.

Вместе с тем арбитраж в лице Н. И. Магида неоднократно предпринимал попытки, направленные на расширение своих полномочий. В частности, весной 1942 г. городской арбитраж начинает настаивать на необходимости «дать указания по восстановлению сроков исковой давности, пропущенных по условиям военного времени»¹². Были даны такие указания или нет — обнаружить подтверждающие это документы не представилось возможным. Однако в своей практике городской арбитраж, как правило, отклонял ходатайства о восстановлении давностного срока¹³. Основной причиной негативного отношения к восстановлению давностного срока являлось то, что «некоторые организации от-

тягивают платежи в надежде, что кредитор окажется бездельником и ротозеем и пропустит установленный законом срок для взыскания задолженности. Эти надежды часто оправдывались»¹⁴.

Стремление к расширению компетенции городского арбитража привело к тому, что в конце апреля 1942 г. Н. И. Магид обратился в исполком Ленгорсовета со следующим предложением: «Споры, связанные с поставкой товаров ширпотреба и прочая деятельность по обслуживанию населения, подсудны Госарбитражу... только в тех случаях, когда поставщиками являются организации городского подчинения. В тех случаях, когда поставщиками являются организации областного, союзного и республиканского подчинения, споры подсудны Госарбитражу при Облсовете. Принимая во внимание:

- 1) что Госарбитраж при Облсовете почти не функционирует,
- 2) что вопросом обслуживания населения города Ленинграда занимается не исполком Облсовета, а Исполком Ленгорсовета,
- 3) что в настоящих условиях основная деятельность Леноблисполкома проходит вне Ленинграда и что Ленгорисполком, как по собственной инициативе, так и по поручению Военного совета и партийных органов проводит мероприятия в отношении всех, без исключения, организаций, находящихся на территории Ленинграда,
- 4) что органы Исполкома и Ленгорсовета, в частности, городской арбитраж должны в настоящих условиях контролировать выполнение решений по всем, без исключения, видам обслуживания населения Ленинграда, независимо от того, какие организации союзные или республиканские, или областные эти услуги призваны оказывать

Я вношу предложение впредь до дальнейших распоряжений расширить подсудность Госарбитража при Исполкоме Ленгорсовета согласно прилагаемому проекту совместного решения Леноблисполкома и Ленгорисполкома»¹⁵.

Нельзя отказать Магиду в логичности обоснования своего предложения, однако исполком Ленгорсовета, судя по всему, не рискнул пойти на запрашиваемое расширение компетенции городского арбитража¹⁶. Можно предположить, что обусловило эту осторожность как нахождение в блокированном городе представителей областного арбитража, так и вполне вероятный отказ подчиняться решениям городского арбитража со стороны упомянутых Магидом союзных и республиканских предприятий и организаций. Попытки фактического руководителя городского арбитража Магида добиться расширения компетенции возглавляемого им органа вышеописанным не исчерпывались. С довоенных времен Ленинградский городской государственный арбитраж осуществлял надзор за ведомственными арбитрами. Если уже в 1942 г. споры организаций, подведомственных Ленинградскому жилищному управлению, Отделу местной промышленности и уполномоченному по промкооперации, стали рассматриваться по просьбе руководителей этих органов не их ведомственными арбитрами, а в Ленинградском городском государственном арбитраже,

то независимость ведомственного арбитра при Отделе торговли сохранялась и в дальнейшем. Правда, в начале 1943 г. Н. И. Магид поставил в Ленгорисполкоме вопрос о целесообразности сохранения ведомственного арбитража при Отделе торговли¹⁷. Документов, свидетельствующих о том, что он нашел поддержку в исполкоме, обнаружить не удалось. Однако 15 июня 1944 г. ведомственный арбитр при Ленжилуправлении возобновил свою деятельность, к этому времени арбитраж при уполномоченном Управления Промкооперации находился в стадии организации. Магид продолжал настаивать на ненужности ведомственного арбитража, но понимания в Ленгорисполкоме не находил. Насколько встречаемое Магидом сопротивление диктовалось лоббистскими возможностями Отдела торговли и курирующими его представителями партийной и исполнительной власти, сказать затруднительно.

Уже в 1942 г. городской государственный арбитраж стал проявлять возросшую активность в вопросе осуществления функций контроля над выполнением договорных обязательств. В частности, по материалам контроля в исполкоме Ленгорсовета были поставлены вопросы о продаже овощных семян в магазинах Управления продторгами (предложение арбитража было принято исполкомом), «об использовании велосипедов для служебных разъездов» сотрудниками исполкома, о заготовке веточного корма, о запрещении перевозки в дневные часы по городу трупов без гробов, об обязанностях заказчиков газоубежищ и некоторые другие¹⁸. Помимо постановки вопросов перед исполкомом, городской Госарбитраж был озабочен и «ходом контроля». Так, им было выявлено, что «торговые отношения между предприятиями и торгами нарушены и восстанавливаются недопустимо медленно и что нет учета выполнения плана» в «деле изготовления товаров ширпотреба», в связи с чем было организовано проведение договорной кампании и начались «работы по понуждению торгов взыскивать штрафы с предприятий за недогрузки и по понуждению предприятий взыскивать штрафы за невывоз торгами продукции»¹⁹. Себе в заслугу городской госарбитраж ставил и то, что только его вмешательство «побудило Отдел местной промышленности, Управление промторгами и Трест зеленого строительства приступить к переговорам об изготовлении сельскохозяйственного инвентаря», «в результате непрерывного нажима и под угрозой штрафа был заключен договор между Ленсельхозторфом и Ленфуражторгом», в порядке контроля в вопросе об отпуске стройматериалов Тресту хлебопекарной промышленности «пришлось оказать давление не только на поставщиков, но и на самого получателя — Трест хлебопекарной промышленности» и именно «по инициативе Госарбитража Ленторготдел распределил конверты между торгами»²⁰. Отдельно для Госарбитража стоял вопрос о заключении договоров с артелями, в силу объективных причин уклонявшимися от принятия жестких обязательств.

В течение 1942 г. количество поступавших в городской госарбитраж дел стало постепенно возрастать. Если в 1-м квартале в него поступило всего 171, во 2-м квартале — 278, то в 3-м и 4-м кварталах 407 и 477 дел соответственно²¹.

Следует, однако, учитывать то обстоятельство, что рост количества поступивших в арбитраж дел свидетельствовал не о «возросшей дисциплинированности» руководства хозяйственных организаций, а о начинавшей приобретать планомерный характер проводимой арбитражем кампании по заключению договоров (то, что Магид называл «использованием Ленинградским городским государственным арбитражем сравнительно в широких размерах своих прав по возбуждению дел»²²). В следующем, 1943 г. количество поступавших дел колебалось от 500 до 740 в квартал²³. В первых двух кварталах 1944 г. динамика поступления дел оставалась примерно такой же: в 1-м квартале поступило 527 дел, во 2-м квартале — 634²⁴.

Использование Ленинградским городским государственным арбитражем сравнительно в широких масштабах своих прав по возбуждению дел действительно являлось отражением его возросшей активности в деле борьбы за договорную дисциплину в условиях войны.

Советскими юристами в теории административного права высказывалось мнение, что, «несмотря на выполнение ряда административных функций, Госарбитраж не является обычным органом государственного управления. От этих органов он отличается прежде всего тем, что не пользуется правом распоряжаться в области планирования, организации и управления хозяйством и не имеет подведомственных объектов управления»²⁵. Судя по всему, органы исполнительной власти Ленинграда придерживались несколько иной точки зрения. Так, в сентябре 1944 г. исполком Ленгорсовета принял решение, которым Госарбитражу предписывалось «при рассмотрении имущественных споров усилить борьбу с нарушениями финансовой, плановой и договорной дисциплины в деятельности хозяйственных организаций»²⁶. Иными словами, подчеркивалась особая значимость возлагавшейся на Госарбитраж функции «сигнализации». Нельзя сказать, что за предшествующий период возглавляемая Н. И. Магидом структура уклонялась от этой обязанности. В конце 1943 г., например, в прокуратуру было направлено 10 сообщений о выявленных при разрешении споров нарушениях: о злоупотреблениях с бельем Эвакогоспиталя на сумму более 5 тыс. р., о неполученной Первым медицинским институтом оплаченной раскаде на сумму 4 тыс. р., о пропаже на Главном складе Октябрьской железной дороги масла на 5 тыс. р. Кроме того, Госарбитраж поставил перед начальником Пожарной охраны вопрос о необходимости проверки качества применяемой артелью «Минерал» упаковки спичек, обратил внимание Треста нежилого фонда на то, что управляющие хозяйствами не используют предоставленных им прав на взыскание санкций за невыполнение арендаторами своих договорных обязательств и в первую очередь по его ремонту, а начальника Ленжилуправления проинформировал о необходимости привлечения к уголовной и материальной ответственности управляющего домохозяйством, в котором протечкой был причинен ущерб магазину Госпромторга на сумму свыше 12 тыс. р. и т. д.²⁷

Еще одним принципиальным вопросом, с которым пришлось столкнуться городскому арбитражу в период блокады, была проблема упущенной выгоды. Это был вопрос, как подчеркивал Магид, «поднятый в последнее время практиками и теоретиками». Примером того, как он решался, может служить рассмотрение в Госарбитраже жалобы совхоза «Василеостровец» к Свердловскому районному коммунальному отделу. Последнему был передан участок совхозной земли, на которой к моменту передачи совхоз посадил 250 тыс. саженцев капусты. Упущенную выгоду совхоз оценил более чем в 30 тыс. р., но арбитраж присудил ему всего 921 р. Апелляция к Главному арбитру при СНК РСФСР изменения решения городской инстанции не принесла, поскольку решение основывалось на применяемом Госарбитражем принципе, что возмещаются реальные убытки, а не упущенная выгода²⁸.

В целом оценивать результаты работы городского государственного арбитража в годы блокады затруднительно в силу ограниченности сохранившихся документов. Лишь незначительно выросшее количество отмененных арбитражных решений по сравнению с довоенным временем не может свидетельствовать о падении качества выполняемой госарбитрами работы, поскольку обуславливалось объективными причинами: резким и неожиданным изменением режима работы тех или иных хозяйственных организаций (вызванные, например, разрушениями в результате артобстрелов и пожаров, значительного сокращения занятых в производстве), изменениями в кредитной истории этих организаций, получением ранее недоступной информации. К окончанию периода обороны и блокады Ленинграда городской государственный арбитраж фактически функционировал как полноценная структура.

¹ Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 60. Ст. 769. Подробнее об арбитражных комиссиях см.: *Ельевич М. И.* Арбитражные комиссии // Ученые записки Ленинградского юридического института НКЮ СССР. 1940. Вып. 2. С. 35–61.

² *Магид Н. И.* Объяснительная записка о работе Госарбитража при Исполкоме Ленгорсовета за 1941 год и 1 квартал 1942 г. (за 9 месяцев войны), 16.05.1942 // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

³ Магид, Наум Иосифович (03.04.1895, Двинск Витебской губ. — ?) — выходец из еврейской семьи; отец до революции 1917 г. был владельцем кустарной кистевой мастерской. Наум Иосифович окончил Двинское реальное училище (1912), в 1912–1914 гг. учился в политехникуме в Брауншвейге, закончил факультет общественных наук Петроградского университета (1921), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук (диссертация — «Основы советского жилищного права», 1948); член ВКП(б) с 14.08.1943. Биография Магида была характерной для той эпохи: в августе 1920 — январе 1921 г. он — военный следователь Революционного военного железнодорожного трибунала Северо-Западной железной дороги, затем — до апреля 1923 г. — юрисконсульт Московско-Нарвского райисполкома Ленинграда, а в апреле 1923 — апреле 1938 — юрисконсульт, заведующий юридическим

- отделом, заведующий общим отделом Петроградского Совета, Ленгубисполкома, президиума Леноблисполкома, Исполкома Ленгорсовета; с июня 1938 до мая 1942 г. — заместитель главного арбитра Госарбитража при Ленгорисполкоме; главный арбитр Госарбитража при Ленгорисполкоме (25 мая 1942 — 2 апреля 1953); депутат Ленсовета (декабрь 1947 — декабрь 1950). В 1930–1939 гг. он также являлся заместителем ответственного редактора «Вестника» и «Бюллетеня» Ленгорисполкома. Автор монографии «Положение о векселях» (1925), составитель «Сборника правовых ответов по жилищному вопросу» (Л., 1925) и «Сборника материалов по жилищному праву» (1939). В 1944 г. был издан его доклад «Договорные отношения государственных предприятий в СССР в период Великой Отечественной войны». В 1933 г. был награжден грамотой и золотыми часами, в 1942 г. — медалью «За оборону Ленинграда».
- ⁴ Магид Н. И. Объяснительная записка о работе Госарбитража при Исполкоме Ленгорсовета за 1941 год. Л. 2–3.
 - ⁵ Там же. Л. 3.
 - ⁶ Отчет о работе Госарбитража за 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.
 - ⁷ Магид Н. И. Объяснительная записка о работе Госарбитража при Исполкоме Ленгорсовета за 1941 год. Л. 5–6.
 - ⁸ Следует учитывать, что функция «сигнализации» охватывала не только сферу производства товаров широкого потребления. Дело в том, что специфическая подсудность Ленинградского городского государственного арбитража исключала из его подведомственности подавляющую часть предприятий города, работавших на оборону, но определенного рода информация об их работе косвенно или прямо могла оказываться в распоряжении арбитража. В соответствии с циркуляром Прокурора РСФСР от 20 декабря 1938 г. местная прокуратура обязана была своевременно извещать Госарбитраж о результатах расследования по направляемым Госарбитражем в прокуратуру сообщениям о нарушении закона.
 - ⁹ Магид Н. И. Объяснительная записка о работе Госарбитража при Исполкоме Ленгорсовета за 1941 год. Л. 6–7.
 - ¹⁰ Там же. Л. 15–16.
 - ¹¹ Там же. Л. 16.
 - ¹² Там же. Л. 22.
 - ¹³ Позже, в 1944 г. эта практика городского государственного арбитража фактически была санкционирована Главным арбитром при СНК РСФСР по делу Главного военного порта, указавшего, что давностный срок был пропущен по неудовлетворительным причинам, т. е. Обозно-вещевой отдел Главного военного порта находился всё время в Ленинграде и имел возможность своевременно истребовать выданный им аванс. Н. И. Магид в связи с этим отмечал: «По этим мотивам Ленинградский городской госарбитраж отклоняет претензии в связи с пропуском давностного срока и отказывает в восстановлении пропущенного срока» (Магид Н. И. Отчет о работе Госарбитража за 1944 г. Январь 1945 г. // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1-1. Д. 15. Л. 17).
 - ¹⁴ Магид Н. И. Отчет о работе Госарбитража за 1944 г. Январь 1945 г. Л. 53.
 - ¹⁵ Письмо Н. И. Магида в исполком Ленгорсовета, 22.04.1942 // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 484. Л. 3 — 3 об.
 - ¹⁶ Вместе с тем, в этом случае остается без ответа вопрос, на каком основании городской арбитраж принимал к рассмотрению иски к Управлению оборонных работ НКВД.
 - ¹⁷ Магид Н. И. Отчет о работе государственного арбитража за 4 квартал 1941 и 1942 г., 24.01.1943 // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.
 - ¹⁸ Магид Н. И. Справка для П. С. Попкова о контрольной работе Госарбитража на 1 июня 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 484. Л. 3 — 3 об., 7.
 - ¹⁹ Там же. Л. 8.
 - ²⁰ Там же. Л. 9–10.
 - ²¹ Магид Н. И. Отчет о работе государственного арбитража за 4 квартал 1941 и 1942 г., 24.01.1943 // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
 - ²² Там же. Л. 18.
 - ²³ Отчет о работе Госарбитража за 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

- ²⁴ Магид Н. И. Отчет о работе Госарбитража за 1944 г. Январь 1945 г. Л. 3.
- ²⁵ Арбитраж в СССР / Под ред. А. Ф. Клейнмана. М.: Изд-во Московского университета, 1960. С. 11. Во время войны на совещаниях в Ленинградском городском госарбитраже приглашенными экспертами высказывалось мнение, что «арбитраж не является административным органом, органом управления, т. е. ему не принадлежит административная власть и право распоряжения... [но] ему принадлежит также право контроля и, в связи с этим, право сигнализации о неправильностях в деятельности тех или иных хозяйственных органов» (из выступления Л. И. Фишмана) (Протокол совещания юрисконсультов в Госарбитраже при Исполкоме Ленгорсовета, 09.07.1944 // ЦГА СПб. Ф. Р-9621. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 1 об.).
- ²⁶ Решение Исполкома Ленгорсовета от 16 сентября 1944 г. № 123-9 «О работе Государственного арбитража» // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1567. Л. 26. Судя по всему, данное решение исполкома Ленгорсовета было обусловлено принятым ранее — 11 мая 1944 г. постановлением СНК РСФСР № 401 «О работе органов Госарбитража РСФСР», которым предписывалось: «1) <...> в) сообщать облисполкомам, крайисполкомам, совнаркомам автономных республик, народным комиссариатам и руководителям хозяйственных организаций о выявленных недочетах в деятельности подчиненных им хозяйственных органов и предприятий (нарушения режима экономии и финансовой дисциплины, факты бесхозяйственности, недостатки товаров, вопросы качества продукции и т. п.), вносить предложения по устранению этих недочетов и сообщать органам прокуратуры в необходимых случаях о нарушениях закона для привлечения виновных к ответственности <...> 4. Обязать народных комиссаров, руководителей ведомств и учреждений РСФСР принимать меры к устранению недочетов в деятельности подчиненных им хозяйственных организаций и предприятий по материалам государственного арбитража, и о принятых мерах сообщать соответствующему органу государственного арбитража» (<http://lawru.info/dok/1944/05/11/n1194180.htm> (дата обращения 03.05.2019)).
- ²⁷ Отчет о работе Госарбитража за 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 9621. Оп. 1. Д. 11. Л. 18–20, 24.
- ²⁸ Магид Н. И. Отчет о работе Госарбитража за 1944 г. Январь 1945 г. Л. 18.

УДК 94(47).084.8

DOI 10.24411/2311-603X-2019-00056

Alexis Peri

Lessons of the Leningrad Blockade: Schoolchildren's Diaries as Sites of Learning, 1941–1943

When describing the incomprehensible circumstances in which they found themselves, the *blokadniki* relied on several metaphors. The most famous of these were “the ring”, which conveyed their state of encirclement, and “the island”, which expressed their isolation from the mainland (большая земля)

of the USSR. But there was another set of metaphors, less often discussed, that Leningraders evoked when articulating the monumental task of survival. This was the idiom of schooling — trials, tests, lessons, and learning¹. The Blockade was “крутой экзамен и надо его выдержать”, one siege diarist explained². The siege would reveal whether Soviet people were sufficiently prepared — physically, mentally, and ideologically — to withstand this assault on their nation and its revolutionary project. Anticipating the important roles that Leningrad schoolchildren would play in the city’s defense, one teacher remarked in her diary: “Сейчас и учителя держат строгий экзамен, кого они вырастили и воспитали?”³ If Leningrad and Leningraders were to survive, they had to adapt. This involved both learning — new skills, trades, and habits of mind — as well as “unlearning (разучиться)”. Eighteen-year-old Nina Erokhana called besieged Leningrad “a great school (большая школа)”, and explained that she was keeping a diary to record the perilous lessons it imparted: “Когда буду перечитывать [дневник], всё будет вставать перед глазами и напоминать мне это тяжелое время. И я хочу этого, так как это большая школа. Это время многому научило, и я не хочу этого терять”⁴. War was a great educator.

Although metaphors of learning proved central to the siege experience, when Hitler’s troops invaded, it was unclear how much formal education would be prioritized in light of the exigencies of war. Initially, some state and party officials argued that “сейчас не до учебы” and were quick to requisition school buildings for military use. Others, however, fought this “politically myopic” attitude with a series of directives to enforce enrolment, attendance, and vigilance on the educational front. Sovnarkom (Council of People’s Commissars) demanded that city authorities “draw all school-aged children into schools and keep them there” in order to protect pupils and instill patriotic values in them⁵. Signs and placards inside Leningrad urged young *blokadniki* to attend school as part of their contribution to the city’s defense. “Каждая пятерка — снайперский выстрел по врагу”, one banner read. A fighter jet bearing the name “Leningrad Student” carried this message to the front⁶. Education, especially the task of raising young people to be ideal Soviet citizens, had always been central to the Soviet project, but during WWII it became bound up with the defense of the USSR⁷.

The fact that Leningrad’s school system continued to function throughout the siege has emerged as a key metric of the *blokadniki*’s successful defense of their city. Historian John Dunstan has pointed out that “beleaguered Leningrad” is “the most celebrated case by far” of Soviet wartime schooling⁸. Leningrad’s schools and its schoolchildren have come to symbolize the city’s vitality and the defiant triumph of normal life there⁹. While schoolchildren did many essential tasks — they took on defensive labor, volunteered in hospitals, and extinguished bombs — “И самый великий подвиг школьников Ленинграда”, famed writer A. A. Fadeev proclaimed,

“в том, что они учились. Да, они учились, несмотря ни на что”¹⁰. Similarly, war correspondent Alexander Werth painted a picture of a “typical” besieged classroom in his 1944 classic *Leningrad*, where the students of School N 367 aced every subject they studied “in the hard life of school”¹¹. “Главный экзамен они уже к тому времени выдержали — испытание первой, самой страшной блокадной зимой”, that school’s director, Iakov Kamenetskii, echoed¹².

This essay explores Leningraders’ steadfast devotion to wartime education as part of the larger notion of the Blockade as a test and the besieged city a kind of school. The questions driving this essay are: What did education — including its academic, ideological, and socializing functions — mean to Leningrad students? How did they describe the experience of attending school, transformed by wartime conditions? To what did extend their commitment to education strengthen their fight for survival and to what extent did it conflict with it?

The main source I draw upon are wartime diaries. As a form, the diary has a special relevance both to Soviet education and to the Blockade. Generations of Soviet people learned to keep journals in school. It was a tool for developing their writing skills and for helping teachers and pupils monitor their academic and personal development¹³. Moreover, shortly after the city was encircled, city party authorities launched a campaign encouraging Leningraders to keep diaries, so that future generations might understand their experiences under siege¹⁴. During the Blockade, schoolchildren kept journals both individually or collectively with their classmates. On holidays and inspection days, these accounts were exhibited to visiting state and military leaders as evidence of patriotism and high morale among young *blokadni-ki*¹⁵. The most famous exhibition of a Leningrad schoolgirl’s diary was the journal of Tania Savicheva, read at Nuremberg to prove the Blockade was a war crime.

Students’ and teachers’ wartime journals allow us to look inside blockaded classrooms, to access their reception of the wartime curriculum, and to evaluate how diary writing, which had long served as a tool for self-betterment, acquired new meaning under siege. The diaries illuminate a key tension between intellectual and physical survival, between self-transformation and self-preservation. On the one hand, the diaries suggest that education was essential to survival. Schools provided physical sustenance, meals, to students and teachers. They also offered intellectual stimulation and companionship, which nourished Leningraders morally and spiritually. Diarists who maintained an enthusiastic attitude toward learning — whether inside or outside of the classroom — acquired both practical skills as well as mental fortitude. Moreover, the circumstances of the siege infused familiar academic subjects with new meaning. The diary provided a space for independent, supplementary study. In his landmark study of diaries from the 1930s, Jochen Hellbeck argued that the diary was a central tool for the Soviet project of perfecting the self, of reaching one’s fullest potential as a Soviet citizen¹⁶. The students’ earnest commitment to continue their education during the Blockade demonstrates that “work on the self” endured, even in extreme conditions of starvation and deprivation.

On the other hand, the Blockade greatly disrupted formal education. Students and teachers described in their diaries how city schools were unable to fulfill the scholastic, ideological, and social functions of education, compelling pupils to modify or create their own programs of study. Thus, young Leningraders worked outside of the official spaces and authority of Soviet pedagogy to fulfill the regime's didactic mission. The diary temporarily replaced the schoolhouse as a site of erudition. Such independent learning was intellectually nourishing, but it was also mentally taxing. By pursuing their studies, the diarists diverted both material resources and energy away from the hunt for food that was absolutely imperative for immediate survival¹⁷. In this way, the diarists were torn between impulses to work on the self and simply to preserve it.

Below, I focus on just a handful of diaries and on the first two school years, 1941/1942 and 1942/1943, when the school system was most in flux. These academic years also fell between two major sets of education reforms in 1939–1940 and 1943–1945. By mid-1943, Leningrad's City Educational Department (GORONO) had regained substantial control over schooling.

Going to School Under Siege

The Stalinist ideal of a highly centralized and standardized school system was an early casualty of war¹⁸. Mobilization, evacuation, bombardment, and shortages created upheaval among educators¹⁹. In Leningrad alone, more than 180,000 teachers were mobilized to the front²⁰. Leningrad's schools also were among the most devastated in the Soviet Union. While the USSR lost 43 % of its schools, Leningrad lost about 90 % of them. German troops launched more than 148,478 artillery attacks on Leningrad, and they made no effort to spare Leningrad children²¹. Directive 736, for example, ordered the bombing of School N 105 on *Baburin Pereulok*, and Directive 192 targeted the Pioneer Palace on *Nevisky Prospekt*. In May 1941, an estimated 374,876 Leningrad children were enrolled in 476 schools. At the (delayed) start of the academic year in November 1941, 103 schools served 90,000 children. By January 1942, however, only 39 schools and 12 shelters operated for 35,964 children²². The number of pupils fell throughout winter and spring 1942 due to evacuation, mobilization, and death.

Soviet schools served a combination of academic, welfare and upbringing functions. When the war began, Narkompros (The People's Commissariat of Enlightenment) demanded they continue to fulfill all three objectives as well as impart a new wartime curriculum, which emphasized foreign languages, mathematics, geography, physical education, and military training²³. From the time the academic year began in 1941, Leningrad's GORONO was already struggling to meet these goals. There was a dearth of textbooks, chalkboards, and paper, which impeded classroom dictations and written homework. Air raids constantly interrupted lessons, and students and teachers shuffled between classrooms and bomb shelters several times a day.

A typical school day was structured less by lessons than by all the interruptions to them. In light of this, school director Glaфра Korneeva dismissed the idea of keeping a wartime diary because it could only be a repetitive account of all the lessons that were not taught. Ironically, she recreated such “typical” entries in her journal: “Можно проследить по журнальным записям эти перебои. Например: 8/XI — читали Вишневы Сад. 9/XI — урок не закончен, ВТ. 10/XI — урока не было — ВТ и т. д.”²⁴ These disruptive conditions precipitated a transformation in pedagogy. According to their diaries, teachers Aleksandra Mironova, Nina Gorbunova and Ksenia Polzikova-Rubets became more flexible and minimalist in approach, drawing reading materials from newspapers and structuring lessons around discussion²⁵.

By December 1941, hunger and cold eclipsed shortages and bombardment as the major impediments to classroom learning. Eighth-graders Maia Bubnova and Elena Mukhina and seventh-grader Valia Peterson wrote in their diaries about the tedium of sitting for hours, without electric light, in dark, frigid classrooms covered with hoarfrost²⁶. Ink froze, making it impossible to write; hunger pangs made it difficult to concentrate. “Завтра в школу”, Bubnova wrote that January, “У меня уроки не сделаны и делать неохота. В школе холодно, замерзаешь, пока обед получаешь. Не то что 6 уроков отсидеть, а и час просидеть жутко. <...> Разве возможно что-нибудь делать при таком холоде? Я уже много раз пыталась, но мало что возможно осуществить”. Although Bubnova and her fellow Komsomol organizer Fania Abramovna tried to organize a warm room for students to do homework, the school was unable to furnish them with such a space, and the overall attitude was “lousy (настроение — дрянь)”, she added²⁷. Bubnova’s journal was one of the first blockade diaries to be published, albeit in highly excerpted form. The editor cut many of her criticisms of wartime schooling but allowed the quote above to remain. Another sixteen-year-old, Yura Riabinkin, was even more emphatic, declaring that school “destroyed all my striving for knowledge because of the atmosphere in which they were conducted”²⁸. Many schools closed in late November 1941 and those that remained functioned intermittently until May 1942²⁹.

Even so, many students continued to attend school, many seeking social support. However, companionship also grew scarce, as attendance declined, schools closed, and students transferred to new, consolidated schools. When Elena Mukhina discovered she had been separated from the cohort with which she had studied for eight years, she was so upset that she accused the school system of deliberately trying to weaken solidarity between classmates. “Привязанность! Чувство товарищества! нет, эти понятия так же далеки от нас, нынешней молодежи, как мы от солнца”³⁰. “Я пришла в школу в середине ноября”, Maia Bubnova explained at the start of the second blockade school year, “в новую незнакомую мне школу, которую я не знала и в которой меня не знали. <...> Новые педагоги, новые, незнакомые ребята. Ко всем нужно было привыкнуть, всех узнать и понять”³¹.

Moreover, Mukhina, Bubnova, and other diarists found themselves unable to connect with their new classmates who preoccupied with other pastimes. In another

excised passage, Bubnova despaired on her classmates' indifference, lack of energy and "бодрость" — "даже комсомолыцы. С ними надо долго разговаривать, чтобы что-нибудь они сделали"³². Likewise, Mukhina regularly voiced her frustration with what she saw as the moral and academic degeneration of her new classmates. With little to buy, schoolboys were flush with cash, which fueled what she painted as an epidemic of gambling and a depreciation for money. "На переменах и во время тревог — в бомбоубежище, занимаются картежной игрой. Все перемены и даже на некоторых уроках дуются в 'очко' на деньги. А ведь это самый настоящий разврат. Я часто наблюдала за их игрой. Ведь они выигрывают зараз часто рублей 5–7, а иногда и 8. И я видела, как они теряют всякое уважение к деньгам, как небрежно бросается на пару 'в банк', 'трешка' — 3 рубля. А если случайно упадет рубль, то владелец не торопится нагнуться, чтоб его поднять, а о 20-ти копейках и говорить не стоит"³³. Mukhina not only disapproved of their activity, she was frustrated with the decline of instruction and her inability to engage her peers in meaningful conversation about their lessons or her favorite subjects of study — natural science, zoology, and literature. "Я хочу, чтоб мы жили, как говорили Ленин", she wrote in November 1941, "И чтоб школа была другая, и условия другие. Ленин сказал: 'Учиться, учиться, и учиться!' Это, по-моему, первое, о чем должен думать советский школьник! И советский школьник должен бороться со списыванием, с картами, с папиросами"³⁴. Both Mukhina and Yura Riabinkin were reading Gogol's *Dead Souls* in October–November 1941 and were incredulous that other students either refused to read it or engage them in conversation about their favorite characters³⁵. Mukhina and Riabinkin stopped attending school regularly in spring 1942, but Dima Afanas'ev did, and he found it difficult to connect with classmates for the opposite reason. Students were so hungry and depleted that they could barely stay awake let alone make trouble. "Ребята в классе совершенно не похожи на довоенных", Afanas'ev wrote, "тихие, молчаливые, кажется, что они на уроках тихо дремлют и просыпаются только к кормежке. Даже обычных школьных шалостей нет. Все сидят, как усталые старички"³⁶. In the process, such diarists recorded their observations of youth activities. Moreover, when schoolmates no longer provided much social support, they turned to their journals for solace and companionship. Some addressed their journals tenderly, asked them for advice, told them riddles, and shared their secrets³⁷. The diary came to provide an important space of sociability and, as I will show, of academic study.

By winter 1941/1942, most diarists reported that their main motivation for attending school was food. Although some of her friends stopped attending, Valia Peterson continued to do so. "Я хожу в школу, а меня спрашивают: 'как ты еще можешь?'" Peterson wrote in December 1941, "В школе хоть суп дают"³⁸. Elena Mukhina, who regularly took attendance in her diary, observed that most students left school after receiving their mid-day meal. "Вообще не ученики", Elena Mukhina exclaimed, "а черт знает что"³⁹. Schools' task of feeding and protecting children had eclipsed its scholastic objectives. By January 1942, geography teacher Aleksandr

Vinokurov observed, “температура достигает –30 по С°. Занятия в школе прекращены. Фактически их и не было. На уроках присутствовали по 5–6 чел. в каждом классе, остальные заходили в школу, чтобы получить суп и конфетку”⁴⁰. Just as students were not studying, teachers were not teaching. Writing in March 1942, Vinokurov explained that the workday for teachers — who now received Category I rations, was reduced from eight to two hours. “Ежедневно хожу в школу к 12 час. дня и в течение 2-х часов мирно беседую с коллегами. В этом заключается выполнение труд[овой] повинности”⁴¹. And in April, schools’ feeding function became more-or-less officially recognized. “Школа, по решению ГОРОНО, отныне будет в большей степени воспитательным, а не учебным заведением”⁴².

Over the course of the winter of 1941/1942, students, teachers, and school administrators began to primarily associate “going to school” with eating. Sixth grader Dima Afanas’ev was among those diarists who used “school” as shorthand for “the school cafeteria”⁴³. Afanas’ev exclaimed: “Это дополнительное питание”⁴⁴. For schools to educate pupils, politically or otherwise, they had to feed children’s bellies before their minds. Students were fainting from hunger, and their malnourished state made it difficult to memorize and retain information⁴⁵. This proved, school director Glafira Korneeva quipped, “that ‘существо определяет сознание’”⁴⁶. Also evoking a Marxist tenet, sixteen-year-old Yura Riabinkin wryly echoed that wartime hunger illuminated the materiality of man because, in the fight for life “idealism was reduced to material concerns”⁴⁷.

As classroom instruction declined in the winter of 1941/1942, many young *blokadniki* turned to their journals to draft programs of independent study. Initially, many diarists hoped that they would continue to progress through the official curriculum and grade levels. Over time, however, this motivation was joined and surpassed by more general desires to nourish the mind and distract from hunger. The diaries of sixteen-year-olds Yura Riabinkin and Elena Mukhina demonstrate this progression of motivations. “If there aren’t going to be any classes at school”, Riabinkin wrote, “we are going to work through (if we can!) all the courses for class nine together. We have the necessary textbooks”⁴⁸. Riabinkin planned to prepare himself for exams but tragically, he did not live to reach this goal. Mukhina designed and scheduled her own curriculum, using an empty classroom for her studies. “Я думаю, что если я выучу сегодня ну, предположим, географию, только что заданный урок в обстановке тишины и спокойствия, то я за три дня не смогу совершенно его забыть, а если и забуду, то на повторение уйдет очень мало. Зато, если я буду точно выполнять свой план, то я смогу много читать, дома я буду читать. Мне надо как можно скорей прочесть Дикенса (sic) ‘Большие надежды’ и начать читать что-нибудь другое. Я хочу завести полочку большевика, покупать разные брошюры. Да, потом мне надо будет купить русскую грамматику и повторить все правила правописания, чтобы не обесценивать свои сочинения по литературе безграмотностью. Ну, хватит болтать, понапрасну: ‘больше дела, меньше слов!’ Сейчас буду учить литературу, потом другие уроки. К этому времени Ака разогреет суп, поем, потом встану и напишу алгебру”⁴⁹.

Unwilling to let the deterioration of classroom instruction impede their academic progress, Mukhina and Riabinkin assumed the roles of pedagogue, teacher, and student. They even wielded slogans of the regime as motivation. Such ambitious educational programs helped to sustain Leningraders' spirit and morale, they also required a huge expenditure of energy. How should they allocate their energy and resources? One month after making the educational plan described above, Riabinkin highlighted how intellectual and physical survival were in tension. "I think I'll go through the subjects for the ninth year on my own", he affirmed, "I'll make the effort and study, I'll take the exams after the war and go up to the tenth grade. That seems best. But then I am not sure. None of us will survive this war"⁵⁰. Still, Riabinkin strove to make progress on his schoolwork even though he had "loaves of bread" instead of algebraic formulas occupying his mind⁵¹. And though he could barely walk or lift a suitcase, the emaciated teenager resolved to take his textbooks for literature, history, and geography with him when he evacuated. In the end, because they were too weak to carry him, his mother and sister evacuated without him, and he perished in the besieged city⁵².

Familiar Subjects, New Lessons

The conditions of the Blockade served both as an inspiration for and an impediment to academic learning. This was phenomenon was reflected in changes that Narkompros made to the wartime curriculum, in methods Leningrad teachers used during the siege, and in diaries recording schoolchildren's independent studies and intellectual projects. In this section, I look at a few familiar school subjects — mathematics, composition, and history — to illuminate how they were broached anew by both pedagogues and diarists. In general, Narkompros advocated that teachers use every subject and lesson as opportunities for boosting morale and steeling students for war. Following their lead, young diarists approached these subjects but in their own ways that reflected the concerns and conditions of life under siege. Their journals document how mathematical computations, writing projects, and historical studies became bound up with survival, of both body and mind.

Narkompros guidelines suggested how arithmetic could teach students computation and about the superiority of the Red Army at the same time. Here is one example: "During a raid on Moscow, the anti-aircraft defense shot down first one plane, then two. Besides these, three more enemy planes were destroyed by our fighters. Calculate the German losses during the raid"⁵³. The diarists studied their math textbooks and, outside the classroom, they also practiced mathematics as part of their fight for life. They used their journals as workbooks to compute various sums, checking their rations to make sure that they received the full amount or dividing their family's food supply in a variety of ways in order to strategize how much should be eaten today or saved for tomorrow. Elena Mukhina, for instance, used her diary to work out how the 97 rubles she had could feed her for 17 days: "хлеб — $17 \times (\text{за } 1 \text{ р. } 70 \text{ к.}) \text{ на } (17 \times 3) = 857 \text{ к.} = 8 \text{ р. } 57 \text{ к.}$ "⁵⁴. Similarly, other diarists calculated the

probability of their own survival, practiced their hand at drawing tables and charts, and they solved for unknowns in scenarios drawn from their own lives. Valia Peterson and Elena Mukhina worked out the net benefits of eating one's pet, while Dima Afanas'ev and Tania Rudykovskaia calculated how food should be reapportioned after a death in the family. They learned practical economics about money management and commerce by trading and selling goods on the thriving black market. Their mathematical and economic expertise advanced naturally from the daily calculus of life under siege.

Another subject that was transformed by the war was writing. In school, Leningrad schoolchildren were asked to compose essays narrating their wartime experiences, especially with regard to patriotic duty and service. They were assigned topics such as "Schoolchildren of the Besieged city", "My part in the defense of Leningrad", and "The motherland is calling"⁵⁵. In their diaries, some pupils simultaneously composed or planned writing projects that elucidated more personal aspects of life under siege. Elena Mukhina and her classmate Tamara, for instance, "решили писать книгу о жизни в наше время советских ребят так 9-го, 10-го классов. О мимолетных увлечениях и о первой любви, о дружбе. Вообще написать такую книгу, которую мы хотели бы прочесть, но которой, к сожалению, не существует"⁵⁶. Eventually left to do this work on her own, Mukhina turned her journal into this novel, written about herself in the third person. She added an epigram to the first page of her notebook, which described its contents thusly: "...мой дневник — повесть о радостях и печалях в жизни одной уч[ениц]ы 8-го класса, о юной любви, о надеждах и разочарованиях"⁵⁷. Similarly, others saw the diary itself as a way to contribute narratives of the blockade experience. Riabinkin increasingly crafted his diary as a guide for future generations about his suffering during the siege. "Mother tells me now is not the time to be keeping a diary", he admitted in October 1941, "But I will keep it. If I don't get to re-read it, someone else will re-read it and will learn that there was such a person in the world as Yura Riabinkin". Once he compared the project to Gorky's *Life of Klim Samgin*. At times, Riabinkin worried his potential readers would laugh at him, scorn him, but the opportunity to instruct future generations drove him to continue journaling until his death⁵⁸. Thus he and other pupils took up the official charge of chronicling their war experiences in their own way. Interestingly, Bubnova's, Riabinkin's, and Mukhina's diaries were eventually published, at least in part.

Like composition, history occupied a central place in the "school of the siege". Many diarists felt that history provided the key to understanding and predicting the fate of their city. "Этого, конечно, не может быть", Dima Afanas'ev wrote, "но что бы было, если бы победили немцы? Что было бы написано про всё прошлое в учебниках истории?" Some schoolchildren channeled their anxiety about the outcome of the war into an academic quest to understand it and predict its outcome. Maia Bubnova dedicated much of her diary to this task, desperate to know "Что-то скажет история? Великая битва подходит к своему кульминационному пункту.

Как-то всё это повернется? Жутко, до чего интересно!” she exclaimed⁵⁹. She wrote with amusement about her friend’s idea that Hitler should be punished with a history tutorial. “Она мне сказала, что если бы ей в руки дали Гитлера, то она прежде всего заставила бы его выучить историю партии на древнееврейском языке”⁶⁰. For Bubnova, the siege was a great history lesson and Hitler as a poor student of history, indeed.

History had long been a subject of key political importance in Bolshevik thought and education. When WWII began, Commissar of Education Potemkin reiterated that teaching history was crucial to strengthening patriotism and devotion to the motherland: “I need to know why I love it <...> what I am defending, and why if necessary I am giving up my own life for it”. Narkompros urged history teachers should emphasize Russia’s great victories against foreign invaders, especially Napoleon’s folly⁶¹. The supposed parallelism between 1812 and 1941 was also an idea widely promoted in the wartime press, beginning with Molotov’s 1941 announcement of Germany’s invasion and pronouncement of it as a second Great Patriotic War.

Given the regime’s investment in history as a political tool, it provides a particularly useful demonstration of how the diarists’ independent studies sometimes placed them at odds with the Party line. Working on their own, schoolchildren drew different conclusions from this historical pairing. Dima Afanas’ev, for instance, had a keen interest in military uniforms and made it a habit to study local guardsmen and images of Red Army men. When he observed that they were wearing breastplates and epaulettes, he considered this through a historical lens, concluding: “Похоже, что теперь начинается поворот к старым порядкам. Не хватает только, чтобы еще эполеты, аксельбанты и ‘ваше благородие’ вернули”⁶². Implicit in Afanas’ev’s observations is a rather subversive charge that the Soviet regime was in danger of replicating the social stratification of the imperial period. It was not Hitler, but the USSR that stood poised to learn about the revenge of history. Moreover, elaborating on the parallelism between 1812 and 1941, Afanas’ev observed that Leningraders “выглядят страшновато: худые, желтые, с вывалившимися глазами, грязные, закутанные, как солдаты Наполеоновской (sic) армии в 1812, кто во что...” — not the heroic defenders of the city of Lenin⁶³. Therefore, in his own attempt to adopt and apply this historical framing to his surroundings, Afanas’ev, perhaps inadvertently, contradicted the official narrative of Russia’s military past. The disorderly, disruptive conditions of blockade schools created space for more flexibility, variety, and personal initiative in their studies.

In addition to 1812, the siege of Petrograd in 1918 was another common point of comparison for Leningraders. While teachers and journalists alike upheld 1918 as an inspirational example of how their city heroically withstood a brutal siege and extreme hunger, schoolchildren drew a wider variety of conclusions from the analogy. The comparison illuminated for Yura Riabinkin that “what we are enduring now is worse than that experienced in 1918”. Summarizing some key features of the Petrograd siege, Riabinkin pointed out that one could buy food by leaving the city or

from profiteers and black marketeers more easily than in his day, where the isolation was so extreme and food so scarce that money ceased to hold much value⁶⁴. For Maia Bubnova, the 1918/1941 comparison also highlighted the extremity of her current situation, and she chided her prewar self for idealizing war as the “героическая сказка” of the Civil War that was reproduced in the wartime press⁶⁵. At the same time, she drew very different lessons about 1918 than Riabinkin. Bubnova’s interpretations were cast through Konstantin Fedin’s *Cities and Years*. The novel takes place in war-torn Petrograd — home to “те же окопники, те же карточки, тот же суровый, настороженный, ошетилившийся” as Leningrad. But for Bubnova, it provides a lesson in what not to do. She railed at the protagonist, Andrei Startsov, as “не человек, а труха”, with no sense of purpose, no strength of will, and worst of all, who places romantic love ahead of the collective. The novel’s moral, she argued, was as pertinent for Leningrad in 1941 as it was in 1919: collectivism was the key to survival and fulfillment. If you live in a collectivist spirit, she reasoned, “то все свои личные невзгоды ты перенесешь легче и сумеешь победить в себе отчаяние, найдешь волю и силу, чтобы вновь и вновь добиваться, сумеешь вместе со всеми построить то, что никогда бы не сумел один”⁶⁶. And when she encountered defeatism and egoism, including at the factory where she worked, Bubnova apparently treated her compatriots to a fiery history lecture that drew on the revolutionary years 1905 and 1917–1919. “От кого это я слышу? Кто это говорит? Настоящие ли советские граждане <...> это говорит не пролетарий, рабочий... вот что идеал их жизни, хоть подхалим. Сволочи!” she wrote contemptuously of her coworkers. Most of this text was cut from the published edition of her diary. Despite her disgust, Bubnova frequently recorded such overheard conversations not just as examples of anti-Soviet thought but as social data — “Интересно все-таки, кто что говорит”, she admitted⁶⁷.

History lessons, both official and unofficial, readily emerged from wartime shortages. Given the lack of textbooks, some Leningrad teachers crafted lessons based on newspaper articles, radio broadcasts, and other contemporaneous material⁶⁸. History teacher Aleksandra Mironova described one such lesson in her diary, where she read aloud newspaper articles to lead the children in a discussion: “Все смотрели на меня <...> вопрос у всех: ‘А как вы думаете, победим мы, гитлеровцев или нет?’ Читаю выступление по радио т. Сталина. Коля Лебедев говорит: ‘нужно всем вот так работать, как сказал т. Сталин, всё по-военному и, наверное, наши все-таки победят’. ‘Расскажите’, просят меня ребята, ‘как боролись раньше в 1918 и Алекс[андр] Невский’. Мы еще долго сидели. Я рассказывала детям”⁶⁹. Other teachers, such as Ksenia Polzikova-Rubets, also described this pedagogical method of using news articles to foster class discussion. *Pravda* and *Sovetskaia Pedagogika* especially honored Leningrad teachers for inspiring patriotism and boosting morale in their students⁷⁰. Interestingly, this approach represented a departure from the teacher-led instruction espoused by the Stalinist educational model of the mid-1930s, which emphasized the instructor authority, student discipline, indi-

vidual achievement, rote memorization, and drills. By contrast, the minimalist and more student-centered style of blockade lessons are reminiscent of Soviet pedagogical styles of the 1920s. However, this wartime shift was born of necessity and conflicted with official educational policy⁷¹. In the 1954 published version of her diary, Polzikova-Rubets applauded the return of teacher-led instruction in spring 1942⁷².

Still, teachers' diaries do suggest how the conditions of the Blockade fostered student independence and initiative, both inside and outside of the classroom. For instance, after he stopped attending school in the winter of 1942, Dima Afanas'ev dutifully replicated classroom curriculum by generating his own discussions of the lessons contained in the news. This work often led him to conclusions that were directly opposed to the authors' intentions. Without the teacher there to guide him, he attended more to the lack of information in the articles than their rousing messages. Why were no specific place or personal names were given? "Почему всё время пишут только направления и не пишут, какие города сдают или берут обратно? или это военная тайна?"⁷³ Even when names were mentioned, Afanas'ev's suspicion that Leningraders were being deliberately misinformed did not subside. Each time he read about heroic pilots, he assumed it masked a discouraging reality: "...почему-то всё время награждают главным образом летчиков. Видимо, на земле наши воюют хуже, чем в воздухе"⁷⁴. The "туманная" nature of news reports turned reading into an exercise in textual interpretation.

During the Blockade, learning, studying, and self-improvement remained central to many students' lives and therefore to their diary accounts. However, the devastation of Leningrad's school system compelled them to relocate their educational pursuits outside of the classroom. This shift toward independent, self-directed learning precipitated a temporary, but radical transformation in the educational activities and intellectual habits of young Leningraders. The siege permitted more flexibility and self-initiative in education, and it recast familiar subjects — including mathematics, composition, and history — in a new light, bound up with survival. As a result, schoolchildren sometimes approached their studies in ways that conflicted with official curricular and pedagogical guidelines.

Studying Pedagogy

As they designed and conducted their studies, some young diarists became interested in pedagogy, textbooks, and teaching methods. Ironically, their commitment to the regime's didactic mission, hampered by the conditions of the siege, led them to assume an authoritative and somewhat critical stance on the instructional techniques they encountered. One of the main areas of scrutiny was political education, which Elena Mukhina, Maia Bubnova, and others claimed had suffered along with other aspects of schooling under siege. Mukhina and Bubnova make an interesting pairing because, while the former admitted she had been called anti-Soviet (*antisovetskonoastroennyi*) by teachers in the past for her careless spelling and lack of

diligence, the latter was a model student who led her school's *Komsomol* organization⁷⁵. In their diaries, both eighth graders modeled the role of educationalist not only by creating their own curricular programs but by critiquing their schools' programs in political education. Echoing Narkompros, Mukhina wrote in late November 1941 that instructors must not only teach but "reeducate" (перевоспитывать) students, transforming them so that "мы бы стали советскими школьниками, коммунистами в душе <...> и чтоб каждый из нас твердо решил прожить свою жизнь по-настоящему. Стать действительной сменой наших родителей, быть лучше родителей. Культурней, образованней. И самим стать такими родителями, чтоб вырастить детей своих еще лучше, чем мы сами <...> Боже мой, как мне хочется, чтобы начали перевоспитывать ребят"⁷⁶. Mukhina's earnest commitment to the regime's pedagogical mission led her to question the efficacy of wartime schooling.

Equally devoted to Soviet instruction, Maia Bubnova critiqued another educational program at her school, the *Komsomol*. In November 1942, the age for admission to the *Komsomol* was lowered from sixteen to fourteen in order to replenish its numbers and extend its influence over Soviet youth. For Bubnova, however, this posed a direct threat to the efficacy of the organization's educational and political mission, for it meant she had to admit unqualified, "poor students". In a long tirade (which the editor cut from the published version of her diary), Bubnova declared that, under these new policies, the *Komsomol* was not uplifting students but falling to their level, encouraging underachievement. "Я с болью в сердце принимала в комсомол некоторых ребят, буквально под давлением райкома комсомола", and its secretary Comrade Shcherbakova. According to Bubnova, Shcherbakova believed that a young *blokadnik* had earned admission by virtue of his suffering: "Раз он пережил блокадную зиму, значит он достоин быть комсомольцем". However, the diarist argued that a recruit must be a good student or expelled from the ranks if his grades slipped. In her journal, Bubnova mocked this leadership style: "...почувствовали себя чем-то вроде капризных школьников, за которыми бегают няньки, упрашивая идти в школу и вести себя прилично, быть сознательным ребенком. Это просто безобразие!" By contrast, Bubnova argued, "нужно воспитывать хорошими встрясками и требованиями, как к взрослым людям"⁷⁷. Although she was determined to enhance the power of the *Komsomol* and extend the influence of Bolshevik ideals, the decline of instruction during the siege as well as the decimation of the student ranks led Bubnova to interrogate the organization's leaders, policies, and tolerance for lower academic standards. In sum, just as they used their diaries as study spaces for advancing their studies, the Mukhina and Bubnova also turned to them to critique educational authorities.

Beyond political education, pedagogical methods and texts continued to absorb young diarists. After she became an orphan in February 1942, Elena Mukhina rarely attended school. So, instead of imploring teachers to mold and instruct her, she stayed home and read old schoolbooks she found in friends' apartments or discarded about the city, drawing her own scholastic, personal, and political insights from

them. One was Jonathan Franklin's *Natural History for Educated Readers and Young People* (Volume One), published in Russia in 1862 and antiquated by the standards of Stalinist pedagogy. Moreover, the subject of natural history was significantly reduced by the new wartime curriculum. So, Mukhina studied it on her own. The textbook was not only academically instructive, it helped her to cope, to survive, to imagine a brilliant future for herself as a zoologist. She fantasized about a time after the war when she would be well fed. Unlike the dark, cold, and empty rooms she inhabited in Leningrad, her Moscow apartment would be filled with life — aquariums of fish, terrariums of mice, and flapping birds. “Всё свое чувство привязанности, какое было у меня к моей маме и Аке, я переложу на моих маленьких жильцов”, she wrote in March 1942. *Natural History* helped Mukhina to envision and write new circumstances for herself beyond the heartache and hunger that the siege inflicted. Mukhina also took notes on Franklin's inspirational wisdom more than on his scientific claims. One passage struck a chord with her: “В минуты испытания или нравственного бессилия иногда достаточно человеку, любящему природу, изучавшему ее, случайно остановить взор на маленьком цветке, услышать пение птички, жужжание насекомого — и вот сердце его обновилось надеждой”⁷⁸.

Mukhina became engrossed in other, archaic textbooks in the spring of 1942, drawing her own lessons and insights from them. She was intrigued by “a very curious” children's literary primer she found in a neighbor's home, Klavdiia Lukashevich's *The Sower: A Child's First Reader* (*Сеятель: первая после азбуки книга чтения в школе и семье*), which was first published in St. Petersburg in 1907. The eighth grader studied it from the perspectives of both student and teacher. Mukhina praised the work's instructional style and moral teachings — a notable contrast from her criticism of her own political education. “Мне очень нравится, что в то время детей с самого детства учили любви к родителям, к природе, добру”⁷⁹. To help in that process, Mukhina copied out sections of the primer. Interestingly, the passages she gravitated toward would have been anathema to Soviet textbooks, including folk and religious proverbs, poetry about Christmas Day festivities, and the story of Jesus's birth⁸⁰. In the absence of regular schooling, Mukhina developed a commitment to and growing interest in education, studying on her own and often drawing unorthodox lessons from the textbooks and pedagogical methods she discovered — intellectual relics of a bygone era.

While Mukhina was absorbed in pre-revolutionary texts, ten-year-old Yuri Maretin was drawn to the pedagogical theories of the 1930s. Before he began regularly attending school again in fall 1942, Maretin explained that his “school” was his desk and his teachers were the many books in the family's library⁸¹. Maretin studied and evaluated each book in the reading diary he kept under siege. While he loved novels and adventure stories, Maretin wrote his longest entry about A. S. Makarenko's three-volume epic *Pedagogical Poem*. This autobiographic work tells the story of how Makarenko reeducated orphans and juvenile delinquents, turning them into disciplined Soviet citizens with a collectivist ethos. Makarenko suggested that

this transformation could be better achieved through struggle and rigorous self-discipline than through traditional schooling. That insight resonated with ten-year-old Maretin, struggling to survive in blockaded Leningrad. Like Mukhina, Maretin also studied Makarenko's work from a pedagogical perspective, hailing it as "замечательная книга не только для педагогов, но и для обыкновенных людей". The third-grader even defended the educational theorist from rival pedagogues, whom he called "кабинетные профессора" and whose ideas were "абстрактны и стары". "Я только ругаю себя, что слишком поспешно читал, не всё запомнил", Maretin wrote in his diary⁸².

In their attempts to personalize, replicate, and interiorize various forms of Soviet pedagogy, Bubnova, Mukhina, and Maretin developed their own views on the current state of instruction and teaching methodology employed in the classroom.

After the second siege school year drew to a close, the flow of supplies into the city and of evacuees out of Leningrad greatly improved. Schools began to reopen and the students who remained began to attend more regularly. Amid this process of recovery and restoration, officials proclaimed that education in blockaded Leningrad was a tremendous success. Leningrad schools and orphanages were showcased in *Pravda*, in the educational press, and in exhibitions across the Soviet Union as shining examples of both the children's heroism and the regime's commitment to them. Inside the city, children delivered this message by dancing, singing, and reciting poems for state and party leaders⁸³. And they were honored — for defensive work, community service, and academic studies — by receiving the same honors as adults. Thirty-six thousand Leningrad youths were decorated; 15,000 of them received the coveted medal "For the Defense of Leningrad (за оборону Ленинграда)"⁸⁴.

Despite all of the self-congratulation, a myriad of educational reforms promulgated in summer 1943 and throughout 1944 belied official concerns about losing control over schooling — and thus over the political development, intellectual training, and disciplining of Soviet youth — during WWII. Coeducation was terminated in major cities and curriculum became gender specific. Uniforms as well as tighter controls over attendance, grading, and student deportment were introduced⁸⁵. Leningrad's schools, which were cut off from Kremlin authorities the longest, became a major target of these new directives. Several of them were enforced there before they became national policy. After two years of upheaval, city officials regained control over the scholastic activities of Leningrad children.

The years 1941–1943, however, were a time of tremendous intellectual energy, especially outside of the classroom. The Blockade brought unprecedented challenges to Soviet schooling, but it also fostered a great deal of academic activity and growing interest in pedagogy among young *blokadni*. Beset by school closures and disrupted classes, some youngsters turned to their diaries as workspaces, where they

documented the conditions of wartime education as well as took notes on various lessons — academic, personal, political, social. The journals they kept showcase both young Leningraders' commitment to the regime's educational mission as well as how they inadvertently departed from that agenda. Taking up the mantle of Soviet education, they designed their own programs of study, composed alternative narratives, revisited antiquated textbooks, and sometimes drew unorthodox conclusions from the wartime press and historical analogies. Their wartime engagement with mathematics, composition, history, and political education yielded insights that were bound up with blockade life but were unconventional by official curricular standards.

In their diaries, these young schoolchildren played the roles of instructor, pedagogue, and pupil. And their accounts are indeed instructive about the broader meaning of education under siege. This idea is reflected in an epigraph, which Elena Mukhina added to her diary, promising readers a great educational experience if they opened her journal. “Считай потерянным для себя тот день, когда ты не узнал ничего нового, не научился ничему полезному!”⁸⁶

¹ For examples of this language in adults' diaries, see: Irina Zelenskaia, entries 9/IX/41 and 11/IX/41 // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov, Sankt-Peterburg (TsGAIPD). F. 4000. Op. 11. D. 35. L. 13–14, 36 ob.; Natalia Osipova, entries 6/VIII/41 and 28/XII/41 // TsGAIPD. F. 4000. Op. 11. D. 89. L. 4, 11.

² Zelenskaia, entry 25/XI/41. L. 36 ob.

³ Ksenia Polzikova-Rubets, entry 22/VI/41 // Oni uchilis' v Leningrade: dnevnik uchitel'nitsy. Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo detskoi literatury ministerstva prosveshcheniia RSFSR, 1954. P. 10. This source is hereafter “Polzikova-Rubets (1954)”. There are significant differences between the 1954 edition of her diary, the 2000 edition, and the archival version in TsGAIPD.

⁴ Nina Erokhana (née Klishevich), entry 21/VIII/41 // Gosudarstvennyi memorial'nyi muzei oborony i blokady Leningrada (GMMOBL). F. RDF. Op. 1L. D. 490. L. 13. Also see: Erokhana, entry 15/VI/42. L. 34–35.

⁵ Recounted in: *Dunstan J. Soviet Schooling in the Second World War*. New York: St Martin's Press, 1997. P. 96–97, 100, 103.

⁶ *Selivanov V. Stoiali kak soldaty: Blokada. Detei. Leningrada*. St. Petersburg: Ego, 2002. P. 73; *Snigirev S. F. Deiatel'nost' zhenshchin v leningradskom gosudarstvennom pedagogicheskom institute im. A. I. Gertsena v gody velikoi otechestvennoi voiny* // *Zhenshchina i voina: o roli zhenshchin v oborone Leningrada, 1941–44: Sbornik statei*. St. Petersburg: Izd-vo Sankt Peterburgskogo Universiteta, 2006. P. 118.

⁷ Of the many important studies on Soviet education, I am particularly indebted to: *Cherkin S. A. Sovetskaia obshcheobrazovatel'naia shkola v gody Velikoi otechestvennoi voiny*. Moscow: Pedagogika, 1984; *Dunstan J. Soviet Schooling...*; *Sedova N. V. Shkola v gody voiny* // *Zhenshchina i voina*; *Selivanov V. Stoiali kak soldaty*.

⁸ *Dunstan J. Soviet Schooling...* P. 165.

⁹ Other examples include: Sergei Ezerskii's syndicated *Leningradskaya Pravda* article “This is How We Live” from November 1941; Nikolai Tikhonov's series of articles in December 1942 for *Moskovskaia Pravda* on the children in Leningrad's Orphanage N 58; Polzikova-Rubets' 1943 article “Oдна iz shkol goroda-fronta” in *Sovetskaia Pedagogika*, N 10. P. 49–54.

- ¹⁰ Fadeev A. A. *Leningrad v dni blokady (iz dnevnika)*. Moscow: Sovetskii Pisatel', 1944. P. 61.
- ¹¹ Werth A. *Leningrad*. New York: Alfred A. Knopf, 1944. P. 81, 82.
- ¹² Kuraronok N.G., Kudriashova L.S. *Nas zheg ogon' smertel'nyi! Vospominaniia uchitelei Frunzenskogo raiona o voine 1941–1945*. St. Petersburg: AMOS, 1995. P. 52.
- ¹³ Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge: Harvard University Press, 2006. P. 38–41; Holmes L. *Stalin's School: Moscow's Model School N 25, 1931–1937*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1999. P. 48–51.
- ¹⁴ Stenograficheskii otchet RK VKP(b) g. Leningrada, 26/XI/41 // TsGAIPD. F. 4000. Op. 10. D. 776. Also see: Peri A. *The War Within: Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017.
- ¹⁵ Collective diaries in: *Nichto ne zabyto: 320 stranits o 900 dniakh v blokade Leningrada, 1941–1944*. St. Petersburg, 2005. P. 246; Skorb' i radost'. P. 20; Okhta Porokhovye. P. 26–27; Selivanov V. *Stoiali kak soldaty*. P. 73. On exhibits of children's diaries, see: Nina Gorbunova, entry 1/II/43 // TsGAIPD. F. 4000. Op. 11. D. 27. L. 27. Gorbunova managed Orphanage N 58.
- ¹⁶ Hellbeck J. *Revolution on My Mind*.
- ¹⁷ On the financial and emotional cost of diary-writing under siege, see: Tatiana Grizova-Rudykovskaia (née Rudykovskaia), entries 16, 30/IV/42 // GMMOBL. F. RDF. Op. 1R. D. 1. L. 12–15.
- ¹⁸ Historians often date Stalinist school reform to the Central Committee's resolution of 25 August 1931. It, and several directives that followed, expanded the number of schools and standardized curriculum, textbooks, grading, and discipline (Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 222–224).
- ¹⁹ Soviet schools were often understaffed and undersupplied, and there was a persistent gap between policy and practice (Ewing E. Th. *The Teachers of Stalinism: Policy, Practice, and Power in Soviet Schools of the 1930s*. New York: Peter Lang, 2002. P. 65–72; Holmes L. *Stalin's School*. P. 158). Still, the upheaval wrought by WWII was unprecedented.
- ²⁰ Sedova N. V. *Shkola v gody voiny*. P. 98–99, 101.
- ²¹ David Glantz gives different figures: 3295 highly explosive and 67,078 incendiary bombs (Glantz D. *The Siege of Leningrad, 1941–1945: 900 Days of Terror*. London, 2001. P. 78).
- ²² Figures from: Sedova N. V. *Shkola v gody voiny*. P. 98–99; Selivanov V. *Stoiali kak soldaty*. P. 18, 22, 76. By 1943, circumstances and resources improved. During the 1943/1944 school year, 124 schools served more than 36,000 children. In the 1944/1945 academic cycle, the number of schools was just under 200 (Sedova N. V. *Shkola v gody voiny*. P. 102).
- ²³ Dunstan J. *Soviet Schooling*. P. 91–92; Sedova N. V. *Shkola v gody voiny*. P. 98, 103.
- ²⁴ Mukhina, entries 23, 29/XI/41, 16/XII/41. L. 58 ob., 60 ob., 64 ob.; Glafira Korneeva, entry 13/IX/42 // TsGAIPD. F. 4000. Op. 11. D. 51. L. 33. Korneeva was a schoolteacher at School N 16 before she was sent to Orphanage 27. Later, she was a school inspector, a kindergarten manager, and director of School N 3 in the Sverdlovsk district.
- ²⁵ Dunstan notes that textbook shortages made war news a popular teaching tool throughout the USSR. He also suggests that dictation, composition, and copying off the blackboard remained key pedagogical methods — a different picture than that which emerges in Leningrad teachers' diaries (Dunstan J. *Soviet Schooling*. P. 130–131).
- ²⁶ Valia Peterson, entry 9/X/41 // TsGAIPD. F. 4000. Op. 11. D. 86. L. 2; "Iz dnevnika Maii Bubnovoi", entry 27/XI/41 // *Leningradtsy v dni blokady*. Leningrad, 1947. P. 223–224. This source is hereafter "Bubnova (1947)".
- ²⁷ Bubnova (1947), entry 14/I/42. P. 228.
- ²⁸ Riabinkin, entry 1/XII/41 // Adamovich A., Granin D. *Leningrad Under Siege: First-hand Accounts of the Ordeal* / Transl.: C. Burstall and V. Kissel'nikov. Barnsley: Pen and Sword, 2007. P. 113.
- ²⁹ Because of constant interruptions, GORONO mandated the fall 1941 term be repeated in May and June 1942 (Okhta, Porokhovye. P. 29; Selivanov V. *Stoiali kak soldaty*. P. 194; Sedova N. V. *Shkola v gody voiny*. P. 101, 107).

- ³⁰ Mukhina, entry 11/XI/41. P. 50.
- ³¹ Bubnova, entry 6/VII/43 // TsGAIPD. F. 4000. Op. 11. D. 18. L. 16 ob. — 17. This archival version of her diary is hereafter “Bubnova (1943)”.
- ³² Compare entry 31/I/42 // Bubnova (1947). P. 228 and entry 23/I/42 // Bubnova (1943). L. 12 ob. — 13.
- ³³ Mukhina, entry 22/XI/41. P. 56.
- ³⁴ Mukhina, entry 27/XI/41. P. 60.
- ³⁵ Riabinkin, entry for 6–7/XI/41 // Adamovich A., Granin D. Leningrad Under Siege. P. 100; Mukhina, entry 27/XI/41. P. 59.
- ³⁶ Afanas’ev, entry 12/V/42. P. 38. Afanas’ev and his family fled to Leningrad from Gatchina to escape occupation. Between school closures, falling ill, and moving to new apartments, Afanas’ev and his brother Yuri sporadically attended school, and evacuated in summer 1942. Thanks to Natal’ia Aleksandrovna Afanas’eva for permission to use her late husband’s diary. This unpublished manuscript of Afanas’ev’s diary is hereafter referred to as “Afanas’ev (1942)”. When the texts match, I cite the published edition in: *Staleva T. Vechnyi Deti Blokady: dokumental’nye ocherki*. Moskva, 1995. That source is referred to as “Afanas’ev (1995)”.
- ³⁷ Examples in: Mukhina, entries 29/XI/41, 11/X/41. P. 22, 25; 26/IV/42. P. 57, 49–50, 110–113.
- ³⁸ Peterson, entry 25/XII/41. L. 6 ob. — 7.
- ³⁹ Mukhina, entry 1/XII/41. L. 61 ob. She took attendance in: Ibid, entries 1, 16/XII/41. L. 61 ob., 64 ob.
- ⁴⁰ Blokadnyi dnevnik uchitel’ia Vinokurova, A. I., entry 23/I/42 // *Blokadnye dnevniki i dokumenty*. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2004. P. 243. This source is hereafter “Vinokurov”. He taught geography at Schools N 5 and N 72 before leaving to work as a *voenruk* in School N 169. In 1943, he left teaching to work on the October Railroad, and he was arrested for “counterrevolutionary and anti-Soviet agitation”. While his diary was confiscated as evidence, almost none of his criticisms of the school system were underlined by the NKVD as incriminating.
- ⁴¹ Vinokurov, entry 27–30/III/42. P. 255.
- ⁴² Vinokurov, entry 4/IV/42. P. 258.
- ⁴³ Examples of this shorthand among pupils: Mukhina, entries 25–27/II/42. L. 85 ob., 93 ob.; Dmitri Afanas’ev (1942), entries 8/V–30/VI/42. L. 128–151; among teachers: Valentina Ivleva, entries 11/XI/41 and 2/XII/41 // GMMOBL. F. RDF. Op. 1L. D. 431. L. 9 — 9 ob.; Korneeva, entry 29/IX/42. P. 42–43.
- ⁴⁴ Afanas’ev (1942), entry 5/V/42. P. 126–127.
- ⁴⁵ Polzikova-Rubets (1954), entry 13/XI/41. P. 50–51; Lidiia Zabolotskaia, entry 25/I/43 // TsGAIPD. F. 4000. Op. 11. D. 30. L. 19 — 19 ob. On memory loss and pedagogy, see: Polzikova-Rubets (2000), entry 31/XII/41. P. 10; Polzikova-Rubets (1954), entry 17/XII/41. P. 66.
- ⁴⁶ Korneeva, entry 6/X/42. P. 54.
- ⁴⁷ Riabinkin, entry 1/XII/41. P. 357.
- ⁴⁸ Riabinkin, entry 1/IX/41. P. 41.
- ⁴⁹ Mukhina, entry 23/XI/41. P. 58.
- ⁵⁰ Riabinkin, entry 15/IX/41. P. 292.
- ⁵¹ Riabinkin, entry 29/X/41. P. 97.
- ⁵² Riabinkin, entry 29/XI/41. P. 110–111. On his death, see: Ibid, 200–202.
- ⁵³ On the militarization of academic subjects, see: *Dunstan J. Soviet Schooling*. P. 127–130.
- ⁵⁴ Mukhina, entry 13/II/42. L. 83. Examples of charts in: Ibid, entry 25/I/42. L. 80 ob.
- ⁵⁵ *Dunstan J. Soviet Schooling*. P. 140.
- ⁵⁶ Mukhina, entry 16/XI/41. L. 51 ob.
- ⁵⁷ Mukhina. L. 1.
- ⁵⁸ Riabinkin, entry 25/X/41. P. 96–97.
- ⁵⁹ Afanas’ev (1995), entry 17/VI/42. P. 41; Bubnova (1943), entry 14/XII/41. L. 7 ob.
- ⁶⁰ Bubnova (1943), entry 4/XII/41. L. 7.

- ⁶¹ On the Central Committee's 1931 decree "on strengthening historicism," and similar directives, see: *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility. P. 230–231; *Kelly C.* Children's World, Growing Up in Russia, 1890–1991. New Haven: Yale University Press, 2007. P. 534–536; *Dunstan J.* Soviet Schooling. P. 135–136, 146.
- ⁶² Afanas'ev (1995), entry 22/V/42. P. 38.
- ⁶³ Afanas'ev (1995), entry 22/III/42. P. 34. In his manuscript, Afanas'ev originally wrote "1912" instead of "1812."
- ⁶⁴ Riabinkin, entry 30/XI/41. P. 113.
- ⁶⁵ Bubnova (1943), entry XI/41. L. 4 ob. — 5 ob. No specific date was given for this entry.
- ⁶⁶ Bubnova (1947), entry 20/XII/41. P. 225–226.
- ⁶⁷ Bubnova (1943), entries 1/X/41 and 25/XII/41. L. 3 — 3 ob., 9 ob.
- ⁶⁸ *Dunstan J.* Soviet Schooling. P. 130–131.
- ⁶⁹ Mironova, entry 10/VII/41. P. 5. Also see: Gorbunova, entries 27/X–2/XI/42, and 27/I/43. L. 12 ob. — 13 ob., 26 ob.
- ⁷⁰ See Polzikova-Rubets' history lessons about the Russian empire's battles with Genghis Khan, Karl XII, and Napoleon (Polzikova Rubets (1954), entry 2/XII/41. P. 61–62).
- ⁷¹ *Ewing E. Th.* The Teachers of Stalinism. P. 151–158; *Kelly C.* Children's World. P. 95–96, 125, 535–539; *Konecny P.* Builders and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal: McGill and Queen's University Press, 1999. P. 154–161; *Fitzpatrick S.* Education and Mobility. P. 222–224. Several educational policies resembled those of the Civil War era, including full day kindergartens, but this was due to practical more than ideological concerns (*Kirschenbaum L.* Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932. New York: Routledge, 2001; *Konecny P.* Builders and Deserters. P. 4–5, 152).
- ⁷² Polzikova-Rubets (1954), entry 14/IV/42. P. 94–95.
- ⁷³ Afanas'ev (1995), entry 14/VIII/41. P. 16.
- ⁷⁴ Afanas'ev (1995), entry 15/VII/41. P. 11.
- ⁷⁵ On the anti-Soviet accusation: Mukhina, entry 18/XII/41. L. 65 ob. — 66 ob.
- ⁷⁶ Mukhina, entry 27/XI/41. L. 59 ob. — 60.
- ⁷⁷ Bubnova (1943), entry 6/VII/43. L. 16 ob. — 17 ob. Also see: *Ibid*, entries 23/I/42 and 2/IX/43. L. 12 ob. — 13, 18 ob. — 19.
- ⁷⁸ Mukhina, entry 21/III/42. L. 95 — 95 ob.
- ⁷⁹ Mukhina, entry 13/IV/42. L. 105 ob. — 106. Mukhina studied the 1917 edition of the book.
- ⁸⁰ Mukhina, entry 12/IV/42. L. 104 ob. — 105 ob.
- ⁸¹ Maretin planned to start school in 1941, but due to closures and problems at home, he did not regularly attend until September 1942, when he started third grade at School N 319. This information is drawn from an interview with Maretin in: *Staleva T.* Pust' znaiut zhivushchie... Khudozhestvenno-dokumental'nye ocherki. Moscow: MPI, 1991. P. 8–14.
- ⁸² Maretin's diary // *Staleva T.* Pust' znaiut zhivushchie... P. 8–9.
- ⁸³ In December of 1942 Nikolai Tikhonov visited Gorbunova's orphanage to document it as a success story for *Moskovskaia Pravda*. On these performances, see: Rudykovskaia, entries 13–14/XI/43. P. 55; Gorbunova, entries 20/XII/42 and 1/II/43. P. 19, 27; *Sedova N. V.* Shkola v gody voyny. P. 102; Polzikova-Rubets (1954), entries 17, 18/XII/41 and 21/I/42. P. 66–67, 81; Polzikova-Rubets (2000), entry 3/III/42, 47, 13–14/XI/43. On the exhibitions, see: *Dunstan J.* Soviet Schooling. P. 157.
- ⁸⁴ *Sedova N. V.* Shkola v gody voyny. P. 100–101.
- ⁸⁵ *Ewing E. Th.* Separate Schools: Gender, Policy, and Practice in Postwar Soviet Education. DeKalb: Northern Illinois University Press. P. 32–38; *Shtuman D.* The Soviet Secondary School. New York, 1988. P. 59; *Kelly C.* Children's World. P. 118, 539, 542–543; *Sedova N. V.* Shkola v gody voyny. P. 99; *Selivanov V.* Stoiali kak soldaty. P. 86, 187–192.
- ⁸⁶ Mukhina. L. 1 ob.

А. М. Рябков

О количестве снарядов, выпущенных вражеской артиллерией по Ленинграду в годы Великой Отечественной войны

В 2017–2018 гг. автор статьи занимался выявлением мест падения артиллерийских снарядов и авиабомб, выброшенных¹ немецкими войсками на Ленинград в период блокады. В основу исследования легли оперативные сводки штаба Местной противовоздушной обороны (МПВО) «о результатах артиллерийского обстрела и воздушного налета противника на город Ленинград»². Сводки составлялись в 1941–1944 гг. ежедневно с целью информирования руководства Ленинграда о жертвах и разрушениях, о ходе ликвидации последствий артобстрелов и бомбардировок. По окончании первого этапа автор получил сумму порядка 65 тыс. выпущенных снарядов за все 28 месяцев блокады.

Параллельно автор вел работу по уточнению и развертыванию данных из сводок Штаба МПВО города с помощью сводок штабов МПВО административных районов³, на основании которых составлялись городские сводки. После внесения уточнений порядок количества снарядов (66 000) остался почти неизменным. Распределение снарядов по годам составило: за 1941 г. — около 14 тыс., за 1942 — около 21 500, за 1943 — около 30 500 снарядов.

Послевоенные издания приводят иные итоговые суммы: «около 150 тыс. снарядов»⁴, «около 148,5 тыс. снарядов»⁵, «148 478 снарядов»⁶. Последнее число увековечено памятной табличкой на северо-западном постаменте Аничкова моста⁷.

Анализ ссылок на источники из упомянутых публикаций дает основания предполагать, что число 148 748 было введено в научный оборот после издания в 1966 г. сборника документов «900 героических дней» (далее — Сборник; Документы № 43 и № 44)⁸. В сам Сборник, согласно ссылкам, указанное число попало из двух дел, ныне хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга⁹:

1. Документ № 43 отложился в деле «Штаб Краснознаменной МПВО г. Ленинграда. Докладные записки, планы-конспекты политотдела. Обобщенные материалы Великой Отечественной войны (доклады, сведения, списки). Начало 1941, окончено — 1945» (Ф. 4886. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–5).

Документ, из которого заимствовано число 148748, называется «Цифровые данные о работе Краснознаменной МПВО г. Ленинграда», напечатан на 5 листах (с оборотами, всего 10 страниц) и без сокращений воспроизведен в Сборнике на страницах 137–143¹⁰. Дата составления документа отсутствует, авторы Сборника датируют его «не ранее декабря 1944 года».

Таблица 1. Огневое воздействие противника на Ленинград за период обороны города

Периоды	Зарегистрировано попаданий		
	фугасных авиабомб	зажигательных авиабомб	артиллерийских снарядов
С 04.09.41 по 31.12.41 г.	3295	99 717	30 154
С 01.01.42 по 01.07.42 г.	628	0	34 261
С 01.07.42 по 01.01.43 г.	139	191	15 747
С 01.01.43 по 01.07.43 г.	565	1736	28 930
С 01.07.43 по 22.01.44 г.	16	876	39 386
Всего с 04.09.41 по 22.01.44 г.	4643	102 520	148 478

Источник: 900 героических дней. С. 143.

2. Документ № 44 должен, согласно тексту Сборника, находиться в Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1099. Л. 4–6 — «Сведения Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о количестве артиллерийских снарядов, фугасных и зажигательных бомб, выпущенных по территории г. Ленинграда с 4 сентября 1941 по 22 января 1944 г.» 11 мая 1945 г.

Обращение к архивному документу, однако, показывает, что по указанной в Сборнике ссылке находятся:

– дело с другим названием: «Материалы к установлению виновников авиабомбардировок г. Ленинграда за время войны и блокады по данным штаба Ленинградской Армии противовоздушной обороны» от 5 марта 1945 г.;

– документ с другим названием и содержанием: «Доклад-справка об ответственности немецко-фашистских оккупантов за воздушные бомбардировки города Ленинграда за время войны и блокады (1941–1944 г.г.)», в котором приведены помесечные данные о самолетопролетах и сброшенных авиабомбах, но отсутствуют данные о выпущенных снарядах.

Документ же, приведенный в сборнике под № 44, отложился в другом архивном деле: Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1104. Л. 2–16 — «Справка о количестве артиллерийских снарядов, фугасных и зажигательных бомб, выпущенных по заселенной территории гор. Ленинграда с 4-го Сентября 1941 г. по 22 Января 1944 г. (помесечно) и справка о наиболее крупных очагах поражения от бомбардировок и артобстрелов за Отечественную войну. 11 мая 1945 г».

Если не считать критическими:

- ошибку с архивными реквизитами в документе № 44;
- ошибку в тексте табл. 1 с пересечением дат в интервалах (1 июля и 1 января);
- присоединение данных за 1944 г. к данным за 1943 г. (в 5-й строке указанной таблицы),

то из табл. 1 следует, что в 1941 г. в городе было зарегистрировано порядка 30 тыс. падений снарядов, в 1942 — порядка 50 тыс., в 1943 — порядка 68 тыс.

Таким образом, расхождение между суммарным количеством снарядов, зарегистрированным в сводках МПВО (около 66 тыс.) и указанным в сборнике «900 героических дней» (148 478) составляет 2,25 раза. Расхождение по годам для 1941 г. — 2,14 раза, для 1942 г. — 2,33 раза, для 1943 г. — 2,23 раза.

Объяснить причину столь значительного и, в то же время, плавно распределенного по периодом блокады расхождения в данных небрежным ведением первичного учета невозможно.

Внести ясность позволило обращение к еще одному массиву документов — итоговым (по факту — промежуточным) отчетам, составлявшимся городским штабом МПВО каждые 2–3 месяца блокады¹¹ (см. Приложение), которое дополнило картину ведения службами МПВО учета упавших снарядов, бомб и количества их жертв нарастающим итогом с октября 1941 по апрель 1944 г.

Данные из итоговых отчетов МПВО о количестве выброшенных на город снарядов и бомб и о количестве пострадавших, начиная с приведенных в документе № 1 (здесь и далее: полные архивные реквизиты документа см. Приложение) от 07.10.41 г. и до приведенных в документе № 8 (25.06.42) демонстрируют почти полную преемственность. Незначительные расхождения связаны с описками и ошибками при суммировании, позднее исправляемыми самими авторами документов. В документе № 9 производится корректировка данных: по снарядам на +1,5 %, по ФАБ на –5 %, по ЗАБ на +1,3 %, по раненым на –0,5 %, по убитым на –2,4 %, по всем пострадавшим на –0,9 %. Дальнейший учет штабом МПВО города велся с опорой на документ № 9.

В итоговой справке на имя секретаря горкома ВКП(б) Я. Ф. Капустина от 1 февраля 1944 г. (документ № 21) приводятся окончательные данные о количестве снарядов, бомб и пострадавших от их воздействия жителей города за весь период войны: «...снарядов — 64 239, фугасных авиабомб — 4641, зажигательных авиабомб 69 881, ранено 24 914 человек, убито 7225 человек, всего пострадало — 32 139 человек». Количество снарядов, бомб и число их жертв представлены в разных таблицах, с разбивкой как по месяцам войны, так и по районам города, при полном совпадении контрольных сумм.

Однако через два месяца, в «Справке об основных мероприятиях по Местной Противовоздушной обороне гор. Ленинграда» от 5 апреля 1944 г. начальник Местной ПВО Ленинграда генерал-майор Е. С. Лагуткин указывает (документ № 25): «...на город сброшено до <поверх надписано чернилами “свыше”>

150 тысяч артиллерийских снарядов, до 5000 фугасных бомб и до 100 тысяч зажигательных бомб».

Эти же данные фигурируют в двух справках Е. С. Лагуткина:

– от 6 апреля 1944 г. на имя председателя исполкома Ленгорсовета П. С. Попкова (документ № 26): «Всего на город сброшено:

Артиллерийских снарядов свыше 150 000 штук

Фугасных бомб до 5000 штук.

Зажигательных бомб свыше 100 000 штук.

Количество зажигательных бомб, сброшенных на пустыри, парки и т.д., учесть не представилось возможным»;

– от 8 апреля 1944 г. на имя А. А. Жданова (документ № 27): «За период Отечественной войны всего на город Ленинград противником сброшено:

Фугасных авиабомб — до 5000 штук

Зажигательных авиабомб — свыше 100 000 штук

Артснарядов свыше 150 000 штук».

12 апреля 1944 г. председатель исполкома Ленгорсовета П. С. Попков с трибуны апрельского пленума ЛГК ВКП(б) озвучил эти цифры всем присутствующим (документ № 28): «На протяжении 28 месяцев по городу было подано 643 воздушные тревоги, сброшено 5000 фугасных бомб, более 100 000 зажигательных и более 150 000 снарядов».

11 июля 1944 г. данные в обобщенном виде были поданы ответственному секретарю Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками (документ № 29): «На Ваш запрос сообщая результаты артиллерийских обстрелов и бомбардировки гор. Ленинграда за период Отечественной войны.

На город Ленинград сброшено:

фугасных авиабомб свыше — 5000 шт.

Зажигательных авиабомб свыше 100 000 шт. (без учета бомб, сброшенных на пустыри и парки).

По городу Ленинграду выпущено тяжелых артиллерийских снарядов — свыше 150 000 шт.

От бомбардировок и артиллерийских обстрелов убито и ранено — свыше 32 000 ленинградцев.

Зам. Начальника штаба МПВО г. Ленинграда подполковник Михайлов».

1 ноября 1944 г. датируется «Справка о количестве артиллерийских снарядов, выпущенных противником по городу Ленинграду в период с 4.9.1941 г. по 22.1.44 г.» за подписью начальника штаба МПВО Ленинграда полковника Трегубова, адресованная заместителю командующего артиллерией по политической части ЛФ гв. полковнику Пашину. В справке впервые указано общее количество снарядов (148 748) и приводится распределение их по 28 месяцам периода блокады (документ № 30). Наконец, 11 мая 1945 г. начальник штаба МПВО Ленинграда полковник Трегубов в «Справке о количестве артиллерийских

снарядов, фугасных и зажигательных бомб, выпущенных по заселенной территории гор. Ленинграда с 4-го Сентября 1941 г. по 22 Января 1944 г. (помесечно)», адресованной Ленгоркомиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников, еще раз приводит в качестве итога 148 478 снарядов (документ № 31).

Таким образом, в первых числах апреля 1944 г. итоговое количество выброшенных по Ленинграду артиллерийских снарядов и зажигательных авиабомб (ЗАБ) претерпело внезапную корректировку. При этом количество фугасных авиабомб, число раненых и убитых ленинградцев корректировке не подверглось. В октябре 1944 г. для новых, «скорректированных» количеств снарядов и бомб, ранее не имевших конкретных числовых значений, были предложены «точные» величины, которые были развернуты помесечно.

В мае 1945 г. указанные данные предъявлены Комиссии по установлению и расследованию злодеяний, однако развертка новых сумм снарядов и ЗАБ по дням, районам города и жертвам не производилась.

Внезапный характер изменения отчетности и отсутствие информации о вновь открывшихся в феврале–марте 1944 г. первичных документах, способных объяснить подобное изменение, заставили автора предположить, что данные из отчетов МПВО периода блокады могли быть позднее завышены с неким умыслом, и что существует алгоритм, по которому эти завышения производились.

После обобщения и сравнения нескольких массивов данных такой алгоритм действительно был выявлен.

Общее количество зафиксированных Штабом МПВО за период войны снарядов — 64 239 штук — было умножено на 2, и к производству прибавлено еще 20 тыс. штук. Добавленные 20 тыс. были распределены по пяти условным полугодиям периода блокады следующим образом: 4000 — на 4 месяца 1941 г., 8000 — на 1942 г., 8000 — на 1943 г.

Приписки к четырем месяцам 1941 г. выполнены буквально — месячное количество снарядов умножено на 2, к итогу прибавлена 1000.

Приписки к месяцам 1942–1944 гг. выполнены прибавлением к удвоенной сумме частного от деления 8000 на 12. Поскольку деление указанных чисел нацело невозможно ($8000 / 12 = 666,66$), для прибавления использовались различные величины: или равные 666, или незначительно отличающиеся в большую или меньшую сторону (665, 667, 669 и т. п.).

Исключения составляют:

- май 1942 и январь 1944 г., когда месячное количество снарядов было удвоено без прибавления дополнительного числа;
- июль 1943 г., когда к удвоенному месячному количеству было прибавлено 66;
- декабрь 1942 и 1943 гг., когда прибавление произвольного числа осуществлялось не к удвоенному, а к утроенному месячному количеству снарядов.

Табл. 2 дает наглядное представление о действии описанного алгоритма. В таблице под величиной «А» приняты суммы, поданные начальником штаба

МПВО полковником Трегубовым в ноябре 1944 г. заместителю командующего артиллерией по политчасти ЛФ гв. полковнику Пашину, и в мае 1945 г. — в Комиссию по расследованию, и попавшие впоследствии в сборник «900 героических дней». Под величиной «В» приняты суммы, подававшиеся в ходе блокады штабом МПВО в Смольный с текущими отчетами. В последнем столбце приведены предварительные данные прямого подсчета снарядов и бомб, выполненного автором по оперативным сводкам штабов МПВО в 2017–2018 гг.

Таблица 2. Сопоставление данных о количестве выброшенных на Ленинград артиллерийских снарядов из текущих отчетов штаба МПВО («В») с данными, приведенными в итоговой справке МПВО от 1.11.1944 г. («А»)

Период	Величина «А» и ее источник	Величина «В» и ее источник	Алгоритм получения величины «А»	Подсчитано А. Р.
1941 г.	Документ № 30	Документ № 10		
Сентябрь	5364	2182	$B \times 2 + 1000 = A$	2424
Октябрь	7590	3295	$B \times 2 + 1000 = A$	3860
Ноябрь	11 230	5115	$B \times 2 + 1000 = A$	5291
Декабрь	5970	2485	$B \times 2 + 1000 = A$	2573
ИТОГО за 1941 г.:	30 154	13 077	$B \times 2 + 4000 = A$	14 148
1942 г.	Документ № 30	Документ № 12		
Январь	2696	1015	$B \times 2 + 666 = A$	1022
Февраль	4771	2053	$B \times 2 + 665 = A$	2054
Март	7380	3355	$B \times 2 + 670 = A$	3796
Апрель	6469	2901	$B \times 2 + 667 = A$	2951
Май	6820	3410	$B \times 2 = A$	3420
Июнь	6125	2728	$B \times 2 + 669 = A$	2829
Июль	4375	1856	$B \times 2 + 663 = A$	1776
Август	1550	442	$B \times 2 + 666 = A$	431
Сентябрь	1884	609	$B \times 2 + 666 = A$	520
Октябрь	2921	1128	$B \times 2 + 665 = A$	1130
Ноябрь	2274	804	$B \times 2 + 666 = A$	777
Декабрь	2743	703	$B \times 3 + 634 = A$	704
ИТОГО за 1942 г.:	50 008	21 004	$B \times 2 + 8000 = A$	21 410
1943 г.	Документ № 30	Документы № 16, 20		
Январь	5010	2203	$B \times 2 + 604 = A$	2285
Февраль	5777	2557	$B \times 2 + 663 = A$	2640
Март	3930	1632	$B \times 2 + 666 = A$	1753
Апрель	5451	2391	$B \times 2 + 669 = A$	2550
Май	6044	2689	$B \times 2 + 666 = A$	2661
Июнь	2718	1026	$B \times 2 + 666 = A$	1032
Июль	6962	3448	$B \times 2 + 66 = A$	3358

Август	5829	2579	$B \times 2 + 671 = A$	2476
Сентябрь	11394	5364	$B \times 2 + 666 = A$	5390
Октябрь	4070	1699	$B \times 2 + 672 = A$	1727
Ноябрь	5883	2609	$B \times 2 + 665 = A$	2624
Декабрь	3766	1220	$B \times 3 + 106 = A$	1241
ИТОГО за 1943 г.:	66834	29417	$B \times 2 + 8000 = A$	29737
1944 г.	Документ № 30	Документ № 24		
Январь	1482	741	$B \times 2 = A$	722
ИТОГО за 1944 г.:	1482	741	$B \times 2 = A$	722
Итого за 1941–1944 гг.	148478	64239	$B \times 2 + 20000 = A$	66018

Применяя этот же метод сравнения для фугасных и зажигательных авиабомб, можно получить следующие данные (табл. 3, 4).

Таблица 3. Сопоставление данных о количестве выброшенных на Ленинград фугасных авиабомб (ФАБ) из текущих отчетов штаба МПВО («В») с данными, приведенными в итоговой справке МПВО от 01.11.1944 г. («А»)

Период	Величина «А» и ее источник	Величина «В» и ее источник	Алгоритм получения величины «А»	Подсчитано А. Р.
1941 г.	Документ № 30	Документ № 10		
Сентябрь	991	991	$B = A$	1174
Октябрь	801	801	$B = A$	981
Ноябрь	1244	1244	$B = A$	1275
Декабрь	259	259	$B = A$	273
ИТОГО за 1941 г.:	3295	3295	$B = A$	3703
1942 г.	Документ № 30	Документ № 12		
Январь	0	0	$B = A$	6
Февраль	0	0	$B = A$	0
Март	0	0	$B = A$	70
Апрель	612	612	$B = A$	620
Май	0	0	$B = A$	0
Июнь	11	11	$B = A$	9
Июль	12	12	$B = A$	12
Август	0	0	$B = A$	0
Сентябрь	7	7	$B = A$	7
Октябрь	23	23	$B = A$	23
Ноябрь	82	82	$B = A$	88
Декабрь	15	15	$B = A$	15
ИТОГО за 1942 г.:	762	762	$B = A$	850

1943 г.	Документ № 30	Документы № 16, 20		
Январь	91	91	$B = A$	94
Февраль	44	44	$B = A$	47
Март	140	140	$B = A$	178
Апрель	116	116	$B = A$	113
Май	174	174	$B = A$	187
Июнь	0	0	$B = A$	0
Июль	8	8	$B = A$	7
Август	8	8	$B = A$	9
Сентябрь	0	0	$B = A$	0
Октябрь	0	0	$B = A$	1
Ноябрь	0	0	$B = A$	0
Декабрь	0	0	$B = A$	0
ИТОГО за 1943 г.:	581	581	$B = A$	636
1944 г.	Документ № 30	Документ № 24		
Январь	0	3	$A = 0$	0
ИТОГО за 1944 г.:	0	3	$A = 0$	0
Итого за 1941– 1944 гг.	4638	4641	$B = A$	5189

Таким образом, количество фугасных авиабомб корректировке не подвергалось.

Таблица 4. Сопоставление данных о количестве выброшенных на Ленинград зажигательных авиабомб (ЗАБ) из текущих отчетов штаба МПВО («В») с данными, приведенными в итоговой справке МПВО от 01.11.1944 г. («А»)

Период	Величина «А» и ее источник	Величина «В» и ее источник	Алгоритм получения величины «А»	Подсчитано А. Р.
1941 г.	Документ № 30	Документ № 10		
Сентябрь	31 398	15 398	$B + 16\,000 = A$	15 635
Октябрь	59 926	43 287	$B + 16\,000 + 639 = A$	45 941
Ноябрь	6544	6544	$B = A$	6736
Декабрь	1849	1849	$B = A$	1849
ИТОГО за 1941 г.:	99 717	67 078	$B + 32\,639 = A$	70 161
1942 г.	Документ № 30	Документ № 12		
Январь	0	0	$B = A$	0
Февраль	0	0	$B = A$	0
Март	0	0	$B = A$	0

Апрель	0	0	$B = A$	0
Май	0	0	$B = A$	0
Июнь	0	0	$B = A$	0
Июль	0	0	$B = A$	0
Август	0	0	$B = A$	0
Сентябрь	0	0	$B = A$	0
Октябрь	0	0	$B = A$	0
Ноябрь	191	191	$B = A$	190
Декабрь	0	0	$B = A$	0
ИТОГО за 1942 г.:	191	191	$B = A$	190
1943 г.	Документ № 30	Документы № 16, 20		
Январь	1652	1652	$B = A$	1743
Февраль	0	0	$B = A$	0
Март	1	1	$B = A$	0
Апрель	83	83	$B = A$	92
Май	0	0	$B = A$	0
Июнь	0	0	$B = A$	0
Июль	782	782	$B = A$	801
Август	4	4	$B = A$	6
Сентябрь	0	0	$B = A$	0
Октябрь	90	90	$B = A$	90
Ноябрь	0	0	$B = A$	0
Декабрь	0	0	$B = A$	0
ИТОГО за 1943 г.:	2612	2612	$B = A$	2732
1944 г.	Документ № 30	Документ № 24		
Январь	0	0	$B = A$	0
ИТОГО за 1944 г.:	0	0	$B = A$	0
Итого за 1941–1944 гг.	102 520	69 881	$B + 32 639 = A$	73 083

Количество зажигательных авиабомб скорректировано за счет сентября и октября 1941 г. — периода массового применения таковых Люфтваффе.

К учтенной МПВО сумме сентября прибавлено 16 тыс. штук. Для октября очевидного алгоритма выявить не удалось, однако увеличение количества бомб, вероятнее всего, также велось вначале прибавлением числа 16 000, а после — произвольного трехзначного числа. За остальные месяцы блокады количество ЗАБ корректировке не подвергалось.

Таким образом, можно считать установленным факт сознательного завышения количества артиллерийских снарядов и зажигательных бомб¹², выброшенных в годы войны на Ленинград немецкой артиллерией и авиацией. Корректировка была проведена в два этапа:

1. В первых числах апреля 1944 г., накануне пленума Горкома ВКП(б), зафиксированное в отчетах МПВО общее количество снарядов — 64 239 — было заменено формулировкой «до 150 000» (исправлено на «свыше 150 000»), без разбивки по дням, месяцам и районам, а количество зажигательных бомб с 69 881 было заменено формулировкой «до 100 000» (исправлено на «свыше 100 000»), также без разбивки по дням, месяцам и районам.

2. В октябре 1944 г. количеству снарядов и ЗАБ были назначены новые, конкретные (взамен прежних, «обтекаемых») суммарные значения и выполнена разбивка новых значений по месяцам с использованием вышеописанных алгоритмов.

Авторами документов, в которых впервые появились скорректированные в сторону увеличения данные о количестве снарядов и зажигательных бомб, выступают: начальник МПВО Ленинграда генерал-майор Е. С. Лагуткин и начальник штаба МПВО Ленинграда полковник В. Р. Трегубов. Поскольку весь период войны штаб МПВО добросовестно фиксировал факты падения снарядов и авиабомб и регулярно докладывал результаты в Смольный (см., например, Документ № 21), представляется невероятным, чтобы инициатива осуществить подобную фальсификацию принадлежала им.

Подобное решение могло быть инициировано только «сверху», однако уровень, с которого был отдан приказ увеличить количество снарядов и ЗАБ, или конкретное лицо, отдавшее соответствующее распоряжение, по найденным документам установить не удалось. Требуется провести контекстный анализ обстановки в верхних эшелонах власти, как ленинградской, так и центральной, с целью установления мотива для отдачи подобного приказа. Представляется, что это может быть сделано только в результате обсуждения установленного в представленной публикации факта завышения отчетных данных широким кругом специалистов, занимающихся исследованиями политической жизни Ленинграда и СССР в 1944 г.

Вместе с тем число снарядов 64 239 также не может считаться окончательным, главным образом потому, что несколько районных сводок штабов МПВО по разным причинам не попали в городские сводки, и данные, приведенные в них, оказались неучтенными. По предварительным подсчетам автора, речь может идти о 5190 ФАБ, 73 тыс. ЗАБ и 66 тыс. артиллерийских снарядов, сброшенных на Ленинград в годы Великой Отечественной войны.

Приложение

Приложение содержит ссылки на документы, в которых приведены обобщенные данные о количестве выброшенных на Ленинград снарядов и бомб, а также жертвах обстрелов и бомбардировок

№ док.	Дата документа	Сокращенное название документа	Ф. (И. О.) автора	Архивный шифр
1	07.10.41	Донесение Начальника местной ПВО Ленинграда Командиру 2-го Корпуса ПВО	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 8. Л. 5–11
2	15.12.41	Местная противовоздушная оборона гор. Ленинграда по состоянию на 15 декабря 1941 г.	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 8. Л. 25–39
3	28.02.42	Сводка штаба МПВО о результатах воздушного нападения и арт. обстрела с 04.09.41 по 01.01.42	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 33. Л. 1–8
4	05.03.42	Сводка штаба МПВО о результатах воздушного нападения и арт. обстрела с 04.09.41 по 01.03.42	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 33. Л. 15–31
5	10.04.42	Отчет штаба МПВО о результатах воздушных нападений и арт. обстрелов с 01.01.41 по 31.03.42	Трегубов	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 33. Л. 106–108
6	06.06.42	Доклад о результатах арт. обстрела в период с 01.02.42 по 31.05.42	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 33. Л. 153–157
7	16.06.42	Справка о результатах воздушных нападений и арт. обстрелов с 04.09.41 по 15.06.42	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 33. Л. 158–165
8	25.06.42	Справка о результатах воздушных нападений и артиллерийских обстрелов с 22.06.41 по 22.06.42	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 33. Л. 205–212
9	21.07.42	Справка о выброшенных противником снарядах, ФАБ, ЗАБ и о количестве пострадавших с 22.06.41 по 22.06.42	Михайлов, Куприянов	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 33. Л. 269–270
10	???.???.42	Справка о результатах воздушных нападений и арт. обстрелов с 22.06.41 года по 30.09.42	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 34. Л. 58–70
11	24.12.42	Сведения о бомбардировках и артобстрелах города противником с начала войны до 20.12.42	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 60. Л. 1 – 1 об.
12	17.01.43	Отчет о работе и состоянии МПВО гор. Ленинграда за 1942 г.	Лагуткин, Трегубов	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 60. Л. 6–70
13	18.02.43	Сведения о выброшенных ФАБ, ЗАБ и АС и пострадавших от них с нач. войны по январь 1943 г.	Михайлов	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 60. Л. 80
14	01.04.43	Доклад о работе и состоянии МПВО за время ВОВ на 20 марта 1943 г.	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 60. Л. 89–107
15	01.04.43	Справка о результатах воздушных нападений и арт. обстрелов с 22.06.41 по 01.05.43	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 60. Л. 114–121

№ док.	Дата документа	Сокращенное название документа	Ф. (И. О.) автора	Архивный шифр
16	02.07.43	Таблица данных обстрела противником Ленинграда по дням с 04.09.41 по 31.05.43	Громов	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 60. Л. 107
17	28.07.43	Краткая справка о работе штабов и частей МПВО гор. Ленинграда за январь–июнь 1943 г.	Трегубов	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 60. Л. 139–144
18	14.11.43	Справка о состоянии МПВО за время июнь 1941 — ноябрь 1943 г.	Трегубов	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 60. Л. 200–207
19	10.01.44	Справка Секретарю ЛГК ВКП(б) Жданову о результатах воздушных налетов и артиллерийских обстрелов с 22.06.41 по 31.12.43	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2. Л. 1–5
20	13.01.44	Доклад об оперативной готовности МПВО за 2-е полугодие 1943 г. (по состоянию на 15 декабря)	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2. Л. 7–33
21	01.02.44	Справка Секретарю ЛГК ВКП(б) Капустину о результатах обстрела и бомбардировки противником города Ленинграда за период с 23.06.41 по 22.01.44	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2. Л. 40–43
22	06.02.44	Справка о количестве артснарядов и авиабомб, примененных противником по Ленинграду, за период с 23.06.41 по 22.01.44	Трегубов	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2. Л. 49–52
23	25.02.44	Справка о результатах воздушных налетов и артиллерийских обстрелов города Ленинграда с 23.06.41 по 22.01.44	Лагуткин, Трегубов	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2. Л. 87
24	04.04.44	Отчет о работе Местной ПВО города Ленинграда за 1-й квартал 1944 г.	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2. Л. 96
25	05.04.44	Справка об основных мероприятиях МПВО Ленинграда	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2. Л. 129–133
26	06.04.44	Справка Председателю ИК ЛГС Попкову об основных мероприятиях по МПВО Ленинграда	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2. Л. 134
27	08.04.44	Справка Секретарю ЛГК ВКП(б) Жданову о МПВО Ленинграда за время ВОВ	Лагуткин	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2. Л. 107–128
28	12.04.44	Стенограмма выступления Председателя ИК ЛГС Попкова на заседании пленума ЛГК ВКП(б) 12.04.44	Попков	ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 4883. Л. 71–97
29	11.07.44	Ответ на запрос Ответственному секретарю Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками тов. Куприяновой	Михайлов	ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1104. Л. 1

№ док.	Дата документа	Сокращенное название документа	Ф. (И. О.) автора	Архивный шифр
30	01.11.44	Справка Заместителю командующего артиллерией ЛФ по политчасти о количестве артиллерийских снарядов, выпущенных противником по городу Ленинграду в период с 04.09.41 по 22.01.44	Трегубов	ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2. Л. 201
31	11.05.45	Справка о количестве артиллерийских снарядов, фугасных и зажигательных бомб, выпущенных по заселенной территории гор. Ленинграда с 4-го Сентября 1941 г. по 22 Января 1944 г. (помесячно)	Трегубов	ЦГА СПб. Ф. 8557 Оп. 6. Д. 1104. Л. 2–16

¹ Обобщающий (для бомб и снарядов) термин, используемый в советских отчетных документах периода Великой Отечественной войны.

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 4886. Оп. 11. Д. 3–6, 38–40, 66–70, 89.

³ ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 7, 9–18, 32, 41, 42, 47, 71–76, 90, 91.

⁴ Санкт-Петербург. Энциклопедия. 2-е изд. СПб.–М.: РОССПЭН, 2006. С. 54.

⁵ Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград. Энциклопедический справочник. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1992. С. 66.

⁶ *Беляев А. Н.* Местная Противовоздушная оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. С. 118.

⁷ Текст мемориальной таблички гласит: «Это след от одного из 148 478 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941–44 г.г.».

⁸ 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л.: Наука, 1966.

⁹ В год издания сборника «900 героических дней» ЦГА СПб назывался «Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства».

¹⁰ Расхождения в текстах: Раздел VII. Работа службы связи МПВО Ленинграда. Документ: «...отремонтировано 2221 км радиолинии». Сборник: «...отремонтировано 221 км радиолинии». Раздел XI. Таблица «Среднесуточная продолжительность артобстрелов VIII/1943...». Документ: — 6 ч. 41 м. Сборник — 6 ч. 14 м.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 11. Д. 8, 33, 34, 60; Ф. 4886. Оп. 12. Д. 2.

¹² Рассуждать о точном количестве зажигательных бомб не позволяют данные первичного учета, так как их сброс производился массово и подсчет падений в некоторых районах велся приблизительно (1500, 800, 200, 500 и т. п.). С другой стороны, на протяжении всей блокады существовали устоявшиеся количества сброшенных ЗАБ, переходившие из отчета в отчет и отражавшие степень информированности служб МПВО в тот или иной период времени. Произвольная корректировка этих чисел через два месяца после снятия блокады может также рассматриваться как фальсификация.

А. Н. Чистиков

Возобновление трамвайного движения в блокированном Ленинграде: партийно-советские решения и их реализация

Редкая работа о жизни блокированного Ленинграда, дневник или воспоминание горожанина о той поре обходится без упоминания даты: 15 апреля 1942 г. — дня пуска пассажирского трамвайного движения в осажденном городе после перерыва в несколько месяцев. Многие исследователи и блокадники справедливо рассматривали это событие как проявление нестигаемого духа ленинградцев. Однако возобновление трамвайного движения вызывалось в первую очередь материальными причинами. О них и механизме принятия и реализации властных решений пойдет речь в данной статье.

К началу Великой Отечественной войны трамвайная сеть Ленинграда была одной из самых развитых в стране. Десять трамвайных парков обслуживали около 2300 вагонов, а контактно-путевая сеть насчитывала почти 600 км. На улицы города ежедневно выходили до 60 троллейбусных машин. Каждый день услугами городского электротранспорта пользовались свыше 3,5 млн человек. Кроме того, ленинградский трамвай занимался грузовыми перевозками по заказам промышленности и торговой сети. В мае 1941 г., например, грузовые трамвайные поезда доставили потребителям 180 тыс. т разнообразных грузов.

Широкое развитие и применение трамвая объяснялось тем, что он являлся «самым дешевым, по себестоимости, массовым пассажирским и грузовым транспортом». Его перевозки обходились в несколько раз дешевле автомобильных¹.

В первые месяцы войны нагрузка на трамвай и его значение возросли. По распоряжениям военных, советских и партийных органов города к традиционным перевозкам жителей добавились перевозки воинских контингентов и горожан, мобилизованных на трудовые работы по строительству оборонительных сооружений. Среди грузов стали преобладать оборонная продукция и боеприпасы, а часть вагонов была переделана в санитарные для доставки раненых в госпитали и больницы. Резкое сокращение количества автотранспорта в городе с связи с мобилизацией его на военные нужды, усиливающийся дефицит бензина, особенно с началом блокады, сделали трамвай по сути дела един-

ственным² и незаменимым видом общественного транспорта, работавшего как в гражданской, так и военной области.

Городская власть в лице советских и партийных органов не помышляла о прекращении трамвайного движения. Ситуация осложнилась в ночь с 7 на 8 декабря 1941 г. По сообщению диспетчерской энергослужбы Трамвайно-троллейбусного управления Ленгорисполкома (ТТУЛ), «в связи с выпадением снега была произведена попытка поддержать движение ночью. Из-за массового отключения фидеров переменного тока произошло частичное погашение подстанций № 1, 4, 7, 15, 16, 19, 9, 8, 10. Подача энергии на переменном токе прекратилась. С утра 08.12 движение не возобновлялось»³. Технический сбой привел к тому, что 52 поезда остались на линии, не успев уйти в парки.

Потребовалось экстренное решение Ленгорисполкома, чтобы частично выправить ситуацию. В этом документе, датированном 9 декабря, председатель исполкома П. С. Попков и секретарь исполкома Н. И. Пономарев, ссылаясь на необходимость сокращения расходования электроэнергии, обязали начальника ТТУЛ М. Х. Сороку снять с выпуска 90 трамвайных вагонов, упразднить восемь маршрутов, а еще на девяти изменить направления, дабы в какой-то мере компенсировать закрытые линии, которые тем не менее трамвайщики должны были поддерживать «в состоянии постоянной готовности на случай обходного движения»⁴.

На помощь работникам ТТУЛ советские органы призвали горожан. По решению исполкома Ленгорсовета от 12 декабря 1941 г. вводилась трудовая повинность: рабочих, служащих и учащихся обязали трудиться 3 часа, а трудоспособных граждан, не работавших по найму, — 8 часов в день на уборке снега. Работа «привлекаемым» не оплачивалась, и они не обеспечивались бесплатным питанием⁵. По мнению организаторов, расчистка поддержала бы не только трамвайное, но автомобильное и пешеходное движение. Это решение показывало либо непонимание властными органами ситуации, которая сложилась в городе, либо слабую надежду на то, что административными мерами можно ее выправить. Хлебный паек в это время снизился до печально известных 250 и 125 «блокадных грамм», другие — немногочисленные — продукты либо отсутствовали, либо выдавались с задержкой. Физическое истощение ленинградцев, их резко ухудшившиеся бытовые условия не оставляли никакой надежды на эффективность подобной работы. Не способствовала этому и плохая организация труда.

Для поддержания работы электростанций 9 декабря исполком и бюро горкома ВКП(б) приняли совместное постановление о выделении бензина Автотранспортному управлению исполкома Ленгорсовета для перевозки угля на работавшие государственные электростанции (ГЭС)⁶.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что уголь давал возможность вырабатывать электроэнергию, частично необходимую для продолжения движения трамвайных поездов, прежде всего грузовых, которые требовались

для доставки топлива на электростанции, поскольку грузовой трамвай в отношении объема перевозок имел неоспоримые преимущества перед автомобильным транспортом. Об этом говорил на заседании Ленгорисполкома 25 декабря 1941 г. заместитель председателя исполкома Б. М. Мотылев. При обсуждении вопроса об очистке трамвайных путей от снега он подчеркнул, что речь идет «о непрерывном поддержании трамвайных путей в чистом виде, есть или нет трамвая, всё равно. Ибо в один прекрасный день дадут электроэнергию, надо возить уголь, а возить нельзя». По его мнению, грузовой трамвай играл первостепенную роль, поскольку «надо перевозить раненых, спецгрузы, уголь, почту». Остановка вагонов из-за снежных заносов прежде всего могла сказаться на перебоях в работе четырех действующих ГЭС, что привело бы к энергетическому кризису. Мотылев предлагал дать М. Х. Сороке право составлять акт при остановках трамвая по этой причине и на основании документа привлекать к ответственности председателей райсоветов и их заместителей. В решении потенциальными виновными назначались руководящие лица: «Предупредить председателей исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся и начальника Управления предприятиями коммунального обслуживания т. Карпушенко, что при обнаружении фактов невозможности пуска трамвайного движения из-за неочистки путей, они будут привлечены к ответственности»⁷. На расчистку рельс им отводилось два дня. 26 декабря бюро ГК ВКП(б) опросом принимает два решения: обязать директора завода «Красный выборжец» Е. Б. Задова до 5 января 1942 г. изготовить партию алюминиевых контактов для трамвайных вагонов, а директора завода № 232 М. С. Клавсуть — нормальные фрезы⁸. Всё это свидетельствовало о понимании местной властью необходимости сохранения движения трамвая в городе.

Однако «ненормальное снабжение электростанций города»⁹, снежные заносы, слабое физическое состояние работников ТТУЛ, медленное восстановление контактной сети и путевого хозяйства после артобстрелов и бомбардировок, отсутствие горючего для техники, используемой в хозяйствах ТТУЛ, — всё это привело к параличу трамвайного движения¹⁰. В конце декабря 1941 г. прекратилось пассажирское сообщение¹¹, а в начале января 1942 г. по городу прошел последний грузовой поезд¹². Примечательно, что грузовое трамвайное сообщение длилось дольше, чем пассажирское, что лишний раз подтверждает его востребованность в заблокированном городе.

Прекращение трамвайного движения явилось одной из характеристик «смертного времени» — зимы 1941/1942 г., когда катастрофическая ситуация с продовольствием и топливом в Ленинграде дополнялась ужасными условиями бытовой жизни горожан, отягощенными суровой погодной обстановкой.

Полное отсутствие общественного транспорта в городе вызвало, как писал М. Х. Сорока заместителю председателя исполкома Ленгорсовета В. М. Решкину 6 января 1942 г., «справедливое недовольство граждан». В письме он просил организовать пассажирское движение в утренние и вечерние часы и воз-

обновить работу грузового трамвая. По расчетам Сороки, на это требовалось 87 тыс. кВт-ч в сутки, что соответствовало 20 % всей электроэнергии, вырабатываемой в городе¹³. Предложение начальника ТТУЛ если и не было поддержано в том виде, в каком он предлагал, во всяком случае не было признано нереальным. В этот же день исполком Ленгорсовета утвердил основные показатели эксплуатационного плана хозяйств ТТУЛ на I квартал 1942 г., в котором предусматривался выпуск на линию 1520 пассажирских и 377 грузовых вагонов и 50 троллейбусов, причем грузовой трамвай должен был работать с прибылью¹⁴. А днем позже на заседании Ленгорисполкома с информацией о снабжении города водой выступил П. С. Попков. Упомянув об остановке работы канализационной сети, он предупредил, что «если доведем это дело до тепла, у нас зараза пойдет по всему городу и от инфекции нам будет не отделаться». «Пустить уборные надо при морозах... — продолжил докладчик. — Нечистоты пока во дворе, но как только пустим трамвай, получим бензин — организуем вывозку нечистот»¹⁵. Как видно, и председатель исполкома рассматривал остановку трамвая как временное явление. Вместе с тем в его словах была заложена программа очередности восстановления трамвайного движения: на первый план выдвигался пуск грузового трамвая, обеспечивающий улучшение санитарного состояния города.

Стремление одних и ожидание других натолкнулось на реальную ситуацию с топливом и электроэнергией, которая была в это время в Ленинграде критической, сопоставимой с продовольственной. Достаточно отметить, что вопросы, связанные с топливом и электроэнергией, в первой половине января 1942 г. рассматривались на бюро горкома партии 13 раз (21 % от всех вопросов, ставившихся на обсуждение)¹⁶, и по каждому были приняты либо отдельные решения бюро, либо совместные с исполкомом Ленгорсовета. Несколько самостоятельных решений о распределении автомобильного бензина и расходах донецкого угля в эти две недели принял и исполком¹⁷.

Военный совет Ленинградского фронта попытался вывести город из антисанитарного состояния, в частности, объявив ранее, 25 января 1942 г., об усилении борьбы с нарушителями правил благоустройства и общественного порядка в городе. Наряду с укомплектованием штата дворников и установлением их дежурства было заявлено о привлечении к уборке снега населения города в порядке трудовой повинности. За нарушение правил благоустройства и чистоты граждан могли оштрафовать, а злостных нарушителей — привлечь к уголовной ответственности¹⁸. Видимо, в развитие этого постановления исполком Ленгорсовета принимает 26 января решение «О неотложных мерах по бытовому обслуживанию трудящихся города», проект которого чуть ранее в этот же день был утвержден бюро горкома ВКП(б)¹⁹. В решении первым пунктом ставилась задача силами жильцов очистить дворы, улицы и трамвайные пути от снега, мусора и нечистот²⁰, причем в течение пяти дней, о чем не говорилось в постановлении Военного совета. Примечательно, что пятидневные и декадные сроки

не раз фигурируют в документах партийных и советских органов Ленинграда в данный период²¹. В этом случае (как и в остальных упомянутых) он оказывался нереальным, поскольку ни постановление Военного совета, ни решение исполкома Ленгорсовета, одобренное партийными органами, не учитывали физического состояния подавляющего большинства горожан. Кроме того, они не отвечали на важный вопрос: куда девать снег, мусор и нечистоты, если реки и каналы находятся далеко от места очистки?

Решения, принятые на заседании исполкома, до горожан были достаточно быстро доведены в форме беседы корреспондента «Ленинградской правды» с П. С. Попковым, опубликованной 30 января и переданной по радио. Подвергнув критике многие исполкомы, не организовавшие «поголовного привлечения граждан к уборке домов, дворов и улиц», Попков упомянул о пятидневном сроке, отведенном на их очистку, и заявил о предоставленном исполкомом праве управхозам и комендантам домов привлекать жильцов к этой работе. В выступлении, пожалуй, впервые публично затрагивалась и тема транспорта. Председатель исполкома признал, что в существующих условиях «сильно затруднена уборка и вывозка коммунальным транспортом снега, мусора и нечистот»²². Под ним, видимо, подразумевались конные обозы и специальная техника. Недостаток фуража и бензина если и не привел к их полной остановке, то вряд ли способствовал даже ограниченному функционированию. Понимание необходимости использования транспорта при очистке города здесь неизбежно должно было привести к задаче возобновления грузового трамвайного движения.

Неосуществимость этих указаний советских и партийных органов была очевидна, вероятно, для многих горожан. Директор Архива Академии наук Г. А. Князев в тот же день так откликнулся на обращение Попкова: «Надо... Надо... Надо...». Отоплить, оздоровить, привести в порядок улицы, трамвайные пути, водопровод, дворы, построить на каждом дворе уборные общего пользования и т. д. Когда милиционер пришел в наш дом с приказом, чтобы привести дворовое хозяйство в порядок и убрать снег с улицы, комендантша наша Савченко встретила его отборной руганью: «Накормите сперва, дайте кусок хлеба, тогда и требуйте. А сейчас некому работать, все валятся». <...> Государственному человеку надо быть умнее и осторожнее»²³.

Власти же продолжали стоять на своем, хотя некоторые коррективы были внесены. 16 февраля бюро горкома заслушало отчеты исполкомов Октябрьского и Петроградского районов о выполнении этого решения горисполкома и пришло к неутешительному выводу. «Нужно сказать, что в районах идет только еще раскачивание. По-настоящему ни один из районов не включился еще в очистку города», — заявил В. М. Решкин. Судя по стенограмме, в общей программе очистки акценты были смещены теперь прежде всего на восстановление водопровода и канализации, ибо угроза возникновения эпидемий становилась всё более явственной. Об очистке улиц и дворов выступавшие не го-

ворили, хотя в решении бюро констатировалось, что «уличные магистрали районов по-прежнему находятся в запущенном и антисанитарном состоянии». Видимо, всё же сказалось понимание, что без наличия транспорта заниматься уборкой снега и нечистот — занятие малоэффективное. Важность этого совещания заключалась также в поиске способов для выполнения решения исполкома. Кроме персональной ответственности районных руководителей прозвучали предложения и о стимулировании работы населения. Они сводились, помимо усиления массово-политической работы, к предложениям П. С. Попкова об административном давлении в отношении граждан, которые не выходят на уборку, и А. А. Кузнецова о замене рабочей карточки на иждивенческую тем, кто не хочет работать²⁴. Подобные управленческие рычаги были опробованы чуть позднее — в марте 1942 г., когда кампания по очистке города приобрела массовый характер.

Несмотря на грозные выступления, эффективность намеченных мер, по видимому, была невелика. Инженер И. Д. Зеленская в своем дневнике 1 марта 1942 г. подвела некоторые итоги жизни города за блокадные месяцы. Вспоминная события двухнедельной давности, она записала: «Сейчас с половины февраля посыпались приказ за приказом в части очистки и уборки всего этого кошмара, который весной грозит отравить весь город, но зло уже так велико и так мало и бессильно исправляется, что, боюсь, до тепла мы с ним не справимся. Достаточно посмотреть на наши субботники, которые объявляются регулярно каждое воскресенье, но состоялся только один, когда под командой Махлышева полтора десятка человек очистили лестницы от ледяных наростов и покопались в мусорных кучах во дворе. С тех пор все призывы остались втуне. Организаторы не находятся. Люди не выходят, и всё возвращается вспять»²⁵.

По воспоминаниям М. Х. Сороки, изданным уже в 1980-х гг., видимо, в 20-х числах февраля он имел разговор с А. А. Ждановым, который напутствовал трамвайщиков следующими словами: «С электроэнергией стало лучше, сможем и вас обеспечить. Может быть, не в той мере, в какой хотелось бы, но сможем. А вы постарайтесь к десятому марта вывести поезда»²⁶. Вероятно, эта встреча состоялась после 26 февраля²⁷, когда опросом членов бюро горкома было принято совместное с горисполкомом решение «О работе грузового трамвая». Причина тому, как явствовало из документа, — необходимость «очистки основных магистралей города от снега, мусора, нечистот, а также перевозки грузов». Примечательно, что здесь уже кроме очистки (и сначала основных магистралей, хотя остальная территория также не исключалась) называется и вторая потребность — транспортировка грузов по городу. Поскольку пуск трамвая зависел от многих городских органов и служб, горисполком и горком выступили в данном случае в роли своеобразного координирующего центра, обязав М. Х. Сороку открыть круглосуточное движение 50 грузовых трамвайных поездов, предложив управляющему Ленэнерго И. П. Карась резко увеличить суточную выработку электроэнергии. От исполкома Трамвайно-троллейбусное

управление получило 2 т бензина для приведения в порядок электрических подстанций, а Ленинградская кабельная сеть — 100 л для переключения по кабелям, питающим трамвайные подстанции и парки. Помимо мероприятий, непосредственно касающихся подготовки к пуску трамвая, решение намечало действия и на ближайшую перспективу: начальникам Архитектурно-планировочного управления (АПУ) М. В. Морозову и Управления предприятиями коммунального обслуживания Ленгорисполкома А. Карпушенко предлагалось определить «места свалки снега и нечистот с учетом пуска грузового трамвайного движения»²⁸. Памятуя о скверном положении с очисткой города, выяснившись на заседании бюро горкома 16 февраля, авторы совместного решения 26 февраля возложили персональную ответственность за очистку к 8 марта полотно трамвайных путей не только на председателей райисполкомов, но и на секретарей райкомов, подкрепив административную ответственность партийной.

Опираясь на это решение, М. Х. Сорока издал 28 февраля подробный приказ по Управлению, в котором, «в связи с пуском грузового трамвая на линию», начальникам всех служб и и. о. директора грузопарка Л. П. Булатову ставились конкретные задачи²⁹, связанные с подготовкой к работе подстанций, подвижного состава, путевого хозяйства, диспетчерской станции и линейной агентуры, целевым расходованием электроэнергии. Предполагалось, что работа грузовых поездов будет круглосуточной. Начальник службы пути П. А. Лисов выступал одновременно и в качестве наблюдателя и руководителя работ по очистке путей, проводимых силами райисполкомов, являясь связующим звеном между этими организациями. К этому времени службы и парки ТТУЛ уже занимались восстановлением трамвайного хозяйства, нацеленного на открытие движения.

Ситуация с очисткой города между тем не улучшалась. На заседании горисполкома 3 марта главный архитектор Ленинграда Н. В. Баранов признал, что она «начинает реализовываться только в последние дни» и выразил сомнение в исполнении работ к 20 марта, поставленному советскими органами сроку. «Конечно, если будет пущен трамвай, — продолжал он, — то кое-что сделать можно будет, но всё же срок лучше отодвинуть до 1 апреля». Ему возразил П. С. Попков. Согласившись в том, что очистка идет неудовлетворительно, причем по всему городу, а не только в обсуждаемых Фрунзенском и Ленинском районах, и обратив внимание уже на вторую отсрочку, он увидел причину такого положения в плохой работе районного руководства, которое не мобилизовало своих работников. «У нас много говорят о дистрофиках, — заявил Попков. — Но у нас больше моральных дистрофиков, чем настоящих. Целый ряд инженеров, советских работников заболел этой моральной дистрофией, и от них надо поскорее избавиться, их просто надо выгнать, чтобы они не мешали работать, не мешали проводить мероприятия, намеченные исполкомом и бюро горкома <...> Надо вывести на улицы, по крайней мере, по 30–40 тысяч человек в день. Тогда мы уложимся в сроки. Сейчас надо вздыбить весь город. А то мы говорим месяцами, а результатов нет <...> Сейчас надо работать день

и ночь. Срок очень маленький, а вы всё просите дать отсрочку»³⁰. Тревога Попкова была собравшимся понятна: не он один говорил об опасности возникновения эпидемий, которые могли затронуть не только гражданское население, но и войска Ленинградского фронта.

На партийном собрании ТТУЛ, созданном для обсуждения «приказа тов. Сталина» к 23 февраля и состоявшемся 3 марта, выступавшие часто говорили о предстоящем пуске грузового трамвая 10 марта 1942 г.: от призывов перейти от слов к делу до перечисления конкретных мер, принимаемых службой подвижного состава³¹. Видимо, к этому времени бо́льшая часть восстановительных работ была произведена, потому что уже 5 марта М. Х. Сорока доложил в Смольный о закончившемся ремонте путей на маршрутах грузового трамвая³². На следующий день Ленэнерго дал ток в контактную сеть трамвая³³, что позволило с 8 марта 1942 г. открыть грузовое движение. Всё же один из пунктов решения от 26 февраля — о ежедневной работе 50 грузовых трамваев — выполнить сразу не удалось. В одном из отчетов о работе «грузового трамвайного движения в 1942 г.» отмечалось, что в течение марта в среднем на линию выходило по 20 поездов в день, что, впрочем, по мнению авторов документа, «почти в полной мере удовлетворяло потребность райсоветов в этот период»³⁴.

В день пуска грузового трамвая в Ленинграде состоялся первый массовый воскресник по очистке города. Прямых свидетельств о связи между этими двумя событиями пока не найдено, но ее можно предположить. Вопрос в том, что стало толчком: досрочный пуск трамвая позволил объявить о воскреснике или необходимость проведения мероприятия подтолкнула энергетиков и трамвайщиков к ускоренному пуску грузового трамвая.

На первые воскресники 8 и 15 марта вышли десятки тысяч ленинградцев, однако власть не устроили результаты работы. 12 марта 1942 г. горисполком на своем заседании вынес предупреждение председателям Куйбышевского и Приморского райисполкомов³⁵, а 19 марта, накануне окончания срока полной очистки города, вновь вернулся к этому вопросу, заслушав руководство Дзержинским и Смольнинским райисполкомами. Подводя итоги дискуссии (в частности об эффективности массовых воскресников), П. С. Попков заявил: «Мы заслушали шесть исполкомов районных Советов и ни разу не слышали, чтобы хоть мало-мальски работа шла удовлетворительно»³⁶. Главная причина, по его мнению, крылась в плохой организации дела.

Выступая в защиту воскресников, Попков обвинил районное начальство в том, что «всё внимание было направлено на очистку магистралей, а решение исполкома и бюро горкома заключалось в том, чтобы очистить от нечистот дворы и квартиры». Трудно сказать, насколько справедливой была претензия. В решении горисполкома от 26 января 1942 г. говорилось как о дворах, так и улицах, а решение от 26 февраля нацеливало как раз на очистку магистралей для быстрого пуска грузового трамвая.

На погодную обстановку в своей речи председатель горисполкома не обратил внимания, а судя по записям в дневниках горожан, 8 марта стояла ветреная погода с температурой воздуха -10°C . С 12 марта заметно похолодало, и до 21-го числа мороз достигал 20°C и более³⁷. В этих условиях эффективность работы заметно снижалась.

С 21 марта началось потепление, и пользы от нового воскресника 22 марта оказалось больше, чем прежде. И. Д. Зеленская записала в этот день: «Сегодня я по всему своему немалому пути наблюдала толпы народу, вышедшего на воскресник по очистке улиц. Местами машина прямо с трудом пробиравалась по улицам. Горы сколотого снега и льда и надежда на жизнь. Кое-где ходят уже грузовые трамваи. После 4 или 5 месяцев паралича трамвай кажется прямо воскресением из мертвых»³⁸.

25 марта в 13 часов в Ленинграде была отмечена плюсовая температура³⁹, что вынудило партийно-советскую власть принимать экстренные меры, дабы избежать реального возникновения эпидемий⁴⁰. Традиционный механизм принятия решений был нарушен. Во-первых, горисполком не на заседании, а опросом принял решение о мобилизации населения г. Ленинграда в порядке трудовой повинности на работы по очистке дворов, улиц, площадей и набережных⁴¹. Во-вторых, проект этого решения не обсуждался заранее на бюро горкома партии, как делалось в большинстве случаев. Совместное постановление исполкома Ленгорсовета и бюро горкома партии, принятое также опросом, появилось на следующий день после подписанного решения советских органов и частично отличалось от него. Общими оказались первые пять пунктов, определяющих переход от воскресников к ежедневной уборке города, возраст разных категорий граждан и продолжительность их рабочего дня, а также указывающих на введение специальных повесток горожанам, привлекаемым к трудовой повинности. Если далее в решении Ленгорисполкома разъяснялись условия освобождения от такого рода работы, то совместное постановление конкретизировало действия различных организаций и учреждений. ТТУЛ, в частности, обязали «с 27 марта выпускать на линию для вывозки сколки и снега не менее 50 поездов грузового трамвая ежедневно»⁴². Второй документ персонифицировал ответственность, возложив ее на первых секретарей райкомов и председателей райисполкомов, в то время как решение Ленгорисполкома возлагало ее на райисполкомы. Спешка, с которой были приняты эти документы, отход от привычного порядка их подготовки — всё это подчеркивало экстраординарность ситуации.

Понимали это и горожане. Боец пожарно-комсомольского полка Г. К. Зимницкая записала в дневнике 27 марта: «Наконец пришла весна. Повисли сосульки, забулькала капель. Сегодня все работали на сколке и уборке льда и нечистот <...> Надо успеть убрать, пока это всё в замороженном состоянии: если растает, могут вспыхнуть инфекционные болезни. Работали с большим подъемом, словно вместе с нечистотами расправлялись и с блокадой. Весна всегда надежда»⁴³. Помимо морально-психологического фактора свою роль играли и администра-

тивные меры. Архитектор Э. Г. Левина поведала в дневнике за 4 апреля о таком случае: «...очистка города продолжается. Каждый гражданин должен иметь при себе повестку с отметками о работе, на улице проверяют патрули — у кого повесток нет — ставят на лопату. Наша кассирша пошла в банк, оставила повестку в АПУ — ее заставили колоть лед 2 часа. За это время банк закрылся, и мы остались без зарплаты»⁴⁴.

Чтобы максимально сократить сроки уборки города, ТТУЛ привлёк к работе кроме грузопарка и пассажирские трамвайные парки, выделившие часть моторных вагонов, к которым прицеплялись грузоприцепки⁴⁵. С 3 апреля по распоряжению П. С. Попкова трамвайщиков обязали ежедневно предоставлять по 54 грузовых поезда во все 15 районов города, а на председателей райисполкомов возлагалась ответственность за эффективное использование трамвая: «не менее 5 оборотов каждым поездом» в смену⁴⁶. Однако объём необходимых работ оказался гораздо больше, чем предполагали партийно-советские власти, поэтому к 8 апреля справиться не удалось, и лишь 15 апреля Ленгорисполком отчитался об очистке города. По сообщению «Ленинградской правды», за этот период интенсивной работы с магистралей и из дворов было вывезено около миллиона тонн нечистот, мусора, льда и снега⁴⁷. Грузовой трамвай доставил на свалки около 250 тыс. т этих грузов⁴⁸, т. е. четверть от общего собранного количества.

О возобновлении пассажирского движения трамвайщики заговорили ещё в феврале 1942 г. На заседании партийного бюро 27 февраля при обсуждении докладов и. о. начальника энергослужбы Б. Т. Иванова и начальника службы подвижного состава Б. Г. Кондакова разговор шел больше не о ближайшем пуске грузового трамвая, а о подготовке к открытию пассажирского движения. При этом комплектование отдельных хозяйств необходимыми кадрами, цехов — инженерно-техническим персоналом и подготовку кадров для трампарков планировалось завершить к 15 апреля — дню, когда это открытие действительно состоялось. После трагической зимы 1941/1942 г. кадровый вопрос в ТТУЛ, как, впрочем, и в остальных организациях и учреждениях города, стоял очень остро. От наличия людей зависело восстановление всего трамвайного хозяйства и формирование необходимого, хотя бы на первое время, состава поездных бригад: вагоновожатых и кондукторов. Была ли эта дата определена партийно-советским руководством Ленинграда или ее наметили сами трамвайщики — сказать трудно. Других документов за конец февраля, связанных с предстоящим пуском пассажирского движения, пока не обнаружено.

Найти в обескровленном городе новые кадры трамвайщиков, а тем более подготовить их в кратчайшие сроки было невозможно, поэтому требовалось вернуть бывших работников городского электротранспорта с других предприятий города и фронта. М. Х. Сорока вспоминает, что он обратился к секретарю горкома партии члену Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецову с просьбой помочь отозвать из воинских частей бывших ополченцев, Кузнецов согласился, и по его подсказке Сорока написал письмо командующему

фронтом, которым в то время был генерал-лейтенант М. С. Хозин. Вскоре из армии, а по решению горкома партии и с городских предприятий в ТТУЛ стали возвращаться трамвайщики, пополняя коллективы парков, служб и вагоно-ремонтного завода⁴⁹.

Подготовка к открытию пассажирского движения потребовала не только восстановления части линий, контактной сети и наполнения ТТУЛ кадрами, но и структурных изменений внутри Управления. 24 марта старший инженер-электрик энергослужбы Г. М. Кнерель подал докладную записку главному инженеру Б. Т. Иванову. «В связи с предстоящим в ближайшее время пуском трамвая и [из-за] особого при этом значения энергетической базы трамвайных предприятий — представляется своевременным и необходимым восстановление Отдела Главного Энергетика», — говорилось в документе. В задачи возобновленного отдела входило обследование энергетических ресурсов в период подготовки к пуску пассажирского трамвая и контроль и надзор за потреблением и соблюдением норм и лимитов электроэнергии и топлива. Необходимость существования подобного подразделения была очевидна для руководства ТТУЛ, поэтому Б. Т. Иванов распорядился до 15 апреля укомплектовать штат отдела и содержать его за счет энергослужбы⁵⁰. Главным энергетиком с 4 апреля стал автор записки Г. М. Кнерель⁵¹.

Пуск пассажирского трамвая напрямую был связан с обеспечением электроэнергией и стал возможен лишь после того, как 17 марта 1942 г. на 5-й ГЭС вступил в строй третий котел большой мощности, рассчитанный на сжигание фрезерного торфа⁵², который было проще, чем уголь, доставить в Ленинград.

Конкретные решения о возобновлении пассажирского трамвайного движения были приняты 10 апреля 1942 г. совместно исполкомом Ленгорсовета и бюро горкома партии и 11 апреля — Ленгорисполкомом. Как и в марте, участие исполкома в разработке обоих документов объясняется их разной направленностью. В первом решении расписывались действия ТТУЛ, Ленэнерго, «Водоканала», Телефонной дирекции и иных организаций, способствующие успешному открытию пассажирского движения⁵³. Второе решение фактически сводилось к повторению трех пунктов из первого: начать «нормальную эксплуатацию пассажирского трамвая» с 15 апреля (с подробным указанием маршрутов, чего не было в первом документе); обязать председателей райисполкомов (в совместном решении к ним добавлены секретари райкомов партии) произвести очистку трамвайных путей и мостов; обязать начальника Управления милиции Грушко «обеспечить поддержание порядка среди населения» при пользовании трамваем⁵⁴. В отличие от мартовского, порядок принятия этих решений носил обычный характер. Традиционной была и адресность документов. Условно говоря, первое решение носило «внутренний» характер, второе — «внешний».

Это обстоятельство учел М. Х. Сорока в приказе по ТТУЛ от 11 апреля о мероприятиях по подготовке к пуску трамвая. Ссылка на совместное решение партийно-советских органов в окончательном тексте приказа была заме-

нена на решение Ленгорисполкома. На трех страницах подробно расписывались действия всех служб и парков. К 14 апреля необходимо было подготовить 116 поездов (317 вагонов) и дополнительный резерв в количестве 24 поездов (72 вагона). Приказ заканчивался грозным предупреждением всем руководителям трамвайного хозяйства о том, что его невыполнение будет рассматриваться как срыв решения горисполкома и «повлечет за собою привлечение виновных к судебной ответственности»⁵⁵.

Возобновлением пассажирского трамвайного движения, по воспоминаниям М. Х. Сороки, интересовались не только ленинградские руководители, включая А. А. Жданова, но и в Москве, о чем ему сообщил в личном разговоре А. А. Кузнецов. 14 апреля Кузнецов, Попков и Сорока «проехали по всем маршрутам, которые пускали первыми, побывали на всех конечных станциях, выслушали подробные доклады их начальников»⁵⁶ и остались довольны осмотром. С середины этого же дня и до поздней ночи пробные трамвайные поезда прошли по маршрутам, намеченным к открытию⁵⁷, которое состоялось рано утром 15 апреля 1942 г. За первые два дня трамвай перевез свыше миллиона пассажиров⁵⁸, сэкономив им немало сил и времени.

Восстановление постоянного транспортного движения в блокированном Ленинграде диктовалось военными, экономическими, политическими, идеологическими причинами. При острейшем дефиците бензина наиболее приемлемым оказывалось возобновление трамвайного движения, причем в связи с критической санитарной обстановкой в городе в начале весны 1942 г. партийно-советские власти решили в первую очередь пустить грузовой трамвай, а затем открыть пассажирские маршруты. Исполнение этих решений было связано с координацией деятельности различных учреждений, организаций и предприятий Ленинграда, которую осуществляли Военный совет Ленинградского фронта, горком ВКП(б) и Ленгорисполком. Чрезвычайность ситуации потребовала применения мер не только политико-агитационного характера, но и административных рычагов. Всё это вкупе с самоотверженным трудом многих жителей способствовало возобновлению в Ленинграде трамвайного движения весной 1942 г.

¹ *Сорока М. Х.* Ленинградские трамвайщики в Отечественной войне. Записка. 7 декабря 1942 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 10. Д. 503. Л. 1. Это преимущество хорошо видно из сравнения доли перевозимых пассажиров ленинградским транспортом. В 1940 г. трамвай перевез 90 % пассажиров, троллейбус — 3 %, автобус — 6,5 %, и такси и личные автомобили — 0,5 % (См.: *Трамвай в Санкт-Петербурге*. Научно-справочное издание. СПб., 2007. С. 377).

² До 20 декабря 1941 г. в Ленинграде работали и троллейбусные маршруты, но со значительно меньшим, чем у трамвая, объемом перевозок.

- ³ Трамвай в Санкт-Петербурге. С. 350.
- ⁴ 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 239–240.
- ⁵ Ленинградская правда. 1941. 12 декабря.
- ⁶ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Ч. I. СПб., 2018. С. 476.
- ⁷ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 — декабрь 1942: Сб. документов. СПб., 2017. С. 37, 38.
- ⁸ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. С. 513.
- ⁹ Характеристика взята из совместного решения бюро горкома ВКП(б) и горисполкома от 3 января 1942 г. «О восстановительных работах в госпиталях по системе отопления и водопровода» (См.: Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. С. 526).
- ¹⁰ М. Х. Сорока в своей записке главными причинами остановки трамвая называет отсутствие топлива и электроэнергии (*Сорока М. Х.* Ленинградские трамвайщики в Отечественной войне. Л. 10). На наш взгляд, и остальные перечисленные факторы сыграли свою отрицательную роль.
- ¹¹ Еще 27 декабря 1941 г. трампарк им. Смирнова выпустил на линию 38 вагонов (См.: Ленинградский трамвай. 1941–1945. СПб., 1995. С. 259). Вероятно, это были последние или одни из последних пассажирских трамваев, вышедших на свои маршруты в городе в декабре 1941 г.
- ¹² Ленинградский трамвай. 1941–1945. С. 120.
- ¹³ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. С. 39, примеч. 5.
- ¹⁴ Основные показатели эксплуатационного плана хозяйств ТТУЛ на I квартал 1942 г. 6 января 1942 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-899. Оп. 4. Д. 752. Л. 6.
- ¹⁵ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. С. 53, 54.
- ¹⁶ Подсчитано по: Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. С. 524–550.
- ¹⁷ Перечень решений и распоряжений суженных заседаний Ленгорисполкома и постановлений Военного Совета Ленинградского фронта за 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 80а.
- ¹⁸ 900 героических дней. С. 248–249. Документ датирован по содержанию.
- ¹⁹ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. С. 574.
- ²⁰ Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1942. № 3–4. С. 2.
- ²¹ Бюро горкома ВКП(б) 9 января 1942 г. постановило «в декадный срок проверить и укомплектовать штат работников домохозяйств», а на создание аварийных бригад в райжилуправлениях отводилось всего 5 дней. В такой же срок Управление коммунального обслуживания должно было уложиться, чтобы открыть 25 бань и 7 прачечных, как того требовало решение бюро горкома от 11 февраля 1942 г. (См.: 900 героических дней. С. 243, 255).
- ²² Ленинградская правда. 1942. 30 января.
- ²³ *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 435. Другие примеры негативной реакции см.: *Пянкевич В. Л.* «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014. С. 94–96.
- ²⁴ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. С. 557–561.
- ²⁵ *Зеленская И. Д.* Дневник. 7 июля 1941 г. — 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2010. С. 81.
- ²⁶ *Сорока М. Х.* Фронтной трамвай. Л., 1986. С. 49.
- ²⁷ В «Журнале посещений А. А. Жданова» эта встреча не зафиксирована (См.: Журнал посещений А. А. Жданова. 1941–1944 гг. СПб., 2014).

- ²⁸ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. С. 641.
- ²⁹ Приказ по ТТУЛ. 28 февраля 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-899. Оп. 4. Д. 753. Л. 7–8.
- ³⁰ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского совета. С. 61–62.
- ³¹ Протокол № 14 общего партийного собрания ТТУЛ. 3 марта 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1095. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–5.
- ³² Сорока М. Х. Фронтной трамвай. С. 52.
- ³³ Стенограмма рассказа М. Х. Сороки. 21 декабря 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 503. Л. 15.
- ³⁴ Ленинградский трамвай. 1941–1945. С. 120.
- ³⁵ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского совета. С. 73–74.
- ³⁶ Там же. С. 91.
- ³⁷ Дмитриев Д. К. Дни нашей жизни. Дневники, письма. СПб., 2013. С. 58–59.
- ³⁸ Зеленская И. Д. Дневник. 7 июля 1941 г. — 6 мая 1943 г. С. 87.
- ³⁹ Бузов А. В. Блокада день за днем. Л., 1979. С. 159.
- ⁴⁰ О том, что ситуация не была надуманной, свидетельствует принятое опросом 26 марта решение бюро горкома партии «О мероприятиях по борьбе с эпидемиями сыпного тифа», преамбула которого начиналась словами: «Учитывая исключительно неблагоприятное санитарное состояние города и возникновение очагов сыпного тифа в наиболее угрожаемых объектах (детские дома, эвакупункты, стационары и т. п.)...» (См.: ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 4462. Л. 9. Благодарю К. А. Болдовского за предоставленную информацию).
- ⁴¹ 900 героических дней. С. 264–265.
- ⁴² О мобилизации населения в порядке трудовой повинности на работы по очистке дворов, улиц, площадей и набережных г. Ленинграда. Постановление исполкома Ленгорсовета и бюро горкома ВКП(б). 26 марта 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4462. Л. 9–11.
- ⁴³ Зимницкая Г. К. Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки) // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. СПб., 2012. С. 65.
- ⁴⁴ Левина Э. Г. Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 165.
- ⁴⁵ 900 героических дней. С. 281–282.
- ⁴⁶ Распоряжение № 325 председателя исполкома Ленгорсовета от 2 апреля 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-899. Оп. 4. Д. 752. Л. 18.
- ⁴⁷ Ленинградская правда. 1942. 17 апреля.
- ⁴⁸ Работа Трамвайно-троллейбусного управления Ленгорисполкома в I-м полугодии 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-1095. Оп. 2. Д. 13. Л. 10.
- ⁴⁹ Сорока М. Х. Фронтной трамвай. С. 58.
- ⁵⁰ Докладная записка Г. М. Кнереля Б. Т. Иванову. 24 марта 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-899. Оп. 4. Д. 753. Л. 16, 18.
- ⁵¹ Приказ по ТТУЛ. 4 апреля 1942 г. // Там же. Л. 19.
- ⁵² Усов С. В. [Воспоминания] // Оборона Ленинграда 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 582, 583.
- ⁵³ О пуске пассажирского трамвая. Постановление исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б). 10 апреля 1942 г. // ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 4462. Л. 5. (Благодарю К. А. Болдовского за предоставленную информацию).
- ⁵⁴ 900 героических дней. С. 270–271.
- ⁵⁵ Приказ по ТТУЛ. 11 апреля 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-899. Оп. 4. Д. 753. Л. 22–24.
- ⁵⁶ Сорока М. Х. Фронтной трамвай. С. 63.
- ⁵⁷ Ленинградская правда. 1942. 15 апреля.
- ⁵⁸ Ленинградская правда. 1942. 17 апреля.

References

“Zhestokoe ispy'tanie...” (*dnevnik blokadnitsy*). *Dnevniky blokadny'x zhitelej iz arxiva O. F. Berggol'tsa*. [“Cruel test...” (diary of the blockade survivor). Diaries of blockade inhabitants from O. F. Berggolts archive. In Russ.] // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god: Blokadny'e dnevniky* / [Otv. red. T. S. Czar'kova, N. A. Prozorova]. St. Petersburg, 2015. P. 138–282.

1941 god: V 2 kn. Kn. 2 / Sost. L. E. Reshin i dr.; pod red. V. P. Naumova. Moscow: Demokratiya, 1998.

900 geroicheskix dnei. *Sb. dokumentov i materialov o geroicheskoj bor'be trudyashhixsya Leningrada v 1941–1944 gg.* [900 heroic days. Documents and materials about heroic fight of workers of Leningrad in 1941–1944. In Russ.]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966.

AMOSOVA A. A. *Predannyj zabveniyu: politicheskaya biografiya Petra Popkova. 1937–1950*. [In Russ.] St. Petersburg, 2014.

Arbitrazh v SSSR / Pod red. A. F. Klejmana. [Arbitration in the USSR. Ed. by A. F. Kleinman. In Russ.]. Moscow: Publ. House of Moscow University, 1960.

Arbitrazh v SSSR / Pod red. K. S. Yudel'sona. [Arbitration in the USSR / Ed. by K. S. Yudelson. In Russ.]. Moscow: Publ. House “Yuridicheskaya literatūra”, 1984.

BAZANO I. I. *Patologoanatomicheskaya sluzhba v blokadnom Leningrade: Vospominaniya*. [Pathoanatomical service in besieged Leningrad: Memoirs. In Russ.]. St. Petersburg: GPAB, 2002.

BAZANOVA V. *Vchera by'lo devyat' trevog...* [Yesterday there were nine alarms... In Russ.] // *Neva*. 1999. N 1. P. 123–147.

BELIAEV A. N. *Mestnaya Protivovozdushnaya oborona Leningrada v godi Velikoi Otechestvennoi Vojni*. [Local Air Defense of Leningrad during the great Patriotic war. In Russ.]. Leningrad: Publ. House LGU, 1975.

BERNSHTEJN A. I. *Ae'rostaty' vozdušnogo zagrazheniya v oborone Leningrada*. [Balloons of an air obstacle in defense of Leningrad. In Russ.]. St. Petersburg: Logos, 2003.

Bez antrakta. Aktery' goroda Lenina v gody' blokady'. [Without interval. Actors of the city of Lenin in the years of blockade. In Russ.]. Leningrad: Lenizdat, 1970.

BIANKI V. V. *Lixolet'e: Dnevniky, vospominaniya, pis'ma*. [Hard times: Diaries, memoirs, letters. In Russ.]. St. Petersburg, 2005.

BITNER A. A. *V sem'e vraga naroda poutru prosnut'sya*. [In family of the enemy of the people in the morning to wake up. In Russ.] // *My'e to perezhili: sbornik vospominanij detej blokady' nemetskogo proisxozhdeniya* / Sost. V. A. Korobova. St. Petersburg, 2003.

BLATIN A. Ya. *Vechnyj ogon' Leningrada. Zapiski zhurnalista*. [Eternal flame of Leningrad. Journalist's notes. In Russ.]. Moscow, 1976.

Blokada Leningrada v dokumentah rassekrechennykh arhivov [In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, 2005.

Blokada v resheniyax rukovodyashhix partijny'x organov Leningrada. 1941–1944 gg. Sb. dokumentov. Postanovleniya byuro leningradskix gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij. Chast' 1. Iyun' 1941 g. — mart 1942 g. St. Petersburg, 2019.

Blokadnye dnevniky i dokumenty [Diaries and documents of the Siege. In Russ.]. St. Petersburg, 2004.

BOGOROV A. L. *Zapiski kinoxronikera. Vremya, zapechatlennoe kinoob'ektivom*. [Film reporter's notes. Time imprinted by a film lens. In Russ.]. Leningrad, 1973.

BOLDOVSKIY K. A. *Gorkom VKP(b) i sistema upravleniya Leningradom v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny* // *Vestnik SPbGU. Ser. 2. Istoriya*. 2016. Vyp. 2. P. 61–73. [In Russ.]

BOLDOVSKIY K. A. “V svoem krugu...”: *stenogrammy zasedanij byuro leningradskogo gorkoma VKP(b) kak istochnik po istorii blokady Leningrada* // *Rossiya na perelome: vojny, revolyucii, reformy. XX vek*. [In Russ.] St. Petersburg, 2018. P. 242–254.

BOLDOVSKIY K. A. *Padenie “blokadnykh sekretarej”. Partapparat Leningrada do i posle “leningradskogo dela”*. [In Russ.]. St. Petersburg, 2018.

BOLDOVSKIY K. A. *Social'nyj sostav rukovoditelej poslevoennogo Leningrada po dannym ucheta 1947 g.* // *Novejshaya istoriya Rossii*. 2012. N 3. P. 197–213. [In Russ.]

BOLDOVSKIY K. A., SOBOLEV G. L., HODYAKOV M. V. “Vy prosto neorganizovannye lyudi i ne chuvstvujete otvetstvennosti za svoi dejstva”: *iz peregovorov po pryamomu provodu mezhdu Moskvoy i Leningradom v 1941–1942 gg.* // *Novejshaya istoriya Rossii*. 2014. N 1 (9). P. 275–292. [In Russ.]

BOLDYREV A. N. *Osadnaya Zapis' (Blokadnyj dnevnik)*. [Obsidional Record (Blockade diary). In Russ.]. St. Petersburg, 1998.

BUROV A. V. *Blokada den' za dnem*. Leningrad: Lenizdat, 1979.

- CHERNIK S. A. *Sovetskaia obshcheobrazovatel'naia shkola v gody Velikoi otechestvennoi voiny*. [Soviet comprehensive school in the years of Great Patriotic war. In Russ.]. Moscow, 1984.
- DAROV A. A. *Blokada*. [Blockade. In Russ.]. Moscow, 2012.
- DEMIDOV V. I. *Snaryady dlya fronta*. [In Russ.]. Leningrad, 1985.
- DMITRIEV D. K. *Dni nashej zhizni: dnevniki, pis'ma*. St. Petersburg: [b. i.], 2013.
- Dnevnik A. P. Krajskogo*. [A. P. Kraysky's diary. In Russ.] // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god. P. 19–137.
- DOBROTVORSKAYA K. A. *Blokadny'e devochki*. [Blockade girls. In Russ.]. Moscow, 2013.
- FADEEV A. A. *Leningrad v dni blokady (iz dnevnika)*. [Leningrad in the days of Siege. In Russ.]. Moscow, 1944.
- FICPATRIK SH. *Sryvajte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka*. [Unmask! Identity and imposture in Russia the 20th century. In Russ.]. Moscow, 2011.
- FREJDENBERG O. M. *Osada cheloveka. Publikaciya K. Nevel'skogo*. [Siege of the person. K. Nevelsky's publication. In Russ.] // Minuvshee: Istoricheskij al'manax. 3. Moscow, 1991. P. 9–14.
- GAZIEVA L. L. *"Pri vsekh zolotykh kachestvah leningradskogo naroda prihoditsya vsyo vremya sledit', chtoby nikto ne veshal nos na kvintu..."*. Iz lichnoj perepiski A. A. Zhdanova s I. V. Stalinyim v 1941–1942 gg. // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2015. N 3. P. 31–35. [In Russ.]
- GINZBURG L. Ya. *Zapisny'e knizhki. Vospominaniya. E'sse*. [Notebooks. Memoirs. Essay. In Russ.]. St. Petersburg, 2002.
- GLEBOVA T. *Risovat', kak letopisec. Stranicy blokadnogo dnevnika*. [To draw as the chronicler. Pages of the blockade diary. In Russ.] // Iskusstvo Leningrada. 1990. N 1. P. 28–40.
- GOTKHART S. I. *Vospominaniya blokadnicy* [Memoirs of the blockade survivor. In Russ.] // Istoriya Peterburga. 2005. N 6. P. 74–81.
- GRIGOR'EV V. *Zvenyashhee bienie metronoma* // Vojnoj ukradennoe detstvo (speshim skazat' — poka my zhivy'). Sb. vosp. [The ringing beating of a metronome. In Russ.]. St. Petersburg, 2011. P. 133–167.
- GRYUNBERG-SOLDATOVA L. I. *Punktir moej zhizni*. [Dotted line of my life. In Russ.]. Moscow, 2009.
- IL'INSKIJ I. M. *Velikaya Pobeda*. [Great Victory. In Russ.]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2005.
- ISSI I. *Kak my vy'zhili. Moya vojna, moya blokada...* [As we survived. My war, my blockade... In Russ.] // Blokada blagami ochevidcev. Dnevnik i vospominaniya. Kn. 3 / Sost. S. E. Glezerov. St. Petersburg, 2016. P. 68–282.
- Istochnikovedenie* [Source study. In Russ.] / A. V. Sirenov, E. D. Tverdjukova, A. I. Filjushkin. Moscow, 2015.
- IVANOV M. A. *Blokadny'j dnevnik rektora*. [Blockade diary of the rector. In Russ.]. St. Petersburg, 2014.
- KALININ G. M. *Den' edin: rasskazy i povesti*. [Day is uniform: stories and stories. In Russ.]. Moscow, 2010.
- KAPICZA P. *V more pogasli ogni. Blokadny'e dnevniki*. [In the sea fires went out. Blockade diaries. In Russ.]. Moscow, 1974.
- KHODANOVICH V. I. *Blokadny'e budni odnogo rajona Leningrada*. [Blockade everyday life of one district of Leningrad. In Russ.]. Moscow, 2015.
- KNYAZEV G. A. *Dni velikix ispy'tanij. Dnevniky 1941–1945*. [Days of great tests. Diaries 1941–1945. In Russ.]. St. Petersburg, 2009.
- KOL'CZOVA M. M. *Opalenny'e blokadoj* [Scorched by blockade. In Russ.] // Zvezda. 2004. N 8. P. 108–124.
- KOVAL'CHUK V. M. *Kommunikacii blokirovannogo Leningrada* // Leningradskaya e'popeya. Organizaciya oborony i naselenie goroda / Pod red. V. M. Koval'chuk, N. A. Lomagin, V. A. Shishkin. St. Petersburg, 1995.
- KOVAL'CHUK V. M. *Magistrali muzhestva. Kommunikacii blokirovannogo Leningrada. 1941–1943 gg*. St. Petersburg, 2001.
- KOZLOVA E. E. *Zhizn' chelovecheskaya*. [Human life. In Russ.]. St. Petersburg, 2008.
- KRYUKOV A. N. *Padu li ya, streloy pronzenny'j? Opera i balet v osazhdennom Leningrade*. [Whether I will fall, an arrow pierced? The opera and the ballet in the besieged Leningrad. In Russ.]. St. Petersburg, 2014.
- KRYUKOV A. N. *Radi spaseniya. Deti i muzyka v osazhdennom Leningrade*. [For the sake of rescue. Children and music in the besieged Leningrad. In Russ.]. St. Petersburg, 2013.
- KULAGIN G. A. *Dnevnik i pamyat'. O perezhitom v gody blokady*. [Diary and memory. About endured in the years of blockade. In Russ.]. Leningrad: Lenizdat, 1978.

KURARONOK N. G., KUDRIASHOVA L. S. *Nas zheg ogon' smertel'nyi! Vospominaniia uchitelei frunzenskogo raiona o voine 1941–1945.* [We were burning with death fire! Memoires of teachers from Frunzensky district about the war 1941–1945. In Russ.]. St. Petersburg, 1995.

KUTUZOV V. A. A. *Zhdanov ili A. A. Kuznecov? K voprosu o liderstve v blokirovannom Leningrade* // *Novejschaya istoriya Rossii.* 2012. N 1 (3). P. 193–203. [In Russ.]

KUTUZOV V. A., DEMIDOV V. I. *Chlen Voennogo Soveta A. A. Zhdanov* // *Bitva za Leningrad: problemy sovremennykh issledovanij.* St. Peterburg, 2007. P. 157–170. [In Russ.]

LAPIN I. P. *Vremya takoe.* [Such time. In Russ.]. St. Petersburg, 2007.

LELYUXINA S. B. *Leningradskie zapiski* [Leningrad notes. In Russ.] // *Blokadny`j dnevnik* [Sight]. [E`lektronny`j resurs]. URL: http://3es.ru/journal/index.php?ELEMENT_ID=16 (date of access 12.01.2012).

Leningrad i obespechenie boevoy deyatelnosti flota. 1941–1945 gg. Kn. 3. Moscow: Nauka, 1992.

Leningrad v osade. Sbornik dokumentov o geroicheskoj oborone Leningrada v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1944. [Leningrad in a siege. The collection of documents on heroic defense of Leningrad in days of the Great Patriotic War of 1941–1944. In Russ.] / Otv. red. A. R. Dzeniskevich. St. Petersburg, 1995.

Leningradskij tramvaj. 1941–1945. St. Petersburg: Liki Rossii, 1995.

Leningradtsy v dni blokady [People of Leningrad in Siege days. In Russ.]. Leningrad, 1947.

LEVINA E`. G. *Dnevnik 12 yanvarya 1942–23 iyulya 1944 gg.* // *Chelovek v blokade: novy`e svidetel'stva.* St. Petersburg: Ostrov, 2008. S. 145–213.

LOMAGIN N. A. *Zaxvaty`vayushchaya e`popeya G. L. Soboleva* // *Rossiyskaya istoriya.* 2019. N 3. S. 159–161.

LY`SIKOVA R. N. *Vospominaniya o blokade.* [Memories of blockade. In Russ.]. St. Petersburg, 2013.

MARETIN Yu. V. *Otkry`tie knigi.* [Opening of the book. In Russ.] // *Iz istorii Kunstkamery` (1941–1945).* St. Petersburg, 2003. P. 238–243.

MARTEM`YANOV A. I. *Blokada nachalas`.* [Blockade began. In Russ.] // *Yurovskij E. M. My` vy` zhili v blokadu!* St. Petersburg, 2004.

MIKOYAN A. I. *Tak by`lo. Razmy`shleniya o minuvshem.* Moscow, 2014.

MOZHEJKO V. N., SHKUDIN Z. I. *Arbitrazh v sovetskom xozyajstve: Sbornik vazhnejshix postanovlenij i rasporyazhenij s vvodnoj stat`ej “Arbitrazh i arbitrazhnoe rassmotrenie sporov”.* [Arbitration in the Soviet economy: Collection of important decisions and orders with an introductory article “Arbitration and arbitration of disputes”. In Russ.]. Moscow: Yuridizdat NKYu SSSR, 1941.

Nichto ne zabyto: 320 stranits o 900 dnyakh v blokade Leningrada, 1941–1944. [Nothing is forget: 320 pages about 900 days in Leningrad under Siege. In Russ.]. St. Petersburg, 2005.

POLZIKOVA-RUBECZ K. V. *Dnevnik uchitelya blokadnoj shkoly` (1941–1946).* [Diary of the teacher of blockade school (1941–1946). In Russ.]. St. Petersburg, 2000.

POLZIKOVA-RUBETS` K. V. *Oni uchilis` v Leningrade: dnevnik uchitel'nitsy.* [They have been studying in Leningrad: The diary of teacher. In Russ.]. Leningrad, 1954.

POLZIKOVA-RUBETS` N. V. *Oдна из школ города-фронта* [On of the schools of city-front. In Russ.] // *Sovetskaja pedagogika.* 1943. N 10.

PYANKEVICH V. L. *“Lyudi zhili sluxami”:* *neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada.* St. Petersburg: Vladimir Dal`, 2014.

REPINA L. P. *Personal'naja istoriya i intellektual'naja biografija* [Personal history and intellectual biography. In Russ.] // *Dialog so vremenem.* Moscow, 2002. Vyp. 8: Personal'naja istoriya i intellektual'naja biografija. P. 5–14.

Sankt-Petersburg. Encyclopedia. 2nd ed. St. Petersburg; Moscow: ROSSPEN, 2006.

Sankt-Petersburg. Petrograd. Leningrad. Encyclopedicheskiy spravochnik. [Encyclopedic reference book. In Russ.]. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Encyclopedia, 1992.

SEDOVA N. V. *Shkola v gody vojny.* [School during the war. In Russ.] // *Zhenshchina i voina: o roli zhenshchin v oborone Leningrada, 1941–44: Sbornik statei.* St. Petersburg, 2006.

SELIVANOV V. N. *Stoiali kak soldaty: Blokada. Detei. Leningrada.* [They were standing like soldiers. In Russ.]. St. Petersburg, 2002.

SHAPORINA L. V. *Dnevnik.* [Diary. In Russ.]. Moscow, 2011. T. 1.

SNIGIREV S. F. *Deiatel'nost' zhenshchin v leningradskom gosudarstvennom pedagogicheskom institute im. A. I. Gertsena v gody Velikoi Otechestvennoi vojny.* [Women's work in Leningrad state pedagogical institute in the years of Great patriotic war. In Russ.] // *Zhenshchina i voina: o roli zhenshchin v oborone Leningrada, 1941–44: Sbornik statei.* St. Petersburg, 2006.

- SOBOLEV G. L. *Leningrad v bor'be za vy'zhivanie v blokade. Kniga pervaya: iyun' 1941 — maj 1942*. [Leningrad in fight for survival in blockade. The first book: June, 1941 — May, 1942. In Russ.]. St. Petersburg, 2013.
- SOBOLEV G. L., HODYAKOV M. V. *Prodovol'stvennaya komissiya Voennogo Soveta Leningradskogo fronta v 1942 g.* // Novejshaya istoriya Rossii. 2016. N 1 (15). P. 8–21. [In Russ.]
- SOBOLEV G. L., HODYAKOV M. V. *Publikatsiya novykh dokumentov kak vazhnyj faktor dal'nejshego izucheniya oborony i blokady Leningrada* // Novejshaya istoriya Rossii. 2019. T. 9. N 1. P. 8–34. [In Russ.]
- SOROKA M. X. *Frontovoj tramvaj*. Leningrad: Lenizdat, 1986.
- STALEVA T. *Pust' uznaiut zhivushchie... Hudozhestvenno-dokumental'nye ocherki*. [Let the living know. Artistical and documentary essays. In Russ.]. Moscow, 1991.
- STALEVA T. *Vechnyi Deti Blokady: dokumental'nye ocherki*. [Immortal children of the Siege: documentary essays. In Russ.]. Moscow, 1995.
- Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta. Zapisi obsuzhdenij, zamechanij k proektam, resheniya. Noyabr' 1941 — dekabr' 1942. Sbornik dokumentov*. [In Russ.]. St. Petersburg, 2017.
- Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta: yanvar'—dekabr' 1943 g. Zapisi obsuzhdenij, zamechanij k proektam, resheniya: Sbornik dokumentov*. [In Russ.]. St. Petersburg, 2018.
- SUVOROV N. M. *Sireny' zovut na posty'. Stranicy blokadnogo dnevnika*. [Sirens call on posts. Pages of the blockade diary. In Russ.]. Leningrad, 1980.
- Tramvaj v Sankt-Peterburge. Nauchno-spravochnoe izdanie*. St. Petersburg: Liki Rossii, 2007.
- USOV S. V. [Vospominaniya] // *Oborona Leningrada 1941–1944: vospominaniya i dnevniky uchastnikov*. Leningrad: Nauka, 1968. S. 577–588.
- Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944*. Hamburg, 2002.
- YANUSHEVICH Z. V. *Sluchajny'e zapiski*. [Accidental notes. In Russ.]. St. Petersburg, 2007.
- YASHHUK T. F. *O nekotorykh osobennostyax deyatel'nosti arbitrazhnykh komissij v period NE'Pa*. [About some features of activity of the arbitration commissions in the period of the New Economic Policy. In Russ.] // Rossijskaya akademiya yuridicheskix nauk. Nauchny'e trudy'. 2009. Vyp. 9. T. 1. P. 726–732.
- ZARECKIJ JU. P. *Istoriya subektivnosti i istoriya avtobiografii: vazhnye obnoveniya* [History of subjectivity and history of the autobiography: important updates. In Russ.] // Neprikosnovenny zapas. 2012. N 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/z18.html> (date of access 25.05.2019).
- ZELENSKAYA I. D. *Dnevnik. 7 iyulya 1941 g. — 6 maya 1943 g.* // “Ya ne sdamsya do poslednego...”: zapiski iz blokadnogo Leningrada. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. S. 10–156.
- ZHURAVLEV S. V. *Fenomen “istorii fabrik i zavodov”: gor'kovskie nachinaniya v kontekste jepohi 1930-h godov* [Phenomenon of “history of factories and plants”: Gorky undertakings in the context of an era of the 1930s years. In Russ.]. Moscow, 1997.
- Zhurnal poseshchenij A. A. Zhdanova. 1941–1944 gg.* [In Russ.]. St. Petersburg, 2014.
- ZIMNICHKAYA G. K. *Blokadny'e budni (Dnevnik leningradskoj devochki)* // *Blokada glazami ochevidcev: dnevnik i vospominaniya*. St. Petersburg: Ostrov, 2012. S. 22–105.

Список литературы

- Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944*. Hamburg, 2002.
- «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). Дневники блокадных жителей из архива О. Ф. Берггольц // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники / [Отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова]. СПб., 2015. С. 138–282.
- 1941 god*: В 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова. М.: Демократия, 1998.
- 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966.
- Амосова А. А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014.
- Арбитраж в СССР / Под ред. А. Ф. Клейнмана. М.: Изд-во Московского университета, 1960.
- Арбитраж в СССР / Под ред. К. С. Юдельсона. М.: Юридическая литература, 1984.
- Базан О. И. Патологоанатомическая служба в блокадном Ленинграде: Воспоминания. СПб.: ГПАБ, 2002.
- Базанова В. Вчера было девять тревог... // Нева. 1999. № 1. С. 123–147.
- Без антракта. Актеры города Ленина в годы блокады. Л.: Лениздат, 1970.
- Бернштейн А. И. Аэростаты воздушного заграждения в обороне Ленинграда. СПб.: Logos, 2003.
- Бианки В. В. Лихоletье: Дневники, воспоминания, письма. СПб., 2005.
- Битнер А. А. В семье врага народа поутру проснуться // Мы это пережили: сборник воспоминаний детей блокады немецкого происхождения / Сост. В. А. Коробова. СПб., 2003.

Блатин А. Я. Вечный огонь Ленинграда. Записки журналиста. М., 1976.

Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. 1. Июнь 1941 г. — март 1942 г. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2019.

Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Ч. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2019.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н. Л. Волковского. М.; СПб., 2005.

Богоров А. Л. Записки кинохроникера. Время, запечатленное кинообъективом. Л., 1973.

Болдовский К. А. Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2016. Вып. 2. С. 61–73.

Болдовский К. А. «В своем кругу...»: стенограммы заседаний бюро ленинградского горкома ВКП(б) как источник по истории блокады Ленинграда // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сб. статей / Отв. ред. М. В. Ходяков; отв. сост. А. А. Иванов. СПб.: Лема, 2018. С. 242–254.

Болдовский К. А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб.: Нестор-История, 2018.

Болдовский К. А. Социальный состав руководителей послевоенного Ленинграда по данным учета 1947 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 197–213.

Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В. «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (9). С. 275–292.

Болдырев А. Н. Осадная Запись (Блокадный дневник). СПб., 1998.

Буров А. В. Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1979.

Газиева Л. Л. «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту...». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 31–35.

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.

Глебова Т. Рисовать, как летописец. Страницы блокадного дневника // Искусство Ленинграда. 1990. № 1. С. 28–40.

Готхарт С. И. Воспоминания блокадницы // История Петербурга. 2005. № 6. С. 74–81.

Григорьев В. Звнящее биение метронома // Войной украденное детство (спешим сказать — пока мы живы): Сб. восп. СПб., 2011. С. 133–167.

Грюнберг-Солдатова Л. И. Пунктир моей жизни. М., 2009.

Даров А. А. Блокада. М.: Посев, 2012.

Демидов В. И. Снаряды для фронта. Л.: Лениздат, 1985.

Дмитриев Д. К. Дни нашей жизни: дневники, письма. СПб.: [б. и.], 2013.

Дневник А. П. Крайского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 19–137.

Добротворская К. А. Блокадные девочки. М., 2013.

Ельевич М. И. Арбитражные комиссии // Ученые записки Ленинградского юридического института НКЮ СССР. 1940. Вып. 2. С. 35–61.

Журавлев С. В. Феномен «истории фабрик и заводов»: горьковские начинания в контексте эпохи 1930-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997.

Журнал посещений А. А. Жданова. 1941–1944 гг. СПб.: Национальный центр социальной помощи, 2014.

Зарецкий Ю. П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/z18.html> (дата обращения 25.05.2019).

Зеленская И. Д. Дневник. 7 июля 1941 г. — 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...»: записки из блокадного Ленинграда. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 10–156.

Зимницкая Г. К. Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки) // Блокада глазами очевидцев: дневники и воспоминания. СПб.: Остров, 2012. С. 22–105.

Иванов М. А. Блокадный дневник ректора. СПб., 2014.

Ильинский И. М. Великая Победа. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005.

Исси И. Как мы выжили. Моя война, моя блокада... // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 3 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2016. С. 68–282.

- Источниковедение / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин. М.: Юрайт, 2015.
- Калинин Г. М. День един: рассказы и повести. М., 2010.
- Катица П. В море погасли огни. Блокадные дневники. М.: Советский писатель, 1974.
- Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009.
- Ковальчук В. М. Коммуникации блокированного Ленинграда // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / Под ред. В. М. Ковальчука, Н. А. Ломагина, В. А. Шишкина. СПб., 1995.
- Ковальчук В. М. Магистраль мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943 гг. СПб., 2001.
- Козлова Э. Е. Жизнь человеческая. СПб., 2008.
- Кольцова М. М. Опаленные блокадой // Звезда. 2004. № 8. С. 108–124.
- Крюков А. Н. Паду ли я, стрелой пронзенный? Опера и балет в осажденном Ленинграде. СПб., 2014.
- Крюков А. Н. Ради спасения. Дети и музыка в осажденном Ленинграде. СПб., 2013.
- Кулагин Г. А. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. Л.: Лениздат, 1978.
- Кутузов В. А. А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. 2012. № 1 (3). С. 193–203.
- Кутузов В. А., Демидов В. И. Член Военного Совета А. А. Жданов // Битва за Ленинград: проблемы современных исследований: Сборник статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский региональный центр по изучению военной истории. СПб., 2007. С. 157–170.
- Латин И. П. Время такое. СПб., 2007.
- Левина Э. Г. Дневник 12 января 1942 — 23 июля 1944 гг. // Человек в блокаде: новые свидетельства. СПб.: Остров, 2008. С. 145–213.
- Лелюхина С. Б. Ленинградские записки // Блокадный дневник: Сайт. [Электронный ресурс.] URL: http://Zes.ru/journal/index.php?ELEMENT_ID=16 (дата обращения 12.01.2012).
- Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 / Отв. ред. А. Р. Дзенiskeвич. СПб., 1995.
- Ленинград и обеспечение боевой деятельности флота. 1941–1945 гг. Кн. 3. М.: Наука, 1992.
- Ленинградский трамвай. 1941–1945. СПб.: Лики России, 1995.
- Ломагин Н. А. Захватывающая эпопея Г. Л. Соболева // Российская история. 2019. № 3. С. 159–161.
- Лысикова Р. Н. Воспоминания о блокаде. СПб., 2013.
- Маретин Ю. В. Открытие книги // Из истории Кунсткамеры (1941–1945). СПб., 2003. С. 238–243.
- Мартемьянов А. И. Блокада началась // Юровский Е. М. Мы выжили в блокаду! СПб., 2004.
- Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014.
- Можейко В. Н., Шкудин З. И. Арбитраж в советском хозяйстве: Сборник важнейших постановлений и распоряжений с вводной статьей «Арбитраж и арбитражное рассмотрение споров». М.: Юридиздат НКЮ СССР, 1941.
- Ползикова-Рубец К. В. Дневник учителя блокадной школы (1941–1946). СПб., 2000.
- Пянкевич В. Л. «Люди жили слухами»: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014.
- Ретина Л. П. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. М., 2002. Вып. 8: Персональная история и интеллектуальная биография. С. 5–14.
- Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1: июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013.
- Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 8–21.
- Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 8–34.
- Сорока М. X. Фронтной трамвай. Л.: Лениздат, 1986.
- Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения. Ноябрь 1941 — декабрь 1942. Сборник документов. СПб., 2017.
- Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь–декабрь 1943 г. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. СПб., 2018.
- Суворов Н. М. Сирены зовут на посты. Страницы блокадного дневника. Л., 1980.
- Трамвай в Санкт-Петербурге. Научно-справочное издание. СПб.: Лики России, 2007.
- Усов С. В. [Воспоминания] // Оборона Ленинграда 1941–1944: воспоминания и дневники участников. Л.: Наука, 1968. С. 577–588.
- Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011.

Фрейдберг О. М. Осада человека. Публикация К. Невельского // Минувшее: Исторический альманах. 1991. Вып. 3. С. 9–44.

Ходанович В. И. Блокадные будни одного района Ленинграда. М., 2015.

Шапорина Л. В. Дневник. М., 2011. Т. 1.

Янушевич З. В. Случайные записки. СПб., 2007.

Яцук Т. Ф. О некоторых особенностях деятельности арбитражных комиссий в период НЭПа // Российская академия юридических наук. Научные труды. 2009. Вып. 9. Т. 1. С. 726–732.

К. А. Болдовский. Актуальные вопросы исследований управленческих кадров Ленинграда периода обороны и блокады города

Статья посвящена анализу проблем, возникающих при исследовании структуры управления и деятельности руководящих кадров Ленинграда в период блокады и обороны города во время Великой Отечественной войны. Автор отмечает необходимость исследования системы управления городом, так как в чрезвычайных военных условиях деятельность управленческого аппарата имела большое значение. В статье анализируются некоторые научные работы по данной проблематике и делается вывод о необходимости проведения дополнительных исследований кадрового потенциала города военного времени. Автор рассматривает основные вопросы, на которых необходимо сконцентрироваться при проведении таких исследований. Анализируется значение термина «руководящие кадры» и сравниваются несколько подходов к определению численности регионального управленческого аппарата, которая, по мнению автора, составляет 1200–1400 человек. Остальных работников, занимавших должности номенклатуры горкома, следует относить к исполнительному аппарату. В статье приводятся данные о численном составе и образовательном уровне руководителей города. Исследуется также устойчивость кадрового состава руководящих кадров, уровень их сменяемости. Вторым важным направлением исследований, по мнению автора, является изучение практики подготовки, принятия, реализации и контроля над выполнением управленческих решений. Автор предлагает в качестве основных критериев работы аппарата управления рассматривать такие характеристики, как исполняемость конкретных решений, степень инициативности низовых структур, степень предварительной проработки действий управленческого аппарата. Автор указывает, что при анализе действий ленинградских руководителей необходимо учитывать такие факторы, как непредсказуемость развития военной обстановки, приоритетные направления политики советского государства в целом и определенную зависимость действий региональных лидеров от решений высшего руководства страны.

Ключевые слова: Блокада, Ленинград, партийный аппарат, номенклатура, система управления.

К. А. Boldovskiy. Relevant issues of research into the Leningrad senior executives during the Siege and defense of the city

The article is devoted to the problems of the management structure and activities of the management personnel in Leningrad during the Siege and defense of the city during the Great Patriotic War. The author notes the relevance of studying the city management system, since the activities of the administrative apparatus were of great importance in emergency military conditions. He analyzes some of the scholar topics on this issue and concludes that it is needed an additional research on the personnel potential of a wartime city. The author considers the main issues which it is necessary to focus on while conducting such studies. The author analyzes term the “leading cadres” and compared several approaches to determining the size of the regional administrative apparatus. In the author’s opinion, it was 1200–1400 people. The rest of the staff who held positions of the city committee nomenclature should be assigned to the executive office. The article provides data on amount and educational level of city leaders. The sustainability of the management personnel and the level of their turnover are also investigated. The second important direction of research, according to the author, is the study of the practice of preparing, adopting, implementing and monitoring the implementation of management decisions. The author proposes to consider as the main criteria for the work of the management apparatus such characteristics as the basic performance criteria of specific decisions, the degree of initiative of basic organization, the degree of preliminary study of the actions of the administrative apparatus. The author points out that during analyze of the actions of the Leningrad leaders, it is necessary to take into account such factors as the unpredictability of the development of the military situation, the priority directions of the policy of the Soviet state as a whole and a certain dependence of regional leaders on the decisions of the country’s top leadership.

Key words: Siege, Leningrad, party apparatus, nomenclature, administrative staff.

Болдовский, К. А. — к. и. н., науч. сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
Boldovskiy, K. A. — Candidate of History, Researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.
E-mail: bold63@mail.ru

**Е. Д. Твердюкова. Советский делопроизводственный канон
 в автобиографиях руководителей блокадного Ленинграда**

При изучении феномена руководства блокадным Ленинградом серьезную исследовательскую проблему составляют реконструкции путей социализации и самореализации людей, не связанных кровными узами, но оказавшихся в силу исторических условий в замкнутом пространстве города. Формализованные анкетные листы и листки по учету кадров, заполнявшиеся каждым гражданином в процессе трудовой деятельности, подходят для воссоздания жизненной хроники, но мало могут помочь при анализе карьерных стратегий. В своей статье мы пытаемся определить, возможно ли почерпнуть соответствующую информацию из автобиографий, отложившихся в архивных делах по личному составу. Хотя составлялись автобиографические тексты в свободной форме, обычно в них освещались те же вопросы, что и в анкетных листах или листках по учету кадров. Это заставляет при работе с этим источником анализировать два пласта текста — лично-субъективный и фактологический. Исследование показало, что автобиографии не могут служить источником полных сведений о карьерных практиках управленцев. Представители ленинградского руководства, очевидно, как и все советские граждане, создавали свои тексты сообразно образцу, существующему как де-факто (в виде обязательного перечня вопросов), так и в общественном сознании (в виде социально одобряемых норм), что позволяет говорить о наличии делопроизводственного автобиографического канона.

Ключевые слова: автобиография, делопроизводственный документ, Ленинград, блокада, руководители.

**Elena Tverdyukova. The Soviet office-practice canon in autobiographies
 of heads of besieged Leningrad**

Reconstruction of ways of socialization and self-realization of the people who are not connected by vital bonds, but appeared owing to historical conditions in the closed city space, is a serious research problem when we study a phenomenon of the management of besieged Leningrad. The formalized paper-and-pencil tests and leaves on registration of personnel filled with each citizen in the course of work are suitable for reconstruction of the vital chronicle, but can help in the analysis of career strategy a little. In the article we try to define whether it is possible to gather the relevant information from the autobiographies postponed in archives on staff. Though autobiographical texts were formed in a free form, usually in them the same questions, as in paper-and-pencil tests or leaves on registration of personnel were taken up. It forces to analyze during the work with this source two layers of the text — personal and subjective and factual. The research showed that autobiographies cannot be a source of full information about career practitioners of managers. Representatives of the Leningrad administration, obviously, as well as all Soviet citizens, created the texts in compliance with the sample existing as de facto (in the form of the obligatory list of questions), and in public consciousness (in the form of the social approved norms) that allows to speak about existence of a certain office-practice canon.

Key words: autobiography, office work document, Leningrad, siege, heads.

Твердюкова, Елена Дмитриевна — д. и. н., профессор, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Tverdyukova, Elena Dmitriyevna — Dr. in History, professor, Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: e.tverdyukova.spbu.ru

**В. Л. Пянкевич. «Симфония войны». Звуки и тишина блокадного Ленинграда
 в восприятии горожан**

Статья посвящена изучению звукового облика Ленинграда во время войны и блокады, его восприятия жителями города, воздействия на сознание и память. Звуки войны, безмолвие, городской шум,

салютная пальба в значительной мере определяли морально-психологическое состояние ленинградцев. Вой сирен, свист и разрывы бомб, снарядов вызвали сильнейшее психологическое воздействие, предельно напряженное эмоциональное состояние. Звуки войны не давали уснуть, усиливали страх и чувство одиночества, нервную истощенность, травмировали, лишая человека последних сил. Вой и грохот сменяла «полная», «страшная», «обманчивая» тишина, которая в отсутствие привычного городского шума угнетала и пугала. Поддерживало, а порой определяло эмоциональное состояние многих блокадников городское радио. По мере нарастания трудностей, и прежде всего недоедания, а затем и голода, эмоциональные реакции горожан притуплялись, возникала апатия. Однако вопреки воздушным тревогам, бомбежкам, обстрелам ленинградцы продолжали работать, учиться, заниматься своими делами, поддерживавшими ощущение стабильности и даже мирной жизни. Акустическое пространство блокадного Ленинграда порождало у горожанина разные, в том числе музыкальные ассоциации. Во время блокады многие горожане приобретали полезный, подчас жизненно важный навык распознавания звуков. Статья основана на свидетельствах блокадного периода (дневники, письма, официальные документы, стенограммы устных свидетельств, собранные вскоре после блокады и войны, интервью и воспоминания горожан более позднего времени).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, городское пространство, восприятие, историческая память, звук, тишина.

V. L. Piankevich. “Symphony of War”. Sounds and silence of the besieged Leningrad in the perception of the townspeople

The paper studies the sound image of Leningrad during the war and the blockade, its perception by the inhabitants of the city, the impact on consciousness and memory. War sounds, silence, city noise, salute firing largely determined the moral and psychological state of the Leningraders. The sirens sounds, whistling, ruptures of bombs and shells caused a strong psychological impact, an extremely tense emotional state. The sounds of war did not allowed to sleep, strengthens the fear and loneliness, nervous exhaustion, traumatized, thus depriving the man of the last forces. The howl and thunder had been replacing by “complete”, “terrible”, “deceptive” silence, which, in the absence of the usual urban noise, depress and frighten. City radio supported, and sometimes determined the emotional state of many of the blockade survivors. As the difficulties increase, especially malnutrition, and then hunger, the emotional reactions of the townspeople had become dulled, apathy arose. However, in spite of air raids, bombings, and bombardment, the Leningraders continued to work, study, and do their own business, which supported a sense of stability and even peaceful life. Acoustic space of besieged Leningrad had spawned at townspeople various, including musical associations. During the blockade, many townspeople acquired a useful, sometimes vital, skill in recognizing sounds. The paper is based on the evidence of Blockade’s period (diaries, letters, official documents, periodical press materials), transcript of oral evidence, which appeared shortly after the blockade and the war, memories, interviews created later.

Key words: The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, urban space, perception, historical memory, sound, silence.

Пянкевич, Владимир Леонидович — д. и. н., профессор, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Pyankevich, Vladimir L. — Dr. of Science (History), Professor, Saint Petersburg State University.

E-mail: v-pyankevich@yandex.ru

Н. А. Ломагин. Учет и контроль — основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг.

Ленинград в период ускоренной индустриализации превратился в один из крупнейших мегаполисов, однако инфраструктура, обеспечивавшая его деятельность, включая продовольственные запасы, была слабой и очень уязвимой. Ограниченные каналы снабжения, сводившиеся по сути к перевозкам по железной дороге, небольшие складские емкости в городе, а также отсутствие развитой собственной ресурсной базы — всё это в условиях довоенной установки на запрет формирования существенных запасов превращало Ленинград в крайне уязвимый объект.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, снабжение, учет и контроль, Госплан.

N. A. Lomagin. Accounting and control as the basis of socialism: some thoughts about internal roots of hunger in Leningrad in the autumn and winter of 1941–1942

Leningrad became one of the biggest cities of Europe through speedy industrialization of the 1930s. However, in terms of food supply infrastructure, the city was very vulnerable. Very limited supply lines reduced, in fact, almost exclusively to rail roads, low storage facilities in the city as well as lack of local production of food — all those factors alongside the prewar institutional ban to make substantial food reserves made Leningrad extremely vulnerable during the war with Germany.

Key words: siege of Leningrad, supplies, accounting and control, state planning commission (Gosplan).

Ломажин, Никита Андреевич — д. и. н., профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.
Lomagin, Nikita Andreevich — PhD, Professor, European University in St. Petersburg.
E-mail: lomagin@eu.spb.ru

А. И. Рупасов. Ленинградский городской государственный арбитраж в годы блокады

В статье впервые в историографии анализируется деятельность Государственного арбитража при исполнительном комитете Ленинградского городского совета в период блокады. Государственный арбитраж должен был участвовать в решении преддоговорных и имущественных споров между государственными, кооперативными и иными общественными организациями, предприятиями и учреждениями. Начавшаяся в июне 1941 г. война стала причиной фактической приостановки деятельности арбитража. Только весной 1942 г. арбитражный процесс был возобновлен. Специфическая ситуация, в которой находился Ленинград, побуждала руководство государственного арбитража добиваться значительного расширения своей компетенции. Однако исполнительная власть города стремилась избегать возникновения серьезных противоречий с органами центральной власти. По этой причине большинство предложений руководства городского государственного арбитража поддержано не было.

Ключевые слова: Ленинград, государственный арбитраж, блокада, компетенция, исполнительная власть, военная экономика.

Aleksandr I. Rupasov. Activity of the State Arbitration in Leningrad in the period of blockade

The article analyzes activity of the State Arbitration at Executive Committee of the Leningrad City Council during blockade (1941–1944). Earlier the given problem was not an object of research. The state arbitration had to participate in the solution of precontractual and receivership proceeding between the state, cooperative and other public organizations, the enterprises and establishments. The war which began in June, 1941 became the reason for the actual suspension of activity of arbitration. Only in the spring of 1942 arbitration process was resumed. The specific situation in which there was Leningrad, induced the management of the state arbitration to achieve considerable expansion of the competence. However executive power of the city sought to avoid emergence of serious contradictions with bodies of the central power. For this reason, the majority of proposals of the management of city state arbitration was not supported. At the same time, the arbitration considerably expanded an interaction framework with prosecutor's office, investigating authorities (so-called "function of the alarm system" means). In a certain measure this circumstance changed the legal nature of this body.

Key words: Leningrad, state arbitration, blockade, competence, executive power, military economy.

Рупасов, Александр Иванович — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук; член-корреспондент Финляндского исторического общества (Suomen Historiallinen Seura).

Rupasov, Aleksandr Ivanovich — Dr. of Sciences (History), St. Petersburg institute of History, Russian academy of Sciences; corresponding member of the Finnish historical society.

E-mail: rupasov_ai@mail.ru

Alexis Peri. Lessons of the Leningrad Blockade: Schoolchildren's Diaries as Sites of Learning, 1941–1943

This essay examines the importance of education and the idiom of learning in diaries of the Leningrad Blockade. Using the diaries of schoolchildren, as well as of some teachers, this essay argues that learning and studying continued to play a central role in the lives young *blokadni* even though the conditions of the Blockade greatly disrupted classroom lessons. Nevertheless, determined to maintain their studies and fulfill the Soviet regime's didactic mission, some Leningrad schoolchildren used their diaries to design and carry out their own independent programs of study. In the process of undertaking these self-directed studies, the diarists critically engaged with Soviet textbooks and theories of pedagogy as well as with the particular circumstances created by the siege to draw some unique insights and unorthodox conclusions about familiar subjects like mathematics, history, composition, and political education.

Key words: Leningrad Blockade, education policy, Narkompros, schools, schoolchildren, diaries.

Peri, Alexis — PhD, Associate Professor of History, Boston University.

E-mail: alexisp4@bu.edu

А. М. Рябков. О количестве снарядов, выпущенных вражеской артиллерией по Ленинграду в годы Великой Отечественной войны

В течение блокады Ленинград подвергался систематическим артиллерийским обстрелам и периодическим бомбардировкам с воздуха вооруженными силами фашистской Германии. Службы Местной противовоздушной обороны Ленинграда (МПВО) несли круглосуточное дежурство, фиксируя непосредственно в процессе обстрела или бомбардировки точки падения снарядов и бомб, что позволяло незамедлительно высылать к местам разрывов спасательные отряды и аварийные службы. Скорейшее оказание медицинской помощи раненым снижало количество безвозвратных потерь, быстрая ликвидация возгораний предотвращала развитие пожаров, а своевременное обнаружение неразорвавшихся боеприпасов или бомб с механизмом замедленного действия позволяло эвакуировать жителей с близлежащих территорий и минимизировать возможный ущерб для зданий и сооружений. Ежедневно сводки районных штабов МПВО обобщались в городском штабе и направлялись партийному, советскому и военному руководству города. Сводка включала информацию об административном районе, адресе, объекте и времени падения снаряда или бомбы, количестве раненых и убитых (в случае их наличия), материальном ущербе и мерах, предпринятых для помощи пострадавшим и для ликвидации ущерба. Периодически добавлялись сведения о калибрах снарядов или бомб, о длительности перекрытия движения по районам. Всего за 28 месяцев блокады городскими сводками было учтено 64 239 снарядов, однако в послевоенный период в качестве официально принятого количества снарядов, выпущенных вражеской артиллерией по Ленинграду, стало фигурировать число 148 748. Автором проведена работа по сверке данных из районных и городских сводок МПВО, выявлены алгоритмы формирования обоих чисел. В статье приводятся ссылки на все доступные источники первичного учета выпущенных снарядов с советской стороны, доказываются ошибочность использования числа 148 748 в научном обороте.

Ключевые слова: блокада, Ленинград, артиллерийский обстрел, бомбардировка, снаряд, фугасная бомба, зажигательная бомба, местная противовоздушная оборона.

A. M. Riabkov. About the number of shells, released by the enemy artillery on Leningrad during the Great Patriotic War

Throughout the blockade, Leningrad was bombarded by artillery (systematically) and by Luftwaffe (periodically) of Nazi Germany. Local Air Defense services of Leningrad (MPVO) carried round-the-clock duty, fixing directly in the process of firing or bombing the place of falling of shells and bombs. That was allowed to guide immediately rescue teams and emergency services to the places of explosions. The early provision of medical care to the wounded was reducing the number of irretrievable losses, the rapid elimination of ignitions was preventing the development of fires, and the timely detection of unexploded shells or time bombs was allowing to evacuate residents from nearby areas and minimize possible damage to buildings and structures. Daily reports of administrative districts headquarters of MPVO were generalizing in the city headquarter and

sent to the party, Soviet and military leadership of the city. The report included information on the administrative area, the address, the place and time of impact of the projectile or bomb, the number of wounded and killed (if any), the material damage and the measures taken to assist the victims and to repair the damage. Periodically were adding information about the caliber of shells or bombs, the duration of the overlap of movement in the administrative districts. In just 28 months of the blockade, the city reports accounted for 64,239 shells, but in the post-war period as the officially accepted number of shells fired by enemy artillery in Leningrad began to appear another number — 148, 748. The author carried out the work on the reconciliation of data from district and city reports of the *MPVO*, identified algorithms for the formation of both numbers. The article provides references to all available sources of primary accounting of the released shells from the Soviet side, proves the error of using the number 148, 748 in scientific circulation.

Key words: blockade, Leningrad, artillery shelling, projectile, high-explosive bomb, incendiary bomb.

Рябков, Андрей Маркович — специалист-исследователь, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Riabkov, Andrei — researcher, European University at St. Petersburg.

E-mail: andrejriabkov@yandex.ru

А. Н. Чистиков. Возобновление трамвайного движения в блокированном Ленинграде: партийно-советские решения и их реализация

В статье на основе неопубликованных и опубликованных документов, дневников и воспоминаний анализируются решения городских советских и партийных органов, принятые для возобновления трамвайного движения весной 1942 г. в блокированном Ленинграде, и их реализация. Автор приходит к выводу о том, что в связи с критической санитарной обстановкой в городе было решено в первую очередь пустить грузовой, а потом пассажирский трамвай. Исполнение этих решений было связано с координацией деятельности различных учреждений, организаций и предприятий Ленинграда, которую осуществляли Военный совет Ленинградского фронта, горком ВКП(б) и Ленгорисполком. Чрезвычайность ситуации потребовала применения мер не только политико-агитационного характера, но и административных рычагов. Всё это вкупе с самоотверженным трудом многих жителей способствовало возобновлению в Ленинграде трамвайного движения весной 1942 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, блокада, Ленинградский горком ВКП(б), Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся, блокадный трамвай.

A. N. Chistikov. Renewal of streetcar service in the blocked Leningrad: The party and the Soviet decisions and their realization

In the article, based on unpublished and published documents, diaries and memoirs, the decisions of city Soviet and party bodies undertaken for renewal of streetcar service in the spring of 1942 in the blocked Leningrad and their realization are analyzed. The author concludes that in connection with a critical sanitary situation in the city was decided to start up first of all cargo, and then the passenger tram. The Council of War of the Leningrad front, a city town committee of the All-Union Communist Party (*bolsheviks*) and Leningrad Executive Committee coordinated activity of various institutions, organizations and enterprises of Leningrad to execute these decisions. The extraordinariness of a situation demanded application of measures not only political and propaganda character, but also administrative levers. All this together with dedicated work of many inhabitants promoted renewal in Leningrad of streetcar service in the spring of 1942.

Key words: Great Patriotic War, Leningrad, blockade, Leningrad city town committee of the All-Union Communist Party (*bolsheviks*), Leningrad city council of deputies of workers, blockade streetcar.

Чистиков, Александр Николаевич — д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Chistikov, Aleksandr Nikolaevich — Dr. of Sciences (History), St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: tchistikov@yandex.ru

В. Г. Вовина, Е. С. Дилигул

Древнерусский семинар осенью 2018 г.

Работа Древнерусского семинара осенью 2018 г. началась 20 сентября с доклада нашей американской коллеги Изольды Тирет, которая давно и глубоко занимается исследованиями книжности Нило-Столобенской пустыни в XVII–XVIII вв. Ее доклад назывался «Первые вкладчики Нило-Столобенской пустыни и развитие культа прп. Нила Столобенского».

Доклад вызвал много вопросов. Были затронуты следующие проблемы: при ком возникли житие и службы святому Нилу? связано ли это со вкладами? составлялись ли расспросные речи? а не был ли этот процесс обратным тому, что предполагает докладчик: не культ рос с ростом вкладов, а наоборот, стали делать вклады в связи с ростом авторитета святого? Были заданы и другие вопросы: каким образом можно определить начало общерусского почитания святых, в частности, Нила? когда его имя начинает включаться в святцы? насколько широко это было распространено? и коррелирует ли это с ростом вкладов?

В ответах на вопрос о конкретных вкладчиках, например, об Алексее и Тимофее Лихачёвых (вторая половина XVII в.), И. Тирет пояснила, что культ Нила возник только в начале XVII в., что в это время он был мало известен, хотя со второй половины XVII в. прослеживается тесная связь его с московской политической элитой. На вопрос о том, с деятельностью каких настоятелей связана поддержка культа в XVIII в., докладчик пояснил, что этот сюжет будет темой новой работы; первая редакция жития Нила была написана в начале XVII в., во второй половине XVII в. Нила знали в Москве, но это еще не был общерусский культ, который сложился только в середине следующего столетия. На вопрос об источниках исследования И. Тирет ответила, что вкладные

книги она пока не использовала. Важными представляются переписные книги разных лет. В РГАДА есть список чудес, которые не включены в редакции жития Нила, но появляются в редакции жития, которая возникла в конце XVIII в.

В ходе развернувшейся после доклада дискуссии выступавшие обратили внимание, что докладчик сделал акцент на деятельности Нектария. По мнению И. Тирет, именно его активность, сначала на местном уровне, затем на более широком, способствовала привлечению богатых вкладчиков, к которым впоследствии присоединилась перворазрядная знать. Однако складывается впечатление, что нельзя не учитывать и стечения обстоятельств: крестьяне из окрестностей монастыря, страдавшие лихорадкой, получили исцеление. Это стало отправной точкой возникновения почитания Нила, так возник настоящему народный культ. Случайно оказалось, что среди местных уроженцев были люди влиятельные. Но разве нельзя допустить, что без столь удачного стечения обстоятельств усилия Нектария не были бы столь успешны?

Спор продолжился вопросом, как вообще возникают культы, и нужно ли их специально организовывать. Было отмечено, что долгое время все известные нам культы оставались местными, и для того, чтобы культ распространялся, нужна была какая-то сила извне, толчок. Выступавшие отмечали, что многое, что составляет суть местной жизни, часто не зафиксировано в источниках. Тем не менее культ Нила вырос из географического значения данного места. Интересно, что сведения о Ниловой пустыни у местного населения канонически единообразны, в них есть осознание общности исторической памяти, которая держится веками. Перед нами — крупное явление российской жизни: возвышение малых монастырей. Судьба Нило-Столобенской пустыни в этом плане крайне показательна и важна для исследования феномена святости. Но следует учитывать, что современный человек противопоставляет жизнь хозяйственную и религиозную, а в средневековье это были части одного целого, и в докладе единство духовных и хозяйственных аспектов можно было бы показать. Все выступавшие заметили, что очень важно проследить становление культа святого. Исследователи различных направлений рассматривают жизнь монастырей каждый со своей стороны, а комплексных исследований не хватает. Исследование И. Тирет в этом плане было расценено как образец нового подхода. В докладе, помимо выводов общего характера, было замечено много живой жизни: хотя затронуты только первые годы существования обители, удалось описать монастырь и окружающие его населенные пространства как единый микромир.

25 октября с докладом «Проблемы типологии древнерусского письма» выступили сотрудники Отдела рукописей Российской национальной библиотеки Михаил Алексеевич Шибаев и Евгений Александрович Ляховицкий. Е. А. Ляховицкий представил обзор истории вопроса. По его мнению, начало современным представлениям о типах древнерусских почерков положил А. Л. Шлецер в конце 1760-х гг., в частности введя понятие «полуустав». Продолжение связано с Евгением (Болховитиновым), который, в исследовании жалованной

грамоты Великого князя Мстислава Юрьеву монастырю в 1818 г. впервые написал о последовательно сменявших друг друга трех основных типах почерков (устав, полуустав, скоропись), что было поддержано А. Х. Востоковым и применено при описании собрания рукописей Н. П. Румянцева. Эти положения в дальнейшем не подвергались проверке и были восприняты последующими поколениями палеографов и историков. М. А. Шибаев в своей части доклада продемонстрировал на конкретных примерах, как трудно применить на деле эти положения в реальной работе по атрибуции рукописей. Он показал также, что большую роль в складывании разных типов письма сыграли южнославянские традиции. Другая важная тема, поднятая в докладе: о различии традиций написания текстов богослужебного и летописного характера с одной стороны, и актового материала, а также хозяйственных книг — с другой. Словом «полуустав» обычно называют суженное книжное письмо, используется понятие «старший полуустав», а «младший полуустав» — это тоже большое количество разных типов письма, из которых не все можно противопоставить письму XIII–XIV вв. Во многих случаях исследователи по-разному характеризуют тип письма рукописи, но это обычно не обсуждается. В позднейшей традиции можно выделить два типа письма: книжное и скорописное. Скорописное письмо — это письмо, выполненное так, как было удобно писцу, без эстетизации. Другой тип — это письмо, которое подчиняется определенным правилам и закономерностям и представляет собой систему. Есть еще бытовое письмо — это письмо, которое не регламентируется, оно может базироваться на скорописи, но может и на книжном письме. По мнению авторов доклада, типология письма позволяет анализировать изменения общества.

В ходе развернувшейся дискуссии было высказано мнение, что доклад содержит оригинальные и даже революционные положения. Он разрушает утвердившееся представление о типах древнерусского письма, показывает, что правильно говорить не о скорописи, а о канцелярском письме (пришедшем из сербской письменности), и не о полууставе, а о бытовом или «медленном» письме. Поднимался вопрос о функциональности письма и о том, насколько важно, чтобы документ выглядел красиво. По мнению докладчиков, эксперименты со скорописью можно рассматривать как опыты, во-первых, с эстетикой, а во-вторых, со скоростью: задача применяющего ее — написать быстрее, чем книжное письмо. Если сравнить книжную письменность и акты, то эксперименты, по мнению докладчиков, шли в основном в книжной графике, поскольку там было гораздо больше пространства для разного рода проб, чем в актовой письменности. Писец мог позволить себе сменить почерк по ходу написания книги, актовое письмо не предоставляло возможностей для такого рода действий. Важной оказалась и проблема индивидуальной узнаваемости манеры письма, и вопрос о том, какой тип письма дает для этого больше возможностей. Мы знаем некоторых великокняжеских и некоторых местных дьяков, например писавших для Кириллова монастыря в конце XV в. (до этого в качестве дьяков

там использовались сами монахи). В связи с этими проблемами был поднят вопрос о берестяных грамотах и пергамене как разных материалах письма, что определяло и разные начертания букв, а также о почерках Лаврентьевской летописи и вообще о связи почерка с жанром текста. Докладчики высказали предположение, что у писцов были черновики, и они не могли быть пергаменными, скорее всего, писали на единственном широко доступном материале — бересте, т. е. черновиками ранних пергаменных грамот были берестяные грамоты.

Было высказано мнение, что бытовое письмо XVII в. очень сильно отличается от того, что демонстрировали докладчики. Что касается влияния на письмо эстетических требований, то красота письма зависела от эстетического чувства каждого, так как в каком-то случае это вертикальные элементы, постоянные подчеркивания, а в другом — замысловатый почерк, и это встречается в одной и той же книге. Следует учитывать и индивидуализацию почерков. Высказывалось мнение, что для XVII в. помимо примеров, которые приводили докладчики для ранних рукописей и актов, также можно найти и образцы делопроизводительной скорописи в книжности. Следовательно, не существовало строгого разделения канцелярской и книжной традиции. Влияние сербского письма усваивалось опосредованно, через книжность, а люди, которые занимались делопроизводственным письмом, не имели перед собой иноязычных текстов.

Некоторые выступавшие обсуждали подход докладчиков — стремление изучать при помощи почерка общество. И вновь высказывались сомнения в том, что для характеристики общества, в частности XVII в., этот критерий удастся применить, поскольку в рукописной книжности данного времени нет закономерности в использовании «плохого устава» и скорописи, например при копировании нарративных памятников. Невозможно определить, почему один список скорописный, а другой — полууставной. Более того, в рамках одного и того же сборника или произведения иногда происходит переход с одного типа письма на другой, и непонятно, каким образом можно охарактеризовать владельца рукописи и его цели, используя этот критерий. Если изучать общество через письменность, но тут следует ставить утилитарные задачи: попытаться выяснить, кто мог себе нанять писца, за какие деньги, каковы были потребности в переписи рукописи и как их можно было реализовать. Если установить этих людей, то можно понять, из какой они были социальной группы, хотя на практике (в частности, в монастырях) далеко не всегда написание документов доверяли одному человеку.

По мнению выступавших, переход к канцелярскому письму был связан с экономией места. Можно при поверхностном взгляде подумать, что писцы писали неэкономно, и это во многом объясняется тем, что сначала создавались черновики, куда позднее вписываются пометки, записи, а потом уже создавался беловик. В писцовых книгах, например, много сокращений, и их можно читать по диагонали, можно пропускать какие-то места, скоропись в этом смысле как раз была разумной и помогала быстро найти нужную информацию.

Поднимался вопрос о том, меняются ли типы почерков в 20-е и 60-е гг. XVII в. Обсуждалась и резонность введения нового термина «метное письмо» по отношению к удобному и быстрому письму без эстетизации.

15 ноября 2018 г. состоялся доклад доктора исторических наук, заведующего кафедрой библеистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета профессора Анатолия Алексеевича Алексеева «Переводы с еврейского в Древней Руси». Он был посвящен переводным произведениям с еврейского языка, выполненным на территории Руси в домонгольский период в составе Толковой палеи. Большое внимание было уделено апокрифам в текстах Палеи. В наиболее полном виде это произведение дошло до нас в славянском переводе, выполненном на территории Балкан. Наличие большого количества апокрифов в составе Толковой палеи говорит об их непосредственном переводе с еврейского языка, что, например, не было принято при переводе Библии на латинский язык. Для ряда сюжетов из Толковой палеи оригиналы текстов выявлены, однако для некоторых эпизодов такие источники в настоящее время не обнаружены. Помимо Толковой палеи славянские переводы с еврейского языка в домонгольский период сохранились и в других исторических сочинениях. Доклад вызвал большой интерес, присутствующие задали много вопросов об особенностях переводной терминологии с еврейского на древнерусский язык.

20 декабря 2018 г. с докладом «История древнерусского полюдья» выступил доктор исторических наук, профессор национального исследовательского университета Высшей школы экономики (Москва) Петр Сергеевич Стефанович. В докладе излагались основные положения, уже обнародованные автором в статье «Полюдье в X–XVI вв.», опубликованной в № 6 журнала «Российская история» за 2017 г. В историографии домонгольской и допетровской Руси в целом, по мнению докладчика, история налогов является своеобразным белым пятном. На эту тему пока практически нет крупных обобщающих работ, в большей степени исследовалось налогообложение в Московском государстве, однако его связь с древней налоговой системой Руси остается недостаточно освещенной. Выходившие обзоры налоговой системы носили поверхностный характер. В связи с этим необходимость вписать полюдье как малую фискальную систему и как часть более крупного налогового организма в его состав виделась докладчику важной и перспективной задачей. П. С. Стефанович предложил прибегнуть к ретроспективному анализу: посмотреть на более позднее упоминание «полюдья» и сопоставить его с более ранним, а также попытаться выяснить динамику развития содержания термина. Данный термин в процессе бытования постепенно дифференцировался по смыслу, и в отдельных регионах в зависимости от уровня их развития он приобрел различные значения. В XII в. в более архаичных регионах «полюдьем» называется объезд князем территории, а в более развитых речь идет о сборе дани. Это свидетельствует об эволюции форм налогообложения. После монгольского нашествия земли, вошед-

шие в состав Великого княжества Литовского, не испытывали на себе жесткого налогового гнета Золотой Орды и сохранили древнерусскую традицию. Там полюдье в разных его формах дожило до середины XVI в. В северо-восточной Руси вводились более жесткие формы прямого налогообложения. Здесь практика полюдья достаточно быстро прекратилась. В XIV в. происходило становление новой, московской системы налогообложения, построенной на взимании прямого налога с большей части населения. Такая система впоследствии давала возможность концентрировать ресурсы, чем и объясняется отчасти подъем Московского государства в XV в.

К докладу П. С. Стефановича был проявлен большой интерес со стороны присутствовавших участников семинара. В ходе дискуссии обсуждался вопрос о происхождении понятия «люди» и связи этого славянского слова с западно-европейской традицией налогообложения и германской грамматикой. Было высказано мнение, что, хотя слово «люди» имело германские корни и было принесено на Русь варяжскими князьями, однако попытки представить сам институт «полюдья» заимствованным (варяжским или германским) являются неубедительными. Затрагивались вопросы об изменении содержания термина «полюдье» в процессе его бытования, а также об устойчивости смысла этого понятия. Было высказано сомнение в том, что при применении термина «полюдье» на Севере Руси (в Новгороде) и в Киевской земле он мог иметь одинаковое значение. Был поставлен вопрос: а можно ли говорить о регулярности использования термина «полюдье» на территории всех русских земель? В процессе дискуссии был также затронут вопрос о копировании архиерейским двором той терминологии, которая применялась княжеским двором. Высказывалось предположение, что копирование делопроизводственной терминологии, в том числе понятий, связанных с налогообложением, происходило не полностью. Докладчику было рекомендовано расширить историографию и подвергнуть анализу больше работ о полюдье. По итогам обсуждения доклада было констатируется, что для раннего этапа бытования термина «полюдье», а также в более поздние периоды в его архаичном значении можно говорить о неустойчивости его значения. Внутри системы термин мог иметь разные смыслы. Но в целом они укладываются в два смысла: налог и объезд.

Ниже публикуется текст статьи Изольды Тирет, написанной на основе доклада, сделанного на заседании Древнерусского семинара.

В. Г. Вовина, Е. С. Дилигул. Древнерусский семинар осенью 2018 г.

В статье содержится обзор докладов, состоявшихся на заседаниях Древнерусского семинара (совместно организованного СПбИИ РАН и институтом истории СПбГУ), проведенных в сентябре–декабре 2018 г., а также обзор состоявшихся дискуссий по этим докладам. С докладами выступали И. Тирет, М. П. Шибаев и Е. А. Ляховицкий, А. А. Алексеев, П. С. Стефанович.

Ключевые слова: древнерусский семинар, Нило-Столобенский монастырь, полуустав, скоропись, Толковая палея, Библия, полюдье, налогообложение, И. Тирет, М. А. Шибаев, Е. А. Ляховицкий, А. А. Алексеев, П. С. Стефанович.

V. Vovina-Lebedeva, E. S. Diligul. Seminar on the history of Ancient Russia

The article provides an overview of the reports held at the Old Russian Seminar (jointly SPbIH RAS and the Institute of History of St. Petersburg State University), held in September–December 2018, as well as a review of the discussions on these reports. Presentations were made by I. Tired, M. P. Shibaev and E. A. Lyakhovitsky, A. A. Alekseev, P. S. Stefanovich.

Key words: Old Russian seminar, Nilo-Stolobensky monastery, semi-statute, cursive, Explanatory paleya, bible, polyude, taxation, I. Tired, M. A. Shibaev, E. A. Lyakhovitsky, A. A. Alekseev, P. S. Stefanovich.

Вовина-Лебедева, Варвара Гелиевна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Vovina-Lebedeva, Varvara Gelievna — Dr., leading researcher of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

Дилигул, Екатерина Сергеевна — младший научный сотрудник Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского института истории РАН.

Diligul, Ekaterina Sergeevna — junior research associate of Laboratories for the integrated study of manuscript monuments of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

Изоolda Тирет

Первые вкладчики Нило-Столобенской пустыни и развитие культа преподобного Нила Столобенского

Как и в странах средневекового Запада, на Руси верующие стремились преподносить дары монастырям. Тем не менее немного известно о том, какую роль дары благочестивых вкладчиков сыграли в укреплении репутации русских святых, являвшихся покровителями этих монастырей. Недавние исследования Дэвида Миллера, Т. Б. Карбасовой и Т. В. Сазоновой, направленные на установление связи между духовным опытом почитателей святых Сергия Радонежского и Кирилла Новоезерского и щедрыми вкладами в основанные этими святыми монастыри, указывают на то, что крупные дары обычно преподносились после событий, ассоциируемых с официальным признанием культа святого, таких как обретение мощей настоятелями монастырей, например игуменом Троице-Сергиева монастыря Никоном или игуменом Кирилло-Новоезерского монастыря Титом¹. Если воспользоваться определением известного историка поздней античности Питера Брауна из его знаменитой работы о культе раннехристианских святых, эти настоятели сыграли роль «импресарио» (т.е. вдохновителей) культа святых покровителей их монастырей². В данной статье рассматривается связь между духовными и экономическими аспектами, способствовавшими развитию культа преподобного Нила Столобенского — загадочного монаха и аскета XVI в., проведшего большую часть жизни на крохотном необитаемом острове Столбном на озере Селигер. Изучение людей, чудесным образом исцеленных преподобным

Нилом, и первых вкладчиков Нило-Столобенской пустыни в первые три десятилетия XVII в. указывает на то, что такие события, как обретение мощей святого, не всегда приводили к подношению щедрых даров монастырю приверженцами этого святого. Напротив, дары Нило-Столобенскому монастырю, хранившему мощи нового святого, в значительной степени зависели от способности вдохновителей его культа убедить социально неоднородное сообщество его приверженцев, проживавших в непосредственной близости от места захоронения святого, заключить своего рода соглашение с монастырем, по условиям которого ценные дары вознаграждались духовными услугами, как бы обменивались на них. Подобно тому, как это происходило с культами святых Сергия Радонежского и Кирилла Новоезерского, первые вклады в виде недвижимого имущества и привилегий, а также церковной утвари в монастырь преподобного Нила поступали от местных жителей, чьи дары способствовали закреплению за Нилом Столобенским статуса святого. Однако в случае преподобного Нила вклады являлись не только следствием географической близости первых вкладчиков к монастырю. Они были важны для монахов и мирских людей из всего западного региона Московского государства: благодаря дарам новому чудотворцу монахи и обыватели, если они были уроженцами этих мест, поддерживали связь со своей родиной. Такая материальная поддержка, оказываемая селигерскому святому, значительно помогла настоятелям монастыря превратить почитание Нила Столобенского, изначально строго ограниченное Селигерским краем на западе Московского государства, в укоренившийся культ, который привлек внимание и других щедрых верующих из их окружения.

Первый настоятель Нило-Столобенской пустыни, строитель Герман (ум. в 1614 г.), и его преемник Нектарий Теляшин (1614–1667) чутко подметили духовный и экономический потенциал распространенного в православном мире поклонения святым мощам. В течение первых четырех десятилетий XVII в. оба настоятеля значительно укрепили культ преподобного Нила путем создания сети благотворителей Нило-Столобенской пустыни, в результате чего монастырь получал экономические права, продовольственные и денежные жалования и прочие привилегии. В ходе изучения грамот, выданных Нило-Столобенской пустыни, а также наиболее ранних описей и Синодика монастыря, составленного Нектарием в Тобольске в 1637 г., автором настоящей статьи было установлено, что проводимый Нектарием активный поиск щедрых дарителей также привел к расширению социального разнообразия почитателей культа преподобного Нила. К 1630-м гг. Нила Столобенского почитали не только низшие слои населения, такие как крестьяне и рыбаки, проживавшие в районе Селигера и поклонявшиеся святому вместе со своими

семьями, друзьями и знакомыми, но и влиятельные представители Троице-Сергиева монастыря, которые были уроженцами западных уездов Руси. И те, и другие помогли широко распространить духовную репутацию Нила Столобенского и его монастыря задолго до 1667 г., когда были обретены мощи селигерского святого.

Во время Смуты, в 1608 г., город Осташков, расположенный в семи километрах от Нило-Столобенской пустыни, присягнул Лжедмитрию II. Годом позднее город сдался войскам царя Василия Шуйского под предводительством М. В. Скопина-Шуйского. Разгромив русское войско в битве при Клушино в июне 1610 г., поляки осуществили несколько набегов на Осташковский край, в результате чего были разрушены целые деревни и началось массовое бегство крестьян. Эти трагические события привели к сокращению населения. Хотя осташковский посадский человек Михаил Сивков подписал в 1613 г. грамоту об избрании царя Михаила Федоровича Романова, фактически город находился под контролем шведов вплоть до 1617 г.³

Несмотря на то что во время Смуты, при первом настоятеле Германе, Нило-Столобенской пустыни удалось избежать физического ущерба, тяжелое положение окружающего региона сказалось на монахах⁴. Поскольку на строительство монастыря не выделялись ни земли, ни денежные средства, первые монахи пустыни были вынуждены жить собственным трудом и подавниями местных жителей⁵. Об отчаянной ситуации Нило-Столобенского монастыря говорит завещание Германа от 1614 г.: в документе указано, что в пустыни находилось не более двенадцати монахов, размещавшихся в шести деревянных кельях⁶. Помимо деревянного Богоявленского собора с приделом во имя Василия Блаженного и часовни над гробницей преподобного Нила, обитель включала три скромных новых деревянных постройки: колокольню с пятью колоколами, трапезу и амбар⁷. В монастырской казне хранились несколько ветхих облачений и церковных сосудов, простая посуда для повседневного использования, фонарь, лодка и церковное вино⁸. В переписной книге Нило-Столобенской пустыни 1635 г. упоминается лишь один вкладчик времен настоятеля Германа — Федор Яковлевич Шишмарёв, ржевский землевладелец, пожаловавший монастырю колокол и пять церковных сосудов⁹.

Сложная экономическая ситуация, в которой находилась Ниловская обитель в первом десятилетии XVII в., отражается и в скромных дарах, преподносимых благотворителями столобенскому чудотворцу. Согласно завещанию Германа, в 1614 г. икона-пядница с изображением Нила Столобенского и большая житийная икона святого были единственными в пустыни иконами с окладами, имевшими некую материальную ценность. К обоим иконам была прикреплена серебряная гривна, и на одной из икон также имелся венец из серебра¹⁰. Отсутствие золота и драгоценных камней на окладах указывает на то, что иконы были преподнесены местными жителями, обладавшими ограниченными денежными ресурсами.

Расширение географии культа Нила Столобенского требовало нового подхода к распространению информации о нем — подхода, в рамках которого преподобный Нил занял бы место в более широком духовном контексте и обрел бы привлекательность для вкладчиков из более разнообразной социально-экономической, географической и культурной среды. Для такой трансформации культа провинциального святого был необходим новый вдохновитель — верный приверженец преподобного Нила, обладающий и выдающимся умением привлекать денежные средства, и политическими навыками, и не признающим преград твердым намерением превратить обитель преподобного Нила в выдающийся духовый центр Селигерского края. Нило-Столобенский монастырь обрел такого человека в лице преемника Германа, настоятеля Нектария.

Нектарий, в миру имевший имя Николай, был сыном крестьянина по имени Павел Теляшин из ошашковской Патриаршей слободы. Николай поселился в Нило-Столобенской пустыни в возрасте двенадцати или тринадцати лет и принял монашеский постриг при строгом режиме строителя Германа¹¹. Решение крестьянского мальчика уйти в монастырь, судя по всему, стало результатом стремления к монашеской жизни, свойственного всему семейству Теляшиных. Один из дедов Нектария был монахом, обе бабушки также ушли в монастырь. На склоне лет приняли постриг отец и мать Нектария. Дяди Нектария, Исаак и Юрий, а также не менее троих других членов семьи Теляшиных тоже избрали для себя монашескую жизнь¹². Вероятно, юношеское решение Нектария примкнуть к Нило-Столобенской пустыни было связано с тем, что его родственник Федор Теляшин, будучи одним из первых свидетелей чудотворства Нила Столобенского, молился у гробницы святого еще до zaloжения на острове монастыря¹³.

Уход Нектария в Нило-Столобенскую пустынь, по-видимому, побудил и других Теляшиных продемонстрировать истовую преданность преподобному Нилу. Со временем в обитель на Столбном пришел и брат Нектария Еремей¹⁴. Более того, несколько Теляшиных продемонстрировали благоговение перед селигерским святым, взяв имена, связанные с жизнью и культом поклонения преподобному Нилу. Один из братьев Нектария, будучи игуменом близлежащего Николо-Рожковского монастыря в 1624–1642 гг., взял монашеское имя Сергей в честь одного из его предшественников, являвшегося духовным отцом Нила Столобенского и руководившего похоронами святого¹⁵. Подобно этому, дядя Нектария Юрий взял имя Герман в честь первого настоятеля Нило-Столобенской пустыни¹⁶. Очевидно, вдохновившись примером своей семьи, Нектарий занялся распространением памяти о преподобном Ниле и укреплением репутации основанной им обители.

Став настоятелем Нило-Столобенской пустыни, Нектарий принялся улучшать состояние монастырской казны. В добавлении к завещанию настоятеля Германа говорится, что в 1615 г. «черный Поп Нектарий» положил в казну «въ домъ Божоявлению Христу Богу нашему и Василью Блаженному и Чудотворцу

Нилу» стихарь, рукописи духовного содержания, а также печатный Служебник¹⁷. Кроме того, Нектарием было приобретено подворье в Осташкове, где были построены келья и трапеза, чтобы ниловские монахи, приезжая в город по делам, имели возможность останавливаться там и проводить божественную службу¹⁸.

В отличие от Германа, Нектарий был более настойчив в эксплуатации традиционных доходов обители, которые поступали преимущественно от местных мирян. Без твердого намерения обратить благоволение потенциальных вкладчиков из близлежащих местностей на пользу монастырю Нектарию не удалось бы всего за один год после смерти Германа обзавестись ценными богослужебными облачениями и книгами. О стремлении Нектария укрепить отношения обители с окрестным населением свидетельствует и более активное взаимодействие ниловских монахов с жителями Осташкова в 1615 г. Присутствие монахов в Осташкове не осталось незамеченным и расширило их контакты с местным населением, к тому же по мере оказания иноками духовной помощи населению их влияние повышалось, что, в свою очередь, позволило привлечь больше потенциальных благотворителей к раке преподобного Нила.

По мере того, как слава о Нило-Столобенском монастыре росла в Осташкове и окрестных слободах, местные жители начали всё больше помогать Нектарию повышать духовный статус обители: в монастырь стали нести церковную утварь и книги. Согласно переписной книге Нило-Столобенской пустыни 1635 г., житель Осташкова по имени Яков Солодовник подарил монастырю оклад для иконы с венцами из позолоченного серебра. Монахиня Акилина Власева из деревни Рогожа, расположенной в десяти километрах от Осташкова, преподнесла пустыни икону Владимирской Богоматери в окладе¹⁹. Священник осташковской Воскресенской церкви Иван Солоницын пожаловал монастырю книгу с Житием пророка Ильи и Пролог.²⁰

Предположительно в целях улучшения финансовой ситуации монастыря Нектарий использовал семейные узы: настоятель поддерживал тесные экономические отношения со своим братом Еремеем, принесшие выгоду и брату настоятеля, и Нило-Столобенской пустыни, которой в итоге отошло имущество Еремея. Когда в 1620 г. Еремею потребовались деньги, он заложил монастырю свой осташковский двор, полученный им годом ранее от Татьяны Филатьевой, жены Семена Свербихина. Татьяна продала Еремею унаследованный от мужа двор с условием, что она сможет занимать небольшую его часть до своей кончины. Закладная Еремея на этот двор, расположенный по соседству с землей другого Свербихина, Фомы, была оформлена в присутствии родственника Фомы — крестьянина Ивана из Патриаршей слободы²¹. Поскольку позднее Еремей постригся в монахи Нило-Столобенской пустыни, двор полностью отошел монастырю.

Интерес семьи Свербихиных ко двору Еремея был связан не только с претензиями вдовы Семена Свербихина на пожизненное пользование его частью,

но и с тем обстоятельством, что ранее Фома Свербихин испытал на себе исцеляющую силу преподобного Нила. Согласно списку чудес святого, составленному при игумене Германе II во второй половине XVII в., в 1607 г. Нил исцелил Фому Степанова сына Свербихина, крестьянина Патриаршей слободы, от глазной болезни²². В монастырской переписной книге 1635 г. упоминается, что Фома подарил Нило-Столобенской пустыни образ пречистой Богородицы Умиление в окладе²³. Кроме того, в 1627 г. Фома с сыном Кондратом продали Нектарию свой двор в Осташкове за пять рублей²⁴. Позднее имена членов семей Кондрата и другого Свербихина, Ивана (вероятно, именно того, который выступал свидетелем при оформлении Еремеем закладной), были включены в Синодик Нило-Столобенской пустыни за 1637 г.²⁵ Так, за счет собственных семейных уз и благоволения местных семей, получивших чудесное исцеление от преподобного Нила, Нектарию удалось обогатить монастырь новым имуществом.

Подобное же сочетание финансовых и духовных дел прослеживается и в сделках Нектария с семьей Мусиных-Пушкиных. Благодаря почитанию образа преподобного Нила настоятель добился еще больших экономических выгод для монастыря, убедив Юрия Михайловича Мусина-Пушкина, назначенного воеводой Осташкова, поручить монастырю удовлетворять все духовные нужды его семьи в обмен на землю²⁶. Согласно вкладной грамоте, составленной 4 февраля 1620 г. сыном воеводы Георгием, Юрий Михайлович передал несколько вотчин, полученных от царя, — пустошь Дорище на Березовском погосте со всеми причитающимися привилегиями и половину деревни Бор в Сосновской волости — «въ домъ Богоявлению Христову Столобенсково монастыря къ Нилу Чудотворцу» в обмен на молитвы за свое здоровье и здоровье живых членов его семьи. Кроме того, ниловские монахи должны были вписать имена умерших родственников Юрия во вседневный синодик монастыря²⁷. Таким образом, благодаря установившимся связям с местным начальством Нектарий значительно усилил духовное влияние и улучшил финансовое положение своего монастыря.

Стремясь повысить привлекательность монастыря для благотворителей, готовых вкладывать средства в обмен на духовное попечительство, Нектарий, подобно своему предшественнику Герману, стремился расширить почитание преподобного Нила как чудесного целителя. Вступление Нектария в должность настоятеля совпало с очередной волной исцелений у гробницы святого. В девяти из десяти чудес, сотворенных Нилом в период с 1616 по 1620 г., упоминается, что непосредственно перед исцелением Нектарий служил молебен у раки преподобного²⁸.

Подавляющее большинство чудесных исцелений пришлось на долю приверженцев святого, проживавших в окрестностях Нило-Столобенской пустыни. Трое из исцеленных жили в Патриаршей слободе. В 1616 г. Нил исцелил крестьянина Карпа Терентьева сына Быка, пролежавшего в постели тридцать

восемь недель из-за болезни, парализовавшей его ноги²⁹. В тот же год исцеление получил еще один житель Патриаршей слободы, Иван Григорьев сын Собакин, излечившийся от трясовицы и непрекращавшегося носового кровотечения³⁰. В 1618 г. крестьянин Степан Логинов сын Сусленин из той же слободы был успешно исцелен у гробницы преподобного Нила от заболевания мочевого пузыря³¹. В том же 1618 г. от трясовицы исцелились двое крестьян из Осташковской Иосифовской слободы — Федор Лехин и его дочь Дарья³². В период с 1618 по 1620 г. преподобный Нил исцелил еще троих крестьян боярина Бориса Михайловича Лыкова, чьи уголья располагались в непосредственной близости от монастыря: Федор сын Михайлов из деревни Ляпино, находившейся всего в полукилометре езды на лодке от Столбного острова, и Леонтий Васильев из деревни Степановская излечились от одержимости бесами, а Анисия, жена Яковлева, исцелилась от трясовицы³³.

Люди, исцеленные преподобным Нилом в первые годы служения Нектария настоятелем Нило-Столобенской пустыни, входили в местные семейные и социальные сообщества, что позволило распространить славу чудесного исцелителя Нила и сыграло важную роль в появлении новых приверженцев святого, искавших исцеления у его гробницы. Федор Лехин с дочерью Дарьей не только страдали от одной и той же болезни, но также вместе просили помощи у гробницы святого Нила. Очевидно, что и крестьяне из двух осташковских слобод и лыковских имений рассказывали о том, как преподобный Нил исцелил их от болезней. Особенным источником регулярных рассказов о чудотворной силе преподобного Нила, по всей видимости, стала деревня Ляпино.

Как и в случае Фомы Свербихина, лица, испытавшие на себе целебную силу мощей, а также свидетели чудесных исцелений, произошедших в Ниловой пустыне при Нектарии, стали делать вклады в обитель святого Нила. Например, в 1619 г. ржевский помещик по имени Андрей Иванов сын Козин привез одного из своих крестьян, Михаила Дорофеева из деревни Дубок, расположенной в нескольких километрах к востоку от Осташкова, в Нило-Столобенскую пустынь, с тем чтобы попросить преподобного Нила исцелить Михаила от бесного недуга, от которого тот страдал на протяжении двух лет. Отслужив молебен у гробницы святого, Нектарий передал Михаила монаху Кирилу и поручил ему читать молитвы лично за больного. Вскоре после выполнения приказа Нектария крестьянин исцелился³⁴.

Вероятно, семья Козиных вспомнила об исцелении Михаила Дорофеева преподобным Нилом, когда в 1631 г. один из их родственников из Ржева, Андрей Семёнов сын Козин решил передать Нило-Столобенской пустыни в постоянное владение мельницу на реке Сорог, примерно в десяти километрах от монастыря. Мельница была построена в 1599 г. на территории поместья, принадлежавшего Андрею Козину и местному посадскому человеку, Михаилу Григорьеву сыну Сивкову, в 1613 г., как сказано выше, подписавшему грамоту об избрании царя Михаила Федоровича. По записи 1631 г. Андрей Семёнов сын

Козин продал свою долю мельницы Нектарию за ежегодный оброк в размере трех рублей и некоторого количества муки³⁵. Однако эта сделка состоялась после длительного юридического разбирательства между Андреем Козиным и Михаилом Сивковым, так как Михаил раньше незаконно продал Нектарию всю сорогинскую мельницу. Нелегальная продажа мельницы ниловскому игумену в обход второго владельца дорого обошлась Михаилу Сивкову, которому пришлось выплатить Андрею Козину 75 р. за потерянный доход, а также вернуть ему причитающуюся ему долю. Однако этот спор обернулся выгодой для монастыря: по договоренности с Андреем Козиным мельница в итоге целиком перешла Нило-Столобенской пустыни. Можно предположить, что уважительное отношение семьи Козиных к преподобному Нилу, в свое время исцелившему одного из их крестьян, помогло Нектарию в очередной раз улучшить экономическую ситуацию обители³⁶.

Еще одно чудо, сотворенное Нилом в 1616 г., не только вызвало благодарность исцелившегося, но привлекло внимание всей его семьи к Нило-Столобенской пустыни и покровительствующему ей святому. В тот год сын боярский Семен Иванов сын Верёвкин из новгородской Деревской пятины отправился в Нило-Столобенский монастырь за исцелением от напавшей на него трясовицы. После того как Нектарий отпел молебен у гробницы святого, преподобный Нил исцелил больного³⁷. Впечатлившись силой селигерского чудотворца, четырем годами позже брат Семена Степан Иванов сын Верёвкин также приехал в монастырь из Деревской пятины в поисках исцеления от изнуряющего недуга: в течение десяти лет Степан был одержим помыслом о всяких «неподобных делах». Вновь Нектарий вместе с братией отпели молебен у гроба чудотворца, за чем последовало чтение Псалтыри над одержимым в монашеской келье. Исцелившись, Степан Верёвкин радостно вернулся домой³⁸. По всей видимости, сотворенные святым чудеса произвели настолько глубокое впечатление на некоторых других членов семьи Верёвкиных, что те установили долгосрочную материальную и духовную связь с Нило-Столобенским монастырем. В Синодике 1637 г. упоминаются семьи Игнатия Никитича и Никифора Логвиновича Верёвкиных³⁹. Последний подарил монастырю пустошь Малое Святое в обмен на молитвы монахов за его здоровье и душу⁴⁰. В. П. Успенский отмечает, что, согласно приходным книгам Нило-Столобенской пустыни за 1663–1666 гг., сыновья Никифора Логвиновича Алексей и Иван предоставили монастырю получить оброк со своей вотчины — деревни Переволок недалеко от Селигера. Более того, в 1669 г. Иван Никифорович Верёвкин предоставил монастырю право собирать оброк с деревни Святое в обмен на поминальную службу по своему отцу и другим родственникам⁴¹. Очевидно, что исцеление Нилом одного из родственников Ивана Никифоровича произвело столь сильное впечатление на Верёвкиных, что побудило семью поделиться своими богатствами с монастырем. На то, что семья Верёвкиных выделялась среди вкладчиков Нило-Столобенского монастыря, косвенно указывает и искусный цветочный

орнамент, нарисованный черными чернилами над упоминанием семейства Никифора Логвиновича Веревкина в монастырском Синодике 1637 г.

Активная деятельность Нектария в первые годы его службы в качестве настоятеля Нило-Столобенской пустыни привела как к значительному улучшению экономического положения монастыря, так и к повышению интереса к культу преподобного Нила. Однако по причине изолированности и труднодоступности обители ее экономический рост и рост известности святого-чудотворца были затруднены. В долгосрочной перспективе благоденствие пустыни и культа святого было возможно лишь при условии, что слава о монастыре распространится за пределы ближайших окрестностей и привлечет новых состоятельных вкладчиков, обладающих влиянием в политических кругах. Нектарий осознал это еще на ранних этапах своего настоятельства, в связи с чем стремился представлять обитель как важный духовный центр России, привлекая таким образом внимание влиятельных и состоятельных благодетелей.

Нектарий, очевидно, делал попытки привлечь внимание потенциальных благодетелей из Новгородской епархии, к которой принадлежал Нило-Столобенский монастырь. Среди первых новгородских вкладчиков была семья Верёвкиных. Кроме них, согласно переписной книге 1635 г., новгородский монах по имени Корнилий даровал Нило-Столобенской пустыни Евангелие⁴². Михаил Милославский, имевший прямое отношение к Новгороду, вложил в монастырь список трудов Ефрема Сирина и два Пролога⁴³. Во время Смуты Михаил Милославский служил дьяком в Ивангороде, а с января 1620 по март 1624 г. являлся дьяком в Новгороде⁴⁴. Далее, 19 декабря 1627 г. Новгородский митрополит Киприан выдал Нило-Столобенскому монастырю жалованную грамоту, которая, по данным В. П. Успенского, освобождала монастырь от десятины и прочих церковных сборов⁴⁵.

Представляется также, что Нектарий стремился расширять круг вкладчиков из более обширного географического региона к западу от Москвы. По данным переписной книги 1635 г., некий Онуфрий из Вязьмы, находившейся в 285 км к югу от Осташкова, подарил монастырю печатную книгу Устав и богослужебное одеяние⁴⁶. Дворянин Иван Степанович Благово, служивший в начале XVII в. воеводой в нескольких русских городах, но родившийся в Зубцове (примерно в 160 км от Осташкова), в обмен на молитвы за себя и своих усопших родителей даровал монастырю пустошь Коровье, расположенную в семи верстах от монастыря. Эта пустошь, на которой находился двор с сенником, гумном и житницей, стала значительным источником дохода для Нило-Столобенской пустыни⁴⁷.

Нектарию также удалось привлечь внимание вкладчиков из Ржева, расположенного примерно в 140 км к юго-востоку от Осташкова. Согласно переписной книге 1635 г., ржевский монах по имени Илинарх даровал Ниловой пустыни образ Николы Можайского в окладе⁴⁸. Преданным благодетелем Нило-Столобенского монастыря при Нектарии стал еще один уроженец

Ржева, Степан Петрович Шатилов, служивший оставшковским воеводой с 1616 по 1626 г. Степан Шатилов, купивший 12 февраля 1611 г. амбар у Павла Семенова сына Жаворонкова из Иосифовской слободы за десять рублей, затем передал постройку своему духовному отцу Нектарию, с просьбой отслужить поминальную службу по себе и своим родителям⁴⁹. Сын Степана Шатилова по имени Шестой, позднее постригшийся в монахи и взявший имя Сергей, подарил Нило-Столобенскому монастырю рукописные и печатные книги, а также образ святого Александра Свирского⁵⁰.

Стремясь укрепить репутацию преподобного Нила и способствовать новым вкладам, настоятель Нило-Столобенского монастыря поддерживал также крепкие связи с влиятельными монахами крупнейшей обители Московской Руси — Троице-Сергиева монастыря. В частности, Нектарий направил усилия на установление близких отношений с монахами, являвшимися уроженцами Ржевского уезда и демонстрировавшими активный интерес к духовному развитию своих родных мест. Подобно тому, как в Московском государстве, согласно мнению американского историка Джанет Мартин, служилые люди, перешедшие на службу в Москву, продолжали дорожить своими связями с теми местами, откуда они были выходцами, невзирая на свой новый социальный статус, тесно сопряженный со службой, так и эти монахи сохранили связь с родной землей, несмотря на клятву оставить мир ради Бога⁵¹. Истовое стремление монахов Троице-Сергиева монастыря, которые были выходцами из окрестностей Селигера, способствовать духовному процветанию родных мест, по всей видимости, и послужило мотивацией для преподношения ценных даров Нило-Столобенской пустыни, а также побудило их приложить значительные усилия для распространения рассказов о преподобном Ниле в агиографической и литературической литературе.

Среди Троицких монахов был и знаменитый архимандрит Дионисий (1610–1633), сыгравший важную роль в освобождении Москвы во время Смуты. Дионисий вырос во Ржеве и в юности провел некоторое время в Успенском монастыре соседней Старицы⁵². Там его обучали чтению Гурий из Ржева и Герман Тулупов из Старицы. Позднее, став монахами Троице-Сергиева монастыря, Гурий и Герман предоставили своему собрату Симону Азарьину важнейшую информацию для написания Жития Дионисия. Изначально Дионисий служил священником в деревенской церкви близ Старицы, однако после смерти жены и двоих сыновей постригся в монахи в Успенском монастыре, где позднее стал казначеем. С 1607 по 1610 г. он являлся архимандритом этого крупного монастыря, после чего патриарх всея Руси доверил ему настоятельство в Троице-Сергиевом монастыре⁵³. В первые годы своей службы там архимандритом Дионисий прославился тем, что стремился помочь освобождению Москвы от польско-литовского гарнизона⁵⁴.

Однако даже проведя более десяти лет в Троице-Сергиевом монастыре, Дионисий продолжал сохранять связи со Старицей; например, он послал доро-

гие богослужебные дары, Евангелие и кадило, в Старицкий Успенский монастырь⁵⁵. Более того, в 1623 г. он передал в этот монастырь рукописную книгу с отрывками из Пролога. Дар сопровождался просьбой отслужить поминальную службу по его ближайшим родственникам, жившим и умершим в Старицком крае⁵⁶.

Наставник Дионисия Герман Тулупов (умерший в 1636/1637 г.) разделял привязанность своего ученика к их родным местам. Герман (в миру — Георгий Иванович Тулупов) родился в Старице, затем стал священником Успенского собора в местном одноименном монастыре⁵⁷. В 1626/1627 г. постригся в монахи в Троице-Сергиевом монастыре, настоятелем которой был его блестящий ученик Дионисий. Там Герман отличился тем, что написал двенадцать томов житий святых и переписал множество Служебных миней, Прологов и прочих богослужебных текстов⁵⁸.

Учитывая схожесть судьбы Германа с судьбой Дионисия, представляется, что Германа Тулупова связывало с архимандритом Троице-Сергиева монастыря, кроме всего прочего, и то, что оба они продолжали заботиться о родных местах, прежде всего об их церковном процветании⁵⁹. Сложение предания о чудотворце Ниле Столобенском в Ржевском уезде позволило и Дионисию, и Герману Тулупову шире распространить культ этого святого. Согласно переписной книге 1635 г., Дионисий направил несколько дорогих даров в монастырь на Столбном острове. Среди них был не только рукописный Скитский патерик, но также медный крест с 44 святыми мощами⁶⁰. Кроме того, архимандрит даровал монастырю деисусный чин с семнадцатью иконами для церкви во имя Покрова Богородицы, построенной Нектарием в 1620 г., и часы с боем для возведенной Нектарием новой колокольни над святыми воротами⁶¹. Масштаб этих ценных даров указывает на желание Дионисия поддержать святого Нила и его монастырь, имевший прямое отношение к региону, откуда происходил архимандрит.

Несмотря на то что нам неизвестно, какое именно влияние оказал Дионисий на работу Германа Тулупова переписчиком в Троице-Сергиевом монастыре, весьма вероятно, что архимандрит посоветовал своему бывшему наставнику использовать свои навыки для распространения культа Нила Чудотворца. Очевидно, что Дионисий лично благословил написание жития святых Германом, поскольку об этом ясно говорится в написанном Германом послесловии к первому тому его Четрых миней⁶². Личный интерес Германа к селигерскому святому становится явным в написанной уроженцем Старицы Служебной минее 1628 г., через два года после его прихода в Троице-Сергиев монастырь: в свою рукописную копию Служебной минеи, в основу которой легла доступная печатная версия, Герман включил раннюю версию Службы Нилу, присутствовавшую на тот момент лишь в рукописных экземплярах. Решение Германа включить Службу новому селигерскому святому в собственную рукописную Служебную минею говорит о необычайном интересе монаха к распространению культа преподобного Нила. Можно предположить, что Герману потребовалось приложить

особые усилия, чтобы получить копию Службы Нилу, которая на тот момент существовала лишь в течение трех десятков лет и не использовалась в широких кругах. Возможно, копию Службы он получил из самого Нило-Столобенского монастыря. Включив Службу селигерскому святому в свою Служебную mineю 1628 г., которая затем использовалась для богослужений в Троице-Сергиевом монастыре, Герман тем самым приложил руку к распространению информации о преподобном Ниле⁶³. О стремлении Германа распространить славу нового чудотворца своей родины говорит также то обстоятельство, что двумя годами позже Житие Нила Столобенского, написанное Филофеем Пироговым, было включено троицким монахом в Тулуповские Четьи mineи. Копия Жития святого Пироговской редакции, принадлежавшая Герману Тулупову, является наиболее старым из существующих экземпляров Жития Нила.

Активный интерес архимандрита Дионисия и Германа Тулупова к распространению культа по-прежнему малоизвестного святого Нила Столобенского, вероятно, привлек внимание других монахов и мирских служителей Троице-Сергиева монастыря, являвшихся уроженцами Селигерского региона. Среди них был троицкий монах Нифонт Третьяков, предположительно дальний родственник осташковских крестьян Никиты и Сильвестра Третьяковых, получивших чудесные исцеления у гробницы Нила⁶⁴. Согласно Синодику Нило-Столобенской пустыни 1637 г., Нифонт также был родственником Леонтия, игумена Троицкого монастыря в Селижарове — городе, расположенном чуть более чем в 40 км от Осташкова⁶⁵. Во время своего пребывания в Троице-Сергиевом монастыре Нифонт поддержал Нило-Столобенский монастырь, подарив пустыни два образа Богоявления с резными серебряными венцами. Хотя один образ был пядницей, второй имел размер в семь пядей, т. е. высота его составляла около 140 см. Этот образ предназначался для местного ряда иконостаса Богоявленского собора⁶⁶. Еще одним вкладчиком пустыни был слуга Троице-Сергиева монастыря Андрей Иванов сын из Старицы, подаривший пустыни печатный Часослов⁶⁷. Вероятно, подобно Дионисию или Герману Тулупову, Нифонт и Андрей Иванов сын поддерживали культ нового селигерского святого, будучи движимы теплым отношением к религиозным традициям своих родных мест.

Этому примеру последовали и другие жители Троице-Сергиева монастыря: свое почтение к селигерскому святому они проявляли в виде многочисленных вкладов, направляемых в пустынь. Монах Иоасаф Киряков (умер в 1644 г.), длительное время служивший уставщиком Троице-Сергиева монастыря и в 1631/1632 г. ставший книгохранителем величайшего монастыря Московской Руси, подарил Нило-Столобенской пустыни образ Благовещения в серебряном окладе⁶⁸. Соборный старец Иов Беляницын, ранее служивший келарем крупного Корнилиево-Комельского монастыря в Вологодском регионе и, пребывая в этой должности, неоднократно одаривавший этот монастырь и другие монастыри в регионе книгами, преподнес Ниловой пустыни печатную Псалтырь⁶⁹.

Наконец, Нило-Столобенскому монастырю достались и щедрые дары троицкого келаря Александра Булатникова, который происходил из зажиточной дворянской семьи, имевшей связи с московским правительством, и которому удалось заручиться поддержкой царской семьи Романовых — именно благодаря этому ему достались должности казначея и строителя Соловецкого монастыря, а затем — келаря Троице-Сергиева монастыря в 1622 г. Александр Булатников отличился щедрыми денежными вкладами, а также дарами церковной утвари и книг, которые направлялись Соловецкому монастырю и прочим обителям на севере России⁷⁰. Хотя Нило-Столобенская пустынь была совсем малым монастырем, вероятно, репутация ее святого покровителя произвела должное впечатление на троицкого келаря. По данным переписной книги Нило-Столобенского монастыря 1635 г., от Александра Булатникова в дар были получены стихари, Служебники, две Псалтыри и напрестольное Евангелие. Кроме того, в Синодике 1637 г. говорится, что в 1633 г. он даровал монастырю пятьдесят рублей⁷¹.

Важность финансовой и духовной поддержки, оказанной Троице-Сергиевым монастырем Нило-Столобенской пустыни и ее святому покровителю, прослеживается в списках семей основных вкладчиков из Троице-Сергиева монастыря, зафиксированных в Синодике 1637 г.: в документе значатся семьи одного из членов семьи Тулуповых, а также Иова Беляницына, Нифонта Третьякова, Дионисия и Александра Булатникова. В знак чрезвычайной важности троих последних вкладчиков записи об их семьях обрамлены искусными картушами⁷².

Таким образом, изучение первых вкладчиков Нило-Столобенской пустыни показывает, что в Московской Руси развитие культа нового святого, который был основателем монастыря, в значительной степени зависело от умения настоятеля этого монастыря убеждать местных приверженцев в духовном престиже обители, для чего требовалось укрепление репутации преподобного как чудотворца и заступника перед Богом. Вдохновившись настоятелями пустыни Германом и Нектарием, выступавшими в качестве «импресарио» культа Нила Столобенского, приверженцы святого из Селигерского края выражали уважение к чудотворцу путем преподношения даров и предоставления монастырю привилегий. Кроме того, обращаясь к географическому происхождению вкладчиков, являвшихся уроженцами западного региона Московского государства за пределами Селигерского края, Нектарий сумел привлечь в пустынь еще больше богослужебных и финансовых даров. Однако прежде всего игумену Нило-Столобенской пустыни удалось обратить на монастырь внимание влиятельных фигур Троице-Сергиева монастыря. Как высокопоставленное духовенство, так и мирские служители монастыря расширяли известность культа Нила Столобенского, одаривая его монастырь церковными дарами и распространяя его агиографический и литургический образ, поскольку для них святой выступал духовным представителем их родных мест, с которыми они по-прежнему ощущали крепкую связь. Таким образом, важнейшую роль в раннем развитии

культа Нила Столобенского сыграло не столько его официальное признание Русской православной церковью, сколько вера его приверженцев в чудотворную силу святого и восприятие его как представителя их родного края.

- ¹ *Miller D. B. Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. DeKalb, Ill., 2010. С. 106; Карбасова Т. Б. Кирилл Новоезерский. История почитания. Исследование и тексты. М.; СПб., 2011. С. 208–210, 218; Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. М.; СПб., 2011. С. 218–225, 282–305 (Приложение 6).*
- ² *Brown P. The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity. Chicago, 1981. P. 49.*
- ³ *Покровский В. Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1880. С. 5, 8; Токмаков И. Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений. М., 1906. С. 18–21; Успенский В. П. Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии. Тверь, 1893. С. 74. О названии Михаила Сивкова в Архивском экземпляре и в экземпляре Оружейной палаты грамоты избрания Михаила Федоровича см. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Ред. С. А. Белокуров. 2-е изд. М., 1906. С. 89 (Архивский экземпляр), 91 (экземпляр Оружейной палаты).*
- ⁴ *А. А. Галашевич ошибочно утверждал, что Нилова пустынь была разрушена во время Смуты. См. Галашевич А. А. Художественные памятники Селигерского края. 2-е изд. М., 1983. С. 87–88.*
- ⁵ *Успенский В. П. Историческое описание... С. 112; Барсебян Т. В. Нило-Столобенская пустынь. Монастырь и мир. М., 1999. С. 66.*
- ⁶ *Успенский В. П. Историческое описание... С. 136–137 (Приложения, № I).*
- ⁷ *Там же. С. 135–136 (Приложения, № I).*
- ⁸ *Там же. С. 137 (Приложения, № I).*
- ⁹ *Государственный архив Тверской области (далее — ГАТО). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 23 (колокол), 22 об. (церковные сосуды). Имена членов семей Федора и его сына Кирилла упоминаются в синодике, который составил Нектарий в Тобольске в 1637 г. См.: Библиотека Российской академии наук. Отдел рукописей (далее — БАН ОР). Собрание Археографической комиссии (далее — Арх. ком.). Д. 153. Л. 282.*
- ¹⁰ *Успенский В. П. Историческое описание... С. 136 (Приложения, № I).*
- ¹¹ *Там же. С. 18–19, 174 (Приложения, № XVII, 1); Токмаков И. Ф. Город Осташков... С. 28, 392. Личность Нектария можно установить благодаря письму от 1652 г., адресованному «Нектарию Павловичу»; см: Успенский В. П. Историческое описание... С. 255 (Дополнения, № IV); Токмаков И. Ф. Город Осташков. С. 27, примеч. 16.*
- ¹² *Успенский В. П. Записка о прошлом города Осташкова... С. 14; Токмаков И. Ф. Город Осташков... С. 28.*
- ¹³ *Российская государственная библиотека. Рукописный отдел (далее — РГБ РО). Ф. 304. I. Собрание Троице-Сергиевой Лавры. № 672. Л. 102 — 102 об.*
- ¹⁴ *Успенский В. П. Преосвященный Нектарий, второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ Сибирский и Тобольский. 1587–1667 год. Тверь, 1882. С. 2; Токмаков И. Ф. Город Осташков... С. 28.*
- ¹⁵ *Токмаков И. Ф. Город Осташков... С. 28; Успенский В. П. Записка о прошлом города Осташкова... С. 14. Успенский отмечает, что Николо-Рожковский монастырь, пострадавший от набегов во время Смуты, был восстановлен при Сергии Теляшине, умершем в 1642 г.; см. Успенский В. П. О погосте Рожке Осташковского уезда. Тверь, 1888. С. 6, 10.*

- ¹⁶ Токмаков И. Ф. Город Осташков... С. 28 (Юрий); Черты монастырского быта в XVII в. Письмо архиепископа Сибирского Нектария и шутовская челобитная колязинских монахов // Русский архив. 1873. Вып. 9. Стб 1774.
- ¹⁷ Успенский В. П. Историческое описание... С. 137–138 (Приложения, № I). Переписная книга Ниловой пустыни 1635 г. также говорит о том, что Нектарий купил литургические одеяния на монастырские деньги. См.: ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 16 об. В течение своей жизни Нектарий приобретал и собирал самые разные книги, а также лично переписал несколько духовных трактатов; см. Успенский В. П. Историческое описание... С. 25, 75, 83–85; Рачинский А. В. Нилова пустынь в первые полтораста лет ее существования // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. Кн. III. Отд. 2. С. 3.
- ¹⁸ Успенский В. П. Историческое описание... С. 138 (Приложения, № I).
- ¹⁹ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 10 об.
- ²⁰ Там же. Л. 19.
- ²¹ Еремей заложил этот двор за 25 р. См.: Успенский В. П. Историческое описание... С. 249 (Дополнения, № I, 3).
- ²² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1455. Оп. 4. Д. 351. Л. 1 (чудо 4-е).
- ²³ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 10 — 10 об.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 1455. Оп. 1. Д. 323. Л. 1.
- ²⁵ БАН ОР. Арх. ком. Д. 153. Л. 439, 466.
- ²⁶ О назначении Мусина-Пушкина воеводой см.: Рачинский А. В. Нилова пустынь... С. 4; Абрамов Н. Нектарий, третий архиепископ сибирский и тобольский, 1636–1640 гг. // Странник. 1866. № 1. С. 67.
- ²⁷ ГАТО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1775. Л. 1; см. также Успенский В. П. Историческое описание... С. 251 (Дополнения, № II, 1). В грамоте говорится, что это был первый вклад Мусиных-Пушкиных в Нило-Столобенскую пустынь. При неизвестных обстоятельствах пустошь Дорище была возвращена семейству Мусиных-Пушкиных, однако согласно записке, приложенной к оригинальному документу, в 1678 г. некий Иван Мусин-Пушкин, вероятно, потомок Юрия Михайловича, вернул пустошь Ниловой пустыни на три года; см.: ГАТО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1775. Л. 1.
- ²⁸ См. чудеса 7-е–15-е // РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 351. Л. 2–4.
- ²⁹ Там же. Л. 2 (чудо 7-е).
- ³⁰ Там же. Л. 2 (чудо 8-е).
- ³¹ Там же. Л. 3 (чудо 12-е).
- ³² Там же. Л. 3 (чудо 10-е).
- ³³ Там же. Л. 3, 4 (чудеса 11-е, 15-е, 16-е).
- ³⁴ Там же. Л. 3 (чудо 13-е).
- ³⁵ Успенский В. П. Историческое описание... С. 141–144 (Приложения, № III).
- ³⁶ О построении мельницы в 1599 г. см.: РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 324. Л. 1–4. Возможно, Андрей Семенов сын хотел получить обратно свою долю мельницы, поскольку в 1599 г. сделка была осуществлена без его согласия. Согласно царской грамоте от 1598 г., в тот год умер его отец, когда Андрею было всего три года; см.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. Т. 2. М., 1998. С. 189 (№ 203). Как представляется, ниловские монахи сохранили благодарность Михаилу Сивкову, впоследствии принявшему постриг в Нило-Столобенской пустыни, за продажу своей доли мельницы монастырю. Имена членов семьи Сивковых были внесены в Синодик 1637 г., а в знак значимости сделанного вклада в жизнь монастыря, запись о семье, как и о нескольких других осташковских семьях, была украшена картушем. Такие украшения предназначались исключительно для важных вкладчиков пустыни; см.: Успенский В. П. Преосвященный Нектарий... С. 69 (инок Михаил); Библиотека Российской академии наук. Отдел рукописей (далее — БАН ОР). Арх. ком. Д. 153. Л. 438, 444 (имена Сивковых в синодике), 438 (картуш).
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 351. Л. 2 (чудо 8-е).

- ³⁸ Там же. Л. 3 (чудо 14-е).
- ³⁹ БАН ОР. Арх. ком. Д. 153. Л. 354 об., 349.
- ⁴⁰ Вклад упоминается в переписной книге 1647 г. См.: РГБ РО. Ф. 200. Нилова пустынь. Д. 104. Л. 88. Вкладная грамота находится в: РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 333. Л. 4. Переписные книги Ниловой пустыни от 1647 и 1663 гг. более 50 лет считались утерянными. Рукописная книга, содержащая эти переписные книги, вновь появилась уже после проведения Т. В. Барсегян первого исследования Нило-Столобенской пустыни, однако информация из нее была частично включена в третью редакцию работы; см. *Барсегян Т. В.* Нилова пустынь. Монастырь и мир. Изд. 3-е, испр. и доп. Нило-Столобенская пустынь, 2017. С. 195, 207–214.
- ⁴¹ О Переволоке см.: *Успенский В. П.* Преосвященный Нектарий... С. 57; *Рачинский А. В.* Нилова пустынь... С. 3. О святом см.: *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 186 (Приложения, № XXII).
- ⁴² ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 18.
- ⁴³ Там же. Л. 18 об.
- ⁴⁴ *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 194, 224, 260, 413; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 332.
- ⁴⁵ Тверской государственный объединенный музей (далее — ТГОМ). КОФ-24125. Л. 29 об. (Переписная книга 1667 г.); КОФ-24126, Л. 44 (Переписная книга 1672 г.); *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 21, 110. Успенский ошибочно датирует грамоту 1628 г. О принадлежности Ниловой пустыни к Новгородской епархии см. *Рачинский А. В.* Нилова пустынь... С. 2.
- ⁴⁶ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 18 — 18 об. (Устав), 15 об. (богослужбное одеяние).
- ⁴⁷ Там же. Л. 26 — 26 об. Об Иване Степановиче см.: Благово // Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3. С. 83.
- ⁴⁸ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 10 об. — 11.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 325. Л. 1 — 1 об. Амбар тоже упоминается в переписной книге Ниловой пустыни 1663 г. См.: ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 18. О воеводской деятельности Степана в Осташкове см.: *Токмаков И. Ф.* Город Осташков... С. 47–48.
- ⁵⁰ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 18 (книги), 11 (образ). В 1590-х гг. Степан получил несколько царских грамот. См.: Акты служилых землевладельцев... Т. 2. С. 392–393 (№ 462–464).
- ⁵¹ *Martin J.* Mobility, Forced Resettlement and Regional Identity in Muscovy // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание / Ред. А. М. Kleimola, G. D. Lenhoff. М., 1997. С. 440.
- ⁵² *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Историческое исследование. Тверь, 1890. С. 40; *Арсений, игумен.* Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь, 1895. С. 45–46; *З. Я. Е.* Дионисий (Зобниновский, Зобнинов, Зобнинский) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 15. С. 257–267. Об истории Старицкого Успенского монастыря см.: *Арсений, игумен.* Историческое описание Старицкого... С. 21–45.
- ⁵³ *Арсений, игумен.* Историческое описание Старицкого... С. 47. В 1607 г. в Успенском монастыре жили 73 иеромонаха и иеродиакон, 32 послушника и 43 монастырских слуги. См. *Арсений, игумен.* Историческое описание Старицкого... С. 50.
- ⁵⁴ *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский... С. 67–102.
- ⁵⁵ Надписи и репродукции обоих предметов опубликованы в книге: Русское серебро в собрании Тверского музея. К 125-летию Тверского государственного объединенного музея. Каталог / Ред. Е. Д. Пухалина. М., 1991. С. 22 (№ 19), 11 (№ 8).
- ⁵⁶ *Арсений, игумен.* Историческое описание Старицкого... С. 20.
- ⁵⁷ Там же. С. 53.
- ⁵⁸ О Германе Тулупове и его литературной деятельности см.: *Поньрко Н. В.* Герман // Словарь книжников и книжности древней Руси (далее — СККДР). СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 196–197; *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский... С. 43–44; *Алексеев В. Н., Турилов А. А.* Герман // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 11. С. 252–253.

- ⁵⁹ Об общей родине Дионисия и Германа Тулупова см. также: *Алексеев В. Н.* Троицкий книгописец Герман Тулупов // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археогрфии. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1981. С. 123.
- ⁶⁰ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 17 (патерик), 14 (крест с мощами).
- ⁶¹ Там же. Л. 5 (Деисусный чин), 22 об. (часы); также см.: *Рачинский А. В.* Нилова пустынь... С. 3.
- ⁶² РГБ РО. Ф. 304. I. Собрание Троице-Сергиевой Лавры. Д. 665. Л. 566; также см.: *Алексеев В. Н.* Троицкий книгописец... С. 131.
- ⁶³ РГБ РО. Ф. 304. I. Собрание Троице-Сергиевой Лавры. Д. 514. Л. 465 об. — 493.
- ⁶⁴ Успенский упоминает Третьяковых среди первых жителей Осташкова; см.: *Успенский В. П.* Записка о прошлом... С. 14.
- ⁶⁵ БАН ОР. Арх. ком. Д. 153. Л. 253.
- ⁶⁶ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 9 об. (икона пядница), 3 (местная икона).
- ⁶⁷ Там же. Л. 18 об. — 19.
- ⁶⁸ Там же. Л. 9 об. — 10. Об Иоасафе см.: *Белоброва О. А.* Иоасаф (в миру Иоанн Кириаков) // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Л., 1990. Т. 44. С. 129–130; *Гусейнова З. М.* Иоасаф (Кирыков Иван) // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 25. С. 193–194.
- ⁶⁹ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 17 об. О вкладыях Иова в Комельский монастырь см.: *Сергеев А. Г.* Библиотека Корнилиево-Комельского монастыря: Проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь / Ред. С. А. Семячко. СПб., 2008. С. 488.
- ⁷⁰ О жизни Александра Булатникова в Соловецком и в Троице-Сергиевом монастырях и о его вкладыях в монастыри см.: *Панченко О. В.* Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: троицкий келарь Александр Булатников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 490–498.
- ⁷¹ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 15 об. (стихари), 17 — 17 об. (книги); БАН ОР. Арх. ком. Д. 153. Л. 198 (деньги).
- ⁷² БАН ОР. Арх. ком. Д. 153. Л. 389 об., 378, 253, 184, 198.

References

- ABRAMOV N. Nektariy, tretiy arhiepiskop sibirskiy i tobol'skiy. 1636–1640 gg. [Nektarii, the Third Archbishop of Siberia and Tobol'sk, 1636–1640. In Russ.] // Strannik. 1866. N 1. S. 65–87.
- Akty sluzhilyh zemlevladel'tsev XV — nachala XVII veka Acts of Servitor [Landowners 16th — Beginning of the 17th Century. In Russ.] / Ed. A. V. Antonov. Vol. 2. Moscow, 1998.
- ALEKSEEV V. N., TURILOV A. A. German [German. In Russ.] // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2011. Vol. 11. P. 252–253.
- ALEKSEEV V. N. Troitskiy knigopisets German Tulupov [The Trinity Composer of Books German Tulupov. In Russ.] // Sibirskoe sobranie M. N. Tikhomirova i problemy arheografii. Sbornik nauchnyh trudov. Novosibirsk, 1981. P. 120–137.
- ARSENIY, hegumen. Istoricheskoe opisanie Staritskogo Uspenskogo monastyrya [A Historical Description of the Monastery of the Dormition in Staritsa. In Russ.]. Tver', 1895.
- BARSEGYAN T. V. Nilo-Stolobenskaya pustyn'. Monastyr' i mir [The Nilo-Stolobenskaya Hermitage. The Monastery and the World. In Russ.]. Moscow, 1999.
- BARSEGYAN T. V. Nilova pustyn'. Monastyr' i mir [The Nilov Hermitage. The Monastery and the World. In Russ.] 3rd revised and expanded edition. Nilo-Stolobenskaya pustyn', 2017.
- BELOBROVA O. A. Ioasaf (v miru Ioann Kiryakov). [Ioasaf (Ioann Kiryakov by his Secular Name). In Russ.] // TODRL. Leningrad, 1990. Vol. 44. P. 129–130.
- BROWN P. The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity. Chicago, 1981.

GALASHEVICH A. A. Hudozhestvennyye pamiatniki Seligerskogo kraia [Artistic Monuments of the Seliger Region. In Russ.] 2nd edition. Moscow, 1983.

GUSEYNOVA Z. M. Ioasaf (Kiryakov Ivan) [Ioasaf (Kiryakov Ivan). In Russ.] // Pravoslavnyaya entsiklopediya. Moscow, 2015. Vol. 25. P. 193–194.

KARBASOVA T. B. Kirill Novoezerskiy. Istoriya pochitaniya. Issledovanie i teksty [Kirill Novoezerskiy: A History of His Veneration. An Analysis and the Textual Sources. In Russ.] Moscow; St. Petersburg, 2011.

MARTIN J. Mobility, Forced Resettlement and Regional Identity in Muscovy // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 / Ed. A. M. Kleimola, G. D. Lenhoff. Moscow, 1997. P. 431–439.

MILLER D. B. Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. DeKalb, Ill., 2010.

PANCHENKO O. V. Iz istorii kul'turnykh svyazey Solovetskogo i Troitse-Sergiyeva monastyrey v pervoi polovine XVII v.: Troitskiy kelar' Aleksandr Bulatnikov [From the History of the Cultural Ties Between the Solovetskiy and Trinity-Sergius Monasteries in the First Half of the 17th Century: The Trinity Cellarer Aleksandr Bulatnikov. In Russ.] // TODRL. St. Petersburg, 2004. Vol. 55. P. 488–507.

POKROVSKIY V. Istoriko-statisticheskoe opisanie goroda Ostashkova [A Historical and Statistical Description of the Town of Ostashkov. In Russ.] Tver', 1880.

PONYRKON V. German [German. In Russ.] // SKKDR. St. Petersburg, 1992. Vol. 3. Part 1. P. 196–198.

RACHINSKIY A. V. Nilova pustyn' v pervyya polutorosta let eya sushchestvovaniya [The Nilov Hermitage in the First 150 Years of its Existence. In Russ.] // Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossijskih. 1875. Kn. III. Otd. 2. P. 1–62.

Russkoe serebro v sobranii Tverskogo Muzeya. K 125-letiyu Tverskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya. Katalog. [Russian Silver in the Collection of the Tver' Museum. In Honor of the 125th Anniversary of the United Tver' State Museum. Catalogue. In Russ.] / Ed. E. D. Pukhalina. Moscow, 1990.

SAZONOVA T. V. Kirillo-Novoezerskiy monastyr'. Opyt izucheniya mal'kh i srednih monastyrey Rossii XVI–XVII vv. [The Kirillo-Novoezerskiy Monastery. An Early Study of Small and Medium-Sized Monasteries in Russia in the 16th and 17th Centuries. In Russ.] Moscow; St. Petersburg, 2011.

SELIN A. A. Novgorodskoe obshchestvo v epohu Smuty [Novgorodian Society during the Time of Troubles. In Russ.] St. Petersburg, 2008.

SERGEYEV A. G. Biblioteka Kornilyevo-Komel'skogo monastyrya: Problemy rekonstruktsii [The Library of the Kornilyevo-Komel'skii Monastery: Problems of Reconstruction. In Russ.] // Knizhnyie tsentry Drevney Rusi. Kirillo-Belozerskiy monastyr' / Ed. S. A. Semiachko. St. Petersburg, 2008. P. 477–492.

SKVORTSOV D. Dionisiy Zobninovskiy, arhimandrit Troitskago-Sergiyeva monastyrya (nyne Lavry). Istoricheskoe izsledovanie [Dionisiy Zobninovskiy, Archimandrite of the Trinity-Sergius Monastery (now Trinity-Sergius Lavra). In Russ.] Tver', 1890.

TOKMAKOV I. F. Gorod Ostashkov Tverskoy gubernii i ego uezd. Sbornik istoriko-statisticheskikh i arheologicheskikh svedeniy [The Town of Ostashkov of Tver' Guberniya and its Uezd. A Collection of Historical, Statistical, and Archeological Evidence. In Russ.] Moscow, 1906.

USPENSKIY V. P. Istoricheskoe opisanie Nilovoy Stolobenskoj pustyni, Tverskoy eparhii Ostashkovskago uezda [A Historical Description of the Nilo-Stolobenskaia Hermitage of Tver' Eparchy, Ostashkov Uezd. In Russ.] Tver', 1876.

USPENSKIY V. P. O pogoste Rozhke Ostashkovskogo uezda [The Pogost Rozhok of Ostashkov Uezd. In Russ.] Tver', 1888.

USPENSKIY V. P. Preosviashchennyi Nektariy, vtoroy nastoiatel' Nilovoy Stolobenskoj pustyni, byvshiy arhiepiskop sibirskiy i tobol'skiy. 1587–1667 god [The Most Venerable Nektariy, Second Head of the Nilo-Stolobenskaya Hermitage, Previous Archbishop of Siberia and Tobol'sk. In Russ.] Tver', 1882.

USPENSKIY V. P. Zapiska o proshlom goroda Ostashkova Tverskoy gubernii [Note about the Past of the Town of Ostashkov of Tver' Guberniya. In Russ.] Tver', 1893.

VESELOVSKIY S. B. D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv. [D'yaki and pod'yachie of the 15th–17th Centuries. In Russ.] Moscow, 1975.

Z. Ia. E. Dionisiy (Zobninovskiy, Zobninov, Zobninskiy) [Dionisiy (Zobninovskiy, Zobninov, Zobninskiy). In Russ.] // Pravoslavnyaya entsiklopediya. Moscow, 2009. T. 15. P. 257–267.

Список литературы

Абрамов Н. Нектарий, третий архиепископ сибирский и тобольский, 1636–1640 гг. // Странник. 1866. № 1. С. 65–87.

- Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. Т. 2. М., 1998.
- Алексеев В. Н. Троицкий книгописец Герман Тулупов // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1981. С. 120–137.
- Алексеев В. Н., Турилов А. А. Герман // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 11. С. 252–253.
- Арсений, игумен. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь, 1895.
- Барсегян Т. В. Нилова пустынь. Монастырь и мир. Изд. 3-е, испр. и доп. Нило-Столобенская пустынь, 2017.
- Барсегян Т. В. Нило-Столобенская пустынь. Монастырь и мир. М., 1999.
- Белоброва О. А. Иоасаф (в миру Иоанн Кириаков) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 129–130.
- Веселовский С. В. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
- Галашевич А. А. Художественные памятники Селигерского края. Изд. 2-е. М., 1983.
- Гусейнова З. М. Иоасаф (Кириков Иван) // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 25. С. 193–194.
- З. Я. Е. Дионисий (Зобниновский, Зобнинов, Зобнинский) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 15. С. 257–267.
- Карбасова Т. Б. Кирилл Новоезерский. История почитания. Исследование и тексты. М.; СПб., 2011.
- Панченко О. В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: Троицкий келарь Александр Булатников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 488–507.
- Покровский В. Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1880.
- Поньрко Н. В. Герман // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 196–198.
- Рачинский А. В. Нилова пустынь в первые полтора столетия ее существования // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. Кн. III. Отд. 2. С. 1–62.
- Русское серебро в собрании Тверского музея. К 125-летию Тверского государственного объединенного музея. Каталог / Ред. Е. Д. Пухалина. М., 1990.
- Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. СПб., 2011.
- Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
- Сергеев А. Г. Библиотека Корнильево-Комельского монастыря: Проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь / Ред. С. А. Семячко. СПб., 2008. С. 477–492.
- Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Историческое исследование. Тверь, 1890.
- Токмаков И. Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений. М., 1906.
- Успенский В. П. Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии. Тверь, 1893.
- Успенский В. П. Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни, Тверской епархии Осташковского уезда. Тверь, 1876.
- Успенский В. П. О погосте Рожке Осташковского уезда. Тверь, 1888.
- Успенский В. П. Преосвященный Нектарий, второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ сибирский и тобольский. 1587–1667 год. Тверь, 1882.

Изоolda Тирет. Первые вкладчики Нило-Столобенской пустыни и развитие культа преподобного Нила Столобенского

В данной работе, основанной на изучении первых чудес преподобного Нила, Переписной книги Нило-Столобенской пустыни 1635 г., наиболее ранних записей в Синодике пустыни 1637 г., а также купчих и духовных грамот Селигерского края, рассматривается связь между духовными и экономическими аспектами, повлиявшими на развитие культа преподобного Нила Столобенского — загадочного аскета, прожившего большую часть жизни на крохотном необитаемом острове Столбном на озере Селигер в XVI в. По мнению автора, дары, преподносившиеся Нило-Столобенской пустыни в течение первых четырех десятилетий XVII в., в значительной степени стали результатом умения строителя Германа и его преемника Нектария Теляшина убеждать социально неоднородную группу приверженцев обменивать финансовые пожертвования Ниловой пустыни на духовные услуги монахов. Данная работа преследует цель продемонстрировать, что значительный вклад в раннее развитие культа Нила Столобенского был

внесен благодаря семейным и социальным связям как местных вкладчиков, так и влиятельных фигур Троице-Сергиева монастыря, заинтересованных в духовной жизни своей родины на западе Московского государства, где зародился культ преподобного.

Ключевые слова: почитание святых, вкладчики, религиозная жизнь, местная история, монастырская экономическая жизнь.

Isolde Thyrêt. The First Donors to the Nilo-Stolobenskaya Hermitage and the Development of the Cult of Saint Nil Stolobenskiy

Studying the first miracle stories of Saint Nil Stolobenskiy, the Nilov Hermitage's inventory of 1635, the earliest entries in the hermitage's sinodik of 1637, and purchase deeds and wills from the Seliger region, this article examines the connection between the spiritual and economic aspects that contributed to the development of the cult of Saint Nil, an enigmatic ascetic who lived most of his life on the small uninhabited island Stolbnoe in Lake Seliger in the 16th century. The author suggests that in the first four decades of the 17th century, the donations to the Nilov Hermitage depended on the ability of the first two Nilov leaders, German and Nektarii Teliashin, to persuade a socially diverse group of followers of the saint to enter into a bargain with the saint's monastery that exchanged financial gifts for spiritual services. The article shows how family and social ties among the local patrons of the Nilov Hermitage and important figures in the Trinity-Sergius Monastery, who were interested in promoting spiritual life in their homeland where Nil Stolobenskiy's veneration originated, contributed significantly to the early development of this saint's cult.

Key words: veneration of saints, donors, religious life, local history, monastic economy.

Тирет, Изольда — профессор истории, Кентский университет штата Огайо, США.

Thyrêt, Isolde — PhD, associate professor, History Department, Kent State University, Ohio, USA.

E-mail: ithyret@kent.edu

А. С. Бочкарев

Дезертирство и сыск беглых солдат олонецких полков «нового строя» в 1660-е гг.

Одной из немаловажных сторон воинской повседневности выступает проблема дезертирства. Борьба с этим повсеместным явлением в армии в условиях российской действительности XVII в. включала комплекс мер как законодательно-нормативного, так и оперативно-управленческого характера. Непосредственная реализация последних велась прежде всего посредством сыска и возвращения в строй бежавших военнослужащих. В данной статье будут проанализированы причины бегства и организация сыска беглых солдат на примере олонецких полков «нового строя» в общем контексте военных реформ царя Алексея Михайловича в середине XVII в.

Статья основывается на материалах Новгородского разрядного полка — территориального формирования вооруженных сил Русского государства XVII в. Основные архивные источники, использованные в статье, относятся к олонецким полкам «нового строя». Документы сосредоточены в основном в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА) в столбце 129 фонда 210 «Разрядный приказ» по описи столбцов Новгородского стола¹. Частично материалы опубликованы А. Ю. Жуковым в сборнике «Истоки Карелии: время, территория, народы»². Некоторые сведения о полках содержатся также в описи по Олонцу в фонде 137 РГАДА³. В основном анализ основан на документах начала 1660-х гг., когда дезертирство олонецких солдат из Новгородского разрядного полка проявилось особенно сильно.

Проблема беглых солдат русской армии XVII в. изучена мало. Эту тему затрагивали в своих исследованиях Р. Б. Мюллер⁴ и Д. В. Брусницына⁵, но в их

трудах вопрос бегства олонецких солдат рассматривался сквозь призму положения крестьянства в феодальной системе России XVII в. Проблеме дезертирства также уделял внимание А. В. Малов в монографии «Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории (1656–1671)»⁶. При описании процесса формирования в Москве Первого выборного полка автор повествует о сложностях комплектования подразделений, обусловленных расшатанной дисциплиной и уклонением от службы.

Следует указать, что в раннее новое время феномен дезертирства обрел угрожающие масштабы. Как правило, комплекс причин к оставлению действующей армии был единым: невыплата жалованья, голод, тяжелые условия службы, произвол начальства. В России еще в первые годы после Смуты, во время подготовки похода на Новгород в 1614 г., власти столкнулись с серьезными трудностями набора войска. Всеобщее разорение начала столетия ударило и по служилым людям. В. Н. Козляков приводит такие данные: из назначенных 132 человек владимирских дворян и детей боярских в новгородский поход в полки явилось 14 человек, остальные либо не поехали, либо сбежали в пути. За неявку на смотр в полк служилый человек попадал в списки нетчиков, и мог за неоднократное уклонение от службы лишиться своего оклада и части поместного и денежного жалованья, что в конечном итоге приводило к потере сословного статуса⁷. Подобные последствия уклонения от несения воинской службы впоследствии были зафиксированы Соборным уложением 1649 г.⁸

Ключевым процессом в русской армии XVII в. явилась ее постепенная вестернизация. Новые внешнеполитические задачи обнажили факт неспособности поместного и стрелецкого войска противостоять передовым западноевропейским армиям, в особенности закаленной в боях Тридцатилетней войны шведской. Модернизация вооруженных сил непосредственным образом проявилась и в истории Карелии. Здесь в 1647–1649 гг. была проведена военная реформа, сутью которой являлось создание из местных крестьян, хорошо знакомых с географией региона, солдатских и драгунского полков для охраны русско-шведской границы⁹. Это было уникальным в своем роде мероприятием. Вообще в России организация полков «иноземного строя» осуществлялась в общегосударственных масштабах и стала попыткой создания регулярной армии по европейским образцам¹⁰.

В Карелии в рамках данного проекта был осуществлен ряд мероприятий, направленных на подготовку территории и ее жителей к введению солдатской службы. Следовало переписать население и вернуть на место так называемых «сошлых» крестьян, т. е. тех, кто мигрировал в прошлые годы в смежные уезды из-за хлебного недорода и увеличения налогового бремени. Реакция населения на действия властей оказалась неоднозначной. Так, дворянин В. Д. Золотарев, направленный из Москвы в 1647 г. в Заонежские погосты для подготовки военной реформы, столкнулся с нежеланием части крестьян идти в солдаты и драгуны, а также решительным отказом «сошлых» крестьян возвращаться на старые места. К проблемам организации поселенного войска также можно

отнести и личный конфликт В. Д. Золотарева с первым олонекским воеводой Ф. Ф. Волконским¹¹.

Пехотные и кавалерийский полки комплектовались за счет «справных» (т. е. способных платить налоги) крестьян в возрасте от 20 до 50 лет, при этом они освобождались от несения тягла с условием, что будут обеспечиваться продуктами своих хозяйств¹². Бюджетные сметы отражают картину освобождения от уплаты налогов. В смете за 1650 г. написано, что «тех данных и оброчных денег с нынешнего 158 году с Олонца и з Заонежских погостов с крестьян, которые написаны в салдаты для салдацкие службы, имать не велено»¹³. С другой стороны, относительно лиц, которые не призывались и обязаны были, как и раньше, выплачивать прежние налоги, сказано: «...велено имать доходы Заонежских же погостов с крестьян, которые, крестьяне, за старости и за увечье и за худобу и за одиночество и вдовы и недоросли в салдацкую службу не написаны, а живут на тяглых своих участках, и с тех данные и оброчные денги велено имать попрежнему¹⁴».

Олонецкие полки просуществовали только до 1666 г. Это связано с тем, что в начале 1660-х гг. и без того непростые отношения крестьян с властями достигли предельного напряжения. Главным образом это было обусловлено спецификой мобилизационной системы и высылкой олончан на театры боевых действий. Еще во время русско-шведской войны 1656–1658 гг. срок действительной солдатской службы составлял только четыре месяца в году, благодаря чему риск погибнуть был меньше, а крестьянские хозяйства не оскудевали, так как служба происходила без длительного отрыва от сельскохозяйственных угодий. Но после подписания Кардисского мира 1661 г. и активизации боевых столкновений с Польшей правительство стало отправлять солдат на фронт «бессрочно». Дело в том, что к началу 1660-х гг. в боях погибла значительная часть Новгородского разрядного полка, что обусловило принятие чрезвычайных мер для пополнения его личного состава, в том числе поголовный бессрочный (до конца кампании) призыв в действующую армию олонецких солдат и драгун¹⁵. Потери среди олонецких полков во многом были вызваны значительным некомплектом подразделений и их посредственной выучкой¹⁶. Гибель большого числа солдат спровоцировала опустошение крестьянских хозяйств. Пытаясь найти выход из сложной ситуации, в 1662 г. правительство издало указ, согласно которому действительная служба сокращалась до шести месяцев. Но это не спасло положение. Солдаты требовали возврата к старой практике призыва на четыре месяца. Отказ властей идти в этом вопросе навстречу солдатам вызвал доселе беспрецедентное массовое дезертирство¹⁷.

Значительная часть побегов приходилась непосредственно на этап отправки солдат на место службы. Часто солдаты возвращались в свои погосты с полдороги в Новгород или Псков. Побег осуществлялись как поодиночке, так и массово: например, в сентябре 1663 г. по донесению высылщика ротмистра Феклиста Ласунского, при отправке солдат из Шуйского погоста на государеву

службу сбежали 302 человека¹⁸. В материалах Новгородского полка фиксируются подобные гили, иными словами мятежи. Чаще всего солдаты бежали группами по несколько десятков человек.

В результате система поселенного войска уже на этапе ее организации выявила ряд недостатков, главным образом негативное отношение населения к воинской службе. Возобновление боевых действий и хронический недокомплект воинских контингентов потребовал переброски в действующую армию олонекских солдат, что еще усугубило ситуацию — масштабы дезертирства возросли.

Помимо жесткой мобилизационной политики, одной из главных причин побегов в олонекских полках и вообще в русской армии было ее плохое снабжение. Это особенно ощущалось во время кампании 1661 г. Тогда как польско-литовское войско содержалось двухмиллионным населением, полки Новгородского разряда выставлялись населением численностью около 400 тыс. человек. Осенью 1661 г., когда уже в сентябре выпал первый снег, полки князя И. А. Хованского сократились почти вдвое из-за голода и холода; рядовых осталось меньше, чем начальных людей¹⁹. В целом бегство со службы, как настаивает А. В. Малов, являлось одной из общих и центральных проблем всех армий XVII в. В качестве примера автор в своей книге указывает на критически затянувшийся в 1657 г. процесс комплектования в Москве Первого солдатского выборного полка, неявку на смотр почти трехсот солдат и урядников; он также иллюстрирует практику рассылок местным воеводам памятей и росписей для розыска и высылки беглых и отпусковых солдат на службу²⁰.

При побегах многие с собой уносили казенный инвентарь — оружие и экипировку. Осуществлялся строгий учет государственного имущества, поэтому в источниках имеются многочисленные фиксации подобных происшествий, когда во время побега солдаты уносили бердыши, мушкеты, банделеры, кормовые деньги и собственно свою униформу. Поскольку при выдаче на руки всего этого имущества составлялись поименные списки солдат-получателей, то и в случае их бегства в поименных списках беглецов отмечалась каждая унесенная ими казенная вещь, причем с указанием имени взявшего ее солдата. Ситуацию иллюстрирует заглавие одного из таких документов: «Роспись беглым солдатам Крестьянова полку Любенова, которые побежали из Пскова сентября 22 числу и собою все снесли государевы бердыши»²¹.

Интересными для исследования представляются также организованные групповые вооруженные побег, в которых проявились солдатская солидарность и сплочение. В материалах Новгородского полка зафиксирован случай, произошедший в мае 1662 г. в районе Опочки, — два сержанта полка Иоганна Трейдена Мирошка Осипов и Климко Федоров подговорили к побегу пятьдесят человек — и затем все они сбежали. С собой солдаты забрали мушкеты и, как показал на допросе ротмистр Ф. Мартьянов, ссылаясь на слова Трейдена, еще и полковой барабан. За солдатами была послана погоня: Трейден отправил за ними майора с начальными людьми. Настигнутые беглецы дали преследо-

вателям ожесточенный бой. Документы свидетельствуют о мушкетной перестрелке. В результате зачинщики мятежа, сержанты Мирон Осипов и Клим Федоров были пойманы, остальным же солдатам удалось скрыться. Дальнейшее развитие событий вокруг данного инцидента не менее интересно, чем сам побег. Изначально Иоганн Трейден предполагал Осипова повесить во Пскове, а Федорова отправить в Новгород по запросу воеводы Б. А. Репнина. Но в дело вмешались псковичи. Из черновиков отписок Репнина государю мы узнаём, что в июне, перед самой казнью, у виселицы появилась большая толпа посадских людей под предводительством протопопа Кондрата Кузмина, которые отбили сержанта Мирона Осипова у палача, а затем напали на полковника и других офицеров: «и ево, полковника, и начальных людей хотели убить, и он де, по[д]скочив на лошадь, одва от них с поля уехал». Массовое сознание, как утверждает А. В. Малов, отказывалось признавать за иноземцем право казнить православного человека. Данные события и расшатанная дисциплина в полку сразу же спровоцировали мятеж и новые массовые вооруженные побег. В бумагах Репнина это выглядит следующим образом: «И после того, государь, на тот гил смотря, розбежалось салдат з дороги, вышел изо Пскова, не дошед города Острова, у подполковника у Христофора Трейдена дватцать человек с ружьем и со всем салдацким строем, взяв его, великого государя денежное и хлебное жалованье». После такого накала отношений между властями и населением полковник Иоганн Трейден долгое время опасался отправлять второго сержанта, Клима Федорова, в Новгород, ссылаясь на то, «чтоб его тож гили не отбили», несмотря на требования Репнина об отправке. В итоге Федорова все-таки повесили, но лишь 27 августа, и не в Новгороде, а в Олонце²².

Таким образом, источники дают живописную картину дезертирства солдат из олонечских полков. Людей вынуждала к побегу не только отправка в армию на неопределенный срок и последующее обеднение их хозяйств, но и плохое обеспечение войск. Солдаты находили выход в массовых побегах из армии, что требовало от властей организации системы борьбы с дезертирами.

Борьба с дезертирством имела различные формы. В девятой статье седьмой главы «О службе всяких ратных людей Московского государства» Соборного уложения 1649 г. имеется указание, как нужно поступать с даточным человеком в случае его побега со службы. Согласно тексту, дезертира следовало разыскать, бить кнутом, затем выслать в полки в сопровождении приставов. Если беглец не будет найден, взыскать с его поручителей сумму в размере солдатского полугодового жалованья²³. Фактически к пойманным беглецам применялись не только телесные наказания, но и тюремное заключение. Во время комплектования упомянутого выше Первого выборного полка проблему дезертирства правительство решало ужесточением мер. Так, воеводам предписывалось сажать в тюрьму холопов и крестьян, принадлежавших солдату-помещику, а у остальных сажать жен и детей, а самих беглых солдат — бить кнутом²⁴.

Но основой данной системы являлись мероприятия по поиску сбежавших солдат группой специально назначенных людей — *сыщиков*. Ими были офицеры, как правило, в чине капитана или ротмистра, реже майора, которые с небольшим вооруженным отрядом отправлялись в уезды, в места проживания беглецов²⁵. Зачастую они совмещали эту должность с должностью *высылщика* — человека, занимавшегося непосредственно призывом в армию. В документах сохранились имена этих людей. Среди них по частоте упоминаний в столбце 129 можно выделить прежде всего ротмистра Феклиста Ласунского²⁶ и капитана Василия Мячкова²⁷. Также в документах встречаются имена Богдана Путилова²⁸, Богдана Ефимова²⁹, Еремея Мартьянова³⁰, Степана Белеутова, Дмитрия Болнянинова, Федора Мяхкого³¹. В их обязанности входили поиск и высылка сбежавших солдат обратно на государеву службу. При этом сыщики действовали согласно именным росписям, указывавшим, кого и где следует искать³². Росписи эти предоставлялись сыщикам командирами полков или местными воеводами³³. В сыскных документах повсеместно встречается формулировка «*сыскать по росписи*». Так, во время одного из розыскных рейдов Богдана Путилова в Луцкий уезд «велено ему на Луках Великих взять у воеводы у Константина Нащокина стрельцов и пушкарей, сыскать *по росписи* салдат прошлого 167 году и прислать с стрельцы в Великий Новгород»³⁴. Нечто подобное можно встретить и в отписке Б. А. Репнина олонецкому воеводе Т. В. Мышецкому: «...писал к тебе на Олонец о беглых салдатех многажды чтоб тех беглых салдат *по росписям* сыскал, прислал на государеву службу ко мне...»³⁵ В отчете Феклиста Ласунского Б. А. Репнину о своих действиях в Выгозерском стане встречается такая фраза: «...а велено мне, государи, по вашему наказу и *по росписи* Олонецкого города воеводе князя Терентия Васильевича Мышецкого... сыскивать беглых и отсталых солдат...»³⁶

Высылка солдата сопровождалась составлением *поручных записей* (поручительств) от его родственников и односельчан, которые несли материальную ответственность за «своего» солдата. Согласно Соборному уложению, в случае побега солдата поручители подвергались правезу, т. е. с них взимались штрафы в размере полугодового солдатского жалованья. Сверх этого изымалась «шуба» в счет солдатской униформы, в которой он совершил побег. Далее, один из поручителей должен был занять место дезертировавшего солдата и пойти вместо него на службу. Затем сыщик отряжал от своей группы нескольких человек во главе со стрельцом или сержантом для сопровождения солдат на службу. Тем не менее, как указывает Д. В. Брусницына, опираясь на материалы Олонецкой воеводской избы, в подавляющем большинстве случаев порука нарушалась, солдаты сбегали в родные селения, где их тщательно укрывали родственники и земляки. Население сочувствовало дезертирам³⁷. Видимо, активная поддержка беглых солдат местным населением объяснялась «природным абсентеизмом» русских по отношению к военной службе, устойчивой ненавистью к войне, являвшейся культурно-нравственной чертой народа³⁸.

Крестьяне изыскивали и иные способы уклонения от воинской службы. Они постригались в монахи, нанимались в съезжую избу подьячими или приставами. В этом плане интересна практика заключения договоров найма с третьими лицами, согласными пойти на службу за определенную плату вместо призывника. Идея была внедрена в 1649 г. олонецкими воеводами князем Ф. Ф. Волконским и С. П. Елагиным. Популярной же практика стала с 1654 г. с началом Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг., когда олонецкие полки стали отправляться на театр боевых действий. В большинстве случаев такие «наймиты» были обученными и опытными воинами, размер жалования которых превышал жалование обычного солдата. Главной проблемой наймитов являлась их ненадежность по отношению к нанимателю. Как и большинство олонецких солдат, наемники частенько совершали побег, из-за чего вся ответственность ложилась на плечи нанимателя: он должен был отправиться на службу вместо наймита³⁹.

Нежелание крестьян служить было столь сильно, что никакими угрозами невозможно было остановить повальное дезертирство. Солдаты сбегали в свои деревни, где их укрывали родственники, затем отыскивали сыщики и за поручками отправляли обратно в армию, но они снова сбегали с дороги, прятались в лесах⁴⁰. Так, в черновике отписки командира Новгородского полка Б. А. Репнина указывалось, что многие «драгуны и салдаты в нынечшнем в 170-м году под Полоцком побиты и в полон поиманы, и иные от голоду померли ис полков с бою, и после бою от хлебной скудости разошлись, а иные, не дошед полк, слыша хлебную скудость и устрасая голодной смерти, з дороги розбежались в рознь...»⁴¹ Р. Б. Мюллер отмечает, что при появлении сыщика разбежались не только солдаты, но и их семьи, а порой целые деревни⁴². В ответ на такие акции правительство пошло на ужесточение наказаний. В донесении И. Б. Репнина о сыщике капитане Василии Мячкове отмечено, что в августе 1662 г., в ходе розыскных мероприятий в Старицком уезде, найденные беглые солдаты были посажены в тюрьму⁴³. На дорогах создавались стрелецкие заставы для поимки дезертиров, но их деятельность была практически безрезультатной. Ужесточение наказания за побег лишь увеличивало масштабы уклонения от службы⁴⁴.

Социальная напряженность на протяжении первой половины 1660-х гг. лишь возрастала. Опустошение крестьянских хозяйств, голод и сплоченность крестьян вызывали риск масштабного восстания. В итоге 1 июля 1666 г., за полгода до подписания Андрусовского перемирия с Польшей, вышло постановление, отменяющее службу олонецких полков⁴⁵.

Поводя итог, отметим, что организация олонецких полков «нового строя», с одной стороны, была призвана решить вопросы охраны русско-шведской границы, а с другой — повлекла массу осложнений, главным из которых стали масштабные побег солдат из армии. В первую очередь повальное дезертирство было спровоцировано переброской олонецких полков на театр боевых

действий, что отрывало солдат от сельскохозяйственных угодий и влекло за собой запустение крестьянских хозяйств. В правительстве, очевидно, понимали сложность ситуации, однако шли на непопулярные меры поголовного бессрочного призыва в действующую армию. Кроме того, солдаты бежали из-за голода и плохого войскового снабжения, при этом унося с собой оружие, экипировку и жалованье. В ответ власти ужесточали наказание за побеги, что приводило лишь к эскалации общественной напряженности. Неэффективность обычных карательных мер в отношении беглых солдат вынуждала правительство вести более тонкую и продуманную политику в отношении солдат поселенного войска. Мы видим, что в большинстве своем действовала проверенная схема розыска. Поддержание функционирования данной системы легло на местные власти, а непосредственно сыском занимались специальные должностные лица — сыщики. В ходе проведения розыскных мероприятий и обнаружения дезертиров беглых солдат брали на поруки родственники, а затем их отправляли обратно в полк. При этом зачастую сыщики обходились без применения телесных наказаний, ограничиваясь лишь денежными санкциями. Но, несмотря на усиленное поддержание жизнеспособности поселенного войска, система показала свою неэффективность, поэтому в конечном счете была упразднена.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. 272 л.

² Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Историю Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск, 2014. С. 91–187.

³ РГАДА. Ф. 137. Олонец. Д. 2. 62 л.

⁴ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947.

⁵ Брусницына Д. В. 1) Конфликт властных полномочий организаторов службы пашенных солдат в Карелии XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7. Т. 2. С. 31–34; 2) Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649–1666) // Carelica. 2013. № 1. С. 10–18; 3) Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 4. С. 104–117.

⁶ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М., 2006.

⁷ Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018. С. 95, 161.

⁸ Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 83.

⁹ Отписка Василия Золоторева в Новгородский приказ о мероприятиях по введению солдатской и драгунской службы крестьян // Карелия в XVII веке. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 62–66.

¹⁰ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 205–206.

- ¹¹ *Брусицына Д. В.* Конфликт властных полномочий организаторов службы пашенных солдат в Карелии XVII века. С. 31–33; *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVII века. С. 123–130.
- ¹² *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. С. 206.
- ¹³ РГАДА. Ф. 137. Олонец. Д. 2. Л. 19 — 19 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 21 об. — 22.
- ¹⁵ *Жуков А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 91–92; *Курбатов О. А.* Военные реформы России второй половины XVII века. Конница. М., 2017. С. 98–101.
- ¹⁶ *Лобин А. Н., Смирнов Н. В.* Борьба за Юрьев-Ливонский в годы русско-шведской войны (1656–1658) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18–20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. I. С. 537.
- ¹⁷ *Жуков А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 91–92.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 160.
- ¹⁹ *Курбатов О. А.* Военные реформы России второй половины XVII века. Конница. С. 116–117.
- ²⁰ *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. С. 76.
- ²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 24–25, 32–34, 124–125.
- ²² Там же. Л. 117, 149; Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонецких солдат, с предложением репрессий против беглецов // *Жуков А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 123–124; 22 мая 1662 г. Отрывок выписки из допроса рейтарского ротмистра Ф. Мартыанова // Там же. С. 124; 9 июня 1662 г. Из черновика первой отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата // Там же. С. 124–125; 16 июня 1662 г. Из черновика второй отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата // Там же. С. 125–127; 30 сентября 1662 г. Из отписки воеводы Т. В. Мышецкого и дьяка Д. Протопопова в Псков воеводе Новгородского полка Б. А. Репнину о казни беглого сержанта Клим Федорова // Там же. С. 127; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. С. 122.
- ²³ Соборное уложение 1649 года. С. 83.
- ²⁴ *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. С. 76–77.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 8–9, 65–66; *Брусицына Д. В.* Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века. С. 108.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 66, 127–128.
- ²⁷ Там же. Л. 2–3, 103.
- ²⁸ Там же. Л. 35.
- ²⁹ Там же. Л. 8.
- ³⁰ Там же. Л. 7.
- ³¹ Не позднее 11 февраля 1662 г. Из черновика отписки командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя» // *Жуков А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 101.
- ³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 26–30.
- ³³ Там же. Л. 33, 35.
- ³⁴ Там же. Л. 36.
- ³⁵ Там же. Л. 104.
- ³⁶ Там же. Л. 127.

- ³⁷ Там же. Л. 127–128; Брусницына Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века. С. 106–109; Соборное уложение. С. 83.
- ³⁸ Кутищев А. В. Дезертирство в европейских армиях в эпоху Людовика XIV и Петра Великого. С. 42.
- ³⁹ Брусницына Д. В. Наймиты и их «хозяева» в олонетских полках пашенных солдат (1649–1666). С. 12–14.
- ⁴⁰ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. С. 134.
- ⁴¹ Не позднее 11 февраля 1662 г. Из черновика донесения командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонетских полков «нового строя» // Жуков А. Ю. Олонетские полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 99–103.
- ⁴² Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. С. 136.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 2.
- ⁴⁴ Не ранее 16 июня 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о численности ратных людей и о потерях от военных действий из-за побегов со службы // Жуков А. Ю. Олонетские полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 105–108.
- ⁴⁵ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. С. 138.

References

- BRUSNITSYNA D. V. *Konflikt vlastnykh polnomochii organizatorov sluzhby pashennykh soldat v Karelii XVII veka* // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. N 7. T. 2. S. 31–34.
- BRUSNITSYNA D. V. *Naimity i ikh "khozyaeva" v olonetskikh polkakh pashennykh soldat (1649–1666)* // *Carelica*. 2013. N 1. S. 10–18.
- BRUSNITSYNA D. V. *Oformlenie poruchnykh zapisei kak sposob bor'by s dezertirstvom pashennykh soldat v Karelii vtoroi poloviny XVII veka: po materialam Olonetskoï voevodskoi izby* // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. N 4. S. 104–117.
- Kareliya v XVII veka. Sbornik dokumentov* / Pod. red. A. I. Andreeva. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izd-vo Karelo-finskoi SSR, 1948.
- KOZLYAKOV V. N. *Sluzhilye lyudi Rossii XVI–XVII vekov*. Moscow: Kvadriga, 2018.
- KURBATOV O. A. *Voennye reformy Rossii vtoroi poloviny XVII veka. Konmitsa*. Moscow: Kvadriga, 2017.
- KUTISHCEV A. V. *Dezertirstvo v evropeiskikh armiyakh v epokhu Lyudovika XIV i Petra Velikogo* // *Manuskript*. 2018. N 4. S. 41–45.
- LOBIN A. N., SMIRNOV N. V. *Bor'ba za Yur'ev-Livonskii v gody russko-shvedskoi voiny (1656–1658)* // *Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy. Vtoraya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*, 18–20 maya 2011 goda. St. Petersburg, 2011. Ch. I. S. 534–549.
- MALOV A. V. *Moskovskie vybormye polki soldatskogo stroya v nachal'nyi period svoei istorii*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2006.
- MYULLER R. B. *Ocherki po istorii Karelii XVI–XVII vv.* Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izd-vo Karelo-finskoi SSR, 1947.
- Sobornoe ulozhenie 1649 goda* / Pod red. M. N. Tikhomirova, P. P. Epifanova. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961.
- Voennaya entsiklopediya. T. IX. Dvina Zapadnaya — Elets*. St. Petersburg: Tipografiya T-va I. D. Sytina, 1912.
- ZHUKOV A. Yu. *Olonetskie polki "novogo stroya" v 1662 g.: dokumenty i materialy* // *Istoki Karelii: vremya, territoriya, narody. Polevye issledovaniya i arkhivnye materialy*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2014. S. 91–187.
- ZHUKOV A. Yu. *Upravlenie i samoupravlenie v Karelii v XVII v. Velikii Novgorod*: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2003.

Список литературы

- Брусицына Д. В.* Конфликт властных полномочий организаторов службы пашенных солдат в Карелии XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7. Т. 2. С. 31–34.
- Брусицына Д. В.* Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649–1666) // Carelica. 2013. № 1. С. 10–18.
- Брусицына Д. В.* Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 4. С. 104–117.
- Военная энциклопедия. Т. IX. Двина Западная — Елец. СПб.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1912.
- Жуков А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 91–187.
- Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003.
- Карелия в XVII веке. Сборник документов / Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-финской ССР, 1948.
- Козляков В. Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2018.
- Курбатов О. А.* Военные реформы России второй половины XVII века. Конница. М.: Квадрига, 2017.
- Кутищев А. В.* Дезертирство в европейских армиях в эпоху Людовика XIV и Петра Великого // Манускрипт. 2018. № 4. С. 41–45.
- Лобин А. Н., Смирнов Н. В.* Борьба за Юрьев-Ливонский в годы русско-шведской войны (1656–1658) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18–20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. I. С. 534–549.
- Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М.: Древлехранилище, 2006.
- Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-финской ССР, 1947.
- Соборное уложение 1649 года / Под ред. М. Н. Тихомирова, П. П. Епифанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.

А. С. Бочкарев. Дезертирство и сыск беглых солдат олонецких полков «нового строя» в 1660-е гг.

В статье рассматриваются дезертирство и особенности сыска беглых солдат олонецких полков «нового строя» в 60-х гг. XVII в. Данный период активной вестернизации русской армии и боевых действий последних лет Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. примечателен довольно сложным положением русской армии на театре боевых действий. При написании статьи использовались документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (в первую очередь внутренняя переписка Новгородского разрядного полка, касающаяся сыска беглых служилых людей), а также ряд опубликованных источников. К началу 1660-х гг. правительство увеличило срок службы олонецких полков и стало отправлять их на театр боевых действий. Длительный отрыв от сельскохозяйственных угодий, гибель на фронте значительного числа солдат, а также плохое снабжение вызвали беспрецедентное массовое дезертирство. Правительство решило проблему беглых солдат организацией системы розыска дезертиров. Сутью данной системы являлись мероприятия по розыску сбежавших солдат группой специальных должностных лиц — сыщиков. В их обязанности входили поиск и высылка сбежавших солдат обратно на государеву службу. Высылка солдата сопровождалась составлением поручительств с его родственниками, которые несли за него материальную ответственность в случае дальнейших побегов. В конечном итоге система показала свою неэффективность. Не помогло даже ужесточение наказаний за побег, настолько велико было нежелание крестьян нести военную службу. В результате к завершению Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. олонецкие полки «нового строя» были упразднены.

Ключевые слова: дезертирство, беглые солдаты, мятеж, сыщики, Борис Александрович Репнин, олонецкие полки «нового строя», русская армия XVII в., Новгородский разрядный полк.

A. Bochkarev. Desertion and search for fugitive soldiers of Olonets “new order regiments” in the 1660’s

The article considers the problem of desertion and search for fugitive soldiers of Olonets “new order regiments” in the 1660’s. The period was noted for active “westernization” of the Russian army and battles during the Thirteen Years’ War (1654–1667), also for strategic situation of the Russian army. The paper uses documents stored in the Russian Archive for Ancient Records concerning the aspects under study, as well as published sources. This period characterized the introduction of longer army service terms of regiments. As the result they were sent away from their households to participate in the war battles. The new army regulation jointly with a lot of deaths of soldiers at the front and food shortages had brought about massive desertion. The government set up a special system of detectives to search for fugitive soldiers and send them back to army. The paper describes all the processes of search. The study has revealed that the system was ineffective. As a result, by the end of the Thirteen Years’ War (1654–1667) the Olonets “new order regiments” were abolished.

Key words: desertion, fugitive soldiers, rebellion, detectives, Boris Alexandrovich Repnin, Olonets “new order regiments”.

Бочкарев, Александр Сергеевич — аспирант сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.

Bochkarev, Aleksandr Sergeevich — PhD Student, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences.

E-mail: alexander.bochkariov@yandex.ru

М. М. Сафонов

Кровь Пушкина и на семействе Вяземских?

Дядюшкин сон

26 января 1837 г. во второй половине дня, около 5 часов пополудни в дом госпожи Влодек на Невском проспекте, 48, доставили письмо¹. Оно было адресовано Якобу Дерк Анне Борхардту барону ванн Геккерну де Беверваарду, полномочному посланнику Королевства Нидерланды². Написал письмо Александр Пушкин. Впрочем, едва ли Пушкин знал полное имя барона.

Около шести часов вечера следующего дня личный врач нидерландского посланника Карл Задлер уже перевязывал правую руку приемного сына Геккерна Дантеса³. Тот же доктор в начале седьмого часа обрабатывал смертельную рану Пушкина⁴. Когда врач осматривал ранение поэта, князь Петр Вяземский расположился в своем кабинете на Моховой и начал было сочинять очередное послание Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной. Легкое перо князя уже давно и настойчиво прокладывало путь к сердцу светской львицы. Но было одно существенное препятствие, которое изощренное остроумие Вяземского не могло преодолеть: графине нравились красавцы кавалергарды. Среди них было довольно много статных кавалеров, но самой импозантной фигурой оставался Дантес. Именно он стал самым модным мужчиной зимнего сезона 1836/1837 г. В кабинет внезапно вбежала жена, княгиня Вера Федоровна. Она принесла трагическую весть: Пушкин только что дрался на дуэли с Дантесом⁵. Было ли это сообщение неожиданным для князя? Впоследствии он стремился представить дело именно так.

В 1837 г. вышел седьмой том «Современника», уже без Пушкина. Вяземский рассказал в нем, что накануне дуэли 26 января на балу у графини Разумовской

он видел поэта в последний раз. Пушкин подошел к нему, попросив написать в Варшаву П. Б. Козловскому и напомнить об обещанной статье для журнала. «Принимая сие поручение, мог ли я предвидеть, что роковой жребий, постигший его на другой день, был уже непреложно отмечен в урне судьбы и что... несколько часов позже увижу Пушкина на одре смерти»⁶. Фраза Вяземского многозначительна. Прочитав ее, читатель «Современника» должен был заключить, что Пушкин не мог не погибнуть, раз смерть его была предназначена самой судьбой. Князь же о предстоящей дуэли даже и не догадывался. Так ли это?

В недатированном письме, написанном в Москву в феврале (не ранее 6-го числа), В. Ф. Вяземская сообщала, что ее дочь, Маша Валуева, утром в день дуэли, 27 января виделась с женой Дантеса Екатериной Геккерн, свояченицей Пушкина. Екатерина поведала нечто очень важное: муж сказал ей, что будет арестован. Валуева написала Екатерине и попросила разрешения навестить ее, если это случится. В половине седьмого в дом Вяземских, где жили и Валуевы, принесли записку от Екатерины Геккерн. Она сообщила, что «предчувствия оправдались». Дантес только что дрался с Пушкиным на дуэли. Рана Дантеса не опасна, но Пушкин ранен тяжело. «Поезжай утешить Натали», — рекомендовала Екатерина. Валуева порывалась отправиться на Мойку, но муж и родители не пустили: Мария ожидала ребенка, и вид крови ей был противопоказан. На Мойку отправилась княгиня Вера, оказавшаяся одной из первых, кто прибыл сюда в те вечерние часы, и не покидала квартиры поэта до последнего вздоха Пушкина⁷.

Итак, тревожный сигнал об угрожавшей Пушкину беде пришел в дом Вяземских утром 27 января. Но тревогу там не забыли. Впрочем, это было не первое предупреждение об опасности. В 1888 г. П. И. Бартенев, издатель «Русского архива», опубликовал записанные в разное время рассказы Петра и Веры Вяземских, с их разрешения⁸. В них очень интересные сведения, но неизвестно, кто рассказывал тот или иной эпизод — князь или княгиня. Имеется следующая запись: «Накануне дуэли был раут у графини Разумовской. Кто-то говорит Вяземскому: “Пойдите посмотрите, Пушкин о чем-то объясняется с д’Аршиаком; тут что-нибудь недоброе”. Вяземский направился к д’Аршиаку. Но у них разговор прекратился»⁹. Это не насторожило князя? Были и более весомые предупреждения. «Накануне дуэли вечером Пушкин явился на короткое время к княгине Вяземской, — записал Бартенев, — и сказал ей, что положение стало невыносимо и что он послал Геккерну вторичный вызов»¹⁰. В 1900 г., когда ни князя, ни княгини не было в живых, Бартенев обнародовал, что в 1875 г. в Хомбурге В. Ф. Вяземская рассказала ему любопытнейшую историю: «...вечером 26 января 1837 года в отсутствие князя пришел к ней на минуту Пушкин и сказал ей, что будет драться с Дантесом. У княгини сидели В. А. Перовский и М. Ю. Виельгорский. Втроем они долго совещались, как быть, и до глубокой ночи ждали возвращения князя Петра Андреевича, который засиделся у Карамзиных и на другое утро встал очень поздно»¹¹. Итак, Вяземский «проспал» беду из-за Карамзиных. Однако у них Вяземский засидеться не мог, потому что

Карамзины были на балу у Разумовских, да и сам князь находился там же¹². Как неловко княгиня пыталась объяснить, почему Вяземские не попытались предотвратить дуэль!

Сохранился другой рассказ об этом преддуэльном эпизоде. Видимо, Барте-нев записал его со слов князя. Иначе трудно объяснить, почему этот эпизод так разительно отличается от того, что рассказывала княгиня. Оказывается, днем 27 января Вяземский не спал, а бодрствовал: вместе с А. О. Ленским он прогуливался по Невскому и случайно встретил Геккерна. Тот вылез из саней и объяснил: он, дескать, загулялся, не заметил, как ушел очень далеко, вспомнил, что надо составить какую-то бумагу, потому пришлось нанять извозчика. Потом выяснилось, что Геккерн в своей карете поджидал, чем кончится дуэль на Черной речке. Он уступил раненому Пушкину свою карету, самому же пришлось добираться восвояси в санях¹³.

Выходит, если даже Вяземский спал до обеда, то после пробуждения от этого богатырского сна князю ничего не сказали о ночном визите Пушкина в их дом, и он не знал о предстоящем поединке. Впрочем, в этом «княжьем» варианте рассказа никакого ночного визита Пушкина не было, и Вяземские пребывали в полном неведении. В отличие от ноябрьской дуэльной истории, теперь Пушкин «молчал», и на этот раз никто из друзей его ничего не подозревал. «За день до поединка» Вяземский возвратился домой поздно вечером. Жена сказала ему, что надобно на время закрыть свой дом, потому что нельзя отказать ни Пушкину, ни Геккерну, а между тем в тот вечер они приезжали оба; Пушкин волновался и присутствие Геккерна было ему невыносимо¹⁴. Общее в этих взаимоисключающих рассказах супругов лишь то, что Вяземский ничего не знал о предстоящем поединке. Почему же князь оказался в неведении, и муж и жена рассказывали по-разному, но оба лгали?

Не должен показаться странным еще один, уже «совместный» супружеский рассказ, который наделал много шума и ввел в заблуждение пушкинистов. В феврале 1837 г. Вера Федоровна написала письмо в Москву некой «подруге». Возможно, этой подругой была Е. Н. Орлова (жена декабриста М. Ф. Орлова), как гласит об этом запись, сделанная неизвестной рукой на черновике письма. Письмо это было выправлено рукой Петра Андреевича¹⁵. Оно посвящено последним дням жизни Пушкина: «С понедельника 25-го числа, когда всё семейство провело у нас вечер¹⁶, мы были добычею самых живых мучений. Было бы вернее сказать вам, что мы находились в беспокойстве в продолжении двух месяцев, но это значило бы начать очень рано. Пушкин вечером, смотря на Жоржа Геккерна, сказал мне: “Что меня забавляет, так это то, что этот господин веселится, не предчувствуя, что ожидает его по возвращении домой!” — “Что же именно, — спросила я. — Вы ему написали?” Он мне сделал утвердительный знак и прибавил: “Его отцу”. — “Как, письмо уже отослано?” Он мне сделал еще знак. Я сказала: “Сегодня?” Он потер себе руки, повторяя головой те же знаки. “Неужели вы думаете об этом? — сказала я. — Мы надеялись, что всё уже

кончено". Тогда он вскочил, говоря мне: "Разве вы принимаете меня за труса? Я вам уже сказал, что с молодым человеком мое дело было окончено, но с отцом — дело другое. Я вас предупредил, что мое мщение заставит заговорить свет". Все ушли. Я удержала В[иельгорского] и сказала ему об отсылке письма. Мой муж возвратился в два часа утра, и я ему тоже сказала, но что делать? Невозможно было действовать»¹⁷.

Читая этот диалог, всецело выдуманный княгиней Верой, нельзя не заметить, что он сочинен так, что у читателя не должно остаться ни малейших сомнений в том, что Пушкин не только написал свое роковое письмо Геккерну, прежде чем прийти к Вяземским, но и отправил его до того, как появился в их салоне. Однако когда же все-таки он его написал?

Последний вторник после последнего понедельника

6 февраля 1837 г. Ж. Дантес показал Комиссии военного суда, что Геккерн получил оскорбительное письмо от Пушкина 26 января¹⁸. Он утверждал, что это письмо находится у императора. Комиссия обратилась к царю с просьбой ознакомиться с этим документом, и 10 февраля вице-канцлер К. В. Нессельроде представил подлинное письмо. Члены комиссии в тот же день слушали перевод пушкинского письма с французского языка, подготовленный для членов суда. Письмо было датировано 26 января¹⁹. В военно-судном деле осталась только его копия, выполненная начальником отделения Шмаковым²⁰. Подлинник 30 апреля 1837 г. был возвращен в канцелярию Военного министерства для передачи вице-канцлеру²¹. В настоящий момент местонахождение оригинала неизвестно. Высказывалось мнение, что при копировании письма могла быть допущена ошибка. Цифры 25 и 26 в скорописи якобы похожи, и переписчик вместо даты «25 января», стоявшей на подлиннике, по ошибке написал в копии «26 января»²². Однако следует иметь в виду, что члены суда держали в своих руках не только копию, но и подлинник с датой, проставленной рукой Пушкина. Трудно допустить, что они, как и писарь, неверно прочитали дату.

Есть и другие свидетельства, что письмо было не только получено, как свидетельствовал Дантес, но и написано 26 января. Так, 11 февраля секундانت Пушкина К. К. Данзас в показаниях комиссии назвал ту же дату²³. Излагая речь Пушкина во французском посольстве накануне поединка, Данзас заявил, что Пушкин «*написал* (курсив мой. — М. С.) 26 января письмо к нидерландскому посланнику». А. И. Тургенев послал в Москву свои «письма-репортажи» о ходе болезни Пушкина прямо из квартиры на Мойке. 28 января он сообщил сестре: «*3-го дня* (т.е. позавчера. — М. С.) *написал* (курсив мой. — М. С.) ругательное письмо к Геккерну-отцу»²⁴. Есть еще и свидетельство самого Геккерна. 30 января посланник сообщил министру иностранных дел Голландии барону Верстолку ван Сулену: «...прошлый вторник (сегодня у нас суббота), в ту минуту, когда мы собирались на обед к графу Строганову... я получил письмо от господина

Пушкина»²⁵. Свидетельство Геккерна важнее всех других: в словах барона есть указание не только на дату — 26 января, вторник, но и на время, когда письмо было получено, — перед обедом.

С. Л. Абрамович, автор наиболее популярной книги о предыстории дуэли, стремилась убедить читателя в том, что Пушкин написал свое письмо 25 января, а Геккерн получил его 26 января в первой половине дня с утренней почтой. Абрамович была уверена, что Пушкин воспользовался городской почтой, 25 января сдал письмо на приемный пункт, а 26-го его доставили Геккерну²⁶. Однако свидетельств того, что Пушкин послал свое письмо по почте, нет. Очень сомнительно, чтобы поэт воспользовался городской почтой, а не послал слугу с письмом или не отнес свою эпистолу сам. Дело в том, что Пушкин прекрасно знал, что его письма перлюстрируются. Он был глубоко возмущен, когда еще в 1834 г. узнал о том, что его интимные письма жене читаются на почте, а выписки доставляются царю²⁷. Отсылая письмо Геккерну по почте, поэт должен был знать, что все обвинения в адрес посланника в тот же день станут известны властям. Сомнительно, чтобы Пушкин хотел защититься от инсинуаций Геккерна руками властей. Это был бы совсем не пушкинский поступок.

Если допустить, что таков и был замысел поэта (хотя мы допустить этого никак не можем), следует признать, что отправленное вечером 25 января письмо пришло бы в дом нидерландского посланника в 9 часов утра или в начале десятого, так как городскую почту начинали разносить в 8 часов²⁸. Но письмо пришло тогда, когда Геккерны собирались на обед. С. Л. Абрамович предусмотрительно опустила указание на предобеденное время²⁹. В противном случае рушилась реконструированная исследовательницей картина преддуэльных дней и часов.

Пушкин, как и большинство людей его круга, обедал во второй половине дня, около 6 часов. К. К. Данзас вспоминал, что, когда в 6 часов вечера он привез раненного поэта на Мойку, в его доме был накрыт стол³⁰. В. А. Жуковский недвусмысленно писал потом А. Х. Бенкендорфу, что Пушкин «был привезен в шесть часов после обеда домой»³¹. Если Геккерны получили письмо 26 января перед обедом, оно никак не могло быть отправлено 25 числа во второй половине дня.

Письмо Веры Федоровны, а точнее его черновик, было обнаружено в архиве Вяземских в 1931 г.³² Доверие ко всему, что исходило от семейства Вяземских, было так велико, что никто не усомнился в словах княгини. Пушкинисты пошли по ложному следу. Скорее они были готовы усомниться в искренности слов Пушкина. Мол, письмо он написал, но еще не отправил, случайно проговорился, но, чтобы создать впечатление неотвратимости сделанного шага, заявил, что уже отправил письмо, дескать, ничего уже не сделаешь³³. Между тем сознательная ложь Веры Федоровны — очень существенный факт. От пушкинистов укрылся важнейший эпизод дуэльной истории: Пушкин написал письмо Геккерну *после* проведенного у Вяземских вечера, т. е. либо в ночь с 25 на 26 января, либо в первой половине следующего дня. Именно это существеннейшее обстоятельство

и хотела утаить Вяземская в первые дни после дуэли. Она всем рассказывала, что Пушкин, прежде чем прийти к ним в салон, уже отправил свое письмо.

30 января С. Н. Карамзина повторила брату рассказанное В. Ф. Вяземской³⁴. То же самое записала и М. А. Горчакова³⁵. Впоследствии эту версию повторил сын Вяземских Павел Петрович³⁶. Но это была тщательно продуманная ложь княгини. Более всего постарался муж Веры Федоровны. Получив от Данзаса авторскую копию пушкинского письма (она была без даты, это и дало возможность для манипуляций), князь П. А. Вяземский переписал ее и озаглавил этот документ так: «Копия с собственноручной копии письма Пушкина к министру Геккерну (посланного ему, *вероятно, в понедельник 25 января 1837* (курсив мой. — М. С.))»³⁷. В письме к Денису Давыдову от 9 февраля Вяземский уже прямо, без всяких «вероятно», утверждал: «...отправил... письмо в понедельник 25 января»³⁸. Более того, князь составил дуэльный сборник и поместил в нем пушкинское письмо Геккерну без даты³⁹. Князь отправил этот сборник в Рим великому князю Михаилу Павловичу, брату царя. В письме, содержащем наиболее развернутую версию дуэльной истории, говорилось: «25 января он послал письмо Геккерну-отцу»⁴⁰.

Вяземский сознательно передергивал. Часть письма Михаилу Павловичу была написана рукой Веры Федоровны⁴¹. На ее же письме в Москву с описанием вечера 25 января есть пометки мужа⁴². Супруги старались не покладая рук. Как видим, не зря. 180 лет мы верили им. Что же хотели скрыть Вяземские? Видимо, вечером 25 января в их доме на Моховой разыгрался инцидент, который и послужил толчком к тому, что Пушкин написал Геккерну оскорбительное письмо. Вяземские хотели во что бы то ни стало утаить не только то, что им было известно, каков был этот инцидент, но и то, что он разыгрывался в их салоне. Становится понятным, почему они всячески затемняли события того вечера. Рассказы князя и княгини на этот счет путаны и противоречивы, сознательно смешиваются события двух вечеров: 25 и 26 января. Лейтмотив этих рассказов: не могли ничего сделать. Не могли или не хотели?

Упорство и почти нечеловеческая энергия, с которыми Вяземские делали всё, чтобы скрыть свою собственную роль в тех трагических событиях, не только настораживает. Невольно закрадывается подозрение в том, что она не так уж и мала. Но что это было, равнодушие или обыкновенная халатность? Или же нечто совсем иное?

Княгиня Вера и графиня Эмилия. «Такие женщины иногда рождаются, чтобы населять сумасшедшие дома»

«Вера Федоровна была... существо весьма необыкновенное, — вспоминал Ф. Ф. Вигель. — При неистощимой веселости ее нрава, никто не стал бы подозревать в ней глубоких чувствительности... Как другие любят выказывать ее,

так она ее прятала перед светом... Не было покалеченной судьбы, которая бы не произвела не только ее сочувствия, но и желания облегчить ее. Ко всему человечеству вообще была она сострадательна, а немилосердна только к нашему полу. Какая женщина не хочет нравиться, и я готов прибавить, какой мужчина? В ней это желание было сильнее, чем в других. Пленники красоты суть ее подданные. В молодости женский пол любит царствовать таким образом и долго не соглашается отказаться от престола, воздвигнутого страстями... Такого рода честолюбия вовсе не было в княгине Вере: все влюбленные казались ей смешны; страсти ею производимые, в глазах ее были не что иное как сочиненные ею комедии, которые перед ней разыгрывались и ее забавляли. Не служит ли это доказательством, что при добром ее сердце, то, что мы называем любовью, никогда не касалось ее? Если бы она могла понять ее мучения, то содрогнулась бы. Самым прекраснейшим из женщин одной красоты недостаточно, чтобы увлекать в свои сети; необходимы некоторые притворство, тонкости, уловки, одним словом, вся стратегия кокетства. От них она тем отличалась, что никогда не прибегала к подобным средствам, употребляя, если можно сказать, простые, естественные чары. Никого не поощряя, она частыми насмешками боле производила досаду в тех, коих имела привлекать к себе... Не будучи красавицей, она гораздо более их нравилась; немного старше мужа и сестер, она всех их казалась моложе. Небольшой рост, маленький нос, огненный, пронзительный взгляд, невыразимое пером выражение лица и грациозная непринужденность движений долго молодили ее. Смелым обхождением она никак не доходила на нынешних львиц; оно в ней казалось не наглостью, а остатком детской резвости. Чистый и громкий хохот ее в другой казался бы непристойным, а в ней восхищал; ибо она скрашивала и приправляла его умом, которым беспрестанно искрился разговор ее. Такие женщины рождаются иногда, чтобы населять сумасшедшие дома»⁴³.

В жизни Пушкина был целый ряд женщин, отношения с которыми довольно трудно определить одним словом. По возрасту они годились ему скорее в матери, и возлюбленными их никак назвать было нельзя. Но наименовать их отношения с Пушкиным дружбой — значило бы выразиться слишком слабо. Вера Федоровна Вяземская принадлежала к числу таких женщин. Вера Федоровна, и никто другой, оказалась в квартире раненого Пушкина и провела там две бессонные ночи рядом с кабинетом умирающего. Хотя свою близость с Пушкиным Вяземская старалась не афишировать. Она утверждала, что почти случайно оказалась в доме поэта: поехала туда «вместо» беременной дочери⁴⁴. Между тем Пушкина и Веру Федоровну связывали многолетние отношения. Поэт и княгиня сами нашли определение тому, что их связывало. Вера Федоровна называлась «приемной матерью», Пушкин же окрестил себя «приемным сыном» (Вяземская была почти на десять лет старше Александра Сергеевича). Княгиня Вера была интимной поверенной своего «приемного сына». В Одессе Вяземская была в курсе отношений Пушкина и Елизаветы Воронцовой, поэт

признавался «матери» в любви к Амалии Ризнич. Когда Пушкин был женихом, Вера Федоровна ездила к Н. И. Гончаровой, матери невесты, с просьбой поторопиться со свадьбой. Любопытно, что именно к Вяземской пришла Наталия Николаевна жаловаться на поведение мужа на второй день после венчания: проведя ночь с женою, поэт на следующее утро оставил ее одну в незнакомом ей доме на целый день, а сам проводил время с друзьями⁴⁵.

Из писем Пушкина к жене видно, что Вера Федоровна была в курсе сексуальных шалостей своего «приемного сына». Так, поэт иронично писал супруге: «Княгине Вере скажи, что она напрасно беспокоится о портрете Ф. Ф. Вигеля и что с этой стороны честное мое поведение выше всякого подозрения; но что из уважения к ее просьбе я поставил его портрет сзади всех других»⁴⁶. Вигель был известнейшим содомитом, и каждая беседа с ним, по признанию Пушкина, заканчивалась разговорами о мужеложестве⁴⁷. Очевидно, поэт в этом письме более чем прозрачно намекал жене, что «приемная мать» беспокоится о гомосексуальных играх «сына». Между «сыном», «матерью» и ее мужем — князем Вяземским существовал некий эдипов треугольник. Своеобразие этого треугольника состояло в том, что Эдипом ощущал себя скорее князь, чем Пушкин. Всё это вносило в «семью» Вяземских некую дисгармонию. Между Пушкиным и Вяземским, несмотря на то что их связывала многолетняя дружба и литературное сотрудничество, всегда существовало определенное отчуждение, не позволявшее взаимным отношениям быть вполне искренними. Вяземский всегда испытывал ревнивую досаду к «приемному сыну», хотя тщетно пытался это скрыть. Вот образчик «чувствований» князя, о которых не стеснялись рассказывать супруги: «Пушкин говаривал, что как скоро ему понравится женщина, то уходя или уезжая от нее, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит ее с собой, сажает в экипаж, предупреждает, что в таком-то месте будет толчок, одевает ей плечи, целует у нее руку и пр. Однажды княгиня Вяземская, посылая к нему слугу, велела спросить, с кем он в тот день уезжает. “Скажи, что сам-третей”, — ответил Пушкин. Услыхав этот ответ, — третью, верно, ты, — заметил князь Вяземский своей жене»⁴⁸.

Пожалуй, Пушкин испытывал более сильное чувство к мужу своей «приемной матери». К этому «родственному» чувству примешивалось определенное раздражение от того, что Вяземский вел систематическую осаду самых великолепных светских красавиц, и Н. Н. Пушкина оказалась в их числе. «Пушкин не любил Вяземского, — вспоминали супруги Нащокины, — не выражал того явно, он видел в нем человека безнравственного, ему досадно было, что тот волочился за его женой, впрочем, волочился просто из привычки светского человека отдавать долг красавице. Напротив, Вяземскую Пушкин любил»⁴⁹. Когда Пушкин, умирая, прощался с друзьями, то Михаилу Виельгорскому он сказал, «что любит его», Вяземскому же — только: «Будь счастлив»⁵⁰.

Но едва ли князь мог быть счастлив. Несколько лет спустя после смерти Пушкина Вяземский писал Наталии Николаевне: «Вы мое солнце, мой воз-

дух, моя музыка, моя поэзия» или «Могу сказать только два слова, нет, три: я обожаю! нет, четыре: я вас обожаю по-прежнему»⁵¹. Но «солнце», «воздух», «музыка» и «поэзия» отвечала прозаично, во всяком случае совсем не так, как хотелось князю: «Не понимаю, чем заслужила я такого о себе дурного мнения, и не моя вина, если в голову вашу часто влезают неправдоподобные мысли, рожденные вашим романтическим воображением, но не имеющим никакой сущности»⁵². Вяземский настойчиво преследовал вдову Пушкина. Женщина с четырьмя детьми на руках часто не имела средств купить что-нибудь к чаю и была вынуждена думать о том, как устроить свою дальнейшую жизнь. А ей приходилось ставить на место князя с «романтическим воображением». Эти навязчивые ухаживания — далеко не самый изящный эпизод биографии Вяземского, подтверждающий, что Пушкин едва ли ошибался в оценке этого человека. Князь волочился при жизни поэта, стал настырней волочиться после его смерти. Но так же безуспешно. Впрочем, в момент катастрофы объектом пристального внимания Вяземского была другая женщина: соперница Наталии Николаевны по красоте Эмилия Карловна Мусина-Пушкина.

А. И. Тургенев, тоже устремлявший нежные взоры на графиню Эмилию, никак не мог решить, какая из Пушкиных прекрасней. 30 ноября он записал в дневнике: «Гр[афиня] Эмилия Пушкина. Как бледнеет перед ней другая Пушкина...»⁵³ Но уже через неделю Тургенев готов был отдать пальму первенства Наталии Николаевне. Рассказывая о службе в придворной церкви, Тургенев писал: «Я не знал, слушать или смотреть на Пушкину и ей подобных? подобных! но много ли их. Жена умного поэта и убранством затмевала всех»⁵⁴.

«Романтическое воображение» Вяземского проделало эволюцию в обратном направлении. На страницах дневника Тургенева имена графини Эмилии и князя Вяземского часто появляются вместе. 12 января 1837 г. Мусина-Пушкина уехала в Москву. Петр Андреевич засыпал ее письмами. 24 января Вяземский писал: «Чувства мои невозможно выразить словами. Это не фраза, это правда, которую исторгает мое сердце, исполненное преданности и симпатии к Вам, сердце, которое Вами дорожит и не может себе простить, что не знало или вернее не распознало раньше. Как горько я наказан за то, что поздно Вас открыл! Всё это очень банально, но я благословляю небо за эту банальность. Это чувство сожаления, возникающее при воспоминаниях о той, кою суждено было узнать в ее отсутствии, — неисчерпаемая сокровищница для сердца, способного любить. Ибо это отсутствие — не смерть любви, а, напротив, — новая жизнь. Всё это я растолкую Вам в другой раз, а сейчас вынужден заканчивать»⁵⁵. «Следующий раз» пришелся на 27 января, как раз на тот момент, когда княгиня Вера сообщила о смертельном ранении Пушкина.

Писать любовные письма Вяземский был мастер. Это, пожалуй, и всё, что можно сказать. Его пылкие признания находили отклик в сердце Эмилии Карловны не больше, чем потом у Наталии Николаевны. Вяземский даже пенял своей корреспондентке: «Вы дурно со мной обращаетесь, забываете меня,

равнодушны». Та же история повторилась потом и с Пушкиной⁵⁶. Письма Вяземского буквально пестрят насмешками над «красными» (кавалергарды носили красные мундиры). Князь изоощряет свое остроумие, чтобы представить «краснокожих» в нелепом виде. Колкая ирония надо всем, что окрашено в красный цвет, переходит все границы. Создается впечатление, что Вяземскому даже изменяет чувство меры, но, судя по тому, сколько сил тратит Вяземский на то, чтобы разрушить привязанность графини к кавалергардам, эта симпатия была довольно стойкой, если не непоколебимой. Вяземский тщательно фиксирует в своих письмах все промахи, неудачи кавалергардов, стремится представить их в как можно более нелепом виде. Создается впечатление, что любой скандал, связанный с кавалергардами, был как раз на руку князю.

Описывая светскую жизнь столицы в январе 1837 г., Вяземский обходит молчанием самую злободневную тему, которая была на устах во всех гостиных и салонах в это время: кавалергард Дантес и Пушкины. Казалось бы, «подвиги» кавалергарда, преследовавшего жену поэта, — чем не благодатная тема для князя? Но язвительный Вяземский как воды в рот набрал. Молчание князя красноречивее слов. Может быть, это сердечная деликатность по отношению к поэту, «приемному сыну» его жены? Вовсе нет. Вяземский не очень-то стеснялся в выражениях по адресу семьи поэта. Дело в другом. Осторожный князь не хотел оставлять никаких письменных свидетельств о том, в чем сам играл определенную роль. Но свидетельства остались, довольно веские.

Вяземские в дуэльной истории

К. К. Данзас вспоминал, что в 1835–1836 гг. Геккерт и Дантес «часто посещали дом Пушкина и дома Карамзиных и князя Вяземского, где Пушкины были как свои»⁵⁷. Переписка Карамзиных не оставляет сомнений: семейство историографа много видело, но мало понимало, что в действительности происходило у них перед глазами⁵⁸. Совсем другое дело Вяземские, особенно Вера Федоровна, которая стала confidentкой поэта, когда разыгралась дуэльная история. «С княгиней был откровеннее, чем с князем. Он прибегал к ней и рассказывал свое положение относительно Геккерта»⁵⁹. Тем более интересными должны быть воспоминания Вяземских об этом деле, записанные с их разрешения П. И. Бартевым. Эти записи интересны не тем, что рассказали Вяземские для всеобщего сведения, но тем, о чем они умолчали. Важно и то, в чем и чем именно хотели убедить супруги будущих читателей их воспоминаний. С этой точки зрения их никто никогда не анализировал.

Бартевеу Вяземские изложили созданную ими в феврале 1837 г. легенду о гибели Пушкина⁶⁰, но с некоторыми добавлениями. Напомним основные черты этой легенды. Дантес ухаживал за Пушкиной. Получив анонимные письма, Пушкин вызвал на дуэль Дантеса; чтобы расстроить дуэль, Геккерт распустил слух, что Дантес добивался руки свояченицы Пушкина Екатерины Гончаро-

вой. Пушкин узнал об этом уже после того, как тетка невесты Е. И. Загряжская и Геккерн договорились о свадьбе, и взял назад свой вызов. Свадьба не разрядила напряжения, но лишь его усилила. Свет решил, что Дантес принес себя в жертву, чтобы спасти честь Наталии Николаевны. Реакция общества усугубила положение впечатлительного поэта. Дантес продолжал ухаживать за его женой. Сплетни возобновились. Пушкин, желая кровавой развязки, написал Геккерну оскорбительное письмо. Дантес вызвал Пушкина на дуэль.

Чтобы документально обосновать свою версию, Вяземский составил дуэльный сборник документов, которые как будто полностью подтверждали рассказанное Петром Андреевичем. Но был в сборнике документ, который не укладывался в прокрустово ложе созданной легенды, и поэтому князь оставил его без какого бы то ни было комментария. Это письмо Пушкина от 21 ноября некоему графу (в сборнике он назван Бенкендорфом)⁶¹. В этом письме поэт заявлял: он убедился, что составителем анонимных писем был Геккерн, и посему считал своим долгом известить об этом правительство и общество⁶². Разумеется, такой важный документ, да еще исходящий от самого Пушкина, требовал комментария. Это хорошо сознавал сам Вяземский. Излагая Бартеневу свою версию, он предпринял попытку вписать этот важный документ в созданную им легенду. Бартенев записал буквально следующее: «Свадьбу сыграли <...> Друзья Пушкина успокоились, воображая, что тревога прошла. После этого государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав ему знать наперед. Так как сношения Пушкина с государем происходили через графа Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное свое письмо на имя графа Бенкендорфа, собственно, назначенное для государя. Но письма этого Пушкин не решился послать, и оно найдено было у него в кармане сюртука, в котором он дрался»⁶³.

Здесь что ни слово, то намеренная, тщательно продуманная ложь. Письмо датировано 21 ноября 1836 г. Как это мог Пушкин перед поединком, т. е. в январе, написать письмо с ноябрьской датой, которое якобы было найдено у него в сюртуке после поединка? По словам Вяземского, Пушкин этим письмом через Бенкендорфа уведомлял Николая I, что «приступает к развязке», другими словами — сообщал о предстоящей дуэли. Но ничего подобного в письме нет. Из письма вовсе не явствует, что оно было адресовано шефу жандармов. Да и сама ситуация, когда царь берет слово с камер-юнкера, что тот, прежде чем драться, уведомит его об этом, т. е. как бы должен получить монаршую санкцию на дуэль, представляется, мягко говоря, нелепой. Зачем Вяземскому понадобилось сочинять эти небылицы? А ведь они сильно подрывают доверие ко всему, что он рассказывал, даже к тому, что мы не можем проверить сегодня. Очевидно, князь хотел скрыть не только подлинный ход развития дуэльной истории, но и свою осведомленность о них. На самом деле Вяземские знали о намерениях Пушкина, о которых другие даже не догадывались.

В ноябре 1836 г., когда Пушкин вызвал на дуэль Дантеса, Геккерну и Жуковскому удалось уладить дело таким образом: Дантес сделает предложение свояченице Пушкина Екатерине Гончаровой, Пушкин возьмет свой вызов назад⁶⁴. Эта комбинация могла осуществиться только при условии, что сам факт вызова останется в тайне. Для публики всё это будет выглядеть так, как, если бы Дантес по собственному желанию сделал предложение Гончаровой. Во время личной встречи с Геккерном 13 или 14 ноября в присутствии Е. А. Загряжской Пушкин дал обещание хранить дуэльную историю в тайне. В действительности поэт намеревался сделать Геккернов посмешищем. Он подготовил то самое письмо, которое Вяземский потом пытался представить как сообщение царю о предстоящем поединке. О своем плане дискредитации Дантеса и Геккерна Пушкин поведал прежде всего В. Ф. Вяземской. Он сказал ей: «Я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как будут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она бросит чело-века в грязь; громкие подвиги Раевского⁶⁵ — детская игра перед тем, что я намерен сделать»⁶⁶.

Как видим, Вяземские знали о пушкинских планах дискредитации Геккернов — планах, в которых помолвка Дантеса и Екатерины Гончаровой должна была стать только первой ступенькой к грандиозному скандалу. (Не исключено, что текст пушкинского письма от 21 ноября 1836 г. стал известен Вяземским тогда же.) Именно это обстоятельство князь пытался скрыть, придумав байку о письме, найденном в кармане сюртука, в котором Пушкин стрелялся в январе (эта байка очень озадачила пушкинистов; подлинник письма был обнаружен Н. Я. Эйдельманом в бумагах секретаря А. Х. Бенкендорфа П. И. Миллера, в прошлом лицеиста, тайного поклонника Пушкина, участвовавшего в посмертном разборе бумаг поэта. Разбор этот производился на квартире Жуковского, и никакого пушкинского сюртука там, конечно же, не было)⁶⁷.

Нетрудно заметить, что во всех перипетиях дуэльной истории Вяземские почти нигде не фигурируют. Это обстоятельство должно показаться довольно странным, потому что Пушкин был членом их «семьи». 4 ноября 1836 г. княгиня Вера получила по городской почте в двойном конверте пасквиль, адресованный Пушкину⁶⁸. 6 ноября, когда Жуковский прибыл в Петербург, чтобы предотвратить дуэль, остаток дня после встречи с Пушкиным он провел у М. Ю. Виельгорского, который тоже получил пасквиль, и у П. А. Вяземского⁶⁹. Но мы не знаем ни о каких действиях князя, которые он предпринял бы, чтобы предотвратить поединок. Напротив, известно, что он уклонился от такой роли. Согласно записи Бартенева, Геккерн, встретив на Невском проспекте Вяземского, сообщил ему о любви Дантеса к Гончаровой и просил посредничать, чтобы предотвратить дуэль⁷⁰. Вяземский посредничать не стал. Совсем иначе повел себя В. А. Жуковский: он сделал всё, что от него зависело, чтобы катастрофы не произошло. Вяземский же палец о палец не ударил. Впрочем, видимо, и это не совсем так. Кажется, Вяземский внес свою лепту в столкновение

Пушкина и Дантеса. Пушкин в «открытом» письме от 21 ноября утверждал, что автором пасквиля был Геккерн. Александр Сергеевич заявлял, что «по виду бумаги, по стилю письма, по способу, которым оно было изложено», он понял, что оно исходило от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата. При этом Пушкин категорически заявил, что не может и не хочет представлять кому бы то ни было доказательств того, что он утверждал⁷¹. В своей версии дуэли Вяземский утверждал, что он, как и друзья Пушкина, так никогда и не узнал, на чем основывалось это предположение. Это неизвестно до сих пор⁷².

В архиве Вяземского сохранился один очень важный документ. Это запись наблюдений князя над почерком пасквиля. Вяземский проделал экспертизу анонимного письма и записал свои выводы. Он отметил, что письмо «писано в роде готических печатных букв» и проанализировал начертание литер. Обнаружив ошибку в правописании, Вяземский пришел к заключению, что это «даже не лакейская какая-нибудь безграмотность». Такая ошибка «не может быть сделана русским, но должна быть сделана иностранцем». По мнению князя, «бумага, должно быть, иностранная, глянцева»⁷³. Отсюда был только один шаг до заключения, что этим иностранцем являлся Геккерн: других иностранцев в кружке Карамзиных–Вяземских не было. Вывод Вяземского оказался неверен. В 1924 г. известный пушкинист Б. В. Томашевский проанализировал не написание букв, а всю систему письма и пришел к заключению, что иностранец не мог написать пасквиль, потому что начертание некоторых печатных латинских букв писавший, по своему неведению, воспроизвел по-русски⁷⁴.

Пушкин в своем обвинительном письме воспроизвел наблюдения князя относительно пасквиля. Не Вяземский ли навел Пушкина на мысль о том, что автором анонимных писем был Геккерн? Возникает подозрение, не хотел ли князь столкнуть лбами Дантеса и Пушкина? Ответа нет, но подозрение остается. Может появиться мысль: «А не Вяземский ли и подбросил пасквиль поэту?» Это был не он. Фамилия «Пушкин» по-французски может быть написана по-разному. В пасквиле она воспроизведена так: «Pouchkine»⁷⁵. Вяземский же употреблял совсем другое написание — «Pouschkine»⁷⁶.

Излагая дуэльную историю Бартеневу, Вяземские всячески подчеркивали то обстоятельство, что они во что бы то ни стало стремились разрядить ситуацию, сделать столкновение Дантеса и Пушкина невозможным. Согласно записи Бартенева, в 1836 г. дочь Вяземских Маша была невестой. Поэтому их дом посещало много гостей. Наталья Николаевна бывала очень часто. Как только она приезжала, являлся Дантес. Все знали, что Пушкина ему нравится. «Сберегая честь своего дома, княгиня мать... объявила нахалу французу, что она просит свои ухаживания за женой Пушкина производить в другом доме. Через некоторое время он опять приезжает вечером и не отходит от Наталии Николаевны. Княгиня сказала ему, что ей остается одно — приказать швейцару, коль скоро у подъезда их будет несколько карет», Дантеса не принимать. «После этого он прекратил свои посещения, и свидания его с Пушкиной происходили уже

у Карамзиных». Более того, княгиня Вера предупреждала Пушкину относительно ее обращения с Дантесом: «Я люблю Вас, как своих дочерей; подумайте, чем это может кончиться». — «Мне с ним весело. Он мне просто нравится, будет то же, что было два года сряду». В этой ситуации виноват был сам Пушкин. Он открыто ухаживал за другими женщинами. «Жена сначала страшно ревновала, а потом стала равнодушной и привыкла к неверностям мужа. Сама же она оставалась ему верна, и всё обходилось легко и ветрено». Вяземский «жил открыто и принимал к себе большое общество». Дантеса там снова стали принимать, так как после помолвки с Гончаровой причин отказывать ему от дома уже не было. Накануне поединка у Вяземских были и Пушкин, и Дантес. Пушкин волновался, присутствие Дантеса было для него невыносимым. Дело в том, что Геккерн, которому было «досадно», что его сын женился так невыгодно, стал «распускать по городу оскорбительные для Пушкина слухи». Незадолго перед вечером у Вяземских в Петербург приехали «девицы Осиповы». (Так здесь названы Е. Н. Вревская и А. Н. Вульф.) Они стали расспрашивать Пушкина, что значат ходившие по городу слухи и тем самым очень взволновали поэта. Княгиня Вера, после того как Дантес и Пушкин ушли, сказала мужу, «что им надобно на время закрыть свой дом, потому что нельзя отказать ни Пушкину, ни Геккерну»⁷⁷.

Вот эта настойчиво проводимая в беседах с Бартеневым мысль, что Вяземские сделали всё, чтобы их салон не стал тем местом, где разворачивалась трагедия, крайне подозрительна. Нет свидетельств того, чтобы Вяземские отказывали Дантесу от дома. Напротив, он там постоянно присутствует. Дочь Вяземских Маша вышла замуж 22 мая 1836 г. и в осенние месяцы, когда ухаживания Дантеса за Пушкиной заставили заговорить свет, невестой не была и общество посещало салон Вяземских вовсе не потому, что дочь была на выданье. Не будь этой настойчивости, может, никому никогда бы и не пришло в голову выяснять, какую в действительности позицию занимали Вяземские в столкновении Пушкина и Дантеса. Знаменательная фраза о том, что Пушкин молчал, а никто из друзей его ничего не подозревал, звучит как саморазоблачение. Сама же княгиня Вера Федоровна опровергала — и не один раз — это заявление.

Вяземские рассказывали Бартеневу, что не только Геккерн, но и «его соумышленники» распускали по городу порочащие Пушкина слухи. Среди муссирующих сплетни оказался и князь Петр. Переписка Карамзиных и дневник Тургенева зафиксировали несколько высказываний князя именно в таком духе. 17 ноября 1836 г. закончилась ноябрьская дуэльная история — помолвкой Дантеса и Екатерины Гончаровой. Вяземский, пожалуй, лучше всех других знает подноготную дуэльной истории, лучше Жуковского, который очень многого не знал, потому что Пушкин не был с ним откровенен. Вяземскому, напротив, были известны все нюансы взаимоотношений противников. В письме к великому князю Михаилу Павловичу он писал: «Было бы слишком долго излагать... все лукавые происки молодого Геккерна... приведу только один пример. Гек-

керны... возымели дерзкое и подлое намерение попросить госпожу Пушкину написать молодому человеку письмо, в котором она умоляла бы его не драться с мужем. Разумеется, она отвергла с негодованием это низкое предложение»⁷⁸. Никто не сообщает ничего подобного, даже Жуковский в своих конспективных заметках о дуэльной истории об этом молчит. Скандала, который Пушкин хотел устроить Геккернам, не произошло. И, кажется, князь Вяземский был разочарован. 21 ноября, в тот самый день, которым Пушкин пометил свое открытое письмо, к некому «графу», которого ученые приняли за А. Х. Бенкендорфа, С. Н. Карамзина сообщила брату «необыкновенную новость» — Дантес женится.

Софья Карамзина, эта перезревшая девица, страдавшая в ту осень «мозговым насморком», — далеко не самое удачное произведение историографа. Со страниц ее писем встает несимпатичный образ светской сплетницы. Кружась «до головокружения» в бесконечном вихре вальсов и мазурок, Софи всюду совала свой нос, но видела очень мало и была совершенно неспособна правильно понимать, что происходит у нее пред глазами. Она писала, что публика объясняет этот загадочный брак «очень просто». То есть Карамзина хочет сказать: все думают, что Дантес соблазнил Гончарову, теперь приходится жениться. Но Пушкин «добьется того, что возбудит подозрения и догадки». У него возбужденный вид, он обращается к каждому встречному с загадочными междометиями, с Дантесом ведет себя грубо, а в обществе избегает его. Далее следует самое интересное сообщение Софи: «Вяземский говорит, что Пушкин выглядит раздраженным от того, что Дантес больше не ухаживает за его женой»⁷⁹. Это не похоже на радость искреннего друга от того, что опасность миновала. Может быть, это просто неудачная шутка князя-острослова? Но это не обмолвка.

А. И. Тургенев записал в дневнике: «Пушкины. Вранье Вяз[емского] досадно»⁸⁰. Несколько лет спустя Вяземский напишет вдове Пушкиной о салоне Карамзиных: «Вы знаете, что в этом доме спешат разгласить на всех перекрестках не только то, что происходит и не происходит в самых сокровенных тайниках души и сердца. Интимные шутки предаются нескромной гласности, а, следовательно, пересуживаются сплетницами и их недоброжелателями... Все ваши так называемые друзья, с их советами, проектами и шутками — ваши самые жестокие и ярые враги»⁸¹. Нельзя отказать в четкости этой характеристики, но с одной существенной оговоркой: она в равной степени может быть отнесена и к салону самого Вяземского и его дочери Маши Валуевой. Недаром в 1843 г. Екатерина Геккерн, жена Дантеса, сходным образом отозвалась об этих салонах. Получив сведения, что Наталия Николаевна с сестрой Александриной часто посещает дома Вяземских и Карамзиных, она писала брату Дмитрию: «...я узнаю с сожалением, что более, чем когда-либо, они погрязли в обществе, которое Натали должна была бы упрекать во многих несчастьях (курсив мой. — М. С.) и которое и теперь не может быть чрезвычайно пагубным. Это не только мое мнение, но и мнение многих людей, искренне к ним

привязанных. Смерть тетушки Катерины (Загряжской. — М. С.) несчастье для них, потому что она отстраняла их, как только могла, от этого отвратительного общества Карамзиных, Вяземских и Валуевых, и она хорошо знала, почему»⁸². Известно, что Е. И. Загряжская не допустила Софью Карамзину сопровождать Екатерину Гончарову в церковь на венчание, а та сокрушалась, что ее лишили возможности «понаблюдать» за физиономиями действующих лиц⁸³. А вот о случаях, когда Загряжская оберегала Пушкиных от Вяземских, неизвестно.

А. И. Тургеневу было досадно слышать «вранье» Вяземского, и он был готов защитить от него Пушкиных как мог. 19 декабря 1836 г. Тургенев записал в дневнике: «Вечер у кн. Мещерской (Карам[зиной]). О Пушкине; все нападают на него за жену, я заступался»⁸⁴. Важное свидетельство, что нападали на Пушкина «все». 14 января на балу у французского посла А. де Баранта произошёл какой-то неприятный эпизод. Тургенев записал: «Пушкина и сестры ее, сватовство...»⁸⁵ 26 февраля 1837 г., когда работала Комиссия военного суда, Дантес написал ее председателю полковнику А. И. Бреверну письмо, в котором коснулся эпизода на этом балу. Стараясь всячески очернить Пушкина, Дантес сообщил, что во время ужина «он воспользовался, когда я отошел, моментом, чтобы подойти к моей жене и предложил ей выпить за его здоровье. После отказа он повторил то же самое предложение. Ответ был тот же. Тогда он, разъяренный, удалился. Говоря ей: “Берегитесь, я вам принесу несчастье”»⁸⁶. Слова Пушкина Дантес вырвал из контекста и очень односторонне прокомментировал. Он хотел изобразить поэта безумным грубияном, наводящим страх на всех женщин. Поэтому дать оценку этому эпизоду довольно трудно. Несомненно, у французского посланника Пушкин выступил с какими-то угрозами в адрес Геккернов. На балу присутствовал и Вяземский. В этот день он написал свое первое письмо к графине Эмили. На следующий день инцидент произошел уже у Вяземских на детском балу. 15 января А. И. Тургенев повторил буквально предшествующую запись: «Пушкина и сестры ее»⁸⁷. Если верить Дантесу, здесь тоже прозвучали угрозы Пушкина в адрес Геккернов: «Берегитесь, вы знаете, что я зол и что я кончаю всегда тем, что приношу несчастье, когда хочу»⁸⁸. Думается, что от князя не укрылось и это происшествие в его доме, раз уж его заметил и Тургенев.

19 января 1837 г. Тургенев записал: «У кн. Вязем[ского] о Пушкиных, Гончаровой, Дантесе-Геккерне»⁸⁹. То есть целый вечер у Вяземских мусолили эту тему. 21 января Тургенев встретился с О. д'Аршиаком, секундантом Дантеса во время ноябрьской дуэльной истории. Француз прочитал Тургеневу письмо Пушкина, в котором тот отказывается от своего вызова⁹⁰. 24 января Тургенева посетил Геккерн. Видимо, он по-своему осветил всё, что происходит. Тургенев сделал потрясающую запись в дневнике: «У кн. Мещерс[кой], едва взошел, как повздорил опять с кн. Вяземской. Вбалмошная! Разговор о Пушкиной»⁹¹. Из этой записи хорошо видно, кто напал на Пушкиных, а кто защищал их. Княгиня Вера напала.

После смерти поэта Вяземский готовил статью для какого-то французского журнала, в которой писал, что после свадьбы Дантеса «рана» Пушкина «несколько затихла, но малейший удар мог снова ее раскрыть в первое же мгновение и с новой силой вызвать кровотечение»⁹². Вяземский это понимал еще до трагедии. Когда он потом писал, что «Пушкина в гроб положили и зарезали жену его городские сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургских салонов»⁹³, князю следовало бы добавить, что салонам Вяземских и Карамзиных принадлежало далеко не последнее, а может быть, как раз первое место в этом деле.

24 января Вяземский получил первое письмо от графини Эмилии Музиной-Пушкиной. Оно было благоприятно для князя. Недаром он отвечал: «Великий день, прекрасный день! Как я благодарен Вам, добрая и милая, графиня, за Ваше письмо...»⁹⁴ Кажется, кампания по дискредитации «красных» стала приносить плоды. Во всяком случае, красавица Эмилия не осталась глуха и не обиделась на княжьи эскапады против кавалергардов. Вероятно, надо сделать еще один шаг, чтобы удалить тех, кто мешает... Похоже, наступал момент, когда громкий общественный скандал или какая-нибудь «история», которая опорочила бы кавалергарда Дантеса, как нельзя кстати. А если бы вследствие этой истории самого модного кавалергарда удалили из столицы, чего же можно пожелать лучше?

В этот «великий день, прекрасный день» для князя — 24 января 1837 г., происходило вот что. «У Катрин, — писала Софи Карамзина, — было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны, которые продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию к удовольствию общества. Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя — это начинает становиться чем-то бóльшим обыкновенной безнравственности. Катрин направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не остаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу — по чувству. В общем, всё это очень странно, и дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных»⁹⁵.

Как заметила Анна Ахматова, в этом пассаже отчетливо ощущаются приметы «чужой речи»⁹⁶. Любопытная Софи впервые сообщает о том, что Пушкин серьезно влюблен в свою свояченицу Александрину и ревнует ее к Дантесу «по чувству». Проведя с Пушкиным столько времени, ничего подобного она не заметила. Когда С. Н. Карамзина саркастически описывала ревнивого Пушкина («кривляния ярости и поэтического гнева», «мрачный, как ночь, нахмуренный как Юпитер во гневе»), ей было «ужасно смешно»⁹⁷. Но ей даже в голову не могло прийти, что Пушкин «принимает свое привычное выражение тигра»⁹⁸ или «скрежещет зубами»⁹⁹ из-за Александрины. Если бы у нее возникло хоть малейшее подозрение на это счет, едва ли бы она упустила бы случай

позлословить на такую благодатную тему, а изобрести такое самой у нее не хватало ума. Другое дело Вяземский. Ведь очевидно, что сплетница Софи пересказывает дядюшкины слова. Письмо ее чрезвычайно ценно для нас. Что бы в действительности ни происходило в семье Пушкиных, письмо С. Карамзиной зафиксировало прежде всего то, что и когда рассказывал об этом «дядюшка Вяземский». А говорил он, что в семье Пушкиных творится нечто большее обыкновенной безнравственности, поэтому он «закрывает лицо» и отвращает его от этой порочной семьи. Можно пожалеть о том, что Вяземский действительно этого не сделал: наверно, было бы лучше для Пушкиных. Среди светских сплетен, циркулирующих по столичным салонам в январе 1837 г., утверждение Вяземского о том, что Пушкин ревнует Александрину к Дантесу, в своем роде уникально и знаменательно. Даже враги Пушкина тогда не утверждали ничего подобного.

Для того, кто хотел столкнуть Дантеса и Пушкина, недостаточно было кричать на всех углах о том, что кавалергард волочится за женой поэта: это и так все видели. Необходимо было найти нечто особенное, «нечто большее обыкновенной безнравственности». Пушкин ревнует свояченицу Александрину к Дантесу — вот основа конфликта и суть интриги. Вот о чем надо говорить, вот какую тему надо развивать тому, кто хочет скандала. Вяземский говорил, а Софи разносила. Князь Вяземский отлично знал, что еще в ноябре Пушкин собирался устроить скандал Геккернам. 14 и 15 января 1837 г. он повторил свои угрозы. Пушкин давно готовил письмо к Геккерну. Сохранились клочки первоначального варианта этого рокового письма. Пушкин писал: «Быть может, вы желаете знать, что помешало мне до сих пор обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, так я скажу вам это»¹⁰⁰. В другом варианте читаем: «Я хочу, чтобы вы дали себе труд самому найти основания, которые были бы достаточны для того, чтобы побудить меня не плюнуть вам в лицо и чтобы уничтожить самый след этого подлого дела».

Что это за основания? Что должен сделать Геккерн, чтобы избежать скандала? Ответ дает текст письма, отосланного Геккерну 26 января 1837 г.: «Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы были какие бы то ни было отношения между моей и вашей семьями. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему имел и возможность и намерение»¹⁰¹. Основное требование Пушкина — никаких сношений между семьями. Письмо к Геккерну кончалось угрозой: если эти «происки не прекратятся», т.е. общение семей продолжится, Пушкин устроит «новый скандал», перед которым он на этот раз не отступит¹⁰².

25 января 1837 г. у Вяземских снова встретились Дантес с женой, Пушкин с женой и свояченицей Александриной. Вяземского действительно в тот день не было дома. Он находился на балу у Мятлевых. Мы не знаем, что произошло в салоне княгини Веры. Но произошло что-то такое, после чего Пушкин потре-

бовал, чтобы никаких сношений между семьями больше не было. Нет сомнения, что рассказ о том, как Пушкин признался, что он-де отправил уже письмо Геккерну — позднейшая выдумка Вяземских. Но разговор о том, что поэт собирается пригрозить Геккернам скандалом, несомненно, был. Стоит ли удивляться тому, что князь ничего не сделал, чтобы его предотвратить?

Вяземский не был классическим злодеем, таким, как шекспировский Яго, например. Не думал он ставить Пушкина под пулю. Ведь это еще одна ложь легенды, созданной Вяземским, что Пушкин во что бы то ни стало искал кровавой развязки¹⁰³. «Анонимные письма... лежали горячей отравой на сердце Пушкина. Ему нужно было выбросить этот яд с своей кровью, или с кровью того, который был причиной или предлогом нанесенного Пушкину оскорбления»¹⁰⁴. Если бы Пушкин действительно жаждал кровавой развязки, он бы вызвал Дантеса или Геккерна на дуэль. В письме к Геккерну содержится достаточно обвинений против обоих, чтобы на этом основании потребовать выхода к барьеру. Но Пушкин не сделал этого. Он дал понять дипломату, какие обвинения обрушатся на него и Дантеса, если они не выполнят его требования. Пушкин угрожал скандалом. Стал бы против этого скандала возражать Вяземский? Конечно, нет. Но Геккерны, для которых публичный скандал означал крах их карьеры, решили сами вызвать Пушкина на дуэль. Вот такого исхода Вяземский не мог ожидать.

В тот день, когда Пушкин написал свое убийственное письмо Геккерну, Вяземский отправил в Москву послание А. Я. Булгакову. «Я был счастлив, когда узнал, что Эмилия, милая из милых, как назвал ее Жуковский (это лучшее его произведение), наконец, благополучно прибыла в Москву... сделай одолжение, свежи несколько сенаторов в красных мундирах в день ее рождения 29 января. Прекрасная очень любит прекрасное. А шутики в сторону, пошли ей от неизвестного в день рождения... блюдо вареных раков». В день рождения прекрасной Эмилии Пушкина не стало.

1 февраля 1837 г. Пушкина отпевали в Конюшенной церкви. Когда стали выносить гроб, процессия «на минуту замедлилась: на пути лежал кто-то большого роста. В рыданиях. Его попросили встать и посторониться. Это был князь Вяземский»¹⁰⁵.

Вяземский сообщил Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной о смерти Пушкина только 16 февраля. Осторожный князь дождался того момента, когда стало возможным обличать Дантеса, а заодно с ним и всех красных кавалергардов, причем уже не рискуя. Именно здесь Вяземский говорит больше всего добрых слов о Пушкине и суровее всего осуждает Дантеса.

Было бы ошибкой считать, что всё написанное здесь о поэте есть сокровенное выражение задушевных мыслей князя. К сожалению, это не так. Логика Вяземского такова: чем беспорочнее поведение Пушкина, тем отвратительней выглядит Дантес и его «красные» сотоварищи. Письмо интересно и тем, что оно красноречиво свидетельствует: Эмилия симпатизировала Дантесу, а Вяземский видел в нем своего соперника. Сообщив о смерти Пушкина, Вяземский

писал: «Мои насмешки над красными принесли несчастье. Какое грустное и отвратительное происшествие. Пушкин и жена его попали в гнусную западню, их погубили. На этом красном столько же черных пятен, сколько и крови, надеюсь, Вы от него отrekliсь. Когда-нибудь я расскажу Вам подробно всю эту мерзость. Я должен признаться Вам, хотя это может привести к тому, что мы поссоримся, все ваши красные протеже и ваше красное море в этом происшествии покрыло себя стыдом. У них хватило бесстыдства превратить это событие в дело партии, в дело чести полка. Они оклеветали Пушкина и его память, и его жену, чтобы защитить того, кто вначале убил его нравственно, а затем превратился в убийцу настоящего. Я готов признать, что друзья убийцы могли бы считать его виновным не настолько, потому что им двигали адские козни его отца, но какое честное сердце, какой русский мог бы колебаться, выбирая между двумя этими людьми, и не стать всецело на сторону Пушкина и не увидеть в нем только жертву, увы! Великую и прекрасную. Я содрогаюсь при одной мысли, что в силу предубеждения или из-за упрямства вы, быть может, думаете обо всем этом не так, как я. О, нет... Вы должны довериться мне. Не зная фактов и доказательств, на которые я опираюсь, Вы должны принять мое убеждение. Я оплакиваю в Пушкине друга... но будь в этом роковом деле правда не на его стороне, я признался бы в этом. Во всем его поведении было одно благородство, великодушие, деликатность. Если бы на другой стороне было бы чувство страсти или даже просто честное ухаживание, оплакивая Пушкина, я не осудил бы его противника. В этом отношении я не такой ригорист. Каждому греху милосердие, но не всякой низости»¹⁰⁶.

Кто же этот «красный», на котором «столько же черных пятен, сколько и крови»? Конечно, это Жорж Дантес. Писатель Семен Ласкин путем комбинаций с текстом пытался убедить нас в том, что это — кавалергард Александр Трубецкой¹⁰⁷. Ему это не удалось. Здравомыслящий человек не может сомневаться: тот, кто сначала убил Пушкина нравственно, а потом стал его и настоящим убийцей — это Жорж Дантес. Разве только какой-нибудь невежда может поверить, что Пушкина застрелил Трубецкой. Именно от Дантеса должна теперь отречься Мусина-Пушкина. Автор письма на это, по крайней мере, надеется.

Остается повторить за князем Вяземским: «Каждому греху милосердие. Но не всякой низости»¹⁰⁸. Не имеем ли мы теперь оснований сказать, что кровь Пушкина и на семействе Вяземских?

- ¹ По свидетельству нидерландского посланника, он получил письмо, собираясь «на обед к графу Строганову» (Я. Б. Гекккерн — Ж. Ж. Верстолку ванн Сулену 30 января / 11 февраля 1837 г. // Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999. (далее — Щеголев). С. 300). В пушкинское время обедали около шести часов вечера.
- ² Jacob Derk Anne Borchard van Heeckeren-Beverweered (*Vitale S. Le baton de Pouchkine*. Paris, 1995. P. 464; *Витале С.* Пуговица Пушкина. Калининград, 2001. С. 25).
- ³ Записка доктора Шольца // Щеголев. С. 185.
- ⁴ Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину в первоначальной редакции // Щеголев. С. 165.
- ⁵ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 16 февраля 1837 г. // Русский архив (далее — РА). 1900. № 3. С. 391.
- ⁶ Современник. 1837. Т. VII. С. 52.
- ⁷ *Бельчиков Н. Ф.* Известное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина // Новый мир. 1931. № 12. С. 189–193.
- ⁸ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. (Записано в разное время с позволения обоих) // РА. 1888. № 7. С. 305–312.
- ⁹ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1985. С. 183.
- ¹⁰ Там же. С. 182.
- ¹¹ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 16 февраля 1837 г. С. 395.
- ¹² Современник. 1837. Т. VII. С. 52; С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 30 января 1837 г. // Измайлов Н. В. Пушкин в письмах Карамзиных. 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 167.
- ¹³ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 180.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Бельчиков Н. Ф.* Известное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. С. 189.
- ¹⁶ То есть Пушкин с женой и свояченицей Александриной, Дантес с женой Екатериной.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Дуэль Пушкина с Дантесом: Подлинное военно-судное дело. 1837. СПб., 1900. С. 43.
- ¹⁹ Там же. С. 51–52, 56–57.
- ²⁰ Там же. С. 52.
- ²¹ Там же. С. 51–52.
- ²² *Казанцев Б. В.* Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Т. 1. М.; Л., 1936. С. 246–248; *Измайлов Н. В.* Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 46.
- ²³ Дуэль Пушкина с Дантесом. С. 63.
- ²⁴ А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой 28 января 1837 г // Пушкин и его современники. Вып. VI. СПб., 1908. С. 48–49.
- ²⁵ Я. Б. Гекккерн — Ж. Ж. Верстолку ванн Сулену 30 января / 11 февраля 1837 г. // Щеголев. С. 300.
- ²⁶ *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли). Л., 1989. С. 303–305.
- ²⁷ А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной 18 мая 1834 г. // Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 57.
- ²⁸ *Соколов Н. М.* Об учреждении городской почты в Санкт-Петербурге // Почтово-телеграфный журнал. Неофициальный отдел. 1984. Апрель. С. 471–490.
- ²⁹ *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. С. 273.
- ³⁰ *Алмосов А. Н.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1863. С. 27.
- ³¹ Письмо В. А. Жуковского к графу А. Х. Бенкендорфу (февраль–март 1837 года) // Щеголев. С. 227.
- ³² *Бельчиков Н. Ф.* Известное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. С. 189.
- ³³ *Пушкин А. С.* Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969. С. 354–356; *Левкович Я. Л.* Дуэль и смерть Пушкина в конспективных заметках Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 466, 469.

- ³⁴ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 30 января 1837 г. // Пушкин в письмах Карамзиных. С. 167, 248.
- ³⁵ *Казанцев Б. В.* Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. С. 243–246.
- ³⁶ Александр Сергеевич Пушкин по документам Остафьевского архива // Собрание сочинений князя П. П. Вяземского. 1876–1887. СПб., 1893. С. 556.
- ³⁷ Новые материалы о смерти Пушкина. Пг., 1924. С. 80–81.
- ³⁸ П. А. Вяземский — Д. В. Давыдову 9 февраля 1837 г. // РА. 1879. № 6. С. 248.
- ³⁹ Щеголев. С. 241.
- ⁴⁰ Письмо князя П. А. Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев. С. 246.
- ⁴¹ Щеголев. С. 241.
- ⁴² *Бельчиков Н. Ф.* Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. С. 189.
- ⁴³ Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. III. М., 1892. С. 124–125.
- ⁴⁴ *Бельчиков Н. Ф.* Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. С. 189.
- ⁴⁵ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 178–179.
- ⁴⁶ А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной 21 октября 1833 г // Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 47.
- ⁴⁷ *Пушкин А. С.* Дневник 1833–1835 // Пушкин А. С. Дневники: Автобиографическая проза. М., 1989. С. 56.
- ⁴⁸ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 184.
- ⁴⁹ В. В. и В. А. Нащокины // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 223.
- ⁵⁰ *Бельчиков Н. Ф.* Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. С. 191.
- ⁵¹ Цит. по: *Ободовская И. М., Демьянцев М. А.* После смерти Пушкина. М., 1980. С. 118–120.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев. С. 257.
- ⁵⁴ А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову 7 декабря 1836 г. // Московский пушкинист. Вып. I. М., 1927. С. 33.
- ⁵⁵ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 24 января 1837 г. // Ласкин С. Вокруг дуэли. СПб., 1993. С. 146.
- ⁵⁶ *Ободовская И. М., Демьянцев М. А.* Вокруг Пушкина. М., 1980. С. 118; *Аммосов А. Н.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. С. 8.
- ⁵⁷ Ср.: *Измайлов Н. В.* Пушкин и семейство Карамзиных // Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 11–48.
- ⁵⁸ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 181.
- ⁵⁹ *Сафонов М. М.* Смерть поэта — жизнь легенды // Смена. 1997. 24, 31 октября.
- ⁶⁰ Щеголев. С. 241.
- ⁶¹ А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу 21 ноября 1836 г. // Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 166–167.
- ⁶² Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 179.
- ⁶³ *Сафонов М. М.* Смерть поэта — жизнь легенды.
- ⁶⁴ В. А. Жуковский — А. С. Пушкину 16 ноября 1836 г // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XVI. М.; Л., 1949. С. 186.
- ⁶⁵ Н. А. Раевский устроил публичный скандал своей любовнице Е. К. Воронцовой.
- ⁶⁶ *Эйдельман Н. Я.* Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера // Записки отдела рукописей. Гос. библиотека им. В. И. Ленина. 1972. Вып. 33. С. 310–313.
- ⁶⁷ Письмо князя П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев. С. 242.
- ⁶⁸ Конспективные заметки В. А. Жуковского о дуэли Пушкина // Щеголев. С. 285.
- ⁶⁹ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 181.
- ⁷⁰ А. С. Пушкин — А. Х. Бенкендорфу 21 ноября 1836 г. С. 166–167.
- ⁷¹ Письмо князя П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев. С. 243.

- ⁷² Бельчиков Н. Ф. П. А. Вяземский об авторе анонимного диплома на Пушкина // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. М.; Л., 1959. С. 119–129.
- ⁷³ Томашевский Б. Л. Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина? // Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пг., 1924. С. 25–27.
- ⁷⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XVI. С. 394.
- ⁷⁵ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 16 февраля 1837 г. С. 391–393.
- ⁷⁶ Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. С. 179–180.
- ⁷⁷ Письмо князя П. А. Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 года // Щеголев. С. 244.
- ⁷⁸ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 20–21 ноября 1836 г. // Измайлов Н. В. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 139.
- ⁷⁹ Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев. С. 257.
- ⁸⁰ П. А. Вяземский — Н. Н. Пушкиной 13 декабря 1842 г. // Ободовская И. М., Дементьев М. А. После смерти Пушкина. С. 116.
- ⁸¹ Е. Геккерн — Д. Н. Гончарову 5 января 1843 г. // Там же. С. 315.
- ⁸² С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 9 января 1837 г. // Измайлов Н. В. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 153.
- ⁸³ Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев. С. 261.
- ⁸⁴ Там же. С. 268.
- ⁸⁵ Ж. Геккерн — А. И. Бреверну 26 февраля 1837 года // Щеголев. С. 292.
- ⁸⁶ Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев. С. 261.
- ⁸⁷ Ж. Геккерн — А. И. Бреверну 26 февраля 1837 года // Щеголев. С. 292.
- ⁸⁸ Из дневника А. И. Тургенева // Щеголев. С. 269.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же. С. 279. С. Л. Абрамович поместила в своей книге неверное прочтение этого фрагмента: «К кн[ягине] Мещерской. Едва взошел, как повздорил опять с кн[ягиней] Вяземской. Взаблмошная! *Разговор с Пушкиной*» (курсив мой. — М. С.) (Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. С. 260). Получается, что А. И. Тургенев разговаривал у Мещерских не «о Пушкиной», а с ней самой.
- ⁹¹ Статья Вяземского на французском языке о дуэли Пушкина // Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. С. 107–108.
- ⁹² П. А. Вяземский — А. Я. Булгакову 5 февраля 1837 г. С. 246.
- ⁹³ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 24 января 1837 г. С. 146.
- ⁹⁴ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 27 января 1837 г. // Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 165.
- ⁹⁵ Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 119.
- ⁹⁶ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 29 декабря 1836 г. // Измайлов Н. В. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 148.
- ⁹⁷ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 27 января 1837 г. // Там же. С. 165.
- ⁹⁸ С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину 29 декабря 1836 г. // Там же. С. 148.
- ⁹⁹ А. С. Пушкин — Я. Геккерну (первый перебеленный текст) б/д // Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 202.
- ¹⁰⁰ А. С. Пушкин — Я. Геккерну (реконструированный текст) 17–21 ноября 1836 г. // Там же. С. 165.
- ¹⁰¹ А. С. Пушкин — Я. Геккерну 26 января 1837 г. // Там же. С. 184.
- ¹⁰² См. подробно: Сафонов М. М. «Ссора на лестнице» или еще одна легенда о гибели Пушкина // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 28.
- ¹⁰³ П. А. Вяземский — Д. В. Давыдову 9 февраля 1837 г. // РА. 1979. № 6. С. 2.
- ¹⁰⁴ П. А. Вяземский — А. Я. Булгакову 26 января 1837 г. // Там же. С. 243.
- ¹⁰⁵ Из письма князя П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу по поводу кончины Пушкина // РА. 1879. № 3. С. 397.
- ¹⁰⁶ П. А. Вяземский — Э. К. Мусиной-Пушкиной 16 февраля 1837 г. С. 395–398; Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли). С. 90.

¹⁰⁷ Ласкин С. Вокруг дуэли. С. 173–174.

¹⁰⁸ Едва ли покажутся теперь удивительными неодобрительные отзывы П. А. Вяземского о Пушкине, высказанные после смерти поэта не для широкой публики. Согласно свидетельству Я. К. Грота в конце 1840 г., Вяземский «откровенно говорил со мной о Пушкине-покойнике. Отдавая всю справедливость его уму и таланту, он находит, что ни первая молодость его, ни его жизнь вообще не представляют того, что бы внушало к нему истинное уважение и участие» (Я. К. Грот — П. А. Плетневу б/д // Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896. С. 129). Не выглядит случайным и то, что в 1872 г. из-под пера П. А. Вяземского вышла и следующая оценка гибели Пушкина. В «Статье о Лермонтове» Петр Андреевич написал: «Дантес был виноват перед Пушкиным, как и многие виноваты перед многими во всех слоях общества, как и сам Пушкин был не раз виноват: то есть Дантес волочился за замужней женщиной. Участвовал ли он в подметных письмах, это осталось неизвестным, да и всего вероятнее, что не участвовал, потому что никакой пользы в этом иметь не мог. Известное же письмо Пушкина к Геккерну, исполненное самых невыносимых ругательств для Дантеса, таково, что будь Дантес и не француз, а русский, сто раз русский и прямой потомок Гостомысла, то всё же по обычаям, существовавшим в обществе, он не мог не вызвать Пушкина. Остальное же последствия вызова и поединка, уже дело случая и входят в разряд обыкновенных явлений этого рода. Сказано, что Пушкин искал смерти: вовсе нет, он и смертельно раненный искал смерти Дантеса... Стало быть, и в этом отношении никакого особенного святотатства со стороны Дантеса не было. В первую минуту, в пылу первых впечатлений и сторяча Лермонтов мог дать смерти Пушкина некоторое политическое общественное значение: и к тому же он сам был молод и можно было тогда простить ему его поэтическую заносчивость. Но теперь снова поднимать шум по этому делу, ничто иное, как ребячество и патриотическое пустословие» (*Вяземский П. А. Записные книжки*. М., 1992. С. 25; РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1094а. Л. 4 — 4 об.). Трудно поверить, что речь может идти только о «непонимании Пушкина» (*Ивинский Д. П. Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин*. М., 1994. С. 136–138).

References

- A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov. [Pushkin in the memoirs of contemporaries. In Russ.]. Т. 2. Moscow; Leningrad, 1985.
- ABRAMOVICH S. L. *Pushkin v 1836 godu. (Predystoriya posledney dueli)*. [Pushkin in 1836. (Background of the last duel). In Russ.]. Leningrad, 1989.
- АНМАТОВА А. *Sochineniya v dvuh tomah*. [Works in two volumes. In Russ.]. Т. 2. Moscow, 1990.
- AMMOSOV A. N. *Poslednie dni zhizni i konchina Alexandra Sergeevicha Pushkina*. [The last days of life and death of Alexander Pushkin. In Russ.]. St. Petersburg, 1863.
- BELCHIKOV N. F. *Neizvestnoe pismo V. F. Vyazemskoy o smerti A. S. Pushkina*. [Unknown letter of V. F. Vyazemskaya about the death of A. S. Pushkin. In Russ.] // *Novyy mir*. 1931. N 12. S. 189–193.
- BELCHIKOV N. F. P. A. *Vyazemskiy ob avtore anonimnogo diploma na Pushkina*. [Vyazemsky about the author of the anonymous diploma on Pushkin. In Russ.] // *Iz istorii russkikh literaturnykh otnosheniy XVIII–XX vekov*. Moscow; Leningrad, 1959. S. 119–129.
- Duel Pushkina s Dantesom: Podlinnoe voenno-sudnoe delo. 1837*. [Pushkin's duel with Dantes: Genuine military-trial case. 1837. In Russ.]. St. Petersburg, 1900.
- EYDELMAN N. Ya. *Desyat avtografov Pushkina iz arhiva P. I. Millera*. [Ten autographs of Pushkin from the archive of P. I. Miller. In Russ.] // *Zapiski otdela rukopisey. Gos. Biblioteka im. V. I. Lenina*. 1972. Vyp. 33. S. 310–313.
- IVINSKIY D. P. *Knyaz P. A. Vyazemskiy i A. S. Pushkin*. [Prince P. A. Vyazemsky and A. S. Pushkin. In Russ.] Moscow, 1994.
- IZMAYLOV N. V. *Pushkin v pismah Karamzinykh 1836–1837 godov*. [Pushkin in letters of the Karamzin 1836–1837 years. In Russ.] Moscow; Leningrad, 1960.

- KAZANCEV B. V. *Novye materialy o dueli i smerti Pushkina*. [New materials about the duel and Pushkin's death. In Russ.] // Vremennik Pushkinskoy komissii. T. 1. Moscow; Leningrad, 1936. S. 246–248.
- LASKIN S. *Vokrug dueli*. [Around the duel. In Russ.]. St. Petersburg, 1993.
- LEVKOVICH YA. L. *Duel i smert Pushkina v konspektivnykh zametkakh Zhukovskogo*. [Duel and Pushkin's death in Zhukovsky's prospective notes. In Russ.] // Zhukovskiy i russkaya kultura. Leningrad, 1987. S. 466–469.
- Moskovskiy pushkinist*. [Moscow Pushkin scholar. In Russ.]. Vyp. I. Moscow, 1927.
- OBODOVSKAYA I. M., DEMENTEV M. A. *Posle smerti Pushkina*. [After Pushkin's death. In Russ.]. Moscow, 1980.
- OBODOVSKAYA I. M., DEMENTEV M. A. *Vokrug Pushkina*. [Around Pushkin. In Russ.]. Moscow, 1980.
- Perepiska Ya. K. Grot s P. A. Pletnevym*. [Correspondence of Y. K. Grot with P. A. Pletnev. In Russ.]. T. 2. St. Petersburg, 1896.
- PUSHKIN A. S. *Dnevnik: Avtobiograficheskaya proza*. [Diaries: Autobiographical prose. In Russ.]. Moscow, 1989.
- PUSHKIN A. S. *Pis'ma k zhene*. [Letters to his wife. In Russ.]. Leningrad, 1986.
- PUSHKIN A. S. *Pisma poslednih let. 1834–1837*. [Letters of recent years. 1834–1837. In Russ.]. Leningrad, 1986.
- Pushkin i ego sovremenniki*. [Pushkin and his contemporaries. In Russ.]. Vyp. VI. St. Petersburg, 1908.
- SAFONOV M. M. “*Ssora na lestnice*” ili eshhe odna legenda o gibel'i Pushkina. [“Quarrel on the stairs” or another legend about the death of Pushkin. In Russ.] // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2015. N3. S. 22–29.
- SAFONOV M. M. *Smert poeta — zhizn legendy*. [The death of the poet — life of a legend. In Russ.] // Smena. 1997. 24, 31 oktyabrya.
- SHHEGOLEV P. E. *Duel i smert Pushkina. S prilozheniem novykh materialov iz niderlandskih arhivov*. [Duel and Pushkin's death. With the application of new materials from the Netherlands archives. In Russ.]. St. Petersburg, 1999.
- Sobranie sochineniy knyazya P. P. Vyazemskogo*. [The collected works of Prince P. P. Vyazemsky. In Russ.]. 1876–1887. St. Petersburg, 1893.
- SOKOLOV N. M. *Ob uchrezhdenii gorodskoy pochty v Sankt-Peterburge*. [On the establishment of city mail in St. Petersburg. In Russ.] // Pochtovo-telegrafnyy zhurnal. Neoficialnyy otdel. 1984. April. S. 471–490.
- Statya Vyazemskogo na francuzskom yazyke o dueli Pushkina*. [Article by Vyazemskiy in French language about the duel of Pushkin. In Russ.] // Novye materialy o dueli i smerti Pushkina. Petrograd, 1924. S. 107–108.
- TOMASHEVSKIY B. L. *Kto byl avtorom anonimnykh paskviley na Pushkina?* [Who was the author of anonymous libels on Pushkin? In Russ.] // Novye materialy o dueli i smerti Pushkina. Petrograd, 1924. S. 25–27.
- VITALE S. *Le baton de Pouchkine*. Paris, 1995.
- VITALE S. *Pugovica Pushkina*. [Pushkin's Button. In Russ.]. Kaliningrad, 2001.
- VYAZEMSKIY P. A. *Zapisnye knizhki*. [Notebooks. In Russ.]. Moscow, 1992.
- Zapiski F. F. Vigelya*. [Notes by F. F. Vigel. In Russ.]. Ch. III. Moscow, 1892.

Список литературы

- А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Л., 1985.
- Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли). Л., 1989.
- Аммосов А. Н. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1863.
- Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
- Бельчиков Н. Ф. Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина // Новый мир. 1931. № 12. С. 189–193.
- Бельчиков Н. Ф. П. А. Вяземский об авторе анонимного диплома на Пушкина // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. М.; Л., 1959. С. 119–129.
- Витале С. Пуговица Пушкина. Калининград, 2001.
- Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992.
- Дуэль Пушкина с Дантесом: Подлинное военно-судное дело. 1837. СПб., 1900.
- Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. III. М., 1892.
- Ивинский Д. П. Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. М., 1994.
- Измайлов Н. В. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960.

Казанцев Б. В. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Т. 1. М.; Л., 1936. С. 246–248.

Ласкин С. Вокруг дуэли. СПб., 1993.

Левкович Я. Л. Дуэль и смерть Пушкина в конспективных заметках Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 466–469.

Московский пушкинист. Вып. I. М., 1927.

Ободовская И. М., Деменьтьев М. А. Вокруг Пушкина. М., 1980.

Ободовская И. М., Деменьтьев М. А. После смерти Пушкина. М., 1980.

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896.

Пушкин А. С. Дневники: Автобиографическая проза. М., 1989.

Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969.

Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XVI. М.; Л., 1949.

Пушкин и его современники. Вып. VI. СПб., 1908.

Сафонов М. М. Смерть поэта — жизнь легенды // Смена. 1997. 24, 31 октября.

Сафонов М. М. «Ссора на лестнице» или еще одна легенда о гибели Пушкина // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 22–29.

Собрание сочинений князя П. П. Вяземского. 1876–1887. СПб., 1893.

Соколов Н. М. Об учреждении городской почты в Санкт-Петербурге // Почтово-телеграфный журнал. Неофициальный отдел. 1984. Апрель. С. 471–490.

Статья Вяземского на французском языке о дуэли Пушкина // Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. С. 107–108.

Томашевский Б. Л. Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина? // Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пг., 1924. С. 25–27.

Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999.

Эйдельман Н. Я. Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера // Записки отдела рукописей. Гос. Библиотека им. В. И. Ленина. 1972. Вып. 33. С. 310–313.

Vitale S. Le baton de Pouchkine. Paris, 1995.

М. М. Сафонов. Кровь Пушкина и на семействе Вяземских?

Князь П. А. Вяземский создал и оформил официальную версию гибели А. С. Пушкина. Принято считать его близким другом и единомышленником поэта. Вяземский пытался убедить всех, что друзья Пушкина старались, но не смогли его спасти. Однако сегодня есть основания усомниться в этом. Правильнее было бы сказать, не только смогли, но скорее не стали спасать или даже провоцировали трагический исход. Автор статьи проанализировал все ныне известные, разновременные и разноплановые высказывания Петра Андреевича и его жены Веры Федоровны об обстоятельствах, предшествующих дуэли, и пришел к заключению: Вяземские во чтобы то ни стало пытались скрыть важнейший факт — что инцидент, послуживший толчком к последнему столкновению Пушкина и Дантеса, имел место в доме Вяземских накануне вызова. Князь же Петр даже не пытался предотвратить дуэль. Он был заинтересован в скандале, вследствие которого кавалергард был бы вынужден покинуть Петербург. Вяземский тщетно добивался расположения Э. К. Мусиной-Пушкиной, а она восхищалась кавалергардами и питала симпатию к Дантесу. Существуют данные, позволяющие предполагать, что именно П. А. Вяземский навел Пушкина на мысль о Геккерне как авторе пасквиля, подброшенного поэту.

Ключевые слова: П. А. Вяземский, В. Ф. Вяземская, А. С. Пушкин, Э. К. Мусина-Пушкина, Ж. Дантес, Я. Геккерн, Карамзины, пасквиль, дуэль.

М. М. Safonov. Is any blood of Pushkin on the Vyazemsky family?

Prince P. A. Vyazemsky created and issued an official version of the death of Alexander Pushkin. The Prince is considered to be close friend and like-minded of the poet. Vyazemsky tried to convince everyone that Pushkin's friends tried, but could not save Pushkin. However, today there is reason to doubt this. It would be more correct to tell, not only could, but rather didn't begin to rescue or even provoked a tragic outcome. The

author of the article analyzed all the now known, multi-temporal and diverse statements of Pyotr Andreevich and his wife Vera Fyodorovna about the circumstances preceding the duel, and came to the conclusion: Vyazemsky, at all costs tried to hide the most important fact that the incident that triggered the last clash of Pushkin and d'Anthès took place in Vyazemskys' house on the eve of the challenge to a duel. Prince Peter did not even try to prevent the duel. He was interested in a scandal as a result of which the Imperial guard would be forced to leave Petersburg. Vyazemskiy vainly sought favor E. K. Musina-Pushkin, and she admired the cavalry and had sympathy for d'Anthès. There is evidence to suggest that P. A. Vyazemsky Pushkin brought the idea of Heeckeren as the author of the libel, planted by the poet.

Key words: P. A. Vyazemsky, V. F. Vyazemsky, A. S. Pushkin, E. K. Musina-Pushkina, G. d'Anthès, J. Heeckeren, Karamzins, the libel, the duel.

Сафонов, Михаил Михайлович — к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Safonov, Mikhail Mikhailovich — PhD, senior researcher, St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: m.safonov@list.ru

Д. Ю. Алексеев

А. П. Пален и его попытка создания антисоветского центра в Латвии (лето 1920 г.)¹

Граф Алексей Петрович фон дер Пален принадлежал к старинному остзейскому роду, известному в Эстляндии с XIII в. В 1679 г. Палены были возведены шведским королем Карлом XI в баронское достоинство. С момента перехода остзейских земель под власть Романовых Палены состояли в российском подданстве. Наиболее известен из них барон Петр Алексеевич фон дер Пален (1745–1826), возведенный в 1799 г. в графское достоинство и основавший графскую ветвь Паленов, дальнейшая история которой была связана с Курляндией — южной частью современной Латвии². Первый граф Пален учредил три майората, которые наследовали его потомки. Одним из них было имение Кауцемюнде (совр. Саулайне) неподалеку от Бауски, которое граф получил в приданое от супруги Юлианы оп дем Гамм-Шеппинг. После его смерти Кауцемюнде перешло к его старшему сыну Павлу, а затем к сыну последнего Николаю, оставшемуся бездетным. В 1849 г. майорат перешел к четвертому из сыновей П. А. Палена — Ивану Петровичу (1784–1856), потомки которого владели им до латвийской аграрной реформы 1920 г.³

Отец будущего белого генерала, старший сын Ивана Петровича, Петр Иванович фон дер Пален (1824–1907), в 1846–1857 гг. служил в Петербурге в лейб-гвардии Конном полку и вышел в отставку в чине полковника «по домашним обстоятельствам»⁴. В 1861 г. он женился на баронессе Луизе фон Бер (1841–1906). В этом браке родилось четверо детей: Павел (1862), София

(1864), Эвелина (1868) и Алексей (1874). Все они появились на свет в Кауце-мюнде. Помимо Кауцемюнде, П. И. Пален владел также благоприобретенным имением Вейтенфельд (совр. Витини) в Туккумском уезде Курляндской губернии и домом в Митаве (совр. Елгава) на Писарской улице (совр. ул. Кришьяня Барона, не сохранился)⁵.

Старший сын Павел в 1880 г. окончил Митавскую губернскую гимназию и поступил на юридический факультет Варшавского университета, который окончил в 1885 г. Недолгое время он прослужил в канцелярии Государственного совета в Санкт-Петербурге и в 1889 г. вышел в отставку, вернулся в Курляндию и стал Бауским уездным предводителем дворянства⁶. Младший из детей, Алексей, также был отправлен учиться в Митавскую губернскую гимназию, но пробыл в ее стенах лишь два с половиной года, после чего перешел на домашнее обучение. 5 июня 1892 г. он выдержал при этой гимназии испытание зрелости, получив следующие оценки: Закон Божий — 5, русский язык — 3, латинский язык — 4, греческий язык — 3, математика и физика — 3, немецкий язык — 4, история и география — 3, логика — 3⁷.

3 августа 1892 г. Алексей Пален обратился к ректору Императорского Санкт-Петербургского университета с просьбой зачислить его на юридический факультет. Канцелярия университета отказала абитуриенту, так как он окончил гимназию со свидетельством зрелости в Рижском, а не в Санкт-Петербургском учебном округе, и должен был поступать в Дерптский университет. С просьбой о зачислении обратился отец, полковник в отставке Петр Иванович Пален, мотивируя необходимость учиться в столице «семейными обстоятельствами». Его просьба также осталась без удовлетворения. Тогда к делу подключили генерал-адъютанта О. Б. Рихтера, заведующего делами канцелярии прошений и командующего Императорской главной квартиры, служившего вместе с П. И. Паленом в лейб-гвардии Конном полку. Рихтер обратился к министру народного просвещения графу И. Д. Делянову. Министр признал возможным удовлетворить ходатайство и 24 августа информировал об этом попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Капустина. В сентябре 1892 г. граф Алексей Пален был зачислен в Санкт-Петербургский университет⁸.

В столице он поселился на Большой Морской, 43, в здании, известном как «дом Демидовых», принадлежавшем в то время его тетке, светлейшей княгине Н. Ф. Ливен, урожденной фон дер Пален (1842–1920). Там же в это время проживал его дядя, граф Константин Иванович фон дер Пален (1833–1912), ранее министр юстиции (1867–1878), а в это время член Государственного совета (1878–1912).

На юридическом факультете университета Алексей Пален посещал лекции в течение двух с половиной лет, то есть пяти семестров: осеннего полугодия 1892 г., весеннего и осеннего полугодий 1893 г., весеннего и осеннего полугодий 1894 г. За это время Пален ни разу не сдавал экзаменов, при этом «ни в чем предосудительном в стенах университета замечен не был». После каждого

семестра он брал отпуск. В 1894 г. он поступил так же, но на учебу уже не вернулся и был уволен из университета «за невзнос платы»⁹.

1 сентября 1895 г. Алексей Пален поступил на военную службу, будучи «по свидетельству Императорского Санкт-Петербургского университета прикомандированным к Николаевскому кавалерийскому училищу». 8 сентября он был зачислен юнкером рядового звания. Срок пребывания на службе считался с момента принесения присяги, т. е. с 1 октября 1895 г.¹⁰ Николаевское кавалерийское училище находилось в Санкт-Петербурге и готовило к офицерской службе в кавалерийских и казачьих полках Русской армии. В училище, известном своими специфическими традициями и неофициально именовавшемся «Славной школой», проходили обучение представители потомственного и титулованного дворянства. Среди воспитанников культивировалась традиция всё внимание уделять кавалерийской подготовке и иппологии и в то же время игнорировать «сугубые», т. е. не относившиеся к специфике службы в коннице предметы¹¹. Значительная часть выпускников Николаевского кавалерийского училища поступала в кавалерийские полки императорской гвардии. Для этого требовалось окончить его по первому разряду и рассчитывать, что в желаемом полку откроется вакансия. Если вакансии не было, молодой корнет зачислялся в один из полков армейской кавалерии и, формально числясь в его составе, прикомандировывался к избранному гвардейскому полку¹².

Алексей Пален выбрал для службы лейб-гвардии Конный полк — один из наиболее привилегированных в императорской гвардии. «Конная гвардия была старейшим гвардейским кавалерийским шефским полком царствующего государя-императора. <...> Почти все царствовавшие российские монархи числились в списках полка. <...> Свою постоянную милость к полку государи проявляли зачислением в списки полка великих князей и назначением из состава офицеров полка лиц в свою свиту. <...> Весь состав офицеров полка был лично известен государю»¹³. Важным условием вступления в любой гвардейский полк, а тем более лейб-гвардии Конный, было согласие его офицеров. «В большинстве случаев офицерский состав полка пополнялся молодыми людьми, предки, отцы и родственники которых уже раньше служили в Конной гвардии». Алексей Пален стал седьмым Паленом в истории Конного полка, здесь служил его отец П. И. Пален, поэтому согласие на его вступление было получено¹⁴.

Нездолго до выпуска Алексей Пален стал унтер-офицером и окончил Николаевское училище по первому разряду. 13 августа 1897 г. он был произведен в корнеты. Несмотря на высокий балл и согласие офицеров полка, вакансии в Конном полку не было, поэтому он был выпущен в 37-й Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха драгунский полк со старшинством 12 августа 1896 г. Однако с разрешения военного министра Пален, не прибыв к полку, был причислен к лейб-гвардии Конному полку «для испытания по службе и перевода впоследствии»¹⁵.

Служба в гвардейских полках в Санкт-Петербурге была очень дорогой, особенно это касалось Конного полка. «Казенного жалования офицеры почти никогда не видели, ибо оно уходило всё на покрытие обязательных вычетов, производившихся с каждого офицера на уплату связанных с полковой жизнью расходов. <...> Чтобы быть в состоянии служить в Конной гвардии, офицер должен был обладать значительными собственными средствами»¹⁶. Пален получал их благодаря принадлежавшим отцу имениям Кауцемюнде и Вейтенфельд¹⁷. Официально в Конный полк Пален был зачислен 25 марта 1898 г. со старшинством с 13 августа 1897 г., т.е. с потерей года. В 1901 г. Пален был произведен в поручики, в 1902–1905 гг. четырежды временно принимал в командование эскадрон его величества (1-й)¹⁸.

Офицеры Конного полка, как холостые, так и женатые, жили в больших казенных квартирах в казармах, занимавших квартал между Конногвардейским бульваром и набережной Мойки. Согласно данным справочника «Весь Петербург», А. П. Пален проживал на Конногвардейском бульваре, 6 вплоть до своего выхода в отставку¹⁹.

В январе 1904 г. началась русско-японская война. Лейб-гвардия осталась в столице, но немало гвардейских офицеров подали рапорты о прикомандировании их к полкам действующей армии и отправились на театр боевых действий, в том числе 19 офицеров Конного полка. Туда же направилась целиком конногвардейская пулеметная команда²⁰. Поручик Пален остался в полку. Возможно, это было связано с тем, что в январе 1903 г. он женился на графине Екатерине Павловне Сумароковой-Эльстон и 14 ноября 1903 г. у него родился сын Николай, а 26 февраля 1905 г. — дочь Наталья²¹.

28 сентября 1904 г. поручик Пален получил в командование полковую учебную команду. 6 декабря 1905 г. его произвели в штабс-ротмистры, одновременно он получил свою первую награду — орден Св. Станислава 3-й ст. Хотя в послужном списке Палена, составленном на 3 ноября 1912 г., говорится, что «в походах, делах противу неприятеля и ранен не был» и «особых поручений не имел», это не совсем так. Через пять дней после производства и награждения штабс-ротмистр Алексей Пален был командирован в распоряжение генерал-майора Свиты А. А. Орлова²².

Во время революции 1905 г. антиправительственные выступления в Прибалтике приобрели межнациональный характер, так как землевладельцы, против которых выступали эстонские и латышские крестьяне, были преимущественно балтийскими немцами. В частности, в Курляндской губернии, где находились оба имения родителей Алексея Палена, большинство помещичьих гнезд подверглись разорению. В августе 1905 г. там было введено военное положение. Несмотря на попытки использовать для защиты имений созданную с разрешения властей «почетную полицию», помещики были вынуждены бежать в города²³. Для наведения порядка были сформированы особые отряды из чинов Военного и Морского ведомств. Генерал-майор Орлов возглавил

Северный экспедиционный отряд, целью которого было наведение порядка в Валкском, Вольмарском и Венденском уездах Лифляндской губернии, т.е. в северной части современной Латвии²⁴. Основу отряда составил лейб-гвардии Уланский ее величества полк, которым командовал А. А. Орлов. Также в него вошли два эскадрона лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка, лейб-гвардии 2-й стрелковый батальон и команда саперов при 6 конных орудиях, двух пулеметах, двух ружьях-пулеметах. Его базу предполагалось устроить в Валке (совр. Валга/Валка на границе Эстонии и Латвии)²⁵.

Не совсем очевидны причины прикомандирования А. П. Палена к этому отряду. С одной стороны, он, будучи балтийским немцем, мог быть полезен как лицо, знающее специфику региона. С другой стороны, его как уроженца Курляндии логичнее было бы отправить в родную губернию, где действовали подразделения 15-го пехотного Шлиссельбургского и 10-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского полков. Боевые действия коснулись принадлежавшего Паленам имения Вейтенфельд, где укрылись женщины и дети, спасавшиеся от обстрела селения Альт-Ауц (совр. Вецауце), предпринятого в наказание за выстрелы по правительственным войскам²⁶.

13 декабря отряд Орлова добился прекращения забастовки на железной дороге Валк–Псков и сосредоточился в Валке. Рассылавшиеся оттуда во всех направлениях эскадроны изымали оружие, производили аресты замешанных в революционном движении, расстреливали сопротивлявшихся и пытавшихся бежать, сжигали дома скрывшихся революционеров²⁷. 12 января 1906 г. генерал-квартирмейстер Петербургского военного округа генерал-майор Г. О. Раух записал в своем дневнике, что «большая часть Лифляндии теперь усмирена благодаря энергичным мерам Орлова»²⁸.

Получив опыт гражданской войны, 13 января 1906 г. штабс-ротмистр Пален возвратился из командировки в лейб-гвардии Конный полк. 20 апреля 1906 г. он принял командование 2-м эскадроном полка, а в июле впервые был назначен членом полкового суда²⁹. На этот период пришлась смерть родителей. Мать умерла 15 июля 1906 г., отец — 29 ноября 1907 г. Майорат Кауцемюнде перешел к старшему брату Павлу Петровичу, Алексей унаследовал благоприобретенное отцом имение Вейтенфельд в южной части Туккумского уезда³⁰.

С июля по октябрь 1907 г. Пален находился в отпуске по болезни. Вернувшись в полк, он вновь принял 2-й эскадрон. 6 октября 1908 г. Пален получил разрешение принять черногорский орден князя Даниила I 4-й ст., а через два месяца был награжден орденом Св. Анны 3-й ст. 24 августа 1909 г. Пален был произведен в ротмистры и утвержден командиром «своего» 2-го эскадрона. В декабре 1910 г. ротмистр Пален сдал 2-й эскадрон и принял должность помощника командира полка по хозяйственной части. 10 апреля 1911 г. Пален был произведен в полковники (в лейб-гвардии не существовало чина подполковника). В течение этого года он трижды на краткое время принимал командование полком. 6 декабря полковник Пален получил орден Св. Станислава

2-й ст. В феврале 1912 г. он стал председателем полкового суда и принял должность помощника командира полка по строевой части. С 28 июля по 16 августа Пален сопровождал прибывших в Россию с визитом командиров трех немецких кавалерийских полков, имевших шефами русских коронованных особ³¹. 23 августа он выехал в Москву, где в составе делегации своего полка участвовал в торжествах по случаю 100-летия Бородинской битвы. Как и остальные участники торжеств, он получил светло-бронзовую медаль на владимирской ленте «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.»³².

Это награждение стало венцом 15-летнего пребывания Алексея Палена в лейб-гвардии Конном полку. Согласно характеристике, данной ему однополчанином, а впоследствии лидером белых на Юге России бароном П. Н. Врангелем, ему были свойственны «молчаливость и замкнутость», несмотря на это, «его знала почти вся гвардия»³³.

1 сентября 1912 г. полковник Пален ушел в отпуск на два месяца, продленный «впредь до увольнения в отставку без содержания». 30 октября он подал прошение на императорское имя, в котором, ссылаясь на «расстроенные домашние обстоятельства», просил уволить от службы «с награждением мундиром». Пройдя необходимые инстанции, прошение было удовлетворено. 27 ноября полковник А. П. Пален был уволен в отставку с зачислением в конное ополчение по Курляндской губернии³⁴. Возможно, отпуск и отставка Палена были связаны с выборами члена Государственного совета от съезда землевладельцев Курляндской губернии, которые состоялись 15 сентября. На выборах победу одержал его старший брат Павел, ставший на три года членом Государственного совета³⁵.

С началом Первой мировой войны многие отставные офицеры вернулись в свои полки. Алексей Пален не относился к их числу. Он продолжал находиться в своем имении, занимаясь хозяйственными и семейными делами. Катастрофические неудачи Русской армии летом 1915 г. положили этому конец. Большую часть Курляндской губернии заняли немецкие войска, в губернский город Митаву они вошли 19 июля. Алексей Пален с семьей выехал в Петроград. В 1917 г. его жена Елена Павловна проживала на Моховой, 28³⁶.

Полковник Пален был призван из отставки в ополчение и назначен в формирувавшийся 3-й Прибалтийский конный полк. 26 ноября он подал прошение на имя императора о зачислении его в «родную» Конную гвардию. Прошение поддержали командир полка генерал-майор Свиты его императорского величества Б. Е. Гартман и начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Н. Н. Казнаков. 7 декабря 1915 г. полковник А. П. Пален был определен в лейб-гвардии Конный полк³⁷.

К моменту его возвращения в полк война на Восточном фронте приобрела позиционный характер. Самое славное дело, в котором участвовали гвардейские кавалеристы, — бой под Каушеном — прошел без его участия. Полковник Пален занял должность помощника командира полка по строевой части

и в течение 1916 г. неоднократно исполнял обязанности командира полка. В конце 1915 — начале 1916 г. части гвардии находились в стратегическом резерве и не участвовали в боях, так что у Палена не было возможности проявить себя. Тем не менее 11 мая 1916 г. он получил «Анну на шею» — был награжден орденом Св. Анны 2-й ст. (без мечей) «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий»³⁸.

Только после того, как гвардия была выдвинута из резерва для развития успеха Брусиловского прорыва, Пален принял участие в боях. В сентябре 1916 г. Конный полк занял позицию на реке Стоход. Полковник Пален, замещающий командира полка, руководил отражением нескольких атак неприятеля. 3 февраля 1917 г. он был назначен командиром стрелкового полка 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, в который вошли пешие эскадроны ее полков. С 4 мая 1917 г. он числился в резерве чинов при штабе Киевского военного округа³⁹. На этом служба графа Алексея Палена в Русской армии фактически закончилась. Следует обратить внимание, что подавляющему большинству военных Первая мировая война дала возможность продвинуться по службе. Алексей Пален этой возможностью не воспользовался. Он остался полковником и не сделал себя «боевого имени».

Летом 1917 г. Пален, оказавшийся вне действительной службы, был вовлечен в политические события. Его бывший однополчанин генерал-майор П. Н. Врангель создал в Петрограде офицерскую организацию, готовую выступить в поддержку генерала Л. Г. Корнилова. Впоследствии Врангель вспоминал: «Мы организовали небольшой штаб, прочно наладили связь со всеми военными училищами и некоторыми воинскими частями, расположенными в столице и пригородах, организовали ряд боевых офицерских дружин. Разведку удалось поставить отлично. Был разработан подробный план занятия важнейших центров города и захвата всех тех лиц, которые могли бы оказаться опасными». Ожидая назначения в действующую армию, Врангель решил оставить во главе этой организации полковника Палена, который не только был хорошо известен в среде гвардейских офицеров, но «пользовался общим уважением» офицеров Петроградского гарнизона. Пален, по мнению, Врангеля, «легко мог, не возбуждая особых подозрений, вести свою работу в столице»⁴⁰.

Однако во время корниловского выступления в августе 1917 г., когда офицерская организация должна была проявить себя, Пален и другие офицеры бездействовали. «По словам Палена, движение Крымова на Петербург застало его организацию совершенно врасплох. Конфликта правительства со ставкой в эти дни никто не ожидал, и в предвидении его ничего сделано не было. Уже после разрыва (Корниловского выступления. — Д. А.) к Палену прибыл какой-то неизвестный полковник, отказавшийся себя назвать и не предъявивший никаких документов. Полковник якобы был послан Крымовым и имел целью предупредить о движении последнего на Петербург. Граф Пален, опасаясь провокации,

в переговоры с полковником вступить отказался». После этого Пален бежал из Петрограда и некоторое время скрывался в имении Рябово (совр. город Всеволожск)⁴¹.

23 октября 1917 г. полковник Алексей фон дер Пален был «уволен от службы по прошению с мундиром и пенсией»⁴². После заключения 3 марта 1918 г. Брестского мира, по которому Советская Россия отказалась от всей Прибалтики, в том числе Курляндии, он выехал в свое имение. В октябре 1918 г. в оккупированных немцами Пскове, Острове и Режице (совр. Резекне) началось формирование Северной армии. Ее задачей было «взятие Петербурга и свержение большевистского правительства». Хотя вербовочные бюро Северной армии были открыты в Риге и Митаве, нет никаких сведений о том, что полковник Пален намеревался к ней присоединиться⁴³.

Поражение Германии в Первой мировой войне резко изменило ситуацию в Прибалтике. Отказавшись соблюдать условия Брестского мира, советское правительство двинуло части Красной армии на запад⁴⁴. 18 ноября 1918 г. группой латышских политиков во главе с К. Ульманисом была провозглашена независимость Латвии. По соглашению с правительством Германии началось формирование вооруженных сил — ландесвера для противодействия Красной армии. Планировалось создание рот отдельно из балтийских немцев, из латышей и из русских⁴⁵. Родные племянники Алексея Палена, Арендт и Федор Павловичи, и двоюродный племянник Николай Константинович вступили в немецкие роты ландесвера. Полковник Пален их примеру не последовал⁴⁶.

3 января 1919 г. советские войска заняли Ригу. Немецкие оккупационные войска, не оказывая сопротивления, эвакуировались в Германию. Ландесвер и сформированная из добровольцев немецкой армии Железная бригада заняли плацдарм в юго-западной части Латвии в районе Либавы (совр. Лиепая)⁴⁷.

Пален также выехал в Либаву, но с другой целью. Дождавшись идущего в Таллин парохода «Виза», он отплыл на нем, возможно, вместе с женой. Неизвестно, куда планировал отправиться Пален, возможно, через Таллин он хотел попасть в Выборг, рядом с которым находилось имение Монрепо, где проживала семья его двоюродного брата К. К. фон дер Палена. Однако на пароходе состоялась встреча, сыгравшая важную роль в дальнейшей судьбе Палена. Его попутчик — генерал-майор А. П. Родзянко⁴⁸ предложил Палену поступить в Северный корпус⁴⁹.

Северный корпус — название Северной армии после ее отступления из Пскова на территорию Эстонии. Эстония сыграла важнейшую роль во время Гражданской войны в России, став в первой половине 1919 г. центром притяжения политических и военных сил, ориентированных на Антанту. По заключенному с ее правительством 6 декабря 1918 г. договору, Северный корпус должен был участвовать совместно с эстонской армией под общим руководством ее главнокомандующего полковника (с 20 января 1919 г. генерал-майора) Й. Лайдонера в «борьбе с большевиками и анархией»⁵⁰.

Честолюбивому Родзянко, рассчитывавшему возглавить Северный корпус, требовались сторонники, и Пален во время плавания на «Визе» согласился поддержать его. В контексте 1919 г. мемуаристы нередко упоминали Родзянко и Палена вместе. Например, морской министр в Северо-Западном правительстве контр-адмирал В. К. Пилкин писал, что они якобы подстрекали эстонцев взорвать Ямбургский мост⁵¹, а министр торговли и промышленности Северо-Западного правительства, присяжный поверенный М. С. Маргулиес — что они устроили назначение генерала П. В. Глазенапа на пост генерал-губернатора, чтобы убрать его из армии⁵². «Певец Северо-Западной армии» А. И. Куприн в панегирическом «Куполе Св. Исаакия Далматского»: «Родзянко и Пален, оба высоченные гиганты, в светлых шинелях офицерского сукна, с оружием, которое в их руках казалось игрушечным, ходили в атаку впереди цепей, посылая большевикам оглушительные угрозы»⁵³.

Отличительной чертой Палена была его популярность в войсках. По словам Родзянко, уже «сразу (по прибытии в Северный корпус. — Д. А.) было видно, что он приобрел все симпатии»⁵⁴. На это же указывал М. С. Маргулиес: «Пален популярен, но слаб»⁵⁵.

По прибытии в Таллин приказом № 32 по Северному корпусу от 5 февраля 1919 г. гвардии полковник граф Пален был зачислен в его состав «состоять для поручений при командире корпуса»⁵⁶. Вскоре он получил поручение осмотреть лагерь, где содержались пленные красноармейцы. Пален доложил генерал-майору Й. Лайдонеру, что находившиеся там «солдаты и офицеры отнюдь не большевики и держать их в лагере является совершенно бессмысленным». Пален получил приказ сформировать из них батальон для Северного корпуса⁵⁷.

В это время русские круги Эстонии были озабочены деятельностью присяжного поверенного Н. Н. Иванова, который заявил о необходимости признания независимости Эстонии. Он также вел переговоры с подполковником С. Н. Булак-Балаховичем и 11 февраля заключил с ним договор о представлении его интересов, в связи с чем над ним был назначен суд. В число судей вошли Родзянко и Пален. Родзянко лично встретился с Ивановым и заручился его поддержкой в борьбе за пост командира Северного корпуса. Пален на эту встречу приглашен не был⁵⁸.

В марте Северный корпус был реорганизован в две бригады. Сформированный Паленом батальон стал вторым в Островском стрелковом полку 1-й стрелковой бригады. Он прибыл на фронт в конце марта. В апреле батальон принял участие в успешных набегах на расположение советских войск юго-восточнее Нарвы⁵⁹. В начале мая 1919 г. Родзянко, фактически возглавивший Северный корпус, разработал план наступления корпуса, к этому времени пополненного и сосредоточившегося на Нарове между Нарвой и Чудским озером⁶⁰. По плану войска делились на четыре отряда, получившие отдельные задачи. Полковник Пален возглавил левый отряд, состоявший из Островского полка и эскадрона Конно-Егерского полка при двух орудиях⁶¹.

Родзянко дал Палену шанс отличиться, и тот воспользовался им сполна. Наступление началось 13 мая и привело к значительному успеху. Части советской 6-й стрелковой дивизии были разгромлены, частично пленены, частично бежали. Были взяты богатые трофеи. Отряд Палена овладел ключевой станцией Веймарн, благодаря чему белые 17 мая вошли в Ямбург. После этого под командованием Палена были переданы три отряда из четырех, фактически он стал старшим строевым начальником Северного корпуса. 30 мая полковник Пален был произведен в генерал-майоры, а группа войск под его руководством была преобразована во 2-ю стрелковую дивизию⁶².

В конце мая — первой половине июня на фронте 2-й дивизии шли тяжелые бои. Обе стороны попеременно переходили в наступление. Белые под руководством Палена действовали успешнее. На их сторону перешли 3-й Петроградский и 2-й конный полки, а также гарнизон форта «Красная Горка». Всего за месяц с 13 мая по 13 июня Северный корпус взял около 20 тыс. пленных, захватил 35 орудий, 237 пулеметов, 6 бронепоездов, более тысячи лошадей. Значительная часть успехов была достигнута частями под командованием Палена⁶³.

19 июня генерал-майор Лайдонер отказался от главнокомандования Северным корпусом. А. П. Родзянко переименовал соединение в Северную армию (с 1 июля — Северо-Западную). Однако стать юридически самостоятельным командующим ему не удалось. Еще 10 июня 1919 г. верховный правитель адмирал А. В. Колчак назначил генерала от инфантерии Н. Н. Юденича командующим Северо-Западным фронтом. Родзянко как командующий Северной армией был подчинен Юденичу⁶⁴.

23 июня Юденич прибыл из Гельсингфорса в Нарву, где располагался штаб армии, побывал в штабе 2-й дивизии в Волосове и во Пскове и 26 июня вернулся обратно. Современник, присяжный поверенный Н. Н. Иванов, писал об «атмосфере открытой ненависти со стороны наличных офицеров, прослышавших о предполагаемой замене их юденическими офицерами из Англии и Финляндии»⁶⁵. Той же монетой платила и противоположная сторона: так, сотрудник Юденича контр-адмирал В. К. Пилкин называл «всю эту группу» в составе Родзянко, Палена и Арсеньева «сволочью»⁶⁶.

Родзянко вспоминал, как он спрашивал у Юденича, почему тот не организовал отставку из Финляндии офицеров, которых так не хватает на фронте, косвенно указывая на его некомпетентность или злую волю⁶⁷. Полковник А. С. Гершельман вспоминал, что, принимая его после приезда из Выборга в июне 1919 г., Пален говорил о том же: спрашивал, почему не едут офицеры из Финляндии, и высказывал мнение, что в Петроград не следует пускать тех, кто не будет участвовать в его освобождении⁶⁸.

3 июля 2-я стрелковая дивизия была развернута в 1-й стрелковый корпус в составе 2-й и 3-й стрелковых дивизий. Во главе корпуса был поставлен генерал-майор Пален. 30 июля он получил орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами. Таким образом, за четыре месяца пребывания на фронте Пален превратился

из командира батальона в начальника корпуса, получил генеральский чин и свою первую боевую награду⁶⁹.

В августе Северо-Западная армия вела тяжелые оборонительные бои и постепенно отдавала занятое в мае и начале июня. Были оставлены Псков и Ямбург. Хотя последний был сдан 1-м корпусом, это не отразилось на положении Палена. 12 октября, в связи с годовщиной существования Северо-Западной армии, некоторые генералы и офицеры были произведены в следующие чины или награждены орденами. В частности, генерал-майор Пален получил чин генерал-лейтенанта⁷⁰.

2 октября 1919 г. Юденич принял на себя руководство Северо-Западной армией, назначив Родзянко своим помощником. 10 октября началось наступление на Петроград. В состав руководимого Паленом 1-го корпуса входили 2-я, 3-я и 5-я дивизии. Корпус действовал на направлении главного удара, в первые дни наступления отбросил части советской 7-й армии и к 16 октября прорвался к Красному Селу и Гатчине. На следующий день после взятия Гатчины Пален переместил туда свой штаб. Отсюда он руководил боями на подступах к Петрограду. В 20-х числах октября под его командование перешла большая часть армии — также 1-я дивизия и бригада 4-й. Переброска войск с Лужского и Псковского направлений под Петроград позволила войскам советской 15-й армии нанести удар в тыл «белым». Вместе со стойкостью 7-й армии, оборонявшей Петроград это стало причиной поспешного отступления белых. 3 ноября Гатчина была эвакуирована. Хотя Петроград взять не удалось, в ходе операции Пален как военачальник проявил себя вполне достойно. Ни один из мемуаристов не упрекал его, в отличие, например, от генералов Юденича, Родзянко и Ветренко, в общей некомпетентности, отдельных ошибках или отсутствии дисциплины⁷¹.

После провала наступления на Петроград Северо-Западная армия оказалась прижатой к эстонской границе южнее Нарвы. Возник кризис доверия. 19 ноября 1919 г. Пален прибыл к Юденичу «и доложил, что начальники дивизий и командиры полков просят назначить Родзянко командующим армией». На вопрос Палена, «как Вы на это посмотрите, Ваше Высочайшее превосходительство?», тот якобы ответил: «Как на бунт»⁷². Тем не менее 24 ноября Юденич ушел с поста командующего армией, оставив за собой командование Северо-Западным фронтом. Однако командармом он назначил произведенного им в генерал-лейтенанты П. В. Глазенапа, лишь месяц назад прибывшего с Юга России⁷³. Родзянко же был отправлен в Лондон и больше на Северо-Запад не возвращался⁷⁴.

Отныне Палену пришлось действовать самостоятельно. Во второй половине ноября — декабре полки его корпуса в тяжелейших боях южнее Нарвы помогли эстонцам сломить наступательный порыв Красной армии, отражая неоднократные атаки полков советской 15-й армии. 16 декабря Глазенап реорганизовал Северо-Западную армию. В ней теперь были три стрелковые и одна

резервная дивизии, корпусной уровень упразднился. Ряд генералов лишился своих постов. Популярный генерал-лейтенант Пален сохранил командование, возглавив 1-ю стрелковую дивизию (бывшую 2-ю), а штаб 1-го корпуса стал штабом дивизии⁷⁵.

31 декабря 1919 г. Эстония и Советская Россия заключили перемирие. 2 февраля 1920 г. Эстония заключила мир с Советской Россией, одним из условий которого было недопущение существования на территории одной стороны войск, враждебных другой стороне. 22 января 1920 г. Юденич подписал приказ о ликвидации Северо-Западной армии. Для завершения дел была создана ликвидационная комиссия, председателем которой стал генерал-лейтенант граф Пален. Его назначение было связано с тем, что это был старший боевой начальник, ничем себя не скомпрометировавший. Главными задачами комиссии было погасить долги Северо-Западной армии и обеспечить увольняемых военнослужащих. Первое заседание состоялось 24 января⁷⁶.

Деятельность комиссии протекала в сложных условиях. В местах расположения белых войск вспыхнула эпидемия тифа, к которой ни русские, ни эстонские власти оказались не готовы. Медицинская помощь была недостаточной, что вызвало высокую смертность среди военных и беженцев. 23 февраля 1920 г. уполномоченный Юденича генерал П. В. Глазенап подписал соглашение с эстонским правительством, по которому оно обязалось содержать больных до полного выздоровления и по выписке удовлетворять их жалованьем на месяц вперед, взамен Эстония получала всё имущество СЗА. 4 марта Пален подписал соглашение с Эстонией об отказе от всех взаимных претензий. К 15 марта деятельность ликвидационной комиссии завершилась⁷⁷.

Пален решил выехать в Латвию. Он получил въездную визу у латвийского консула в Таллине для проезда в Ригу через Валку, но разрешения на выезд от эстонских властей не было⁷⁸. Возможно, это было связано с желанием эстонцев «собрать [материал], уличающий в незаконных действиях военную ликвидационную комиссию, главным образом, полковника Агапова, графа Палена и др.», на что указывал бывший министр земледелия Северо-Западного правительства, видный деятель русской общины в Эстонии П. А. Богданов⁷⁹.

Тогда Пален принял решение ехать нелегально. Его сопровождал подполковник Л. Н. Трапезников, его сотрудник по ликвидационной комиссии. От Таллина до Пярну они проехали по железной дороге, а там за 4500 эстонских марок наняли парусную лодку. 31 мая Пален и Трапезников отплыли из Пярну, намереваясь высадиться в Айнажи. Из-за непогоды они не смогли этого сделать и 1 июня оказались у Салацгривы, где были задержаны латвийскими пограничниками. На допросе Пален заявил, что как уроженец Латвии и обладатель земельной собственности на ее территории хочет вернуться на родину. Пален и Трапезников были доставлены в Валмиеру, а оттуда в Ригу, где 8 июня после выяснения обстоятельств прибытия в Латвию освобождены⁸⁰.

На родине было открыто дело об участии Палена в «бермонтаде» (попытке Западной Добровольческой армии свернуть правительство К. Ульманиса), однако решением коменданта Талсинско-Тукумского уезда дело по недостатку улик было закрыто. Интересно, что комендантом, вынесшим это решение, был перешедший на латвийскую службу полковник Г. Мангулис, бывший красный латышский стрелок, который дезертировал из РККА после разгрома дивизии, который он командовал⁸¹.

Деятельность Палена в Латвии летом 1920 г. была связана с попытками полковника Василия Васильевича Сергеева восстановить Северо-Западную армию. Военный инженер по образованию, в Северо-Западной армии Сергеев был начальником штаба 4-й дивизии, затем исполнял должность начальника инженеров армии. В мае 1920 г. он переехал в Ригу и поступил в техническое управление латвийской армии в качестве председателя комиссии по разбору старых позиций и сбору технического военного материала⁸². Занимая официальный пост, Сергеев выступал как связующее звено между бывшими северо-западниками и латвийскими военными. Он считал необходимым летом 1920 г. с помощью Латвии воссоздать Северо-Западную армию к востоку от Даугавпилса, чтобы, воспользовавшись советско-польской войной, поднять восстание в приграничной полосе и возобновить борьбу на Северо-Западе⁸³.

Латвия 30 января 1920 г. заключила перемирие с Советской Россией и с апреля вела переговоры о мире. Поддержка русских белых в такой ситуации была крайне неуместной, но в Риге продолжали ощущать угрозу с востока, поэтому неофициальные контакты с белыми считались полезными. В частности, начальник штаба латвийской армии генерал Петерис Радзиньш поддерживал связь с Сергеевым. Сам Сергеев не претендовал на то, чтобы возглавить армию, ему нужен был авторитетный генерал с хорошей репутацией. Таким ему казался Пален, которого он аттестовал так: «Опытный боевой [командир] и именно против большевиков, отлично знаком с их тактикой и психологией, безусловно честный и порядочный человек, пользуется влиянием и большими симпатиями среди солдат и офицеров-северозападников»⁸⁴.

Среди бумаг Сергеева имеется черновик письма, написанного от имени Палена: «Я, генерал граф Пален, назначен ген. Врангелем в начальники русских войск, которые будут вести борьбу с большевиками на польском фронте. Работа моя будет протекать в тесном контакте с Латвией и Эстонией, и посему в этих государствах будут находиться мои негласные, но официальные представители. Таким представителем для Латвии будет полковник Сергеев, состоящий на латвийской службе. Ввиду того, что французское правительство открыто стало на сторону ген. Врангеля, я ожидаю всемерного содействия со стороны фр[анцузского] пред[ставителя] в Прибалтике и хочу установить самое тесное сотрудничество с ним. На этом основании до Вашего сведения свои самые неотложные нужды с просьбой по мере возможности удовлетворить их: 1) Установление всех видов связи между Ригой и Данцигом; 2) Пользование

информационным материалом, касающимся Прибалтики, Польши и России, а также данными, добытыми французской контрразведкой; 3) Помещение помощника полк[овника] Сергеева на службу во вверенное Вам представительство для обеспечения совместной работы и во избежание огласки»⁸⁵.

Из документа видно, что Сергеев был готов оставаться в тени, выдвигая на передний план Палена, но все его попытки привлечь внимание руководителей Белого движения к его планам провалились. К этому времени в европейской части России сопротивление продолжала Русская армия П. Н. Врангеля. Его главноуполномоченный в Париже генерал Е. К. Миллер сформулировал идею концентрации всех сил в Крыму и обосновал отказ от поддержки любых формирований за его пределами⁸⁶. 20 июля 1920 г. представитель П. Н. Врангеля в Париже генерал-лейтенант Н. А. Монкевиц уведомил Сергеева и Палена, что «политические и военные русские представительства в Париже признали невозможным в настоящее время производство каких-либо военных формирований на территории Латвии». Им было предложено оказать содействие к вывозу всех желающих в Сербию для следования к Врангелю. 13 августа генерал-лейтенант П. В. Глазенап, начавший формирование русских войск в Польше, предложил направлять бывших северозападников на Брест и Варшаву⁸⁷. Последнее было связано с начавшейся работой Б. В. Савинкова по созданию русского политического центра в Польше. 23 июня 1920 г. он заключил устное соглашение с Ю. Пилсудским о создании Русского эвакуационного (позднее — политического) комитета (РЭК). В отличие от белых правительств, РЭК признал претензии Польши на западные Украину и Белоруссию. Главной его задачей было формирование русских отрядов для совместных с Войском польским действий против Красной армии⁸⁸.

Савинков рассчитывал создать отряд из 9 тыс. человек, 3 тыс. из которых он предполагал набрать в Прибалтике. Для этого в Ригу был командирован его ближайший сотрудник А. А. Дикгоф-Деренталь⁸⁹, вступивший в контакт с Сергеевым и Паленом, результатом чего стало подписанное 28 июля соглашение между ними. Не отказываясь от вербовки для формирований в Польше, Деренталь согласился на создание русских отрядов на границе Латвии под общим наименованием «отрядов генерала Палена» (ОГП). ОГП подчинялись Савинкову и признавали его лозунги (Учредительное собрание, земля народу, демократия, федерация). Им предстояло действовать самостоятельно, координируя свои действия с русскими отрядами в Польше⁹⁰. Была достигнута договоренность, что готовые к отправке из Таллина в Польшу эшелоны северозападников будут перенаправлены в Латвию в распоряжение Палена. Однако этого не произошло⁹¹. Не поступили и деньги, которые 4 августа Пилсудский обещал выделять Палену через Савинкова⁹². Но идея воссоздания СЗА уже была неактуальной. 11 августа Латвия заключила мирный договор с Советской Россией. Возможность формирования войск на ее восточной границе и с ее помощью исчезла. 13 августа Глазенап отправил с Трапезниковым письмо для Палена,

в котором говорил о необходимости объединения усилий по организации переброски ОГП к Врангелю⁹³. Но Пален выбрал переезд в Польшу, тем более что через неделю Глазенап, вступивший в острый конфликт с Савинковым, лишился своего поста. Его место временно занял генерал-майор Л. А. Бобошко, а с 26 сентября — генерал-лейтенант Б. С. Пермикин, оба бывшие северозападники⁹⁴. 25 августа Пален потребовал либо в срочном порядке прислать эшелоны и деньги, либо организовать переброску всех северозападников в Польшу⁹⁵.

9 октября Пермикин доложил Савинкову, что из Риги прибыло около 300 офицеров и солдат, которые составят кадры 2-й стрелковой дивизии⁹⁶. Во главе ее встал генерал-лейтенант граф Пален. Дивизия состояла из трех стрелковых полков по два батальона в каждом, костяк составили прибывшие с Паленом северозападники, пополнение приходило из лагерей для пленных красноармейцев. Формирование шло с трудом: не хватало оружия, снаряжения, содержание не выплачивалось⁹⁷. 12 октября Польша подписала перемирие с Советской Россией, которое вступило в силу 18 октября. Все русские и украинские формирования должны были немедленно покинуть ее территорию или интернироваться. 3-я русская армия перешла в Подольскую губернию, занятую армией Украинской народной республики С. Петлюры. 2-я дивизия продолжала формироваться. Вооружения было недостаточно, так что дивизия не приняла участия в боях 10–21 ноября, в которых русские и украинцы были разбиты войсками 14-й советской армии, отступили на польскую территорию и подверглись интернированию⁹⁸.

30 ноября состоялось заседание военного совета армии, в котором принял участие Пален. 2 декабря он вместе с остальными его участниками отправился в Варшаву для доклада Савинкову⁹⁹. 7 января 1921 г. 2-я стрелковая дивизия прибыла к месту интернирования в крепость Торунь и разместилась на форте Стефана Батория¹⁰⁰. В январе развернулась острая борьба за контроль над интернированными войсками. Ранее они находились под политическим контролем Савинкова и материально зависели от него. После интернирования Савинков взял в свои руки и военное командование: он рассматривал войска как резервуар для партизанских формирований, которые намеревался использовать на советско-польской границе. В течение января–февраля Савинков под тем или иным предлогом удалил всех старших командиров 3-й русской армии и армии Балаховича¹⁰¹.

Генерал Пален, в отличие от других генералов, проявил наибольшую принципиальность, но и он потерпел поражение. 29 января приехал глава французской военной миссии генерал А. Ниссель. Генерал Пален обратился к нему с просьбой о передаче дивизии в непосредственное подчинение польскому командованию, но безрезультатно¹⁰². 2 февраля в распоряжение 2-й дивизии прибыл начальник Управления по делам интернированных Д. М. Одинец, который заявил, что содержание за прошлое время уплачено не будет, но с 1 февраля ежемесячно будет выдаваться пособие в размере 500 марок на офицера и 100 марок на солдата. Интернированная дивизия во всех отношениях под-

чиняется ему, никакие компромиссы не допускаются. Провокация удалась: генерал Пален и командиры частей заявили, что дивизия подчиняться не будет. Тогда Одинец заявил, что отрешает всех от командования¹⁰³. 4 февраля Одинец отстранил от должности Пермикина и назначил новых командиров во 2-ю дивизию¹⁰⁴. В ответ Пален 6 февраля издал «Приказ по интернированным войскам бывшей 3-й русской армии № 1», в котором объявил, что «вследствие болезни ген. Пермикина» он «вступил во временное командование интернированными войсками бывшей 3-й русской армии»¹⁰⁵.

Савинков обратился к польскому командованию. 11 февраля Пален и 8 командиров частей его дивизии были отправлены в лагерь Дембиа под Краковом, где содержались пленные красноармейцы. Прибыв туда 13 февраля, они содержались в отдельном помещении под охраной часового с применением режима и на скудном пайке пленных красноармейцев. Узнав об этом, Савинков 14 февраля обратился к начальнику II отдела штаба Военного министерства подполковнику Б. Медзинскому с просьбой смягчить режим, так как он «просил их не наказывать, а лишь удалить». 21 февраля Пален и его офицеры были переведены в Жешув, где им было разрешено жить без права выезда и без пайка и содержания. Им пришлось продавать личные вещи и голодать в буквальном смысле слова. Только в последний месяц перед освобождением польские власти стали оказывать денежную помощь. 10 мая генерал и его соратники были освобождены и выехали в Варшаву для получения заграничных паспортов¹⁰⁶.

После освобождения Пален продолжал именовать себя «командующим 3-й армией в Польше», несмотря на ее формальную ликвидацию 12 января 1921 г.¹⁰⁷ Из Польши Пален выехал в Данциг, где 7 июня получил полномочия от Врангеля, продолжавшего, несмотря на эвакуацию Русской армии, считаться ее главнокомандующим, занять должность его представителя в Германии, Польше и Прибалтике¹⁰⁸.

В 1920-е гг. Пален отошел от активной деятельности. Он вернулся в свое имение Вейтенфельд (Витини), часть которого осталась у него после проведения аграрной реформы в 1920 г. Семейный майорат Вейтенфельд перешел государству, в здании усадьбы было размещено училище для домработниц. Брат Павел уехал в Германию. Жена Палена Екатерина Павловна во время Гражданской войны проживала в Таллине. Вероятно, ее поведение не было безупречным: в дневнике Пилкина под 26 ноября 1919 г. есть запись о письме от жены, в котором та рассказывала, как «в каком-то дамском обществе перемывали косточки жене Палена»¹⁰⁹. В 1922 г. они развелись. Его дети уехали за границу: Николай торговал в Канаде, Наталья вышла замуж в Германии¹¹⁰.

Когда в 1930 г. в Париже отмечалось 200-летие Конной гвардии, Пален не принял в нем участия. Однако о нем не забывали: в изданной юбилейной комиссией книге Пален был упомянут среди конногвардейцев, проживающих в эмиграции¹¹¹. Скончался граф Алексей Пален 26 апреля 1938 г.¹¹² Ни в латвийской, ни в эмигрантской прессе откликов на его смерть не последовало.

- ¹ Благодарю А. В. Марыняка, сотрудника Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва), за неоценимую помощь при подготовке статьи.
- ² Немцы России. Энциклопедия. Т. 3 (П–Я). М., 2006. С. 15–16.
- ³ *Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil Kurland. Bd. 1. Görlitz, [1939]. S. 605–608.*
- ⁴ Полный список шефов, полковых командиров и офицеров лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 г. СПб., 1886. С. 362.
- ⁵ *Genealogisches Handbuch...* S. 606–607; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 29515. Л. 19 (Переписка канцелярии Санкт-Петербургского императорского университета и курляндской губернской полиции).
- ⁶ Государственный совет Российской империи. 1906–1917. М., 2008. С. 198.
- ⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29515. Л. 3 (Свидетельство об окончании А. П. Паленом Митавской губернской гимназии).
- ⁸ Там же. Л. 1, 6 и об., 7 и об., 10, 12 (переписка о поступлении А. П. Палена в Санкт-Петербургский университет).
- ⁹ Там же. Л. 14, 15, 21, 23 (документы и переписка о пребывании А. П. Палена в Санкт-Петербургском университете).
- ¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 409. Оп. 2. Д. 8029. Посл. сп. 276–264. Л. 6 об. (Послужной список полковника А. П. Палена).
- ¹¹ *Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 46–47.*
- ¹² Памятка Николаевского кавалерийского училища. [Мюнхен], 1969. С. 49.
- ¹³ *Козлянинов В. Ф. Юбилейная памятка конногвардейца. 1730–1930. 1706–1931. Париж, 1931. С. 42, 44.*
- ¹⁴ Там же; Полный список шефов... С. 45, 128, 150–151, 300, 304, 318.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8029. Посл. сп. 276–264. Л. 7, 8.
- ¹⁶ *Козлянинов В. Ф. Юбилейная памятка конногвардейца. С. 44.*
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8029. Посл. сп. 276–264. Л. 13.
- ¹⁸ Там же. Л. 8.
- ¹⁹ *Козлянинов В. Ф. Юбилейная памятка конногвардейца. С. 44; Весь Петербург на 1900 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. III [отдел]. СПб., 1900. С. 435; Весь Петербург на 1905 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. III [отдел]. СПб., 1905. С. 489; Весь Петербург на 1912 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. III [отдел]. СПб., 1912. С. 673.*
- ²⁰ *Козлянинов В. Ф. Юбилейная памятка конногвардейца. С. 33.*
- ²¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8029. Посл. сп. 276–264. Л. 13; *Genealogisches Handbuch...* S. 608.
- ²² РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8029. Посл. сп. 276–264. Л. 8, 13.
- ²³ *Янсон П. Карательные экспедиции в Прибалтийском крае (по материалам II Государственной думы). Л., 1926.*
- ²⁴ Революция 1905–1907 гг. в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1956. С. 371.
- ²⁵ Дневник Г. О. Рауха // Красный архив. 1926. Т. 12. С. 90.
- ²⁶ Революция 1905–1907 гг. в Латвии. С. 371, 383.
- ²⁷ Там же. С. 386, 388, 391–392.
- ²⁸ Дневник Г. О. Рауха. С. 99.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8029. Посл. сп. 276–264. Л. 9.
- ³⁰ *Genealogisches Handbuch...* S. 606–608.
- ³¹ Командиры 2-го гвардейского драгунского императрицы Александры полка подполковник Цедлиц-Лайпе, 6-го кирасирского Бранденбургского императора Николая I полка майор А. фон Потен и 8-го гусарского Вестфальского императора Николая II майор Г. фон Бодельшвинг. См.: Петербургский листок. 1907. 30 июля.
- ³² РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8029. Посл. сп. 276–264. Л. 9–10.
- ³³ *Врангель П. Н. Записки // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. V. Берлин, 1928. С. 28.*
- ³⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8029. Посл. сп. 276–264. Л. 1 — 4 об.

- ³⁵ Государственный совет Российской империи. 1906–1917. М., 2008. С. 198.
- ³⁶ Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. III [отдел]. Пг., 1917. С. 515.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35998. Л. 1 — 4 об. (Дело об определении вновь на действительную военную службу отставного гвардии полковника графа Алексея фон дер Палена).
- ³⁸ Русский инвалид. 1916. 27 мая.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 240. Л. 10 (Дело об увольнении от службы полковника графа фон дер Палена).
- ⁴⁰ Врангель П. Н. Записки. С. 28.
- ⁴¹ Там же. С. 39–40.
- ⁴² РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 240. Л. 10.
- ⁴³ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб., 1999. С. 22–27.
- ⁴⁴ Алексеев Д. Ю. Западный театр боевых действий в контексте Гражданской войны в России // Военная история России XIX–XX веков. Материалы VI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2013. С. 327–328.
- ⁴⁵ Ciganovs J. Latvijas neatkarības karš. 1918.–1920. Rīga, 2013. Lpp. 10, 13.
- ⁴⁶ Genealogisches Handbuch... S. 608–609.
- ⁴⁷ Ciganovs J. Latvijas neatkarības karš. Lpp. 26–29.
- ⁴⁸ Александр Павлович Родзянко (1879–1970), закончил Пажеский корпус, вышел в Кавалергардский полк, окончил Офицерскую кавалерийскую школу и как прекрасный кавалерист участвовал в Олимпийских играх 1912 г. В Первую мировую войну он командовал кавалерийскими полком, бригадой и временно дивизией, был представлен к чину генерал-майора. Осенью 1918 г. он пытался занять видное место в Северной армии или в ландесвере.
- ⁴⁹ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921. С. 16.
- ⁵⁰ Иванов Н. Н. О событиях под Петроградом в 1919 году // Архив Гражданской войны. Вып. 1. Берлин, 1922. С. 145.
- ⁵¹ Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 190.
- ⁵² Маргулиес М. С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 90–91.
- ⁵³ Куприн А. И. Купол Св. Исаакия Далматского. М., 2005. С. 341.
- ⁵⁴ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 34.
- ⁵⁵ Маргулиес М. С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2. С. 273.
- ⁵⁶ Российский государственный военный архив. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 29 (Приказы по Северному корпусу). Л. 59.
- ⁵⁷ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 17–18.
- ⁵⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 6385. Оп. 1. Д. 27. Л. 2 (Черновик договора между Н. Н. Ивановым и С. Н. Булак-Балаховичем); Иванов Н. Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. С. 27–29; Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 18.
- ⁵⁹ Розенталь Р. Северо-Западная армия: Хроника побед и поражений. Таллин, 2012. С. 70, 110–113.
- ⁶⁰ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 34.
- ⁶¹ Розенталь Р. Северо-Западная армия. С. 121.
- ⁶² Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. М., 2004. С. 124–128; Розенталь Р. Северо-Западная армия. С. 129–167.
- ⁶³ Розенталь Р. Северо-Западная армия. С. 174–185, 191.
- ⁶⁴ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 151, 160.
- ⁶⁵ Иванов Н. Н. О событиях под Петроградом в 1919 году. С. 90.
- ⁶⁶ Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 212.
- ⁶⁷ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 62–63.
- ⁶⁸ Гершельман А. С. В рядах добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III Интернационалом. 1919 год. М., 1997. Ч. 1. С. 33.

- ⁶⁹ Розенталь Р. Северо-Западная армия. С. 232.
- ⁷⁰ Приказ по Северо-Западной армии № 252. 12 октября 1919 г.
- ⁷¹ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 355–356, 363–368.
- ⁷² Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 217.
- ⁷³ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 390.
- ⁷⁴ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 122–123.
- ⁷⁵ Розенталь Р. Северо-Западная армия. С. 585–586.
- ⁷⁶ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 406–407.
- ⁷⁷ Там же. С. 412–413.
- ⁷⁸ Latvijas Valsts vēstures arhīvs (Латвийский государственный исторический архив, далее — LVVA). 3601. f. 2. ар. 117. l. 26. лр. (Протокол допроса А. П. Палена 8 июня 1920 г.).
- ⁷⁹ Дневники П. А. Богданова 1919–1932 гг. Тетрадь первая // Добровольческий корпус [Электронный ресурс]. URL: http://www.dk1868.ru/history/bogdanov_dn/Bogdanov_1.htm (дата обращения: 12.01.2019).
- ⁸⁰ LVVA. 3601. f. 2. ар. 117. l. 15, 26, 33, 34 лр. (Дело о незаконном пересечении границы 1 июня 1920 г.).
- ⁸¹ LVVA. 3235. f. 2. ар. 873. l. 11 лр. (Дело об обвинении графов И. К. и А. П. Паленов в участии в авантюре Бермонта).
- ⁸² Бойков В. Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллин, 2009. С. 289.
- ⁸³ LVVA. 3601. f. 1. ар. 901. l. 23.–24., 123.–127. лр. (Письма В. В. Сергеева).
- ⁸⁴ Ibid. 276. лр. (Письмо В. В. Сергеева Б. В. Савинкову)
- ⁸⁵ Ibid. 117. лр. (Черновик письма А. П. Палена).
- ⁸⁶ Архив Дома Русского зарубежья (далее — Архив ДРЗ). Ф. 129. Неразобранная часть фонда (Меморандум Е. К. Миллера 3 июля 1920 г.). Благодарю А. С. Кручинина за возможность ознакомиться с этим документом.
- ⁸⁷ LVVA. 3601. f. 1. ар. 901. l. 18–20., 265. лр. (Письмо Н. А. Монкевица В. В. Сергееву 20 июля 1920 г., письмо П. Н. Глазенапа В. В. Сергееву 13 августа 1920 г.).
- ⁸⁸ Алексеев Д. Ю. Б. В. Савинков и его деятельность по формированию русских войск в Польше в 1920 г. // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. 1999. № 1. С. 72.
- ⁸⁹ Там же. С. 73–74.
- ⁹⁰ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 8 (Соглашение между А. А. Дикгофом-Деренталем и А. П. Паленом от 28 июля 1920 г.).
- ⁹¹ LVVA. 3601. f. 1. ар. 901. l. 236. лр. (Черновик письма В. В. Сергеева Б. В. Савинкову 25 августа 1920 г.).
- ⁹² Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 8 и об. (Письмо Б. В. Савинкова Ю. Пилсудскому от 23 августа 1920 г.).
- ⁹³ LVVA. 3601. f. 1. ар. 901. l. 265. лр. (Письма П. Н. Глазенапа В. В. Сергееву 13 августа 1920 г.).
- ⁹⁴ Алексеев Д. Ю. Б. В. Савинков и его деятельность... С. 77–78.
- ⁹⁵ LVVA. 3601. f. 1. ар. 901. l. 236. лр. (Черновик письма В. В. Сергеева Б. В. Савинкову 25 августа 1920 г.).
- ⁹⁶ ГА РФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 191. Л. 21 (Письмо генерал-майора Б. С. Пермикина Б. В. Савинкову 9 октября 1920 г.).
- ⁹⁷ Алексеев Д. Ю. Б. В. Савинков и его деятельность... С. 77–78; Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 11 (Меморандум полковника Н. Н. Саламанова о судьбе группы Палена, 18 мая 1921 г.).
- ⁹⁸ Алексеев Д. Ю. Б. В. Савинков и его деятельность... С. 78–79.
- ⁹⁹ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 42 (Приказ по 3-й русской армии № 28 от 2 декабря 1920 г.).
- ¹⁰⁰ Там же. Ед. хр. 89. Л. 11 (Меморандум полковника Н. Н. Саламанова о судьбе группы Палена, 18 мая 1921 г.).

- ¹⁰¹ Алексеев Д. Ю. Русская военная эмиграция в Польше в начале 1920-х гг. и Б. В. Савинков // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IV Международной военно-исторической конференции. СПб., 2011. С. 10, 14–16.
- ¹⁰² Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. 1920–1922 гг. Кн. 2. М., 1998. С. 348–351.
- ¹⁰³ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 11 об., 12 (Меморандум полковника Н. Н. Саламанова о судьбе группы Палена, 18 мая 1921 г.).
- ¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 125. Л. 14–16 (Приказ начальника управления по делам интернированных Д. М. Одица № 9 от 4 февраля 1921 г.).
- ¹⁰⁵ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 77 (Приказ по интернированным войскам бывшей 3-й русской армии № 1 от 6 февраля 1921 г.).
- ¹⁰⁶ Там же. Ед. хр. 89. Л. 5, 11 (Письмо Б. В. Савинкова начальнику II отдела штаба военного министерства Польши подполковнику Б. Медзинскому 14 февраля 1921 г.; Меморандум полковника Н. Н. Саламанова о судьбе группы Палена, 18 мая 1921 г.); Русская военная эмиграция... С. 355–359, 368–369, 379.
- ¹⁰⁷ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 4 (Доверенность, выданная командующим армией ген.-лейт. А. П. Паленом Д. Ф. Андро 20 мая 1921 г.).
- ¹⁰⁸ Там же. Ед. хр. 100. Л. 1 – 3 об. (Письма А. П. Палена М. Я. Соболевскому 3 августа и 4 ноября 1921 г., приказание русским отрядам на территории Польши № 1 от 3 августа 1921 г.).
- ¹⁰⁹ Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 228.
- ¹¹⁰ Genealogisches Handbuch... S. 608.
- ¹¹¹ Козлянинов В. Ф. Юбилейная памятка конногвардейца. С. 77.
- ¹¹² LVVA. 3234. f. 33. uzs. sar. 30974. gl. vien. (Заграничный паспорт А. Палена).

References

ALEKSEEV D. Yu. *B. V. Savinkov i ego dejatel'nost' po formirovaniu russkikh vojsk v Pol'she v 1920 g.* [B. V. Savinkov and his activity on formation of Russian troops in Poland in 1920] // Vestnik molodykh uchenykh. Ser. Historical Sciences. 1999. N 1.

ALEKSEEV D. Yu. *Russkaja vojennaja emigratsija v Pol'she v nachale 1920-kh gg. i B. V. Savinkov* [Russian military emigration in Poland in the early 1920s and B. V. Savinkov] // Voennaja istorija Rossii XIX–XX vekov. Proceedings of the IV International conference on military history. St. Petersburg, 2011.

ALEKSEEV D. Yu. *Zapadnyj teatr boevykh dejstvij v kontekste Grazhdanskoj vojny v Rossii* [Western theater of military operations in the context of the Civil war in Russia] // Vojennaja istorija Rossii XIX–XX vekov. Proceedings of the VI International conference on military history. St. Petersburg, 2013.

БОЖКОВ В. *Kratkij biograficheskij slovar' ofitserov, chinovnikov i sluzhashchikh beloj Severo-Zapadnoj armii (1918–1920)* [Brief biographical dictionary of officers, officials and employees of the white North-Western army (1918–1920)]. Tallinn, 2009.

BROITMAN L. I., KRASNOVA E. I. *Bolshaja Morskaja ulitsa* [Bolshaya Morskaya street]. St. Petersburg, 1997.

CIGANOV J. *Latvijas neatkarības karš 1918.–1920.* [Latvian War of Independence, 1918–1920]. Rīga, 2013.

Dnevnik G. O. Raukha [Diary of G. O. Raukh] // Krasnyj arkhiv. 1926. Vol. 12.

GANIN A. V. *Ataman A. I. Dutov*. Moscow, 2006.

Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil Kurland [Genealogical Guide to the Baltic Nobility. Part: Courland]. Vol. 1. Görlitz, [1939].

GERSHELMAN A. S. *V riadakh dobrovol'cheskoj Severo-Zapadnoj armii. Vooruzhennaja bor'ba s III Internatsionalom. 1919 god* [In the ranks of the volunteer North-Western army. The armed struggle against the third International. 1919]. Moscow, 1997.

Gosudarstvennyj Sovet Rossijskoj imperii 1906–1917 [State Council of the Russian Empire]. Moscow, 2008.

- IVANOV N. N. *O sobytijakh pod Petrogradom v 1919 godu* [About events near Petrograd in 1919] // Arkhiv Grazhdanskoj vojny. Iss. 1. Berlin, 1922.
- KOZLJANINOV V. F. *Jubilejnaja pamjatka konnogvardejtsa* [Jubilee memo of the Horse Guards], 1730–1930. 1706–1931. Paris, 1931.
- KORNATOVSKIJ N. A. *Bor'ba za Krasnyj Petrograd* [Struggle for Red Petrograd]. Moscow, 2004.
- KUPRIN A. I. *Kupol Sv. Isaakija Dalmatskogo* [Dome of the St. Isaac of Dalmatia]. Moscow, 2005.
- MARGULIES M. S. *God interventsii* [Year of intervention]. Books 2 & 3. Berlin, 1923.
- Nemtsy Rossii* [Germans in Russia]. Encyclopedia. Vol. 3. Moscow, 2006.
- Pamjatka Nikolaevskogo kavalerijskogo uchilishcha* [Memo of the Nicholas cavalry school]. Munich, 1969.
- PILKIN V. K. *V beloju bor'bu na Severo-Zapade: Dnevnik 1918–1920* [In the White struggle in the North-West: Diary of 1918–1920]. Moscow, 2005.
- Polnyj spisok shefov, polkovykh komandirov i oficerov leib-gvardii Konnogo polka s 1731 po 1886 g.* [Full list of chiefs, regimental commanders and officers of the life guards Cavalry regiment from 1731 to 1886]. St. Petersburg, 1886.
- Revoljucija 1905–1907 v Latvii. Dokumenty i materialy* [Revolution of 1905–1907 in Latvia. Documents and materials]. Riga, 1956.
- RODZJANKO A. P. *Vospominanija o Severo-Zapadnoj armii* [Memories of the North-Western army]. Berlin, 1921.
- ROSENTHAL R. *Severo-Zapadnaja armija: Khronika pobed i porazhenij* [Northwestern army: Chronicles of victories and defeats]. Tallinn, 2012.
- SMOLIN A. V. *Beloje dvizhenije na Severo-Zapade Rossii* [White movement in the North-West of Russia]. 1918–1920. St. Petersburg, 1999.
- VRANGEL P. N. *Zapiski* [Notes] // *Beloje Delo*. Vol. V. Berlin, 1928.
- YANSON P. *Karatel'nyje ekspeditsii v Baltijskom regione* [Punitive expedition in the Baltic region]. Leningrad, 1926.

Список литературы

- Алексеев Д. Ю. Б. В. Савинков и его деятельность по формированию русских войск в Польше в 1920 г. // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. 1999. № 1.
- Алексеев Д. Ю. Русская военная эмиграция в Польше в начале 1920-х гг. и Б. В. Савинков // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IV Международной военно-исторической конференции. СПб., 2011.
- Алексеев Д. Ю. Западный театр боевых действий в контексте Гражданской войны в России // Военная история России XIX–XX веков. Материалы VI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2013.
- Бойков В. Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллин, 2009.
- Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская улица. СПб., 1997.
- Врангель П. Н. Записки // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. V. Берлин, 1928.
- Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006.
- Гершельман А. С. В рядах добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III Интернационалом. 1919 год. Ч. 1. М., 1997.
- Государственный совет Российской империи. 1906–1917. М., 2008.
- Дневник Г. О. Рауха // Красный архив. 1926. Т. 12.
- Иванов Н. Н. О событиях под Петроградом в 1919 году // Архив Гражданской войны. Вып. 1. Берлин, 1922.
- Козлянинов В. Ф. Юбилейная памятка конногвардейца. 1730–1930. 1706–1931. Париж, 1931.
- Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. М., 2004.
- Куприн А. И. Купол Св. Исаакия Далматского. М., 2005.
- Маргулиес М. С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2, 3.
- Немцы России. Энциклопедия. Т. 3 (П–Я). М., 2006.
- Памятка Николаевского кавалерийского училища. [Мюнхен], 1969.
- Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005.
- Полный список шефов, полковых командиров и офицеров лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 г. СПб., 1886.

- Революция 1905–1907 гг. в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1956.
 Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921.
 Розенталь Р. Северо-Западная армия: Хроника побед и поражений. Таллин, 2012.
 Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб., 1999.
 Янсон П. Карательные экспедиции в Прибалтийском крае (по материалам II Государственной Думы). Л., 1926.
 Čigānovs J. Latvijas neatkarības karš. 1918.–1920. Rīga, 2013.
 Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil Kurland. Bd. 1. Görlitz, [1939].

**Д. Ю. Алексеев. А. П. Пален и его попытка создания
антисоветского центра в Латвии (лето 1920 г.)**

В статье рассмотрен жизненный путь одного из генералов Гражданской войны, считающегося одной из ключевых фигур в белой борьбе на Северо-Западе России — графа Алексея Петровича фон дер Палена. Выявлены обстоятельства и установлены люди, влиявшие на принятие им важнейших решений. Высшей точкой карьеры Палена стала попытка играть самостоятельную политическую роль в Латвии летом 1920 г., однако в силу обстоятельств и свойств его характера она закончилась неудачно.

Ключевые слова: генерал граф А. П. Пален, лейб-гвардии Конный полк, Гражданская война в России, Прибалтика, Латвия, Северо-Западная армия, 3-я Русская армия.

**Denis Alekseev. A. P. Pahlen and his attempt to create
an anti-Soviet center in Latvia (summer 1920)**

The article deals with the lifepath of one of the generals of the Civil war, considered to be one of the key figures in the white struggle in the North-West of Russia — count Alexei Petrovich von der Palen. Circumstances and the people which influenced taking of the most important decisions are revealed. The highest point of Palen's career was an attempt to play an independent political role in Latvia in the summer of 1920, but due to the circumstances and properties of his character, it failed.

Key words: General Count A. P. Pahlen, Horse Guards, Civil war in Russia, Baltic States, Latvia, North-Western army, 3rd Russian army.

Алексеев, Денис Юрьевич — к.и.н., доцент Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Alekseev, Denis Yurievich — PhD. in History, Associate Professor of Department of History, Philosophy and Culturology, Higher School of Technology and Energetics, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design.

E-mail: alexeyev-denis@yandex.ru

И. В. Олимпиева

Особенности процесса обучения и воспитания в Императорском Училище правоведения

История Императорского Училища правоведения не столь продолжительна, как других учебных заведений, готовивших юристов. Оно просуществовало всего 80 лет. За это время училище окончили около 2580 правоведов. Среди них были и чиновники, достигшие высоких государственных постов, и скромные труженики судебного ведомства. Были и те, кто не связал свою жизнь с юриспруденцией, а прославил Россию на других поприщах. Но лучшие качества, которыми обладали воспитанники, были привиты им в училище.

Полный курс обучения в училище продолжался сначала шесть, а по Уставу 1838 г. увеличился до семи лет, и разделялся на подготовительный (гимназический) и окончательный (юридический). В научной литературе высказывалась мысль о том, что Училище правоведения не являлось высшим учебным заведением, поскольку его программа отличалась от университетского курса и количеством преподаваемых предметов, и часов, отведенных для их изучения¹. Однако это утверждение является спорным.

По мысли создателей и в соответствии с Уставом 1835 г., училище создавалось для «образования юношества на службу по части судебной» (§ 1). Следовательно, в соответствии с целью создания, помимо общих предметов в училище преподавались дисциплины, необходимые воспитанникам в их дальнейшей службе в судебном департаменте (§ 4). Поскольку в училище готовили юристов-практиков, то и программа должна была носить практическую направленность. Программа университетов не отвечала данным требованиям. При открытии высших классов попечитель и основатель училища

принц Петр Ольденбургский не нашел подходящей программы, и поручил составить «руководства для практического изучения российского законоведения» сенатору Межевого департамента Правительствующего сената тайному советнику П. И. Дегаю. Консультировал П. И. Дегаю по просьбе принца М. М. Сперанский².

Согласно Уставу 1835 г., в старших классах преподавали: энциклопедию правоведения, историю правоведения, римское законоведение, практическое судопроизводство (§ 28). По Уставу 1838 г. этот перечень был расширен. Параграф 14 нового Устава предусматривал преподавание таких юридических дисциплин, как государственное право, гражданское право, межевые законы, уголовное право, судебная медицина и местные или провинциальные законы, законы финансовые и полицейские с предварительным изложением политической экономии, сравнительное законоведение. Если провести сравнительный анализ с представленным в 1833 г. в Комитет устройства учебных заведений расписанием кафедр в университетах, то в училище преподавались все те же предметы, что и в университетах, за некоторым изъятием. Так, помимо вышеперечисленных, на юридико-политическом факультете С.-Петербургского университета преподавали всеобщую теорию права и методологию юридико-политических наук, а в Московском университете «Начала общенародного правоведения»³, т. е. теоретические предметы, изучение которых отвлекало бы воспитанников от освоения дисциплин, необходимых для их будущей профессиональной деятельности. Эта мысль была сформулирована одним из бывших воспитанников: «...в науке о мудрости нужды не чувствовалось. Ощущалась великая потребность в честных, развитых, неподкупных судебных деятелях, и Училище правоведения давало их щедрою, открытою рукою»⁴. Правда, другой воспитанник упрекал Училище в недостаточном юридическом образовании, указывая, что из его стен вышел только один правовед (К. П. Победоносцев), занимавший впоследствии университетскую кафедру⁵. В своем письме министру просвещения попечитель принц Александр Ольденбургский в 1899 г. упоминает еще о трех воспитанниках, успешно сдавших экзамены в испытательных комиссиях в университетах и связавших свою жизнь с научной деятельностью. Это профессор Варшавского университета В. В. Есипов, окончивший училище в 1888 г., его однокурсник доцент Ярославского Демидовского лицея В. А. Юшкевич и И. Д. Мордухай-Болтовский, блестяще сдавший экзамены в Санкт-Петербургском университете и получивший предложение готовиться к профессорской деятельности⁶. Однако следует учитывать, что училище не ставило своей целью готовить юристов-ученых. Его задача заключалась в подготовке кадров для судебной системы, в которых остро нуждалась Российская империя.

Есть еще одна особенность, отличавшая училище от университетов. В нем юриспруденцию начинали изучать в более раннем возрасте по сравнению с университетами. Первоначально в училище принимались юноши в возрасте от 12 до 17 лет, по Уставу 1838 г. верхняя граница возраста кандидатов была

снижена до 15 лет. И Совет училища, и многие правоведы считали, что незрелость воспитанников при изучении предметов юридического курса оказывала негативное влияние на усвоение ими учебного материала. Поэтому по инициативе совета в целях усиления юридического образования и для того, чтобы воспитанники, переходящие в специально-юридический курс, достигли 17 лет, возраста, ниже которого по Уставу университета был запрещен прием в студенты, Указом Правительствующего сената от 10 декабря 1864 г. были внесены изменения в § 24 Устава. Согласно им, в 7-й класс принимались лица не моложе 13 и не старше 15 лет.

Составляемые в училище программы преподаваемых дисциплин разрабатывались с учетом профессиональной направленности и с соблюдением связи между младшими и старшими курсами, чтобы программа представляла собой «правильное целое в постепенном развитии предмета»⁷.

Практическая направленность преподавания оказывала влияние и на подбор профессорско-преподавательского состава. Преподавателей-практиков особенно ценили, и чтобы заинтересовать, их стимулировали, в том числе и материально. Так, в 1876 г. на службу в училище приватным преподавателем уголовного судопроизводства поступил вице-директор департамента Министерства юстиции (бывший прокурор С.-Петербургского окружного суда) А. Ф. Кони, который не имел высшей ученой степени магистра и доктора и мог рассчитывать на денежное содержание, соответствующее доцентскому окладу, т. е. по 150 р. за годовой учебный час. Однако, принимая во внимание «общеизвестность, необыкновенную опытность и глубокие сведения по уголовному судопроизводству», А. Ф. Кони было назначено содержание экстраординарного профессора в размере 250 р. за годовой час⁸.

Для того чтобы обогатить знания воспитанников в области судопроизводства, в училище приглашались и профессора других учебных заведений. Так, в 1912 г. в нем в течение пяти дней читал лекции профессор Лозаннского университета Р. А. Рейсс о технических методах судебного расследования⁹.

И, по воспоминаниям воспитанников, теория шла рядом с практикой. Так, при преподавании межевых законов воспитанников знакомили с работой межевщиков и землемеров при проведении границ владения и деления земель на участки. При изучении судебной медицины воспитанники посещали морг Мариинской больницы, где наблюдали за процессом вскрытия трупа¹⁰.

Для практического преподавания из Министерства юстиции и архивов присутственных мест в училище поступали решенные дела (§ 150 Устава 1838 г.). Так, по просьбе попечителя и с разрешения министра юстиции в училище доставлялись дела из судов совестного, надворного, уездного, Правительствующего сената, оконченные производством 5 лет назад¹¹.

Много критики со стороны Министерства просвещения вызывал гимназический курс училища, изучаемый в 7-м, 6-м, 5-м и 4-м классах. Это было вызвано тем, что программа курса не совпадала с программой гимназий Ми-

нистерства просвещения. Прежде всего это касалось преподавания русского, латинского и греческого языков. Первые два языка читались в объеме меньшем, чем в гимназиях, а последний не изучался совсем. После введения Устава гимназий 1871 г. в Училище началось преподавание греческого языка, которое продолжалось до 1894 г., когда Совет училища пришел к выводу, что вместо двух мертвых языков следует больше внимания уделить изучению русского, французского и немецкого языков, а также истории¹². Отсутствие в программе латинского и греческого никак не отражалось на профессиональном образовании, но мешало желающим поступить в университеты, поскольку в соответствии с решением Министерства просвещения воспитанники допускались в университет только после сдачи при одной из гимназий экзамена по трем языкам — русскому, латинскому и греческому¹³.

Прием в училище в соответствии с Уставом 1835 г. (§ 19) осуществлялся с 1 мая по 1 июля. На каждый учебный год устанавливались «Правила приемного испытания», которые с течением времени менялись мало. Согласно этим правилам, в определенный день кандидаты, вызванные особыми извещениями, являлись в образовательное учреждение, сообщали о месте своего жительства и получали разрешение явиться на испытание.

Кандидат вместе с прошением о приеме представлял документы, подтверждающие его дворянское происхождение, свидетельство о крещении, свидетельство о состоянии здоровья и привитии оспы (§ 19 Устава 1835 г.). Дворянское происхождение принц П. Ольденбургский считал залогом честного отношения к последующей государственной службе. Маловероятно, что речь шла о материальной обеспеченности дворян, поскольку в училище принимали как своекоштных, так и казеннокоштных воспитанников. Для поступления на казеннокоштные вакансии необходимо было представить свидетельство о недостаточном состоянии. Например, отец будущего обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева подал прошение об определении своего сына в училище на казенное содержание, поскольку не имел никакого имущества, кроме трех крепостных и небольшого деревянного дома и получал пенсию 336 р. 24 к. в год¹⁴. Прошение о поступлении в училище будущего председателя Совета министров И. Л. Горемыкина подавал его дед, отставной капитан, который просил поместить внука Ивана на казенное содержание в связи с недостаточностью средств¹⁵. Имение, которым владели Горемыкины в Новгородской губернии, дохода не приносило. Доход получали лишь от продажи льна, около 500 р. в год¹⁶.

Как вспоминал воспитанник К. Арсеньев, будущий известный в России присяжный поверенный, отцы воспитанников в основном были помещики средней руки либо чиновники, «более или менее крупные по чину, но не по занимаемому месту»¹⁷.

В правовом статусе казеннокоштных и своекоштных воспитанников наблюдались некоторые отличия. Во-первых, казеннокоштные воспитанники

не могли до окончания курса оставить училище, во-вторых, они обязаны были отслужить по Министерству юстиции 6 лет, а своекоштные, по Уставу 1835 г. — 6 лет, по Уставу 1838 г. — 4 года, а потом эта обязанность для своекоштных воспитанников и вовсе была отменена.

Экзамен проводился в присутствии директора, инспектора классов, одного члена совета и секретаря совета, и двух преподавателей по соответствующему предмету. На экзамене мог присутствовать родитель или другой родственник. Экзамен проводился письменно. Получив билет, громко озвучив содержащиеся в нем вопросы, кандидат записывал их в тетрадь. Под каждым ответом испытуемый подписывал свою фамилию. Ошибки, сделанные кандидатом, подчеркивались красными чернилами. Оценки выставлялись комиссионно всеми присутствующими на экзамене. После окончания приемного экзамена тетрадь экзаменуемого могла быть показана родителям¹⁸.

Правда, из любого правила существовали исключения. По воспоминаниям воспитанника В. В. Стасова, отец которого перестраивал здание училища, для него экзамен был устроен дома у директора в присутствии членов Совета. По сути, экзамен был чистой формальностью¹⁹.

Для «облегчения родителей в приготовлении детей» для поступления в училище в 1847 г. открыт приготовительный класс, который располагался недалеко от Фонтанки на Сергиевской ул., 12. В приготовительный класс ежегодно принимали до 40 детей российских дворян, внесенных в 6-ю часть родословной книги, а также сыновей военных чинов не ниже полковника или гражданских не ниже 5-го класса или статского советника в возрасте от 8 до 12 лет с платой 450 р. серебром в год для всех. Содержание пансионеров за счет казны не предусматривалось. В приготовительном классе преподавали: закон Божий, языки русский и славянский, латинский, французский, немецкий, всеобщую историю и географию, а также чистописание, рисование, танцы, музыку и гимнастику. Срок обучения длился один год. Экзамены проводились так же, как и в Училище, — в присутствии директора, инспектора классов и преподавателей.

В училище была установлена 12-балльная система оценки знаний. В соответствии с «Инструкцией о способе оценки успехов» существовало 7 степеней оценки успеха. Первая степень — отлично хороший успех — 12 баллов, вторая степень — весьма хороший успех — 11 и 10 баллов, третья — хороший успех — 9 и 8 баллов, четвертая степень — успех удовлетворительный — 7 баллов, пятая степень — посредственный успех — 4 и 3 балла. Седьмая — весьма худой успех — 2 и 1 балл²⁰.

По Уставу 1835 г. каждые полгода воспитанники проходили частичные экзамены в присутствии попечителя и директора, а по окончании учебного года — публичные испытания (§ 31). Видимо, нагрузка на попечителя и директора была значительной, поскольку из Устава 1838 г. это положение было изъято. Так, например, по окончании 4-го класса воспитанники сдавали 14 предметов: закон Божий, русский язык, латинский, язык, немецкий, французский, исто-

рию, статистику, геометрию, алгебру, логику, пропедевтику, римское право, физику, естественную историю. По результатам сдачи экзаменов выставляли средний балл. Например, в 1836 г. минимальный балл составил 9, максимальный 11. В 6-м классе результаты были несколько хуже. Сдавали 9 экзаменов. Средний балл колеблется от 11 до 5. Для перевода в старший класс необходимо было набрать 7 баллов. Устав 1835 г. не определял, что происходит с воспитанниками, набравшими меньшее количество баллов. Можно предположить, что их оставляли на второй год, поскольку § 34 Устава 1835 г., содержал указание, что воспитанник после двухлетнего пребывания в одном классе, если не сдаст экзамены, исключается из училища. В отличие от прежнего, Устав 1838 г. уже содержал положение, в соответствии с которым воспитанники, не выдержавшие экзамена, в следующий класс не переводились, а оставались для прослушивания повторного курса (§ 23).

Отсутствие контроля со стороны руководства Училища за проведением экзаменов иногда создавало почву для злоупотреблений со стороны преподавателей. Отмечались случаи, когда воспитанники отвечали на «помеченные» билеты, или оценки явно завышались (всему классу выставлялись высшие 11–12 баллов).

Кроме обязательных экзаменов по Уставу 1835 г. (§ 33) директор и попечитель могли проводить частичные испытания по собственной инициативе. В начале существования училища аттестация воспитанников происходила ежемесячно. В 1839 г. инспектор классов указывал преподавателям на необходимость как можно чаще проводить «репетиции» и выставлять за них оценки в классные журналы²¹. Но со временем Совет училища пришел к выводу, что эти аттестации бесполезны, поскольку не дают представления о знании воспитанниками предмета в целом. И было принято решение оставить только полу-годовые и годовые экзамены²².

Помимо оценки за успеваемость выставлялась также оценка и за поведение. К воспитанникам училища предъявлялись повышенные требования относительно их поведения не только в стенах учебного заведения, но и за ними. В выходные и праздничные дни воспитанник увольнялся из училища под надзор родственников, проживающих в Санкт-Петербурге. Самостоятельно разрешалось передвигаться по городу воспитанникам только первых трех классов, а также воспитанникам 4-го и 5-го класса, которым было оказано особое доверие. Увольняемым выдавался так называемый белый билет, который воспитанник всегда должен был иметь при себе «между 2 и 3 пуговицами и так, чтоб был виден (на один палец снаружи)»²³. В нем содержалась информация о времени отпуска воспитанника²⁴. Правилами были определены места, которые запрещалось посещать даже с родственниками — кондитерские, трактиры, пассаж. В театре и цирке воспитанники могли находиться только в ложе, причем им запрещалось хлопать и вызывать играющих, необходимо было также воздерживаться от громких разговоров. Особые требования предъявлялись к поведению

воспитанников во время публичных гуляний, в частности им необходимо было «избегать шумных разговоров, <...> вести себя с осторожностью»²⁵.

Училище заботилось не только о моральном облике воспитанников, но и об их состоянии здоровья. Согласно «Правилам, которыми должны руководствоваться воспитанники Училища во время каникул», им предписывалось купаться только в безопасных местах, в присутствии провожатого, до принятия пищи или не ранее чем через 3 часа после ее приема, при этом тело не должно было находиться в испарине²⁶.

По окончании курса наук воспитанники устаивались чинов 9-го, 10-го и 12-го класса. Интересно, что при определении общей оценки учитывался: а) средний балл за последние три года по всем учебным дисциплинам; б) оценка за поведение за два последних года; в) результат последнего выпускного экзамена.

Как видно из изложенного, в училище были созданы все условия для подготовки квалифицированных кадров для судебной системы. Практическая направленность обучения способствовала реализации цели, ради которой оно создавалось. Училище правоведения было специальным учебным заведением, где не только учили, но и воспитывали. Поведение воспитанников подробно регламентировалось как в урочное, так и в каникулярное время. К получению положительной оценки за поведение стремились все воспитанники, так как в том числе и от нее зависело получение классного чина после окончания училища. Закрытость учебного заведения должна была оградить молодые неокрепшие души от внешнего влияния. Семилетний процесс обучения должен был способствовать воспитанию служащего, преданного своему делу, честного и некорыстолюбивого.

Как в любом механизме, в образовательном процессе существовали сбои. Тем не менее возможные ошибки со стороны руководства и профессорско-преподавательского состава не помешали училищу подготовить значительное количество кадров для судебной системы, многие из которых составили славу российской юриспруденции и много сделали для осуществления так необходимой в Российской империи судебной реформы.

Кроме того, заслуга училища состоит и в том, что оно не мешало воспитанникам развивать свои таланты. Композитор П. И. Чайковский, литераторы И. С. Аксаков, А. М. Жемчужников, В. В. Стасов, А. Н. Апухтин, ученые Д. А. Ровинский и В. О. Ковалевский — все они воспитанники Училища правоведения.

¹ Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Авториз. пер. [с англ.] М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севастьянова. М.: НЛО, 2004. С. 115.

² ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 2144. Л. 2.

³ Расписание кафедр в университетах. Комитет устройства учебных заведений // РГИА. Ф. 737 (Комитет устройства учебных заведений). Оп. 1. Д. 158. Л. 2, 10.

- ⁴ Полвека назад. Первые годы училища правоведения в С.-Петербурге. Издал один из 1407 кончивших в оном курс, выпуска 1845 г. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1892. С. 29.
- ⁵ *Арсеньев К.* Воспоминания об училище правоведения // Русская старина. 1886. № 4. С. 216.
- ⁶ Императорское училище правоведения. Дело Совета. О приеме воспитанников в Университет // ЦГИА СПб. Ф. 355 (Императорское училище правоведения). Д. 4497. Л. 2.
- ⁷ Императорское училище правоведения. Дело по части директора. Приказы преподавателям 1839 и 1840 годов // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4155. Л. 10.
- ⁸ Императорское училище правоведения. Дело Совета. Об определении частного преподавателя уголовного судопроизводства г-на Кони // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4399. Л. 5.
- ⁹ Императорское училище правоведения. Приказы по училищу (1912) // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4523. Л. 5.
- ¹⁰ Полвека назад. С. 36–37.
- ¹¹ Императорское училище правоведения. Дело Совета. О доставлении от Министра юстиции из архивов разных присутственных мест решенных дел для преподавания воспитанникам практического производства // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4150. Л. 4, 6, 10, 29. ЦГИА СПб. Ф. 355. Д. 4497. Л. 7.
- ¹² Там же. Л. 8.
- ¹³ Императорское училище правоведения. Дело Совета. Об определении сына статского советника, Победоносцева Константина. 1841–1916 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 2411. Л. 1.
- ¹⁴ Императорское училище правоведения. Дело Совета. Об определении сына коллежского советника Горемыкина Ивана // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 853. Л. 1.
- ¹⁵ Формулярный список о службе тов. министра юстиции и бывш. обер-прокурора 2-го департамента Сената и «сведения о личном, семейном и имущественном положении Горемыкина И. Л. (на 1890 г.)» // РГИА. Ф. 1626 (И. Л. Горемыкин). Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
- ¹⁶ *Арсеньев К. К.* Воспоминания об училище правоведения. С. 220.
- ¹⁷ Записка Павла Степановича Федорова о баллах воспитанников Училища правоведения, правила приема, инструкция воспитателям, различные бланки (рапорта, ведомости и т.п.) училища. 1840 г. // РГИА. Ф. 1074 (П. С. Федоров). Оп. 1. Д. 15. Л. 18.
- ¹⁸ *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад 1836–1842 гг. // Русская старина. 1880. № 12. С. 1017.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 15. Л. 49–50.
- ²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4155. Л. 1.
- ²¹ Императорское училище правоведения. Дело Совета. По отношению Александровского лицея о доставлении сведений о правилах, коим руководствуется училище при выпуске воспитанников // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4310. Л. 3.
- ²² РГИА. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 15. Л. 22.
- ²³ Там же. Л. 23.
- ²⁴ Там же. Л. 20.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.

References

ARSEN'EV K. Vospominaniya ob uchilishhe pravovedeniya [Memories of school of jurisprudence. In Russ.] // Russkaya starina. 1886. N 4.

Polveka nazad. Pervy'e gody uchilishha pravovedeniya v S.-Peterburge. Izdal odin iz 1407 konchivshix v onom kurs, vy'puska 1845 g. [Half a century back. The first years of school of jurisprudence in St.-Petersburg. In Russ.] St Petersburg: Tip. E. Evdokimova, 1892.

STASOV V. V. Uchilishhe pravovedeniya sorok let tomu nazad 1836–1842 gg. [School of jurisprudence forty years ago, 1836–1842. In Russ.] // Russkaya starina. 1880. N 12.

UORTMAN R. S. Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoj Rossii [Development of legal consciousness in imperial Russia. In Russ.] / Avtoriz. per. [s angl.] M. D. Dolbilova pri uchastii F. L. Sevast'yanova. M.: NLO, 2004.

Список литературы

Арсеньев К. Воспоминания об училище правоведения // Русская старина. 1886. № 4.

Полвека назад. Первые годы училища правоведения в С.-Петербурге. Издал один из 1407 кончивших в оном курс, выпуска 1845 г. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1892.

Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад 1836–1842 гг. // Русская старина. 1880. № 12.

Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Авториз. пер. [с англ.] М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севастьянова. М.: НЛО, 2004.

И. В. Олимпиева. Особенности процесса обучения и воспитания в Императорском Училище правоведения

Статья посвящена деятельности Императорского Училища правоведения. Процесс обучения и воспитания в училище имел свои особенности. Учебная программа отличалась от университетской, имела профессиональную направленность и служила цели подготовки квалифицированных кадров для судебной системы. Теоретические занятия сочетались с практическими. Для проведения практических занятий из Министерства юстиции, архивов присутственных мест в Училище поступали решенные дела. Большое внимание уделялось воспитанию будущих юристов. Закрытость учебного заведения создавала условия для сосредоточения воспитанников на учебе.

Ключевые слова: подготовка кадров, судебная система, Императорское Училище правоведения, Устав, закрытое учебное заведение, воспитанники, преподаватели.

I. V. Olympieva. The features of the process of training and education in the Imperial school of jurisprudence

The article is devoted to the activities of the Royal law school. The process of training and education at the school had its own peculiarities. The curriculum was different from university, had a professional focus and has served the purpose of training qualified personnel for the judicial system. Theoretical classes combined with practical. For practical training from the Ministry of justice, archives of government offices in College have been recieved solved cases. The management of the school also paid attention to the education of young people. They sought to raise the moral public servants who faithfully serve to the state. This was facilitated by the closeness of the institution, creating conditions for concentration of students on studies.

Key words: training personnel for the court system, legal education, the Royal law school, Regulations, boarding school, students, lecturers.

Олимпиева, Ирина Владимировна — старший преподаватель кафедры «Транспортное право», Государственный университет гражданской авиации.

Olympieva, Irina Vladimirovna — Tutor of Transport law department, State University of Civil Aviation.

E-mail: wubornova@yandex.ru

В. А. Иванов

Рецензия на книгу:
*Филиппов Э. М., Филиппов М. Э. На страже
государственной границы. История, подвиги:*
В 2 т. СПб.: Пальмира, 2018

В аннотации к рецензируемой книге пытливый читатель сразу заметит, что ее издатель назвал написанное авторами произведение лишь «литературным трудом». Между тем опубликованным оказалось крупное научное исследование не только и не столько пограничного строительства в российском государстве во второй половине XIX — XX в., сколько всего комплекса общенациональных, общегосударственных проблем, заметно повлиявших на эволюцию института пограничной службы в России.

Авторы по существу весьма скрупулезно реконструировали события, процессы, отношения, а также господствующие в различные периоды исследуемого столетия ценностные установки и действующие институты, раскрывая их историческое содержание и давая оценку этим явлениям с позиций современных подходов и знаний. Забегая вперед, скажем, что работе присущи объективизм, научная добросовестность и критический анализ всего того, что было связано с обеспечением пограничной безопасности российского государства.

И еще одно предварительное суждение. Оно касается как бы самого жанра научного сочинения, в котором строгая логика исторического познания (как совокупности специфического логического языка, стиля, служебных понятий

и категорий) всех хронологически выделенных этапов соседствует и допускает присутствие как бы самой «живой ткани» исторического процесса — человека, личности, коллектива в конкретном пограничном пространстве. Следует заметить также, что авторам удалось добиться такой композиционной филигранности в соединении одного с другим, которая позволила, как думается, ярче и правдивее выделить истоки и смысл подлинного служения Отечеству, повседневного ратного труда, героизма и подвига российских (советских) пограничников.

В руках петербургских историков оказались ценные архивные документы, воспоминания ветеранов органов государственной безопасности и пограничной службы, публикации и заметки, позволившие им наиболее полно реконструировать важнейшие этапы становления, реформирования и развития пограничного ведомства страны с конца XIX и до начала 90-х гг. XX в. Опираясь на столь фундаментальную исследовательскую базу, авторы сумели по-новому осмыслить следующие ключевые проблемы: пограничная политика государства; пограничная стража и войска в структуре государственной, национальной безопасности страны; организационные, правовые, кадровые и материально-технические основы деятельности института пограничной службы государства в императорский и советский период российской истории; участие пограничных войск в вооруженных конфликтах и войнах и др.

Заметим, что «союз» авторов данной работы был заключен весьма удачно. Эдуард Михайлович — известный историк отечественных погранвойск и их деятельности на Северо-Западе России, автор ряда крупных работ по военной истории и пограничной политике Российского государства, прошедший многотрудный путь офицерской службы до генерала в пограничных войсках и оперативно-чекистских подразделениях, один из первых в истории страны создавший кадетский корпус ФСБ России, доктор наук, профессор, член Союза писателей России. Его соавтором стал молодой ученый Михаил Эдуардович Филиппов, экономическое мышление которого заметно отразилось на содержании двухтомного научного сочинения.

Как это довольно часто бывает, исторические очерки, особенно «госучрежденческого» плана, страдают отсутствием необходимого в таких случаях описания влияния и связей с самыми различными сферами общества: социально-политической, духовной, экономической и др. В нашем случае мы наблюдаем стремление авторов отказаться от использования своеобразной модели или формата сегментации исследуемого явления, при которых причинно-следственные аспекты объясняются, как правило, его предметной сущностью, а не многообразием общественных отношений.

Первый том книги открывается главой, посвященной отдельному корпусу пограничной стражи и становлению советских пограничных войск. Хронологически этот период охватил более чем полувековой отрезок времени и по сути принципиально различные общественно-политические системы. Кстати, акцентируя внимание читателей на этом «формационном» моменте, авторы под-

черкнули значение военно-политической обстановки в стране, сложившейся к октябрю 1917 г. и напрямую коснувшейся политического аспекта в охране государственных границ российской республики (с. 27).

В этом разделе первого тома, как мне представляется, авторы умышленно отказались от экспонирования той части истории российской пограничной службы, своими корнями уходящей еще во времена Московского царства в XIV–XV вв., а также в годы (1574, 1753, 1782, 1827 и др.), когда государственная система защиты границ не только приобрела статус государственной службы, но и активно включилась последовательно через Разрядный приказ, Военную коллегия и Коммерц-коллегия, генерал-губернаторство и Департамент таможенных сборов в решение острейших финансово-экономических проблем страны. Эти вопросы были довольно подробно освещены в работах В. И. Боярского, А. М. Плеханова, В. П. Скрыгина и др.¹

Наши исследователи пошли дальше. Они предлагают читателю обратить внимание на отдельные аспекты внутриправительственных разногласий, касающихся реорганизации пограничной стражи Российской империи в конце XIX в. (Л. Ф. Тухолка, Д. К. Ган и др.) (с. 15). Упоминают авторы и о позиции тогдашнего министра финансов С. Ю. Витте по данному вопросу. Он поддержал проект выведения с 1893 г. пограничной стражи из ведения Департамента таможенных сборов и формирования Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) с военным устройством, полная реорганизация которого завершилась лишь в 1899 г. Шефом пограничной стражи стал сам С. Ю. Витте. Хотя, по мнению большинства историков, реформаторская политика правительства в этот период оказалась практически свернутой, министр финансов через эту частичную реформу лишний раз прорекламирал свою экономическую политику «как универсальное средство для укрепления экономического могущества самодержавия»².

Этими преобразованиями император и правительство отчасти пытались нанести ощутимый удар по чиновникам-коррупционерам из Департамента таможенных сборов³. Они, кстати, мало чем отличались от тех чиновников первой трети XIX в., о которых писал в одном из своих обзоров императору Николаю I А. Х. Бенкендорф. «Это сословие, — подмечал он, — пожалуй является наиболее развращенным морально. Среди них редко встречаются порядочные люди. Хищения, подлоги, превратное толкование законов — вот их ремесло»⁴. С другой стороны, требовалось незамедлительное военно-техническое и оргштатное усиление погранстражи в связи с резким ростом нарушений границы и контрабандных операций. О том, как осуществлялась приоритетная деятельность ОКПС вплоть до событий 1917 г. на границах империи, в том числе и на Северо-Западе страны, авторы убедительно рассказали в последующем материале главы (с. 16–27).

Хотя авторы делают вывод, «что в переходный период (1920-е гг. — В. И.) о глобальной перестройке и совершенствовании охраны границы говорить не приходится» (с. 41), вся вторая часть главы их книги как раз и посвящена

этой «глобальной перестройке»: организации ГУПО при НКФ РСФСР (март 1918 г.); созданию погранохраны; сосредоточению охраны границы в ведении ГПУ; формированию пограничных округов и погранотрядов, в том числе Петроградского округа и др. Причем многое, что происходило еще в 1918 г. применительно к сухопутной и морской границам, например с Финляндией, по мнению историков А. И. Рупасова и А. Н. Чистикова, отличалось невероятной сложностью и противоречивостью⁵, но многое всё же удалось сделать.

Мне думается, что Э. М. и М. Э. Филипповы напрасно «вывели» из исследуемого пространства ту часть проблем, которые испытали на себе в 1920-х — 1930-х гг. пограничные районы Советского Союза и вовлеченные в их разрешение директивными органами страны пограничные и внутренние войска, органы госбезопасности и внутренних дел. Особенно рельефно они проявились на Северо-Западе РСФСР.

Так, в начале октября 1929 г. на заседании Совета СНК РСФСР было принято постановление № 106-р о переселении социально-опасного населения (так сказано в документе) из пограничных районов РСФСР. Помимо партийно-советских структур и актива пограничных районов к оперативному обеспечению операций директивно подключали органы ОГПУ и погранвойска. Всего по Ленинградской области в 1929–1930 гг. планировалось выселить почти 10,5 тыс. чел.⁶

Усилилась «очистительная» нагрузка на пограничные структуры и в последующие годы. Значительный отрыв от несения погранслужбы произошел в связи с привлечением их к проведению особых мероприятий в режимных городах области (Колпино, Сестрорецк, Гдов, Шлиссельбург)⁷ и городах особого списка (Ленинград, Петрозаводск, Новгород и др.)⁸. В 1935 г. на основании Циркуляра ГУРКМ НКВД СССР № 70 от 25 апреля «Об очистке 22-километровой погранполосы от кулацкого и антисоветского элемента» из пограничной полосы было выселено более 22 тыс. чел. Высылка же осуществлялась пограничными отрядами⁹. Возражения пограничного руководства и разного рода обоснования ими служебной занятости войск партийно-советскими органами в центре и на местах не принимались и всячески пресекались.

Вторая и третья главы первого тома освещают большой комплекс вопросов, касающихся истории Ленинградского пограничного округа в 1939–1940 гг., в том числе и участия погранвойск округа в советско-финляндской войне. Об этом уже было немало подготовлено соответствующих публикаций в 1990-е–2000-е гг. в отечественной и зарубежной историографии. В них нередко, кстати, цитировались отдельные положения из более ранней монографии самого Э. М. Филиппова (СПб., 2000)¹⁰. Сравнивая эти и другие издания с настоящей работой, подчеркнем ее более критический характер. В ней авторы не обошли своим вниманием практически ни одной острой проблемы, связанной как с общей военно-политической обстановкой на границе Северо-Запада РСФСР, так и с деятельностью пограничных войск Ленинградского пограничного округа.

Здесь оказалось больше обобщений, чаще, чем прежде, вводились в оборот современные оценки реконструируемых событий, пограничные мероприятия рассматривались в тесной связи с международной, внутривойсковой и военной обстановкой (с. 44–59) и т.д. Высказали авторы и свою точку зрения на так называемый «майниловский инцидент» (26.11.1936), ставший одним из сигналов к «зимней войне» (с. 69–75). Целостно представлен материал и о боевой, разведывательной работе погранвойск округа с раскрытием отдельных ранее малоизвестных эпизодов, тактических приемов, накопленного опыта тактико-специальных мероприятий (с. 91–101).

Отдельный подраздел третьей главы специально выделен под анализ потерь Красной армии за 105 дней этой войны (с. 101–107), хотя, как представляется, лучше бы специалисты развернули научную дискуссию и о потерях пограничных войск как самого Ленинградского округа, так и других округов, подразделения которых были откомандированы на Северо-Западный фронт.

В этом контексте интересны финские пропагандистские листовки этого периода, адресованные солдатам Красной армии и гражданскому населению, часть из которых была опубликована историками А. И. Рупасовым и С. К. Берневым в сборнике документов НКВД (СПб., 2010)¹¹. В одной из них приводилась цифра советских потерь на финском фронте за два месяца — 200 тыс. чел.¹² Сегодня эта цифра уже не так шокирует, а лишь требует некоторых дополнительных комментариев. С другой стороны, не очень убедительным был призыв одной из советских листовок к солдатам Финляндии, которая завершалась словами о том, что «война против могучей Красной армии — дело бесполезное и безнадежное»¹³, особенно в период, когда РККА явно уступала противнику.

Из работы Э. М. и М. Э. Филипповых, а также других материалов восстанавливается истинная картина противостояния СССР и Финляндии, особенно во второй половине 1930-х гг. А. И. Рупасов и С. К. Бернев публикуют один весьма красноречивый документ ИНО УНКВД ЛО (1936 г.) о деятельности иностранных разведок против СССР через Финляндию¹⁴. Российские исследователи С. Г. Веригин и Э. П. Лайдинен, ссылаясь на финских историков, приводят данные о том, что финским разведорганам в 1938 г. была довольно хорошо известна структура, дислокация и численность практически всех погранотрядов и их подразделений на Карельском направлении¹⁵.

Завершают первый том книги четвертая и пятая главы, в которых авторы проследили специфику и особенности военно-политической обстановки и охраны границы накануне и в начальный период войны, преимущественно на западном и северо-западном направлениях (с. 110–132). Развернутую характеристику получила и деятельность военной и пограничной разведок (с. 133–146) и др.

Эти аспекты по своей природе не всегда были «пограничными» и заявить сходу, что они уже получили свое развернутое изложение, было бы явной наивностью. Известно, например, какие оценки у историков получали в разное время работы о так называемой «правде» о Великой Отечественной войне

и предвоенном периоде и др. Не уклонились от постановки и обсуждения этих проблем и наши исследователи, привнеся в них элементы научной новизны и дискуссионности, отказавшись при этом от упрощенного их толкования. В работе, в частности, упоминается о совместной деятельности Разведуправления ГШ РККА и ГУПВ НКВД СССР в преддверии войны (1940–1941 гг.) по определению предполагаемых главных ударов вермахта против СССР (с. 146). Подчеркнем еще раз, авторы книги в своих оценках опирались преимущественно на архивные источники, стремясь избегать исторической сенсационности, одновременно отказываясь от еще бытующих в этой области «истин», которые, в сущности, уже безжалостно обесценены временем.

С большим интересом читается подраздел, названный авторами «Жизненный предвоенный пульс советской страны» (с. 147–161), в котором делается попытка погрузить читателя в «наэлектризованную» атмосферу надвигающейся войны. Что касается погранвойск, то их штабы в эти дни были буквально завалены приказами, директивами, циркулярами и распоряжениями, часто противоречащими друг другу. Казалось бы, такие общие установки постановления СНК СССР № 1350-546сс от 15 мая 1941 г., обнародовавшего перечень запретных пунктов и местностей СССР, буквально вырвали из непосредственных дел по укреплению обороны границы немало руководящих сотрудников погранслужбы¹⁶.

Том второй рецензируемой книги явился логическим продолжением исторического исследования института пограничной службы в годы Великой Отечественной войны и последующих трех десятилетий (1941–1980 гг.) Хотя том представлен всего лишь двумя «пограничными» главами (третья глава посвящена маршалу Советского Союза Г. К. Жукову), его содержание вызывает повышенный интерес исследователей.

Дело в том, что в начале 1990-х гг. в среде политиканов было немало тех, кто убеждал руководство страны в необходимости ликвидации института пограничной службы, его органов и вооруженных структур. Причины приводились самые разные: от извечных — не хватает ресурсов (людских и материально-финансовых) и до конспирологических — дескать, это «войска органов» и они могут стать орудием в руках оппозиции... и т. п. Поэтому на обыденном и часто неискушенном уровне сознания возникали вопросы, ответы на которые нашли авторы данной книги. И лишь когда международные террористы с их стратегией и тактикой проявились в 1990-е и в России, вновь вернулись к обсуждению на государственном уровне вопросов укрепления пограничной службы в стране¹⁷.

В главе о боевых действиях Красной армии и пограничных войск в 1941–1945 гг. впервые в отечественной историографии обстоятельно реконструируются наиболее значимые эпизоды их боевой деятельности, особенно там, где наблюдались как непосредственное взаимодействие и взаимоподдержка, так и совместное участие в боях и сражениях (с. 20–99). Хотя авторы преимущественно анализируют боевые действия частей и соединений РККА и погран-

войск на северо-западном направлении, общие тенденции боевой работы показаны в книге наиболее рельефно.

Пограничные войска представлены в этой части исследования как целостный, системно организованный и боеспособный военный организм. Причем отдельные его части и подразделения, помимо боевых задач, в отличие от строевых формирований РККА, могли выполнять задачи как по охране тыла действующей армии и борьбе с десантами противника, так и проводить специальные операции в тылу неприятеля совместно с ДРГ, партизанскими отрядами и истребительными группами. Глава изобилует подобными примерами с описаниями подвигов и героизма бойцов и командиров пограничных и внутренних войск.

В книге найдется немало исторических материалов, проливающих свет на особенности как военного, так и собственно пограничного строительства органов управления и погранвойск в военное время, положительный опыт и «узкие места» в организации боевой, служебной и воспитательной работе в войсках и многое другое.

Анализируют авторы и участие пограничных и внутренних войск, а также подразделений Особых отделов, главным образом Ленинградского фронта в заградслужбе. Опираясь на архивные материалы, они показывают объективную картину этой деятельности без умолчания и спекуляций (с. 49–51). Кстати, касаясь общих данных по линии заградслужбы Ленфронта за 1941–1945 гг., а ею было задержано свыше 203 тыс. дезертиров¹⁸, следует отметить, что на сегодняшний день еще пока нет полных и проверенных данных о результатах этой работы заградслужб погранвойск на всех фронтах в 1941–1945 гг.

История пограничной службы России может быть неполной, если не подвергнуть научному исследованию все доступные для современного анализа материалы о деятельности не только войск и органов их управления, но и самой пограничной политики государства. Такую попытку применительно к периоду 1944–1980 гг. осуществили авторы книги во второй главе последнего тома (с. 103–139). Заметим сразу без преувеличения, что даже на региональных материалах это бывает довольно сложно осуществить. Причин, как всегда, более чем достаточно. Это и закрытость части ключевых документов и статистики, недоступность ряда материалов территориальных органов власти и управления бывших союзных республик, и многое другое.

Реконструируя процесс восстановления границы с Финляндией и ее охраны в 1944–1945 гг., Э. М. и М. Э. Филипповы подробно анализируют внешнеполитические и внутривнутриполитические аспекты, заметно влиявшие на его содержание и направленность (с. 103–115). Внимание исследователей было обращено и на чисто «пограничные вопросы»: дислокацию северо-западных пограничных округов; структуру погранвойск Ленокруга; организационные, кадровые и служебные моменты и др. (с. 116–127).

Из материалов книги видно также, какой значительный объем работы на вновь закрепленных пограничных территориях Северо-Запада РСФСР

проделали штабы и политорганы погранчастей, командиры и личный состав застав и комендатур. Уместно заметить, что к сбору и подготовке материалов к составлению в 1949 г. (по заданию СМ СССР) «Политико-экономической характеристики районов Карельского перешейка» помимо местных советских и партийных органов были привлечены и штабы погранотрядов в Карелии¹⁹. Это стало возможным потому, что первая попытка ее составления в 1946 г. была провалена по причине полнейшей управленческой неорганизованности в этих районах, отсутствия на местах надлежащего учета и др.

Нашел свое научное отражение в книге и блок проблем послевоенной, вплоть до 1980 г., реорганизации и совершенствования пограничной системы на Северо-Западе СССР, когда, по мысли авторов, полностью изменилась не только сама северо-западная граница, но и характер ее охраны и протяженность (с. 128). О советских людях и советской границе и их личном вкладе в обеспечение пограничной безопасности повествуется в одном из разделов этой главы (с. 128–139). Ушли в прошлое оперативные переброски больших контингентов погранвойск на новые пограничные территории, о которых писал в своем тайном дневнике первый председатель КГБ СССР И. А. Серов, имея в виду «сентябрьские мероприятия» 1939 г. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии²⁰. На новом качественном уровне к 1980-м гг. выстроились взаимоотношения и взаимодействие пограничников и местного населения, а также пограничных служб сопредельных стран.

Авторы отмечают, что в 1980-е гг. в составе Северо-Западного пограничного округа насчитывалось 10 погранотрядов, 2 бригады сторожевых кораблей, ОКПП «Ленинград» и ОКПП «Выборг», Отдельный батальон связи и несколько других подразделений. Округ по праву считался одним из лучших объединений в пограничной системе страны. Э. М. и М. Э. Филипповы показывают в этой главе, какой комплекс задач и каким образом разрешали в эти годы командиры, штабы и политорганы, обеспечивая надежную защиту государственной границы (с. 136–139).

Особую ценность представляют опубликованные авторами в первом и втором томах книги справочные материалы из различных архивов страны (РГИА, ЦГВА РФ, ЦА ФПС РФ, ЦАМО РФ, АФСБ РФ и др.), сборников документов и других научных изданий, объединенных рубрикой «Заинтересованному читателю». Эти материалы помогают глубже вникнуть в существо исследуемой проблемы, понять ее масштаб, сделать объективные, неискаженные оценки и выводы (т. 1, с. 176–213; т. 2, с. 168–211).

В завершение нашего анализа подчеркнем глубоко патриотический смысл рецензируемого издания. Книгу написали ученые, которые гордятся историей своей Родины, безразличны к ее судьбе, к ее вооруженным силам и пограничной службе страны. В центре их сочинения — человек, личность, стоящий на страже государственной границы. Не случайно данная работа посвящена памяти пограничника — генерала Б. М. Евстратикова, погибшего в результате диверсионно-террористического акта, а по сути — всем тем, кто защищал и защищает наше Отечество.

- ¹ Боярский В. И. На страже Руси стояти. М., 1992; Плеханов А. М. Отдельный корпус Пограничной стражи России. Краткий исторический очерк. М., 1993; На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М., 1998; Скрыгин В. П., Филиппов Э. М. История Пограничной охраны и спецслужб России: Учебное пособие. СПб., 2011 и др.
- ² Административные реформы в России: история и современность / Под общ. ред. Р. Н. Байгузина. М., 2006. С. 220, 253.
- ³ Никулина Р. И. Отдельный корпус пограничной стражи (история создания и традиции) // На защите рубежей Отечества: Сборник статей научных сотрудников ЦПМ ФСБ России / Под ред. Н. Н. Берсенева. М., 2011. С. 80–82.
- ⁴ «Россия под надзором»: отчеты III Отделения 1827–1869: Сборник документов / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М., 2006. С. 23.
- ⁵ Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб., 2016. С. 13–77.
- ⁶ Ленинградский областной государственный архив в Выборге. Ф. Р-4727. Оп. 3. Д. 30. Л. 2–4.
- ⁷ Отдел специальных фондов Информационного Центра Главного Управления МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 68.
- ⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 51.
- ⁹ Иванов В. А. Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль–март 1935 г.) // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. 1998. № 6–7. С. 122.
- ¹⁰ Филиппов Э. М. Северо-Западный пограничный округ: история и современность. СПб., 2000.
- ¹¹ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД: По материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области / Авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2010. С. 268–279.
- ¹² Там же. С. 268.
- ¹³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3811. Л. 30–31.
- ¹⁴ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. С. 58–82.
- ¹⁵ Лайдинен Э. П. Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.) Изд. 2-е, доп. и испр. Петрозаводск, 2013. С. 206–207.
- ¹⁶ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 8. Оп. 25. Д. 2. Л. 366 – 366 об.
- ¹⁷ Якунин В. И., Багдасарян В. Ж., Сулакишин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. 2-е изд. М., 2009; Байрамов Ш. Б., Лукин В. Н., Михеев В. Л., Мусиенко Т. В., Пиджаков А. Ю., Смыслов Б. А. Международный терроризм: вызовы и противодействие: В 3 т. / Глав. ред. В. Л. Михеев. СПб., 2011. Т. 1: История и современность; и др.
- ¹⁸ Иванов В. А. Военная катастрофа под Ленинградом и особенности деятельности военной контрразведки НКВД летом–осенью 1941 г. // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: уроки истории: Материалы XXI Всеросс. науч. конф. (Москва, 7–8 декабря 2017 года). М., 2018. С. 240.
- ¹⁹ Иванов В. А. Политико-экономическая характеристика некоторых районов Карельского перешейка в конце 1940-х годов (по материалам спецсообщений ГО и РО МВД Ленинградской области) // Карельский перешеек в годы войны и мира: Сборник материалов конференции 12–13 декабря 2009 г., Санкт-Петербург, выставочный зал «Смольный» / Под ред. Т. В. Балт, Ю. В. Кривошеева. СПб., 2010. С. 164–197.
- ²⁰ Серов И. А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / Под ред., с коммент., прим. А. Хинштейна. М., 2017. С. 43.

References

- Administrative reform in Russia: history and modernity* / Ed. by R. N. Baiguzina. Moscow, 2006.
- BAYRAMOV S. B., LUKIN V. N., MIKHEEV V. L., MUSIENKO T. V., PIDJAKOV A. Y., SMYSLOV B. A. *International terrorism: challenges and the opposition: In 3 vols* / Chapters ed. by V. L. Mikheev. St. Petersburg, 2011. Vol. 1. History and modernity.
- BOYARSKIY V. I. *On guard Russia stand*. Moscow, 1992.
- FILIPPOV E. M. *North-Western border district: history and modernity*. St. Petersburg, 2000.
- IVANOV V. A. *Military catastrophe in Leningrad, and especially the activities of the military counterintelligence to the NKVD in summer-autumn 1941 // Historical readings in Lubyanka. The 100th anniversary of the Cheka: the lessons of history: Materials of the XXI all-Russian science. Conf. (Moscow, 7–8 December 2017)*. Moscow, 2018. P. 236–245.
- IVANOV V. A. *Operation “Former people” in Leningrad (February–March 1935)* // New hour. Russian military history journal. 1998. N 6–7. P. 118–131.
- IVANOV V. A. *Political and economic characteristics of certain areas of the Karelian isthmus in the late 1940-s (according to spetsobuvi and RO Ministry of internal Affairs of Leningrad region)* // The Karelian isthmus during the war and the world: proceedings of the conference on December 12–13, 2009 Saint Petersburg, exhibition hall “Smolny” / Ed. by T. V. Balt, Yu. V. Krivosheev. St. Petersburg, 2010. P. 164–197.
- LAIDINEN E. P. *Finnish intelligence against Soviet Russia: Special services of Finland and their intelligence activities in the North-West of Russia (1914–1939)*. Ed. 2-e, EXT. and Rev. Petrozavodsk, 2013.
- NIKULINA R. I. *Separate corps of border guards (history and traditions)* // On the protection of the borders of the Fatherland: Collection of articles by researchers of the Central Committee of the FSB of Russia / Ed. N. Berseneva. Moscow, 2011. P. 76–87.
- On guard the borders of the Fatherland. History of the border service. Brief sketch*. Moscow, 1998.
- PLEKHANOV A. M. *Separate corps of Border guards of Russia. A brief historical sketch*. Moscow, 1993.
- RUPASOV A. I., CHISTIKOV A. N. *Soviet-Finnish border. 1918–1938. Essays on history*. St. Petersburg, 2016.
- SEROV I. A. *Notes from the suitcase. Secret diaries of the first KGB Chairman, found 25 years after his death* / Ed., with comment. and approx. A. Hinstein. Moscow, 2017.
- SKRYGIN V. P., FILIPPOV E. M. *History of the Border guard and special services of Russia: textbook*. St. Petersburg, 2011.
- Winter War of 1939–1940 in documents of NKVD: On materials of Archive of Management of Federal security service of the Russian Federation on the city of St. Petersburg and the Leningrad region* / Bus.-comp. K. S. Bernev, A. I. Rupasov. St. Petersburg, 2010.
- YAKUNIN V. I., BAGHDASARYAN V. Zh., SULAKSHIN S. S. *New technologies of struggle against Russian statehood*. Monograph. 2-e izd. Moscow, 2009.

Список литературы

- Административные реформы в России: история и современность / Под общ. ред. Р. Н. Байгузина. М., 2006.
- Байрамов Ш. Б., Лукин В. Н., Михеев В. Л., Мусиенко Т. В., Пиджаков А. Ю., Смыслов Б. А. *Международный терроризм: вызовы и противодействие: В 3 т.* / Глав. ред. В. Л. Михеев. СПб., 2011. Т. 1: История и современность.
- Боярский В. И. *На страже Руси стояти*. М., 1992.
- Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД: По материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области / Авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2010.
- Иванов В. А. *Военная катастрофа под Ленинградом и особенности деятельности военной контрразведки НКВД летом–осенью 1941 г.* // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: уроки истории: Материалы XXI Всеросс. науч. конф. (Москва, 7–8 декабря 2017 года). М., 2018. С. 236–245.
- Иванов В. А. *Операция «Былые люди» в Ленинграде (февраль–март 1935 г.)* // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. 1998. № 6–7. С. 118–131.
- Иванов В. А. *Политико-экономическая характеристика некоторых районов Карельского перешейка в конце 1940-х годов (по материалам спецсообщений ГО и РО МВД Ленинградской области)* // Карельский перешеек в годы войны и мира: Сборник материалов конференции 12–13 декабря 2009 г., Санкт-Петербург, выставочный зал «Смольный» / Под ред. Т. В. Балт, Ю. В. Кривошеева. СПб., 2010. С. 164–197.

Лайдинен Э. П. Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.) Изд. 2-е, доп. и испр. Петрозаводск, 2013.

На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М., 1998.

Никулина Р. И. Отдельный корпус пограничной стражи (история создания и традиции) // На защите рубежей Отечества: Сборник статей научных сотрудников ЦПМ ФСБ России / Под ред. Н. Н. Берсенева. М., 2011. С. 76–87.

Плеханов А. М. Отдельный корпус Пограничной стражи России. Краткий исторический очерк. М., 1993.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб., 2016.

Серов И. А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / Под ред., с коммент. и прим. А. Хинштейна. М., 2017.

Скрыгин В. П., Филиппов Э. М. История Пограничной охраны и спецслужб России: Учебное пособие. СПб., 2011.

Филиппов Э. М. Северо-Западный пограничный округ: история и современность. СПб., 2000.

Якутин В. И., Багдасарян В. Ж., Сулакишин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. 2-е изд. М., 2009.

В. А. Иванов. Рецензия на книгу: Филиппов Э. М., Филиппов М. Э.

На страже государственной границы. История, подвиги: В 2 т. СПб.: Пальмира, 2018

В книге анализируются ключевые направления пограничной политики российского (советского) государства в XIX–XX вв., раскрываются основные проблемы национальной безопасности страны, связанные с охраной границы. Авторы на основе архивных и документальных источников делают попытку наиболее полной исторической реконструкции событий и явлений, отражающих всю специфику и особенности пограничного строительства, пограничной службы и участия погранвойск в войнах и военных конфликтах. Детальному анализу подвергаются организационные, кадровые, служебно-боевые и специальные вопросы, освещающие деятельность Петроградского-Ленинградского пограничного округа.

Ключевые слова: государственная граница, Северо-Запад РСФСР, Ленинградский пограничный округ, советско-финляндская война 1939–1940 гг., оборона Ленинграда, пограничники.

V. A. Ivanov. Review of the book: Filippov E. M., Filippov M. E.

On guard of the state border. History, exploits. In 2 vols. SPb.: Palmyra, 2018

The book analyzes the key directions of the border policy of the Russian (Soviet) state in the 19th–20th centuries, reveals the main problems of national security of the country associated with the protection of the border. The authors on the basis of archival and documentary sources attempt the most complete historical reconstruction of events and phenomena that reflect the specifics and features of border construction, border service and participation of border troops in wars and military conflicts. The organizational, personnel, service-fighting and special questions sanctifying activity of the Petrograd-Leningrad border district are subjected to the detailed analysis.

Key words: state border, North-West of the RSFSR, Leningrad border district, Soviet-Finnish war of 1939–1940, defense of Leningrad, border guards.

Иванов, Виктор Александрович — д.и.н., профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ассоциированный научный сотрудник (Санкт-Петербург, Россия).

Ivanov, V. A. — doctor of science, professor, honored worker of the higher school of the Russian Federation, St. Petersburg Institute of history of RAS, associate researcher (St. Petersburg, Russia).

E-mail: iva0603@mail.ru

Требования к публикации статей и материалов

- Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а.л. (для аспирантов — не более 0,5 а.л.). Объем публикуемых документов и рецензий не должен превышать 0,5 а.л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14 кеглем, сноски — 10 кеглем).
- Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.
- Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева, а также переводом заглавия статьи на английский язык.
- Сноски к тексту — концевые, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы с полным переводом ссылки на английский язык, данным в квадратных скобках.
- Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.
- Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.
- Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации/отказе в публикации/направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.
- Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.
- Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию, без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.
- До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.
- Авторы должны подписывать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».